РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORICAL AND PHILOLOGICAL SCIENCES
ARHAEOGRAPHICAL COMISSION
ST. PETERSBURG BRANCH
ST. PETERSBURG INSTITUTE OF HISTORY

AUXILIARY HISTORICAL DISCIPLINES

XXXII

Saint Petersburg

2013

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

XXXII

Санкт-Петербург

2013

ББК 63.2
В85

Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXXII. —
В85 СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2013. — 560 с. : ил.

ISBN 978-5-86007-740-9

В сборник включены статьи, в которых рассматриваются проблемы вспомогательных исторических дисциплин. Значительную часть сборника составляют работы, посвященные памяти выдающегося отечественного ученого-медиевиста О. А. Добиаш-Рождественской (1874–1939), чьи труды вошли в золотой фонд исследований по палеографии. Многие статьи связаны с изучением нарративных, хронографических, дипломатических источников Византии и средневековой Европы: Германии, Франции. Сборник содержит и материалы по истории изучения документов папской канцелярии в отечественной историографии. В ряде статьей рассматриваются сложные источниковедческие проблемы существования средневековых библиотек и истории сохранения приобретенных библиотек и древних кодексов в Новое время. Также в сборник включены статьи по отечественному источниковедению XIII–XX вв. Многие документы, использованные в статьях, хранятся в Архиве СПбИИ РАН. Все материалы публикуются впервые.

ББК 63.2

Редакционная коллегия:

М. П. Ирошников (зам. отв. редактора), чл.-корр. РАН С. М. Каштанов, чл.-корр. РАН И. П. Медведев, С. В. Мироненко, Е. К. Пиотровская (отв. секретарь), В. Н. Плешков (отв. редактор), академик РАН Н. Н. Покровский, М. Б. Свердлов, В. Г. Чернуха, А. Н. Чистиков, С. О. Шмидт, академик РАН В. Л. Янин

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 13-01-16051д

Все права защищены. Никакая часть книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая фотокопирование, размещение в Интернете и запись на магнитный носитель, без письменного разрешения владельца. Цитирование без ссылки на источник запрещено. Нарушение прав будет преследоваться в судебном порядке согласно законодательству РФ.

По вопросу разрешения и приобретения неисключительного права обращаться в редакцию издательства по e-mail: redaktor@dbulanin.ru

ISBN 978-5-86007-740-9
© Археографическая комиссия РАН, Санкт-Петербургское отделение, 2013
© Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2013
© Коллектив авторов, 2013
© ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2013

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Подготовленный к изданию очередной сборник «Вспомогательные исторические дисциплины», как и многие другие предшествующие сборники, характеризуется нестандартным содержанием.

Сборник состоит из трех разделов.

Первый раздел содержит статьи, отличающиеся источниковедческими и историографическими подходами исследования, своими корнями восходящие к направлению и школе выдающегося медиевиста О. А. Добиаш-Рождественской (1874–1939). В основном они посвящены изучению памятников Средневековья и сложившейся историографической традиции XIX–XX вв.

Во втором разделе представлены статьи, посвященные вопросам исследования и интерпретации источников, охватывающих обширный хронологический период от ветхозаветной традиции до XIX в. Во многих статьях отражены методы исследования комплексного источниковедения, генеалогии, текстологии и др.

В третий раздел включена статья, посвященная генеалогическим связям академика Н. П. Лихачева (1862–1936), стоявшего у истоков направлений отечественных вспомогательных дисциплин.

В 2012 г. исполнилось 150 лет со дня рождения ученого. К этой дате Государственный Эрмитаж вместе с коллегами из академических институтов, Библиотекой РАН и Санкт-Петербургским филиалом Архива РАН подготовили выставку «Звучат лишь письмена…», которая работала в течение трех месяцев и пользовалась необыкновенным вниманием посетителей. На ней были представлены отдельные редкие письменные памятники культуры, выполненные на разных материалах от глубокой древности до начала XX в. Именно они и могли бы составить задуманный Н. П. Лихачевым «Музей письменности всех времен и народов». Некоторые статьи из настоящего сборника написаны на материалах его уникальных коллекций, хранящихся в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН.

В 2012 г. исполнилось также 125 лет со дня рождения С. Н. Валка — первого редактора издания. С. Н. Валк неизменно высоко ценил научное наследие академика Н. П. Лихачева. Напомним, что в 1978 г. в IX томе издания «Вспомогательные исторические дисциплины» была опубликована его статья, посвященная вкладу ученого в отечественную науку и значению методов его исследований.

Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская
(1874–1939)

I

И. О. ГАЛЫНИНА

О ПРОЛОГЕ АВГУСТИНА (*CONTRA FAUSTUM* XX, 21) В ИСТОРИЧЕСКИХ МАРТИРОЛОГАХ*

I. Введение

Существует большое число исследований средневековых исторических мартирологов, как затрагивающих мартирологическую традицию в целом[1],

* Исследование было проведено при финансовой поддержке фонда Александра фон Гумбольдта (Alexander von Humboldt-Stiftung). За ценные замечания и советы моя искренняя благодарность Т. Фурер (Берлин), Л. Ольцу (Париж), Б. Нойшэферу (Гёттинген), Э. Офергаау (Берлин), Х. Шпиллинг (Штуттгарт). За внимательное редактирование статьи благодарю моих коллег В. И. Мажугу (Санкт-Петербург) и А. В. Чиркову (Санкт-Петербург).

[1] Мы приводим здесь только основную литературу: *Achelis H.* Die Martyrologien, ihre Geschichte und ihr Wert. Berlin, 1900. (Abhandlungen der Kgl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, phil.-hist. Klasse NF 3 ; 3) ; *Aigrain R.* L'hagiographie: ses sources, ses méthodes, son histoire / avec un complément bibliographie par Robert Godding ; reprod. inchangée de l'éd. originale de 1953. Bruxelles : Soc. des Bollandistes, 2000. P. 32–68. Фундаментальным, но не бесспорным исследованием исторических мартирологов является работа Анри Кантена: *Quentin H.* Les martyrologes historiques du moyen âge. Étude sur la formation du martyrologe romain. Paris, 1908. Многое для изучения мартирологов сделал Жак Дюбуа: *Dubois J.* Les martyrologes du moyen âge latin. Turnhout, 1978. (Typologie des sources du moyen âge occidental ; fasc. 26). О литургическом значении мартиролога см.: *Overgaauw E.* Martyrologes manuscrits des anciens diocèses d'Utrecht et de Liège. Étude sur le développement et la diffusion du martyrologe d'Usuard. Hilversum, 1993. P. 22–25. (Middeleeuwse Studies en Bronnen ; nr. XXX).

© Галынина И. О., 2013

так и посвященных отдельным мартирологам и их группам. Однако до сих пор не стал предметом специального исследования весьма любопытный пролог, являющийся извлечением из 21-й главы XX книги сочинения Августина *Contra Faustum Manichaeum* (*c. Faust.*, ок. 400–402)[2] и встречающийся во множестве рукописей мартирологов[3].

Исследователи мартирологов специально не занимались вопросом, почему именно текст из *c. Faust.* XX, 21 служил во многих мартирологах прологом; никем не затронут и вопрос, каким образом различается традиция этого текста в прологе у Адона Вьеннского (†875) и его современника Узуарда, монаха монастыря Сен-Жермен-де-Пре. На эти вопросы мы постараемся ответить в настоящей статье. Кроме того, мы постараемся показать, что текст Узуарда восходит через «мартиролог Лионского анонима» к Исидору Севильскому и что Адон, по всей вероятности, работал с полным текстом *Contra Faustum*, при этом использовал для пролога не только 21-ю главу, но и дополнил его отрывком из 18-й главы той же книги. На эти обстоятельства, насколько нам известно, до сих пор никто не указал.

Богатая рукописная традиция с V по XV в. и наличие большого количества сохранившихся рукописей, содержащих эксцерпты[4], позволяют

---

[2] Мы принимаем эти годы согласно последней работе Омберта, пересмотревшего общепринятые датировки некоторых сочинений Августина. *Hombert P.-M.* Nouvelles Recherches de Chronologie Augustinienne. Paris, 2000. P. 25–29. (Collection des Études Augustiniennes. Série Antiquité ; 163).

[3] В специальной литературе можно встретить лишь указания на источник заимствования в связи с описаниями конкретных памятников: *Quentin H.* Les martyrologes … P. 136: «Le martyrologe [Lyonnais du ms. lat. 3879] suit immédiatement. Il est précédé, en guise de préface, d'une page empruntée à saint Augustin (*Contra Faustum* XX, 21) et que nous retrouverons dans les rédactions suivantes: INCIPIT PROLOGUS DE VENERATIONE SANCTORUM MARTIRUM. FESTIVITATES SANCTORUM APOSTOLORUM SEU MARTIRUM *antiqui patres in veneratione mysterio celebrari sanxerunt… Honorandi sunt caritate non servitute.* EXPLICIT». *Dubois J.* Le Martyrologe d'Usuard. Texte et comm. Bruxelles, 1965. P. 18. (Subsidia Hagiographica ; 40): «Le préface *Festivitates*… est empruntée au *Contra Faustum* de Saint Augustin (L. 20, c. 21 = PL 42, col. 384–385), légèrement modifiée au début et à la fin. On y trouve dans le martyrologe anonyme lyonnais (Paris, lat. 3879) et dans ceux de Florus et d'Adon, qu'Usuard a pris pour base de son travail». *Hausmann R.* Das Martyrologium von Marcigny-sur-Loire: Edition einer Quelle zur cluniacensischen Heiligenverehrung am Ende des 11. Jh. Freiburg i. Br., 1984. S. 17. (Hochschulsammlung Philosophie; Geschichte ; Bd. 7): «…eine zweite Vorrede aus Augustinus, Contra Faustum XX, 21».

[4] В нашей базе данных собрано 213 рукописей. Из них 100 рукописей содержат полный текст и 113 рукописей — различные эксцерпты этого сочинения, которые можно подразделить на 10 тематических групп. О рукописной традиции сочинения Августина *Contra Faustum*: *Baker-Brian N.*, *Galynina I.* Contra Faustum Manichaeum //

утверждать, что сочинение *Contra Faustum* имеет громадное значение для средневекового общества на всем протяжении его истории. По количеству рукописных эксцерптов этот труд стоит в одном ряду с такими *opera magna* епископа Гиппона, как *De civitate Dei*, *Enarrationes in psalmos* и *In Ioannis evangelium tractatus* — сочинениями, наиболее часто эксцерпируемыми в Средние века[5].

Извлечение из главы *c. Faust.* XX, 21 занимает особо видное место среди ранних и в то же время наиболее распространненых эксцерптов из этого сочинения Августина. Сохранились рукописи мартирологов XIII–XIV вв., чье авторство ошибочно приписывалось традицией Августину на том основании, что это извлечение легло в основу пролога, о котором ниже и пойдет речь[6]. О литургическом значении извлечения из *c. Faust.* XX, 21 говорит тот факт, что этот текст закрепился в качестве одного из прологов действующего поныне Римского мартиролога[7].

Несколько слов о содержании XX книги *Contra Faustum* в целом. Эта книга посвящена теме обоюдного обвинения в язычестве между католиками и манихеями[8]. В *c. Faust.* XX, 1–4 Августин передает исповедание веры Фавста (*c. Faust.* XX, 1–2), который твердо уверен в том, что именно он

Pollmann K. (ed.). The Oxford Guide to the Historical Reception of Augustine. Oxford, 2013. P. 46–53 ; *Galynina I.* Die handschriftliche Überlieferung, Textgeschichte und Rezeption von Augustins Werk «Contra Faustum Manichaeum» im Mittelalter // Bibliologia. 2013. T. 32. P. 453–465.

[5] Это информация была собрана с помощью каталогов *Die Handschriftliche Überlieferung der Werke des heiligen Augustinus* (Bde. I–XI. Wien, 1969–2010. SB ÖAW 263 und 267, 276 und 281, 289, 292, 306 und 359, 601, 645, 685, 688, 791, 809, далее — HÜWA).

[6] По данным каталога HÜWA. Bd. IX/2. Wien, 2001. S. 67 (SB ÖAW 688 ; H. 20) было сложно понять, что две бернские рукописи, с которыми мы ознакомились в 2010 г., содержат в начале мартиролога текст *c. Faust.* XX, 21 и что именно по этой причине он получил имя Августина: Bern, Burgerbibliothek. Cod. 379, 32r–123v calendarium liturgicum, *tit.:* martyrologium beati Augustini qualiter recolendi sunt sancti и Cod. 418, 6r–78r calendarium liturgicum, *tit.:* Martyrologium beati Augustini. Краткое описание рукописей: *Hagen H.* Catalogus codicum Bernensium. Nachdr. der Ausg. Bern, 1875 ; Hildesheim ; New York, 1974. S. 356 [Cod. 379] ; S. 373 [Cod. 418].

[7] Современный официальный *Martyrologium Romanum* был издан по поручению папы Григория XIII в 1584 г. Улучшенное издание 1922 г. (Бенедикта XV) было подвергнуто сильной критике (Analecta Bollandiana. 1924. T. 42. P. 387–406). Cf.: *Saxer V.* Martyrologien // Lexikon für Theologie und Kirche. Freiburg [u. a.], 1997. Bd. VI. Sp. 1445–1447. Последние издания: Roma, 1948; 1956.

[8] Хорошее введение в латинские источники по манихейству, главными из которых были сочинения Августина: *Хосроев А. Л.* История манихейства (Prolegomena). Источники и исследования. СПб., 2007. С. 43–48.

сам является истинным христианином, а Манихейская церковь — истинным христианством[9]. По мнению Фавста, Католическая церковь, которую представлял Августин, а с ней вместе и иудейство являют собой не отступление от того истинного христианства, представителем которого мыслил себя сам Фавст, а лишь некоторое отступление от язычества: *quare constat vos atque Iudaeos schismata esse Gentilitatis* (*c. Faust.* XX, 4)[10].

Христиан, а по его определению, «полуязычников» Фавст обвинял в том, что они во всем остались подобными язычникам: «Жертвоприношения вы заменили вечерями любви, идолов — мучениками, которым вы молитесь, как они молятся своим идолам. Вы ублажаете тени умерших вином и хлебом. Вы соблюдаете те же праздники, что и язычники; например, календы и солнцестояния. В своем образе жизни вы ничего не изменили. <…> Вы такие же, как и ваши предшественники иудеи, которые отделились от язычников, но отличаются только отсутствием идолов; храмы же, жертвоприношения, алтари, жречество и всякое священническое служение практиковали, следуя тому же обряду, но намного более суеверно, чем язычники» (*c. Faust.* XX, 4). В качестве главного обвинения в близости к язычникам, полагающим, «что Богу нужно поклоняться алтарями, и святилищами, и идолами, и жертвоприношениями, и благовониями» (*c. Faust.* XX, 3), Фавст выдвигает свое осуждение католического поклонения мученикам (*c. Faust.* XX, 4).

На эти обвинения Августин ответил в следующих главах той же XX книги (*c. Faust.* XX, 5–23), среди которых для нас представляет особый интерес 21-я глава. Августин здесь особенно подробно разъясняет традицию христианского евхаристического жертвоприношения Богу на мощах мучеников, объясняет различия между жертвоприношениями язычников и евреев и защищает истинный культ почитания мучеников.

Для Августина было важно защитить культ мучеников от нападок манихеев, тогда как в Средние века этот текст послужил важным литургическим[11] обоснованием для празднования дней памяти мучеников.

---

[9] *Wurst G.* Bemerkungen zum Glaubensbekenntnis des Faustus von Mileve (Aug., *Contra Faustum* 20,2) // Studia Manichaica, IV. Internat. Kongreß zum Manichäismus, Berlin, 14.–18. Juli 1997 / hrsg. von R. E. Emmerick u. a. Berlin. S. 649–651. (BBAW, Sonderband ; 4).

[10] Ibid. S. 651–652.

[11] Согласно Мартину Клёкенеру (университет Фрибург, Швейцария), глава *c. Faust.* XX, 21 является одним из источников для евхаристической молитвы в североафриканской литургии в период поздней христианской античности. *Klöckener M.* Das Eucharistische Hochgebet in der nordafrikanischen Liturgie der christlichen Spätantike // *Gerhards A.* (ed.). *Prex Eucharistica* III. Studia. Pars prima: Ecclesia antiqua et occidentalis. *Spicilegium Friburgense*. T. 42. Fribourg, 2005. S. 99f.

II. От Исидора Севильского к мартирологам

II.1. Исидор Севильский и De ecclesiasticis officiis

История извлечения из *c. Faust.* XX, 21 восходит к Исидору Севильскому (ок. 560–636), который первым процитировал длинный пассаж из этой главы в сочинении *De ecclesiasticis officiis* (*eccl. off.*) I, 35, 1–5. Весьма важный для истории литургии труд Исидора состоит из двух книг и относится к его ранним работам. Книга была ответом на насущные нужды раннесредневекового духовенства и стала основой для всех остальных литургических сочинений Средневековья[12]. В первой книге Исидор разъясняет части богослужения, как святой мессы, так и литургии часов, говорит о главных праздниках церковного года, днях почитания мучеников, подробно обсуждает время постов.

Исидор озаглавил 35-ю главу первой книги *De festivitatibus martyrum*. Эта глава является компиляцией из двух сочинений Августина: *Contra Faustum* и *De vera religione* (*ver. rel.*). Исидор процитировал значительную часть 21-й главы XX книги *Contra Faustum*, опустив начало главы Августина с изложением мнения Фавста и почти всю вторую часть этой главы, где проводится различие между религозной практикой христиан, язычников и иудеев. Сравним текст Августина (левая колонка)[13] с главой Исидора *De festivitatibus martyrum* (правая колонка)[14] (табл. 1).

Таблица 1

Августин *c. Faust.* XX, 21 (CSEL 25/1, 561–565)	**Исидор Севильский** *De ecclesiasticis officiis* I, 35, 1–5: *De festivitatibus martyrum* (CCSL 113, 40–42 / ed. Chr. M. Lawson)
Populus autem Christianus memorias martyrum religiosa solemnitate concelebrat et	Festiuitates apostolorum seu in honore martyrum solemnitates <u>*antiqui patres*</u> in venerationis mysterio celebrari sancxerunt, vel

[12] *Brunhölzl F.* Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters. München, 1975. Bd. 1. S. 85–86. О литургическом значении этого сочинения: *Eisenhofer L.* Handbuch der katholischen Liturgik : 2 Bde. Freiburg i. Br., ^{2}1932. S. 120.

[13] Текст *Contra Faustum* приводится по изданию Йозефа Зихи (Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. Vol. 25/1. Wien, 1891; далее — CSEL 25/1), текст *De vera religione* — по изданию в Corpus Christianorum. Series Latina ; 32 (далее — CCSL 32) : *Augustinus*. De doctrina Christiana. De vera religione / ed. K. D. Daur, J. Martin. Turnhout, 1962. P. 256–258.

[14] Текст Исидора приводится по новейшему изданию Хр. М. Лоусона: *Isidorus Hispalensis*. De ecclesiaticis officiis / ed. C. M. Lawson. Turnhout, 1989. P. 40–42. (CCSL 113).

ad excitandam imitationem et ut meritis eorum consocie**tur** atque orationibus adiuve**tur**, ita tamen, ut nulli martyrum, sed ipsi Deo martyrum, quamvis in memoriis martyrum, constituamus altaria.	ad excitandam imitationem, vel ut meritis eorum consocie**mur** atque orationibus adiuve**mur**; ita tamen ut nulli martyrum sed ipsi Deo martyrum, quamvis in memoriis martyrum, constituamus altaria.
Quis enim ant**i**stitum in locis sanctorum corporum assistens altari aliquando dixit: offerimus tibi, Petre, aut Paule, aut Cypriane, sed quod offertur, offertur Deo, qui martyres coronavit, apud memorias eorum quos coronavit,	
ut ex ipsorum locorum admonitione maior affectus exsurgat ad acuendam caritatem et in illos, quos imitar**i** *possumus*, et in **illum** quo adiuvante **possumus**.	**quod** ex ipsorum locorum admonitione maior affectus exsurgat ad acuendam caritatem et in illos quos imitar**e** *possumus*, et in **illo** quo adiuvante **possimus**.
Colimus ergo martyres eo cultu dilectionis et societatis, quo et in hac vita coluntur sancti homines Dei, quorum cor ad talem pro euangelica veritate passionem paratum esse sentimus.	
Sed illos tanto devotius, quanto securius post certamina omnia superata, quanto etiam fidentior**e** laude praedicamus iam in vita felicior**e** victores, quam in ista adhuc usque pugnantes. At illo cultu, quae Graece latreia dicitur, Latine uno verbo dici non potest, cum sit quaedam proprie divinitati debita servitus, nec colimus, nec colendum docemus, nisi unum Deum. Cum autem ad hunc cultum pertineat oblatio sacrificii, unde idolatria dicitur eorum, qui hoc etiam idolis exhibent, nullo modo *tale aliquid* offerimus, aut offerendum praecipimus, vel cuiquam martyri, vel cuiquam sanctae animae, vel cuiquam angelo: et quisquis in hunc errorem delabitur, corripitur per sanam doctrinam, sive ut corrigatur, sive ut caveatur. **Etiam** ipsi **enim** sancti, vel homines, vel Angeli, exhiberi sibi nolunt, quod uni Deo deberi norunt.	sed illos tanto devotius quanto securius post incerta omnia superata. Quanto etiam fidentior**i** laude praedicamus iam in vita felicior**i** uictores quam in ista adhuc usque pugnantes. At **vero** illo cultu, quae graece «latria» dicitur, latine uno verbo dici non potest, cum sit quaedam proprie divinitati debita servitus, nec colimus nec colendum docemus nisi unum Deum. Cum autem ad hunc cultum pertineat oblatio sacrificii (unde idolatria dicitur eorum qui hoc etiam idolis exhibent), nullo modo *aliquid tale* offerimus aut offerendum praecipimus vel cuiquam martyri vel cuiquam sanctae animae vel cuiquam angelo; et quisquis in hunc errorem delabitur, corripitur per sanam doctrinam sive ut corrigatur sive ut caveatur; **dum etiam** ipsi sancti vel homines vel angeli exhiberi sibi nolunt quod uni Deo deberi norunt.

Apparuit hoc in Paulo et Barnaba, cum commoti miraculis, quae per eos facta sunt Lycaonii, tanquam diis immolare voluerunt: conscissis enim vestimentis suis, confitentes et persuadentes se deos non esse, ista sibi fieri vetuerunt: Apparuit et in Angelis, sicut in Apocalypsi legimus, angelum se adorari prohibentem, ac dicentem adoratori suo, *Conseruus tuus sum et fratrum tuorum* (Apoc 22:9)	
om.	***Deum adora***.
De vera religione 55, 110 (CCSL 32, 258)	
Recte itaque scribitur, hominem ab angelo prohibitum ne se adoraret, sed unum Dominum sub quo ei esset et ille conservus (Cf.: Apoc 22:8–9).	Recte itaque scribitur homini ab angelo prohibitum esse adorare se sed unum Deum, sub quo ei esset et ille conservus.
De vera religione 55, 108 (CCSL 32, 256)	
Non sit nobis religio cultus hominum mortuorum: quia si pie vixerunt, non sic habentur ut tales quaerant honores; sed illum a nobis coli volunt, quo illuminante laetantur meriti sui nos esse consortes (Cf.: Apoc 19:10).	Non ergo sit nobis ille divinae religionis cultus in angelos aut martyres, quia non sic habentur ut tales quaerant honores ut Deus; quia nec ipsi volunt se coli pro Deo, sed illum a nobis coli volunt quo inluminante laetantur.
De vera religione 55, 108 (CCSL 32, 256)	
Honorandi ergo sunt propter imitationem, non adorandi propter religionem.	<u>Honorandi sunt</u> ergo martyres propter imitationem, non adorandi propter religionem,
De vera religione 55, 110 (CCSL 32, 258)	
Quare honoramus eos caritate, non servitute.	**<u>honorandi</u>** caritate, non servitute.

Исидор внес совсем немного изменений в цитируемые им тексты Августина. Несмотря на длинную цитату из *Contra Faustum* и отрывки из *ver. rel.*, он не ссылается на Августина. Перефразировав его слова в первом предложении (см. табл. 1), Исидор дает общую ссылку на Отцов Церкви, труды которых служили важнейшим источником для его сочинений: *Festivitates apostolorum seu in honore martyrum solemnitates: <u>antiqui patres</u> in venerationis mysterio celebrari sancxerunt* (*Древние отцы*

постановили почитать праздники Апостолов и торжества в честь мучеников в тайне почитания). Следуя общей традиции, Исидор очень редко дает точное указание на свои часто дословно списанные источники[15], обычно приводя анонимные ссылки: *quidam sapientium*, *quidam prudentium*, *sancti patres*, *maiores nostri*; *doctores nostri*; в нашем случае — *antiqui patres*[16].

Кроме того, Исидор изменяет у Августина глаголы: *consocie**tur*** и *adiuve**tur*** на первое лицо мн. ч.: *consocie**mur*** и *adiuve**mur***. Августин опровергает манихейские обвинения в язычестве и объясняет учение Церкви, как бы с неависимой позиции противопоставляя христианский народ манихеям. В отличие от Августина Исидор написал свою книгу уже в другом историческом контексте. Он составил предписания для клира, частью которого являлся и он сам, с указаниями на авторитетные постановления Отцов Церкви.

Окончание своей главы Исидор составляет на основе четырех небольших отрывков из двух разных глав *ver. rel.* (55, 110 и 108), завершая собственную главу перефразированными словами Августина: *Quare honoramus eos caritate, non servitute* (см. табл. 1), где он изменил *quare honoramus* на *honorandi*, повторив герундивную конструкцию Августина из предыдущего процитированного им предложения.

II.2. Рабан Мавр и De institutione clericorum

Рабан Мавр (ок. 780–856) написал сочинение в трех книгах *De institutione clericorum* (*inst. cler.*)[17] в 819 г.[18] Исследователи расходятся в своих мнениях

---

[15] Подробнее о литературных источниках для Исидора и методах его работы: *Lawson A. C.* The Sources of the *De ecclesiasticis officiis* of S. Isidore of Seville // Revue Bénédictine (далее — RB). 1938. T. 50. P. 26–36.

[16] Однако нужно отметить, что, согласно электронной базе текстов Library of Latin Textes (Turnhout : Brepols Publishers, 2002. Inquisitio in vol. II), это единственный случай у Исидора, когда он употребляет *antiqui patres*. Что, например, было в обычае у Григория Великого, у которого *antiqui patres* встречается 14 раз.

[17] О Рабане Мавре и его сочинении см. критическое издание Детлева Цимпеля: *Zimpel D.*: 1) Studien und Edition // *Zimpel D.* (ed.). Hrabanus Maurus' De institutione clericorum libri tres. Frankfurt a. M. u. a., 1996. (Freiburger Beiträge zur mittelalterlichen Geschichte ; 7) ; 2) Einleitung // Fontes Christiani (далее — FC). 61/1–2. Turnhout : Brepols, 2006. Кроме того, в исследовании мы учитывали PL 107, 293–420 и издание Кнёпфлера: *Knoepfler A.* (Hrsg.). Rabani Mauri de Institutione Clericorum // Veröffentlichungen aus dem Kirchenhistorischen Seminar München. München, 1900. Nr. 5 (далее — VKHSM 5).

[18] О дате написания *De institutione clericorum* см.: *Zimpel D.*: 1) Studien … S. 34 ; 2) Einleitung … S. 16–25. О причине и цели написания сочинения: *Zimpel D.* Studien … S. 33.

о Рабане: одни считают его только хорошим компилятором[19], другие не отказывают ему в оригинальности мысли[20]. Во второй книге *inst. cler.* речь идет о литургии часов, постах и постных днях, исповеди и покаянии, главных церковных праздниках, чтениях и пении псалмов и гимнов во время литургии, о Св. Писании и авторах библейских книг, о символе веры и в заключение — о различных ересях. В главе о праздниках святых Рабан особо указывает на то, что на алтарях святых и мучеников возносятся молитвы, но поклоняются не им, а самому Богу[21]. Это как раз и было главной мыслью Августина, и именно благодаря ей глава из *Contra Faustum* получила такое распространение в Средние века. Без сомнения, Рабан заимствовал интересующее нас извлечение из *c. Faust.* XX, 21 у Исидора, сочинения которого Рабан чаще других цитировал в *inst. cler.*[22] Рабан полностью воспроизводит главу из *eccl. off.* Исидора о праздниках мучеников, но дополняет ее другими цитатами в характерной для него манере[23].

Рабан почти ничего не изменил в тексте Исидора и принял извлечение из *c. Faust.* XX, 21 вместе с тем же общим указанием на источник — *antiqui patres* — и с теми же реминисценциями из *ver. rel.* в изложении Исидора. Однако он озаглавил главу иначе, чем Исидор: *De festivitatibus sanctorum*, заменив *мучеников* (*martyrum*) на *святых* (*sanctorum*), поскольку к IX в. уже сложилась богатая традиция причисления к лику

---

[19] Кнёпфлер обозначил это сочинение как чистую компиляцию. *Knoepfler A.* // VKHSM 5. S. XVIII ; *Brunhölzl F.* Zur geistigen Bedeutung des Hrabanus Maurus // Hrabanus Maurus, Lehrer Abt und Bischof / hrsg. von R. Kottje und H. Zimmermann. Mainz ; Wiesbaden, 1982. S. 2. (Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse, Einzelveröffentlichung ; 4) ; *Lehmann P.* Zu Hrabans geistiger Bedeutung // Erforschung des Mittelalters. Ausgewählte Abhandlungen und Aufsätze. Stuttgart, 1960. Bd. 3. S. 204 mit Tafeln nach 208 ; *Holtkemper F.-J.* Kompilation und Originalität bei Hrabanus Maurus // Pädagogische Blätter: Heinrich Döpp-Vorwald zum 65. Geburtstag / hrsg. von F.-J. Holtkemper. Ratingen bei Düss. : Henn, 1967. S. 58–75.

[20] «Die Lehrschrift kann zwar nicht als *originelle geistige Leistung* gelten; sie wird jedoch wegen ihres umfassenden Inhalts allgemein als Hrabans bedeutendstes Werk bezeichnet» (*Rissel M.* Rezeption antiker und patristischer Wissenschaft bei Hrabanus Maurus. Studien zur karolingischen Geistesgeschichte. Frankfurt, 1976. S. 10). Это мнение пересмотрел Цимпель: «…die Vorwürfe einer wenig originellen Leistung und verständnislosen Kompilation bedürfen einer Revision» (*Zimpel D.* Einleitung … S. 59–60, 69–70), подробно в главе о рабочем методе Рабана: *Zimpel D.* Studien … S. 62–94.

[21] *Zimpel D.* Einleitung … S. 36.

[22] Об Исидоре у Рабана: *Zimpel D.* Studien … S. 45–48.

[23] *Rissel M.* Rezeption antiker … S. 182.

святых не одних только страстотепцев, как это было в первые столетия христианства[24].

Кроме того, Рабан дополнил главу о праздниках святых другими важными источниками — из книги *Liber pontificalis* сообщениями о постановлениях римских пап Феликса I (269–274) и Григория Великого (590–604)[25] — и закончил эту главу анонимной короткой цитатой из проповеди Беды Достопочтенного на Евангелия (*Homiliarum evangelii libri duo* II, 13)[26].

В издании Миня источники Рабана отмечены не были[27], за исключением указания на цитату из Августина («*August. de Civit. Dei*») после слов Исидора «*antiqui patres in venerationis mysterio celebrare sanxerunt*», которыми тот вводит извлечение из *c. Faust.* XX, 21. Очевидно, в этом месте относительно почитания мучеников издатель вспомнил другой августиновский текст, где речь идет о мучениках, — *De civitate Dei* XXII, 10, 30–31. Кнёпфлер был первым, кто снабдил критическим аппаратом свое издание *De institutione clericorum* (1900–1901), указав на источники Рабана. Пассаж «*Festivitates apostolorum — honorandi caritate, non servitute*» он сопроводил ссылкой на Исидора и предложил сравнить это место с *c. Faust.* XX, 21 Августина[28]. Цимпель, автор нового издания трактата Рабана Мавра, опирающийся на новое же издание Исидора (в серии CCSL 113), уточнил все источники Рабана в своем аппарате, указав и на *ver. rel.* Августина как на один из первоисточников[29]. Коснувшись же содержащегося у Исидора и Рабана извлечения из *Contra Faustum*,

---

[24] *Vauchez A.* Heilige, I. Heiligkeit // Lexikon des Mittelalters (далее — LexMA). München, 1989. Bd. 4. Sp. 2014–2015 ; *Daxelmüller Ch.* Heilige, II. Heiligenverehrung // LexMA 4. Sp. 2015–2017.

[25] Об этом подробнее: *Zimpel D.* Studien … S. 27, Fußnote 127, S. 56 ; FC 61/2. S. 54–55. Cf.: *Liber Pontificalis* 1, 158 и 312 // *Duchesne L.* (éd.). Le «Liber pontificalis» : 2 Bde. Paris, 1886 ; 1892.

[26] Beda Venerabilis Homiliarum evangelii libri duo // Beda Venerabilis. Opera homiletica. Opera rhythmica / eds. D. H. Hurst, J. Fraipont. Turnhout, 1955. P. 267–271. (CCSL 122). О Беде у Рабана: *Zimpel D.* Studien … S. 48–50.

[27] PL 107, 356–357. Минь перепечатал издание *Institutio clericorum* George Colvener (1626/1627). *Zimpel D.* Studien … S. 150.

[28] *Knoepfler A.* // VKHSM 5. S. 144–146, 285, 288. Кнёпфлер называет первым источником Рабана для *De institutione clericorum* II, 43 Исидора Севильского (*De ecclesiasticis officiis.* I, 34). Что же касается Августина, в *Index Auctorum* он обозначает *Contra Faustum* астериском * <Asteriscus notat> как «sententias non ad verbum ex auctoribus desumptas». Для пассажей из *De vera religione* Кнёпфлер дал ошибочную ссылку на письмо Григория I к епископу Марсельскому Серену 599 г.: Gregorii I Papae Registrum epistolarum / ed. L. M. Hartmann. Berolini, 1893. T. II, pars I. P. 195.

[29] *Zimpel D.* Studien … S. 399–400.

Цимпель без видимого основания укоротил, однако, заимствованный у Августина текст — *ad excitandam imitationem, vel* ***ut*** *meritis eorum consociemur atque orationibus adiuvemur; ita tamen* ***ut*** *nulli martyrum sed ipsi Deo martyrum, quamvis in memoriis martyrum, constituamus altaria*, — предлагая сравнить его слова, начиная лишь со второго ut[30]. Почему Цимпель исключил из цитаты слова Августина *ad excitandam imitationem vel ut meritis eorum consociemur atque orationibus adiuvemur ita tamen* (см. табл. 1), в которых Исидор изменил только лицо глагола, остается не ясным[31].

II.3. Contra Faustum XX, 21 в мартирологах

Христианская традиция почитания мучеников, обоснование которой дает Августин в *c. Faust.* XX, 21, выразилась в числе прочего в составлении мартирологов — письменных перечней имен священномучеников и исповедников в соответсвии с календарным порядком празднования их памяти. Что представляли из себя мартирологи раннего Средневековья можно заключить из папского послания, дополняющего приведенное Рабаном свидетельство из *Liber Pontificalis.* Григорий Великий сообщает в письме епископу Александрийскому Евлогию: «У нас же собраны имена почти всех мучеников в одной книге с распределением их мученических подвигов по дням, и в почитание их мы ежедневно совершаем мессу. В этом томе, впрочем, не указано, каким образом кто претерпел мученичество, но отмечены только имя, место и день мученичества»[32]. Подобный перечень, составленный с практической целью для использования в литургии, противопоставляется Григорием Великим собранию житий (*martyrum gesta*), подготовленному знаменитым автором «Церковной истории» Евсевием Кесарийским. В VIII–IX в., однако, появляется примиряющий оба этих направления особый тип исторического или нарративного мартиролога, где к традиционному календарному перечню имен добавляются короткие жизнеописания отдельных святых и/или истории их почитания[33]. У истоков такого исторического мартиролога

---

[30] «ut² — (29) tuorum *vgl. a. Augustin, Contra Faustum 20, 21*» (*a* = ed. Iohannes Grialius, 1599). *Zimpel D.* (ed.). Hrabanus … P. 399.

[31] Об Августине у Рабана в целом: *Zimpel D.* Studien … S. 41–43. Цимпель дает здесь другие примеры заимствования Рабаном Августина через Исидора.

[32] «Nos autem paene omnium martyrum distinctis per dies singulos passionibus collecta in uno codice nomina habemus atque cotidianis diebus in eorum veneratione missarum sollemnia agimus. Non tamen in eodem volumine, quis qualiter sit passus, indicatur, sed tantum modo nomen, locus et dies passionis ponitur» (Gregorii I Papae Registrum epistolarum … P. 29).

[33] Подробно о составе и рукописной традиции исторических мартирологов: *Quentin H.* Les martyrologes … ; *Dubois J.*: 1) Les martyrologes … ; 2) Martyrologium //

стоит автор «Церковной истории народа англов» Беда Достопочтенный (†735). Вероятно, именно он создал образец для составления исторического мартиролога, который, по всей видимости, до него не существовал. В мартирологе Беды нет интересующего нас текста Августина.

Вторым историческим мартирологом стал так называемый «мартиролог Лионского анонима», деятельность которого приходилась на первые годы IX в. Он расширил основательно мартиролог Беды. Сохранилось очень мало рукописей, содержащих его мартиролог. Самой важной из них является Парижская рукопись IX в. (Paris, BNF. Ms. lat. 3879), о которой подробнее будет сказано в следующем подразделе.

Во второй четверти IX в. «мартиролог Лионского анонима» лег в основу мартиролога диакона Флора Лионского (ок. 810–860), существенно переработовшего мартиролог своего предшественника и расширившего его путем добавления 321 новой записи. Сохранилось несколько десятков рукописей с мартирологом Флора, большинство из которых датируется IX–XI вв.[34] В Лионе работал и Адон (799–875), бенедиктинский монах, впоследствии посвященный в епископы Вьенны. В период между 853 и 860 г., до своего избрания на вьеннскую кафедру, он составил собственный мартиролог, сделав почти 200 новых добавлений к мартирологу Флора, многое основательно переработав[35].

Ту же линию продолжает Узуард (†877), монах из парижского аббатства Сен-Жермен-де-Пре, чей мартиролог получил наибольшее распространение и начиная с XII в. почти повсюду вытеснил мартирологи Беды, Лионского анонима, Флора и Адона[36]. Две редакции мартиролога Узуарда получили наибольшее распространение вскоре после составления мартиролога Адоном Вьеннским, т. е. в 60-е гг. IX в.[37] Узуард сократил

LexMA. München ; Zürich, 1993. Bd. 6. Sp. 357–360. В последние десятилетия очень тщательно занимался изучением мартирологов Ээф Овергау. В его работах даны хорошие введения в историю рукописной традиции средневековых исторических мартирологов. *Overgaauw E.*: 1) Die ältesten Martyrologien der Diözese Hildesheim // Vom Kloster zum Klosterverband: Das Werkzeug der Schriftlichkeit. Akten des Internationalen Kolloquiums des Projektes L 2 im SFB 231 (22.–23. Februar 1996) / hrsg. von H. Keller u. F. Neiske. München, 1997. S. 118–121 ; 2) Martyrologes manuscrits des anciens diocèses … P. 19–78.

[34] *Overgaauw E.* Die ältesten Martyrologien … S. 119 (Anm. 4) ; *Quentin H.* Les martyrologes … P. 131–243.

[35] *Overgaauw E.* Die ältesten Martyrologien … S. 119–120.

[36] «Die Vereinheitlichung der liturgischen Bücher war dazu die wichtigste Voraussetzung» (*Overgaauw E.* Die ältesten Martyrologien … S. 121–122).

[37] Подробнее о редакциях мартиролога Узуарда и научной дискуссии с Жаком Дюбуа: *Overgaauw E.* Les deux recensions de la lettre-préface d'Usuard à Charles le Chauve et les trois recensions de son martyrologe // Archivum latinitatis medii aevi. 1988/89. Bd. 48/49. P. 85–101.

чрезмерно длинные дополнения Адона, добавил 324 новые записи и более чем 200 переработал. Рукописи, восходящие к мартирологу Узуарда по всей Европе исчисляются сотнями, тогда как позднесредневековые мартирологи, восходящие к его предшественникам, весьма редки.

В мартирологе, составленном самим Бедой, интересующий нас отрывок из *c. Faust.* XX, 21 не приводится. Пролог, основанный на фрагменте полемического сочинения Августина, впервые появляется у Лионского анонима и закрепляется в более поздних расширенных редакциях исторического мартиролога IX в. Однако имя английского историографа было настолько тесно связано в сознании средневековых переписчиков с традицией мартиролога, что авторство самого пролога нередко приписывалось Беде Достопочтенному[38].

Contra Faustum XX, 21 в «мартирологе Лионского анонима»

Анри Кантен, автор фундаментальной монографии об исторических мартирологах Средневековья, считает, что «мартиролог Лионского анонима» был создан до 806 г. в Лионе[39]. Самой ранней и близкой по времени к автору мартиролога является рукопись из собрания Национальной библиотеки Франции: Paris, BNF, ms. lat. 3879 (рис. 1), написанная, согласно Кантену, в первой половине IX в.[40] По мнению Бернхарда Бишофа, эта рукопись была написана на юге Франции во второй или третьей четверти IX в.[41]

Кодекс, прежде всего, известен благодаря собранию текстов по каноническому праву *Collectio canonum Dacheriana*[42] (собрание названо

---

[38] Есть много рукописей XIV–XVI вв. с мартирологом Узуарда, которые дают следующий заголовок пролога Августина: «Praefatio que in pluribus libris ascribitur Bede super opere martyrologii, plures autem ipsam excerptam dicunt ex libris beati Augustini». Например: Berlin, SBB-PK. Ms. theol. lat. qu. 281 (f. 7r), s. XV$^{2/2}$; Berlin, SBB-PK. Ms. Ham. 646 (f. 9r), s. XV$^{2/2}$; Ms. Ham. 647 (f. 3r), s. XIV ; С.-Петербург, РНБ. Ф. 955. Оп. 2. № 85, XVI в. (1568). Другой пример дает рукопись из монастыря Оттобойрен: Stuttgart, WLB. Cod. Don. 654, s. XII (ann. 1160–1173), в которой не только пролог, но и сам мартиролог Узуарда озаглавлены именем Беды: f. 22rv Praefatio martyrologii Bede presbyteri de regeneratione sanctorum, ff. 22v–91v Incipit martyrologium Bede presbyteri, sequitur Martyrologium Usuardi.

[39] Одним из аргументов является то, что святые из Лиона доминируют в сравнении с остальными французскими святыми. *Quentin H.* Les martyrologes … P. 219–221 ; *Aigrain R.* L'hagiographie … P. 56.

[40] *Quentin H.* Les martyrologes … P. 136.

[41] За эти данные я благодарю Б. Эберспергер (Мюнхен), которая в настоящее время готовит третью часть каталога Б. Бишофа *Katalog der festländischen Handschriften des 9. Jahrhunderts* и прислала мне копию записей, сделанных Бишофом к этой рукописи.

[42] *Maassen F.* Geschichte der Quellen und der Literatur des canonischen Rechts im Abendlande bis zum Ausgange des Mittelalters. Graz u. a., 1870. Bd. 1. S. 838.

Dacheriana по имени первого и единственного его издателя Люка Д'Ашери[43]). Однако Парижская рукопись содержит канонические тексты (*canones poenitentiales*, ff. 1r–67v,18) без вступительной части[44]. За ними сразу следует интересующий нас анонимный пролог из Августина *c. Faust.* XX, 21 (67v,19–68r,27), затем сам «мартиролог Лионского анонима» (68r,28–96v,6). Заканчивается рукопись извлечениями из книги Евхерия Лионского (†ок. 449) *Liber formularum* (96v,7–104v,31)[45] и из обсуждаемой выше работы Исидора Севильского *De ecclesiasticis officiis* II, 1–13 (105r,1–111v,31). Губерт Мордек приводит список 51 рукописи, содержащей *Collectio canonum Dacheriana*, в котором он сообщает, что Парижская рукопись BNF, ms. lat. 3879 была написана на юге Франции и не имеет вступления к содержащимуся в ней каноническому собранию[46]. Однако из регистра рукописей становится известным, что в Лионе была написана еще одна рукопись *Collectio canonum Dacheriana* без вступительной части[47]. Согласно Мордеку «Коллекция канонов Дахериана» (*Collectio canonum Dacheriana*) была составлена около 800 г. По его мнению, многое говорит в пользу того, чтобы «приписать авторство этого канонического собрания одному из величайших людей того времени Агобарду Лионскому»[48].

Среди 22 рукописей, содержащих корпус текстов по каноническому праву «Дахериана», Маасен называет интересующую нас Парижскую рукопись под № 1: «Cod. Lat. Paris. 3879 (Colb. 866, Reg. 3887) in folio, f. 1–67v saec. IX. Die Vorrede fehlt. Die Sammlung schließt mit Lib. III. cap. 150, der Ausg. (hier CLI), ohne dass ein Defect der Handschrift vorläge».

[43] *d'Achery L.* (ed.). Veterum aliquot scriptorum, qui in Galliae bibliothecis, maxime Benedictinorum, latuerant, spicilegium] Vetervm Aliqvot Scriptorvm, Qui in Galliae Bibliothecis, maxime Benedictinorum latuerant, Spicilegivm. T. 11 : Collectionem antiquam Canonum Poenitentialium tribus libris distinctam et al. Parisiis : Savreux, 1672.

[44] Вплоть до *Lib.* III, *Cap.* 151: *tit.*: CLI. Ut Metropolitanis iura seruentur, *des.*: aut negligentia aut sumptione discedant. *d'Achery L., La Barre L.-F.-J. de* (ed.). Spicilegium sive collectio veterum aliquot scriptorum qui in Galliae Bibliothecis delituerant. Paris, 1723. Bd. 1. P. 512–563.

[45] PL 50, 729–772.

[46] *Mordek H.* Kirchenrecht und Reform in Frankreich: die Collectio Vetus Gallica, die älteste systematische Sammlung der fränkischen Gallien : Studien und Edition. Berlin, 1975. S. 261–263. (Beiträge zur Geschichte und Quellenkunde des Mittelalters ; Bd. 1).

[47] Это кодекс *Montpellier, Bibl. Univ. (Méd.)*, ms. 301. MORDEK, *Kirchenrecht und Reform*, S. 262. По мнению Бишоффа, рукопись была создана в 3-й четверти IX в. в области Лиона, ср.: *Bischoff B.* Katalog der festländischen Handschriften des 9. Jhs (mit Ausnahme der wisigotischen). Teil II : Laon — Paderborn. Wiesbaden : Harrasowitz Verlag, 2004. Nr. 2854.

[48] *Mordek H.* Kirchenrecht und Reform … S. 13, 259–262. Согласно Мордеку самой ранней сохранившейся «Дахериана»-рукописью является кодекс, датируемый

Исследования Мордека могут дать еще один аргумент в пользу того, что Парижская самая ранняя рукопись «мартиролога Лионского анонима» (BNF. Ms. lat. 3879) могла быть создана в Лионе или в окружении Лиона, где позже Флор Лионский и Адо Вьеннский также работали над своими мартирологами.

Выше было сказано, что согласно Кантену извлечение из *c. Faust.* XX, 21 появилось впервые в «мартирологе Лионского анонима» и оно также содержится в упомянутой Парижской самой ранней рукописи[49]. Однако Кантен ничего не сообщает об источниках этого августиновского пролога, в котором начало и конец весьма похожи на главу Исидора *De ecclesiasticis officiis* I, 35, 1–5 и включают те небольшие изменения текста *c. Faust.* XX, 21, которые произвел Исидор (табл. 2).

Сравним тексты Исидора (полный текст см. в табл. 1) и Лионского анонима.

Таблица 2

	Исидор Севильский *De ecclesiasticis officiis* I, 35, 1–5 (CCSL 113, 40–42): *De festiuitatibus martyrum*	**«Мартиролог Лионского анонима»** Paris, BNF, ms. lat. 3879 (ff. 67v–68v)
	Festivitates apostolorum seu in honore martyrum solemnitates:	DE VENERACIONE SCORUM MARTIRUM FESTIUITATES **SANCTORUM** APOSTOLORUM SEU MARTIRUM INCIPIT PROLOGUS.
	antiqui patres in venerationis mysterio celebrari sancxerunt uel	*Antiqui patres* in uenerationis **martyrio** celebrari sanxerunt uel
Аппарат		apostolorum *add.* Sanctorum in honore *om.* solemnitates *om.* mysterio] martyrio

805 г. (Köln 122), который, однако, не может быть самым первым кодексом этого собрания. Весьма близкой к прототипу «Дахерианы» является одна ранняя рукопись, написанная в Лионе: Vatikan, BAV. Reg. Lat. 446.

[49] Кантен приводит подробное описание рукописи (P. 136–221); однако не приводит транскрипцию пролога (см. сноску 3), и ознакомиться с ним мы смогли только после получения цифровой копии необходимых листов рукописи из Национальной библиотеки Франции. Затем нам удалось осмотреть эту рукопись лично. Удивительным остается факт, что эта весьма ценная рукопись до сих пор не имеет микрофильма.

Contra Faustum. Inc.:	ad excitandam imitationem, uel ut meritis eorum consocie**mur** atque orationibus adiuue**mur**; ita tamen ut nulli martyrum sed ipsi deo martyrum, quamuis in memoriis martyrum, constituamus altaria.	ad excitandam imitationem uel ud meritis eorum consocie**mur** adque oracionibus adiuue**mur**; Ita tamen ut nulli martyrum sed ipsi deo martirum **sacrificemur** quamuis in memoriis martyrum constituamus altaria.
Аппарат	consocietur Aug.] consociemur Isid., Hrab., Лион. ан. и другие мартирологи (= Mart.) adiuuetur Aug.] adiuuemur Isid., Hrab., Лион. ан., Mart. deo martyrum *Aug.*] *add.* sacrificemus *Isid. в PL 83*, *Mart.* sacrificemur *Лион. ан.*	
	Quis enim ante**s**titum <…> coronavit. apud memorias eorum quos coronauit **quod** ex ipsorum locorum **ammonitione** maior affectus **ex**surgat ad **acuendam** caritatem et in illos quos imitare possumus et in illo quo adiuuante possimus.	**Nemo** enim ant**i**stitum <…> coronavit. aput memorias eorum quos coronauit **quod** ex ipsorum locorum **amore** maior**e** effectus **as**surgat ad **auendam** caritatem et in illos quos imitar**i** possumus et in **illum** quo adiuuante possimus.
	Colimus ergo martyres <…> *deum adora*.	Colimus ergo martyres <…> *deum adora*.
Аппарат	Quis Aug., Isid., Hrab.] Nemo Лион. ан., Flor., Usuard. ut *Aug*., *Ado*, *Usuard*.] quod *Isid*., *Hrab*., *Лион. ан.* ammonitione *Aug*., *Isid*., *Hrab*., *Ado*] amore *Лион. ан*., *Flor*., *Usuard*. maior *Aug*., *Isid*., *Hrab*., *Mart*.] maiore *Лион. ан. от. Usuard*. acuendam *Aug* (acuandam *LM*) *Isid*., *Flor*, *Usuard*.] auendam *Лион. ан*. augendam *Ado*, *Usuard* <…> *Кроме того, имеется ряд других разночтений*.	
De vera religione	Recte itaque scribitur <…> quo illuminante laetantur.	*от*.
De vera religione	Honorandi sunt ergo martyres propter imitationem non adorandi propter religionem. Honorandi caritate non servitute.	Honorandi sunt ergo martyres propter imitationem non adorandi propter religionem. Honorandi **sunt** caritate non servitute.
Аппарат		*add*. sunt *Лион. ан*., *Flor*, *Usuard*.

Лионский аноним внес, в свою очередь, ряд изменений в главу Исидора. Он озаглавил свой пролог *De veneratione sanctorum martirum* и включил начальные слова Исидора в часть заголовка (см. рис. 1 и табл. 2): *De ueneratione sanctorum martirum festiuitates sanctorum apostolorum seu martyrum. Incipit prologus*, где он добавил определение *sanctorum* к *apostolorum*, а кроме того, удалил слова *in honore* и *solemnitates*.

Лионский аноним начинает свой пролог со слов: *Antiqui patres in venerationis martyrio* (sic!) *celebrari sanxerunt*. Грамматически после глагола *sanxerunt* здесь имеется конструкция *acc. c. inf.* Для средневекового читателя, вероятно, достаточно легко найти субъект конструкции *Festivitates (celebrari)* в заглавии текста, иначе начало пролога у Лионского анонима: *Antiqui patres in venerationis* ***martyrio*** *celebrari sancxerunt* — лишено смысла. Кроме того, рукопись Paris, BNF, ms. lat. 3879 содержит ошибку в начальной фразе пролога Лионского анонима, где *mysterio* Исидора ошибочно заменено на *martyrio*. Зрительно слова похожи, и это могло вызвать ошибку писца[50].

Возникает вопрос: действительно ли Лионский аноним первым в мартирологической традиции использовал извлечение из *Contra Faustum* и каким источником он воспользовался? Содержание самой ранней сохранившейся рукописи может нам дать ответ на этот вопрос. Как было выше сказано, в ней имеются также извлечения из *eccl. off.* II, 1–15 (ff. 105r–111v), следующие почти сразу за мартирологом. Весьма вероятно, что Лионский аноним при работе над своим мартирологом мог использовать труд Исидора и включил столь подходящий отрывок из его главы о праздниках мучеников в свой мартиролог без всякой мысли о том, что этот текст восходил к *c. Faust.* XX, 21. Поэтому он оставил без изменения ссылку Исидора *antiqui patres* и привел пролог, не ссылаясь на Августина.

Кантен анализирует подробно источники «мартиролога Лионского анонима» и высказывает предположение, что Лионский аноним мог использовать, помимо прочего, испанский пассионарий[51]. Если основа для Лионского мартиролога была подготовлена под испанским влиянием, то тогда Лионский аноним вполне мог оказаться и под влиянием знаменитого испанского епископа Исидора Севильского. Иного объяснения, с какого времени и почему текст *c. Faust.* XX, 21, переработанный Исидором, появляется в мартирологах, мы в настоящее время дать не можем.

Важно отметить, что Лионский аноним сильно сократил цитаты Исидора из сочинения Августина *ver. rel.*, и в таком сокращенном виде они будут

---

[50] Повторяется ли ошибка в более поздних рукописях «мартиролога Лионского анонима», мне не известно. Кроме того, нами не исследовался вопрос, восходят ли сохранившиеся рукописи к Парижскому кодексу.

[51] *Quentin H.* Les martyrologes … P. 216.

встречаться далее в других мартирологах — Флора и Узуарда, о которых речь пойдет ниже. Лионский аноним исключил слова *Recte itaque scribitur… quo illuminante laetantur* (см. табл. 2) и оставил только весьма подходящее заключительное предложение, составленное Исидором на основе текста *ver. rel.* 55 из отрывков глав 110 и 108 (см. табл. 1). Аноним добавил ко второму *honorandi* глагол *sunt*, следуя конструкции в первой части предложения, в которой уже имелось сказуемое *honorandi sunt* (см. табл. 2). Этим предложением из *ver. rel.* оканчивается в Paris, BNF, ms. lat. 3879 пролог, за ним следует непосредственно «мартиролог Лионского анонима», носящий в этой рукописи имя Беды: *Incipit martirologium bede presb<yteri>* (рис. 2).

Традицию пролога Августина, впервые появившегося в «мартирологе Лионского анонима» и восходящего к главе *eccl. off.* I, 35, 1–5 Исидора Севильского, мы будем называть традицией «*Festivitates*» (см. рис. 7).

Contra Faustum XX, 21 в мартирологе Флора Лионского

Следующим автором, включившим в свою версию мартиролога текст *c. Faust.* XX, 21 в качестве пролога в традиции «*Festivitates*», был Флор Лионский. Согласно исследованиям, Флор использовал в качестве источника для своей работы «мартиролог Лионского анонима» и расширил его[52]. Кантен датирует мартиролог Флора второй третью IX в.[53] Нужно отметить, что в главе, посвященной мартирологу Флора Лионского, Кантен ни разу не дает ссылки на *c. Faust.* XX, 21. Для Кентана это всего лишь пролог «*Festivitates*», с которого начинается мартиролог Флора[54].

Начиная с Кантена, в исследованиях принято говорить о двух редакциях мартиролога Флора[55]. Рукопись первой редакции (так называемая

---

[52] *Quentin H.* Les martyrologes … P. 222–408 ; *Rochais H.* Analyse critique de martyrologes: manuscrits latins: mémoire présenté en vue de l'obtention du diplôme de l'École pratique des hautes études, IVe Section. Paris, 1972. P. 38. [Rochefort, 1972. (Documentation cistercienne ; 7,1)] ; *Dubois J.* Les martyrologes … P. 40–42.

[53] *Quentin H.* Les martyrologes … P. 384–385 ; *Aigrain R.* L'hagiographie … P. 57–59.

[54] Вот так выглядят описания у Кантена рукописей с мартирологом Флора, содержащих текст *Contra Faustum* XX, 21: «*Le manuscrit latin 9085 de la Bibliothèque Nationale* <…>. Le martyrologe est complet et commence à la vigile de Noël. *Inc.:* INCIPIT PROLOGUS IN LIBRO MARTYROLOGIUM DE VIRTUTIBUS SANCTORUM. *Festivitates sanctorum apostolorum… caritate non servitute.* VIIII KL. IANR. VIGILIA NATL DNI» (*Quentin H.* Les martyrologes … P. 227–228); «*Le manuscrit 925 de la Bibliothèque de l'Université de Bologne* provient de la cathédrale de Lyon dont il contient le nécrologe. <…> Le martyrologe y occupe les ff. 26v–117r. *Inc.,* à la veille de Noël. *Inc.: Incipit prefatio martyrologii de veneratione sanctorum. Festivitates… caritate non servitute.* VIIII KL. IAN.» (*Quentin H.* Les martyrologes … P. 231).

[55] *Quentin H.* Les martyrologes … P. 374–375 ; *Aigrain R.* L'hagiographie … P. 57 ; *Dubois J.* Les martyrologes … P. 41.

редакция *M*)[56] не содержит пролога «*Festivitates*». Из рукописей второй редакции (так называемая редакция *ET*, ок. 838) одна рукопись содержит этот пролог в начале мартиролога (= *T*, Paris, BNF. Ms. lat. 10018)[57] и есть рукопись из Эптернаха без пролога (= *E*, Paris, BNF. Ms. lat. 10158)[58]. Между редакциями *M* и *ET* имеются еще две рукописи, которые не относятся напрямую ни к одной из названных редакций: рукопись XI в. Paris, BNF, ms. lat. 9085 из Клермона[59] и рукопись XIII в. Bologna, Biblioteca Universitaria, ms. 985 из Лиона[60]. Обе рукописи содержат пролог «*Festivitates*».

Последняя рукопись была издана в 1902 г.[61] По мнению Дюбуа, Болонская рукопись мартиролога Флора самая надежная[62]. Однако при коллационировании пролога «*Festivitates*» в нескольких рукописях мартиролога Флора нам удалось установить, что пролог в изданной Болонской рукописи содержит множество ошибок, которые могли быть сделаны или по вине писца рукописи, или в результате того, что ее образец уже содержал ошибки[63]. Более надежным нам представляется текст вышеназванной рукописи второй редакции мартиролога Флора (= *T*) Paris, BNF, ms. lat. 10018, и поэтому, сопоставляя в помещенной ниже табл. 3 пролог «*Festivitates*» из «мартиролога Лионского анонима» с прологом из мартиролога Флора, мы приводим текст последнего именно по этой рукописи.

---

[56] Рукопись Paris, BNF, ms. lat. 5254 из Макона (Mâcon). *Quentin H.* Les martyrologes … P. 225–227.

[57] Эта рукопись происходит из Туля (Toul). Ibid. P. 237–239.

[58] Ibid. P. 233–237.

[59] Ibid. P. 227–231.

[60] Ibid. P. 231–233.

[61] *Condamin J.*, *Vanel J. B.* Martyrologe de la sainte Église de Lyon, le manuscrit 925 de la Bibliothèque de l'Université de Bologne du XIIIe siècle. Lyon ; Paris, 1902. P. 1–2. Однако в это время издатели не знали, что они опубликовали мартиролог Флора. *Dubois J.* Les martyrologes … P. 40–42.

[62] *Dubois J.* Les martyrologes … P. 40–42.

[63] Например, в первом предложении пролога отсутствуют слова *mysterio celebrari*, без которых невозможна правильная конструкция от глагола *sanxerunt*: *Festivitates sanctorum apostolorum seu martyrum antiqui patres* <u>*in veneratione sanxerunt*</u>, *vel ad excitandam imitationem* […]. Однако предложение также без пропущенных слов дает смысл. Тогда от глагола *sanxerunt* зависит рямой объект, выраженный аккузативом *festiuitates*. Кроме того, в этой изданной рукописи пропущена часть предложения *apud memorias eorum quos coronauit*. Возможно, этих слов не содержал образец, с которого рукопись Bologna, Bibl. Univ., ms. 985 была списана. Обе парижские рукописи, которые не относятся ни к одной из вышеназванных редакций мартиролога Флора (Paris, BNF. Ms. lat. 9085 ; Ms. lat. 10018) и «мартиролог Лионского анонима» содержат здесь полный текст (см. табл. 3).

Логично было бы предположить, что текст Августина, переданный без указания на его авторство в «мартирологе Лионского анонима», мог бы идентифицировать именно Флор Лионский. Ведь он, лично работая со многими лионскими кодексами[64], без сомнения, был хорошо знаком и с *Codex Lugdunensis* 610 (526), старейшей рукописью сочинения *Contra Faustum* начала IX в.[65] Флор работал с ней не только при написании сочинения *Liber contra Iudaeos ad Carolum regem*[66], но и *Expositio epistolarum beati Pauli apostoli collecta et in ordinem digesta ex libris sancti Augustini*[67]. Поэтому повсюду в этой рукописи можно наблюдать пометы

---

[64] Руку и методы работы Флора установил Целестин Шарлье, который работал в Лионе в военные 1940–1944 гг. Его труд (*Charlier C.* Les manuscrits personnels de Florus von Lyon et son activité littéraire // Mélanges E. Podechard. 1945. P. 71–84) был перепечатан в: RB. 2009. T. 119. P. 252–267. *Idem*. La compilation augustinienne de Florus sur l'Apôtre, sources et authenticité // RB. 1947. T. 57. P. 132–186. В обеих статьях Шарлье рукопись Lyon, Bibl. mun. 610 (526) названа среди тех, которые носят следы руки Флора. *Idem.* Un pseudo-homiliaire carolingien: l'exemplaire lyonnais de l'*Expositio in Lucam* d'Ambroise (Lyon 475) // Scriptorium. 1963. T. 17. P. 124–127. Вслед за Шарлье подробные исследования лионских рукописей с пометками Флора и методов его работы провели Поль-Иреней Франсен и Луи Ольц. *Holtz L.*: 1) La minuscule marginale et interlinéaire de Florus de Lyon // Gli autografi medievali: Problemi paleografici e filologici / a cura di P. Chiesa e L. Pinelli Spolète. 1994. P. 149–166 et les tables I à VII. (Quaderni di cultura mediolatina ; 5) ; 2) Le manuscript Lyon, B. M. 484 (414) et la méthode de travail de Florus // RB. 2009. T. 119. P. 270–315.

[65] Эту рукопись подарил до 814 г. лионской церкви Св. Стефана епископ Лиона Лейдрад (798–814), о чем свидетельствует писцовая запись на первом листе кодекса (f. 1r). Краткое описание: *Bischoff B.* Katalog der festländischen Handschriften … Nr. 2577. Среди источников Флора Codex Lugdunensis 610 (526) назван в: *Fransen P. I., Coppieters B., Wallant T.* (ed.). Flori Lugdunensis collectio ex dictis XII patrum. Turnhout, 2001. P. XVIII, XXI. (Corpus Christianorum Continuatio Mediaevalis ; 193). Рукопись представлена в Интернете: URL: http://florus.bm-lyon.fr/visualisation.php?cote=MS0610&vue=1 (дата обращения: 04.01.2012). В последнем критическом издании этого сочинения эта рукопись имеет сиглу *L*: CSEL 25/1. P. 249–797.

[66] PL 116, 141–184 ; *Charlier C.* Les manuscrits personnels de Florus von Lyon … P. 80 ; RB. 2009. T. 119. P. 262.

[67] Cf.: *Coninck L. de, Coppieters B., Demeulenaere R.*, Pour nouvelle édition de la compilation augustinienne de Florus sur l'Apôtre // RB. 2009. T. 119. P. 316–335 (здесь подробно описана работа Флора с рукописью Lyon, Bibl. mun., 484). До недавнего времени было доступно только издание Миня (PL 119, 279–420), которое предлагает лишь первые слова и часто только одно последнее слово извлечения из Августина и содержит множество ошибок. Новое критическое издание содержит вторую часть этого обширного собрания. Flori Lugdunensis Expositio in epistolas beati Pauli ex operibus S. Augustini. 3: In epistolam secundam

Флора: характерные для его работы «крюки»[68] (┌ — начало извлечения и ┐ — конец извлечения) и пунктуационные знаки[69], а на полях — сокращенные названия книг Св. Писания (например: ROM (ff. 5v, 15v, 18r, 33v, 39v), COR I (ff. 2v, 3r, 6r, 8r, 10r), COR II (ff. 18v, 23r), GAL (ff. 4v, 17v, 29v, 30v), COL (ff. 9r, 13v), TIM I (ff. 12r, 47v), TIM II (ff. 7v, 37r), TIT (f. 19r) и т. д.) и другие глоссы, обозначающие краткое содержание глав *Contra Faustum.* Начало текста *c. Faust.* XX, 21 о почитании мучеников напротив слов *Populus autem christianus* отмечено на полях рукой Флора: «[De] ueneratione […] martyrum» (рис. 3).

Кропотливая работа Флора с этой рукописью подтверждает, что Флор очень хорошо знал текст *Contra Faustum*, и, вероятно, ему не представляло никакого труда определить анонимный текст пролога в «мартирологе Лионского анонима». Однако все осмотренные нами рукописи мартиролога Флора передают пролог «*Festivitates*» без имени Августина[70].

Отметим отличия в тексте пролога, имеющиеся между «мартирологом Лионского анонима» и мартирологом Флора (табл. 3).

Таблица 3

	«Мартиролог Лионского анонима» Paris, BNF, ms. lat. 3879 (ff. 67v–68r)	**Мартиролог Флора Лионского** Paris, BNF, ms. lat. 10018 (ff. 35rI–35vI)
Tit.:	DE VENERACIONE SCORUM MARTIRUM FESTIVITATES **SANCTORUM** APOSTOLORUM SEU MARTIRUM INCIPIT PROLOGUS.	INCIPIT PRAEFATIO MARTYROLOGII PLURIMORUM SANCTORUM, APOSTOLORUM, MARTYRUM, CONFESSORUM ET UIRGINUM

ad Corinthios, in epistolas ad Galatas, Ephesios et Philippenses // *Fransen P.-I.* (Hrsg.). CCCM 220B. Turnhout, 2011.

[68] О «крюках» у Флора: *Charlier C.* Les manuscrits personnels … P. 75 ; *Holtz L.* La minuscule marginale … P. 151–152.

[69] О пунктуационных знаках Флора: *Holtz L.*: 1) La minuscule marginale … P. 152–153; 2) Le manuscrit Lyon, B. M. 484 (414) … P. 303–308.

[70] Пролог в рукописи из Клермона: Paris, BNF, ms. lat. 9085, s. XI, Prolog: ff. 5vI–6vI,9, *tit.:* INCIPIT PROLOGUS IN LIBRO MARTYRILOGIUM (sic!) DE VIRTUTIBUS SANCTORUM; пролог в рукописи из Лиона: Bologna, Bibl. univ., ms. 925 (см.: *Condamin J.*, *Vanel J. B.* Martyrologe …), s. XIII, *tit.:* INCIPIT PRAEFATIO MARTYROLOGII DE UENERATIONE SANCTORUM; Paris, BNF, ms. lat. 10018, ок. 1300, *tit.:* INCIPIT PRAEFATIO MARTYROLOGII PLURIMORUM SANCTORUM, APOSTOLORUM, MARTYRUM, CONFESSORUM ET VIRGINUM.

Inc.:	***A**ntiqui patres* in venerationis **martyrio** celebrari sanxerunt uel ad excitandam imitationem uel ud meritis eorum consocie**mur** adque oracionibus adiuue**mur**; Ita tamen ut nulli martyrum sed ipsi deo martirum **sacrificemur** quamuis in memori*is* martyrum constituamus altaria.	Festivitates **sanctorum** apostolorum seu martyrum *antiqui patres* in venerationi**s** **misterio** celebrari sanxerunt uel ad excitandam imitationem, vel ut meritis eorum consocie**mur** atque orationibus adiuue**mur**; ita tamen ut nulli martyrum sed ipsi deo martyrum, **sacrificemus**, quamvis in memori*as* martyrum constituamus altaria.
Аппарат	**martyrio** *Anon. Lyon.*] misterio (mysterio) *Flor. Usuard.* consocietur *Aug*] consociemur *Isid*., *Hrab*., *Лион. ан*., *Flor. Usuard.* adiuuetur *Aug*.] adiuuemur *Isid*., *Hrab*., *Лион. ан*., *Flor. Usuard.* deo martyrum *Aug*.] *add*. **sacrificemur** *Лион. ан*.; *add*. **sacrificemus** *Isid. в PL 83*, *Flor. Usuard*.	
	Nemo enim ant**i**stitum <…> qui martyres coronavit.	
Аппарат	Quis *Aug*. *Isid*. *Hrab*.] Nemo *Лион. ан. Flor. Usuard*.	
	aput memorias eorum quos coronauit **quod** ex ipsorum locorum **amore** maior**e** effectus ***as**surgat* ad **auendam** caritatem et in illos quos imitari possumus et in illum quo adiuuante possimus.	aput memorias eorum quos coronauit *quo* ex ipsorum locorum **amore major** affectus **ad acuendam** caritatem et in illos quos imitari possumus, et in illum quo adjuvante possimus *assurgat*.
Аппарат	ut *Aug*., *Ado*, *Usuard*. (*Paris*, *BNF. Ms. lat. 13745*[71])] quo *Flor*. quod *Лион. ан*., *Flor*. (*Paris*, *BNF. Ms. lat. 9085*), *Usuard*. **majore** *Лион. ан*.] major *Flor*., *от. Usuard*. (*Paris*, *BNF. Ms. lat. 13745*) amore maior *Usuard*. (*Stuttgart*, *WLB. Cod. Don. 654*, см. сноску 38)] ammonitione maior *Aug*., *Ado*, *Usuard*. (*Trier*, *SB. Hs. 1241/600*; *С.-Петербург*, *РНБ. Ф. 955. Оп. 2. № 85*, см. сноску 38; *Basel*, *UB. Mscr B VIII 26*). exsurgat *Aug*., *Isid*., *Hrab*., *Ado*] assurgat *Anon. Lyon*., *Flor*., *Usuard*. acuendam *Aug*. (acuandam *LM*) *Isid*., *Flor*., *Usuard*.] **auendam** *Лион. ан*. augendam *Ado*, *Usuard*.	
	Colimus ergo martyres eo cultu	Colimus ergo martyres eo cultu

[71] Эта и другие рукописи, упомянутые в таблице впервые, будут обсуждаться в подразд. «*Contra Faustum XX, 21 в мартирологе Узуарда*».

	dilectionis et societatis, quo in hac uita coluntur sancti homines dei, quorum cor ad talem pro euangelica ueritate passionem paratum esse sentimus; sed illos tanto deuotius, quanto securius, quanto etiam fidentiore laude praedicamus **iam** in uita **feliciores** uictores quam in ista adhuc usque pugnantes. Ad vero illo cultu <...> Honorandi **sunt** caritate, non servitute.	dilectionis et societatis, quo **et** in hac uita coluntur sancti homines dei, quorum cor ad talem pro euangelica ueritate passionem paratum esse sentimus; sed illos tanto deuotius, quanto securius, quanto etiam fidentiore laude praedicamus **tam** in uita **feliciore** uictores quam in ista adhuc usque pugnantes. At vero illo cultu <...> Honorandi **sunt** caritate, non servitute.
Аппарат	*от*. et *Лион. ан*. После «quanto securius» *от*. post certamina superata *или* post incerta omnia superata *Лион. ан*., *Flor*., *Usuard*. (*Paris*, *BNF. Ms. lat. 13745 и некоторые другие*) iam in uita **feliciores** *Лион. ан.*] tam in vita feliciore *Flor.*, *Usuard. add*. sunt *Лион. ан*., *Flor*., *Usuard*.	

Несомненно, что Флор во время работы над своим мартирологом опирался на пролог «мартиролога Лионского анонима» и исправил его:

1) дал четкий заголовок (ср. с глоссой Флора в рукописи Lyon, Bibl. mun. 610 (526), рис. 3): INCIPIT PRAEFATIO MARTYROLOGII DE UENERATIONE SANCTORUM;

2) начал пролог со следующих слов: *Festivitates sanctorum apostolorum*;

3) исправил некоторые ошибочные чтения «мартиролога Лионского анонима» (см. табл. 3): *sacrificemur* на *sacrificemus* (*sacrificemus* передается во всех рукописях мартирологов Флора и Узуарда, об этом чтении несколько слов ниже в подразд. «*Contra Faustum XX, 21 в мартирологе Узуарда*»); *majore* на *major*; *auendam* на *acuendam* (об этом чтении подробнее см. в подразд. «*Contra Faustum XX, 21 в мартирологе Адона Вьеннского*»); *in uita feliciores* на *in uita feliciore.*

По примеру «мартилога Лионского анонима» Флор закончил пролог Августина сокращенной и измененной Исидором цитатой из *ver. rel.* с добавлением глагола *sunt*: *Honorandi* ***sunt*** *caritate, non servitute* (см. табл. 3). Таким образом, начало и конец пролога, как и анализ имеющихся разночтений, показывают, что пролог из *c. Faust.* XX, 21 «мартиролога Лионского анонима» послужил образцом для Флора (однако этот вывод основан только на чтениях самой ранней рукописи «мартиролога Лионского анонима» Paris, BNF, ms. lat. 3879, которая не является оригинальной рукописью этого мартиролога, но весьма близкой ко времени работы Лионского анонима, и, конечно, ко времени самого Флора Лионского).

Contra Faustum XX, 21 в мартирологе Адона Вьеннского

Как уже было сказано, пролог, основанный на извлечении из *c. Faust.* XX, 21 в редакции Исидора, открывается в мартирологах словом «*Festivitates*» и обычно так и обозначается в исследованиях мартирологов, как пролог «*Festivitates*». Однако следующий по времени составитель исторического мартиролога — будущий епископ Вьенны Адон, работавший при составлении своего мартиролога в Лионе со второй редакцией мартиролога Флора (так называемой редакцией *ET*), — представляет другую традицию, более близкую тексту самого Августина.

Пролог в мартирологе Адона открывается словами из *c. Faust.* XX, 21, (которые были переработаны Исидором): *Populus Christianus memorias martyrum religiosa sollemnitate concelebrat…* (Христианский народ торжественно почитает память мучеников священным богослужением…) — и оканчивается словами: *Post ascensum Christi per sacramentum memori**a*** (sic!) *celebratur* (После Вознесения Христа память отмечается посредством таинства). Таким образом, Адон существенно — в полтора раза — расширил цитату из *c. Faust.* XX, 21, по сравнению с Исидором. Эту традицию пролога мы обозначаем как традиция «*Populus christianus*» (см. рис. 7).

Самая ранняя рукопись мартиролога Адона *Codex Sangallensis* 454[72] датируется концом IX – началом X в. В списках мартиролога Адона текст пролога обычно бывает представлен под именем Августина[73].

Приведем состав текста пролога Августина в мартирологе Адона согласно санкт-галленскому кодексу (табл. 4).

Таблица 4

Contra Faustum XX	Состав текста пролога Августина в мартирологе Адона (St. Gallen. Cod. 454)
I Cap. 21	Populus Christianus memorias martyrum religiosa sollemnitate concelebrat et ad excitandam imitationem et ut meritis eorum consocietur atque orationibus adiuuetur, ita tamen, ut nulli

[72] Кодекс St. Gallen, Stiftsbiblothek, Cod. Sang. 454 полностью представлен в Интернете: URL: http://www.e-codices.unifr.ch/de/list/one/csg/0454 (дата обращения: 04.01.2012).

[73] В рукописи Cod. Sang. 454 пролог Августина озаглавлен следующим образом: *Quo genere uel cultu sancti martyres uenerandi sint ex libris beati augustini episcopi*. Кроме того, мы ознакомились с одной рукописью XI в., происходящей из пьемонтского аббатства Новалеза: Berlin, SBB-PK. Ms. Ham. 4 (HB 342). Здесь (f. 3v): sint] sunt. Обе рукописи относятся к так называемой *первой семье*. В рукописях *второй семьи* пролог имеет следующий заголовок: *Incipit praefatio sequentis operis. Quo genere vel quo cultu martyres honorandi sunt. Ex libro beati augustini episcopi doctoris mirabilis* (*Quentin H.* Les martyrologes … P. 475).

	martyrum, sed ipsi deo martyrum quamuis in memoriis martyrum constituamus altaria.
II Cap. 21	Quis enim antistitum in locis sanctorum corporum assistens altari aliquando dixit: offerimus tibi, Petre aut Paule aut Cypriane, sed quod offertur, offertur deo, qui martyres coronauit, apud memorias eorum quos coronauit, ut ex ipsorum locorum admonitione maior affectus exsurgat **ad augendam** caritatem et in illos <…> Conservus tuus et fratrum tuorum. **Deum adora.**
III Cap. 21	Ista sibi plane superbi spiritus exigunt <…> quae latria dicitur et uni deo debetur.
IV Cap. 18	Proinde uerum sacrificium <…> corporis et sanguinis Christi.
V Cap. 21	Huius sacrificii caro et sanguis ante aduentum Christi per uictimas similitudinum promittebatur, in passione Christi per ipsam ueritatem reddebatur, post ascensum Christi per sacramentum memori**a** celebratur.

Сравним состав пролога у Адона с рассмотренными выше сходными эксцерптами из *c. Faust.* XX, 21 других авторов. Вводное предложение (табл. 4, I), с которого Августин начинает свой развернутый ответ Фавсту: *Populus Christianus memorias martyrum religiosa sollemnitate concelebrat…* — было по-разному переработано средневековыми авторами и редакторами, но, как бы то ни было, именно с него начинаются эксцерпты, цитаты, реминисценции из этой главы (*eccl. off.* I, 35 Исидора; *inst. cler.* II, 43 Рабана и прологи к историческим мартирологам традиции «*Festivitates*» Лионского анонима, Флора и Узарда и другие рукописные памятники, о которых в этой статье мы не говорим[74]). Следующую часть текста цитируют все обсуждаемые авторы и заканчивают (за исключением Адона) свои извлечения на цитате из «Откровения Иоанна» 22:9 (табл. 4, II). Адон же продолжает цитировать *c. Faust.* XX, 21 вплоть до слов *et uni Deo debetur* (табл. 4, III), заменяя следующее за этими словами предложение на небольшой отрывок из *c. Faust.* XX, 18 (табл. 4, IV). Завершает свой пролог Адон еще одним предложением из *c. Faust.* XX, 21 (табл. 4, V).

[74] Полный обзор истории текста *c. Faust.* XX, 21 в Средневековье: *Galynina I.* Die Textgeschichte und Rezeption des *c. Faust.* XX, 21 im Mittelalter // Revue d'histoire des textes. 2013. T. 8. P. 111–169.

Где же мог почерпнуть Адон дополнительные части текста из *c. Faust.* XX, 21 для своей редакции пролога? В ходе исследования мы предполагали, что образцом ему мог послужить рукописный сборник, подобный рукописи из Монпелье второй четверти IX в. (Montpellier, Bibl. interuniv., ms. H 137, ff. 46v–48r (см. рис. 7)[75]. В подборке различных покаянных текстов *ex variis patribus*, которые в этой рукописи содержатся[76], мы встречаем и интересующее нас извлечение из *c. Faust.* XX, 21, которое начинается и заканчивается так же, как в мартирологе Адона: «*Populus autem Christianus memorias martyrum religiosa sollemnitate concelebrat* <…> *post ascensum Christi per sacramentum memoriae celebratur*». Вместе с тем можно утверждать, что Адон работал с полным текстом *Contra Faustum.* Это подтверждает сделанная им вставка из другой главы того же произведения.

У Миня, воспроизводящего издание Гериберта Росвайда[77], текст этой вставки взят в квадратные скобки, его источник не определен, и сам текст никак не прокомментирован[78]. Дюбуа, последний издатель мартиролога Адона, вообще оставил без внимания этот отрывок[79]. В других исследованиях мы также не обнаружили указания на то, что в тексте пролога Адон сделал вставку из *c. Faust.* XX, 18, где Августин пишет о правильном понимании евхаристической жертвы христиан, которая приносится на алтаре Богу как поминовение совершенной Христом жертвы. Этот текст в прологе прекрасно сочетается с другими эксцерптами из *Contra Faustum*, составляя неотъемлемую часть общего изложения темы, и нет видимых причин считать его позднейшей вставкой.

Адон при составлении своего мартиролога работал в Лионе, где в это время уже находился кодекс, упомянутый нами в связи с работой Флора, — *Codex Lugdunensis* 610 (526). При исследовании этой рукописи мы обратили внимание на пометы в виде хорошо различимых «крюков», с помощью

---

[75] *Bischoff B.* Katalog der festländischen Handschriften … Nr. 2833.

[76] По мнению Цюхи, издателя *Contra Faustum* в CSEL 25/1, рукопись из Монпелье является «vetustissimus testis selecti operis» (cf.: CSEL 25/2. P. L). Эту рукопись вместе с еще четырьмя кодексами XI–XV вв. (Vatikan, BAV. Vat. Lat. 514 (f. 11v) ; Mattsee, Stiftsbibliothek. Ms. 49 (300r2–300v2) ; Wien, ÖNB. Cod. Ser. n. 3830 (175v1–176r1) ; Praha, Knih. metropolitni kapitulny. Ms. K. XVI (1210)) из-за наличия извлечения из *c. Faust.* XX, 21 мы относим к Мартирологической группе эксцерптов сочинения *Contra Faustum* (см. сноску 4).

[77] Vetus Romanum martyrologium hactenus a Cardinale Baronio desideratum, una cum martyrologio Adonis ad manuscripta exemplaria recensito, opera [et] studio Heriberti Rosweydi. Antverpiae, 1613. (PL 123, 143–436).

[78] PL 123, 179–180.

[79] Как верно заметил Офергаау, «die Ausgabe von Ados Martyrologium philologisch gesehen unbefriedigend ist», и критическое издание некоторых мартирологов является необходимым для многих современных исследователей (*Overgaauw E.* Die ältesten Martyrologien … S. 119–120).

которых выделены части глав *c. Faust.* XX, 18 и 21, которые заняли свое место в мартирологе Адона. Выше мы уже указали, что Флор Лионский работал с этой рукописью, составляя свой сборник извлечений из сочинений Августина, содержащих цитаты из посланий св. Павла и комментарии Августина к ним. С большой уверенностью можно утверждать, что именно Флор отметил в рукописи соответствующие места в главах *c. Faust.* XX, 18 и 21. Цитата из *c. Faust.* XX, 18, которую Флор использовал в подборке цитат первого послания к Коринфянам (I Кор 10:20), выглядит в *Patrologia Latina* (PL 119, 336) короче, чем та, что представлена в рукописной традиции Флора (на примере кодекса XII в. Berlin, SBB-PK, Ms. theol. lat. fol. 340[80], f. 185vI, 21–34). В издании Миня цитата из *c. Faust.* XX, 18 заключается словами: *quam Christus obtulit*, тогда как Флор, согласно рукописной традиции, воспроизводит еще следующее предложение из *c. Faust.* XX, 18 (табл. 5), что полностью совпадает с текстом из *Codex Lugdunensis* 610 (526), выделенным специальными «крюками» (f. 86v, рис. 4). Это предложение в издании Миня отнесено к следующему сочинению Августина *Enarratio in psalmum* XCVI, 11 (PL 36, 1244–1245), где этих слов нет[81].

В табл. 5 сравним *c. Faust.* XX, 18 с извлечениями Флора и Адона (рис. 4).

Таблица 5

Августин *Contra Faustum* XX, 18. Lyon, Bibl. mun. 610 (526), f. 86v, 18–26	**Флор Лионский** Berlin, SBB-PK, Ms. theol. lat. fol. 340, f. 185vI, 21–34	**Адон Вьеннский** St. Gallen, Stiftsbiblothek, Cod. Sang. 454, p. 26 II, 3–21
et tamen uolo mihi dicatis <…> unde et ipsum nomen a chrismate ducitur.	*om.*	*om.*

[80] *Rose V.* Verzeichniss der lateinischen Handschriften der Königlichen Bibliothek zu Berlin. Berlin, 1901. Bd. II. 1. Abt. : Die Handschriften der Kurfürstlichen Bibliothek. S. 164–166. (Die Handschriften-Verzeichnisse der Königlichen Bibliothek zu Berlin ; 13).

[81] Издание эксцерптов Флора у Миня нуждается в тщательной проверке. Кроме того, оно вообще не отражает технику эксцерпции Флора. При сверке с рукописью Berlin, SBB-PK, Ms. theol. lat. fol. 340 мы обнаружили целый ряд ошибок издателя. Например: 1) PL 119, 279: у Миня почти в два раза короче отмеченная цитата к Рим 1:1–3 из *c. Faust.* XIII, 3: «Unde Propheta… sed ad etc.». В рукописи Berlin, SBB-PK, Ms. theol. lat. fol. 340 (f. 3rII, 8–28): «Omnes populi gentium <…> pedum tuorum»; 2) PL 119, 336: у Миня вообще не указана цитата *c. Faust.* XX, 13, которую Флор выписал к I Кор 10:20: «panis et calix non quilibet <…> uerum etiam corporali» (f. 184rI,7–14).

┌**proinde** ┌**uerum** sacrificium, quod uni uero debetur deo, quo eius altare solus Christus inpleuit, in uictimis pecorum imitata daemonia sibi adroganter exposcunt.	**Uerum** sacrificium, quod uni uero *deo debetur*, quo eius altare solus Christus inpleuit, in uictimis pecorum imitata daemonia sibi adroganter exposcunt.	**Proinde** uerum sacrificium, quod uni uero debetur deo, quo eius altare solus Christus inpleuit, in uictimis pecorum imitata daemonia sibi adroganter exposcunt.
unde dicit apostolus: *quae immolant gentes, daemoniis immolant et non deo (I Cor 10.20)*, non quod offerebatur culpans, sed quia illis offerebatur. Hebraei autem in uictimis pecorum, quas offerebant deo, multis et uariis modis, sicut re tanta dignum erat, prophetiam celebrabant futurae uictimae, quam Christus obtulit.		
unde iam Christiani peracti eiusdem sacrificii memoriam celebrant sacrosancta oblatione et participatione corporis et sanguinis Christi. ┐		
Manichaei uero nescientes <...> in hypocrisi mendaciloquorum.	*om.*	*om.*

Начало и конец отрывка, выделенного Флором своими специальными «крюками», заимствовал и Адон для пролога к своему мартирологу. Однако Адон не опирался полностью на разметку текста, произведенную ранее Флором, который при работе с рукописью *Contra Faustum* Lyon, Bibl. mun. 610 (526) как бы исключил в ней наречие *proinde*, выделив его «крюками»: ┌*Proinde* ┌*uerum* (см. рис. 4). Напротив, Адон сохранил наречие *proinde*, которое согласно вышеназванной Берлинской рукописи SBB-PK, Ms. theol. lat. fol. 340, как, впрочем, и изданию Миня, не передает эксцерпты, собранные Флором. Это свидетельствует о том, что Адон работал именно с рукописью *Contra Faustum* — Lyon, Bibl. mun. 610 (526), а не с рукописью, содержащей извлечения Флора.

Почти таким же образом — специальными «крюками» (┌ — начало извлечения и ┐ — конец извлечения) — в *Codex Lugdunensis* 610 (526) отмечено интересующее нас место в главе *c. Faust.* XX, 21 (рис. 5). На полях справа напротив слов *uni deo debetur*┐, которыми заканчивается цитата в прологе Адона, стоит пометка в виде «крюка». Такая же помета стоит на полях слева — против слов *Huius sacrificii*, которыми начинается следующая цитата из *c. Faust.* XX, 21, заканчивающаяся словами *post ascensum Christi per sacramentum memorie celebratur*┐. После этих слов стоит соответсвующий «крюк». Этими же словами завершается пролог Адона.

В *Codex Lugdunensis* 610 (526) можно увидеть еще одно свидетельство личной работы Адона с этой рукописью. Для этого представим следующий

аргумент. В рукописи отчетливо выделяются руки двух каролингских эрудитов[82]. Одна, как мы уже сказали, идентифицируется как рука Флора Лионского, который, несомненно, использовал эту рукопись в работе над *Liber contra Iudaeos ad Carolum regem*[83] и над собранием цитат из сочинений Августина из посланий апостола Павла *Expositio in epistolas beati Pauli ex operibus S. Augustini*[84]. Не исключено, однако, что он мог использовать ее и в работе над своим мартирологом.

Вторая рука не была до сих пор определена. На f. 87v,21 в главе *c. Faust.* XX, 21 есть одно ошибочное чтение ***acuandam***, которое эта рука исправляет на ***augendam*** (рис. 6). Едва ли это исправление сделал Флор. Письмо этого слова отличается от письма глосс, написанных Флором немного выше, а главное, рукописи его мартиролога содержат чтение ***acuendam***, тогда как рукописи мартиролога Адона содержат, напротив, исправленное чтение ***augendam*** (St. Gallen, Stiftsbiblothek. Cod. Sang. 454 ; Berlin, SBB-PK. Ham. 4). Не исключено, что исправление на ***augendam*** Адон сделал под влиянием «мартиролога Лионского анонима», в прологе которого (согласно Парижской рукописи BNF, ms. lat. 3879, см. табл. 2) содержалось вместо ***acuendam*** чтение ***auendam***. Поскольку герундив от глагола *aueo, auēre* не дает хорошего смысла (*ad auendam caritatem*), эта ошибка Лионского анонима, вероятнее всего, и подтолкнула Адона к правке Лионской рукописи Августина.

Contra Faustum XX, 21 в мартирологе Узуарда

Узуард, монах монастыря Сен-Жермен-де-Пре, составил свой мартиролог по воле Карла Лысого, который пожелал, чтобы все прежние мартирологи были переработаны и даты многих праздников исправлены[85]. По определению Дюбуа, мартиролог Узуарда дошел в трех редакциях (*la première recension*, *la deuxième recension*, *la recension «primitive»*)[86]. Первая редакция мартиролога Узуарда была распространена вскоре после 20 октября 858 г.[87] Версию мартиролога этого времени принято называть «первой основной редакцией» *(la première recension)*[88]. Именно эту редакцию содержат большинство поздних рукописей, сопровожденных при этом прологом-письмом Узуарда Карлу Лысому.

---

[82] Цюха в своем аппарате обозначает их как *L¹* и *m*. 2. Cf.: CSEL 25/1. P. 562.

[83] См. сноску 66.

[84] См. сноску 67.

[85] *Dubois J.* Un témoin de la vie intellectuelle à Saint-Germain-des-Prés au IXe siècle: Le martyrologe d'Usuard // *Revue d'Histoire de l'Église de France*. 1957. T. 43. P. 35.

[86] Об этом подробнее: *Dubois J.* Le martyrologe d'Usuard … P. 13–37 ; *Overgaauw E.* Les deux recensions … P. 90–93.

[87] *Dubois J.* Les martyrologes … P. 48 ; *Overgaauw E.* Les deux recensions … P. 90.

[88] *Overgaauw E.* Les deux recensions … P. 91.

После 858 г. (или 859 г.) вплоть до своей смерти в 877 г. Узуард занимался исправлением рукописи Paris, BNF, ms. lat. 13745[89], которая, по всей вероятности, является его автографом (*le «manuscrit originale»*). Эта рукопись была опубликована Жаком Дюбуа и подробно описана в его издании[90]. Текст этого мартиролога принято считать «второй основной редакцией». Очень мало рукописей содержат эту редакцию.

Есть еще одна более ранняя редакция мартиролога, которая появилась между 20 октября 858 г. и 20 сентября 859 г. в бенедиктинском аббатстве Фекам (Fécamp) и называется «исходная» (*la recension «primitive»*). Сначала эта редакция была известна только по одной рукописи XII в. (1120–30) Paris, BNF, ms. lat. 5242[91]. Новейшие исследования Офергаау показывают, что эта «исходная редакция» представляет собой первое издание мартиролога Узуарда. Кроме того, Офергаау удалось идентифицировать еще ряд рукописей, принадлежащих этой редакции[92].

Кроме того, существует две редакции — *A* и *B* — вышеупомянутого пролога-письма Узуарда Карлу Лысому. Редакция *A* короче, и множество рукописей «первой основной редакции» содержат письмо-пролог в редакции *A*[93] и только две рукописи в редакции *B*[94]. Е. Офергаау установил, что большая часть рукописей, восходящих к «исходной редакции», содержит «письмо-пролог» в редакции *B*[95]. Согласно Офергаау, имеется шесть рукописей без пролога-письма и шесть с этим прологом, но в редакции *B*[96]. Известна только одна рукопись «второй основной редакции», содержащая письмо-пролог в редакции *B*: кодекс Paris, BNF, ms. lat. 13882 (ff. 3v–4r) был создан в Сан-Жермен-де-Пре между 1131 и 1146 г. и является прямой копией с автографа Paris, BNF, ms. lat. 13745.

В большинстве рукописей мартиролога Узуарда и в его автографе есть еще один пролог, так называемый пролог «*Festivitates*», который, как отмечает Дюбуа, заимствован из *c. Faust.* XX, 21, несколько изменен (légèrement modifiée) в начале и конце, и что этот же пролог есть в «мартирологе Лионского анонима» (Paris, BNF. Ms. lat. 3879) и в мартирологах

---

[89] По мнению Бишофа, эту рукопись была написана в Сен-Жермен-де-Пре около 865 г.; cf.: *Bischoff B.* Der Stuttgarter Bilderpsalter. Bibl. Fol. 23. Württembergische Landesbibliothek Stuttgart : 2. Bd. Stuttgart, 1968. S. 21, 23: «Saint-Germain-des-Prés, um 865».

[90] *Dubois J.* Le martyrologe d'Usuard … P. 15–20, 137–139.

[91] *Dubois J.* À la recherche de l'état primitif du martyrologe d'Usuard. Le manuscrit de Fécamp // Analecta Bollandiana. 1977. T. 95. P. 43–71.

[92] Cf.: *Overgaauw E. Les* deux recensions … P. 92–93.

[93] Ibid. P. 85–86, 100.

[94] Ibid. P. 96.

[95] Ibid. P. 93–94. Здесь приводится список всех рукописей.

[96] Ibid. P. 100.

Флора и Адона, которые Узуард взял за основу своей работы[97]. Однако Дюбуа ничего не сообщает о том, что текст пролога Узуарда (а вместе с ним Флора и Лионского анонима) существенно отличается от того, что представлен в мартирологе Адона. Узуард как в начале, так и в конце пролога следует традиции «*Festivitates*», начало которой положил Лионский аноним:

Inc.: (*Contra Faustum* XX, 21) Festivitates **sanctorum** apostolorum seu martyrum: *antiqui patres* in venerationis misterio celebrari sanxerunt ad excitandam imitationem, uel ut meritis eorum consocie**mur** atque orationibus adiuue**mur**; ita tamen ut nulli martyrum sed ipsi deo martyrum **sacrificemus**, quamuis in memoriis martyrum, constituamus altaria. <…> Apparuit et in angelis, sicut et in Apocalypsi legimus angelum se adorari prohibentem atque dicentem adoratori suo: *Conseruus tuus sum et fratrum tuorum: deum adora* (Apoc 22:9).

Des.: (De vera religione 55, 108 et 110) Honorandi sunt ergo martyres propter imitationem, non adorandi propter religionem, honorandi **sunt** caritate non servitute.

Отметим те элементы текста Узуарда, которые его роднят с прологами Лионского анонима и Флора (см. табл. 3), где текст Исидора из *eccl. off.* I, 35 (34) подвергся определенным изменениям:

1) добавление прилагательного *sanctorum* к *apostolorum*;

2) добавление глагола *sacrificemus* после *deo martyrum*;

3) удаление из текста Исидора слов *in honore* и *solemnitates*;

4) одинаковое сокращение цитаты из *De vera religione.*

Эти и некоторые другие чтения показывают несомненное родство прологов «*Festivitates*» в мартирологах Узуарда, Лионского анонима и Флора.

Наряду с мартирологом Флора в своей редакции пролога Узуард использовал и мартиролог Адона[98]. Кроме того (на основание многих просмотренных рукописей мартиролога Узуарда), мы можем наблюдать, что определенная группа чтений пролога Августина варьирует от мартиролога к мартирологу, иногда повторяя чтения Лионского анонима и Флора, иногда — Адона (см. аппарат в табл. 3), например:

1) ut *Aug.*, *Ado*, *Usuard*. (*Paris*, *BNF. Ms. lat. 13745*)] quo *Flor.* quod *Anon. Lyon*, *Flor.* (*Paris*, *BNF. Ms. lat. 9085*), *Usuard*.

2) **majore** *Anon. Lyon*] major *Flor.*, *om. Usuard* (*Paris*, *BNF. Ms. lat. 13745*) amore maior *Flor.*, *Usuard*. (*Stuttgart*, *Fürtstenberg. Ms. 654*)] ammonitione maior Aug., *Ado*, *Usuard*. (*Trier*, *SB. Hs. 1241/600* ; *С.-Петербург, РНБ. Ф. 955. Оп. 2. № 85 ; Basel, UB. Mscr B VIII 26*)

---

[97] *Dubois J.* Le martyrologe d'Usuard … P. 17–18; см. сноску 3.

[98] Ibid. P. 41–42.

3) acuendam *Aug* (acuandam *LM*) *Isid*. *Flor*. *Usuard*.] **auendam** *Anon*. *Lyon* augendam *Ado*, *Usuard*.

4) После «quanto securius» *om.* post certamina superata *или* post incerta omnia superata *Anon*. *Lyon*, *Flor*., *Usuard*. *(Paris, BNF. Ms. lat. 13745 и некоторые другие)*.

В первом случае мы видим, что у Узуарда оставлен союз *ut*, который принадлежит Августину и сохранен в рукописях мартиролога Адона. У Флора *ut* заменено на *quod* вслед за Лионским анонимом. В «мартирологе Лионского анонима» (см. аппарат в табл. 5) отсутствуют слова *post incerta omnia superata*. В рукописи-автографе Узуарда (Paris, BNF. Ms. lat. 13745) и в двух рукописях из немецкого монастыря Оттобойерн (Stuttgart, WLB. Cod. Don. 654, XII в., f. 22rv ; Cod. Don. 655, XIII в., f. 2rv[99]) также не содержится этих слов, правда, в более поздних рукописях (Базель, UB. Mscr B VIII 26 (XIV–XV вв., f. 1rI,11–36) ; Трир, Stadtbibl. Hs. 1241/600 (XV в., ff. 2v–3v) ; С.-Петербург, РНБ. Ф. 955. Оп. 2. № 85 (XVI в., f. 1rv)) они присутствуют. Эти же рукописи передают чтение *admonitione maior* (как у Адона и в рукописях *Contra Faustum*) вместо *amore maiore*, которое мы встречаем у Лионского анонима и которое (только *amore*) было использовано Узуардом, согласно «рукописи-автографу». Принимая во внимание исследование Офергааy о двух редакциях письма-пролога (*A* и *B*), которое мы резюмировали выше, можно предположить то же самое в отношении пролога Августина: Узуард дважды редактировал текст Августина[100].

В заключение отметим еще два разночтения, о которых мы говорили выше:

1) чтение *ad acuendam* / *augendam caritatem* мы подробно рассмотрели в связи с мартирологом Адона. Самая ранняя рукопись мартиролога Узуарда передает чтение *augendam*, заимствованное им, по всей вероятности, у Адона. Однако среди многочисленных рукописей мартиролога Узуарда встречаются и такие, которые содержат чтение *acuendam* (например, обе рукописи из немецкого монастыря Оттобойерн: Stuttgart, WLB. Cod. Don. 654 и 655), переданное нам Флором и в рукописной традиции сочинения *Contra Faustum*[101];

---

[99] *Spilling H.* Handschriften aus Ottobeuren // Unberechenbare Zinsen. Bewahrtes Kulturerbe : Katalog zur Austellung der vom Land Baden-Württemberg erworbenen Handschriften der Fürstlich Fürstenbergischen Hofbibliothek / hrsg. von F. Heinzer. Stuttgart, 1993. S. 52–55 (Nr. 5 [есть фотография f. 22r] и Nr. 6) ; *Heinzer F.* Klosterreform und mittelalterliche Buchkultur im deutschen Südwesten. Leiden, 2008. S. 265. (Mittellateinische Studien und Texte ; vol. 39).

[100] В будущем мы планируем более детальное исследование вопроса о редакциях пролога Августина у Узуарда.

[101] За исключением самых ранних кодексов *L* (Lyon, Bibl. Mun. 610 (526)) и *M* (München, BSB. Clm 14356), которые содержали ошибочное чтение *acuandam*.

2) чтение *sacrificemus*, воспроизведенное Лионским анонимом, а затем Узуардом, вероятно, относится к утраченной рукописной традиции Августина или же Исидора, следы которой можно встретить лишь в изданиях XVI в.: мадридском издании *eccl. off.* 1599 г.[102] и антверпенском издании *Contra Faustum* 1577[103]. Впрочем, нельзя исключить и другой возможности: издатели XVI в. при подготовке текстов Августина и Исидора могли ориентироваться на рукописную традицию мартирологов.

Культ почитания мучеников, начало которого восходит ко II в., продолжал формироваться на протяжении всего раннего Средневековья. Особое значение имело богословское обоснование празднования дней памяти святых и мучеников, и мысль Августина о том, что христиане поклоняются не мученику, но Богу, была для него особенно важна. Поэтому именно в текстах, посвященных разъяснению литургии и литургических праздников Исидора Севильского и Рабана Мавра, с одной стороны, и в различных исторических мартирологах, используемых ежедневно в литургической практике, с другой стороны, мы находим неизменно один и тот же текст из *c. Faust.* XX, 21 (см. рис. 7).

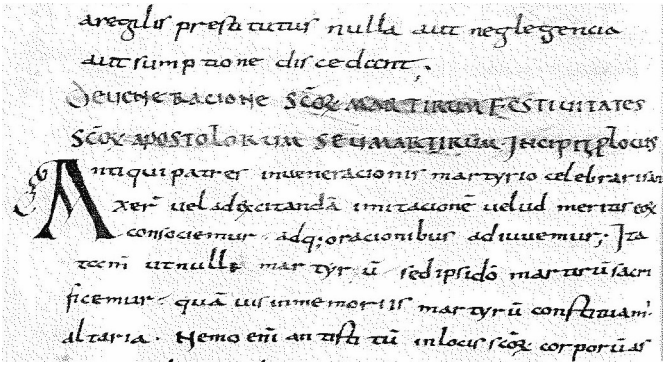


Рис. 1. Paris, BNF. Ms. lat. 3879. F. 67v. Incipit Prologus

[102] Divi Isidori Hispaliensis episcopi opera Philippi II Catholici regis iussu e vetustis exemplaribus emendata. Madriti: ex typografia regia, 1599. Vol. 2. (PL 83, 737–826).

[103] Opera divi Aurelii Augustini, Hipponensis episcopi et doctoris praecipui, er theologos Lovanienses ex manuscriptis codicis emendata… in tomis decem. Antverpiae: ex officina Christophori Plantini, 1576–1577.

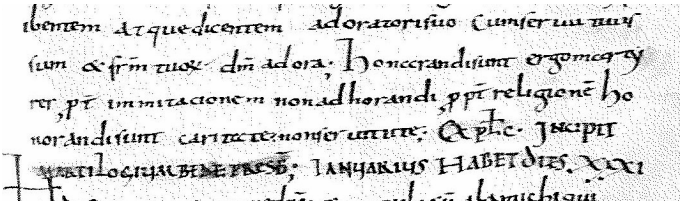


Рис. 2. Paris, BNF. Ms. lat. 3879. F. 68r.
Здесь: заключительные слова пролога. Explicit <Prologus>. Incipit martirologium

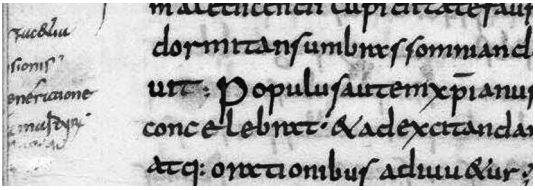


Рис. 3. Lyon, Bibl. mun. 610 (526). F. 87v.
На полях слева запись рукой Флора, справа глава *c. Faust.* XX, 21

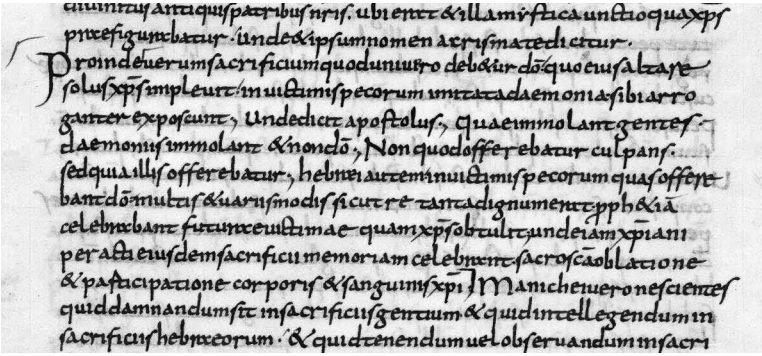


Рис. 4. Lyon, Bibl. mun. 610 (526). F. 86v

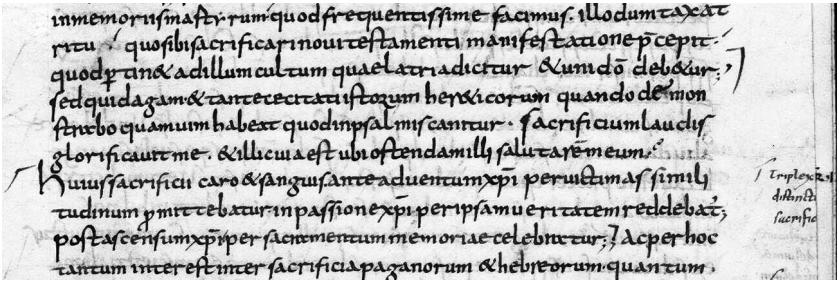
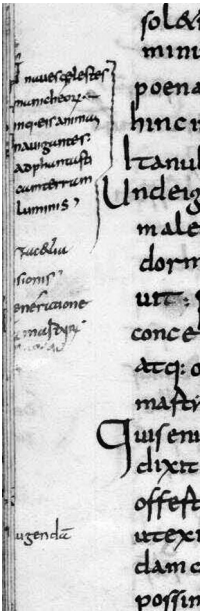


Рис. 5. Lyon, Bibl. mun. 610 (526). F. 88r



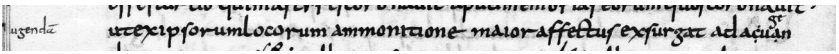


Рис. 6. Lyon, Bibl. mun. 610 (526). F. 87v

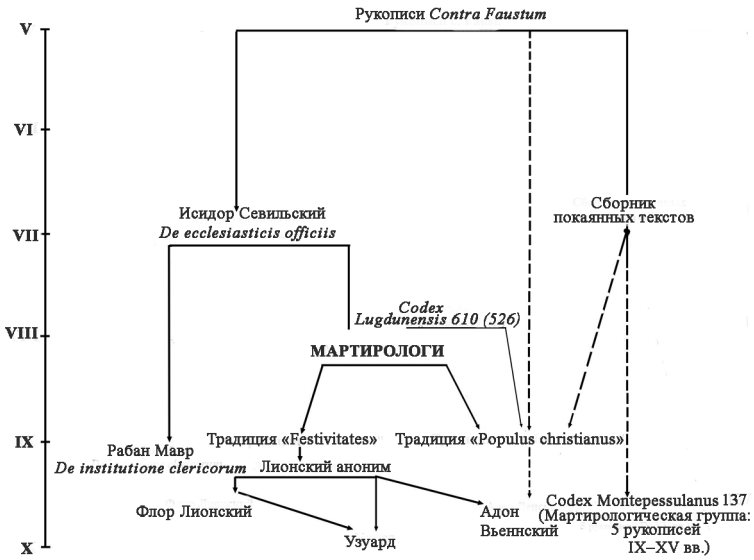


Рис. 7. Рецепция главы *c. Faust.* XX, 21 в Средние века

ZUSAMMENFASSUNG

Von den frühesten und am meisten verbreiteten Exzerpten aus Augustins Werk *Contra Faustum Manichaeum* (*c. Faust.*) muss *ein* Auszug aus dem Kapitel XX, 21 besonders hervorgehoben werden. In diesem Kapitel war es für Augustin sehr wichtig, den Märtyrerkult gegen die Manichäer zu verteidigen. Im Mittelalter dient dieser Text als liturgische Begründung für die Verehrung der Märtyrer und die Feier von Märtyrerfesten. Die liturgische Bedeutung von *c. Faust.* XX, 21 war so groß, dass dank dieses Prologs im 12.–13. Jh. einige Martyrologien unter den Namen Augustins gestellt wurden (Bern, Burgerbibliothek, Cod. 379, 32r–123v und Cod. 418, 6r–78r), obwohl Augustin selber kein Martyrologium verfasste.

Die Rezeptionsgeschichte geht auf Isidor von Sevilla zurück, der als erster einen langen Auszug aus *c. Faust.* XX, 21 in seinem Werk *De ecclesiasticis officiis* anführt. Trotz des langen Zitates erwähnt Isidor in *eccl. off.* I, 35, 1–5 Augustin nicht. Nach der Abwandlung von dessen Worten im ersten Satz, gibt Isidor in seinem Kapitel einen allgemeinen Hinweis auf die Kirchenväter *antiqui patres*. Am Ende des Kapitels ergänzt Isidor den Auszug aus *c. Faust.* mit Reminiszenzen aus Augustins Werk *De vera religione* (*ver. rel.* 55, 110 und 108).

Hrabanus Maurus übernimmt *c. Faust.* XX, 21 im Rahmen eines Exzerptes aus *eccl. off.* Isidors. Er verändert fast nichts an Isidors Text und übernimmt den Auszug in *De institutione clericorum* II, 43 zusammen mit demselben Hinweis auf Kirchenväter (*antiqui patres*) und auch zusammen mit den Reminiszenzen aus *ver. rel.*

Fast zur gleichen Zeit, im 9. Jh., kann man noch eine weitere Rezeption des *c. Faust.* XX, 21 beobachten, nämlich in der martyrologischen Überlieferung. Laut Henri Quentin (*Les martyrologes historiques du moyen âge. Étude sur la formation du martyrologe romain*, Paris, 1908) erscheint ein Auszug aus dem *c. Faust.* XX, 21 in martyrologischer Überlieferung zum ersten Mal im Martyrologium des Anonymus von Lyon, dessen Fassung vor 806 in Lyon entstanden sein dürfte. Nur wenige Handschriften überliefern dieses Martyrologium, die früheste und bedeutendste ist der Pariser Codex BNF, ms. lat. 3879 aus dem 9. Jh. Quentin teilt nichts über die Quellen für diesen Prolog aus *c. Faust.* XX, 21 mit. Anfang und Ende des Textes aber gleichen Isidors *eccl. off.* I, 35, 1–5, zusammen mit allen kleinen Änderungen, die dieser vornahm. Es ist auch wichtig zu bemerken, dass der Anonymus von Lyon die Reminiszenz Isidors aus *ver. rel.* so stark abkürzt, wie sie dann in den nächsten historischen Martyrologien aussieht. Die Tradition des Prologs, der zum ersten Mal in dem Martyrologium des Anonymus von Lyon erscheint und auf das Kapitel Isidors *eccl. off.* I, 35, 1–5 zurückgeht, soll im Artikel als «*Festivitates*» — Tradition bezeichnet werden.

Der nächste Autor, der den Prolog in der Tradition «*Festivitates*» ins Martyrologium übernahm, ist Florus von Lyon. Bemerkenswert ist, dass Quentin im Kapitel über das Martyrologium des Florus keinen Hinweis auf *c. Faust.* XX, 21 gibt. Zweifellos stützte sich Florus während seiner Arbeit an dem Prolog auf den des Anonymus von Lyon und korrigierte ihn. Im Martyrologium von Ado, der die zweite Rezension vom Martyrologium des Florus zur Hand hatte, beginnt der Prolog ganz anders und soll als «*Populus christianus*» — Tradition bezeichnet werden.

Die früheste Abschrift des Martyrologiums von Ado stammt vom Ende des 9. bzw. Anfang des 10. Jh. s. und ist im Codex Sangallensis 454 enthalten. Darin beginnt der Augustinustext mit den Worten «*Populus Christianus memorias martyrum…*» und endet mit den Worten «*Post ascensum Christi per sacramentum memoria celebratur*». Für die Martyrologienforschung war es nicht relevant, nach der Funktion und Bedeutung des Prologs von Augustin zu fragen oder die Quellen für den martyrologischen Prolog zu prüfen. An keiner Stelle läßt sich ein Hinweis darauf finden, dass Ado nicht nur das Kapitel *c. Faust.* XX, 21 benutzt, sondern auch den Auszug aus *c. Faust.* XX, 18. Bei der Abfassung seines Martyrologiums arbeitete Ado in Lyon, wo sich schon zu jener Zeit der Codex Lugdunensis 610 (526) (die älteste Handschrift von *c. Faust.*, = *L* in CSEL 25/1) befand. Mit dieser Handschrift hat Florus

von Lyon an seiner *Expositio epistolarum beati Pauli apostoli collecta ex libris sancti Augustini* gearbeitet. Untersucht man diese Handschrift, so wird man auf eine deutliche Markierung in Hakenform aufmerksam, mit denen die Auszüge gekennzeichnet werden, die Ado aus den Kapiteln *c. Faust.* XX, 18 und 21 aufgenommen hat. Mit großer Wahrscheinlichkeit lässt sich behaupten, dass eben Florus diese Stellen mit seinen speziellen Haken markiert hat. Zweifellos stützte sich Ado auf die frühere Markierung von Florus.

In den meisten Handschriften, die das Martyrologium von Usuardus überliefern, und auch in dem Autograph (Paris, BNF, ms. lat. 13745), gibt es den sog. Prolog «*Festiuitates*» (*c. Faust.* XX, 21), der — wie Jacques Dubois, der Editor von Paris, BNF, ms. lat. 13745 (*Le Martyrologe d'Usuard*. Texte et comm. Bruxelles, 1965 (Subsidia Hagiographica 40)), mitteilt — dem Werk *Contra Faustum* (L. 20, c. 21) entnommen und am Anfang und am Ende stark verändert sei. Weiterhin könne man diesen Prolog in den Martyrologien des Anonymus von Lyon sowie des Florus und des Ado finden, die Usuardus als Grundlage für seine Arbeit genommen habe. Allerdings vermerkt Dubois nicht, dass sich Usuardus (sowie Florus) und Ado in der Überlieferung des Prologs aus dem *c. Faust.* stark voneinander unterscheiden: Usuardus folgt sowohl am Anfang als auch am Ende des Prologs der «*Festivitates*»-Tradition, die auf den Anonymus von Lyon zurückgeht. Anhand der Lesarten lässt sich feststellen, dass Usuardus für den Prolog aus Augustin sowohl mit dem Martyrologium von Florus als auch mit dem von Ado gearbeitet hat. Die verschiedenen Lesarten in den späteren Handschriften, die sich vom Prolog in Paris, BNF, ms. lat. 13745 unterscheiden, bezeugen meiner Meinung nach eine stark kontaminierte handschriftliche Überlieferung der Martyrologien.

Das Kapitel *c. Faust.* XX, 21 ist für dessen mittelalterliche Rezeption in hohem Maße relevant.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Августин, *Contra Faustum Manichaeum* (*c. Faust.*), почитание мучеников, рукописная традиция, рецепция, 21, Исидор Севильский, *De ecclesiasticis officiis*, Рабан Мавр, *De institutione clericorum*, исторические мартирологи, пролог к историческому мартирологу, Лионский аноним, Флор Лионский, Адон Вьеннский, Узуард.

KEY WORDS

Prologue, St. Augustine, *Contra Faustum Maniehaeum*, veneration of martyrs, manuscript tradition, redaction, Isidor of Sevill, Rabanus Maurus, Historical martyrologies, Anonym of Lyon, Florus of Lyon, Adon of Vienne, Usuard.

Е. В. КАЗБЕКОВА

К ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ СТИХОТВОРНЫХ И РИТМИЗИРОВАННЫХ ВСТАВКАХ В «GETICA» ИОРДАНА (КРИТИКА ГИПОТЕЗЫ П. В. ШУВАЛОВА)

Созданное в середине VI в. историческое сочинение «De origine actibusque Getarum» Иордана («Getica») является одним из основных источников по истории Остготского королевства и шире — эпохи Великого переселения народов. Его активное изучение началось еще в первой половине XIX в., и отечественная историография находится в выгодном положении благодаря фундаментальной работе Е. Ч. Скржинской (1960)[1], к сожалению, крайне мало известной на Западе, но до сих пор превосходящей многие современные исследования Иордана по глубине и тщательности анализа материала (например, упоминаемые ниже монографии А. С. Кристенсена (2002), У. Гоффарта (2005)). Однако, несмотря на наличие двух «критических» изданий с обширным аппаратом Т. Моммзена (1882) и Ф. Джунты — А. Гриллоне (1991), комментированных переводов Ч. К. Мироу (1908, 1915), Е. Ч. Скржинской (1960), О. Джордано (1972)[2]

[1] *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. Getica / вступ. ст., пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1960 ; 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1997, 2001 (далее — Getica). В том числе вступительная статья: *Скржинская Е. Ч.* Иордан и его «Getica» // Там же. С. 9–58.

[2] Iordanis Romana et Getica / ed. Th. Mommsen. Berlin, 1882 (далее — *Mommsen*, 1882). P. 53–138. (Monumenta Germaniae Historica. Series: Scriptores. Auctores antiquissimi ; T. 5.1) ; Iordanis de origine actibusque Getarum / ed. F. Giunta, A. Grillone ; Istituto Storico Italiano per il Medio Evo. Roma, 1991. (Fonti per la Storia d'Italia ;

© Казбекова Е. В., 2013

и большую историографию, многие источниковедческие вопросы, связанные с обстоятельствами создания этого сочинения и личностью автора, остаются непроясненными. В первую очередь, это касается вопросов текстологии «Getica», языка и стиля Иордана, его возможных источников. С самого начала изучения «Getica», с работ Г. фон Зибеля (1838), Я. Гримма (1846), К. Ширрена (1858), Р. Кёпке (1859), А. фон Гутшмида (1862) и других, не утихают споры относительно взаимоотношений текстов несохранившейся готской истории Кассиодора и «Getica» Иордана. К числу последних работ отечественной историографии, посвященной Иордану, принадлежит гипотеза петербургского историка П. В. Шувалова, в разработке которой принимал участие Р. Б. Рудницкий, предлагающая новый взгляд на взаимоотношения текстов Руфина, Аблавия, Кассиодора и Иордана и содержащая ряд интересных методических предложений относительно предполагаемых источников, которыми пользовался Иордан при написании «Getica»[3].

Основываясь на восходящей к первым исследователям «Getica» XIX в. гипотезе о том, что «Иордан был малограмотным компилятором сочинения Кассиодора» (ВИД-31. С. 63; Восточная Европа. С. 278), П. В. Шувалов исследует ритмизацию текста в девяти отрывках из «Getica», рассматривая их как заимствования Иордана из сочинений других авторов, прежде всего Кассиодора. На примере этих отрывков он предлагает вариант реконструкции текста не сохранившейся готской истории Кассиодора, ставит вопрос о перспективности дальнейшего исследования ритмизированных пассажей в «Getica» для выявления источников Иордана и уточнения представлений историографии о методе его работы

---

117) ; *Mierow Ch. C.* The Gothic History of Jordanes : in English Version, with an Introduction and a Commentary. Princeton, 1915. [Repr. Cambridge, 1966, 2006] ; *Jordanes*. De origine actibusque Getarum : testo, traduzione e note e passi scelti / ed. O. Giordano. Bari, 1972.

[3] *Шувалов П. В., Рудницкий Р. Б.* К вопросу о ритмизированных фрагментах в тексте «Гетики» Иордана (Предварительные замечания) // ВИД. СПб., 2010. Т. 31 (далее — ВИД-31). С. 62–73 ; *Шувалов П. В.* К вопросу о ритмизированных фрагментах в тексте «Гетики» Иордана (Предварительные замечания) // Восточная Европа в древности и Средневековье. Устная традиция в письменном тексте : XXII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М. : ИВИ РАН, 2010 (далее — Восточная Европа). С. 277–283. Отдельные положения своей гипотезы П. В. Шувалов представил в докладах на Международной конференции, посвященной 110-летию Елены Чеславовны Скржинской (1897–1981) «Сравнительное изучение западноевропейских, византийских и русских памятников документальной письменности и права эпохи Средневековья и начала Нового времени» (Санкт-Петербург, 11–12 октября 2007 г.), и на XXII Чтениях памяти Владимира Терентьевича Пашуто «Восточная Европа в древности и Средневековье. Устная традиция в письменном тексте» (Москва, 14–16 апреля 2010 г.).

над текстом, а также делает несколько интересных наблюдений касательно введения и заключения «Getica». Гипотеза П. В. Шувалова основывается на ряде положений, касающихся фонетических особенностей латинского языка поздней Античности, теории и практики позднеантичного и раннесредневекового латинского стихосложения и прозы, вопросов политической и социокультурной истории Остготского королевства и Восточной Римской империи VI в.

Однако лаконичность статьи, минимальное число кратких примечаний и неточности, допущенные автором, оставляют непроясненными ряд проблем и ставят под вопрос корректность выводов[4]. Так, не указывается, какие именно из девяти рассматриваемых ритмизированных фрагментов выявлены самим автором, а какие — его предшественниками (по меньшей мере, два (?) из девяти). Не упоминаются работы, непосредственно касающиеся темы статьи, даже из числа тех, которые упоминала еще Е. Ч. Скржинская во введении к своей публикации: *Bianchi Dante* «Note sui “Getica” di Giordano e le loro clausule»[5], где идет речь о видах курсуса и других стилистических особенностях «Getica», и *Wölfflin Eduard* «Zur Latinität des Jordanes»[6], где приведен перечень заимствований в «Getica» из Вергилия, равно как и предисловие издателя Т. Моммзена с данными об источниках Иордана для «Romana» и «Getica» и общим заключением о стиле Кассиодора и Иордана (*Mommsen Th*. Prooemium // Iordanis Romana et Getica / ed. Th. Mommsen. Berlin, 1882. P. XXIII–XLIV)[7]. Вне поля зрения автора остались и важные для разработки темы труды Б. Кроука, У. Гоффарта, А. Момильано, Н. Вагнера[8], упоминаемые в книге

---

[4] Благодарю историка-медиевиста и палеографа В. И. Мажугу (СПбИИ РАН) за помощь и консультации при подготовке этой статьи.

[5] Aevum: Rassegna di scienze storiche linguistiche e filologiche // Pubbl. a cura della Facoltà de lettere dall’ Università Cattolica del Sacro Cuore. Milano, 1956. Ann. 30. Fasc. 3. P. 239–246: P. 242–246.

[6] Archiv für lateinische Lexikographie und Grammatik. Leipzig, 1900. Bd. 11. S. 361–368.

[7] *Скржинская Е. Ч.* Иордан и его «Getica». С. 23, примеч. 57 ; С. 25, примеч. 61, 62. Т. Моммзен называет среди источников «Getica» Иордана два с половиной десятка сочинений латинских и греческих авторов (*Mommsen Th*. Prooemium. P. XXX–XLIV). Новое издание «Getica» Фр. Джунты и А. Гриллоне, к сожалению, было мне недоступно.

[8] *Croke B*. Cassiodorus and the Getica of Jordanes // Classical Philology. 1987. Vol. 82.2 (April). P. 117–134 ; *Croke B*. A. D. 476. The Manufacture of a Turning Point // Chiron. Mitteilungen der Kommission für Alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts. München, 1983. Bd. 13. P. 81–119 и другие его работы ; *Goffart W*. The Narrators of Barbarian History (A. D. 550–800). Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon. Notre Dame, 2005 [1988] ; *Momigliano A*. Gli Anicii et la storiografia latina del VI secoli // Rendiconti della Accademia

А. С. Кристенсена (2002), на которую ссылается автор, правда, по другому поводу (ВИД-31. С. 63).

В ряде мест автор отходит от принятой филологической терминологии. Так, нуждается в комментировании транскрибирование автором термина cursus, обозначающего систему ритмизированных прозаических клаузул, как «курзус»[9] и отказ от традиционной транскрипции «курсус», зафиксированной, в частности, лингвистистическими словарями О. С. Ахмановой (1966, 2005. С. 212), Ж. Марузо (1960. С. 144)[10]. Ряд терминов также дается не в словарных или наиболее широко употребимых вариантах: «диэреза» вместо «диереза», «синэреза» вместо «синереза» (иначе синерезис, синизесис — стяжение гласных), термин «зияние» (хиатус), обозначающий фонетическое явление (ВИД-31. С. 68, 69), используется в значении термина «элизия», обозначающего устранение этого фонетического явления.

Основным критерием реконструкции текста Кассиодора и выявления вставок Иордана у П. В. Шувалова является ритмизация: автор усматривает в тексте следы стихотворных размеров и ритмизированной прозы (курсуса). Для реконструкции размеров он прибегает к перестановке акцентного ударения (10 раз), уменьшению количества слогов в результате стяжения гласных, синерезе (17 раз), изменению окончаний слов (семь падежных окончаний и одно окончание глагола), перестановкам слов (семь раз), их замене (два раза) и подстановке новых слов (два раза в заключении к «Getica»), в двух местах заключения к «Getica» предполагает ошибку внимания Иордана, не согласовавшем при компилировании падежи и число.

Частая перестановка грамматического ударения, к которой прибегает автор для соблюдения размера, как правило, не обоснована и вызывает

Nazionale dei Lincei. Serie 8a. Classe di scienze morali, storiche, filologiche. 1956. Vol. XI. Fasc. 11–12, Novembre–Dicembre. P. 279–297 ; *Wagner N.* Getica: Untersuchungen zum Leben des Jordanes und zur frühen Geschichte der Goten. Berlin, 1967 ; *Giordano O.* Jordanes e la storiografia nel VI secoli. Bari, 1973 ; *Giunta F.* Jordanes e la cultora dell'alto medioevo. Palermo, 1952 ; *Zecchini G.* Cassiodoro e le fonti dei «Getica» di Giordane // *Zecchini G.* Ricerche di storiografia latina tardoantica. Roma, 1993. P. 193–209 и другие работы.

[9] Не совсем корректным является также употребление этого слова как синонима словосочетания «ритмизированные клаузулы» (например, «употребление курзусов характерно для...» — ВИД-31. С. 68, «следит за клаузулами, используя курзусы…» — ВИД-31. С. 69). Во множественном числе это слово не употребляется.

[10] *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. 3-е изд., стер. М., 2005 [1966] ; *Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов / пер. с фр. Н. Д. Андреева ; под ред. А. А. Реформатского. М., 1960.

серьезные вопросы. Несовпадение ритмического ударения (ictus) с грамматическим (accentus) было нередко в латинском метрическом стихосложении, где положение ритмического ударения определял стихотворный размер, счет стоп. Однако ритмическое ударение падало только на долгий слог, но не на краткий, как предлагает автор. Из-за особенностей подсчета количества слогов в латинском метрическом стихосложении краткий последний слог слов внутри строки мог становиться долгим по положению и, в зависимости от требований размера, ударным, если следующее слово начиналось с согласной или группы согласных (например, «quar(e) íd faciám, fortásse requíris.» (*Catullus*. Carmina 85); «ánnorúm seriés ét fuga témporúm» (Horatius. Ad Melpomenen); подробнее см. ниже). В некоторых случаях мог становиться долгим по положению и краткий слог перед цезурой (например, «óllī sérvă dătúr | ŏpĕr(um) haúd īgnáră Mĭnérvae» (*Vergilius*. Aeneis. V. 284)). В квалитативном же стихосложении (которое усматривает автор в тексте «Getica»), основанном на акцентном ударении, чередовании ударных и безударных слогов, смещение ударения ради требований размера было исключением (ср. русскую поэзию) и не могло иметь места так часто, как это предлагает автор (только в 15 строках введения пять (!) раз). Так, автором переставлено ударение на второй слог от конца в следующих словах, где согласно словарю О. Петрученко[11] второй слог краткий по природе, поэтому ударение должно падать на третий слог от конца: не perágens, a péragens (ВИД-31. С. 69; *Петрученко*, 1994. С. 456); не Sarmátae, a Sármatae (ВИД-31. С. 69; *Петрученко*, 1994. С. 792); не aspícis, a áspicis (ВИД-31. С. 72; *Петрученко*, 1994 С. 56); не recólo, a récolo (ВИД-31. С. 72; *Петрученко*, 1994. С. 537); не bèneficjo, a beneficio (ВИД-31. С. 72; *Петрученко*, 1994. С. 70; синереза не обоснована); не commemóras, a commémoras (ВИД-31. С. 73; *Петрученко*, 1994. С. 107); не Vandálos, a Vándalos (Восточная Европа. С. 280; *Петрученко*, 1994. С. 807); не compéri (Perf. ind. act. 1-го лица глагола comperĭo, pĕri, pertum, īre), a cómperi (Восточная Европа. С. 282; *Петрученко*, 1994. С. 111). Необходимо специальное обоснование перенесения ударения в слове íntegre (*Петрученко*, 1994. С. 330) на второй от конца слог intégre (ВИД-31. С. 73), в том числе если это вызвано фонетическим явлением в народной латыни, связанным с группой muta cum liquida[12], а не просто реконструкцией размера. В одном случае перенесение ударения связывается автором с синерезой: plánitjae вместо planítiae (метрическая схема: – v v –).

---

[11] *Петрученко О.* Латинско-русский словарь. 9-е изд., испр. М., 1914. Репр. М., 1994 (далее — *Петрученко*, 1994). Словарь К. Э. Георгеса, на который ссылается автор, не дает столь подробной информации об акцентном ударении.

[12] См., например: *Дынников А. Н., Лопатина М. Г.* Народная латынь. М., 1998. С. 36–37 ; *Stotz P.* Handbuch zur lateinischen Sprache des Mittelalters. München, 1996. Bd. 3 : Lautlehre. S. 126, § 95. (Handbuch der Altertumswissenschaft ; Abt. 2, Teil 5).

В 17 случаях автор для реконструкции размера апеллирует к стяжению гласных, синерезе («синэреза» у автора): 14 из них представляют собой переход [i] в [j] (ВИД-31. С. 65: glor**j**osam, planit**j**ae; С. 66: Med**j**olanum, Ligur**j**ae, reg**j**am, demol**j**untque; С. 69: cl**j**entesque, consoc**j**ans, victor**j**a, superb**j**ae; С. 72: benefic**j**o; С. 73: init**j**um, dict**j**one, contumel**j**a), два — [u] в [v] (s**u**is, cor**u**isse — ВИД-31. С. 67; Восточная Европа. С. 280), один раз автор предполагает слияние [ii] в [i] в окончании «-iis» (victor**ii**s — Восточная Европа. С. 280)[13]. Подобный прием действительно достаточно широко употреблялся в метрической и квалитативной поэзии поздней Античности и Средневековья[14]. Однако, поскольку он основывался на определенных фонетических процессах в народной латыни и отражал их[15], его использование также нуждается в комментариях и обосновании. В частности, не объясняется, почему применение этого приема носит такой выборочный характер: в четырех отрывках он не отмечен автором вообще, в одном отрывке встречается один раз, а в четырех отрывках по два–четыре раза на одну–пять строк (ВИД-31. С. 65, 66, 69, 73; Восточная Европа. С. 280). При этом хрестоматийные примеры[16] синерезы в словах, где две гласные разделены h: dehinc (у автора двухсложная схема: ~'~), antehac (ВИД-31. С. 69, 72), trahenti (Восточная Европа. С. 281), автором не учитываются.

Учет фонетических явлений в позднеантичной и раннесредневековой латыни времени создания «Getica» (VI в.) и ее основных списков, положенных в основу изданий (VIII и IX–XII вв.), наряду с анализом разночтений, являются важными элементами текстологических исследований и реконструкции текстов. Между тем, обращаясь единственный раз к этой теме, автор демонстрирует непоследовательность: отмечая фонетическое явление перехода интервокального b во фрикативное v[17], он тем не менее транскрибирует имена Favius и Ablabius как Фабий и Аблабий (ВИД-31. С. 66, 71, 72; Восточная Европа. С. 279, 282), а не Фавий и Аблавий, как, например, в переводе Е. Ч. Скржинской (Getica. С. 89, 147, § 151; С. 418 со списком мест упоминания имени «Аблавий»).

---

[13] Напротив, не прибегает к синерезе автор в словах gloriatur (ВИД-31. С. 65), victoria (Там же. С. 69), propriis (Восточная Европа. С. 280), historiis (ВИД-31. С. 73), ingenii (Восточная Европа. С. 281) и др.

[14] См., например, *Stotz P.* Handbuch … S. 43, 45, 70 (со ссылками на литературу).

[15] *Stotz P.* Handbuch … § 34, S. 43–44 ; § 35, S. 45 ; § 58, S. 70–71.

[16] См., например: *Rubenbauer H., Hofmann J. B.* Lateinische Grammatik. 12. korr. / aufl., neubearb. von R. Heine. München, 1995. § 270.2.1, S. 330–331 ; *Соболевский С. И.* Грамматика латинского языка. Теоретическая часть. Морфология и синтаксис. СПб., 1998. § 1359, с. 402.

[17] См., например: *Дынников А. Н., Лопатина М. Г.* Народная латынь. С. 48 ; *Stotz P.* Handbuch … § 215, S. 255–256.

Не получает объяснения очень избирательный подход автора к элизии: автор отмечает только восемь случаев, пропуская остальные 58 (см. в тексте фрагментов в Приложении). Например, пропущена афереза «dictum (e)st» (dict(um) est?), но отмечена следующая прямо за ним элизия «et t(u) ut» в конце введения (ВИД-31. С. 73), не указана элизия «lingu(a) eor(um) Ojum», «magn(a) ubertate», «und(e) amnem» (Восточная Европа. С. 280), «d(e) ipsis», «laud(em) eius», «tant(um) ad», «quant(um) ad», «Getar(um) actusqu(e) eorum» (Восточная Европа. С. 282) и др. Между тем позднеантичные грамматики предписывали избегать хиатуса в прозаических клаузулах, каковые составляют три примера из перечисленных[18].

Вопрос о перестановке, замене, подстановке слов, об изменении окончаний при реконструкции текста теснейшим образом связан с проблемой разночтений в списках, с обоснованием выбора исследователем того или иного чтения. При изменении окончаний в шести из восьми случаев П. В. Шувалов воспроизводит известные по спискам разночтения, но лишь один раз (anterioribus) упоминает об этом. В пяти других случаях (eumque, actibusque, scripta, latissimis pratis) он отдает предпочтение тем или иным разночтениям, никак не обосновывая свой выбор и даже не отмечая, что это разночтения. Проблема разночтений и редакций, важнейшая для текстологических исследований, в том числе для реконструкции текста, автором не ставится, лишь один раз при анализе текста он вскользь упоминает об их существовании (ВИД-31. С. 68), но более в работе не использует.

Не совсем понятно также, почему новое издание «Getica» Фр. Джунты и А. Гриллоне автор использует только для статьи в ВИД-31, но не для работы в сборнике «Восточная Европа». В статье в ВИД-31 им заявлено следование чтениям семьи рукописей α′ в издании Т. Моммзена (группа I у Т. Моммзена (Berlin, 1882)) с привлечением разночтений нового издания Фр. Джунты и А. Гриллоне (Roma, 1991) на основе списков семьи β′ (группа III у Т. Моммзена), в статье в сборнике «Восточная Европа» —

---

[18] *Nicolau M. G.* L'origine du «Cursus» rythmique et les débuts de l'accent d'intensité en latin. Paris, 1930. P. 96 sqq. (Collection d'études latines. Publ. par la Société des études latines, sous la dir. de J. Marouzeau, V) ; *Lindholm G.* Studien zum mittellateinischen Prosarhythmus. Seine Entwicklung und sein Abklingen in der Briefliteratur Italiens. Stockholm, 1963. S. 34. (Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Latina Stockholmiensia ; 10). По данным Г. Линдхольм, в XIII–XIV вв. в немногочисленных случаях хиатуса у итальянских писателей *элизия, как правило, не имела места* (*Lindholm G.* Studien zum mittellateinischen Prosarhythmus … S. 35–39; ср. также: *Nicolau M. G.* L'origine du «Cursus» rythmique ... P. 97 ; *Tunberg T. O.* Prose Styles and Cursus // Medieval Latin: an Introduction and Bibliographical guide / ed. F. A. C. Mantello, A. G. Rigg. Washington DC, 1996. P. 111–121: P. 115).

следование только изданию Т. Моммзена, притом что фактически автор в четырех указанных местах при реконструкции текста воспроизводит чтения семьи β′, не упоминая об этом (см. ниже).

При анализе заключения к «Getica» (Getica LX, 315–316; Восточная Европа. С. 281–282) автор дает ссылку после имени издателя Т. Моммзена (почему-то на латыни с сокращениями: «cum addit. ex app., cf. Skrz. in marg. ed. eius in pag. 122 edit. postum.»), которая, вероятно, указывает на то, что в разных списках «Getica» текст обрывался в разных местах, что отражено в аппарате Т. Моммзеном[19] и отмечено Е. Ч. Скржинской и издателем, подготавливавшем второе издание «Getica» 1997 г. (перепеч. 2001 г.), правда на русском языке, а не на латыни, в примечаниях * и ** на с. 122[20]. Автор не уделяет внимания такому важному для текстологического исследования факту, что заключительная фраза, начинающаяся со слова explicit сохранилась не во всех списках и имеет разночтения.

Предлагаемые автором при реконструкции текста Кассиодора варианты перевода и интерпретации текста, как представляется, в ряде случаев недостаточно убедительны. Так, нуждается в объяснении замена окончания глагола «habere» в реконструируемом П. В. Шуваловым введении Кассиодора с формы Praes. ind. act. «habeo» на Imperf. ind. act. «habebam» («laxari vela compellis relictoque opusculo, quod intra manus hab**eo**<ebam>, id est de adbreviatione chronicorum»). Учитывая, что сказуемые в главном предложении стоят в Praes. ind., употребление в относительном определительном придаточном с quod к слову opusculo имперфекта (прошедшего времени длительного вида, выражающего прошедшее длительное действие, современное другому прошедшему действию, или же действие, часто

---

[19] К сожалению, не могу привести данных по новому изданию Фр. Джунты и А. Гриллоне, оставшемуся мне недоступным.

[20] В примечании ** (*Скржинская Е. Ч.* Иордан и его «Getica». С. 122) издателем указывается, что погибший Гейдельбергский список 921 обрывался еще раньше и Т. Моммзен дополнил его по другим рукописям (позднее примечание Е. Ч. Скржинской от руки в тексте первого издания). Согласно Т. Моммзену (*Mommsen Th.* Prooemium. P. XLVII) в кодексе из 15 кватернионов отсутствовал первый кватернион (начало «Romana»), а в пятнадцатом не хватало двух последних листов (текст «Getica» по Гейдельбергской рукописи заканчивается у Т. Моммзена на P. 135, строка 6, § 299 «Thuringorum regi»). Е. Ч. Скржинская в своем исследовании письма так называемого Лозаннского фрагмента с концовкой «Getica» (Лозанна, Bibliothèque cantonale et universitaire du canton de Vaud, nr. 398, 12 строк, recto § 310–312: «[bar]baricos Vitiges... evellere cupiunt»; verso § 315–316 «et virorum fortium... belesarium consulem») осторожно высказалась в поддержку мнения М. Бессона, идентифицировавшего фрагмент как нижнюю половину последнего листа Гейдельбергской рукописи 921 (см. Приложение II к изданиям 1997, 2001 гг.).

повторявшееся, бывшее обычаем в известное прошедшее время)[21] вызывает вопросы как с точки зрения грамматики, так и по смыслу. В реконструируемой фразе, как представляется, присутствует некоторая нелогичность: «оставив работенку/сочиненьице, которую я когда-то на протяжении определенного времени имел в руках», т. е. Иордан или Кассиодор должен отложить в сторону работу, которой на момент речи уже не занимается. Более того, поскольку под opusculum имеется в виду «сокращение хроник», употребление по отношению к нему прошедшего времени означает, что на момент написания введения это произведение было уже готово. То есть либо Иордан написал «Romana» раньше «Getica», что противоречит всей известной в настоящее время истории текста обоих произведений, либо Кассиодор закончил какое-то сочинение по хроникам перед написанием готской истории, — но в этом случае автор противоречит сам себе, предполагая ранее, что Кассиодору «принадлежит желание написать сочинение о сокращении хроник, от которого его отрывает просьба написать историю готов» (ВИД-31. С. 71).

В реконструируемом автором фрагменте заключения готской истории Кассиодора[22] присутствует «упоминание кого-то в дательном падеже (inquirenti, trahenti, не замеченном Иорданом?), кто ведет свое происхождение от “вышеуказанного народа”[23]» (Восточная Европа. С. 282). Связывание по смыслу этих двух причастий в дательном падеже с одним и тем же лицом, как представляется, недостаточно обосновано, поскольку даже в той реконструкции текста, которую предлагает автор, грамматически и по смыслу все еще остается возможным «традиционный» их перевод, подразумевающий два разных лица: в случае с inquirenti — пытливого читателя, в случае с trahenti — Иордана или же Кассиодора, по мысли

---

[21] См., например: *Соболевский С. И.* Грамматика латинского языка ... § 733–735, с. 204–208.

[22] Восточная Европа. С. 281–282 (подчеркиванием автором выделены фрагменты с ритмизацией, в двойных квадратных скобках — предполагаемые вставки Иордана, в угловых скобках — реконструируемый автором текст Кассиодора, опущенный или измененный Иорданом): «Haec hucusque Getarum origo ac Amalorum nobilitas et virorum fortium facta. [[...]] fama nullis saeculis nullisque silebitur aetatibus. [[...]] me maiorum secutum script[[is]]<a> | ex eorum latissim[[a]]<is> prat[[a]]<is> | paucos flores legisse, | unde inquirenti pro captu ingenii mei coronam contexam | nec me quis <addidisse> in favorem gentis praedictae, | <tibi? dat. commodi> quasi ex ipsa trahenti originem, aliqua [[...]] credat, | quam quae legi et comperi. | nec si tamen cuncta, quae de ipsis [[...]], | nec tantum [[ad]] eorum <ad> laudem quantum ad laudem eius qui vicit exponens. | explicit <carmen?> de antiquitate Getarum actusque eorum, [[...]]».

[23] Вероятно, выражение употреблено автором в переносном смысле, так как в тексте таких слов нет: «quasi ex ipsa trahenti originem».

П. В. Шувалова. Dativus commodi в последнем случае относится к самому автору, ведущему происхождение от готов, который, прибавляя что-то в пользу готов, действовал бы также и в свою пользу. Подстановка здесь отсутствующего у Иордана местоимения tibi для привязки trahenti к некоему неназванному адресату «Getica» выглядит не вполне оправданной, так же как и версия о том, что Иордан не заметил и не исправил при компилировании «неправильный» падеж.

Отбрасывая в своей реконструкции текста Кассиодора все упоминания о Юстиниане и Велизарии, П. В. Шувалов предлагает отождествлять называемого в заключении «Getica» победителя с Теодорихом (Восточная Европа. С. 282). Однако авторская трактовка слов «laudabiliori principi cessit et fortiori duci manus dedit, cuius fama nullis saeculis... silebitur» (Там же. С. 281) как относящихся не к одному Юстиниану, а к двум разным лицам, «государю» Юстиниану и «вождю» Велизарию, и объяснение грамматически не «укладывающегося» в эту версию единственного числа местоимения cuius ошибкой (?) Иордана, не заменившего его на множественное quorum, как представляется, довольно натянута. Два допущения о таких простых и бросающихся в глаза синтаксических ошибках, как несоответствие падежей и числа для небольшого абзаца в шесть-семь фраз (заключения всего труда!), притом что в других рассматриваемых отрывках автор у Иордана аналогичных ошибок внимания не фиксирует, не могут считаться убедительными аргументами в пользу реконструкции автора. В обоих случаях возможно иное, «традиционное» прочтение текста, в пользу которого говорит отсутствие разночтений у Т. Моммзена к cuius и небольшое количество разночтений к trahenti[24], т. е. большая часть переписчиков/редакторов/читателей рукописей не увидели здесь ошибки и не исправили их.

Автор отмечает как характерную черту работы Иордана «грубоватость стиля с нарушениями синтаксиса» (Восточная Европа. С. 282) и в качестве еще одного примера из заключения, помимо ошибок с падежами и числом, приводит якобы не имеющее смысла противопоставление sed в начале придаточного предложения, следующего за упоминанием «государя» и «вождя» (Там же. С. 281). Однако использование противительного союза sed вполне может быть объяснено тем, что он вводит придаточное о прославлении побед Юстиниана и Велизария, противопоставляющее их славу в настоящем и будущем забвению: «…чья слава не умолкнет ни в веках, ни в поколениях, но прославляемы будут победитель и триумфатор Юстиниан и консул Велизарий [под

[24] Лишь в двух из десяти используемых Т. Моммзеном лучших списков стоит trahentem (*A* и *B*; всего он привлекал более 40 списков и 19 ранних изданий, часть которых не сохранилась, — *Mommsen Th*. Prooemium. P. XLVII–LXXIII), в списке Ватикан, BAV, Ottobonianus 1346 (*O*) — traenti (*Mommsen*, 1882. P. 138).

именем] Вандальских Африканских и Гетских». Употребление местоимения haec в начале первых трех фраз заключения, выделяемое П. В. Шуваловым как повтор (и, вероятно, свидетельство небрежной компиляторской работы Иордана? — Там же), вполне можно объяснить особым стилистическим приемом, усиливающим эмоциональность концовки, тем более что три следующие фразы (до слова explicit) начинаются с союза nec[25].

В другом отрывке о переселении готов из Скандзы в Ойум (Getica IV, 25–27; Восточная Европа. С. 279–281) критерием выделения мест редакторской работы Иордана с текстом Кассиодора для автора является не только ритмизация, но и «вычурность стиля» отдельных неритмизированных частей предложения. Данный критерий представляет собой весьма субъективное определение (дальше идет не менее «вычурный» текст) и недостаточное основание для атрибуции текста Кассиодору, поскольку отсутствуют ссылки даже на минимально необходимое для этого сравнительное исследование стилистики произведений Кассиодора и Иордана.

В том же отрывке о переселении готов в Ойум автор усматривает «иорданову аттракцию текста Кассиодора, содержавшего, в частности, перечисление еще трех королей» (Восточная Европа. С. 280) лишь в первой половине логически вполне цельной фразы с рассказом о первых завоеваниях готов после выхода из Скандзы, отбрасывая вторую часть, начинающуюся с союза -que, и помещая таким образом рассказ о трех королях (т. е. вероятно, втором и третьем, неизвестным нам по именам, и четвертом — Гадариге) между победой над ульмеругами и победой над соседним им племенем вандалов. Победа над вандалами («eorumque vicinos Vandalos iam tunc subiugantes suis aplicavere victoriis.») в таком случае предстает уже делом пятого короля — Филимера, что довольно нелогично, учитывая явное выделение Иорданом Филимера, с которого начинается новый этап истории готов, и следующее предложение. В этом следующем предложении автор предполагает еще один «текстологический шов как след иордановой аттракции» после слова Gadarigis, вследствие которого произошла потеря подлежащего во фразе «...et iam pene quinto rege regnante post Berig Filimer, filio Gadarigis, consilio sedit, ut exinde cum familiis Gothorum promoveret exercitus.» (Getica IV, 26; Восточная Европа. С. 280). Фраза, как и последующие, действительно не вполне соответствует образцам классической латыни, но логическое подлежащее все же имеется — Филимер, сын Гадарига, о котором идет речь до конца предложения, т. е. во всем

[25] Воздерживаюсь от комментирования предположения автора, что слова заключения scito me («haec qui legis, scito me... flores legisse...» — Восточная Европа. С. 281) являются оборотом Abl. abs., а не повелительным наклонением глагола scire в Fut. act. Sg. и зависящим от него оборотом Acc. cum infin., поскольку, как представляется, фраза в этом случае теряет смысл, а автор не дает соответствующего варианта перевода.

рассматриваемом автором отрывке, где Филимер также только логическое подлежащее. Поэтому, исходя из этого критерия, можно подозревать «аттракцию» и в любом другом придаточном внутри этого сложного распространенного предложения.

Таким образом, тезис П. В. Шувалова о том, что «Getica» представляет собой «очень сырой текст, полный стилистических шероховатостей, текстологических швов, сбоев синтаксиса и грамматических ошибок» (ВИД-31. С. 64) не получает в обоих рассматриваемых статьях достаточного обоснования.

Остается непонятным, присутствуют ли в тексте «Getica» метрические пассажи[26]. П. В. Шувалов предваряет обе свои работы общим замечанием о том, что «серия ритмизированных пассажей» в тексте Иордана построена «по законам не классического античного стихосложения, основанного на чередовании долгих и кратких слогов, а на основе чередования ударных и безударных гласных, что характерно для позднеантичной и средневековой эпох» (ВИД-31. С. 62; Восточная Европа. С. 278). Последнее утверждение спорно само по себе, учитывая новый расцвет метрической поэзии в Каролингскую эпоху и ее широкое бытование в высокое Средневековье. В качестве доказательства своего тезиса автор приводит слова spatiosissimus (v v – – v v) и arboribus (– v v v) из первого представляемого им примера тонического гекзаметра (spátiosíssimus <h>órtus osténdit arbóribus plénus), «не укладывающиеся в традиционный (вероятно, имеется в виду метрический. — *Е. К.*) размер, если его строить по долготам» (ВИД-31. С. 62). Но далее автор характеризует все рассматриваемые им фрагменты уже как метрические и специально выделяет подчеркиванием «метрические пассажи» для удобства читателей (ВИД-31. С. 63); анализу метрики посвящен подразд. 2 «Смысл и метрический размер» (ВИД-31. С. 66–67). Однако ни одной схемы метрического размера разбираемых фрагментов в статье не приводится, автор дает только схемы *акцентного ударения*, показывающие *ритмический*, а не метрический рисунок текста и соответствующие квалитативному (здесь силлабо-тоническому?), а не квантитативному стихосложению. В рассматриваемый период поздней Античности — раннего Средневековья акцентная метрика, как правило, строилась по модели квалитативной, «воспроизводя» метрические размеры[27]:

---

[26] Благодарю историка-скандинависта и поэта-переводчика А. Д. Щеглова (ИВИ РАН) за консультацию в отношении рассматриваемых фрагментов «Getica».

[27] См., например: *Norberg D.*: 1) L'origine de la versification latine rythmique // Au seuil du moyen âge. Études linguistiques, métriques et littéraires publiées... a l'occasion de son 65e anniversaire. Padova, 1974. P. 109–115: P. 113 et passim ; 2) Le vers accentuel en bas-Latin // Ibid. P. 116–122: passim ; P. 122 о погрешностях в размере при цитировании других авторов.

Ó patér clerí populíque décus, etc. O páter cléri pòpulíque décus, etc.

Известные примеры такого рода стихосложения, указываемые Д. Норбергом, происходят не из Италии, а из заальпийской Европы — Ирландии, Англии, Испании, Галлии. В примерах, приводимых автором, акцентных метрических схем обнаружить не удалось.

Составив и проанализировав метрические схемы всех приводимых автором фрагментов (см. ниже), которые он обозначает как имеющие метрический размер (выделены им подчеркиванием), мне не удалось выявить следы метрических стихотворных размеров.

Вызывает вопросы методика определения стихотворных отрывков. Во фрагменте «отрывка поэмы» из семи стихов Getica L, 261 (ВИД-31. С. 63) следы метрического дактилического (?) размера, который П. В. Шувалов предполагает здесь, судя по его акцентным схемам (автор отказывается от точного определения размера), не прослеживаются, если учитывать характерную для стихов элизию. Судя по количеству слогов, из семи стихов только второй (23 или 24 моры) и, возможно, третий (21 или 22 моры) полные; в пятом и седьмом стихах сохранилось от одного до трех слов из середины (?) стиха (если это не вставки Иордана), а из первого, четвертого и шестого стихов Иордан почему-то предпочел взять только по три-четыре последних слова, везде отбросив начало. Такой реконстрируемый принцип компилирования странен. Большие трудности возникают также при попытке определить, что из себя должна представлять строфа, в состав которой входили бы эти семь стихов, поскольку для поэтического текста необходимо не столько соответствие каких-то отдельных стихов некоему ритмическому рисунку, сколько повторяемость этого рисунка и смысловая законченность фрагмента. По смыслу же весь отрывок, разбитый на семь предполагаемых стихов, является довольно цельным. В связи с этим с большой вероятностью следует предположить, что данный фрагмент является не стихами, а прозаическим текстом Иордана или используемого им источника. Кроме того, необходимо учитывать, что использование «героического размера», дактилического гекзаметра, в прозаических текстах отрицательно оценивалось позднеантичными грамматиками (см. ниже).

То же самое относится и к фрагменту Getica XXIX, 151 «Элегия Фабия» (ВИД-31. С. 65–66). Из восьми стихов, выделяемых автором, следы метрического дактилического размера прослеживаются только в неполных четвертом (19 мор), седьмом (19 мор в *начале* стиха) и восьмом (13 мор) стихах. Четыре стиха из восьми, очевидно, неполные и содержат от 19 до 6 мор (четвертый, шестой–восьмой), остальные имеют по 24–25 мор (в третьем и пятом стихах 24 моры с конъектурой автора, без нее соответственно 31 и 20 мор). По мнению автора, в шестом и седьмом стихах

Иордан взял только начальные слова, а в восьмом, наоборот, только два последних слова. Если вслед за автором предполагать, что это стихи, то крайне затруднительно определить, какой должна быть строфа. Скорее допустить, что «элегию» (?) Фавия Иордан пересказывает своими словами.

Как представляется, выводы П. В. Шувалова нуждаются в корректировке не только относительно наличия метрических стихов в «Getica», но и в том, что касается ритмизированной прозы и вставок с якобы принадлежащими такому пуристу, как Кассиодор, квалитативными стихами, усматриваемыми автором, судя по его акцентным схемам, в тексте «Getica». Как уже упоминалось, автор не использует наработок историографии по изучению ритмико-мелодического построения «Getica» и в целом позднеантичной литературы. Так, не указывается, насколько квалитативное стихосложение было распространено в VI в., какая из его форм (силлабическая, силлабо-тоническая, тоническая) видится автору в рассматриваемых фрагментах.

Кроме того, не прояснены и более специальные вопросы, а именно: были ли квалитативное стихосложение в его *n*-й форме и ритмический курсус (см. ниже) характерны для Кассиодора и других предполагаемых источников Иордана? В статье отсутствуют данные о ритмико-мелодическом построении сочинений Кассиодора, о типах предпочитаемых им клаузул прозы, об использовании им метрического или квалитативного стихосложения. Между тем сохранившиеся прозаические тексты Кассиодора (например, *Variae*, *Institutiones*) исследователи оценивают как рафинированные, усматривая в них cursus mixtus и следование правилам учения о стилях[28]. Поскольку Кассиодор рассматривается автором как главный источник Иордана, без сравнительного анализа ритмического и интонационно-смыслового построения фрагментов «Getica» и сочинений Кассиодора соответствующих жанров невозможно сделать корректные выводы об их атрибуции именно этому писателю. Для такого анализа необходимо также предварительное исследование ритмико-мелодического

---

[28] См., например: *Kakridi Ch.* Cassiodors Variae. Literatur und Politik im ostgotischen Italien. München ; Leipzig, 2005. P. 68–98: здесь P. 78–79 ; *Hagendahl H.*: 1) La Correspondance de Ruricius. Göteborg, 1952. P. 36–47. (Göteborgs Högskolas Årsskrift ; LVIII, 3) ; 2) La prose métrique d'Arnobe. Contributions à la connaissance de la prose littéraire de l'Empire. Göteborg, 1936. P. 19, 79 sqq. (Göteborgs Högskolas Årsskrift ; XLII, 1936:1) ; *Suelzer M. J.* The Clausulae in Cassiodorus. Washington DC, 1944 (приведены подсчеты по типам метрических и акцентных клаузул в пяти сочинениях Кассиодора, сравнительные данные по клаузулам в сочинениях 12 других латинских авторов I–VI вв.; критические замечания по методике подсчетов см. в рецензии: *Jones L. W.* [Rev.] // Classical Philology. 1946. Vol. 41. P. 118–121) ; *Jones L. W.* Notes of the Style and Vocabulary of Cassiodorus's Institutiones // Classical Philology. 1945. Vol. 40, nr 1 (Jan.). P. 24–31.

построения текста обоих произведений Иордана, «Getica» и «Romana», установление типов курсуса (метрический, cursus mixtus, акцентный) и предпочитаемых клаузул. При этом необходимо учитывать, что выводы будут носить лишь относительный характер, поскольку предпочитаемые виды клаузул не являются безусловно надежным критерием определения авторства, так как предпочтения автора могут меняться с течением времени даже в рамках одного произведения, если его создание занимает годы, как, например, в тексте Ливия[29].

Также нуждается в комментариях пестрота стихотворных стоп, размеров и видов акцентных клаузул, обнаруживаемая автором в рассматриваемых фрагментах «Getica», которые он приписывает Кассиодору и другим источникам Иордана: сочетание в одной стихотворной фразе (сложное распространенное предложение) трохея, дактилического гекзаметра, пеона и удвоенного cursus planus (ВИД-31. С. 67); ямбов и дактилей (Там же. С. 66); дактилического гекзаметра и акцентных клаузул прозы (Там же. С. 69); «трохеического размера и клаузулы из тройного cursus planus» (Там же. С. 72); трохея, дактилического пентаметра, тройного cursus planus и «ямбического пентаметра» (Там же. С. 72–73); чередование Кассиодором «в одном периоде различных размеров» (!) (Там же. С. 71). Нуждается в объяснении, насколько подобное смешение соответствовало распространенным в тот период правилам грамматики и риторики, в частности учениям о стилях, о периодах и о художественном оформлении прозы, а также насколько оно было характерно для Кассиодора. Нуждается в комментариях и смысловая нагрузка, атрибутируемая автором стихотворным размерам, прежде всего ямбу, который, по мысли автора, отражает «более оживленную (чем дактиль. — *Е. К.*) тему (вакхическое безумие гуннов и прежнее величие Медиолана)» — подразд. 2 «Смысл и метрический размер» (Там же. С. 66), что несколько необычно по сравнению с общей тенденцией употребления этого размера в античной литературе, где ямб использовался для разговорной речи в комедиях и трагедиях, а также для сатир и эпиграм.

Вызывает вопросы и методика исследования курсуса, применяемая автором. Речь идет исключительно о ритмическом курсусе, причем характеризуется он с помощью терминов velox, planus, tardus, появившихся только в конце XII – начале XIII в. (четвертый из рекомендуемых теоретиками ars dictaminis того периода вид курсуса trispondaicus не рассматривается), и исследуется по методике, также применяемой в историографии только к курсусу Средневековья (с VII–VIII вв., но преимущественно для XII–XIII вв.): высчитывание курсуса, исходя из количества слогов между ударными гласными и после ударения в последнем слове клаузулы,

[29] *Aili H.* The Prose Rhythm of Sallust and Livy. Stockholm, 1979. S. 105–110.

не учитывая общего количества слогов в образующих клаузулу словах[30]. Проблема cursus mixtus — переходной формы (приблизительно III/IV–VI вв.)[31] от античного метрического numerus к средневековому акцентному cursus, в которой ритмическое (ictus) и грамматическое ударения (accentus) совпадали и значение играло количество слогов в слове, — автором не рассматривается. Между тем применение обозначений velox, planus, tardus и описанной методики для позднеантичного и средневекового курсуса до XII в. является некорректным, поскольку в схемы каждого из этих трех видов укладывается большое количество клаузул метрического курсуса и cursus mixtus. Например, как velox ('~ ~ ~ ~ ~ '~ ~) выглядят клаузулы амфимакр (кретик) + дитрохей (дихорей) ('– v – | – v '– v), амфимакр (кретик) + антиспаст ('– v – | v – '– v), дактиль + дитрохей ('– v v | – v '– v), дактиль + эпитрит II ('– v v | – v '– –), дактиль + антиспаст ('– v v | v – '– v), дактиль + малый ионик (– '– v v | v v '– –), трибрахий + дитрохей ('v v v | – v '– v), анапест + дитрохей ('v v – | – v '– v), анапест + антиспаст ('v v – | v – '– v) и т. д. В рассматриваемых отрывках «Getica» клаузулы, определяемые автором как velox, представляют собой

---

[30] При таком некорректном анализе курсуса автором допущен ряд неточностей и ошибок. На с. 68 (ВИД-31) клаузула intráverat ánnum — если абстрагироваться от того, что это текст VI в., и оперировать терминами и методикой XIII в., — представляет собой не cursus tardus, а cursus planus, поскольку в annum всего два слога, это условный спондей, а не условный дактиль; слова ímperiál(em h)abére не образуют cursus planus, если в них, как предлагает автор, из-за элизии не произносились заключенные в скобках буквы. Из-за невнимания к окончаниям смысловых отрезков текста и поисков ритмизации во всем тексте целиком автором некорректно определен курсус в строке «…suávum péde, | Húnnum sagítta | / praesúmere, |/...» (ВИД-31. С. 63). Отмечен cursus planus в словах Húnnum sagítta, а слово praesumere рассматривается как отдельный стих из одного слова, тогда как смысловой отрывок явно заканчивается на слове praesumere, после которого стоит издательская запятая, а не на слове sagitta: «sagítta praesúmere» — cursus tardus (точнее, вакхическая стопа + большой ионик), не замеченный автором.

[31] *Lindholm G.* Studien zum mittellateinischen Prosarhythmus … S. 7 (со ссылками на: *Hagendahl H.* La prose métrique d'Arnobe … ; *Nicolau M. G.* L'origine du «Cursus» rythmique … ; *Meyer W.* Gesammelte Abhandlungen zur mittelalteinischen Rythmik : 3 Bde. Berlin, 1905–1936. Bd. 2. 1905. S. 236ff ; *Clark A. C.* The Cursus in Mediaeval and Vulgar Latin. Oxford, 1910. P. 10sq. Начало распространения акцентных клаузул ученые относят к V в., а их утверждение — к XI в. См., например: *Meyer W.*: 1) Gesammelte Abhandlungen zur mittelalteinischen Rythmik. Bd. 2. S. 259–266 ; 2) Die akzentuierte Satzschluss in der griechischen Prosa vom IV. bis XVI. Jh. Göttingen, 1891 ; *Norden E.* Die antike Kunstprosa vom VI. Jh. v. Chr. bis in die Zeit der Renaissance. Leipzig ; Berlin, 1909. Bd. 2. 2. Abd. S. 925 ; *Nicolau M. G.* L'origine du «Cursus» rythmique … P. 73–76 ; *Lindholm G.* Studien zum mittellateinischen Prosarhythmus … S. 7.

прокелевматик (спондей?) + эпитрит IV (v 'v v v | – – '– v), пеон II + дитрохей (v '– v v | – v '– v), эпитрит III + пеон III (– '– v – | v v '– v), дактиль + малый ионик (– '– v v | v v '– –). Для чаще встречающегося во фрагментах cursus planus разнообразие «соответствующих» метрических клаузул значительно больше.

Помимо этого автором не учитывается еще один важный момент — место ритмизированных клаузул в предложении. В статье в сборнике «Восточная Европа» (С. 278) П. В. Шувалов с опорой на классическую работу А. К. Кларка (1910) и энциклопедическую статью Д. У. Хэлпорна[32] отмечает, что ритмизации подвергались клаузулы «в особенности в конце периода», однако на практике ищет курсус в гораздо более коротких интонационно-смысловых отрезках, а в статье в ВИД-31 — вообще во всем тексте подряд.

Общим положением и в римской Античности, и в период всего Средневековья[33] было то, что ритмизации подвергался не весь прозаический текст, а лишь окончания интонационно-смысловых блоков текста (синтагм, фраз, групп фраз) — колона, периода, реже коммы[34], менее строгие предписания существовали для начала таких блоков. Допустимые виды метрического, а позднее ритмического акцентного построения этих окончаний (клаузул) довольно строго регламентировались риториками и различались для разных интонационно-смысловых блоков — каждого из колонов в рамках периода из одного колона (малый ионик + амфимакр (кретик) или дактиль + спондей и т. д.), из двух колонов (амфимакр + амфимакр и дитрохей; трохей + дактиль и дитрохей и т. д.), из трех колонов (трохей + молосс, амфимакр + спондей и амфимакр + дитрохей и др.), из четырех колонов (спондей + пеон IV, трохей + малый ионик, амфимакр + ямб и амфимакр + амфимакр и др.)[35]. Так, например, в трактате «Fragmenta Bobiensia» (II или V в.)[36] приводятся 28 (включая шесть

---

[32] *Clark A. C.* The Cursus in Medieval and Vulgar Latin ; *Halporn J. W.* Prosarhythmus // Lexikon der Alten Welt. Zürich, 1965. Bd. 2. Col. 2450–2454.

[33] См. пособия по латинской филологии, например: *Lausberg H.* Handbuch der literarischen Rhetorik : 2 Bde. München, 1960 (со ссылками на источники и литературу, а также **все** упоминаемые в рецензии работы по ритмизированной прозе (passim)).

[34] См., например: *Lausberg H.*: 1) Handbuch der literarischen Rhetorik. Bd. 1. § 930, 938, 977–1054 ; 2) Elemente der literarischen Rhetorik. Ismaning, 1990. § 459–462.

[35] Все примеры из: *Lausberg H.* Handbuch der literarischen Rhetorik. Bd. 1. § 987.

[36] Цит. по: *Capua F. di.* Fonti ed exempi per lo studio dello «stilus curiae Romanae» medioevale. Roma, 1941. P. 8–11. (Testi medievali per uso delle scuole universitarie a cura di P. Fedele, no 3). См.: Fragmenta Bobiensia. De structuris (e cod. Vindobonensi 16 olim Bobiensi, saec. VII–VIII) // Grammatici Latini ex Recensione Henrici Keilii / ed. H. Keil. 1874. Vol. 6. P. 620–625. См. также текст трактата в Интернете: URL: http://latin.packhum.org/loc/1377/7/0#0 (раздел «De structuris»).

дублей) основных метрических клаузул для прозы (трохей + молосс, трибрахий + дитрохей и т. д.), на основе которых, по мнению анонимного автора, образованы все остальные. В «Ars grammatica» Мария Плоция Сацердоса (III в.), известного в Средневековье в компиляции Проба, приводятся 29 рекомендуемых метрических клаузул и еще 17 допустимых (с пятью дублями), сконструированных на основе текстов Цицерона[37]. Из 63 клаузул в обоих трактатах совпадают шесть, т. е. всего рекомендованы 57 клаузул, но, как пишут оба грамматика, число допустимых клаузул больше. Отдельная большая проблема — следование этим правилам на практике, их соблюдение в сочинениях каждого конкретного писателя[38].

Помимо чередования клаузул (variatio), одним из правил риторики было также избегать стихотворных размеров, особенно это касалось двух последних стоп стихов (в частности, versus heroicus — трохей + антивакхическая стопа, дактиль + спондей/трохей, соответствующие последним стопам стиха дактилического гекзаметра[39]), а также стихотворного зачина в прозаических текстах[40], поэтому нуждается в комментировании усматриваемое автором в трех фрагментах из девяти сочетание стихотворного размера и прозаических клаузул. Нуждаются в специальном обосновании, основанном прежде всего на исследовании клаузул во всех сочинениях Иордана и Кассиодора, а также позднеантичных грамматических трактатов, рассуждения авторов об «удлинении» курсуса дактилями, дактилическими стопами, двойными и тройными клаузулами (ВИД-31. С. 67, 68, 72). Рядом грамматиков[41] рекомендовалось избегать в клаузулах

---

[37] Цит. по: *Capua F. di.* Fonti ed exempi … P. 12–17 ; *Nicolau M. G.* L'origine du «Cursus» rythmique … P. 101–103; ср.: P. 103–123. См.: Marius Plotius Sacerdos. Artes grammaticae // Grammatici Latini ex recensione Henrici Keilii / ed. H. Keil. 1874. Vol. 6. P. 427–546: P. 492–495.

[38] См., например, виды клаузул, выделяемые Хансом Айли в исторических сочинениях Саллюстия и Тита Ливия. Лишь часть из них совпадает с рекомендованными в теоретических трактатах: *Aili H.* The Prose Rhythm of Sallust and Livy. P. 69–76, 112, 126.

[39] См., например, трактат Сацердоса (*Capua F. di*. Fonti ed exempi … P. 13–14).

[40] См., например, *Lausberg H.*: 1) Handbuch der literarischen Rhetorik. Bd. 1. § 981, 991–993, 1053 ; 2) Elemente der literarischen Rhetorik. § 459 (со ссылками на Квинтилиана, Марциана Капеллу, Сацердоса и другие источники) ; *Nicolau M. G.* L'origine du «Cursus» rythmique … P. 111 ; *Aumont J.* Métrique et stylistique des clausules dans la prose latine: De Cicéron à Pline le Jeune et de César à Florus. Paris, 1996. P. 40–43, 275–316. (Travaux de linguistique quantitative / publ. sous la dir. de Ch. Muller ; 56).

[41] См., например, трактат Сацердоса (*Capua F. di.* Fonti ed exempi … P. 13–14). См. также: *Nicolau M. G.* L'origine du «Cursus» rythmique … P. 96, 109, 144 ; *Valois N.* Étude sur le rythme des bulles pontificales // Bibliothèque de l'École

окончаний на односложное слово и не использовать в них слова длиннее четырех слогов (ср. во фрагментах пяти-, шести- и семисложные слова, встречающиеся 13 раз, из них по меньшей мере три раза в клаузулах в конце колонов).

В связи с этим применительно к текстам VI в. анализ курсуса должен проводиться в терминах метрического курсуса с учетом долготы и краткости слогов и количества слогов в словах, образующих клаузулу (cursus mixtus), а также разбивки текста на колоны и периоды, поскольку любому анализу ритмики латинской прозы должно предшествовать исследование ее интонационно-смыслового членения, выделение мест, которые потенциально могли подвергаться ритмизации.

В подобном исследовании имеется ряд сложностей. В значительном числе случаев такие места могут не совпадать с издательской пунктуацией текста и, кроме того, различаться у разных исследователей. Например, полемика Т. Янсона и А. Приммера убедительно показывает, что обнаружение ритмизированных клаузул в тексте или вывод об их отсутствии напрямую зависит от того, как ученые делят текст на смысловые блоки[42]: Т. Янсон обнаружил в посланиях Герберта Реймсского (будущий папа Сильвестр II, ок. 946/950–1003) соблюдение правил курсуса; А. Приммер, выделив приблизительно 170 периодов и около 30 раз расставив в них знаки пунктуации по-другому, пришел к выводу, что курсус в тексте

---

des Chartes. Paris, 1881. T. 42. P. 168–172: P. 191 ; *Thurot Ch*. Notices et extraits de divers manuscrits latins pour servir à l'histoire des doctrines grammaticales au moyen âge // Notices et extraits des manuscripts de la Bibliothèque impériale et autres bibliothèques. Paris, 1868. T. 22/2. P. 1–592: P. 483. Ср. данные Ж. Омона о клаузулах в пять и более слогов: *Aumont J.* Métrique et stylistique des clausules dans la prose latine … P. 257–274.

[42] *Janson T.* Prosarhythmus und Stufenvergleich // Eranos. Acta philologica suecana. Stockholm, 1978. Vol. 76. Fasc. 2. S. 171–178 ; рецензия на: *Primmer A.* Cicero Numerosus. Studien zum antiken Prosarhythmus. Wien, 1968. (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl. Sitzungsberichte ; Bd. 257). Ср. рецензию А. Приммера (Gnomon : Kritische Zeitschrift für die gesamte klassische Altertumswissenschaft. München, 1978. Bd. 50. H. 3. S. 269–273) на книгу Т. Янсона (*Janson T.* Prose Rhythm in Medieval Latin from the 9th to the 13th Century. Stockholm, 1975. (Studia Latina Stockholmiensia ; 20)). Ср. также более раннюю критику методики Л. Авэ (*Havet L.* La prose métrique de Symmaque et les origines métriques du cursus // Bibliothèque de l'École des Hautes Études. Paris, 1892. T. 94) М. Г. Николо (*Nicolau M. G.* L'origine du «Cursus» rythmique … P. 13–22, 33–40). Обзор методик исследования метрического курсуса в работах немецких и французских филологов, начиная с В. Майера: Л. Авэ, А. Борнека, Ф. Новотны, А. В. де Грота, Ж. Перре, А. Приммера, Ф. Шарпена и др. см.: *Aumont J.* Métrique et stylistique des clausules dans la prose latine … P. 11–72: P. 11–58 ; *Aili H.* The Prose Rhythm of Sallust and Livy. P. 15–50.

не прослеживается[43], а встречающиеся акцентные клаузулы «правильных» видов являются продуктом естественной ритмизации текста. К сожалению, П. В. Шувалов не проводит анализа интонационно-смыслового членения выделяемых им фрагментов. Анализируемые им примеры представляют собой в трех случаях отрывки из середины предложений, в пяти случаях — с середины до конца предложения, и только введение, заключение и легенда о переселении готов из Скандзы в Ойум даются целиком; при этом за исключением легенды и заключения анализу подвергаются не окончания комм, колонов, периодов, а весь текст подряд.

Несмотря на справедливое указание на то, что «простейшая ритмика свойственна в некоторой степени любому, в том числе и нелитературному тексту» и что «важен не сам факт наличия ритмики, сколько определенная системность» (Восточная Европа. С. 278), при анализе курсуса автором не учитывается явление естественной ритмизации текста, обусловленное описанной методикой подсчета акцентных клаузул. Поскольку максимальное количество типов акцентных клаузул, рассматриваемых П. В. Шуваловым, не превышает трех, математическая вероятность возникновения случайных сочетаний слов, воспроизводящих эти виды клаузул, довольно высока. Так, в упоминавшихся «Fragmenta Bobiensia» 16 из 22 (не считая шести дублей) метрических клаузул естественным образом образуют один из трех основных видов акцентных клаузул (девять cursus velox, пять planus, два tardus). По данным Г. Линдхольм, при подобной системе подсчетов около 50–60 % всех клаузул в тексте может быть ритмизировано естественным образом, как, например, в текстах Цицерона[44], сходные показатели можно предполагать и в отношении естественной ритмизации всего текста целиком.

Поэтому при анализе курсуса необходимы тщательная разработка и обоснование методики выделения и классификации интонационно-смысловых блоков текста применительно к конкретному произведению[45], установление частотности различных клаузул в исследуемом тексте, их

---

[43] Рецензия А. Приммера на книгу Т. Янсона в журнале *Gnomon* (S. 270). Die Briefsammlung Gerberts von Reims / hrsg. von F. Weigle. München, 1966 [1988]. (MGH. Epistolae. Die Briefe der deutschen Kaiserzeit ; Bd. 2).

[44] *Lindholm G.* Studien zum mittellateinischen Prosarhythmus … S. 27 ; *Nicolau M. G.* L'origine du «Cursus» rythmique … P. 35, 126–127. Подробнее на русском языке о методике исследования средневекового курсуса со ссылками на дальнейшую литературу см.: *Казбекова Е. В.* Приемы ритмизированной прозы (cursus) в сводах декретального права и использование cursus в «Новеллах» Иннокентия IV (1243–1254) // СВ. М., 2005. Вып. 66 / отв. ред. А. А. Сванидзе. С. 218–264.

[45] Необходим, в частности, анализ издательской пунктуации «Getica», в которой точка используется наравне с запятой для отделения придаточных внутри сложного предложения.

классификация на основе сравнительного анализа с аналогичными данными по другим произведениям того же автора, а также сравнительного анализа с предписаниями трактатов по грамматике и риторике и наработками историографии по изучению ритмизированной прозы того периода.

Мною были составлены метрические схемы рассматриваемых автором фрагментов и отмечены в них клаузулы. Интонационно-смысловые отрезки текста исследовались мною, за некоторыми исключениями (см. в тексте фрагментов в Приложении), по издательской пунктуации (с ориентацией на простое распространенное предложение), однородные члены предложения через запятую не учитывались, но все равно количество мест, которые потенциально могли подвергаться ритмизации (90; всего рассмотрено с учетом выделенных автором мест, которые не всегда совпадали с клаузулами колонов, 112 мест), получилось почти в четыре раза больше, чем у автора в статье в ВИД-31 (соответственно 19 и 74 ритмизированных клаузул) и почти в полтора раза больше, чем в статье в сборнике «Восточная Европа» (26 и 38). В этих 112 рассмотренных случаях встречается 114 видов прозаических клаузул, включая 68 спорных видов в 35 клаузулах. Из них повторяющийся характер носят только семь (21?) видов (всего встречаются 52 раза, включая 12 спорных случаев)[46], остальные 93 вида встречаются во фрагментах в 72 клаузулах (включая 31 спорный случай) только по одному разу. Из них к рекомендованным в трактатах Сацердоса и «Fragmenta Bobiensia»[47] видам относятся только девять (четыре повторяющихся и пять одиночных), всего они встречаются 16 раз, учитывая восемь (11) повторяющихся[48]. Краткость фрагментов,

---

[46] Ямб + вакхическая стопа (три или четыре раза), спондей + молосс (два или четыре раза), спондей + большой ионик (два или четыре раза), амфимакр + трохей (три раза), спондей + антивакхическая стопа (два или три раза), спондей + вакхическая стопа (два или три раза), спондей + амфибрахий (один или три раза), хориямб + трохей (два раза), трохей + антивакхическая стопа (два раза, из них один в составе Abl. abs.), амфибрахий + антивакхическая стопа (два раза), амфимакр (кретик) + малый ионик (два раза), трибрахий + трохей (два раза), молосс + пиррихий (два раза), спондей + трибрахий (один или два раза), дитрохей + большой ионик (один или два раза), пеон IV + антивакхическая стопа (один или два раза), трохей + дактиль (один или два раза), трохей + амфимакр (кретик) (один или два раза), молосс + анапест (один или два раза), вакхическая стопа + амфибрахий (один или два раза), вакхическая стопа + антивакхическая стопа (один или два раза).

[47] Эти два трактата выбраны мною произвольно в качестве примера, для полноценного анализа курсуса во фрагментах необходима обоснованная подборка из числа позднеантичных и раннесредневековых грамматических трактатов.

[48] Повторяющиеся виды клаузул: трохей + антивакхическая стопа (два раза, клаузула упомянута в обоих трактатах), амфибрахий + антивакхическая стопа (два раза, упомянута у Сацердоса), спондей + вакхическая стопа (два или три раза, упомянута во «Fragmenta Bobiensia»), спондей + амфибрахий (один или три раза,

а также относительно малое количество повторяющихся и зафиксированных в грамматических трактатах клаузул не позволяют на материале фрагментов сделать определенный вывод об их ритмико-мелодическом построении. Три кратких отрывка (три клаузулы рекомендованных типов (ВИД-31. С. 66, 69), две клаузулы на с. 72 ВИД-31)[49] не могут рассматриваться как свидетельства наличия cursus mixtus, поскольку, как уже говорилось, во-первых, эти два трактата выбраны мною произвольно, рекомендованные клаузулы в них по большей части не совпадают, а во-вторых, отсутствуют сравнительные данные по частотности разных типов клаузул в «Getica» и «Romana». В целом же употребление в тексте «Getica» стихотворных размеров, наличие в клаузулах хиатуса и слов длиннее четырех слогов, вероятное несоблюдение (?) курсуса невольно заставляют вспомнить характеристику, которую Иордан дал себе сам — agrammaticus, не изучавший систематически грамматику и риторику, весьма поверхностно знакомый с их правилами.

В своих работах П. В. Шувалов отстаивает гипотезу о том, что введение к «Getica» практически полностью повторяет введение к утраченной «Истории готов» Кассиодора (ВИД-31. С. 69–72), а также высказывает ряд соображений относительно передачи готских легенд в тексте Иордана (Восточная Европа. С. 277–279, 281). Из-за краткости обеих статей автор либо не приводит аргументов в подтверждение своей гипотезы (ВИД-31), либо ограничивается лишь краткими доводами (Восточная Европа). Между тем ряд высказанных им положений вызывает серьезные вопросы. Не будучи специалистом по этому периоду, ограничусь самыми общими замечаниями.

Поскольку все семь приведенных в статье в ВИД-31 «спорных вопросов» к введению «Getica», на которых основана гипотеза автора, идут

упомянута во «Fragmenta Bobiensia»), ср. также клаузулу трохей + дактиль (один или два раза), не упомянутую в обоих трактатах, но встречающуюся в других (см. сноску 35). По одному разу встречаются упомянутые у Сацердоса дактиль + малый ионик, антиспаст + антивакхическая стопа, названные во «Fragmenta Bobiensia» трохей + хориямб, амфимакр + дитрохей, упомянутая в обоих трактатах клаузула трохей + молосс; ср. также клаузулы дитрохей (спорный случай), амфимакр + амфимакр, не упомянутые в обоих трактатах, но встречающуюся в других (см. сноску 33). Клаузулы дитрохей, трохей + дактиль (в «Восточная Европа»), встречаются во фрагментах в периодах большей длины, нежели рекомендовано в грамматических трактатах. Напротив, амфимакр + ямб, трохей + молосс, а также амфимакр + дитрохей, амфимакр + амфимакр во введении к «Getica» употребляются более-менее в периодах рекомендованной длины (см. сноску 33).

[49] На с. 66 (ВИД-31) все три «рекомендованные» виды клаузул встречаются в тексте, который автор как раз атрибутирует Иордану, а не Кассиодору и другим источникам. На с. 72 (Там же) одна из двух «рекомендованных» клаузул также стоит в тексте, приписываемом автору Иордану.

вразрез с тщательно обоснованными взглядами на эти же вопросы Е. Ч. Скржинской, опирающимися на детальное исследование исторического контекста «Getica» и истории ее текста (см. ее вступительную статью «Иордан и его “Getica”»), необходимо столь же скрупулезное и фундированное опровержение ее доводов относительно атрибуции слов ut quidam ait, выражения «сокращение хроник», трехдневного просмотра Иорданом 12 книг «Истории готов» Кассиодора и воспроизведения их по памяти, добавлений в «Getica» из сочинений греческих авторов, знания Иорданом греческого языка, адресации Касталию, толкования слов ut vicinus genti.

Приведенные в статье в ВИД-31 формулировки этих семи «спорных вопросов», на которых основывает свою гипотезу автор, довольно слабы. Так, не объясняется, что за падежная форма с диграфом æ использована в конъектуре frater <Amalae> (вместо звательного падежа frater Castali), которую автор делает в тексте в соответствии со своей гипотезой. Слово «Амал», «Амалы» у Иордана второго склонения мужского рода (в издании Е. Ч. Скржинской: с. 135, § 79 Nom. Sg. «Amal»; с. 136, § 81, с. 142, § 116, с. 150, § 174, с. 154, § 199, с. 163, § 251, с. 166, § 266, с. 171, § 298, с. 174, § 315 Gen. Pl. «Amalorum»; с. 129, § 42 Dat. Pl. «Amalis»; с. 146, § 146 Acc. Pl. «Amalos»; с. 150, § 174, с. 162, § 246 Abl. Sg. «Amalo»), женский род употребляется только по отношению к роду и всегда с соответствующим определением «Amala gens / stirps» (с. 163, § 252 Abl. Sg. «gente Amala»; с. 167, § 270 Abl. Sg. «stirpe non Amala»). Требует объяснения также обращение «брат», которое в этой конъектуре употребляет Кассиодор по отношению к готскому королю Аталариху (ВИД-31. С. 72), даже с учетом того, что это может быть заимствование из текста Руфина (ср. frater Heracli у Руфина в примечании без номера в издании Т. Моммзена (*Mommsen*, 1882. P. 53)). Для доказательства этой конъектуры как минимум необходим анализ всех обращений Кассиодора в различных сочинениях и документах к Аталариху, к готским королям и шире — к представителям королевского рода Амалов.

Также необходим анализ словоупотребления прилагательного vicinus в сочинениях Иордана, которое автор в рамках своей гипотезы предлагает переводить как «имеющий “особую социальную или этническую близость [к готам]”» (ВИД-31. С. 71). Подобное значение не зафиксировано словарями К. Э. Георгеса (2004. Bd. 2. P. 3471), Ж. Ф. Нирмейера (P. 1096), Ш. Д. Дюканжа (1887. T. 8. P. 320–321)[50]. Значение «похожий, сходный»,

[50] *Georges K. E. von.* Lateinisch-Deutsch. Deutsch-Lateinisch. Ausführliches lateinisch-deutsches Handwörterbuch. Kleines deutsch-lateinisches Handwörterbuch. 2., erweiterte Ausgabe. Berlin, 2004. (CD-ROM. Digitale Bibliothek, 69). [Repr. *Idem.* Ausführliches lateinisch-deutsches Handwörterbuch. 8. Aufl. Hannover, 1913–1918 ; *Idem.* Kleines deutsch-lateinisches Handwörterbuch. 7., verbesserte und vermehrte Aufl. Hannover, 1911] ; *Niermeyer J. F.* Mediae latinitatis lexicon minus. Leiden,

учитывая контекст (ut vicinus genti — «как похожий на племя»), мало подходит, поэтому единственным способом подтверждения этого предположения может быть только поиск аналогичного словоупотребления этой лексемы в «Getica» и «Romana». Не совсем понятно также в этой связи, какие обстоятельства жизни Аталариха заставляют авторов отделять этого гота, к тому же представителя готского королевского рода, от остальных Амалов[51] и характеризовать его не как непосредственно принадлежащего к готам, а только как «имеющего особую социальную и этническую близость», что, наверное, было бы более уместно по отношению к живущим в готской среде потомкам италийцев, вступавших в браки с готами.

Об использовании Иорданом текста Руфина и особенностях позднеантичного и средневекового цитирования, объясняющих, почему не названо имя того, кто говорит (ut quidam ait) про мелкую рыбешку, детально разбирается во вступительной статье Е. Ч. Скржинской (Иордан и его «Getica». С. 28–29)[52]. Ее доводы иллюстрируют один из основных принципов позднеантичной и (ранне)средневековой прозы и поэзии — центонно-парафразное построение[53], при котором указания на источник цитаты не предполагалось. Поэтому обвинения средневекового автора в «плагиате» (ВИД-31. С. 71) совершенно некорректны. В трактатах по «свободным искусствам», теологии, праву, медицине ссылки на авторитетов с указанием их имен были действительно чрезвычайно широко распространены и обязательны, однако «история» представляет собой *иной жанр*, и применять к ней принципы построения научного трактата некорректно. Система ссылок на источники информации в историческом

1976 ; *Ducange Ch. D.* Glossarium mediae et infimae latinitatis cum supplementis integris D. P. Carpenterii... digessit G. A. L. Henschel. Editio nova... a L. Favre. Niort, 1887. T. 8.

[51] Напротив, согласно Иордану именно происхождение Аталариха, внука Теодориха, было одним из ключевых факторов его возведения на трон: в нем соединились две ветви рода Амалов, остготская — через мать, дочь Теодориха Амаласунту (Амаласвинту), и вестготская — через отца, Евтариха (см., например: *Скржинская Е. Ч.* Иордан и его «Getica». С. 32, примеч. 92 ; С. 369; ср.: Getica. С. 76, § 79–81 ; С. 108, § 251 ; С. 118, § 298).

[52] Новую литературу об использовании Иорданом текста Руфина см., например, в упоминаемой автором работе: *Christensen A. S.* Cassiodorus, Jordanes and the History of the Goths : Studies in a Migration Myth. 2002. P. 113, note 112 ; P. 115–125 (параграф «Jordanes's Getica — How is it Related to Cassiodorus's *History of the Goths*?»), особенно P. 116, note 115 со ссылкой на воспроизведенный Т. Моммзеном в его издании «Getica» текст предисловия Руфина (*Mommsen*, 1882. P. 53–54).

[53] См., например: *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет. Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 56–76, passim.

сочинении в большей степени служит инструментом выражения идеологической и мировоззренческой позиции автора, чем верификации сообщаемых им сведений. Необходимо учитывать также большую роль устных источников информации в исторических сочинениях, устной традиции, эпоса, рассказов очевидцев, личных воспоминаний автора, которые зачастую включались в текст без указания на источник информации. Однако в рассматриваемом автором случае речь идет еще не о собственно историческом сочинении, а о его введении, построенном по литературным канонам, и оценивать этот литературный текст общего характера с точки зрения принципов построения исторического сочинения и тем более научного трактата представляется некорректным. К тому же «скрытая» для современных исследователей цитата Иордана из Руфина могла быть вполне «явной» для его адресата и предполагаемых читателей: все зависело от распространенности и известности в VI в. «Комментариев на Послание к Римлянам апостола Павла» Оригена в латинском переводе Руфина.

Утверждение автора о том, что второе историческое сочинение Иордана «De summa temporum vel origine actibusque gentis Romanorum», сокращенно названное издателем Т. Моммзеном «Romana», «никак не является эпитомой хроник: оно основывается, как установил еще Энсслин [ссылка почему-то на работу А. Н. Анфертьева. — *Е. К.*], на “Римской истории” Симмаха» (ВИД-31. С. 70), также противоречит выводам Е. Ч. Скржинской и вызывает вопросы. Она в своей вступительной статье на основе анализа текста «Romana» с привлечением шести работ Вильгельма Энсслина 1927–1956 гг. (в том числе его статьи 1948 г.[54], вероятно подразумеваемой автором) и выводов Т. Моммзена достаточно подробно описывает метод работы Иордана над «Romana» (*Скржинская Е. Ч.* Иордан и его «Getica». С. 24–25, 27, 51) и обоснованно показывает, почему это сочинение могло быть охарактеризовано Иорданом как «сокращение хроник». Для опровержения аргументов Е. Ч. Скржинской необходим как минимум анализ употребления лексемы chronica в обоих сочинениях Иордана с целью установить, мог ли Иордан использовать термины historia и chronica как синонимы или же он четко разделял их. Кроме того, против утверждения В. Энсслина были выдвинуты серьезные доводы Б. Кроуком (1983), показавшим, что круг источников Иордана был значительно шире[55];

---

[54] *Ensslin W.* Des Symmachus Historia Romana als Quelle für Jordanes // Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. München, 1948. H. 3.

[55] Цит. по: *Christensen A. S.* Cassiodorus, Jordanes and the History of the Goths. P. 104, note 74. См. также: *Goffart W. A.* The Narrators of Barbarian History … Ch. 2, § 2, 3, 5, 6. P. 23–41, 47–61 (об источниках «Getica» и «Romana», в том числе об истории готов Кассиодора).

еще Т. Моммзен во вступительной статье к изданию «Romana» в MGH (*Mommsen Th*. Prooemium. P. XXIII–XXIX) указывал в качестве источников Иордана 12 исторических сочинений (*Florus*, *Iamblicus*, *Eutropius*, *Rufius Festus*, *Hieronymus*, *Epitome de Caesaribus*, *Orosius*, *Socrates*, *Chronicon quoddam Alexandrinum*, *Libellus de Origine urbis Romae*, *Marcellinus Comes*, *Getica*).

Недоумение вызывают сомнения автора по поводу того, что Иордан «надеется по памяти воспроизвести содержание всех 12 книг Кассиодора», которые «удержать в памяти за три дня прочтения просто невозможно» (ВИД-31. С. 70–71). Автор не упоминает при этом, что, во-первых, Иордан ранее уже читал текст Кассиодора и, как принято считать, имел из него какие-то выписки. На три дня он получил его для просмотра (libros ipsos antehac *relegi*), чтобы освежить в памяти (см.: *Скржинская Е. Ч.* Иордан и его «Getica». С. 47–49, 57). Учитывая в большой степени устный характер античной и средневековой культуры и огромную роль, которую играли в образовании и всех видах ученой деятельности развитые мнемотехнические практики[56] (artificiosa memoria входила в состав риторики), способность Иордана прочитать за три дня и запомнить текст Кассиодора не должна казаться невероятной, тем более что, как он сам пишет, он передает лишь смысл и ход событий, а не дословный текст («quorum quamvis verba non recolo, sensus tamen et res actas credo me integre retinere»). На близком к тексту, местами дословном запоминании огромных по современным меркам объемов текстов была построена вся система теологического и юридического образования в средневековых университетах, не меньшую роль мнемотехника играла в Античности и раннем Средневековье. Фома Аквинский, как считается, создал для папы Урбана IV собрание изречений Отцов Церкви о четырех Евангелиях по памяти, на основе запомненных им дословно цитат из рукописей, просмотренных в различных монастырях, не прибегая к выпискам[57]. Ссылки автора на то, что утверждение Иордана (будто бы он не сможет дословно воспроизвести «Историю» Кассиодора) якобы не согласуется с большим количеством прямых цитат из Кассиодора в тексте «Getica», представляются преждевременными из-за недостаточной обоснованности выводов о наличии больших прямых цитат из Кассиодора в «Getica» (см. выше). Помимо этого, уделяя внимание разбору того, почему Иордан *не мог* запомнить за три дня 12 книг Кассиодора, автор ничего не говорит о том, почему в свою очередь Кассиодор, по его мнению, *мог* проделать то же с 12 книгами Аблавия и, главное, почему он был вынужден перечитывать их в столь короткий срок.

---

[56] См., например: *Йейтс Ф.* Искусство памяти. СПб., 1997 ; *Lausberg H.* Handbuch der literarischen Rhetorik. Bd. 1. § 1083–1090.

[57] *Йейтс Ф.* Искусство памяти. С. 91.

Непонятно также, почему автор относит к вставкам Иордана из сочинений греческих авторов только «концовку сочинения»[58] и фразу с отсылкой к Орозию «Maiores nostri, ut refert Orosius, totius terrae circulum Oceani limbo circumseptum triquadrum statuerunt eiusque tres partes Asiam, Eoropam et Africam vocaverunt» (Getica I, 4), но не упоминает о приводимом Е. Ч. Скржинской внушительном списке источников Иордана, среди которых присутствуют, например, Птолемей и Дексипп (*Скржинская Е. Ч.* Иордан и его «Getica». С. 24–25)[59]. Подвергая сомнению знание Иорданом греческого языка, в котором ему «отказывают» «многие исследователи» (ВИД-31. С. 71), автор оставляет без комментария существующую в историографии авторитетную точку зрения, разделявшуюся, в частности, Т. Моммзеном, Е. Ч. Скржинской, что Иордан в той или иной степени владел греческим с детства (ср. приводимые Е. Ч. Скржинской в этой связи пассажи в § 117 (in locis stagnantibus quas Graeci ele [hele, haele] vocant) и § 148 (αἰνετοί id est laudabiles) (*Скржинская Е. Ч.* Иордан и его «Getica». С. 24, 10–24 passim)). Не рассматриваются также и данные о латинских компиляциях и переложениях, в которых сочинения греческих авторов могли быть доступны Иордану.

Не совсем ясны сомнения автора по поводу того, «как и почему [адресат Иордана. — *Е. К.*] Касталий сможет припомнить большее [и дополнить “Getica”. — *Е. К.*], будучи в соседстве с этим племенем (ut vicinus genti) ок. 552 г., когда война еще не закончилась?» (ВИД-31. С. 71). Само по себе нахождение на территории военных действий, в осажденном городе, военном лагере, в том числе непосредственное участие в сражениях, никогда не было непреодолимой помехой литературному творчеству, иначе значительная часть произведений мировой литературы и научных сочинений не была бы написана. Учитывая характер и методы ведения военных действий в поздней Античности и раннем Средневековье, представляется невероятным, чтобы на протяжении трех лет, оставшихся до конца войны, равно как и предыдущих 17 лет (!) войны готов с Византийской империей (535–555), жители Остготского королевства в Италии (в том числе тот же Кассиодор, даже с учетом его предполагаемой поездки в Константинополь) не могли заниматься литературной и иной творческой деятельностью. Нужно учитывать также и то, что Иордан просит Касталия только дополнить при необходимости, основываясь на своем личном опыте и памяти, «Getica», а вовсе не написать новый труд (Е. Ч. Скржинская полагала, что дополнения Касталия вообще должны были касаться только тенденции сочинения, а не его содержания — *Она же*.

---

[58] При анализе заключения к «Getica» в сборнике «Восточная Европа» о греческом источнике автор ничего не упоминает.

[59] См. также список латинских и греческих источников «Getica» Иордана, приводимый Т. Моммзеном: *Mommsen Th.* Prooemium. P. XXX–XLIV.

Иордан и его «Getica». С. 49); для такой работы Касталию не нужно было иметь под рукой обширную библиотеку.

Кроме того, из предположения автора о негативном влиянии войны следует, что, поскольку война мешала Касталию дополнить «Getica», тем более она должна была помешать Иордану создать свой труд, а следовательно, он писал «Getica» не в Италии. В историографии с XIX в. существуют две основные версии *не*итальянского места создания «Getica»: некий монастырь в восточной части Византийской империи (возможно, в Мезии или Фракии) либо Константинополь. И тот и другой вариант требует нового исследования биографии Иордана и датировки его сочинения, в частности опровержения фундированных доводов Е. Ч. Скржинской против этих двух вариантов (а также против Фессалоник) и ее детально аргументированной гипотезы о создании «Getica» в византийской Равенне (Касталия она помещает в пределах владений готов на 550 г. к северу от реки По, в Тицине-Павии или Вероне) (Там же. С. 46–51, 57). Кроме того, все эти *не*итальянские варианты ослабляют предположение автора, что Иордан не знал греческого языка.

В статье в сборнике «Восточная Европа», автор, указывая на важность установления возможной формы, в которой готские сказания и легенды были доступны Иордану (устная традиция, письменная запись, на каком языке), предпринимает попытку рассмотреть этот вопрос на материале фрагмента о переселении готов из Скандзы в Ойум (Getica IV, 25–27) и высказывает предположение, что «основным (и единственным?) источником» готских легенд для Иордана был ритмизированный текст Кассиодора (Восточная Европа. С. 279–281). Однако, поскольку и в реконструируемом им тексте Кассиодора автор не обнаруживает «сплошной ритмики» («вводные фразы отмечены не сплошной ритмикой, а только клаузулами» — Там же. С. 279), он предполагает, что Кассиодор, в свою очередь, опирался на некий текст, «характерующийся сплошной ритмизированностью» и принадлежащий, возможно, Аблавию, Фавию или самому Кассиодору (например, утерянный панегирик Теодориху) (Там же).

О некорректности поисков сплошной ритмизации прозаического текста, некорректности применяемых методик исследования курсуса, ошибочности полученных результатов и недоказанности выводов уже говорилось выше. Кроме того, для выдвижения Аблавия в качестве одного из источников сведений о готских легендах необходим обоснованный комментарий следующего, 28-го параграфа «Getica» («...quemadmodum et in priscis eorum carminibus pene storicu ritu in commune recolitur: quod et Ablavius descriptor Gothorum gentis egregius verissima adtestatur historia. in quam sententiam et nonnulli consensere maiorum...» — Getica IV, 28). Разделение здесь Иорданом «древних песней» и «истории» Аблавия может быть истолковано и наоборот, как полагала, например, Е. Ч. Скржинская,

как свидетельство знания и использования им устной готской традиции, а не некоего письменного текста (*Скржинская Е. Ч.* Иордан и его «Getica». С. 190, примеч. 71 и 72).

Задаче исследования готских легенд в тексте Иордана посвящен и разбор автором заключения к «Getica» (Getica LX, 315–316). Отмечая, что при определении адекватности передачи в «Getica» готских преданий необходимо учитывать, для кого был написан основной источник Иордана — текст Кассиодора: для «классически образованных римлян, не очень разбиравшихся в предыстории готов» или же для адресата, который был «в курсе готской традиции» (Восточная Европа. С. 281), автор предлагает в качестве такого адресата Кассиодора молодого готского короля Аталариха, но не делает на основании этого каких-либо заключений об «адекватности передачи» в «Getica» готских легенд (Там же. С. 282). Между тем, следуя логике автора, «готский» адресат, каким является Аталарих, связываемый в историографии с опорой на данные Прокопия Кесарийского (см. «Война с готами» кн. I, гл. 2 о трех готских старейшинах, а затем сверстниках-готах, приставленных Амаласунтой (Амаласвинтой) к Аталариху для его воспитания) с «проготскими» силами в политической элите Остготского королевства («ультраготскими» у Е. Ч. Скржинской[60]), в противоположность «провизантийскому», «итало-византийскому» направлению во главе с его матерью Амаласунтой, вероятно, должен был быть знаком с готской историей, и соответственно, передача у Кассиодора и Иордана готских легенд была рассчитана на хорошо подготовленного читателя, знакомого с готской историей «из первых уст», из готских (устных) источников. Это несколько не вяжется с отстаиваемым автором предположением о том, что готские легенды Иордан заимствовал из сочинения Кассиодора, а Кассиодор — из сочинений латинских авторов Аблавия и Фавия, не обращаясь непосредственно к устной традиции. Подобное было бы более логично, если бы Кассиодор писал для не знающих готской истории римлян, а не для юноши-гота, среди воспитателей которого упомянуты «готские старейшины».

Таким образом, ряд неточностей, допущенных П. В. Шуваловым, в частности смешение метрического и квалитативного стихосложения, использование относящейся к XII–XIII вв. номенклатуры ритмизированной прозы и методики ее анализа для текста VI в., неучет явления естественной ритмизации латинской прозы, проблемы cursus mixtus, отсутствие сравнительного анализа ритмико-мелодического построения сочинений Иордана и Кассиодора, не позволяют пока считать доказанным наличие в тексте «Getica» указанных автором фрагментов со стихотворным размером и прямых цитат из Кассиодора. Высказанная автором гипотеза

[60] *Скржинская Е. Ч.* Иордан и его «Getica». С. 38 и др.

о заимствовании почти всего введения к «Getica» из Кассиодора и об адресации текста Кассиодора юному готскому королю Аталариху ввиду краткости статей не подкреплена соответствующими аргументами, а некоторые ее неудачные формулировки нуждаются в доработке.

Приложение

Ниже приведен текст всех цитируемых автором фрагментов. К местам, где автор обнаруживает прозаические клаузулы или стихотворный размер, мною составлены метрические схемы в соответствии с авторской разбивкой на строки. Вертикальной чертой в метрических схемах разделены отдельные слова (цезуры и диерезы не указываются); в фигурных скобках даются названия видов метрического курсуса / cursus mixtus, а также видов акцентного курсуса, усматриваемого автором; жирным шрифтом выделены обнаруженные мною клаузулы, рекомендованные в трактатах Сацердоса и во «Fragmenta Bobiensia». Сохранена система основных выделений текста, используемая автором: подчеркиванием обозначены усматриваемые автором «метрические пассажи»; в одинарных квадратных скобках даны издательские конъектуры, в двойных квадратных скобках — предполагаемые автором вставки Иордана в текст его источников, в угловых скобках — предлагаемые автором чтения в целях реконструкции стихотворного размера; жирным шрифтом выделены отдельные буквы, затронутые, по мнению автора, синерезой или элизией; вертикальной чертой в тексте маркированы расставленные автором диерезы и цезуры. Авторские схемы акцентного ударения опущены, так как они повторяют акцентное ударение, проставленное над словами; сохранена авторская расстановка ударений в предполагаемых вставках из Кассиодора и других источников; отдельно отмечены случаи несовпадения с грамматическим ударением по словарю О. Петрученко. При подсчете количества слога в предполагаемых стихотворных отрывках и прозаических клаузулах я учитывала все случаи элизии, аферезы и синерезы, связанные с ii и h (всего 66 случаев, из них семь случаев синерезы); предлагаемая автором синереза с i и u отмечена в метрических схемах жирным выделением. При определении количества слога я руководствовалась общими правилами стихосложения и просодии классической латыни. В частности, в словах в пределах одной строки последний краткий слог считался долгим по положению, если следующее слово начиналось с согласной или группы согласных, за исключением случаев, когда в начале слова стоит группа muta cum liquida (сочетания b, p, c, qu, g, d, t и плавных l, r) или группы sp, st, sc, sq, su (u — полугласный). В тех случаях, когда эти группы были образованы конечным согласным одного слова и начальным согласным другого слова, т. е. принадлежали к разным слогам, конечный краткий слог считался долгим по положению (например, «arboribus plenus» – v v – | – v;

«annos contingens» – – | – – –)[61]. Как уже говорилось, я ориентировалась на авторскую разбивку текста на строки с учетом интонационно-смысловых отрезков. В тех случаях, когда строки не совпадали с интонационно-смысловыми отрезками, указывалось количество последнего слога клаузулы для авторской строки и в рамках смыслового отрезка.

ВИД-31. С. 63. Iord. Get. L 261. Подчеркиванием выделен усматриваемый автором акцентный курсус planus. Автором не учитывается элизия «Goth(um), ense», «ped(e), (H)unnum», «grav(i), (H)erulum», «armatur(a) aciem», афереза «cernere (e)rat»:

úbi cérnere érat | {(пиррихий / ямб +) пеон I}
v v | – v v | (–) v |
cóntis pugnántem Góthum, | énse furéntem Gepída, |
– – | – – – | v (v) |, – v | v – – | ? –? v |, {вакхическая стопа + + антивакхическая стопа / амфибрахий}
in vúlnere súo | Rúgum téla frangéntem, |
{спондей + антивакхическая стопа}
– | – v v | v – | ? – | – – | – – v |,
Suávum péde, | Húnnum sagítta |
{спондей + вакхическая стопа}
v – – | v (–) |, – – | v – – |
praesúmere, {вакхическая стопа + большой ионик}|
– – v v |,
Alánum grávi, | Herúlum lévi |
{вакхическая стопа / молосс + ямб}
? – – | v (–) |, ? – – | v – |
armatúra áciem strúi. {анапест или шестисложное слово + ямб}
– – – (–) | v v – | v – |.

ВИД-31. С. 65. Iord. Get. XXIX 151 «Элегия Фабия»:

…quí núnc, ut Fávius áit {– v v| – v, дактиль + трохей}, quó[d] aliquándo pórtus fúerit { – – | v v v | спондей + трибрахий},
spàtiosíssimus <h>órtus osténdit arbóribus plénus {хориямб + + трохей},
v v – – v v | – v | – – v | – v v – | – v |,

[61] Ср. критерии исключения клаузул из анализа у Х. Айли со ссылками на филологическую литературу: *Aili H.* The Prose Rhythm of Sallust and Livy. P. 48–49.

vérum de quíbus non péndeant véla, sed póma. {амфимакр + + трохей}
– –| – | v – | – | – v – | – v |, – | – v |
Tríno si quídem urbs ípsa vocábulo [[gloriátur]] trìgeminá́que…
{автором не учитывается элизия «quid(em) urbs»}
– – | – | v (v) | – | – v | v – v – | [[– v – –]] | v v v – v |

ВИД-31. С. 65–66. Там же, продолжение фразы. Автором не учитывается элизия «position(e) exultat», «Caesar(ea) inter» или с конъектурой автора «med(ia) inter», «moll(i) (h)arenaque»:

pòsitióne exúltat {с учетом элизии пеон IV + антивакхическая стопа}, [[id est]] <quod> príma Ravénna,
v v v – (v) | – – v |, [[v? | v]] | <–> | – v | v – v |,
última Clássis, [[média]] Caesaréa <média> ínter <glor**j**ósam>
– v v | – – |, [[v v v]] | – v – (v) | <v (v v)> | – – | <– **v** – v> |
úrbe**m** et màre {спондей + пиррихий «urb(em) et mare» или спондей + большой ионик «inter urb(em) et mare» или дитрохей / антивакхическая стопа + большой ионик «<glor(j)osam urb(em) et mare»}, <...>
– (v) | – | v v |, <...>
planít**j**ae {у автора plánitjae} mólli harenáque minúta <...>
– v **v** – | – (–) | v – – v | v – – | <...>
<...> vectatiónibus ápta. {шестисложное слово + спондей}
– – v – v v | – – |.

ВИД-31. С. 66. Iord. Get. XLII 222. Автор оставляет без внимания, что этот отрывок рассматривается Т. Моммзеном как заимствование из Приска (*Mommsen Th*. Prooemium. P. XXXIV). Курсивом автором выделен ямб (!). Указываются клаузулы и после малых пауз речи. Автором не учтена элизия «regi(am) urbem», «Ticin(um) aequali», «tot(am) Italiam»:

exhinc iam audacióres et nécdum Romanórum **sánguine satiáti**
{– v v | v v – –, дактиль + малый ионик} per relíquas Vénetum civitátes Húnni
bacchántur, {спондей + антивакхическая стопа} *Méd**j**olánum* quóque Ligúr**j**ae metrópolim
– – |– – *v* |, *v* ***v*** – – – | – v | v v **v** – | – v v v |
*et quóndam rég**j**am úrbem* pári **tenóre devástant** {амфибрахий + антивакхическая стопа}
– | – – | – ***v*** (*v*) | – – | v – | v – v | – – v |

nec non et Ticínum aequáli **sórte deíciunt** {трохей + хориямб} vicináque lóca saeviéntes allídunt {эпитрит II + антивакхическая стопа / молосс}

– | – | – | – – (v) | – – – | – v | – v v – | – – – v | v – | – v – – | – – v |

... <...> *démoljúntque péne* tótam Itáliam {пятисложная клаузула или спондей + трибрахий или амфимакр + пеон I «pene tot(am) Italiam»}, ...

... <...> – – ***v*** – *v* | – *v* | – (v)| – v v v |, ...

Восточная Европа. С. 279–280. Iord. Get. IV, 25–26 / ed. Th. Mommsen:

Ex hac igitur Scandza insula quasi officina gentium aut certe velut vagina nationum cum rege suo nomine Berig Gothi quondam memorantur egressi {cursus planus у автора; метрическая схема: v v – v | – – –, пеон III + молосс}:

qui ut primum e navibus exientes terras attigerunt {– – | – v – –, спондей + эпитрит II}, ilico nomen loci dederunt. {v – | v – –, ямб + вакхическая стопа} nam odieque illic, ut fertur, Gothiscandza vocatur. {cursus planus у автора, до этого места «по вычурности стиля» идентифицируется автором как текст Кассиодора; метрическая схема: v – – v | v – v, антиспаст + + амфибрахий}

[[unde mox promoventes ad]] sedes Vlmerugorum, {cursus velox у автора; метрическая схема: – – | – ? ? – v, спондей + пятисложное слово} [[qui tunc Oceani ripas insidebant, {– – | – – – –, спондей + диспондей} castra metati sunt eosque commisso proelio propriis]] sedibus pepulerunt, {cursus velox у автора, рассматривается как «иорданова аттракция текста Кассиодора, содержавшего, в частности, перечисление еще трех королей»; метрическая схема: – v – | v v – –, амфимакр + + малый ионик}

eorúmque vicínos Vándalos iam túnc subiugántes s**u**is àplicavére victóriis. {пятисложное слово + молосс или эпитрит II + + эпитрит I; cursus planus у автора; автор предполагает синерезу в «suis» и, «возможно, в случае слияния двух [i] в ”victoriis“» (см. выше) — cursus tardus, а не planus; у автора необоснованное перенесение ударения на второй от конца краткий(!) слог «Vandálos»}

v – – v | – – – | – v – | – | – | –? v – – | **v** v | – v – – v | – – (v) – |.

Восточная Европа. С. 280–281; ср.: ВИД-31. С. 67. Iord. Get. IV 26–27. Автором не учтена элизия «qu(i) aptissimas», «lingu(a) eor(um) Ojum»,

«magn(a) ubertate», «und(e) amnem» (без авторской конъектуры), синереза «familiis»:

úbi véro mágna pópuli

v v | – – | – – | v v – |

numerositáte crescénte {cursus planus у автора; шестисложное слово + антивакхическая стопа}

v v – v – v | – – v |

et iam péne quínto

v | – | – v | – – |

rége regnánte {cursus planus у автора; трохей + антивакхическая стопа}

– v | – – v |

post Berig Filimer, filio Gadarigis, {автор, указывая, что «размер не ясен» (Восточная Европа. С. 280), приводит акцентную схему, содержащую на один слог меньше, чем рассматриваемый фрагмент ('~ ~ '~ ~ '~ ~ '~ ~ ' ~ ~ ' ~ ~). Из-за вероятной опечатки эта схема мною не рассматривается. Автор усматривает здесь «текстологический шов как след иордановой аттракции, так как потеряно подлежащее» (см. выше)}

– | ? – | ? ? – | – v – | ? ? ? – |,

consílio sédit, {cursus planus у автора; хориямб + пиррихий}

– v v – | v v |,

út exínde cúm famíliìs Gothórum

v | – – v | – | v v (v) – | v – v |

promovéret exércitus. {cursus tardus у автора; дитрохей + + большой ионик}

– v – v | – – v v |.

qui aptíssimas sédes locáquae dum quéreret cóngrua, {анапест + + амфимакр} pervénit

(–) | – – v – | – – | v – v | – | v v – | – v – |, – – v |

ad Scýthiae térras, {анапест + спондей или с предлогом «ad» хориямб + спондей} quae língua eórum Ojum vocabántur: {cursus planus у автора; с учетом элизии «lingu(a) eor(um) Ojum» эпитрит I + антиспаст}

– | v v – | – – |, – | – (–) | v – (v) | –? – | v – – v

úbi dèlectátus mágna ùbertáte règiónum

v v | – – – – | – (–) | – – – v | v v – v |

et exércitus mediaetáte transpósita póns [[dícitur]] {хориямб + + большой ионик}, unde <dícitur> ámnem trajécerat {cursus tardus у автора; спондей + большой ионик}

v | – – v – | v v v – v | – v v – | – | [[– v v]], – (v) | <– v v> | – – | – – v v |

ìnreparabíliter corr**u**ísse {семисложное слово + дитрохей}, nec ultérius **j**am cúidam
– v v – v? v – | – **v** – v |, v | – v v v | – | – v v |
<u>lícuit **íre**</u> {трибрахий + трохей}
v v v | – (<u>v</u>) |
<u>áut redíre</u>. {спондей + амфибрахий «ir(e) aut redire» или дитрохей «aut redire»; две последние строки – «удвоенный cursus planus» у автора}
– | v – v |.

ВИД-31. С. 67–68. Iord. Get. XLII 226. Автором не учтена элизия и синереза «fac(iem) in»:

…(Attila) fáciem in Vesegóthas convértit. {пеон IV? + антивакхическая стопа} sed non éum, quem de Románis,
... (– –? v) | v (v v) | – | v? v? v – | – – v |. – | – | – |, – | – | – – – |,
<u>reportávit evéntum</u>. {антиспаст + антивакхическая стопа}
v – – v | – – v |.
<u>nám per dissímiles ànteriór[[es]] <ibus></u>[62] <u>vías recúrrens</u>, {ямб + + вакхическая стопа}
– | – | – v v – | – v? v? – [[–]] <v –> | v – | v – – |,
Alanórum pártem trans flúmen Lígeris considéntem státuit súae redígere dicióni, ... {прокелевматик (спондей?) + малый ионик}
? – – – | – – | – | – – | v v – | – – – – | v v – | v – | v v v v | v v – – |, …

ВИД-31. С. 68. Iord. Get. XLII 271. Подчеркиванием выделен обнаруженный авторами курсус. Не отмечена элизия «firm(a) inter». Критику усматриваемого авторами «удлинения» курсуса дактилическими стопами см. выше:

...sed statim imperator animo mutato ad pristinam recurrit amicitiam {v – v | v – v v –, амфибрахий + пятисложное слово} missaque legatione tam praeterita cum <u>instántibus múnera tríbuit</u> (cursus tardus, усматриваемый автором, не удлинен «одной дактилической стопой», как он утверждает, так как

---

[62] Автор упоминает, что anterioribus — разночтение по спискам *AB*, приводит и другие разночтения (*Mommsen*, 1882. P. 115). Обозначения списков у Т. Моммзена: *A* — Милан, Biblioteca Ambrosiana C 72 Inf., *B* — Вроцлав, BU Rehdiger 106, *Z* — Аррас (по изданию Нового времени), *X* — Кембридж, Trinity College O. 4. 36, *Y* — Берлин, Staatsbibliothek, Lat. fol. 359 (Ibid. P. XLVII–LXXIII). В новом издании Фр. Джунты — А. Гриллоне списки *XYZ* отнесены к семье β′ (ВИД-31. С. 65).

слово instantibus состоит не из условного дактиля, а из условных полуспондея и дактиля: ~ '~ ~ ~. Метрическая схема: – – v – | – v – | v v v |; амфимакр + трибрахий)
quam etiam de futuro sine aliqua controversia tribúere compromíttit {cursus velox у автора; v v v v | – – – v, прокелевматик (спондей?) + эпитрит IV},
pacisque obsidem ab eis, quem súpra rettúlimus {cursus tardus у автора; v – | v v v v ямб + прокелевматик (спондей?)},
Theodoricum, infantulum Thiudímeris áccipit {v –? v? v? v | – v v, пятисложное слово + дактиль}: qui iam septem annorum increménta conscéndens octávu**m** intráverat ánnum. {cursus planus, а не tardus, как полагает автор; кроме того, указываемая им элизия после «octavum» в его акцентной схеме не отмечена и разрушает «три дактилические стопы», якобы удлиняющие курсус (см. выше). Метрическая схема: – – – – | – – – | – – (v) | – – v v | – v |. большой ионик + трохей}
quem dum pater cunctatur dare {– – – | v v, молосс + пиррихий},
patruus Valamir extitit supplicator tantum, ut páx firma ínter Romános Gothósque manéret. {cursus planus у автора, не учтенная элизия «firm(a) inter» разрушает «три дактилические стопы», якобы удлиняющие здесь курсус, кроме того, эти «стопы» захватывают и первый слог слова Gothosque, входящего в курсус. Метрическая схема: – | – (v) | – – | – – – | v – v | v – v, амфибрахий + амфибрахий}
datus igitur Theodoricus óbses a Góthis {cursus planus у автора; – v | – | v v, трохей + дактиль или трохей + амфимакр}
duciturque ad urbem Constantinopolitanam Leoni principi, et, quia puerulos élegans érat, {cursus planus у автора; – v – | v? v, амфимакр + пиррихий}
méruit grátia**m** ìmperiále**m** habére. {cursus planus у автора, но отмечаемая им элизия после «gratiam» и после «imperialem» разрушает этот курсус и якобы имеющее место «удлинение» курсуса тремя дактилями. Метрическая схема: v v – | – (v v) | – v v – (v) | v – v |. хориямб + амфибрахий}

ВИД-31. С. 69. Iord. Get. LV 282. Курсивом выделен обнаруженный автором курсус. Автором не учтена элизия «aduliscenti(ae) annos», «oct(o) annos» (без авторской конъектуры), «familiaqu(e) et», «Sarmat(ae) occupassent», синереза «dehinc»:

quí Theodóricus [[iam]] àduliscéntiae ánnos contíngens
– | v – –? v v | [[v]] | v v – – v (–) | – – | – – – |

expléta puerítia, déce**m** et ócto <**j**am> ánnos péragens (у автора perágens) {спондей + анапест или молосс + анапест «oct(o)annos peragens» или вакхическая стопа + анапест «<iam> annos peragens»},
– – – | v v v v – |, v (v) | v | – (–) | <v> | – – | v v – |,
<...> [[ascitis certis]] éx satellítibus pátris [[et ex populo amatores sibi]] cl**j**entésque consóc**j**ans,
<...> [[– – – | – –]] | – | v – v v – | v v | [[v | – | v v – | v – – – | v? v]] | **v** – – v | – v **v** – |,
páene sex mília víros {амфимакр + ямб}, cum quíbus incónscio pátre
– v | – | – v – | v – |, – | v v | – – v – | v v |
eménso Danúbio súper Babai †† Sarmatárum
– – – | – v v – | v – | ? v – | †† – v – v |
rége discúrrit {трохей + антивакхическая стопа}, qui túnc de Camúndo [[duce Romanorum]] victór**j**a potítus supérb**j**ae **tumóre regnábat** {амфибрахий + антивакхическая стопа}, e<um>[63][[oque superveniens *Theodoricus interemit* {cursus velox у автора; антиспаст / диямб + дитрохей / эпитрит II}]] fàmiliáque et cénsu
– v | – – v |, – | – | – | ? – – | [[v v | – – – –]] | – – **v** – | v – – | v –? **v** – | v – v | – – v |, v <(…)> [[– v | v – v v – | *v –? v v v* | – *v* – v]] | v v v – (v) | – | – – |
<...> depraédans {спондей + молосс} †† [[ad genitorem suum cum *victoria repedavit.* {cursus velox у автора; эпитрит III + + пеон III}]]
<...> – – – | †† [[– | v v – – | v – | – | – – *v* – | *v? v?* – *v*]] |
<...> Singidunum
<...> – ? ? – |
dehínc civitátem {спондей + амфибрахий / вакхическая стопа}, qua**m** ípsi Sármatae (у автора Sarmátae) occupássent {трохей + эпитрит II}, invádens, [[non Romanis reddidit {молосс + дактиль}, sed suae *subdedit dicioni* {cursus velox у автора; амфимакр + + малый ионик}]].
(v) – | – v – v |, (v) | – – | – v (–) | – v – – |, – – – |, [[– | – – – | – v v |, – | v –| – v – | v v – –]] |.

ВИД-31. С. 72–73. Iord. Get. I 1–3 «Введение». Курсивом автором выделены фрагменты, приписываемые Кассиодору, прописными буквами

[63] Автор не упоминает, что eumque — разночтение по спискам *AOBXY* (см. выше), отмеченное Т. Моммзеном (*Mommsen*, 1882. P. 131).

дается текст, атрибутируемый Руфину, строчными — вероятно, спорные части (автор не упоминает). Автором не учитывается элизия «navigi(o) oram», «priscor(um) ut», «quid(am) ait», «relictoqu(e) opusculo», «tamqu(am) ab», «inplend(am) eius», «omn(e) autem», «sensu(i) inserviamus», «m(e) integre», «finemqu(e) et», «plur(a) in», афереза «mihi (e)st», «dictum (e)st» (dict(um) est?), синереза «antehac», «historiis»:

VÓLENTEM ME PÁRVO SUBVÉCTUM NAVÍGIO ÓRAM TRANQUÍLLI LÍTORIS
v – – | – | – – | – – – | – v v (–) | – – | – – – | – v – |
STRÍNGERE {амфимакр + амфимакр}-ET MINÚTOS DE *pris*CÓRUM, [[ut quidam ait {молосс + антивакхическая стопа}]],
– v (v) | – | v – – | – | – – (v) |, [[– | – (v) | – v |]],
STÁGNIS PISCÍCULOS LÉGERE-IN ÁLTUM {трибрахий + + трохей},
– – | – v v – | v v (v) | v? | – v |,
FRÁTER <*Amálae*> [[CastáLI]] {спондей + молосс или с конъектурой автора трохей + вакхическая стопа?/молосс?}, LAXÁRi
– v | <? – –> | [[– – –]], | –? – – |
VÉLA COMPÉLLIS {спондей + антивакхическая стопа / молосс}
– – | – – v |
RELICTÓQUE OP*úsculo* {вакхическая стопа + диямб}, QUÓD *intra mánus* HAB<ÉBAM> {большой ионик + амфибрахий} [[-eo {большой ионик + анапест}]],
v – – (v) | v – v – |, v | – – | v v | v <– v> [[v –]] |,
id est, de adbreviatióne chronicórum {– v v – v – v | –? v – v, семисложное слово + дитрохей}, SUADES, UT NÓSTR<A VÓCE> [[is vérbis duóDECem Senatóris]] <...> VOLÚMINA de orígine act<ib>úsque[64] Getárum ab ólim et úsque nunc per generatiónes regésque descendéntem <...> [[in uno et hoc párvo libéllo ch]]OÁRTEM {v – – | v – v, вакхическая стопа + амфибрахий}: DÚRA SÁTIS IMPÉRIA {v v | – v v v, пиррихий + + пеон I} ET TÁMQUAM AB ÉO, QUI PÓNDUS ÓPERIS HÚIUS SCÍRE NÓLLIT, INPÓSITA {– v | – v v v, трохей + + пеон I}.

[64] Автор не упоминает, что actibusque — разночтение в списках *AXYZ* (см. выше), отмеченное Т. Моммзеном (Mommsen, 1882. P. 53).

NEC ÍLLUD ÁSPICIS {у автора aspícis; трохей + амфимакр},
QUOD TÉNUIS MÍHI EST SPÍRITUS
v | – v | – v – |, – | v v – | v – | (v) | – v v |
ÁD INPLÉNDAM | ÉJUS | TÁM MAGNÍFICÀM
v | – – (v) | v? – | – | – v v v |
DICÉNDI | TÚBAM {молосс + пиррихий}: SÚPER | ÓMNe | ÁUTEM póndus {молосс + трохей},
– – – | v v |: v v | – (v) | – – | – v |,
[[quod nec facúltas eorúndem librórum nóbis dátur {– – | – v, спондей + трохей или эпитрит IV}, quátenus éius **sénsui inserviámus** {– v (–) | – – v – v, амфимакр + дитрохей}, sed, ut non méntiar {v | – | – | – v v, вакхическая стопа + дактиль}, ad triduánam lectiónem]] <...>
dispènsatóris éjus benefícjo {у автора bènefic**j**o}
– – – – v | v? – | v v v **v** – |
líbros | ípsos ***ántehac relégi.*** {у автора àntehác; спондей + вакхическая стопа}
v – | – – | – (v) – | v – – |.
quórum quámvis | vérba | nón récolo, {у автора recólo; молосс + + анапест}
– – | v – | – – | – | v v – |,
sénsus támen èt res áctas crédo
– – | v v | v | – | – – | – – |
mé íntegre {у автора intégre} *retínere.* {у автора это слово безударное; дактиль + прокелевматик (спондей?); элизия «m(e) integre» автором не учитывается}
(–) | – v v | v v v v |.
<...> *ad quós [[et]] ex nonnúllis históriis Grécis* [[ac Latinis]]
– | – | [[v]] | – | – – – | – v (v) – | –? – | [[– | v – –]] |
áddedi cònveniéntia {амфимакр + шестисложное слово}, *inítjum finémque et*
– v – | – v v – v – |, v v **v** – | – – (v) | v |
plúra in médio méa dictjóne permíscens. {дитрохей + молосс}
– (–) | – | v v – | v – | – **v** – v | – – – |
quáre síne còntumélja
– v | v v | – v – **v** – |
quód exigísti {cursus planus у автора; амфибрахий + спондей или ямб + вакхическая стопа}, *súscipe líbens* {cursus planus у автора; дактиль + ямб}, *libentíssime lége.* {cursus planus у автора; эпитрит I + пиррихий}
v | –? v – – |, – v v | v – |, v – – v v | v v |.

et sí quid párum díctum èst et tú-ut | vicínus génti, commémoras,
{у автора còmmemóras}
– | – | – | v – | – v | (v) | – | – | (–) | – – – | – – |, – v v – |, – v |, <...>
ádde, {хориямб + трохей}
<...>
[[órans pro me, fráter caríssime {cursus tardus у автора; – – | – – v v, спондей + большой ионик}. Dóminus técum {cursus planus у автора; v v – | – v, анапест + трохей}. Ámen.]]

Восточная Европа. С. 281–282. Iord. Get. LX 315–316 / ed. Th. Mommsen; «cum addit. ex app., cf. Skrz. in marg. ed. eius in pag. 122 edit. postum.»: «Заключение». В круглых скобках комментарии автора. Не учтена элизия «Getar(um) origo», «capt(u) ingenii», «quas(i) ex», «trahent(i) originem», «d(e) ipsis», «quant(um) ad», «laud(em) eius», «d(e) antiquitate», «Getar(um) actusqu(e) eorum», с авторской конъектурой «<addidiss(e)> in», «eor(um) <ad>», без авторской конъектуры «aliqu(a) [[addidisse]]», «tant(um) [[ad]]», синереза «ingenii», «trahenti»:

Haec hucusque Getárum orígo {cursus planus у автора без учета элизии «Getar(um) origo»; метрическая схема: v – (v) | v – –, ямб + вакхическая стопа} ac Amalórum nobílitas {cursus tardus у автора; метрическая схема ? ? – – | – v v –, ? + хориямб} et virorum fórtium fácta. {cursus planus у автора; метрическая схема: – v – | – v, амфимакр + трохей}
[[haec (повтор) laudanda progenies laudabiliori príncipi céssit {cursus planus у автора; метрическая схема: – v – | – v, амфимакр + трохей}
et fortiori duci manus dedit {v – | v v, ямб + пиррихий или пеон II}, cuius (= одного из двух?)]] fama nullis saeculis nullisque silebitur aetatibus (некоторая выспренность текста скорее указывает на Кассиодора) {v v v v | – – v v, прокелевматик (спондей?) + большой ионик}, [[sed (почему «но»?) victor ac triumphator Iustinianus imperator et consul Belesarius Vandalici Africani Geticíque dicéntur. {cursus planus у автора; метрическая схема: v v – v | – – v, пеон III + антивакхическая стопа}
haec (в третий раз) qui legis, scito (аблятив?)]] me (аблятив или аккузатив?) maiorum secutum script[[is]]<a>[65]

[65] Автор не указывает, что предлагаемая им замена прямого дополнения при причастии secutum с latissima prata («устремившись на обширнейшие луга старших, собрал [лишь] немногие цветы из их сочинений») на scripta («следуя сочинениям старших, собрал из их обширнейших лугов и т. д.») воспроизводит разночтения в списках, отмеченные Т. Моммзеном (Mommsen, 1882. P. 138): secutum scripta *BXY*; scripta secutum *A*; latissimis pratis (pratos B^a) *ABXYZ* (см. выше).

ex eórum latíssim[[a]]<is> prát[[a]]<is> {cursus planus у автора; эпитрит III + спондей}
– | v – – | – – v [[–]]<–> | – [[–]] <–> |
páucos **flóres legísse**, {cursus planus у автора; спондей + амфибрахий}
– – | – – | v – v |
únde-inquirénti pro cáptu ingénii méi corónam contéxam. {cursus planus у автора; автор отмечает элизию «und(e) inquirenti», но пропускает «capt(u) ingenii»; вакхическая + антивакхическая стопа}
– (v) | – – – – | – | – (–) | – v (v) – | v – | v – – | – – v |.
nec me quis <addidisse> in favorem géntis praedíctae, {cursus planus у автора; спондей + молосс}
– | – | v | <– v – (v)> | – | v – – | – – | – – – |,
<tibi? dat. commodi> quási ex ípsa trahénti oríginem {трохей + дактиль}, áliqua [[addidísse]] crédat, {«aliqua credat» cursus planus у автора; «addidisse credat» дитрохей + трохей}
<v? v> | v (v) | – | – – | (v) – (–) | v – v v |, v v (–) | [[– v – v]] | – v |,
quam quae légi-et cómperi. {ошибочно cursus planus у автора с элизией «leg(i) et» и перенесением ударения на второй от конца краткий (!) слог в «compéri»; ямб + амфимакр}
– | – | v (–) | – | – v – |.
néc si támen cúncta, quaé de ípsis
– | – | v – | – v |, – | (–) | – v |
<...> [[scribuntur aut referuntur, complexus sum]], {пеон III + эпитрит IV}
[[– – v | – | v v – v |, – – – | v]],
nec tántum [[ad]] eórum <ad> láudem quántum ad láudem éius qui **vícit expónens**.{cursus planus у автора; трохей + молосс}
– | – (v) | [[v]] | v – (v) | <–> | – –| – (v)| – | – (v)| v? v |
– | – v | – – – |.
éxplicit <cármen?> de àntiquitáte Getárum actúsque eórum {cursus planus у автора; не отмечена элизия «Getar(um) actusqu(e) eorum»; эпитрит I + амфибрахий}
– v – | <– –> | (–) | – – v – v | v – (v) | – – (v) | v – v |
[[quos devicit Iustinianus imperator per fidelem rei publicae Belisarium consulem]].
[[– | – – v | – v? v – v | – v – – | – | v – – | v – | – v – | ? ? ? v – | – v v]]. {? + дактиль}

ZUSAMMENFASSUNG

Die Kritik der Hypothese von P. Schuvalov konzentriert sich auf die Problemen der Untersuchung der quantitativen und qualitativen Klauseln der Prosarhythmus, der cursus mixtus, wie auch auf die Fragen der Textkritik der «Getica» des Jordanes, auf seine vermutlichen Entlehnungen aus den Werken von Cassiodorus und Rufinus.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

«Getica», Иордан, Кассиодор, гипотеза П. В. Шувалова, ритмизированная проза.

KEY WORDS

Getica, Jordanes, Cassiodorus, Hypothesis of Peter Shuvalov, Prose Rhythm.

П. Ю. ШАМАРО

АНТИЧНЫЕ ИСТОКИ СУЖДЕНИЙ О ЗНАЧЕНИИ ПИСЬМЕННОГО ДОКУМЕНТА В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ГРАМОТАХ ЮЖНОЙ ФРАНЦИИ

В настоящей статье мы рассмотрим высказывания о роли письменной фиксации правового акта, содержащиеся во вступительной части раннесредневековых документов. Хорошо известно провозглашавшееся средневековой Церковью положение о том, что Церковь живет по римскому праву — ecclesia vivit lege Romana. Но в какой форме и в какой степени преемственность внутренних установлений Церкви в отношении римского наследия сказалась на суждениях о роли письменного документа? Несмотря на предпринятые исследования, нет отчетливого представления о настоящей правовой образованности ученых клириков, составлявших документы с элементами юридических норм римского права, как и о том, насколько сознательно подходили они к правовому наследию Античности. В этой статье мы постараемся показать, что, по крайней мере, наиболее творческая часть составителей документов весьма умело находила в памятниках права необходимую аргументацию в пользу письменного оформления правовых актов, и излишне говорить, что они были весьма заинтересованы в увековечении памяти о благочестивых пожертвованиях, совершенных в пользу их обителей и церквей.

Еще А. Жири относил преамбулы юридического характера, часто встречающиеся в документах IX – конца XI в., к числу наиболее любопытных[1]. Однако он отмечал, что многие преамбулы по своему содержанию повторяют одна другую, а манера их составления порой заставляет

[1] *Giry A*. Manuel de diplomatique. Paris, 1894. P. 544–545.

© Шамаро П. Ю., 2013

сомневаться в том, всегда ли составители грамот сами понимали то, о чем они пишут. Крайним выражением пренебрежительного отношения к сведениям, заключенным в преамбулах, является установка некоторых издателей средневековых документов вообще опускать преамбулы, так как, по их мнению, они не несут никакой смысловой нагрузки[2].

Однако и в тех случаях, когда исследователи не избегали специального анализа формул, заключенных в преамбулах, их выводы были большей частью полны скептицизма. Ярким примером такого подхода является статья Ж. Флака, посвященная следам римского права во французских грамотах IX–XI вв.[3] Размышляя о судьбе позднеантичного наследия, автор приходит к выводу, что на юге Франции победу одержало обычное право, так что считать эту часть страны областью права письменного ошибочно[4]. По словам Флака, цитаты из текстов римского права и ссылки на эти тексты в грамотах представляют собой явление спорадическое, а само римское право выступает в них в мумифицированном виде[5].

Напротив, Л. Стуфф увидел в характерных формулах традиции римского права, которые в смешении с германским правом составили живое обычное право эпохи, в них же он усмотрел и конституирующую роль письменного документа в правовых договорах того времени[6]. Следует отметить, что Стуфф посвятил специальную общую работу формулам римского права в раннем Средневековье[7] и в отдельной статье подверг разбору средневековые формулы, восходящие к толкованиям на статьи Бревиария Алариха[8]. Но и этот исследователь пришел к заключению, что составители грамот были мало образованы, хотя умели извлечь свою выгоду из манипулирования цитатами, с помощью которых они убеждали своих клиентов в необходимости составления письменных документов. Однако то, что у них называлось римским правом, оказывается лишь внешней и весьма жалкой формой официального права и вульгарного права поздней Античности[9].

---

[2] См., например: Cartulaire de Maguelone / éd. par J. Rouquette et A. Villemagne. Montpellier, 1912. T. 1. P. XIII–XIV.

[3] *Flach J.* Le droit romain dans les chartes du IXe au XIe siècle en France // Mélanges Fitting. Montpellier, 1907. T. 1. P. 383–421.

[4] Ibid. P. 395.

[5] Ibid. P. 399–415.

[6] *Stouff L.* Étude sur la formation des contrats par l'écriture dans le droit des formules du Ve au XIIe siècle // Nouvelle revue historique du droit français et étranger. Paris, 1887. A. 11. P. 249–287.

[7] *Stouff L.* De formulis secundum legem Romanam a VII° sæculo ad XII^{um} sæculum. Parisiis, 1890.

[8] *Stouff L.* L'interpretatio de la loi romaine des Wisigoths dans les formules et les chartes du VIe au XIe siècle // Mélanges Fitting. Montpellier, 1908. T. 2. P. 165–188.

[9] Ibid. P. 188.

Разумеется, отдельные составители грамот могли бездумно заимствовать старые формулы, стремясь придать письменному документу более внушительный вид. Но многочисленные отсылки к памятникам римского права, которыми так богаты документы Южной Франции и где мы найдем примеры развитой аргументации, обнаруживающей живую мысль их авторов, заслуживают все нового обращения к ним исследователей. Попробуем самостоятельно заново показать, к каким именно нормам римского права восходили соответствующие формулы, как проявила себя в отношении их живая мысль средневековых клириков, как приспосабливали они нормы старого римского права к реальным обстоятельствам своей эпохи.

Говоря об источниках римского права, которые могли быть известны ученым клирикам Южной Франции, мы имеем в виду прежде всего основанный во многом на Кодексе Феодосия «Римский закон вестготов» (Бревиарий Алариха), обнародованный в 506 г. и вплоть до возрождения систематического изучения римского права в Западной Европе являвшийся основным его источником[10]. Более сложным оказывается вопрос, в какой именно степени средневековые составители грамот были знакомы с самим этим памятником. Следует помнить, в частности, о том, что существовало семь эпитом самого Бревиария (самая ранняя — эпитома Эгидия — датируется началом VIII в.). Помимо этого, составители документов могли пользоваться формуляриями, которые начали составляться с середины VII в. (самый ранний — Формулярий Маркульфа[11]). Ниже в меру наших сил мы постараемся показать на конкретных примерах, как тут обстояло дело.

---

[10] *Benech M.* La Lex Romana Visigothorum dite Bréviaire d'Alaric // Mélanges de droit et d'histoire. Paris, 1857. P. 571–618 ; *Patetta F.* Il Breviario Alariciano in Italia // Archivio Giuridico. Pisa, 1891. Vol. 47. P. 3–45 ; *Conrat M.* Breviarium Alaricianum. Leipzig, 1903 ; *Lambertini E.* La codificazione di Alarico II. Torino, 1991 ; *Polara G.* Lex Romana Visigothorum. Un contributo alla Ricerca. Milano, 2004 ; *Dumézil B., Rouche M.* Le Bréviaire d'Alaric. Aux origines du Code civil. Paris, 2008.

[11] *Zeumer K.* Über die älteren fränkischen Formelsammlungen // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. 1881. Bd. 6. S. 9–115 ; *Krusch B.* Ursprung und Text von Markulfs Formelsammlung // Nachrichten der Göttinger Gelehrten Gesellschaft, phil.-hist. Klasse. 1916. S. 231–274 ; *Levison W.* Zu Marculfs Formularbuch // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. 1935. Bd. 50. S. 616–619 ; *Uddholm A.* Formulae Marculfi. Études sur la langue et le style. Uppsala, 1954 ; *Beyerle F.* Das Formel-Schulbuch Merkulfs // Aus Verfassungs- und Landesgeschichte : Festschrift zum 70. Geburtstag von Theodor Mayer. Lindau ; Konstanz, 1955. Bd. 2. S. 365–389.

1. Эдикт Константина Великого в обоснование необходимости письменного удостоверения дарения

Как известно, в документальном наследии раннего Средневековья, от которого дошли до нас главным образом остатки монастырских архивов, особое место принадлежит актам дарения. Ряд документов X–XI вв. из монастыря Сен-Виктор в Марселе содержит восходящую к императорским эдиктам формулу, которая прямо указывает на то, что дарение, не подтвержденное письменным документом, не имеет силы. Так, в начале документа 984 г., которым засвидетельствован дар различных земель епископом Марселя виконту Гильему I, сказано:

> Ante tempus legi<s> istius donationis (= donationes) ętiam sine gestorum testificatione valeba<n>t. Nunc vero post hanc legem, nec nuptialis nec quelibet donatio valere potest, si gestibus non fuerit alligata.
>
> До времени этого закона имели силу дарения, [совершенные] даже без засвидетельствования в актах муниципия. Теперь же после этого закона ни дарение по случаю помолвки, ни какое другое не может иметь силы, если оно не было заявлено для записи в актах муниципия[12].

Это высказывание есть не что иное, как дословное повторение содержавшегося в Кодексе Феодосия (далее — C. Th.) толкования на эдикт 319 г. императора Константина об обязательном удостоверении дарения по случаю помолвки путем записи в актах муниципия, как это ранее было установлено его отцом, Констанцием Хлором, в отношении других даров (C. Th. 3.5.1). Заметное отличие от названного толкования заключается лишь в том, что составитель документа опустил два не столь существенных уточнения, содержащихся в нем (в цитируемом ниже тексте они отмечены курсивом):

> Ante tempus legis istius donationes etiam sine gestorum testificatione valebant. Nunc vero post hanc legem nec nuptialis nec quaelibet *alia inter quascumque personas* donatio, *de quibuscumque rebus*, valere potest, si gestis non fuerit allegata).

След более полной формулы обнаруживается в документе 1035 г. из того же монастыря:

> Ante tempus legi<s> istius, donationis ętiam sine gestorum testificatione valebant; nunc vero, post hanc legem, nec nuptiali<s>

---

[12] Cartulaire de l'abbaye de Saint-Victor de Marseille / éd. par Guérard. Paris, 1857. T. 1. P. 97–98, no 70.

> nec qua<e>libet inter **quascumque** <personas> donatio valere potest, si gestibus non fuisset alligata[13].

Вероятно, в документе или формулярии, который послужил образцом для составителей обоих документов, формула была воспроизведена в более полном виде. Похоже, однако, что тот, кто написал этот общий образец, записал формулу под диктовку, так что у него слились слова legis и istius, вследствие чего выпало конечное s первого из них. В живом произношении тех столетий слабо различались на слух гласные [e] и [i], свое затруднение уже автор образца разрешил в пользу последней гласной, очевидно, мало задумываясь над смыслом примененной им глагольной формы. Похоже, однако, что и писец, написавший документ 1035 г., тоже опирался на слуховое восприятие привычных латинских слов, по этой причине в соответствии со свойствами нового романского произношения у него выпала конечная s в слове nuptialis. Любопытно, что кто-то решил заменить абстрактное субстантивированное причастие gesta (в ед. ч. gestum, т. е. «совершенное»), которое только и было возможно в строгом юридическом тексте, на более привычное существительное четвертого склонения gestus, которое обозначало жест.

Эдикт Константина и толкование к нему дошли в составе Бревиария Алариха[14]. Несомненно, именно из него и был заимствован приведенный в документе текст. Здесь стоит привести и сам текст эдикта, который, несомненно, был знаком составителю документа или тому, кто написал более ранний документ, послуживший образцом для нашего автора. Текст эдикта хорошо показывает, как следует понимать сведения об удостоверении актов дарения, сообщаемые в документе:

> Pater noster nullam voluit liberalitatem valere, si actis inserta non esset. Nos etiam inter sponsos ac sponsas omnesque personas eam solam donationem ex promulgatae legis tempore valere sancimus, quam testificatio actorum secuta est.

> Отец наш выразил волю, чтобы никакое дарение, как проявление щедрости, не получало силы, если оно не включено в акты муниципия. Мы в свою очередь уставнавливаем, чтобы, считая со времени обнародования названного закона, между помолвленными, как и лицами, находящимися в любых иных отношениях, только то дарение имело силу, за которым последовало его публичное удостоверение в актах муниципия.

---

[13] Ibid. P. 206, no 176.

[14] LRV. Lib. III. Tit. V. 1 (Lex Romana Visigothorum / instruxit G. Haenel. Lipsiae, 1849. P. 76).

Ряд традиционных правовых актов был издревле обставлен строгими обрядами, и к таковым в первую очередь относилась помолвка. По этой причине, очевидно, римские граждане не спешили подчиняться новым правилам единообразного удостоверения подобных правовых действий, тем более что, в отличие от императора Константина, Констанций никогда не имел власти над всей Римской империей. В рассматриваемых правовых установлениях речь шла о муниципальных регистрах (gesta municipalia) в канцелярии куриалов, куда заносилось содержание частных актов[15]. Участники сделки должны были предстать перед магистратом, перед которым зачитывался составленный ими до этого документ (эта процедура носила название professio или recitatio), затем текст предоставленного документа полностью заносился в регистры — в этих двух процедурах и заключалось то, что обозначено как gestis alligatio или testificatio gestorum[16]. Толкование на титул Бревиария, касающийся дарения, свидетельствует, что эта процедура должна была осуществляться перед судьей или курией: Gesta vero donationum aut apud iudicem aut apud curiam alleganda sunt[17].

Ввиду характерного для взаимоотношений с монастырями того времени обычая тех, кто уступал им свое имущество, представлять не только вынужденную уступку, но и продажу имущества как благочестивое дарение, которое могло служить к спасению души, в другой грамоте XI в. монастыря Сен-Виктор приведенная выше формула толкования императорского эдикта, но теперь в свободном переложении применена для обоснования неколебимости удостоверяемой письменным документом купли-продажи:

> Ante tempus legis istius, donationes queque valuerunt, si gestibus non fuerint colligatę. Postea enim quam leges esse ceperunt, sancti Dei institutores sancxerunt ut venditio firma et stabilis sit omni tempore.
>
> Ранее времени того закона всякие дарения имели силу, <и> если они не были включены в акты муниципия. Но когда начали устанавливаться законы, святые Божии устроители

[15] *Brunner H.* Zur Rechtsgeschichte der römischen und germanischen Urkunde. Berlin, 1880. Bd. 1. S. 139–144 ; *Hirschfeld B.* Die Gesta municipalia in römischer und frühgermanischer Zeit. Inauguraldissertation. Marburg, 1904 ; *Liebs D.* Die im spätantiken Gallien verfügbaren römischen Rechtstexte. Literaturschicksale in der Provinz zwischen dem 3. und 9. Jh. // Recht im frühmittelalterlichen Gallien: spätantike Tradition und germanische Wertvorstellungen / hrsg. von H. Siems, K. Nehlsen-von Stryk, D. Strauch. Köln ; Weimar, 1995. S. 1–28.

[16] *Stouff L.* Étude sur la formation … P. 254.

[17] LRV. Lib. VIII. Tit. V. 1.2. Interpretatio (Lex Romana Visigothorum. P. 156).

положили, чтобы <удостоверенная грамотой> продажа была тверда и неколебима во всякое время[18].

Совершенно очевидно, что формула, заимствованная из правового свода начала VI в., в Марселе X–XI вв. уже утратила свое настоящее значение и служила лишь чисто формальным доводом в пользу составления документов о дарении или купле-продаже. Еще одну позднюю реминисценцию на эту формулу мы встречаем в документе начала X в. из аквитанского монастыря Св. Юниана в Нуайе, располагавшегося примерно в 10 км к северо-западу от Пуатье:

> Presentem vero donacionem nequaquam a curialium vilitate gesti<s> municipalibus alligari curavimus.
>
> Отнюдь не по побуждению от куриалов с малыми полномочиями мы сами приложили заботу к тому, чтобы настоящее дарение было включено в муниципальные акты[19].

Отметим здесь созвучие curialium — curavimus. Если принять без исправлений чтение оригинала, следовало бы предположить и столь же игривое превращение субстантивированного причастия gesta в настоящее причастие gesti, характеризующее состояние самих действующих лиц. Но, скорее, здесь следует внести конъектуру: gesti<s>.

Латинское понятие *scriptura* служило общим обозначением документальной записи частноправового характера, независимо от того, было ее содержание уже внесено в муниципальные акты или нет. С угасанием практики ведения муниципальных регистров к началу VIII в. само понятие gesta применялось все реже, и смысл его искажался, как мы вновь увидим в параграфе о формулах уступки имущества. В ряде случаев его заменяет понятие scriptura в сочетании с другими понятиями. Вместе с тем глагол allegare (в документах обычно в форме alligare), обозначавший приведение доводов в доказательство подлинности фактов, излагаемых перед представителями судебной власти, продолжал применяться в документах, но все чаще в сочетании с другими понятиями. Примеры нового применения понятия scriptura и термина alligare будут приведены в каждом из следующих параграфов.

2. От римского дарения между супругами к имущественным договорам между монастырями

В Формулярии Маркульфа, датируемом концом VII в., в разделе, посвященном дарениям между супругами (Carta interdonationes inter viro et faemina de eorum res (sic!)), содержится следующая формула:

---

[18] Cartulaire de l'abbaye de Saint-Victor. P. 81, no 55.

[19] Chartes de l'abbaye de Nouaillé / éd. par P. Monsabert de // Archives historiques du Poitou. Poitiers, 1936. T. 49. P. 48.

> Quicquid enim inter coniugatos de propria facultate, manentae caritate, pro amorem (amore?) dileccionis invicem condonare placuerit, scribturarum necesse est titulis alligari, ne in posterum ab heredibus eorum vel a quemcumque (sic!) posset convelle.
>
> Ведь, что бы ни было угодно между супругами подарить друг другу из собственного имущества ради любви к сердечному избраннику, при сохранении <такового> расположения необходимо, чтобы это было удостоверено публично письменными документами, дабы в будущем не могло быть расстроено их наследниками или кем бы то ни было[20].

Другая версия этой формулы содержится в Турском формулярии, который принято датировать серединой VIII в. Хотя исследователи считают этот формулярий, таким образом, не столь ранним, как Формулярий Маркульфа, следует отметить, что оба формулярия дошли преимущественно в списках IX в. и списки более раннего времени неизвестны. В том, что касается приведенной здесь формулы, необходимо даже признать, что версия Турского формулярия стоит ближе к исходной, чем дошедшая до нас версия Формулярия Маркульфа. Рассматриваемая формула здесь представлена тоже в титуле, посвященном дарению между мужем и женой (Donatio inter virum et uxorem, tamen gestis sit alligata). Начало ее почти полностью совпадает с текстом Маркульфа:

> Quicquid enim inter coniugatos de propria facultate ob amorem dilectionis invicem condonare placuerit, scripturarum necesse est titulis alligari, ne in posterum ab heredibus eorum posse<t> convelli.

В то время как в Формулярии Маркульфа оборот *ablativus absolutus* «manente caritate» производит впечатление чего-то излишнего, в Турском формулярии этот оборот в исходной форме «manente coniugio» выступает частью дальнейшей цитаты из труда, приписываемого выдающемуся римскому легисту рубежа II–III вв. Юлию Павлу: quia secundum legem, «si **manente coniugio** vir uxori vel uxor marito aliquid donaverit, si is cui donatum est prior mortuus fuerit, apud donatorem ea quae donate fuerant remanebunt» (так как, согласно закону, «если, находясь в браке, муж жене или жена мужу что-либо подарит, если тот, кому сделано дарение, первым умрет, вещи, которые были дарованы, останутся у дарителя»)[21].

Примененное в формуле выражение scripturarum titulis alligari можно с некоторыми оговорками поставить в параллель с выражением gestis

---

[20] Formulae Merowingici et Karolini aevi / ed. K. Zeumer // Monumenta Germaniae Historica. Hannoverae, 1886. P. 79.

[21] Ibid. P. 144; cf.: Lex Romana Visigothorum. P. 370: Paul. II, 24, 5.

alligari. В римском праве термины tituli и gesta могли обозначать совершенно различные понятия. Примером может служить эдикт императоров Гонория и Феодосия II от 26 апреля 409 г. относительно сбора денег для закупки зерновых запасов, дальнейшая продажа которых снизила бы цену на зерно в обстановке угрозы голода (C. Th. 14. 16.1). Словом titulus здесь назван письменный документ, в котором должны были быть зафиксированы все сделанные закупки. Этот документ (titulus emptionis) надлежало обнародовать в судебных присутствиях, находившихся в ведении константинопольского претора, и внести в регистры: quidquid super frumentaria comparatione titulus emptionis invenerit, in tribunalibus praefecturae urbanae **sub gestorum testificatione** pandatur.

Не лишено значения то обстоятельство, что и в приведенных выше определениях из раннесредневековых формуляриев, и в названном императорском эдикте один и тот же глагол convellere применен для обозначения того возможного нарушения устанавливаемого порядка, предотвращению которого должно было служить в первом случае письменно удостоверенное публичное заявление частного лица, а во втором — оглашение произведенных доверенными лицами закупок и внесение соответствующей записи в регистры. Устанавливая обязательность письменного удостоверения дарения между супругами, ссылаясь на выраженную в «Сентенциях» Павла норму в отношении таких дарений, раннесредневековый правовед, очевидно, припомнил и некоторые, как ему казалось, подходящие выражения из Кодекса Феодосия[22].

Несомненно, он думал о публичном заявлении дарителя и о таком письменном удостоверении воли дарителя, которое должно было послужить средством возможной защиты в суде вновь установленого права владения вещью. Но, по всей вероятности, он намеренно избегнул прямого указания на внесение соответствующей записи в муниципальные регистры и лишь указал на публичное удостоверение воли дарителя с помощью тем или иным образом оформленных письменных документов. Неопределенность его слов можно объяснить как исчезновением самой традиции внесения записей о частноправовых актах в муниципальные регистры, так и тем хорошо известным обстоятельством, что императорское законодательство не приветствовало дары между супругами, поскольку не исключало возможности принуждения.

Примеры смелого творческого применения образцов, содержавшихся в формуляриях, мы находим в грамотах IX–X вв. из Пуату. Норма, выраженная в формуляриях в отношении дара между супругами, в документах перенесена на имущественные права, которые устанавливали между собой монастыри. Документ, составленный в 827 г., который засвидетельствовал соглашение между капитулом церкви Св. Илария в Пуатье

[22] Ср. еще два примера: C. Th. 11.30.11pr. ; 8.12.8.1.

и находившемся ранее в зависимости от него монастырем Св. Юниана в Нуайе относительно прав последнего, начинается словами:

> Quicquid inter servorum Dei concorditer de rebus ecclesiae sibi creditis, manente varietate, pro dilectionis amore invicem consentire placuerit, **scripturarum necesse est titulis alligari**, ne in posterum a senioribus vel a quocumque possit convelli.
>
> К какому бы взаимному согласию в отношении доверенных им имуществ Церкви ни было угодно прийти в полном единодушии между божьими слугами по любви друг к другу, если остается возможность изменений, необходимо, чтобы это было публично удостоверено имеющими правовую силу документами, с тем чтобы в последующем это не могло быть порушено начальниками или кем-либо другим[23].

В грамоте 991 г. от имени герцога Аквитанского Гильема IV, составленной в пользу монастыря Св. Юниана и вновь регулирующей его имущественные отношения с капитулом церкви Св. Илария, применена та же формула, но с некоторыми характерными изменениями:

> Quicquid enim inter servorum Dei concorditer de rebus ęclesiis (sic!) sibi creditis, manente **largitate**, pro amore dilectionis invicem consentire placuierit, scripturarum necesse est tytulis **conligari**, ne in posterum a senioribus vel **a potestate seculari** possit coinquinari[24].

Выражение manente varietate, которым указывалось на допустимость изменений, сменяется здесь выражением manente largitate, которым указывается на возможность новых проявлений щедрости. В конце формулы наряду с церковным начальством прямо указано на светскую власть, как того, чьим вмешательством может быть осквернено достигнутое согласие. Но наиболее интересное для нас изменение заключается в замене глагола alligari глаголом conligari, заставляющей думать, что составитель документа был уже совершенно далек от мысли о каком-либо заявлении перед представителями власти, которое некогда выражалось глаголом allegare, но мог представить себе лишь механическое «присоединение» нового документа к связке старых грамот, хранившихся в монастыре.

3. Series scripturarum (chartarum) как обозначение документов о передаче имущества свободными людьми

Термины series scripturarum и series cartarum применяются в утверждениях о необходимости удостоверения передачи имущества путем

---

[23] Chartes de l'abbaye de Nouaillé. P. 19, no 11.
[24] Ibid. P. 126, no 75.

составления документа в надлежащем порядке. На деле речь идет о самых разных видах правовых актов: о даре жениха по случаю бракосочетания (donatio propter nuptias)[25], об отдаче земли в держание для устройства там солеварни[26] или для других целей[27], о продаже участка монастырю для устройства на нем мельницы[28], о благочестивых дарениях монастырю[29]. Неизменным в соответствующих формулах остается ссылка на авторитет законодателей (legali sancitur auctoritate, latores legum sanxerunt) либо на решение высшего совещательного органа (consultum est), но ссылка эта во всех случаях остается слишком общей, и напрасно здесь искать определенный источник среди памятников римского права.

Есть тем не менее причины думать, что исходной сферой применения формул рассматриваемого типа были благочестивые дарения монастырям, в правовом отношении близкие позднеантичному завещанию. Со временем в монастырях составители документов стали использовать привычную для них формулу и к другим формам передачи имущества. Понятие series нередко применяется в законоположениях, собранных в Кодексе Феодосия. В эдикте императоров Аркадия и Гонория им обозначено непосредственно письменное завещание, которое следовало прочитать свидетелям перед тем, как они подпишут его (C. Th. 4.4.3.1). Этот эдикт был воспроизведен и в Бревиарии Алариха (p. 104: 4.4.3.1). Каково бы ни было конкретное значение понятия series в применении к завещанию, оно подходило ему уже потому, что имущественные распоряжения в пользу наследника дополнялись поручениями наследнику относительно наделения других лиц имуществом, оставляемым завещателем.

Бревиарий Алариха сохранил особое толкование к эдикту императоров Грациана, Валентиниана III и Феодосия I об условиях вступления вдовы в права наследия по завещанию мужа (LRV. 3.8.2. Interpr.). Там мы встречаем то самое выражение conferre voluerit , которые мы неоднократно встречаем в формулах рассматриваемого типа. Там же для обозначения имущественных прав применено характерное выражение propriae facultates, которое мы обнаруживаем и в самой ранней из рассматриваемых формул, содержащейся в Буржском формулярии (*Formulae Bituricenses*). В примере под номером 15 представлены извлечения из составленного в области Буржа документа о даре (весьма щедром!) супруга супруге, причем супруг выступает в статусе отпущенника, характерном для галло-римского магната во Франкской Галлии.

---

[25] Formulae Merowingici et Karolini aevi. P. 174–175.

[26] Chartes et documents pour servir à l'histoire de l'abbaye de Saint-Maixent / éd. par A. Richard // Archives historiques du Poitou. Poitiers, 1886. T. 16 (далее — Chartes et documents de Saint-Maixent). P. 26, no 14.

[27] Chartes de l'abbaye de Nouaillé. P. 148, no 87.

[28] Ibid. P. 138, no 82.

[29] Ibid. P. 157, no 93 ; P. 220, no 139.

Hoc consultum est, ut, quicumque liberta persona de rebus propriis facultatis suae aliquid **conferre voluerit**, hoc per seriem scripturarum laudabiliter debeat esse **adlegatum** adque subter firmatum, qui hac conditione et iurae (sic!) postulat praeturium et **gestis** requirit **municipalibus**.

<Властью Сената> установлено, что, кто бы в статусе отпущенника ни пожелал передать (кому-либо) что-либо из собственного имущества, находящегося в его распоряжении, эта передача имущества должна быть публично объявлена путем оформления документов в принятом порядке и эти документы должны быть скреплены подписью. При соблюдении этого условия такой человек по праву обращается в суд претора и заявляет требование, опираясь на муниципальные акты[30].

К значительно более позднему времени, но вместе с тем к области с более стойкими культурными традициями относится документ, составленный от имени графа Пуатье Гильема III в 929 г. и оказавшийся затем в архиве монастыря Св. Максенция (примерно в 55 км к юго-западу от Пуатье), так что можно предположить как заинтересованность монастыря в составлении этого документа, так и прямое участие ученых монахов этой обители в его оформлении. Речь идет об отдаче в держание участка земли для устройства солеварни. Здесь уже нет указания на необходимость внесения записи в муниципальные акты, но есть указание на тот самый статус свободного гражданина, подлежащего вместе со своим имуществом общей переписи (census), который, заметим, выдвинут в качестве необходимого условия для внесения акта передачи имущества (traditio) в муниципальные регистры в известном эдикте императоров Гонория и Феодосия II от 15 марта 415 г. (C. Th. 8.12.8.1):

Legali sancitur auctoritate inlustriumque virorum roboratur confirmacione ut quæ quid legitime potestates vel persone **sub censu legitimo** voluerint adipisci, scripturarum seriæ **alligetur**, ut quod racionabiliter factum fuerit, nullatenus in relicum (sic!) possit divelli.

Властью законодателей установлено и подтверждено собранием сенаторов, чтобы всякий законный представитель власти или лицо, включенное в ценз, кто пожелает что-либо приобрести, подлежал процедуре публичного удостоверения (своего приобретения) путем оформления надлежащих

[30] Formulae Merowingici et Karolini aevi. P. 174–175.

документов, с тем чтобы то, что будет сделано в установленном порядке, в будущем никоим образом не могло быть разрушено[31].

В четырех несколько более поздних документах (992–1091) из монастыря Св. Юниана в Нуайе, располагавшегося вблизи Пуатье, повторяется одна и та же формула, где вновь всплывает понятие gesta. Здесь мы встречаем опять выражение conferre voluerit, восходящее еще к статье Бревиария Алариха об условиях вступления вдовы в права наследия по завещанию мужа. Характерно и определение proprium к понятию ius — это определение имеется и в названной статье. Более строгое понятие scriptura, обозначавшее письменное удостоверение правового акта, здесь, однако, сменяется понятием charta, которым в памятниках римского права обычно означали письменные прошения и всякого рода списки. Выражение per seriem cartarum сливается в единое целое с выражением gestis alligetur. Вот пример из грамоты, датируемой издателем 994 г.:

> Latores legum sancxerunt ut qui de **iure** proprio aliquid **alicui conferre voluerit**, hoc sub presentia virorum nobilium **per seriem cartarum gestis alligetur**, quatinus hoc quod pie factum est diuturnis temporibus maneat inconvulsum…
>
> Законодатели положили непреложным, чтобы, кто бы ни пожелал кому-либо передать что-либо из имущества, в отношении которого пользуется полнотой прав, эта передача имущества была объявлена в присутствии знатных мужей и включена в муниципальные акты путем совершения надлежащих записей, благодаря чему то, что сделано по благочестию, на долгие времена да останется нерушимым[32].

Любопытно, что в более ранних, относящихся еще к IX в., но выполненных в германских землях списках так называемых «Салических формулах Линденбруха» (*Formulae Salicae Lindenbrogianae* — по имени первого издателя, носившего имя Friedrich Lindenbruch, 1573–1648)[33] та же формула подвергнута характерному изменению, свидетельствующему о том, что авторам дошедших до нас списков этого памятника уже был непонятен смысл глагола allegare (alligari), как и смысл понятия gesta. Первый здесь заменен глаголом obligari, обозначавшим принятие обязательств всякого рода, а понятие gesta вообще упразднено. Однако же вместо слова carta здесь вновь употреблено слово scriptura. Не исключено,

---

[31] Chartes et documents de Saint-Maixent. P. 26, no 14.

[32] Chartes de l'abbaye de Nouaillé. P. 148, no 87. См. другие примеры: Ibid. P. 138, no 82 ; P. 157, no 93 ; P. 220, no 139.

[33] Cf.: Formulae Merowingici et Karolini aevi. P. 266.

что и в прототипе формулы документов из Нуайе содержалось именно это слово, но кто-то сознательно заменил его на слово carta.

> Latores legum sanxerunt, ut, qui de iure proprio alicui aliquid tradere voluerit, hoc coram plures testibus **per scripturarum seriem firmiter faciat obligari**, ut in evum inconvulsum valeat permanere[34].

Эта формула дословно повторена в грамоте 875 г. из северофранцузского города Камбрэ[35].

4. Эдикт Феодосия I о публичном удостоверении уступки имущества в раннесредневековой традиции

Заслуживает нашего внимания и часто встречающаяся в раннесредневековых документах формула, определяющая порядок уступки имущества в вынужденных обстоятельствах (cessio). Формула восходит к позднеантичному источнику, и различные ее версии позволяют судить как о древнейших способах письменного удостоверения такого рода актов, так и о собственых представлениях составителей средневековых документов о роли письменного документа. В документах Пуату, Оверни, Прованса и того региона, который ныне известен как Юг-Пиренеи, мы встречаем более двух десятков примеров этой формулы. Древнейший пример (781 г.) содержится в картулярии марсельского монастыря Сен-Виктор. К сожалению, латинский текст документа с его нагромождением синонимических понятий сверх всякой меры и смысловыми повторами плохо поддается буквальному переводу:

> Licet in universis strumentis solempnes munitiones antiquitus veneranda constituunt, ut undecumque contractus instituta firmitate muniatur; in cessionibus vero, seu et **professionibus**, **sola voluntate** jusserunt principes manere auctoritate.
>
> Хотя публичные меры защиты, которые следует соблюдать для подтверждения любых правовых актов, требуют, чтобы договор подтверждался во всех отношениях установленным

---

[34] Formulae Merowingici et Karolini aevi. P. 148, no 87.

[35] Chartes originales antérieures à 1121 conservées en France / Cédric Giraud, Jean-Baptiste Renault et Benoît-Michel Tock, éds. Nancy : Centre de Médiévistique Jean Schneider ; éds électronique : Orléans : Institut de Recherche et d'Histoire des Textes, 2010. No 352. URL: http://www.cn-telma.fr/originaux/charte352/: «[Latores] legum sanxerunt ut qui de jure proprio alicui aliquid tradere voluerit se coram plures testibus per scripturarum seriem firmiter faciat obligare ut in evum inconvulsum valeat permanere».

способом, в случаях уступки имущества, однако, или, иначе говоря, «публичного объявления», государи повелели, чтобы они держались одной волей (заявленной уступающим имущество лицом).

Составитель документа продолжает:

> …ut quicumque aliquid alteri cesserit, profiteatur, sed tamen rem cessisset, id est aut scripturis, aut gestis, aut testibus, et sola volunta<ti>s professio pro omni firmitate illius sufficiat in augmentum.

> …так чтобы всякий, кто уступит другому (имущество), объявил о том — но только <если> он уже уступил имущество, — а само по себе объявление воли (т. е. посредством записи частного характера, или путем включения в муниципальные акты, или с помощью собрания свидетелей) да будет предостаточным для крепости (совершенного)[36].

Эта формула восходит к двум постановлениям Кодекса Феодосия (опубликован в 438 г.), которые касались cessio bonorum — уступки имущества несостоятельным должником своему кредитору. Согласно приписываемому Юлию Цезарю закону (*Lex Julia de cessione bonorum*), при уступке должник должен был произнести вполне определенные слова. Но эдиктами Феодосия I (римский император с 379 по 395 г.) должник освобождался от этого формализма, и ему достаточно было просто выразить свою волю. Так, в консульство Гонория и Эводия (387 г.) Феодосий постановил: «In omni cessione professio sola quaerenda est; in omni cessione sufficit voluntatis sola profession» («При любой уступке имущества следует требовать лишь публичного объявления о ней; при любой уступке имущества достаточно одного публичного объявления воли») (C. Th. 4.20.3)[37].

По свидетельству, содержащемуся в известном своде римских правовых норм, составленном в королевстве Бургундов в начале VI в., *Lex Romana Burgundionum*, в том же 20-м титуле Кодекса Феодосия, где представлены эти законоположения, было приведено и суждение одного из римских правоведов на тот же предмет (C. Th. 4.20.4). В бургундском своде оно несет следы позднейшей его переработки.

> Cessionis ita firmitatem subsistere, si cuius rei per evidentem professionem voluntaria et evidens cessio teneatur, hoc est, ut cessionis nomine scriptura cuiuslibet rei cedentis voluntaria professione et subscriptione firmetur.

---

[36] Cartulaire de l'abbaye de Saint-Victor. P. 111.

[37] LRV. 4.18.2 (Lex Romana Visigothorum. P. 126).

> Так сохраняется крепость уступки имущества, если уступка какой-либо вещи будет сочтена добровольной и очевидной в силу добровольного и открытого объявления, т. е. такого, чтобы запись об уступке какой-либо вещи была скреплена добровольным заявлением уступающего имущество и подписью[38].

В списках А3 и А4 названного раннесредневекового свода римского права весь его текст по ошибке приписан Папиниану, прославленному римскому правоведу (казнен императором Каракаллой в 212 г.), хотя нельзя исключать наличие в этом правовом своде и некоторых извлечений из Папиниана[39]. Первый титул в списке А3 начинается цитированием принадлежащего, возможно, именно Папиниану суждения о том, что полюбовные соглашения заключаются не только посредством определенных слов, но выражением настоящей воли сторон: Pacta non solum verbis, sed ex voluntate contrahentium constituuntur. Оценивая приведенные здесь положения из Кодекса Феодосия, следует лишний раз принять во внимание, что римские правоведы противопоставляли понятие «воля» скорее точному воспроизведению традиционных словесных формул, нежели непосредственно письменной ее фиксации.

Составители Бревиария Алариха (506) привели упомянутый нами выше эдикт Феодосия I без того дополнения, которое отмечено в бургундском своде римского права. Вместе с тем положения эдикта (in omni cessione professio sola quaerenda est; in omni cessione sufficit voluntatis sola professio) снабжены здесь следующим толкованием (interpretatio):

> Quaecumque aliquis alteri cesserit, profiteatur se tantum rem cessisse vel causam, hoc est aut gestis aut scriptura aut testibus, et sola voluntatis illius professio pro omni firmitate sufficiat.
>
> Какие только вещи кто-либо другому лицу ни уступит, пусть только объявит публично, что он уступил имущество или бывшие предметом спора права — т. е. либо включением специальной записи в муниципальные акты, либо записью,

---

[38] Cf.: Lex Romana sive forma et expositio legum Romanarum // Monumenta Germaniae historica, Legum nationum Germanicarum. T. II, pars I : Leges Burgundionum, edidit Ludovicus Rudolfus de Salis. Hannoverae : Impensis Bibliopolii Hahniani, 1892. P. 158: «Cessionis ita firmitatem subsistere, si cuius rei per evidentem professionem voluntaria et evidens cessio teneatur, hoc est : ut cessionis nomine scriptura cuiuslibet rei cedentis voluntaria professione et subscriptione firmetur. Quod si de vi et metu is qui cessit queri voluerit, intra annum similiter institutam peragat actionem. Secundum Theudosiani leges libro IV, sub titulo: Qui lege Iulia bonis cedere possunt».

[39] Lex Romana Visigothorum. P. 124.

оформленной в частном порядке, либо путем призвания свидетелей (в принятом порядке), — и само объявление его воли да будет достаточно для полной крепости совершенного[40].

Нет сомнений в том, что для галло-римского населения германских королевств в начале VI в. было в обычае составлять письменный документ того или иного рода в удостоверение акта передачи имущества путем его добровольной уступки. Но Бревиарий Алариха не исключал удостоверение такого акта и путем лишь призвания свидетелей, хотя, разумеется, и в особом порядке. Кроме того, там было проведено различие между письменным документом, оформленным в частном порядке, и документом, включенном в публичные акты муниципия. Как бы то ни было, предметом заботы законодателей была прежде всего добровольность уступки и возможность установления настоящей воли лица, уступавшего свое имущество.

Любопытно, что в сокращенном изложении статей Бревиария, известном как Эпитома Эгидия, указание на документ, составленный в частном порядке, опущено:

In omni cessione professio sola quaerenda est, hoc est aut gestis aut testibus, et tunc sola voluntas pro omni firmitate sufficiat[41].

Документ 781 г. из марсельского монастыря Сен-Виктор, выдержки из которого мы привели в начале параграфа, представляет собой самый ранний из известных нам примеров применения формулы из толкования к названному императорскому эдикту в Бревиарии Алариха. Но еще ранее, не позднее середины VIII в., часть той же формулы была использована в так называемом Турском формулярии, служившем пособием для составителей документов:

Latores legum sanxerunt, ut, quicquid unusquis alteri cesserit, profiteatur se tantum rem cessisse vel concedi, et sola voluntas illius aut scriptura aut testibus conprobata pro omni firmitate sufficiat.

Законодатели положили непременным, чтобы всякий, кто уступит что-либо другому, лишь объявлял, что он имущество уступил или что оно уступается, и для полной крепости совершенного будет достаточно одной его воли, подтвержденной документальной записью или свидетелями[42].

На этот раз, как мы видим, было удалено указание на традицию включения документальной записи в особые акты муниципия. Однако

---

[40] LRV. 4.18.2. Interpr. (Lex Romana Visigothorum. P. 126).
[41] Ibid.
[42] Formulae Merowingici et Karolini aevi. P. 137.

представляется очевидным, что в первоначальном варианте этого формулярия содержалось и указание на эту традицию. Даже в более поздних (936 г., 1140–1178 гг.) документах монастыря Св. Юниана в Нуайе (как было отмечено выше, он располагался примерно в 10 км к северо-западу от Пуатье), одного из культурных центров Аквитании, хранивших память о древнейших правовых традициях, сходная формула снабжена и указанием на акты муниципия:

> Latores legum sanxerunt ut quicumque aliquis alteri cesserit, profiteatur se tantum rem cessisse, id est testis aut gestis aut scriptura, et sola illius voluntate pro omni firmitate perficiat.
>
> Законодатели положили непременным, чтобы всякий, кто уступит что-либо другому, лишь объявлял, то ли с призванием свидетелей, то ли путем включения в муниципальные акты, то ли путем документальной записи частного характера, что он уступил имущество, и одной своей волей (заявленной таким образом) наделял этот акт полной силой[43].

Многочисленные примеры последующей переработки основного положения об удостоверении уступки имущества показывают в основном достаточно осознанный подход к делу у составителей документов, их стремление привести начальное законоположение в соответствие с новыми условиями общественной жизни. Так, в грамоте 925 г. из аббатства Св. Максенция мы читаем:

> Antiqua legum sanxit auctoritas, et ratio juris exposcit, ut <si> inter qua<e>cumque strumenda cartarum concessio invenitur, [solum] tantum (*scriptor correxit dictione prima non deleta*) professio (*in ms*. processio) voluntatis agnoscatur.
>
> Древняя сила законов сделала непреложным — и того требует само начало права, — чтобы в случае, если среди каких-либо письменных свидетельств, имеющих силу в суде, оказывается «уступка», признавалось бы лишь публичное объявление[44].

Мы видим, что здесь исключительное значение придано письменному документу как важнейшему свидетельству о правовом акте, но внимание составителя документа смещается с момента публичного удостоверения правового акта к возможному его рассмотрению в суде, на случай благополучного исхода которого собственно и составлялся любой документ.

---

[43] Chartes de l'abbaye de Nouaillé. P. 84, no 48 ; P. 191, no 117.

[44] Chartes et documents de Saint-Maixent. P. 24–25, no 12.

Богатый монастырь Св. Максенция, располагавшийся, как было отмечено, примерно в 55 км к юго-западу от Пуатье, славился своими культурными традициями. Неслучайным было оригинальное переосмысление традиционной формулы в одном из его документов, хотя нет сомнений, что тема разбора материала письменных свидетельств в процессе имущественных споров была подсказана более ранними документами того же монастыря или тех церковных и культурных центров, с которыми он был связан.

Сходную формулу мы находим в несколько более раннем документе (899 или 901 г.) упомянутого уже монастыря Св. Юниана в Нуайе. Понятно, что братия этого монастыря через посредство своей материнской обители, капитула церкви Св. Илария, испытала сильнейшее воздействие традиций главного культурного центра той области — Пуатье. Но, очевидно, сами монахи монастыря Св. Юниана не отличались образованностью. Как и в упомянутом документе 936 г. того же монастыря, составитель этого более раннего документа следовал в основном букве отраженного в Бревиарии Алариха и в Турском формулярии положения о том, что в случае уступки имущества достачно выражения воли в свободной форме. В рассматриваемом документе отражено вместе с тем и содержавшееся в более древнем образце представление о коренном значении письменного удостоверения этой воли для доказательства вновь установленных имущественных отношений в суде. Вместе с тем, несомненно, уже в образце объявлялось излишним включать такое письменное удостоверение в муниципальные акты, поскольку эта норма сознавалась уже как не отвечающая новому укладу жизни.

К сожалению, составитель документа не сумел передать строгую мысль предшественника, сбился при написании документа и не стал исправлять свою ошибку, как это мы часто наблюдаем в средневековых документах не только раннего Средневековья, но и более позднего времени. Похоже, что составитель документа когда-то запомнил формулу на слух.

> Sancxit octoritas ut cessio inter quas cum quod (=*quascumque* <*personas, si*>) estrumenta kartarum inventa fuerint<,> sine gestorum ablegacionem (sic!) plenissimam obtinea[n]t firmitatem.
>
> Авторитет [законов] сделал непреложным, чтобы акт уступки имущества получал полнейшую силу без *включения в муниципальные акты*, если окажутся письменные свидетельства о нем, которые признает суд[45].

По-видимому, идеи такого рода побудили автора Турского формулярия удалить из формулы всякое упоминание о включении письменного удостоверения уступки имущества в муниципальные акты. Прототип документа из Нуайе следует датировать временем ранее середины VIII в.,

[45] Chartes de l'abbaye de Nouaillé. P. 45–46, no 25.

к которому принято относить создание названного формулярия. Сходные мысли с теми же выражениями и с явной привязкой к содержавшейся в Бревиарии Алариха норме, но уже без прямого указания на письменный документ содержатся в документе 924 г. из аббатства Св. Фидес (Sainte-Foy) в Конке. Расположенное примерно в 86 км к северо-западу от Тулузы в области Лангедок-Руссильон, оно тяготело уже к Средиземноморью и Пиренеям. Следует отметить более свободную и вместе с тем грамматически не столь корявую форму документа из Конка:

> Antiqua ratio deposcit et lex (=legis) auctoritas declarat ut qualis cunque homo res suas in alteriis (sic!) personas transferre voluerit profiteatur rem tantum cessisse, quare cessio sola sufficit sine gestorum alegegatione in omnibus obtineat firmitatem.
>
> Древние доводы разума требуют, и авторитет *закона* провозглашает, чтобы каждый человек, кто пожелает передать свое имущество другим лицам, лишь *публично* объявил, что он уступил имущество, благодаря чему достаточно будет самой уступки без *включения в муниципальные акты* и она получит силу во всех отношениях[46].

Мы наблюдаем, таким образом, как творчески перерабатывалась в самых разных местах правовая норма, некогда включенная в Бревиарий Алариха. Будет нелишним отметить, что рассматриваемые формулы применялись и в живой речи, следы которой они несут и на письме. Так, в документе 945 г. из того же монастыря Св. Фидес приведенная формула предстает в предельно усеченном виде, так что даже предлог sine одиноко повис без существительного allegatione, которое он вводил, причем написание слова gestorum отразило реальное его произношение, где латинский согласный [g] перед мягкой гласной превращался в [j]: «Cessio sola sufficit sine <…> jestorum, tamen in omnibus plenissima obtineat firmitatem» («Сама уступка достаточна без *муниципальных актов*, но пусть имеет полнейшую силу во всем»)[47].

Новая интерпретация позднеантичного законоположения относительно уступки имущества, которую якобы было излишне удостоверять в форме муниципальных актов, породила в умах составителей документов былого аббатства Св. Юлиана в Бриуде (ныне капитул) совершенно неожиданные представления об исключительном месте «уступки» в сфере

---

[46] Cartulaire de l'abbaye de Conques en Rouergue / éd. par G. Desjardins. Paris, 1879. P. 6, no 5.

[47] Ibid. P. 105, no 114. Ту же усеченную формулу мы встречаем и в документе 990 г. из названного монастыря: «Cessio sola sufficit sine gestorum, sed in omnibus habeat plenissimam» (P. 164, no 192).

письменного оформления правовых актов. Составители все новых документов этого аббатства, располагавшегося в центре Южной Франции, примерно в 70 км на юго-восток от Клермона, не переставали повторять с небольшими вариациями две близкие по смыслу формулы:

> Legum decrevit authoritas et ratio jure exposcit ut inter reliquas scripturas sola obtineat tantummodo cessio gestarum firmitatem.
>
> Власть законов установила — и <того> разум в соответствии с правом требует, — чтобы среди прочих записей правовых актов лишь «уступка» получала крепость публично удостоверенных актов[48].

По сути дела та же мысль выражена и в положении, где утверждается, что и без включения в муниципальные акты «уступка» получала полную силу. Стоит, однако, отметить, что автор новой формулы уже не понимал настоящего значения слова alligatio и заменил его на более привычное obligatio:

> Legum decrevit authoritas et ratio jure exposcit ut inter reliquas scripturas sola tantummodo cessio sine gestarum obligatione in perpetuum plenissimam obtineat firmitatem.
>
> Власть законов установила — и <того> разум в соответствии с правом требует, — чтобы среди прочих записей правовых актов лишь «уступка», минуя требования включения в *gesta*, навечно получала полную силу[49].

В обеих формулах специальный юридический термин *gestum* заменен на форму, которая подразумевает просто запись о памятных делах: *gesta* (ср.: *res gestae*). Любопытно, что обе формулы содержатся и в копии картулярия монастыря Св. Петра (*Sanctus Petrus Celsiniensis*) в Сойанже (Sauxillanges), располагавшегося на полпути от Бриуда к Клермону[50].

---

[48] Cartulaire de Brioude / éd. par H. Doniol. Clermont-Ferrand ; Paris, 1863. P. 63, no 40; cf.: P. 105, no 86 (здесь cessione вместо cessio) ; P. 228, no 218 ; P. 237, no 226.

[49] Ibid. P. 128, no 111 ; P. 186, no 174 ; P. 210, no 199 ; P. 292, no 285; в следующем примере, очевидно, пропущен предлог: «Legum decrevit authoritas et ratio jure exposcit ut inter reliquas scripturas solæ tantummodo cessiones <sine> gestarum obligatione plenissimam in perpetuum obtineat firmitatem» (P. 132, no 115).

[50] См.: Cartulaire de Sauxillanges / éd. par H. Doniol. Clermont-Ferrand ; Paris, 1864. P. 319, no 413: «Legum decrevit auctoritas et ratio jure exposcit inter reliquas scripturas sola tantummodo cessione (sic!) gestarum obtineat firmitatem»; P. 140, no 152: «Legum decrevit auctoritas et ratio […?] inter reliquas scripturas sola tantummodo cessio sine gestorum obligationem (sic!) obtineat firmitatem».

К сожалению, названные документы из Оверни плохо поддаются датировке. Как бы то ни было, можно предполагать, что содержащиеся в них формулы, которые мы здесь привели, восходят ко времени не позднее IX в. До некоторой степени об этом позволяют судить точно датированные и сохранившиеся в подлинниках документы из кафедрального собора города Родез, который относится примерно к тому же географическому и культурному региону, что и упомянутое выше аббатство Св. Фидес в Конке (последнее располагалось примерно в 30 км севернее Родеза). Документы соборной церкви города, близкого к культурным центрам Средиземноморской Франции, демонстрируют уже в первой половине X в. следующий шаг в деградации юридического содержания рассмотренных нами формул. В документе 936 г. от имени епископа Деусдедита и в документе 943 г. от имени супругов Евы и Аббона содержится первая из наших овернских формул. Однако обычай запоминать формулы на слух привел составителей документов уже к полному искажению коренного смысла исходной нормы, так что слово *gestorum* (т. е. *актов того, что было совершено*) в них заменено уже на слово *justorum* (т. е. *справедливых людей*):

> Legum decrevit auctoritas et racio jure exposcit ut inter reliquas scripturas sola tantummodo cessione (sic!) justorum (sic!) in perpetuum plenissime obteneat firmitatem[51].

> Legum decrevit augtoritas (sic!) et racio jure exposcit ut inter reliquas scripturas sola tantummodo cessio justorum (sic!) in perpetuum plenissime obtineat firmitatem[52].

При виде таких искажений исходной формулы нетрудно объяснить, как в ряде документов на месте требуемого латинского номинатива *cessio* оказался мнимый латинский аблатив *cessione*, ведь, как известно, система падежей в живой речи к тому времени была утрачена и всеобщее применение получили формы слов, произведенные от латинского аккузатива или аблатива в зависимости от региона. Относительно двух последних примеров, однако, можно уже утверждать, что в них бесполезно искать проявление осознанного отношения к формулам, унаследованным от прошлого. Здесь мы имеем перед собой пример господства канцелярской рутины.

В заключение еще раз отметим, что примеры деградации формул, основанных на нормах римского права, не отменяют того факта, что примерно до середины VIII в. составители документов обладали не только

---

[51] Chartes originales antérieures à 1121 conservées en France. No 3954. URL: http://www.cn-telma.fr/originaux/charte3954/.

[52] Ibid. No 3956. URL: http://www.cn-telma.fr/originaux/charte3956.

определенным знанием норм римского права, но и имели представление о самих правовых институтах поздней Античности. И в то время, и в дальнейшем использование, пусть часто и в превратном виде, норм римского права служило делу насаждения культуры письменного документа.

SUMMARY

The present article deals with the classic opinions about necessity of written fixation in early medieval instruments of the Southern France. The main emphasis is on juridical introductory clauses that were often disregarded by the previous scholars. As we shall see throughout this article, medieval authors of the instruments did not merely know the legal standards of the Late Antiquity, but were also capable of employing creative approach to those standards.

The explanation of the necessity of the written fixation is based on the example of four formulae. These are: the edict of Constantine the Great justifying the necessity of written certification of donations; the formula ascending to the Roman donation between spouses; *series scripturarum* as a designation of instruments about property disposal by the independent people and finally the edict of Theodosius I concerning public certification of property transfer.

We may argue that clergymen of the medieval Southern France, inasmuch as they were familiar with the Breviary of Alaric and several books of formulae, not only knew norms of Roman Law, but also had an idea about legal institutions of the Late Antiquity. Despite that these formulae underwent degradation we not only discover references to them in sources but also see a creative approach of clergymen as they were enhancing the position of written instrument.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Письменный документ, грамота, преамбула, поздняя Античность, римское право, Бревиарий Алариха, эдикт, муниципальные регистры, формулы, дарение, уступка имущества.

KEY WORDS

Written document, charter, preamble, Late Antiquity, Roman Law, Breviary of Alaric, edict, municipal registries, formulae, donation, concession of property.

С. Ю. АГИШЕВ

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ «ИСТОРИИ О ДРЕВНИХ НОРВЕЖСКИХ КОРОЛЯХ» ТЕОДОРИКА МОНАХА

«История о древних норвежских королях» (*Historia de antiquitate regum Norwagiensium*), составленная Теодориком Монахом в 70–80-х гг. XII столетия, включает в себя краткие характеристики языческих конунгов и христианских королей, в которые вплетены упоминания о наиболее важных, по мнению автора, событиях из прошлого Норвегии. Лаконичный рассказ начинается временем легендарного основателя династии — Харальда Прекрасноволосого (вторая половина IX – первая треть X в.) и заканчивается правлением Сигурда Крестоносца (†1130). Повествование перемежается морально-дидактическими отступлениями и экскурсами в священную, античную и раннесредневековую историю. Причину, по которой он взялся за перо, в прологе к своему сочинению Теодорик объясняет так: «Я счел… стоящим делом кратко и настолько тщательно, насколько смог, рассказать то немногое о древних норвежских королях, что узнал… и, поскольку почти нет народа грубого и дикого настолько, чтобы не оставить последующим поколениям каких-либо памятников о своих предшественниках, я счел достойным передать потомкам, пусть и немногие, воспоминания о наших предках» (здесь и далее перевод мой. — *С. А.*)[1]. Наряду с анонимной и также латинской «Историей Норвегии»

[1] «Operæ pretium duxi… pauca hæc de antiquitate regum Norwagiensium breviter annotare, et prout sagaciter perquirere potuimus… et quia pæne nulla natio est tam rudis et inculta, quæ non aliqua monumenta suorum antecessorum ad posteros transmiserit, dignum putavi hæc, pauca licet, majorum nostrorum memoriæ posteritatis tradere» (TM HARN // MHN LKNHM / utg. G. Storm. Kristiania, 1880. S. 3).

© Агишев С. Ю., 2013

(*Historia Norwegiæ*), появившейся в середине XII в. и задуманной, в свою очередь, как обширное сочинение по истории, географии и этнографии[2], произведение Теодорика Монаха, записанное ранее большинства саг, открывает собственно исторический жанр средневековой норвежской литературы.

Если изучение начальных этапов историописания в Норвегии имеет устойчивую традицию, то судьба рукописного наследия «Истории» Теодорика до недавнего времени была известна не полностью. Среди нерешенных проблем — восстановление происхождения списков этого текста, а также установление связей между ними.

Средневековые рукописи «Истории о древних норвежских королях» Теодорика Монаха, о существовании которых доподлинно известно, были утрачены во второй половине XVII столетия. Текст этого сочинения сохранился в четырех бумажных копиях, появившихся на свет также в XVII в. Их судьба тесно связана со списками другого памятника — анонимной латинской «Истории похода датчан в Иерусалим» (*Historia de Profectione Danorum in Hierosolymam*; далее — «История похода»), составленной на рубеже XII–XIII вв.[3]

Рукописная и археографическая традиция текста «Истории» Теодорика известна лишь частично, так как описаний утерянных манускриптов не сохранилось, а отдельные копии, сделанные в XVII в., частично

---

[2] «История Норвегии» сохранилась, к сожалению, в далеко не полном виде. Время ее появления на свет, структура и задачи, которые ставил перед собой неизвестный по имени составитель этого текста, по-прежнему остаются дискуссионными вопросами. Наиболее последовательно и полно проблематика исследований, посвященных этому сочинению, отражена в последнем академическом издании этого текста (Historia Norwegie / ed. I. Ekrem, L. B. Mortensen. København, 2003; см. также: *Bagge S.* Da boken kom til Norge. Oslo, 2001. S. 219).

[3] Судьба рукописей обоих произведений, в которых они дошли до наших дней, во многом сходна. См.: *Gertz M.* De Profectione Danorum in Hierosolymam (Fortale) // SMHDMÆ / utg. M. Gertz. København, 1970[r]. Bd. 2. S. 443–456. Однако уже в 1896 г. датский филолог К. Колюнд (1844–1919) доказал, что автор «Истории похода» работал, скорее всего, в Норвегии (*Kaalund K.* Kan Historia de profectione Danorum in terram sanctam regnes til Danmarks Litteratur? // Aarbøger for Nordisk Oldkyndighed og Historie. Kbh., 1896. 11. rk. Bd. 11. S. 79–96). Проблемы авторства «Истории похода» долгое время обсуждались в историографии. См.: *Midbøe H.* Historia de profectione Danorum in Hierosolymam: en studie om verket og forfatteren. Oslo, 1949 ; *Skånland V.* Einige bemerkungen zu der Historia de profectione Danorum in Hierosolymam // SO. Oslo, 1960. Bd. 36-1. S. 99–115 ; *Johnsen A. O.* Ny tolkning av Historia de profectione Danorum in Hierosolymam. Uppsala, 1976 ; *Skovgaard-Petersen K.* Korstogstematik i Historia de profectione Danorum in Hierosolymam // Olavslegenden og den latinske historieskrivning i 1100-tallets Norge / red. I. Ekrem, L. B. Mortensen, K. Skovgaard-Petersen. Kbh., 2000. S. 281–302.

утрачены. Появление списков этого сочинения и историю его первого издания позволяет фрагментарно восстановить эпистолярное наследие[4] открывателя и первого исследователя одной из средневековых рукописей «Истории» Теодорика — Иоганна Кирхманна (1575–1643).

И. Кирхманн[5] обучался в университетах Франкфурта-на-Одере, Йены, Страсбурга и Альтдорфа, а начал свою ученую карьеру в 1603 г. в университете Ростока. В 1613–1643 гг. он занимал пост ректора гимназии Св. Екатерины в Любеке, а с 1620 по 1643 г. служил также библиотекарем этого учебного заведения. В 1620 г. в Любеке была основана публичная библиотека, И. Кирхманн стал ее первым директором и находился в этой должности вплоть до самой своей смерти. Помимо преподавания он занимался публикацией произведений классических авторов[6]. Но после обнаружения им кодекса, в котором содержались «История» Теодорика и «История похода», главным делом жизни ученого стало их изучение, комментирование и подготовка текстов к изданию.

В 1620 г. рукопись поступила в новую библиотеку Любека, первый каталог которой был составлен И. Кирхманном в 1620–1622 гг. Эта опись сохранилась[7]. На л. 18^{r} начинается перечень рукописей, которые были переданы во вновь созданное учреждение из книжного собрания городского совета. Под № 4 (л. 18^{r}–18^{v}) в этом списке числится кодекс, который содержал:

1) латинский перевод «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия;
2) «Историю» Теодорика;
3) «Житие святой Женевьевы» аббата Вильгельма;
4) «Историю похода»[8].

---

[4] *Storm G.* Indledning // MHN LKNHM. S. I–IV. Полную переписку различных корреспондентов с И. Кирхманном см.: MGDVEE / ed. M. S. Gude, C. Sarrau, P. Burman. Ultrajecti, 1697 ([Charleston], 2010^{r}). P. 230–311.

[5] О нем см.: *Stolterfoth J.* Oratio funebris quam memoriam viri clarissimi et excelentissimi Dr. Johannis Kirchmanni … // *Witte H.* Memoriae philosophorum, oratorum, poetarum, historicorum et philologorum nostri seculi clarissimorum renovatae decas prima (-nona). Königsberg, 1677. Bd. 1. S. 516–553 ; *Bursian C.* Kirchmann, Johann // ADB. Leipzig, 1882. Bd. 16. S. 14–15 ; *Haye T.* Humanismus in Schleswig und Holstein. Kiel, 2001. S. 19–20, 126–128.

[6] *Kirchmann J.* De funeribus Romanorum. Hambvrgi, 1605 ; Lubacae, 1625. Перу самого И. Кирхманна принадлежит сочинение «De annulis liber singularis» (Francofvrti, 1672).

[7] Bibliothek der Hansestadt Lübeck. Ms. Lub. 682 fol.

[8] «Ejusdem de Bellojudaico lib. vii. Theodrici Monachi Historia de Antiquitate Regum Norwagiensium. Vita B. Genouefæ Virginis edita a domino Wilhelmo Abbate de Paraclito. Historia de Profectione Danorum in Hierosolymam» (Ms. Lub. 682 fol. Л. 18^{r}–18^{v}). Под № 2 и 3 в списке упомянуты рукописи, содержащие знаменитые «Иудейские древности» Иосифа Флавия (Ms. Lub. 682 fol. Л. 18^{r}).

Датировка в каталоге не указана и по нему не восстанавливается; там значится лишь то, что манускрипт имел формат in folio.

Каким образом кодекс, содержавший указанные сочинения, оказался в Любеке, где он попал в руки И. Кирхманна, остается загадкой. В первой половине XV в. итальянские гуманисты питали сильную надежду на сенсационные находки текстов классических авторов на севере Европы. Эти поиски были отчасти вдохновлены находкой в Дании в богатом книжном собрании монастырской церкви Сорё неизвестного до того времени фрагмента «Римской истории» Тита Ливия. За этим манускриптом была снаряжена экспедиция, но ее участники на месте его уже не нашли[9].

Другую подобную поездку по Скандинавии предпринял в 1457 г. папский нунций и страстный коллекционер рукописей Марин из Фрегене (†1482). Правда, главной задачей его миссии, поставленной папой Каликстом III (1455–1458), был сбор денег на войну с турками. Вместе с тем нунций широко торговал индульгенциями, присваивая часть средств и отсылая их вместе с редкими манускриптами, которые ему удавалось найти, на хранение в Любек. В конце 1464 или в начале 1465 г. Марин отправился в Польшу, а тем временем про темные дела о сокрытии денег, собранных им в Дании, Норвегии и Швеции, узнали в Риме. По приказанию папы Павла II (1464–1471) все имущество, принадлежавшее прелату и находившееся в Любеке, было конфисковано послами понтифика[10]. Одновременно с этим король Кристиан I отправил туда в качестве доверенного лица своего личного врача Энгельберта Корнера с тем, чтобы также наложить арест на то, что Марин нажил незаконными путями в его владениях и вывез за рубеж. В качестве вознаграждения за выполненное поручение Э. Корнер получил от короля, в частности, три манускрипта с сочинениями Иосифа Флавия и один с трудами блаженного Августина, которые предприимчивый лекарь тотчас перепродал городскому совету Любека за 89 любекских марок[11].

Немецкий медиевист П. Леманн на основании того, что кодекс, доставшийся королевскому лейб-медику, а затем реализованный им, содержал,

---

[9] *Sandys J. E.* History of classical scholarship. New York, 1967. Vol. 11. P. 24–26.

[10] Die Ratschronik von 1438–1483 (Dritte Fortsetzung der Detmar-Chronik zweiter Teil), I. 1438–1465 // Die Chroniken niedersächsischen Städte. Lübeck / Hrsg. F. Bruns. Leipzig, 1910. Bd. 4. S. 372–373. (CDS. Gesamtreihe ; Bd. 30).

[11] «...etliker guder unde boke, namliken dre grote volumina Josephi gehetem und eyn kleyn volumen Augustinus de civitate Dei genomet... de wii vort deme werdigen mester Engelbete Korner, unsem doctori unde phisico, in affkortinghe unde vormynneringe zines vordenden lones... overgeantwort unde gedan hebben, de welke bok de eerscreven mester Engelbert deme ersamen rade to Lubeke... vor negenundeachtentich mark Lubesch recht unde redeliken hefft vorloff» (Ibid. S. 373).

как и та рукопись, что упомянута в каталоге И. Кирхманна, текст Иосифа Флавия, *предположил*, что это один и тот же манускрипт. Другое *допущение* П. Леманна: рукописи, добытые Марином, были обнаружены им в Скандинавии, и лишь затем он переправил их в Любек, где сначала их конфисковали, а затем те из них, которые попали в руки Э. Корнера, были проданы врачом датского короля[12]. Догадки, высказанные немецким исследователем, заманчивы и интересны, но, увы, их нельзя проверить, а это не дает возможности отождествить манускрипты, найденные Марином, с теми, что перечислены в каталоге И. Кирхманна, и/или с утерянным кодексом, в котором помимо сочинений Иосифа Флавия находились обе «Истории».

В отличие от сочинений античных авторов и житийной литературы древнескандинавские произведения были малоизвестны интеллектуалам XVII столетия. И. Кирхманн начал выяснять, знает ли кто-либо о них[13]. Через Теодора Буссе (1583–1631), члена городского совета Любека и канцлера герцогств Шлезвиг и Гольштейн, И. Кирхманн наладил контакт с ученым, членом Государственного совета Дании Хольгером Розенкранцем (1574–1642)[14]. Кроме того, он обратился к теологу немецкого происхождения, жившему в Нюкебинг-Фальстер (Nykøbing Falster) при дворе вдовствующей королевы Дании Софии (1557–1631)[15], Николасу Висмару (†1651). Через него в 1626 г. он вышел на королевского историографа Яна ван Мёрса (1579–1639), работавшего в Академии Сорё[16]. И. Кирхманн в своих письмах к ним кратко описал содержание обеих «Историй», но ни один из его корреспондентов ничего не знал о найденных в Любеке текстах.

И. Кирхманн возлагал надежды на то, что Кристиан IV (1588–1648), весьма увлеченный прошлым своей страны, будет заинтересован в том, чтобы сочинения по древней скандинавской истории увидели свет. Через того же Т. Буссе он добился, чтобы о его находках стало известно королю. Первого марта 1625 г. Кристиан IV направил своему казначею и по совместительству в 1618–1629 гг. статхольдеру Норвегии Йенсу Юэлю (1580–1634) записку следующего содержания: «…если некоторые фрагменты

---

[12] *Lehmann P.* Auf der Suche nach alten Texten in nordischen Bibliotheken // Zentralblatt für Bibliotheksiuesen. Leipzig, 1937. Bd. 54. S. 261–286.

[13] *Storm G.* Indledning. S. II.

[14] Ibid.

[15] Указаны годы жизни. Жена короля Дании Фредерика II (1559–1588).

[16] Академия Сорё является старейшим центром образования в Дании. Академия известна также как центр распространения христианства и место обучения многих известных датских и скандинавских ученых. Школа была основана стараниями будущего архиепископа Абсалона в 1140 г., став alma mater для многих представителей датской аристократии и священников.

датских историй обнаружатся в Любеке… то мы желаем приобрести те из них, что имеются там, если предложат дешево, и таким же образом приготовить их к печати»[17]. Однако каналов, по которым информация о рукописях, содержавших документы и исторические сочинения, доходила до короля, было несколько[18].

Желание датского монарха заполучить находки в Копенгаген и там издать их натолкнулось на ряд сложностей. К тому моменту, как Кристиану IV стало известно о любекских рукописях, придворными историографами по его повелению готовились к изданию сразу несколько объемных трудов о прошлом Дании. Так, доктор богословия епископ Йеспер Брокман (1585–1652) работал над осуществлением публикации «Истории Дании», которая принадлежала перу бывшего канцлера и историка Арильда Витфельда (1546–1609)[19]. Государственный совет тоже был озабочен тем, чтобы свет увидели труды по истории Датской церкви, написанные Хансом Сване (1606–1668). Кроме того, правительство требовало от историографов Йохана Исаксена (1571–1639) и Я. ван Мёрса выпустить в свет еще и две истории Дании на латинском языке[20]. В это же самое время Кристиан IV настоятельно просил профессоров Копенгагенского университета активизировать поиски исторических источников по истории Дании и готовить их к публикации[21]. Поэтому нет ничего странного, что новые находки обратили на себя внимание датского монарха.

Заинтересованность Кристиана IV и его правительства в публикации трудов по национальной истории в том числе была обусловлена участием

---

[17] «...efftersom nogle Fragmenta aff dansche historier schal findis til Lybeck… da wille wi i lige maade, at i handler med den, som denum haffuer, om en billig foræring, som och i lige maade schulle forferdigis til trych» (1624–1626 / utg. L. Laursen // Kancelliets brevbøger vedrørende Danmarks indre forhold / utg. C. F. Bricka. Kbh., 1925. S. 346–347).

[18] *Degn O.* Christian 4.s kansler: Christen Friis til Kragerup (1581–1639) som menneske og politiker. Viborg, 1988. S. 127.

[19] *Huitfeld A.* En Historiske Beskriffvelse om en Ercke-Biskop udi Lund som hede H. Jens Grand: som bleff fangen af Kong Erick Mendved oc siden erledigetaff samme sit Fengsel item her hos findes en kort Catalogus paa de Værdige Fædres, Biskopers Naffne udi Roskild fra den første oc til vor Tid 1649, med nogle deris Epitaphijs oc Graffskrifter. Kbh., 1650 ; *Huitfeld A.* Danmarckis Rigis Krønicke : 2 bd. Kbh., 1652.

[20] Й. Исаксен, как и Я. ван Мёрс, был голландцем по происхождению, но родился в Дании; получил должность королевского историографа в 1618 г. Главный труд Й. Исаксена — *Pontanus J. I.* Rerum Danicarum historia: libris X Unoque tomo ad Domum usque Oldenburgicam deducta; Accedit Chorographica Regni Daniae tractusque eius universiborealis Urbiumque description. Amstelodami, 1631.

[21] *Skovgaard-Petersen K.* Historiography at the Court of Christian IV. Studies in the Latin Histories of Denmark by Johannes Pontanus and Johannes Meursius. Kbh., 2002.

Дании в Тридцатилетней войне (1618–1648). Эти работы и документы должны были убедить союзников и противников в исконном интересе и законных требованиях Дании к разделу территорий в Европе. Кристиан IV держал под личным контролем работу, которую вели датские ученые, постоянно напоминая своему канцлеру Кристиану Фрийсу (1581–1639) о необходимости побуждать их к упорному труду. Сам К. Фрийс также весьма способствовал изучению прошлого своей страны. Помимо канцлера, Кристиан IV приказал Йенсу Юэлю довести до заинтересованных лиц свое мнение относительно текстов, найденных в Любеке. На протяжении последующих двух лет правительство не теряло к ним интереса. В Копенгагене стало известно, что И. Кирхманн собрался предпринять издание текстов по норвежской истории, а Х. Розенкранц весьма способствует этому. Двадцатого марта 1627 г. Кристиан IV обратился к Х. Розенкранцу с просьбой разъяснить их содержание и установить, не публиковались ли они ранее[22]. В письме говорилось только о труде Теодорика.

Но издание сочинения по норвежской истории не виделось официальным королевским историографам первоочередной задачей: по их мнению, внимания заслуживали труды, посвященные непосредственно Дании. Таким образом, положение Норвегии и ее место в составе датской монархии не были четко определены официальными историками[23]. Однако высшим кругам Норвегия представлялась неотъемлемой частью королевства, поэтому правительство настаивало на публикации этого текста.

На основании исследований рукописей «Истории» Теодорика и «Истории похода», проведенных Г. Стормом, М. Герцем (1844–1929), Э. Краггерудом, и моих собственных наблюдений есть возможность проследить историю их создания, а также восстановить связи между ними.

Беловой список **L** (SPK. Ms. lat. 356 fol) — самый ранний из всех известных ныне — выполнен И. Кирхманном в 1629 г. со средневековой рукописи, обретенной им в Любеке, и представляет собой транскрипцию текста «Истории» Теодорика. В 1850 г. рукопись впервые появляется в поле зрения, будучи занесенной в каталог Прусской государственной библиотеки (в настоящее время — Staatsbibliothek zu Berlin — Preußischer Kulturbesitz — SPK), где хранится по сей день. Впервые этот список был специально изучен уже упоминавшимся выше П. Леманном только в 1936 г.[24] В своих работах, посвященных в основном проблеме источников

---

[22] 1627–1629 / utg. L. Laursen // Kancelliets brevbøger vedrørende Danmarks indre forhold / utg. C. F. Bricka. Kbh., 1929. S. 39.

[23] *Skovgaard-Petersen K.* Norges plads i den officielle historieskrivning under Christian IV // Nordica Bergensia. 1995. Nr 7. S. 55–68.

[24] *Lehmann P.* Skandinaviens Anteil an der lateinischen Literatur und Wissenschaft des Mittelalters : 2 Stück // SBAW PHA. München, 1937. Jg. 1937. H. 7. S. 275–300, 331–429.

сочинения норвежского монаха, немецкий ученый не сообщает о предыдущей судьбе этой копии текста «Истории». Поскольку в отличие от других манускриптов подробных описаний этого списка, насколько мне известно, еще не существует, нужно восполнить этот пробел.

Рукопись бумажная, переплетенная. Переплет XVII в., кожаный, серого цвета с инкрустацией. В рукописи 48 листов (три полные тетради по 16 листов), формат 30 × 19,5 см. Листы размечены красными чернилами: разметка внешняя, внутренняя линовка отсутствует. Текст записан в один столбец внутри разметки. На лицевых сторонах листов в правом верхнем углу дана сплошная пагинация. На л. 17^{v} внизу, под разметкой, более светлыми чернилами рукой И. Кирхманна сделана сноска в две строки[25]. Другие маргиналии, а также комментарии и пометы на полях и в тексте отсутствуют. Цитаты из сочинений античных и средневековых авторов подчеркнуты в тексте чернилами того же цвета, какими выполнен текст «Истории», очевидно, самим И. Кирхманном. Данная копия учтена Г. Ланге в ее работе, посвященной раннему скандинавскому историописанию[26]. Ее упоминали такие крупные исследователи скандинавской средневековой литературы, как А. О. Юнсен[27] и С. Эллехёй[28], в работах которых «История» Теодорика занимает ключевое место[29]. Однако ни одно из изданий сочинения норвежского монаха не основывается на этом списке.

Сам манускрипт является подношением датским сановникам, которые присутствовали в Любеке при заключении мирного договора между Данией и Священной Римской империей (12 мая 1629 г.), чем объясняется аккуратный внешний вид этой великолепно сохранившейся рукописи, не имеющей утрат и дефектов. Посвящение, которым она открывается, упоминает заключенный пакт о мире как «felici exitu terminatam»[30] и адресовано канцлеру К. Фрийсу, членам датского Государственного совета Якобу Ульфельдту и Альберту Скелю, главе Немецкой канцелярии[31] Левину Марскалку и двум советникам от Гольштейна — Дитлеву и Хенрику Ранцау[32].

---

[25] «# 1. Gedidit Autor, Bithyniam elle nomen urbio. 2. Reponendum Hi cææ urbe Bithyniæ».

[26] *Lange G.* Die Anfänge der isländisch-norwegischen Geschichtssreibung. Reykjavik, 1989. S. 13–139.

[27] *Johnsen A. O.* Om Theodoricus og hans Historia de antiquitate regum Norwagiensium. Oslo, 1939. S. 11. (ANVAO II HFK ; nr 3).

[28] *Ellehøj S.* Studier over den ældste norrøne historieskrivning. Kbh., 1965. S. 175–176.

[29] По поводу осведомленности об этом списке М. Герца см. ниже.

[30] SPK. Ms. lat. 356 fol. Л. 2^{r}.

[31] Это учреждение, входившее в состав центрального аппарата управления Датского королевства и подчиненное непосредственно королю, ведало делами Шлезвига и Гольштейна, а также всеми внешними сношениями.

[32] SPK. Ms. lat. 356 fol. Л. 1^{r}–2^{v}.

Этот дар стал также подобием отчета о проделанной работе, показывавшим, что материал готовится к изданию. Покровители любекского ученого, К. Фрийс и Х. Розенкранц, должны были оценить предпринимаемые им усилия по сбору исторических источников. И. Кирхманн выбрал, безусловно, удачный момент, чтобы преподнести свой подарок. Вероятно, до него уже дошли вести о заинтересованности Кристиана IV в публикации обеих «Историй». И. Кирхманну даже удалось залучить канцлера в свой дом с тем, чтобы тот сам увидел два этих текста (очевидно, средневековый оригинал). Спустя некоторое время в своем письме к К. Фрийсу историк напомнил ему об издании этих произведений и об их недавней встрече[33]. Также в этом письме И. Кирхманна говорилось об интересе, который представляют собой эти сочинения и для Дании, и для Норвегии. Нет никаких сомнений в том, что К. Фрийс, о чем И. Кирхманн напишет Я. ван Мёрсу два года спустя, сам настойчиво призывал ученого готовить тексты к печати. О последнем факте упомянуто в предисловии к первому изданию «Истории» 1684 г. Г. Сторм неверно понял содержание этого письма И. Кирхманна к канцлеру, утверждая, что историк из Любека изготовил копию текста, которую затем отослал канцлеру и которая, по его мнению, была в дальнейшем утрачена. На самом деле речь шла именно о рукописи, которая сейчас известна как список **L**.

Канцлер, безусловно, разделял мнение И. Кирхманна, что издание этих сочинений является вопросом национальной важности. Да и сам открыватель обеих «Историй», как и другие заинтересованные лица, желал, чтобы они скорее вышли в свет. В послании к И. Кирхманну, датированном 1633 г., Я. ван Мёрс писал: «Я прошу тебя издать срочно. Не только ученый мир, но вся Дания и Норвегия будут в долгу перед тобой»[34]. Другой известный датский историограф Стефан Хансен Стефаниус (1599–1650), коллега Я. ван Мёрса, работавший в те годы в Академии Сорё над комментариями к «Деяниям данов» Саксона Грамматика, тоже изъявил радость по поводу находок и высказал пожелание их скорейшей публикации[35].

---

[33] *Kirchmann B. C., Kirchmann J.* Commentarii historici duo hactenus inediti... / cura olim et opera viri clarissimi Iohannis Kirchmanni, Lubec ; nunc primum editi ab hujus nepote Bernh. Casp. Kirchmanno, J. U. D. Amstelodami, 1684. P. 107 (далее — *Kirchmann,* 1684).

[34] «…itaque quantum possum, hortor, uti edas. Beneficium debebit satis, magnum non duntaxat Literaria Respublica, sed et Dania Vniversa, et Norvegia: quam utramquein maiorem modum obstringes. Illustris Dus. Cancellarius iam ab aliquo tempore, in Cimbria cum Rege agit...» (*Storm G.* Indledning. S. III).

[35] Ibid. S. III.

Вскоре С. Стефаниус сам стал обладателем двух средневековых манускриптов, один из которых содержал «Историю» Теодорика, а другой — «Историю похода». Двадцать седьмого января 1642 г. он написал И. Кирхманну письмо, в котором сообщал, что один из его друзей (имени его он не называет) *недавно* прислал ему две отдельные, не объединенные в один кодекс рукописи с этими текстами[36]. Далее он пишет, что не сомневается, что это те же сочинения, которые И. Кирхманн хранит у себя в библиотеке, хотя считает, что тот должен сам удостовериться в этом[37].

Первым, кто предположил, что в Сорё объявились новые неизвестные И. Кирхманну средневековые рукописи, впоследствии утраченные, но с которых С. Стефаниус успел снять копию, был тот же Г. Сторм[38]. Относящаяся к 1633 г. переписка между И. Кирхманном и Я. ван Мёрсом, по просьбе любекского ученого наводившего справки о наличии этих сочинений в рукописных и книжных собраниях, в том числе в библиотеке канцлера К. Фрийса, показывает, что других манускриптов, содержавших данные произведения, нигде в Дании на тот момент обнаружено не было[39]. Вероятно, тот же результат дали и розыски Х. Розенкранца, который, как было сказано выше, занимался ими по приказу датского короля. Следовательно, единственным вариантом текста, который имелся до того времени не у И. Кирхманна, был бумажный список **L**.

Это означает, что поиски этих текстов не прекращались вплоть до начала 40-х гг. XVII в. и приказ Кристиана IV не был забыт. Предположение П. Леманна, что кодексы, конфискованные в XV в. у папского нунция, были затем вывезены из Скандинавии, делает возможным допущение, что в Северной Европе еще могли оставаться другие рукописи, содержавшие те же самые сочинения. Хотя утверждать это категорично, конечно, нельзя. Но пример Исландии, где сохранилась большая часть наследия древней скандинавской литературы, в том числе версий одного и того же сочинения, более чем красноречив.

Известно, что все бумаги и книги С. Стефаниуса после его смерти (1650) были частично выкуплены у его наследников видным шведским политическим деятелем, а также библиофилом и собирателем древних манускриптов графом Магнусом Габриэлем Де ла Гарди (1622–1686).

---

[36] «...communicavit mecum nuper amicorum quidam binos manuscriptos tractatus, quorum alter Anonymi erat de itinere a Danis nonnullis Hierosolymam suscepto... alter vero codex complectitur historiam Theodorici monachi de antiquitate regum Norvagiensium...» (*Storm G.* Indledning. S. III).

[37] Ibid. S. IV.

[38] Ibid. S. V.

[39] *Meursius J.* Opera omnia in plures tomos distributa quorum quædam in hac editione primum parent, Ioannes Lamius... recensebat et scoliis illustrabat. Florentiæ, 1762. Bd. 11. P. 568.

Это означает, что, по крайней мере, до смерти С. Стефаниуса средневековые рукописи «Истории» Теодорика и «Истории похода» находились в его архиве, который, судя по тому, что манускрипты пропали, начал понемногу рассеиваться после кончины датского историографа. В 1669 г. граф передал свою коллекцию в дар Упсальскому университету, где она хранится и поныне.

Копия текстов «Истории» Теодорика и «Истории похода», сделанная С. Стефаниусом, хранилась в составе коллекции UUB Ms. De la Gardie C VIII 30–32. Это был комплекс материалов сложный по своему составу, где помимо двух указанных сочинений находились еще несколько не связанных между собой произведений. Поэтому шифр частей дополнялся строчной латинской литерой: та часть, в которой содержались обе «Истории», обозначалась UUB Ms. De la Gardie C VIII 32c (**S**)[40]. Текст «Истории» Теодорика в списке **S** был расположен на л. 26^{r}–47^{r}, а «Истории похода» — на л. 47^{v}–62^{v}. Впервые об этой копии стало известно из каталога даров университетской библиотеке, сделанных М. Г. Де ла Гарди; опись составлена канцлером университета Упсалы Иоганном Хадорфом (1630–1693). Розыск этого манускрипта дал самые неутешительные результаты: в своем письме к автору этой статьи хранитель Отдела рукописей библиотеки Упсальского университета Х. Халльберг с горечью сообщил, что вот уже много лет весь шифр UUB Ms. De la Gardie C VIII 30–32 числится как утраченный. Поэтому при ссылках на этот список «Истории» приходится опираться только на наблюдения М. Герца, проведенные им в первой половине 10-х гг. XX в.

Датский исследователь высказал мнение, что текст «Истории» Теодорика, содержавшийся в списке **S**, скопирован С. Стефаниусом с манускрипта, преподнесенного И. Кирхманном датским сановникам в Любеке, т. е. со списка **L**[41]. М. Герц знал о наличии этого списка, но сам с ним не работал, поскольку в нем не содержалось «Истории похода», являвшейся главным объектом его внимания. Датский ученый не приводит стеммы рукописей[42], но это не помешало ему сделать указанное заключение.

В списке **L** в гл. 27 отсутствует цитата из сочинения Вергилия, которая в действительности взята из произведения раннехристианской римской поэтессы Фальтонии Веттии Пробы[43]. А. О. Юнсен, который в отличие

---

[40] *Hadorph J.* Apographum donationis testamentariæ. Sth., 1672 ; *Stobaeus P.* Förteckning över De la Gardieska arkivet : Paleotyper, Cod. coll. och Cod. Uppsala, 2010. S. 182.

[41] *Gertz M.* De Profectione Danorum … S. 451–452.

[42] На основе анализа исследования М. Герца эта стемма восстановлена на рис. 2 (*Gertz M.* De Profectione Danorum … S. 451–452).

[43] *Proba.* Cento Virgilianus de Christo // Poetae christiani minores / ed. K. Schenkl . Pragae ; Lipsiae, 1888. Vol. 16. P. 569. (Corpus scriptorum ecclesiasticorum Latinorum).

от Г. Сторма знал о существовании списка **L**, указал в своей диссертации, полностью посвященной «Истории» Теодорика, об ошибочной атрибуции этих строк великому античному поэту[44]. Однако он не упомянул об отсутствии этого фрагмента в рукописи, преподнесенной датским сановникам. Не обратила на это внимания и современная датская исследовательница К. Сковгорд-Петерсен[45].

Копии текстов обеих «Историй», входившие в список **S**, были сделаны С. Стефаниусом для задуманного им свода исторических источников по датской истории[46]. Кроме того, он использовал их для составления комментария к «Деяниям данов» Саксона Грамматика, готовившихся им к публикации[47]. Г. Сторм считал, что многочисленные пометы, оставленные на полях списка **S**, принадлежат самому С. Стефаниусу[48]. По мнению норвежского исследователя, И. Кирхманн еще до сообщения о новых находках около 1636 г. составил свои примечания к обоим текстам. Для исследователя из Любека, который посвятил всю свою жизнь изучению классического античного наследия, работа со средневековыми текстами была новой и трудной. Знаний по средневековой скандинавской истории и языку ему явно не хватало. Например, он обращался к С. Стефаниусу за помощью, связанной с толкованием и переводом древненорвежских терминов, встречающихся в «Истории» Теодорика[49]. Но тот не мог помочь ему в этом, отсылая любекского исследователя к своему более знающему коллеге, историографу Уле Ворму (1588–1655)[50]. Г. Сторм же полагал, что С. Стефаниус откликнулся на просьбу И. Кирхманна и прислал ему свои комментарии, что, по мнению норвежского исследователя, произошло в течение 1642 г.[51]

---

[44] *Johnsen A. O.* Om Theodoricus og hans Historia de antiquitate regum Norwagiensium. S. 36.

[45] Skovgaard-Petersen K. Et håndskriftfund i Lübeck ca. 1620 om den spinkle overlevering af to norske nationalklenodier // Fund og forskning. Kbh., 2002. Bd. 41. S. 107–127.

[46] Этот проект был осуществлен только в XVIII–XIX вв.; начало ему положили Я. Лангебек и П. Ф. Сум: SRDMÆ : 9 bd. / utg. J. Langebek. Kbh., 1772–1878. [Repr. 1969].

[47] Эти комментарии изданы отдельным томом, однако ссылок на «Историю» Теодорика в них не обнаруживается. См.: *Stephani Johannis Stephanii*. Notae uberiores in Historiam Danicam Saxonis Grammatici: Sorø 1645. Kbh., 1978 (facsimile).

[48] Storm G. Indledning. S. IV.

[49] MGDVEE. P. 308–309.

[50] Olai Wormii Et Ad Eum Doctorum Virorum Epistolae: Medici, Anatomici, Botanici, Physici et Historici Argumenti: Rem Vero Literariam, Linguasqve et Antiqu. Hafniæ, 1751. T. I. P. 176–177.

[51] Ibid. S. IV.

М. Герц, изучивший список **S**, установил, что основной текст и примечания к нему выполнены двумя разными почерками и что последние сделаны не рукой С. Стефаниуса, а появились позднее, уже после его смерти[52]. На этом основании датский ученый утверждал, что разночтения, которые в издании Г. Сторма отмечены как вариант прочтения текста С. Стефаниусом, принадлежат какому-то другому, пока неизвестному лицу и не могут считаться таковыми[53]. Но Г. Сторм так не считал, полагая, что комментарии С. Стефаниуса попали к И. Кирхманну совсем иным путем. В одном Г. Сторм был прав: С. Стефаниус имел собственные средневековые оригиналы обеих «Историй»[54].

М. Герц, в свою очередь, заблуждался, когда полагал, что список **S** сделан с копии, преподнесенной сановникам, так как в нем текст «Истории» в отличие от списка **L** восстановлен последовательно и не имеет исправлений и пропусков. Э. Краггеруд отмечает значительное количество трудно читаемых и произвольно исправленных Г. Стормом, работавшим со списком **S**, мест[55]. Следовательно, С. Стефаниус имел явные затруднения при работе с доставшимся ему средневековым оригиналом, тогда как И. Кирхманн, трудясь над своей рукописью, по всей видимости, таких сложностей не испытывал. Сопоставление списков **L** и **S** (по тем разночтениям, которые прослежены Г. Стормом и отмечены в его издании) показывает, что текст «Истории» Теодорика, находящийся в них, содержит к тому же значительные расхождения в орфографии и разбивке текста на предложения.

И. Кирхманну, который вел напряженную работу по подготовке обеих «Историй» к изданию, было не суждено ни сверить свои манускрипты с теми, что объявились у С. Стефаниуса, ни держать в руках задуманную им книгу: 20 марта 1643 г. он скончался. После его смерти С. Стефаниус попытался привлечь к этому проекту сына покойного — Иоганна Кирхманна-младшего (1615–1687), который отнесся к призыву ученого мужа из Сорё прохладно. В своем письме от 31 мая 1647 г. он предложил закончить дело, начатое его родителем, самому С. Стефаниусу[56]. Последний же, став преемником Я. ван Мёрса на посту королевского историографа, был озабочен подготовкой к публикации труда Саксона Грамматика и к тому же после ухода из жизни своего предшественника обрел

---

[52] *Gertz M.* De Profectione Danorum … S. 449–451.

[53] Ibid. S. 453–454. Критику вариантов и разночтений, предложенных в тексте, восстановленном Г. Стормом, см.: *Kraggerud E.* Theoderiks tekst etter Storm // Olavslegenden og den latinske historieskrivning i 1100-tallets Norge / red. I. Ekrem, L. B. Mortensen, K. Skovgaard-Petersen. Kbh., 2000. S. 263–280.

[54] *Storm G.* Indledning. S. V.

[55] *Kraggerud E.* Theoderiks tekst etter Storm. S. 264.

[56] *Storm G.* Indledning. S. IV.

дополнительные заботы. М. Герц обратил внимание на то, что С. Стефаниус не собирался да и не мог заниматься комментированием двух «Историй». В упомянутом выше письме С. Стефаниуса 1642 г. к коллеге из Любека им была высказана надежда на то, что его ученый друг не только изучит новые рукописи, но и сам подготовит комментарии к текстам[57]. Дополнительным аргументом в пользу того, что в планы С. Стефаниуса в ближайшем будущем не входило работать над аппаратом к «Историям», является также и то, что он переложил хлопоты на И. Кирхманна-младшего, будучи осведомлен, что его отец долго работал над примечаниями к этим текстам. В этом С. Стефаниус не ошибался, хотя, насколько далеко продвинулась работа, он не знал.

После смерти самого С. Стефаниуса (22 апреля 1650 г.) судьба рукописей «Истории» Теодорика и «Истории похода» полностью оказалась в руках наследников. В архиве И. Кирхманна-старшего его сыном был обнаружен указатель, множество извлечений из самого текста «Истории», а также отдельные комментарии к нему. В настоящее время они хранятся в датской Королевской библиотеке в Копенгагене — Kgl. BK Kall 600 4to (**B**)[58]. Эти и другие бумаги, в которых, кроме всего прочего, содержатся документы по истории семьи Кирхманн (на л. 37–90 имеется дневник И. Кирхманна-старшего с его биографией и краткими жизнеописаниями отдельных членов семьи, а также генеалогические таблицы отдельных ветвей семейства), дошли в составе коллекции датского историка Абрахама Кэлля (1743–1821).

Рукопись бумажная, переплетенная, состоит из разноформатных самодельных тетрадей с различным числом листов в каждой из них. Бумага грубая, хотя имеются листы более высокого качества. Все листы рукописи пронумерованы на лицевой стороне в верхнем правом углу простым карандашом. В рукописи присутствуют ненумерованные листы меньшего по сравнению с прочими размера: между л. 16^{v} и 17^{r} вклеен небольшой лист (8,2 × 15 см) с цитатой из гл. 33, содержащей эпитафию Палланту; между л. 24^{v} и 25^{r} вложен список (14,8 × 8,9 см) архиепископов Нидаросских с 1152 по 1516 г.; напротив каждого имени указан год рукоположения. Всего листов — 90.

Весь текст выполнен рукой И. Кирхманна-старшего. На титульном листе, открывающем ту часть данной рукописи, которая объединяет материалы, относящиеся к «Истории» Теодорика и «Истории похода», имеется надпись, сделанная не И. Кирхманном-старшим: «Apparatus D. Kirchmanni ad Editionem Theodorici Monachi». Листы 1–10 содержат указатель к «Истории»

---

[57] Ibid. S. III–IV.

[58] Katalog over de oldnorsk-islandske Håndskrifter i det store kongelige Bibliotek og i Universitetsbiblioteket (udenfor den arnamagnæanske Samling) samt den arnamagnæanske Samlings Tilvækst, 1894–1899. Kbh., 1900. S. 380.

Теодорика (*Index Rerum Verborum*), который был использован в 70–80-х гг. XVII в. при составлении новой копии текстов двух «Историй» (см. ниже). В нем встречается непоследовательное распределение слов по алфавиту[59]. Однако видна и работа по систематизации этого реестра: слова для указателя выписывались по главам в алфавитном порядке, а затем нумеровались, чтобы уже внутри каждой буквы установить верную последовательность пунктов. На л. 11^{r}–22^{r} и 25–33^{r} содержатся выписки из каждой главы «Истории» Теодорика, представляющие собой факты, вокруг которых развивается повествование, имена исторических персонажей, названия упоминаемых географических объектов. Отдельно выписаны цитируемые Теодориком авторы и выявленные места из их произведений. Причем сводный список авторов, на которых ссылается Теодорик в своем сочинении, еще раз приведен в конце указателя (л. 10^{v}). Нужно отметить, что имени Вергилия в нем нет. Но означает ли отсутствие соответствующего фрагмента в рукописи, с которой работал И. Кирхманн-старший?

После каждого пункта, внесенного в индекс, указаны главы «Истории», в которых встречается данное имя или географическое название. Отдельные комментарии, содержащие даты, с которыми соотнесены события, упоминаемые в «Истории» Теодорика, сделаны только к первым 19 главам сочинения Теодорика. На л. 22^{v}–24^{v} зафиксированы краткие заметки, касающиеся «Истории похода».

Г. Сторм считал, что в данный аппарат И. Кирхманн-старший включил те примечания, которые С. Стефаниус якобы выслал своему коллеге из Сорё в Любек[60]. Другое предположение Г. Сторма заключалось в том, что И. Кирхманн-старший, чтобы не перепутать свои комментарии с заметками С. Стефаниуса, поместил последние в скобках[61]. Однако ни одной ссылки на датского историографа в рукописи не содержится. Как не видно и разделения И. Кирхманном-старшим записей на свои собственные и те, которые могли бы принадлежать кому-либо еще. Тем не менее любекский ученый в своих комментариях ссылается на Саксона Грамматика, указывая книгу «Деяний данов» и страницу издания, которым он пользовался, — *Saxo Grammaticus*. Historia libris XVI / utg. P. Lonicer. Frankfurt/Main, 1576. Кроме того, И. Кирхманн-старший обращался к труду своего предшественника Иоанна Магнуса (1488–1544) «История всех королей готов и шведов» (*Historia de omnibus Gothorum Sueonumque regibus*), которая вышла в Риме в 1558 г.

---

[59] Исправлено в первом издании «Истории» 1684 г.

[60] *Storm G.* Indledning. S. IV.

[61] *Kraggerud E.* Gamle paranøtter fra Storms Monumenta: on textual problems in Theodoricus's Historia de Antiquitate regum Norwagensium // Klassisk Forum. 1998. Nr 1. S. 78–84.

С большой степенью уверенности можно утверждать лишь то, что первоначальная работа с текстом «Истории» Теодорика в целом была закончена И. Кирхманном-старшим около 1636 г., поскольку, начиная с 1637 г., тот, как видно, активизировал свою переписку со С. Стефаниусом и У. Вормом. Это объясняется тем, что к тому времени собственные знания И. Кирхманна-старшего по средневековой истории были исчерпаны и ему потребовалась помощь. Он стремился подготовить научное издание, включив в него исторический, лингвистический и текстологический комментарий. Однако сохранившийся в архиве материал показывает, что во многом это были лишь наброски, которые еще не приняли окончательную форму.

Спустя некоторое время после смерти С. Стефаниуса интерес И. Кирхманна-младшего, сначала не проявлявшего особого рвения в издательском деле, равно как и интереса к рукописям, доставшимся ему от отца, значительно возрос. Он пожелал осуществить публикацию обоих средневековых сочинений. Появление на свет их первого издания неразрывно связано с историей открывающего его посвящения.

И. Кирхманн-старший, желая отблагодарить К. Фрийса за его интерес, заботу и помощь в продвижении дела публикации двух «Историй», хотел посвятить их будущее издание канцлеру. И. Кирхманн-младший, в свою очередь, сделал своим адресатом герцога Фридриха III Гольштейн-Готторпского (1616–1659) с тем, чтобы тексты послужили уже не научным целям, а подкрепили права владетелей Готторпа на Норвегию. Ибо после фактического присоединения последней к Дании (1536) герцоги Шлезвиг-Гольштейна получили титул наследников Норвежских[62]. Таким образом, сами произведения и их рукописи постепенно становились заложниками большой политики и мелких устремлений их нового хозяина.

Датско-голштинские отношения в XVII в. были весьма напряженными. Готторп поддерживал Швецию против своего номинального сюзерена — датского короля. Используя условия мира, заключенного между Швецией и Данией в Роскилле (26 февраля 1658 г.), Фридрих III объявил себя независимым государем. Следовательно, посвящение герцогу было составлено до этой даты. Планы И. Кирхманна-младшего адресовать издание двух этих текстов по датской и норвежской истории владетелю Готторпа отражают, таким образом, его политические симпатии. Верноподданнический порыв был по достоинству оценен, и в том же, 1658-м, году. И. Кирхманн-младший стал бургомистром Шлезвига… Но уже 10 августа 1659 г. покровитель нового градоначальника скончался. И. Кирхманн-младший обратился за помощью в публикации к сыну покойного,

[62] Первыми его носителями стали младшие братья короля Кристиана III (1534–1559) — Ханс (1521–1580) и Адольф (1526–1586).

новому герцогу Кристиану Альбрехту (1659–1695), предусмотрительно исправив текст посвящения[63].

Герцоги Гольштейн-Готторпские и в дальнейшем оставались последовательными противниками Дании. Даже женитьба в 1667 г. Кристиана Альбрехта на Фредерике Амалии (1649–1704), дочери короля Дании Фредерика III (1648–1670), не смягчила датско-голштинских отношений. Герцог, интриговавший против Копенгагена, был вынужден прожить в изгнании в Гамбурге почти 15 лет (1675–1689). Но И. Кирхманн-младший чутко улавливал изменения в направлении политического ветра. Чтобы дополнительно не обострять конфликт появлением на свет средневековых текстов с посвящением одному из враждующих между собой государей, он перестал проявлять особую активность, и проект издания был снова отложен. Однако следует помнить, что политическая карта Кристиана Альбрехта еще не была бита. Он продолжал оставаться активным игроком в той борьбе, которая развернулась в Северной Европе и во всем балтийском регионе в последней четверти XVII в. и привела, как известно, к Великой Северной войне (1700–1721).

Как только положение Кристиана Альбрехта стабилизировалось, вопрос об издании текстов, которые должны были подкрепить исторические права готторпских герцогов на норвежскую корону, вновь был поднят И. Кирхманном-младшим. Он привлек к делу своего сына Бернхарда Каспара Кирхманна, который проживал вместе с ним в Шлезвиге. Сначала отец и сын решили сохранить посвящение августейшему патрону своей семьи — Кристиану Альбрехту. Внук И. Кирхманна-старшего в 1680 г. известил герцога и его канцлера Мартина Боцкельна о том, что даром самому Кристиану Альбрехту должна стать «История» Теодорика, тогда как канцлеру преподносилась «История похода». Бернхард К. Кирхманн обосновал свой выбор тем, что его дед нашел рукопись в непосредственной близости к владениям герцога, а также тем, что она на протяжении многих лет находилась у его отца, проживающего на землях Кристиана Альбрехта. Издание должно быть преподнесено тому, кто, по мнению И. Кирхманна-младшего, являлся законным наследником древних королей Норвегии, т. е. герцогу Шлезвиг-Голштинскому, носившему титул наследника норвежской короны[64].

Слухи о двух этих текстах так или иначе ходили не только в среде североевропейских государей и их приближенных, но и среди издателей, которые не оставляли попыток заполучить наследие старшего Кирхманна.

---

[63] О замысле И. Кирхманна-младшего преподнести издание Кристиану Альбрехту известно из первого издания 1684 г. (*Kirchmann*, 1684. P. XI; см. также: *Skovgaard-Petersen K.* Et håndskriftfund i Lübeck … S. 123).

[64] «Illorum nomina et Leones, ab utroque stemmate inter titulos Tuos et insignia gentilitia, ipse Norvagiæ non indignus heres, præfers» (*Kirchmann*, 1684. P. 104).

Так, в конце 70-х гг. XVII в. один из амстердамских книготорговцев вступил в контакт с Бернхардом К. Кирхманном и заключил с ним сделку на передачу рукописей деда с целью опубликовать их[65].

Вскоре, однако, намерения, в которых вновь отразилась перемена политического курса и которые снова отсрочили публикацию, изменились. К рукописи, содержавшей тексты обеих «Историй», были приложены составленные в 1680 г. уже новые посвящения… датскому кронпринцу Фредерику (будущий король Фредерик IV, 1699–1730) и упоминавшемуся ранее канцлеру Мартину Боцкельну[66]. В этом видно явное стремление младших Кирхманнов не поссориться как с Данией, временно усилившей свои позиции в «голштинском вопросе», так и со своими традиционными покровителями. Вероятно, чтобы не поставить под удар себя самого, И. Кирхманн-младший избрал вторым адресатом не ненавистного копенгагенскому двору опального голштинского герцога-изгнанника, а человека, которому он подчинялся как чиновник и покровительства которого он искал. Однако вскоре ситуация вновь изменилась.

В 1681 г. И. Кирхманн-младший был вынужден оставить пост бургомистра, а конфликт между Копенгагеном и Готторпом перешел в стадию позиционной войны[67]. В октябре 1683 г. в готовой к сдаче в набор рукописи оба посвящения были снова исправлены теперь уже Бернхардом К. Кирхманном. С ними книга и увидела свет. Первое было обращено к тому же кронпринцу Дании, а второе — к наследнику готторпской короны (будущий герцог Фридрих IV Гольштейн-Готторпский, 1695–1702). Бернхард К. Кирхманн восхвалял датского принца как природного государя, имеющего собственно скандинавское происхождение. Послание же к готторпскому наследнику содержит изъявление преданности ему, указание на сложившуюся непростую ситуацию в отношениях между Данией и Готторпом, а также надежду на примирение двух стран, будущие правители которых носят одно и то же имя.

Памятником этим бесконечным лавированиям стала рукопись, дошедшая в составе обширной коллекции библиофила Отто Тагесена, графа Тотта (1703–1785), и хранящаяся ныне в фондах Королевской библиотеки в Копенгагене — Kgl. BK Thott 1541 4to (**M**)[68]. Рукопись представляет

---

[65] Ibid. P. 106–115.

[66] Они сохранились на отдельных листах и вложены в папку с кодексом Kgl. BK Thott 1541 4to (см. ниже описание рукописи).

[67] Лишь в 1689 г. при посредничестве императора Священной Римской империи Леопольда I (1658–1705) герцог Кристиан Альбрехт и его шурин, король Дании Кристиан V (1670–1699), подписали в Альтоне договор, позволивший герцогу вернуться в свои владения.

[68] Рукопись имеет следующее описание: «Commentarii duo historici, alter de profectione Danorum in terram sanctam, alter de Regibus vetustis Norvegicis, per

собой список текстов обеих «Историй», подготовленный в набор, с приложенными к ним посвящениями, комментариями и указателями. В рукопись вклеена расписка на нидерландском языке о получении ее на руки, выданная в Амстердаме 11 октября 1683 г. будущим издателем «Истории» Теодорика и «Истории похода» Иоанном Янсониусом ван Вэсберге[69].

Рукопись бумажная, переплетенная. Манускрипт трачен жучком. Материалы, из которых состоит кодекс, появлялись на свет не одновременно. Переплет более поздний и не соответствует формату отдельных листов рукописи, подогнутых под размер дек. До переплетения тетради, так похожие на те, из которых состоит список **B**, были обернуты неразрезанным листом (позднее первая его четверть пошла на форзац, вторая, отделенная от нее, остается свободной, а третья и четвертая по-прежнему не разрезаны), в разворот которого и вклеена расписка амстердамского издателя (8,2 × 20,5 см).

Начальная часть кодекса, выполненная на толстой бумаге низкого качества, открывается первым титульным листом (22,9 × 15,5 см), подклеенным на оборот другого листа (32,4 × 16,7 см), на котором содержится список книг, и вместе с ним подогнут. Далее следует второй титульный лист. Затем идут 11 вклеенных листов (32,4 × 20 см). При переплете они были подогнуты по нижнему и правому полю; последний из них — чистый. Текст на первых пяти, где содержится посвящение кронпринцу, выполнен, как и тексты адресов 1680 г., рукой И. Кирхманна-младшего красивым каллиграфическим почерком. Вторые пять листов содержат предисловие, написанное рукой Бернхарда К. Кирхманна на другой бумаге, более темными чернилами, нечетким почерком, в котором видны следы спешки. Присутствует двойная пагинация. Первая нумерация сделана только на лицевых сторонах трех листов, начиная с первого титула, отмеченного цифрой 2 и стоящей в скобках внизу страницы по центру. Эта пагинация сохраняется, включая первую страницу

Bernh. Casp. Kircmannum». Она состоит из 157 листов, большинство из которых не имеют сквозной пагинации. Л. 13, 92, 96, 97, 153 — чистые. На титульном листе значится: «Commentarij Historici duo, Hactenus inediti: (2) Alter, DE PROFECTIONE DANORUM IN TERRAM SANCTAM circa annum MCLXXXVII susceptam, eodem tempore ab incerto autore conscriptus: (1) Alter DE REGIBUS VETUSTIS NORVEGICIS A THEODORICO, quodam Monacho ante quingentos circiter annos. Opera olim et cura Viri Clarissimi JOHANNIS KIRCHMANNI; Lubecensis ex manuss. Bibliothecæ Lubecensis protracti, ex variis in locis emendati illustratique Nunc primum editi ab huius nepote BERNH. CASP. KIRCMANNO J. U. D.».

[69] Katalog over det store kongelige bibliotheks haandskrifter vedrørende Norden, særlig Danmark / utg. E. Gigas. Kbh., 1903. Bd. 1. S. 134–135.

посвящения, т. е. отмечая л. 2, 3 и 4. С того же первого листа посвящения начинается вторая уже постраничная пагинация размашистым грубым почерком: четные номера страниц стоят на сгибах листов, из чего видно, что это было сделано позднее, когда эти листы кодекса приобрели сегодняшний вид, и при нумерации их не разворачивали. На листах, содержащих предисловие, и на следующем за ними чистом листе пагинация отсутствует.

Другая часть кодекса — транскрипция «Истории» Теодорика. Текст ее выполнен И. Кирхманном-младшим на бумаге другого качества, более тонкой. Всего листов — 61. Они переплетены между собой и имеют общий формат (20,5 × 16,5 см): по ним и ориентировались, изготовляя переплет и подгибая листы большего формата. Пагинация сплошная, постраничная (132 страницы): нечетные номера проставлены в верхнем правом углу, четные — в верхнем левом. В текст позднее вносились исправления, как видно, с целью упорядочить орфографию, исправить некоторые неверные латинские формы и раскрыть сокращения. Правка внесена довольно грубо прямо в тексте черными чернилами, отличающимися по цвету от тех, которыми выполнена «История» Теодорика.

Следующая часть, записанная на более темной бумаге, заставляет вспомнить о И. Кирхманне-старшем. В этих сшитых тетрадях содержится правленый чистовой указатель, составленный самим первооткрывателем «Истории» на основе реестра из списка **B**. Здесь уже соблюдается стройный алфавитный порядок, сохраняется соотнесение пунктов указателя с главами, где встречается вносимый в него персонаж или географическое название. Тем самым сын и внук просто подшили уже готовый материал к тому, что они переписали сами. Те же самые замечания можно отнести и к «Истории похода». Посвящение наследнику шлезвиг-голштинской короны написано двумя почерками — И. Кирхманна-младшего и Бернхарда К. Кирхманна. Текст «Истории» Теодорика переписан И. Кирхманном-младшим, указатель составлен и записан рукой И. Кирхманна-старшего. Как видно, потомки вольно обращались с наследием последнего, поэтому причина плохой сохранности архива любекского ученого вполне ясна.

Источником для этого небрежно состряпанного «оригинал-макета» стали соответствующие материалы из списка **B**. В списках **S** и **M** текст «Истории» Теодорика восстановлен последовательно без каких-либо изъятий. В том числе цитата из псевдо-Вергилия, выпущенная в списке **L**, в трех поздних копиях находится на своем месте (в списке **B** — л. 52^{r-v}). Да и само имя великого античного поэта осталось невнесенным в указатель ни одним из Кирхманнов. Отсутствие выдержки из стихотворения, о котором говорилось выше, можно объяснить лишь поспешностью, с которой И. Кирхманн-старший готовил свой дар членам датской переговорной делегации. Поскольку, работая с «Историей» Теодорика, его сын

все же записал этот фрагмент в список **M**, говорить о различных редакциях текста «Истории» не приходится.

Весь научный аппарат, имеющийся в списке **M**, основан на рабочих материалах И. Кирхманна-старшего (список **B**), который, очевидно, не рассматривал их в качестве пригодного для публикации. При сравнении записей И. Кирхманна-старшего из списка **B** с комментариями в списке **M** становится очевидным, что переписчики удалили почти все имевшиеся примечания.

Как уже отмечалось, Г. Сторм считал, что в распоряжении Кирхманнов имелись комментарии С. Стефаниуса, которые, по мнению норвежского исследователя, вслед за списком **B**, составленным самим И. Кирхманном-старшим, введшим подобное разделение, помещены в первом издании в скобках[70]. Исследование этих списков показало, что сноски и примечания принадлежат самому И. Кирхманну-старшему, а те, что имеются в списке **M**, в действительности являются результатом отбора, произведенного внуком последнего[71]. Кроме того, об отсутствии заметок С. Стефаниуса говорит также то, что, будучи не в состоянии помочь И. Кирхманну-старшему с переводом древненорвежских слов, он отсылал его к У. Ворму как к более компетентному специалисту, о чем шла речь выше. Все это объясняет, почему, в то время как примечания, находящиеся в первом издании в скобках, отсутствуют в списке **B**, на что указал еще Г. Сторм[72]. Этих комментариев там и не могло быть, поскольку С. Стефаниус не делал никаких, в том числе языковых, примечаний. М. Герц в свою очередь отметил, что в списке **M** и в первом издании заметки лингвистического характера вообще отсутствуют[73], потому что отец и сын Кирхманны понимали в древних скандинавских языках еще меньше и не стали включать соответствующих комментариев в книгу[74]. Список **M** был обнаружен в коллекции графа Тотта только в 1903 г. и не был известен Г. Сторму, работавшему над подготовкой «Истории» Теодорика к изданию в 70-е гг. XIX в. Исследователь в своей вступительной статье привел стемму рукописей[75] (рис. 1), естественно, не указав в ней данного манускрипта, на котором покоилось первое издание «Историй».

---

[70] *Storm G.* Indledning. S. IV.

[71] *Gertz M.* De Profectione Danorum … S. 452–453.

[72] *Storm G.* Indledning. S. IV–V.

[73] Ibid. S. 453–454.

[74] *Theodoricus Monachus.* Soga um dei gamle norske kongane. Oslo, 1932.

[75] *Storm G.* Indledning. S. V. Связи между рукописями, которые устанавливаются точно, обозначены сплошными чертами. Связи гипотетические обозначены пунктиром. В стемме Г. Сторма утраченная копия, сделанная И. Кирхманном-старшим, и научный аппарат, составленный им же, неправомерно разведены. В действительности они должны быть объединены, так как представляли собой единый комплекс материалов, готовившихся к публикации.

Оно наконец увидело свет в 1684 г. (**K**)[76]. Будучи основанным на списке **M**, издание унаследовало все имеющиеся в нем ошибки. Книга к тому же полна опечаток, не говоря уже о качестве примечаний и разных по объему и ценности комментариев. В них также включены сноски И. Кирхманна-старшего, расположенные на полях и после каждой главы, на издания средневековых и античных памятников, а также на имевшиеся к тому времени исследования с указанием страниц. Но именно это издание долгое время служило исследователям в качестве единственного средства ознакомления с интереснейшими произведениями древненорвежской литературы, пополнившими источниковую базу исследований по ранней норвежской истории.

Оба сочинения сразу вошли в научный оборот, если не считать, что их использовал в своей работе еще С. Стефаниус, подготавливая свои комментарии к «Деяниям данов» Саксона Грамматика. Ссылки на «Историю» Теодорика встречаются уже в работе Томаса Бартолина-младшего (1659–1690), вышедшей в 1689 г.[77] Для написания своего объемного труда два изданных Бернхардом К. Кирхманном памятника использовал также Тормод Торфеус (1636–1719)[78].

Как видно, новые источники сразу привлекли внимание ученых. Но вот качество их издания вызвало неединодушный отклик. В частности, свое недовольство выразил великий исландский и датский палеограф, коллекционер и исследователь средневекового скандинавского рукописного наследия Арни Магнуссон (1663–1730). Полагая, что подлинно научная публикация источников должна основываться на средневековом материале, он вознамерился исправить дело. В 1696 г. Арни Магнуссон отправился в Любек с тем, чтобы разыскать в библиотеке оригинальную рукопись, положив именно ее, а не копию, сделанную И. Кирхманном-старшим, в основу своего издания. Но в новом библиотечном каталоге, составленном в 1689 г., она уже не значилась; исследователь не обнаружил манускрипта и в самой библиотеке.

Арни Магнуссон через своих друзей узнал, что в Швеции, возможно, удастся найти другую рукопись «Истории» Теодорика, — перед ним открывалась перспектива познакомиться с материалами из архива С. Стефаниуса. Но в Упсале в распоряжении исландского ученого оказался только пополнившийся к тому времени примечаниями список **S**, поскольку

---

[76] *Kirchmann*, 1684.

[77] *Bartolin T.* Antiquitatum Danicarum de Causis Contemptæ a Danis adhuc gentilibus mortis libri tres. Hafniae, 1689. P. 627, 674–675.

[78] *Torfæus T.*: 1) Historia Rerum Norvegicarum : 4 bd. Hafniae, 1711 ; 2) Norges historie. Bergen, 2008. Bd. 1. S. 55, 66 ; Bd. 2. S. 391, 392, 424 ; Bd. 3. S. 34, 56, 326, 327, 341, 343, 347, 356, 361 ; Bd. 4. S. 81, 137, 306.

к тому моменту, как Арни Магнуссон оказался в Швеции, оригинальные рукописи, к сожалению, были уже утрачены.

Исландский палеограф был, как видно, сосредоточен прежде всего на поиске подлинных манускриптов. Если ему не удавалось приобрести рукопись для своей коллекции, он делал копии произведений, которые, как показало будущее, он безошибочно причислял к шедеврам средневековой скандинавской литературы. Принципы Арни Магнуссона не позволяли ему создавать научное издание на основе вторичного материала. Вероятно, поэтому, находясь в Швеции, он, еще надеясь заполучить в свои руки оригинал из архива И. Кирхманна-старшего, не стал делать списка с современной ему копии. По словам Г. Сторма, до того как он сам изучил эту рукопись с целью привлечь ее для своего издания латинских документов по истории Норвегии, ею никто не пользовался[79]. Теперь ясно, что норвежский историк был не первым, кто работал со списком **S**.

У Арни Магнуссона оставался последний шанс — обратиться к Бернхарду К. Кирхманну в надежде на то, что рукопись, попавшая в руки его деда в 1620 г., затерялась где-то в семейном архиве. Вероятно, ему стало известно, что манускрипт с момента его обнаружения находился сначала в доме И. Кирхманна-старшего в Любеке, где в 1629 г. тот показывал ее канцлеру К. Фрийсу, а затем хранился у И. Кирхманна-младшего в Шлезвиге. Арни Магнуссон в своем письме от 30 мая 1699 г. к Бернхарду К. Кирхманну, который жил тогда в Келлингхусене, просил разрешения на то, чтобы тот позволил ему посмотреть саму средневековую рукопись, с которой работал его дед[80]. Возможно, Арни Магнуссон не поверил словам Бернхарда К. Кирхманна, помещенным им в предисловии к первому изданию, что при подготовке публикации тот уже не имел возможности обращаться к оригиналу. Однако Бернхард К. Кирхманн, видимо, не скрывал несчастной судьбы этого манускрипта. В июле того же года в письме к Арни Магнуссону он подтвердил, что рукопись утрачена[81]. Скорее всего, именно потому, что поиски, проведенные в двух странах, не увенчались успехом и заполучить подлинник не удалось, Арни Магнуссон все же попросил снять для него копию.

Г. Сторм, работая в той самой библиотеке, которой с момента ее основания руководил И. Кирхманн-старший[82], установил, что список, специально предназначавшийся для Арни Магнуссона и хранящийся в настоящее время в Арнамагнеанском собрании в Копенгагене — AM 98 fol (**A**), появился на рубеже XVII–XVIII столетий и выполнен внучатым племянником Бернхарда К. Кирхманна — Якобом фон Мелле

---

[79] *Storm G.* Indledning. S. I.

[80] Arne Magnussons private Brevveksling. Kbh., 1920. S. 269–270.

[81] *Skovgaard-Petersen K.* Et håndskriftfund i Lübeck … S. 126.

[82] *Storm G.* Indledning. S. IV.

(1659–1743). Отдельные факты биографии последнего важны для восстановления истории появления на свет как непосредственно этого списка, так и рукописной традиции текста «Истории» Теодорика в целом.

Я. фон Мелле был сыном торговца металлом Герхарда (Гердта) фон Мелле и его второй жены Анны-Марии, урожденной Стольтерфохт, поселившихся в Любеке в 1629 г. Анна-Мария была дочерью от первого брака известного лютеранского богослова и придворного проповедника Якоба Стольтерфохта (1600–1668) и Доротеи Кирхманн (1609–1637)[83], дочери И. Кирхманна-старшего. Таким образом, Я. фон Мелле приходится правнуком первооткрывателю «Истории» Теодорика по женской линии. В 1660 г. родители Якоба, Герхард и Анна-Мария, переселились в Каппельн, а спустя некоторое время отправили сына назад в Любек на воспитание к его дяде пастору Бернхарду Крехтингу. В 1674 г. Я. фон Мелле продолжил свое образование в Киле (в том самом университете, который в 1665 г. был основан герцогом Кристианом Альбрехтом), затем в Йене, где в 1680 г. получил магистерскую степень, и, наконец, в Ростоке.

Около 1683 г. он вернулся в Любек, где поступил на службу для получения практических навыков в юриспруденции к адвокату Кристиану Генриху Постелю, вместе с которым отправился в шестимесячную поездку по Нидерландам, Англии и Франции. Я. фон Мелле составил дневник своего путешествия, в котором рассказал о своей жизни за границей, где он усердно постигал науки в университетах и библиотеках[84]. В 1684 г. он обосновался в родном городе: до 1706 г. служил проповедником в церкви Девы Марии, затем там же стал старшим пастором, заменив на этом посту своего воспитателя Б. Крехтинга.

Еще обучаясь в Йене, Я. фон Мелле занялся изучением и написанием истории Любека, продолжив свой труд уже на родине[85]. Одним из примечательных фактов его биографии является составление им рукописи, называемой *Lubeca Religiosa* (Ms. Lub. 83). В настоящее время это единственное собрание надписей, имевшихся в храмах Любека, в том числе безвозвратно утерянных. Так, среди прочих в нем сохранилась оригинальная копия стихов на нижненемецком языке к «Пляске смерти» кисти Бернта

---

[83] О замужестве своей дочери Доротеи (брак был заключен 2 октября 1626 г.) И. Кирхманн-старший упомянул в своем дневнике (Kgl. BK Kall 600 4to. Л. 49^{r}).

[84] *Melle J. von.* Beschreibung einer Reise... nach den Niederlanden und England im Jahre 1683 von Jacob von Melle und Christian Heinrich Postel / Hrsg. C. Curtius. Lübeck, 1891.

[85] *Melle J. von.* Gründliche Nachricht von der Kayserlichen, Freyen und des H. Römis. Reichs Stadt Lübeck. Lübeck, 1713 (2-е изд. 1742; 3-е изд. 1787). Кроме того, он занимался изучением палеонтологии, генеалогии, геральдики и нумизматики, а также участвовал в подготовке и издании первого словаря средненижненемецкого языка.

Нотке (ок. 1435–1509); ныне эта надпись утрачена, поскольку вместо нее в 1701 г. был записан верхненемецкий вариант[86].

Как видно, Я. фон Мелле был человеком высокообразованным, более того, он являлся весьма подготовленным историком и палеографом. Иначе сложно объяснить высокое качество списка, сделанного им для Арни Магнуссона. Наверное, именно Бернхард К. Кирхманн порекомендовал своего родственника в качестве специалиста по рукописям Арни Магнуссону; к тому же очевидно, что Я. фон Мелле имел доступ к семейному архиву.

В списке **А** «История» Теодорика расположена на л. 1^{r}–34^{v}, а «История похода» — на л. 35^{r}–61^{v}. Текст этой бумажной, прекрасно сохранившейся рукописи (формат 31 × 20,5 см) выполнен в один столбец четким каллиграфическим почерком Я. фон Мелле. Линовка отсутствует. Пагинация двойная. Первая, через каждые пять листов, принадлежит самому переписчику, сделана теми же чернилами, что и основной текст, и является ошибочной со сдвигом на одну страницу, что дает 60 листов рукописи. Вторая, корректирующая, выполнена уже другой рукой на лицевой стороне каждого листа в правом верхнем углу красными чернилами (согласно ей, в рукописи 61 лист)[87].

На широких (5,5 см) полях, располагающихся по левому и правому краю лицевых и оборотных сторон каждого листа соответственно, большое количество маргиналий в виде ссылок на издания различных источников с указанием страниц изданий, в которых они опубликованы, цитат из них, а также дат от Рождества Христова, с которыми соотнесены отдельные события, описываемые в «Истории» Теодорика. Сноски на исследования имеются и в основном тексте (также указывается автор, иногда часть названия книги и страница/ы): они подчеркнуты красным карандашом, вероятно, позднее. Другие подчеркивания в тексте почти целиком относятся к цитатам и выполнены теми же чернилами, что и основной текст, но некоторые из них сделаны дополнительно простым карандашом. Записанные на полях выдержки из источников, названия которых не приведены, выделены вертикальной чертой, сделанной тем же простым карандашом, что и дополнительные подчеркивания в основном тексте. Другой вид маргиналий — исправленные Я. фон Мелле неверные формы слов и личных имен (например, л. 3^{r}23: в основном тексте in

---

[86] Ausführliche Beschreibung der Stadt Lübeck. Lübeck, 1690. После Второй мировой войны это уникальное издание попало в Советский Союз и находилось в Библиотеке Академии наук Грузинской ССР. В 1997 г. власти Грузии вернули альбом в Любек. См.: *Лумисте М.* Церковь Нигулисте : ист.-арх. очерк. Таллин, 1965 ; Der Totentanz der Marienkirche in Lübeck und der Nikolaikirche in Reval (Tallinn) / Hrsg. H. Freytag. Köln, 1993. S. 477, 482.

[87] Этой пагинации принято придерживаться при ссылке на листы рукописи.

hujusce — на полях in hisce; л. $7^{v}9$: в основном тексте Jovinianum — на полях Jovianum; л. $16^{r}26$: в основном тексте generum — на полях socerum; л. $16^{v}2$: в основном тексте generi — на полях soceri; л. $20^{v}18$: в основном тексте quinquaginta — на полях septuaginta unum). На л. 11^{r} есть единственная помета в четыре слова, сделанная другими чернилами и крупным почерком, не принадлежащим переписчику основного текста. Слова расплылись и отчетливо можно прочесть только «NB <…> <…> Kirchman». Запись сделана рядом со сноской, инкорпорированной в основной текст и подчеркнутой, в свою очередь, простым карандашом, тем же, что выполнены дополнительные выделения цитат. Также встречаются случаи подчеркивания этим карандашом других сносок, вставленных в основной текст (л. $14^{r–v}$, 21^{r}). В правом нижнем углу каждого оборотного листа Я. фон Мелле сделана реклама — слово, с которого начинается текст на лицевой стороне следующего листа рукописи.

На том основании, что список **A** обладал таким же некачественным и некритическим аппаратом, как и первое издание, Г. Сторм посчитал, что две эти версии текста «Истории» Теодорика каким-то образом связаны, отметив это в своей стемме[88]. И он был прав, в чем убедился, если бы ему был доступен список **M**, обнаруженный как раз в год смерти норвежского ученого. Г. Сторм предусмотрительно не указал в предложенной им схеме связь списка **A** и первого издания «Истории» Теодорика ни с одним из известных ему вариантов текста. Это, вероятно, обусловлено тем, что норвежский палеограф внимательно отнесся к тем расхождениям в примечаниях, которые имелись в списке **A** и в издании 1684 г. М. Герц, в свою очередь, доказал, что список **A** не мог быть выполнен со средневековой рукописи, а был сделан Я. фон Мелле именно со списка **M** и с первого издания, включив в себя ссылки, имеющиеся там на полях, которые перенесены непосредственно в текст «Истории»[89].

Таким образом, в основу первого издания «Истории» Теодорика действительно лег материал, который нельзя считать подготовленным к публикации в должной мере. Поэтому его критику Арни Магнуссоном следует признать в целом справедливой: список **M**, с которого происходил типографский набор (как уже отмечалось, также неблестящего качества), создан очень разными по своим личным и профессиональным качествам людьми, кроме того, ставившими перед собой различные цели, что отразилось на результате.

---

[88] *Storm G.* Indledning. S. V. Следует отметить, что идея инкорпорировать сноски в основной текст, кому бы она ни принадлежала — самому Я. фон Мелле или Арни Магнуссону, — вполне удачна, поскольку таким образом становится видна работа с рукописью, а также метод раскрытия цитат, содержащихся в тексте «Истории».

[89] *Gertz M.* De Profectione Danorum … S. 448–449.

Плану самого Арни Магнуссона — осуществить новую публикацию текста «Истории» Теодорика — сбыться было не суждено. Впоследствии историк П. Ф. Сум (1728–1798) положил именно копию, снятую Я. фон Мелле для Арни Магнуссона, в основу первого издания этого сочинения, вышедшего уже непосредственно в Скандинавии, в Копенгагене[90]. П. Ф. Сум также использовал издание 1684 г., на что указывают отдельные досадные ошибки, которые перекочевали из него в новую книгу, что было подмечено М. Герцем[91]. Примечания, имеющиеся в первом издании «Истории» Теодорика и в списке **A**, оформлены П. Ф. Сумом в постраничные сноски. Тем самым эта публикация, хотя и представляла собой первую полную реконструкцию текста «Истории», но она весьма далека от той, какой ее хотел видеть Арни Магнуссон.

Неужели средневековая рукопись, найденная И. Кирхманном-старшим, стала жертвой элементарной небрежности и обстоятельств? Видится, что ответ на этот вопрос состоит в том, что, в отличие от своего отца и его коллег, чиновник и карьерист, заискивающий перед голштинскими герцогами, каковым по своей сути и являлся И. Кирхманн-младший, видимо, не мог по достоинству оценить доставшиеся ему рукописные сокровища. Он хотел не столько познакомить мир с новыми памятниками по истории Дании и Норвегии, к чему стремился его отец, сколько преподнести *своевременный дар* двум сильным мира сего, на которых он возлагал большие личные надежды[92]. Этим, по-видимому, объясняются его собственные метания и размышления его сына Бернхарда относительно того, кому адресовать эти произведения.

Самая ранняя из известных копий (список **L**), изготовленная И. Кирхманном-старшим, к счастью, сохранилась, но во многом потому, что перестала быть собственностью кого-либо из членов этой злополучной семьи и ей не грозила участь оригинальной рукописи. Однако средневековые манускрипты, которые имелись у С. Стефаниуса, тоже, к сожалению, пропали. Как видно, архив ученого не был дорог его вдове Тале (Thale), урожденной Эйсенберг, которая весьма нуждалась после смерти мужа. По этой причине собрание книг и рукописей начало распродаваться ею и друзьями самого С. Стефаниуса, чему положил конец граф М. Г. Де ла Гарди, который частично спас наследие покойного королевского историографа, выкупив его архив для пополнения своей собственной коллекции. Но и эту оставшуюся часть собрания С. Стефаниуса ждала ужасная участь: большая ее половина, как и многие другие ценные

---

[90] TM HARN // SRDMÆ. Kbh., 1783. T. V. S. 341–362.

[91] *Gertz M.* De Profectione Danorum … S. 449.

[92] Справедливости ради следует заметить, что такой же своевременный дар представлял собой и список **L**, который также носит в себе следы определенной спешки. Но эта спешка была совсем иного рода…

средневековые рукописи и книги, сгорела в знаменитом копенгагенском пожаре, бушевавшем в столице Дании 20–23 октября 1728 г. Ныне утрачен и список **S**...

Приводимая ниже новая стемма списков «Истории» Теодорика Монаха (рис. 3) восстанавливает связи всех сохранившихся до нашего времени рукописей этого произведения. Она, на мой взгляд, преодолевает высказанные, к сожалению, необоснованные гипотезы предшественников, но учитывает достижения их исследований, как и выводы вновь проведенных изысканий.

Г. Сторм ошибался в том, что существовала впоследствии утерянная «копия И. Кирхманна-старшего», появившаяся якобы в период около 1630–1643 гг. и отправленная, по мнению норвежского исследователя, канцлеру К. Фрийсу. Теперь понятно, что под этой личиной скрывается неизвестный Г. Сторму список **L**. Тем не менее некая несохранившаяся копия самого текста, сделанная И. Кирхманном-старшим, которая легла в основу списка **M**, существовала. В то же время М. Герц необоснованно упрекнул Г. Сторма в том, что тот выводил происхождение списка **A** от утраченной копии из коллекции А. Кэлля (**B**): как было указано, норвежский исследователь устранился от того, чтобы утверждать связь списка **A** с какой бы то ни было из известных ему копий текста «Истории» Теодорика. Напротив, именно Г. Сторму впервые удалось показать существование, по крайней мере, двух средневековых рукописей «Истории», чего, в свою очередь, нет у М. Герца. Отсюда последним выведено ошибочное происхождение списка **S**. Видно, что путь Г. Сторма был более верным. Норвежский палеограф сбился с него, поскольку не учитывал неизвестный ему список **M**, которому сначала предстояло стать своеобразным плавильным котлом, сотворенным трудами Бернхарда К. Кирхманна, а затем отправной точкой всей последующей издательской традиции[93]. Непосредственным ее началом стало сомнительное с научной точки зрения издание 1684 г., продолжением — разыскание Арни Магнуссона, закончившееся неутешительным результатом и появлением деривата в виде списка **A**, а закреплением этой традиции — издание П. Ф. Сума 1783 г.

[93] В этой связи сомнение П. Фута в том, что список **M** имел самостоятельное значение для определения эволюции текста «Истории» Теодорика, видится несколько небрежным (*Foote P*. Introduction // *Theodoricus Monachus*. Historia de antiquitate regum Norwagiensium. London, 1998. P. XXXI).

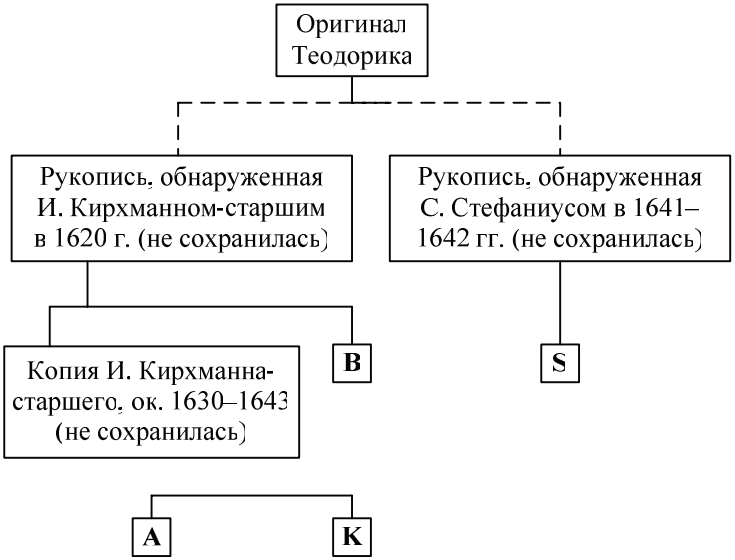


Рис. 1. Стемма рукописей по Г. Сторму

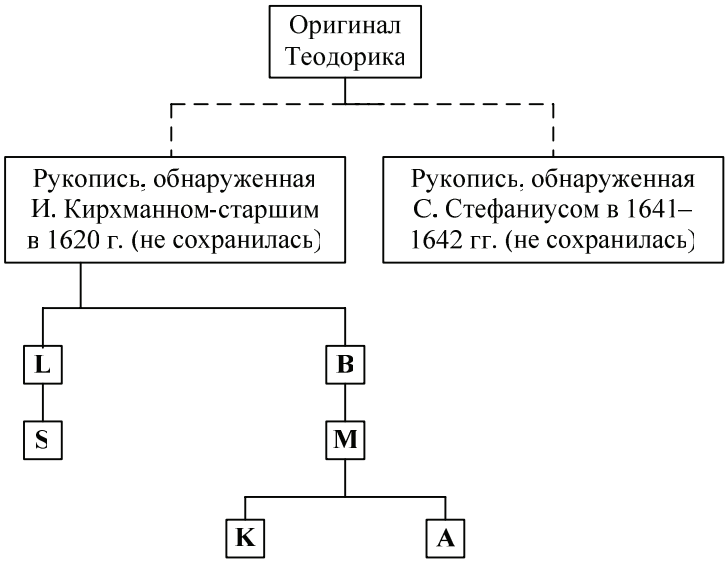


Рис. 2. Стемма рукописей по М. Герцу

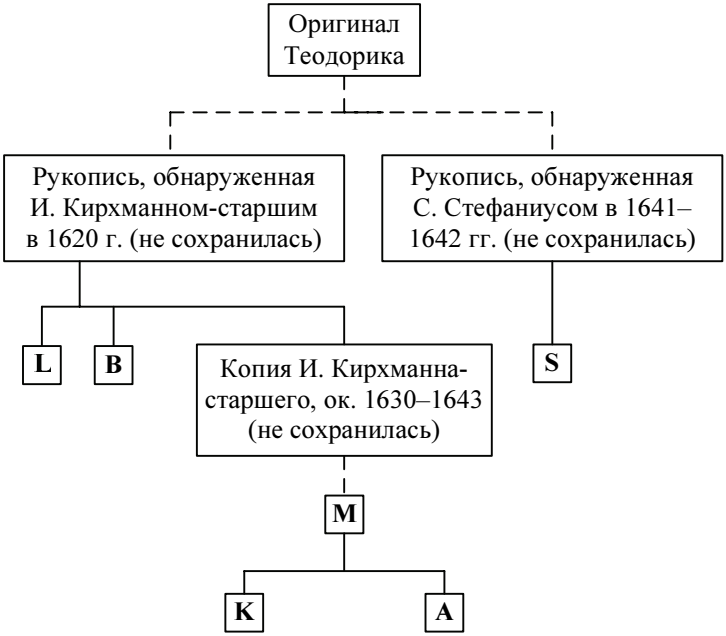


Рис. 3. Новая стемма рукописей

Представленное выше исследование, как кажется, восстанавливает контекст появления на свет всех ныне известных рукописей «Истории» Теодорика, а новая стемма демонстрирует роль каждого из сохранившихся списков. Так, список **L** — результат несколько поспешной деятельности И. Кирхманна-старшего, увлеченного новыми находками и желавшего поскорее представить публике свое открытие. Эта копия остается памятником самой себе, не служа источником для других, как это представлял себе М. Герц. Список **B** вместе с письмами И. Кирхманна-старшего к своим коллегам является ключом к научной лаборатории этого историка XVII столетия, открывшего «Историю» Теодорика ученому сообществу, тогда как список **M** и издание 1684 г. позволяют увидеть, что происходит с результатами научного поиска, если ими пытаются воспользоваться ловкие дельцы, далекие от стремления к истинному знанию. Кроме того, именно список **M**, легший основу первого издания, показывает, что рукопись, имевшаяся у И. Кирхманна-старшего, содержала текст без лакун (имеется в виду наличие пропущенного в списке **L** фрагмента из псевдо-Вергилия), как и пропавший список **S**. Иначе было бы сложно

объяснить его наличие в первом издании, при подготовке которого список **S** не использовался. В этой связи следует присоединиться к мнению А. О. Юнсена, который считал, что ближе всего к утраченному манускрипту, найденному И. Кирхманном-старшим, именно список **L**[94]. Э. Краггеруд, напротив, считает, что текст, содержащийся в списках **M** и **A**, наиболее близок к тому, который имелся в утерянной Кирхманнами рукописи[95], что весьма спорно.

Список **S** предназначался для собрания источников по датской истории, но в глазах С. Стефаниуса, который был автором этой копии, «История» Теодорика не могла составить конкуренцию «Деяниям данов» Саксона Грамматика. Поэтому издание «Истории» Теодорика было отложено до лучших времен. Арни Магнуссон не оценил достоинств этого списка, который, как и список **L**, был снят собственно со средневековой рукописи. Тогда как список **A**, изготовленный специально для исландского палеографа Я. фон Мелле, был лишь одной из производных. Однако сравнить списки **S** и **M**, как того хотел Э. Краггеруд, который считает необходимым более тщательно сравнивать копии, содержащие наиболее полные версии текста «Истории»[96], уже не представляется возможным. А данное сравнение, вероятно, позволило бы более точно оценить, насколько были различны варианты, имевшиеся в утерянных рукописях.

Поиск Арни Магнуссоном сочинений, которые содержали историческую информацию о прошлом скандинавских народов, приведший его к «Истории» Теодорика, имел своим результатом не просто появление очередной копии текста этого произведения (список **A**). Высокий авторитет исландского палеографа среди последующих поколений ученых и его стремление увидеть этот текст напечатанным обратили внимание П. Ф. Сума и Г. Сторма на труд норвежского монаха XII в. Лишь упомянутую диссертацию А. О. Юнсена, увидевшую свет в 1939 г., следует считать началом подлинного научного изучения «Истории» и биографии ее автора. Но выводы этого исследования уже во многом нуждаются в пересмотре.

Каждый из списков «Истории» был составлен с разной мотивацией. Результаты палеографического и археографического изыскания показывают, что иногда путь к истории рукописи лежит через восстановление биографии человека даже не столько изучавшего, сколько просто обладавшего ею. Проведенная реконструкция культурно-исторического фона демонстрирует, когда и почему исчезли подлинники текста «Истории»

---

[94] *Johnsen A. O.* Om Theodoricus og hans Historia de antiquitate regum Norwagiensium. S. 11–12.

[95] *Kraggerud E.* Theoderiks tekst etter Storm // Olavslegenden og den latinske historieskrivning i 1100-tallets Norge. S. 265.

[96] Ibid.

и появились списки этого произведения скандинавской средневековой латинской литературы.

В 1880 г. в Кристиании было выпущено пока единственное научное издание «Истории» Теодорика, осуществленное Г. Стормом[97], которое основывается на известных на тот момент списках **S**, **A** и **B**, а также на первом издании 1684 г. (**K**)[98]. Списки **L** и **M**, как уже говорилось, были неизвестны норвежскому исследователю. В XX в. вышли переводы «Истории» Теодорика на европейские языки. Прежде всего следует отметить два норвежских издания, осуществленных в 1932 г. Э. Скардом[99] (в его основу лег текст списка **M**) и в 1969 г. А. Сальвесен[100], которые познакомили широкую публику с этим по-своему уникальным произведением. В комментариях к ним содержатся перекрестные ссылки на цитируемых Теодориком авторов и соответствующие их издания. В 1998 г. на свет появился комментированный перевод «Истории» на английский язык, принадлежащий Д. и И. МакДугаллам, где использован и обобщен опыт предыдущих публикаций[101].

Учесть все разночтения и предложить новый перевод на норвежский язык и критическое издание «Истории о древних норвежских королях» Теодорика Монаха должен был переводческий проект, анонсированный в 1997 г. В его рамках работу над текстом этого памятника первоначально вел профессор Э. Краггеруд из Университета Осло при сотрудничестве профессора Центра исследований средневековой истории Университета Бергена Л. Б. Мортенсена[102]. Но этот проект пока не осуществлен.

---

[97] TM HARN // MHN LKNHM. S. I–XIV, 1–68.

[98] Это издание (*Kirchmann B. C., Kirchmann J.* Commentarii historici duo hactenus inediti... / cura olim et opera viri clarissimi Iohannis Kirchmanni, Lubec.; nunc primum editi ab hujus nepote Bernh. Casp. Kirchmanno, J. U. D. Amstelodami, 1684) обозначено Г. Стормом литерой **K**.

[99] *Theodoricus Monachus.* Soga um dei gamle norske kongane. Oslo, 1932.

[100] Norges historie. Historien om de gamle norske kongene / Theodricus munk. Historien om danenes ferd til Jerusalem. Oslo, 1969 (2-е изд. 1990).

[101] *Theodoricus Monachus*. Historia de antiquitate regum Norwagiensium. London, 1998. Рец.: *Kraggerud E.* Theodoricus scrutinized : review of Theodoricus Monachus. Historia de antiquitate regum Norwagiensium: An Account of the Ancient History of the Norwegian Kings. Translated and Annotated by David and Ian McDougall with an Introduction by Peter Foote. London: Viking Society 1998 // CM. 1998. H. 11. S. 119–126 ; *Mortensen L. B.* Anmeldelse af Theodoricus Monachus: Historia de antiquitate regum Norwagiensium. An Account of the Ancient history of the Norwegian kings. Translated and Annotated by David and Ian Mcdougall, with an Introduction by Peter Foote (Viking Society for Northern Research Text Series, vol. XI), London 1998 // Maal og minne. 2000. Nr 1. S. 101–104.

[102] *Kraggerud E.* Monumenta anno MMII — Latinske kildeskrifter til norsk middelalder i ny drakt // Klassisk Forum. 2002. Nr 2. S. 87–89.

Важными шагами на пути к этому стали две статьи Э. Краггеруда, в которых содержится критика издания Г. Сторма[103]. Норвежскому исследователю удалось показать, как непоследовательный и подчас произвольный отбор Г. Стормом словоформ приводит к изменению смысла отдельных фраз[104]. Это создает определенные сложности при оценке выводов, содержащихся в работе А. О. Юнсена, который ориентировался именно на текст, воспроизведенный Г. Стормом. Видится, что Э. Краггеруд несколько драматизирует ситуацию. Хотя результаты исследований Г. Сторма, ведущего норвежского палеографа второй половины XIX в., посвященные изучению разных памятников, часто подвергаются критике в историографии, предложенный им в его издании текст «Истории» Теодорика нельзя назвать неадекватным и неаутентичным тому рукописному материалу, речь о котором шла выше. Как было показано, осторожность Г. Сторма и его догадки подчас были блестящими, что применительно к отдельным моментам, связанным с восстановлением первоначального текста «Истории» Теодорика, признает сам Э. Краггеруд[105].

Мне представилась возможность работать непосредственно со всеми сохранившимися списками «Истории» Теодорика (**L**, **B**, **M** и **A**), а также с первым изданием 1684 г. (**K**), так или иначе основывающимся на списках **B** и **M**, и с изданием П. Ф. Сума, базирующимся на списке **A**. Текст по версии Г. Сторма[106], на мой взгляд, представляет собой прекрасный полигон для текстологических исследований и конструктивной критики. С одной стороны, «текст Сторма» — попытка прервать, признаемся себе откровенно, не лучшую традицию издания «Истории», с другой — это первый опыт реконструкции исходного текста. Ту же задачу ставит перед собой и Э. Краггеруд, и хочется верить, что это ему удастся, в том числе потому, что у него имелся достойный предшественник.

Перед исследователями, ставящими перед собой подобную задачу, стоит ряд вопросов. На основе какого списка издавать текст Теодорика и какова мотивация этого выбора? Возможно ли восстановление тех версий, которые содержались в утеряннх средневековых рукописях или от подобной реконструкции следует отказаться, критически восприняв наследие XVII столетия? Какова методика репродукции начального текста и не порождает ли она симулякр или фиктивный оригинал?

---

[103] *Kraggerud E.*: 1) Gamle paranøtter fra Storms Monumenta: on textual problems in Theodoricus's Historia de Antiquitate regum Norwagensium // Klassisk Forum. 1998. Nr 1. S. 78–84 ; 2) Theoderiks tekst etter Storm // Olavslegenden og den latinske historieskrivning i 1100-tallets Norge. S. 263–280.

[104] Ibid. S. 269–279.

[105] Ibid. S. 263.

[106] TM HARN // MHN LKNHM. S. 1–68.

Примечательно, что внимание к «Истории о древних норвежских королях» Теодорика Монаха не угасает и проявляется порой в неожиданных формах. Несмотря на низкое качество первого издания 1684 г., на его незначительную научную, библиографическую и коллекционерскую ценность, на его широкую доступность в электронном виде за последнее время к нему проявили особый интерес сразу два издательства, специализирующиеся на переиздании редких книг, — Kessinger Publishing[107] и Nabu Press[108], — воспроизведшие его факсимильные версии.

SAMMENDRAG

I 1600-tallet fortiden var gjenstand for alles oppmerksomhet i Danmark. Konge Christian 4. og regjeringen hans var opptatt med å samle dokumenter og kilder til Danmarks og Norges historie med samt å publisere historiske verker. I 1620–1622 fant Johann Kirchmann, historiker fra Lübeck, en kodeks på byrådets boksamling. Den bestod av fire latinske tekster, og det viste seg at én av dem var et tidlig verk av Norges middelalderlitteratur — «Historien om de gamle norske kongene» av Theodoricus Monachus — skrevet i 1170–1180-tallet. Dette funnet har stimulert en videre håndskriftsøking i andre boksamlingene. I slutten av 1641 eller tidlig i 1642 ga en ukjent venn av dansk historiker Stephan Hansen Stephanius ham en presang — det andre gamle manuskriptet som inneholdt også «Historien» av Theodoricus. Begge middelalderhåndskriftene tilhørte både Kirchmann og Stephanius var tapt til slutten av 1600-tallet.

Kirchmann og Stephanius tok kopier fra disse tekstene. Med Kirchmanns bestrebelser kom to avskrifter ut. Den første (avskrift **L**) var laget i 1629. Kirchmann ga det i gave til danske høytstående embetsmenn, og på samme tid var det en slags beretning om arbeidet som gjordes for å finne og publisere den nye teksten. Den andre (avskrift **B**) som dukket opp i midt av 1630-tallet er en del innom Kirchmanns arkiv. Kirchmann har ført tegn, noter og kommentar inn denne arbeidskopien. De tjente som grunnlaget for et kritisk apparat i en fremtidig «Historiens» utgave. Stephanius stått i aktiv brevveksling med Kirchmann skrevet i sitt sendebud til ham om nytt håndsktift med Theodoricus' tekst og uttalte sitt ønske om at hans kollega fra Lübeck skulle ha gjort seg kjent med det. Kirchmanns snar død tillot ham gjøre det ikke. Stephanius også tok en kopi (avskrift **S**) fra middelalderhåndskriftet sitt. Denne teksttranskripsjonen bruktes av Stephanius for kommentar til «Gesta Danorum» av Saxo Grammaticus som dansk historiker har viet siste årene hans. Avskrift **B** ble grunnlaget

[107] Commentarii Historici Duo Hactenus Inediti: Alter de Regibus Vetustis Norvagicis (1684) / Johann Kirchmann, Bernhard Caspar Kirchmann. [Whitefish], 2009.

[108] *Theodoricus*. Commentarii Historici Duo. Hactenus Inediti: Alter De Regibus Vetustia Norvagicis, Alter, De Profectione Danorum in Terram Sanctam Circa Annum M. Clxxxv Susceptam, Eodem Tempore Ab Incerto Autore Conscriptus. [Charleston], 2010.

for en ny kopi (som er tapt nå) og for noter til det. Så, ved skiftet av 1670–1680-tallet dukket avskrift **M** opp som ble en «original-layout» for den første utgaven som var trykket i 1684 takket være Kirchmanns sønnesøn — Bernhard Caspar Kirchmann.

Forholdet mellom «Historiens» papirkopier var uklart på tross av vedvarende interessen til begge forskernes vitenskapelig arv gjennom tidene. Norsk historiker og paleograf Gustav Storm trykket den første og eneste akademiske «Historiens» publikasjonen i 1880 og foreslo skjema over avskriftene som er umettet fordi han ikke tok hensyn til alle avskrifter. M. Gertz som, først og fremst, utga kilder til Danmarks historie, bl. a. «Historia de profectione Danorum in Hierosolymam» nært knyttet til «Historien» av Theodoricus undersøkte også foreliggende materialet fragmentarisk.

Forskningen min fyller denne lakunen og tilbyr nye avskriftskjema på basis av tekst- og paleografisk analyse på overlevende håndskriftmateriale. Det overvinner også uttalte, men dessverre ubekreftede Storms og Gertz' hypoteser. Det tar samtidig hensyn til resultatene av forskningene deres og mine egne studier. Så, på grunnlaget av Gertz' forskning bør det avvise Storms synspunkt at avskrift **A** kom fra den tapte Kirchmanns kopi. Likevel lyktes det for Storm å bevise at det var to «Historiens» middelalderhåndskrifter i det miste, og det lyktes for Gertz ikke. Derav er Gertz' formodning om at avskrift **S** utledet fra avskrift **L** feilaktig. Storms hensyn var mer riktig. Norsk paleograf kom på avveier fordi han ikke vet om avskrift **M**. Først og fremst, ble det en slags smeltedigel for avskrift **B**. Avskrift **M** var laget av Bernhard C. Kirchmann. Han fjernet noen av hans bestefarens kommentar (framfor alt, lingvistisk) som var uforståelige for ham. Siden ble avskrift **M** utgangspunkt for etterfølgende trykktradisjonen — dens umiddelbar start var en tvilsom utgave (1684), dens fortsettelse var Árni Magnússons leting som ga et sørgelig resultat og derivat (avskrift **A**), og dens befestning var P. F. Suhms utgave i 1783 som inneholt kritisk apparat fra de avskriftene **B** og **M**.

Den nye skjema klargjør også hver overlevende kopi rolle. Så, avskrift **L** er resultat av noen skyndsom virksomhet av Kirchmann begeistret nytt funn og hans ønske å presentere publikum oppdagelsen sin. Det er et monument for seg selv, men det er ikke en kilde for andre avskriftene, som Gertz forestilte seg. Til forskjell fra alle andre kopiene er avskrift **B** sammen med Kirchmanns brev til kollegene sine, en virkelig nøkkel til forskningslaboratoriet av 1600-tallets historiker som oppdaget «Historien» for et vitenskapelig samfunn. Mens avskrift **M** og den første utgaven (1684) lar oss se hva har skjedd med søkingresultater om de bruktes i egoistiske formål. En viktig rolle i «Historiens» skjebne spilt dedikasjoner innledet til dens første utgaven. I løpet av 1650–1680-tallet forandret de av Kirchmanns sønn (J. Kirchmann den yngre) og sønnesønn (Bernhard C. Kirchmann) som søkte gjennom denne publikasjonen å arrangere karrieren sin i tjeneste hos hertuger av Holstein. En tapt avskrift **S**

bestemte for en kildesamling til Danmarks fortiden, men for Stephanius som var forfatter av denne kopien, «Historien» var utkonkurert med «Gesta Danorum». Derfor la han kommentar for «Historien» til side. Árni Magnússon lot ikke denne kopien som avskrift **L** var også tatt fra middelalderhåndskriften vederfares rettferdihet. Mens avskrift **A** laget spesielt for en islandsk paleograf av J. von Melde var kun én av derivatene. Árni Magnússons leting over tekster som inneholdt en historisk informasjon om nordiske folk fortiden førte ham til «Historien» av Theodoricus og resulterte ikke bare i en ny kopi. Árni Magnússons absolutt autoritet blant etterfølgende generasjoner av forskere og hans ønske om å se denne teksten trykt var også Suhms og Storms oppmerksom til verket av norsk munk som levde i det 1100-tallet.

Et annet resultat er «Historiens» trykktradisjon gjenopprettelse og en forskningkritikk og som en konsekvens konklusjon om behovet for en ny akademisk publikasjon. Árni Magnússon som kritisert den første utgaven fortjent talte om det på slutten av 1600-tallet. Hans egen uhyggelig søking av «Historiens» middelalderhåndskriftene har ført ham til bekjentskap med Stephanius' og Kircmanns arkiv og til en ny kopi oppkomst (avskrift **A**), fordi han ikke kunne finne de originalene. Denne avskriften var laget for ham av Jakob von Melde — en annen Kirchmanns barnebarn — og Bernhard C. Kirchmanns grandnevø. Da Árni Magnússon trodde at det er umulig å basere utgaven sin på sekundærmaterialen, så han lot være å gjøre det. Men interessen hans til «Historien» smittet over fremtidige generasjoner av danske og norske forskere som fortsatte forgjengeres arbeidene. Men bare A. O. Johnsens avhandling, utgitt i 1939, bør regne den første vitenskapelige undersøkelsen. Men dens konklusjoner er allerede i stor grad har behov for revisjon. Hver avskrift fra teksten til «Historien» ble avfattetet med forskjellige motiver. Denne artikkelen viser at en vei til håndskrifthistorien går av og til gjennom biografi gjenopprettelse på denne personen som ikke studerte, men kun eide det. Restaurert historisk bakgrunn og noen fakta om de persjonenes som var knyttet til de håndskriftene viser når og hvorfor de «Historiens» originaler var forsvunnet, og når og hvorfor de avskriftene over dette verket fra skandinavisk middelalder latinske litteratur dukket opp.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Средние века, Норвегия, Теодорик Монах, «История о древних норвежских королях», историописание, археография, Кирхманн, Стефаниус, Арни Магнуссон.

KEY WORDS

Middle Ages, Norway, Theodoricus Monahus, «History of Ancient Norwegian Kings», historiography, archeography, Kirchmann, Stephanius, Arni Magnusson.

А. А. КАСАТОВ

КУПЧАЯ В ПОЛЬЗУ ПРИОРАТА СВ. МАРИИ МАГДАЛИНЫ БРЕТТОНСКОЙ В АРХИВЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ РАН*

Грамоты английских религиозных учреждений периода Средневековья представлены в собраниях российских архивов лишь отдельными документами, и, следовательно, тем более пристального внимания они заслуживают. Не является исключением и грамота, засвидетельствовавшая выкуп ряда владений в вилле Карлтон монахами приората Св. Марии Магдалины Лундской (Йоркшир), более известного как приорат Монк Бреттона[1]. Документ, ныне хранящийся в ЗЕС Архива СПбИИ РАН в коллекции «Англия и Шотландия. Акты и письма» (рис. 1), некогда был приобретен выдающимся русским историком, палеографом и собирателем древностей Н. П. Лихачевым (1862–1936)[2].

Документ представляет собой правильный прямоугольный кусок пергамена (формат 157 × 123 мм), снабженный пликой (согнутый нижний

* Работа выполнена в рамках программы «Организация и финансирование работ молодых ученых Российской академии наук по приоритетным направлениям фундаментальных исследований».

[1] Современное графство Южный Йоркшир, муниципалитет Барнсли. URL: http://www.wikipedia.org/wiki/Barnsley ; The parish of Royston // UK and Ireland genealogy. URL: http://www.genuki.org.uk/big/eng/YKS/WRY/Royston. Забегая вперед, заметим, что исторически правильнее говорить о приорате в Бреттоне, а не Монк Бреттоне, топониме явно позднего происхождения, но здесь мы следуем сложившейся историографической традиции.

[2] Колл. 18 (Англия и Шотландия. Акты и письма). Картон 381. № 1а.

 © Касатов А. А., 2013

край документа), через прорезь в которой пропускался шнурок для крепления печати (так называемые печати на «двойном хвосте» — sur double queque). Такая форма крепления, характерная для документов, составленных в королевской канцелярии середины XII в., впоследствии становится практически повсеместной[3]. Печать, которой был скреплен рассматриваемый документ, отсутствует, но текст грамоты не оставляет сомнения в том, что она принадлежала лицу, от имени которого документ и был составлен: ego Willelmus… scripto sigillum meum apposui. Между тем его статус, как будет показано ниже, был незначительным, что исключает личный штат писцов. Возможно, документ был написан кем-то из монахов приората, чьи интересы сделка затрагивала непосредственно, или же клириком Стефаном, упомянутым в списке свидетелей[4]. В последнем случае, правда, документ не может рассматриваться как образец письма скриптория именно приората Монк Бреттона, что важно, учитывая, сколь много даже отдельный документ может дать для истории культуры и техники письма. Тем не менее, даже если документ и не был написан в Монк Бреттоне, его ценность как исторического свидетельства жизни конкретного религиозного учреждения не подлежит сомнению.

Документом оформлялась продажа земельных владений (terras et possessiones)[5], расположенных в поселении Карлтон и его окрестностях (in villa de Carleton et in territorio eiusdem ville), с относящимися к ним угодьями (cum pertinentiis) за пять солидов серебром, которые монахи приората Монк Бреттона заплатили Вильгельму. При этом Вильгельм указал, что ни он сам, ни кто-либо из его наследников не должен сейчас и впредь требовать какое-либо право, равно как вчинять иск в отношении отчуждаемых владений и угодий (non… aliquid jus vel clamum debemus ponere vel poterimus interrogare). В документе отказ от прав на имущество представлен следующим образом: «…уступаю, отказываюсь от всех

---

[3] *Caenegem R. C. van.* Royal writs in England from the Conquest to Glanville // Publications of Selden Society. London, 1959. Vol. 77. P. 164.

[4] *Postles D.* Country Clerici and the Composition of English Twelfth- and Thirteenth-Century Charters // Charters and the Use of the Written Word in Medieval Society / ed. K. Heidecker. Turnhout : Brepols, 2000. P. 29. Впрочем, уровень образованности таких клириков был зачастую весьма низкий, а некоторые вообще были безграмотными: *Moorman J. H. R.* Church Life in England in the Thirteenth Century. Cambridge : Cambridge University Press, 1946. P. 90.

[5] Представляется, что термины terra и possessio не выступают здесь в каком-то строгом юридическом смысле этого слова, а являются синонимами. Во всяком случае, это вполне стандартная формула в ряде грамот: Early Yorkshire Charters / ed. W. Farrer // Yorkshire Archaeological Society. Record Series. Edinburgh, 1916 (далее — EYC). Vol. 3. Nr 1469, 1493, 1499. Словом possessio могли обозначать и конкретный земельный участок. *Niermeyer J. F.* Mediae latinitatis lexicon minus. Leiden : E. J. Brill, 1976. P. 817.

претензий и передаю вышестоящему сеньору за себя и своих наследников» («…concessi quietumclamavi et sursumreddidi de me et heredibus meis»).

Приорат, монахи которого выступили покупателями имущества, был основан в 1153–1156 гг. Адамом, сыном Свейна, потомком англосаксонского землевладельца Эльрика Стейнкроса, некогда видного англосаксонского тэна, как дочерняя обитель приората в Понтефракте, что подтверждает и грамота Адама, датируемая 1154–1159 гг.[6] Оба английских приората подчинялись клюнийскому монастырю Ла Шарите-сюр-Луар (La Charité sur Loire), зависевшему непосредственно от Клюни[7]. Признание определенной субординации приората в Монк Бреттоне по отношению к Понтефракту проявлялось в том, что приор последнего, пусть и с согласия братии монастыря в Монк Бреттоне, мог участвовать в выборах настоятеля приората Св. Марии Магдалины Лундской. Это право было даровано последнему аббатом Ла Шарите-сюр-Луар[8]. Пожалуй, более важным знаком зависимости одного приората от другого был ежегодный платеж в размере одной марки серебром монахами приората Св. Марии Магдалины монахам Понтефракта, как о том свидетельствует грамота архиепископа Йоркского Рогерия (1154–1181)[9]. В конце XIII в. приорат вступил в длительную тяжбу с Понтефрактом и в 1280 г. вышел из-под юрисдикции последнего, покинув конгрегацию Клюни. В этом споре столкнулись самые разнообразные интересы. Так, в нем приняли участие местный владетельный сеньор Генрих де Лейси (de Lacy, Laci, Lacie, Lascy, Lacey) (1249–1311), лорд Понтефракта и третий граф Линкольна (с 1278 г.). От его лица была составлена грамота, засвидетельствовавшая итоги судебного разбирательства между двумя приоратами. В споре приняли участие архиепископы Йорка и сам король[10].

Очевидно, что приорат в Монк Бреттоне в конце XIII в. стал достаточно сильным, чтобы тягаться с Понтефрактом. Мы не знаем численности братии в Монк Бреттоне в то время, когда документ был составлен,

---

[6] EYC. Vol. 3. Nr 1669. Клюнийский приорат в Понтефракте, посвященный св. Иоанну Евангелисту, был основан около 1090 г. Робертом де Лейси.

[7] Современная коммуна Ла Шарите-сюр-Луар в департаменте Невр, регион Бургундия.

[8] *Dugdale W.* Monasticon Anglicanum : 6 vols. London, 1817–1830. Vol. 5. P. 137: «Prior vero de Pontefracto si fuerit requisitus a conventu de Bretton veniet in persona sua apud Bretton in capitulum intrabit… ad ellectionem Prioris et creationem» («Приор же Понтефракта, если будет призван конвентом Бреттона, придет лично к Бреттону и войдет в капитул для избрания приора и его назначения»).

[9] EYC. Vol. 3. Nr 1670.

[10] Houses of Benedictine Monks: Priory of Monk Bretton // A History of the County of York / ed. W. Page. 1974. Vol. 3. P. 91–95. URL: http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=36215. Монахи вышли из-под юрисдикции Понтефракта в 1280–1281 гг., а сам конфликт длился до 1290–1291 гг.

но в момент закрытия приората в 1539 г. здесь проживали приор и 13 монахов, что было даже больше, чем в соседнем Понтефракте. Тем не менее мы вряд ли ошибемся, если предположим, что в XIII в. Монк Бреттон уступал Понтефракту и по численности братии, и как землевладелец[11]. Стоит принять во внимание то обстоятельство, что в отличие от Монк Бреттона, основанного не самым состоятельным англосаксонским землевладельцем, кастелянами замка Понтефракт и патронами расположенного там же монастыря были представители видной нормандской фамилии Лейси[12]. Впрочем, и численность братии Понтефракта вряд ли была значительной[13].

Важность свидетельства нашего документа (если он вышел из скриптория Монк Бреттона) возрастает при обращении к рукописной традиции приората. В настоящий момент даже исследователь, лишенный прямого доступа в Национальный архив Великобритании (Кью, Лондон), может составить себе определенное представление о содержании его фондов, размещенных в сети Интернет[14]. Стоит сразу отметить разрозненность и неполноту документов XII – первой половины XIII в., отразивших историю приората Монк Бреттона. В большинстве случаев на сайтах не содержится информация о том, идет ли речь об оригиналах или позднейших копиях документов, что, очевидно, объясняется их недостаточной изученностью. Так, в муниципальном архиве г. Манчестера (Manchester Record Office) хранится документ, засвидетельствовавший договор между Адамом, сыном Вильгельма, названного в документе стюардом (dapifer), и приоратом Монк Бреттона о том, что Адам и его наследники получают имущество от приората с уплатой ежегодно 12 денариев серебром в день блаженной Марии Магдалины. При этом монахи брали на себя гарантии по защите имущества (warantisabimus)[15]. Документ не датирован, но,

---

[11] Houses of Benedictine Monks … Ср.: Houses of Cluniac Monks: Priory of Pontefract // A History of the County of York / ed. W. Page. 1974. Vol. 3. P. 184–186. URL: http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=36255.

[12] Справедливости ради стоит отметить, что в библиотеке Монк Бреттона содержалась коллекция из 148 томов перед роспуском приората в 1539 г. Об этом свидетельствует опись, которая, как отмечает Дж. Первис, представляет собой «необычно интересный и ценный список» («unusually interesting and valuable list»), однако о его содержании сведений не приводится, как остается неизвестным, когда эти книги попали в библиотеку приората. *Purvis J. S.* New Light on the Chartularies of Monkbretton Priory // Yorkshire Archaeological Journal. 1948–1951. Vol. 37. P. 70–71.

[13] В 1262 г. в Понтефракте было только 16 монахов, а Монк Бреттон в списках клюнийских приоратов и целл (келий), составленных Дж. Мурманом, даже не упомянут. *Moorman J. H. R.* Church Life in England … P. 404–405.

[14] URL: http://www.nationalarchives.gov.uk.

[15] The National Archives. Greater Manchester County Record Office. Deeds, leases and papers relating to properties in Lancashire. Heap E7 13/4/1 (Дар монахов

судя по списку свидетелей, в котором назван некто Адам де Радклиф, сын Вильгельма Радклифа, умершего в 1220 г., описанные в нем события относятся, по меньшей мере, ко второй четверти XIII в. Как бы то ни было, о точном времени его составления мы остаемся в неведении. Подобным же образом обстоит дело и с материалами, хранящимися в муниципальном архиве Шеффилда. Если самые ранние из них датируются 1249–1252 гг., то неизвестно, когда именно были составлены документы, относящиеся к приорату Монк Бреттона[16].

Можно указать и еще на одну грамоту из Национального архива в Кью (ранее Центральный государственный архив Великобритании (Public Record Office) в Лондоне), дошедшую в составе коллекции документов герцогов Ланкастерских[17]. Грамота, составленная от имени уже упомянутого влиятельного землевладельца Генриха де Лейси, засвидетельствовала судебное решение спора между монастырем Понтефракта, патроном которого являлся названный Генрих, и приоратом Св. Марии Магдалины, чьи владения располагались в границах его фьефа. Предметом спора стали юрисдикционные права Понтефракта в отношении монахов Монк Бреттона. Как известно, Генрих признал независимость Монк Бреттона, однако неясно, идет ли речь об оригинальном документе или позднейшей копии. Если мы имеем дело с оригиналом, то документ был составлен в 1280–90-е гг.

Одним словом, разрозненные документы, отразившие историю приората Монк Бреттона, не позволяют нам представить работу скриптория этого учреждения в ранний период его существования даже в общих чертах. Не помогает и картулярий приората, дошедший в двух рукописях. Неполная и оригинальная версия картулярия, которая хранится в Британской библиотеке в составе коллекции Вильгельма Петти, первого маркиза Лэнсдауна (Lansdowne 405), весьма качественно написанная на пергамене, содержит 65 фолио. В ее составе дошли документы, отразившие события XII–XIII вв., в частности послания, составленные в папской канцелярии от имени Урбана III (1185–1187), Климента III (1187–1191),

---

Монк Бреттон некоему Адаму, сыну Вильгельм Стюарда за 12 денариев серебром). URL: http://www.nationalarchives.gov.uk/a2a/records.aspx?cat=124-e7&cid=10-2-2#10-2-2. Нужно отметить, что в английской традиции слово dapifer переводится как «стюард», в то время как для французской традиции характерен перевод «сенешаль». *Du Cange Ch*. Glossarium Mediae et Infimae latinitatis. Niort : Favre, 1883–1887. T. 3. P. 8 ; *Niermeyer J.* Mediae Latinitatis Lexicon Minus. P. 301.

[16]Sheffield Archives. Deeds Wharncliffe Muniments. 404/1703, 405/1731 (1250–1920). URL: http://ww.nationalarchives.gov.uk/catalogue/displaycataloguedetails.asp?CATLN=6&CATID 7210339&j=1.

[17] Records of the Duchy of Lancaster. Records of the Chancellor and Council of the Duchy of Lancaster. Duchy of Lancaster: Deeds, Series L. 25/2189. URL: http://www.nationalarchives.gov.uk/catalogue/displaycataloguedetails.asp?CATLN=6&CATID 7210339&j=1.

Иннокентия III (1198–1216), ряд частных актов и решений местных церковных властей, материалы спора 1278 г. между Монк Бреттоном и Понтефрактом[18]. Впрочем, эти документы мало что дают для воссоздания ранней истории скриптория приората Монк Бреттона, так как картулярий, частью которого они являются, хотя и был составлен не позднее 1340 г. (последняя копия датируется 1336 г.), представлял собой не собрание оригиналов, а копийную книгу[19]. Правда, исследователь Дж. Дэвис, посвятивший картуляриям Монк Бреттона отдельную работу, датирует его, не приводя должной аргументации, XIII в.[20]

Более полная версия картулярия дошла в рукописи XVI в., подготовленной монахами приората Уильямом Уайтом (White) и Томом Уилкинсоном (Wilkinson)[21]. В настоящее время это Add. ms. 50755, хранящийся все в той же Британской библиотеке. Версия также написана на пергамене (ff. v+343, формат 270 × 210 мм), который местами подпорчен. Последние записи датируются 1558 г., но большая часть картулярия была, очевидно, составлена в 1529–1538 гг. (самая ранняя копия датируется 6 июля 1529 г.). Позже из нее были сделаны отдельные выписки: Dodsworth MS 155, ff. 25 sqq. (хранится в Бодлейянской библиотеке Оксфорда) и Lansdowne 207 d, fol. 283–296 (хранится в Британской библиотеке)[22].

Принимая во внимания сказанное выше, а также то обстоятельство, что до сих пор не существует критического издания документов приората Монк Бреттона, палеографический и дипломатический анализ нашего документа, определение хронологических рамок его составления и обстоятельств, вызвавших его к жизни, представляют определенный интерес[23].

***

Когда имеешь дело с частными актами, многие из которых не датированы, вопрос о времени составления документа принимает особую остроту. По замечанию профессора М. Жерверса, только в том случае,

---

[18] Наряду с другими 1244 манускриптами приобретена Британской библиотекой в 1807 г.

[19] *Purvis J. S.* New Light on the Cartularies of Monkbretton Priory. P. 67.

[20] *Davis G. R. C.* Two Cartularies from the West Riding // The British Museum Quarterly. 1961. Vol. 24, nr 3/4. P. 69, ref. 1.

[21] Очевидно, к процессу подготовки картулярия имели отношение еще два монаха — Хинчклиф (Hinchkliffe) и Тикхил (Tickhill), но их работа была в основном редакторской. См.: Ibid. P. 68.

[22] URL: http://images.crl.edu/282.pdf.

[23] Существует лишь издание выдержек из картулярия на английском языке. Abstracts of the Cartularies of the Priory of Monk Bretton / ed. J. W. Walker // Yorkshire Archaeological and Topographical Society. Leeds, 1924. Vol. 66. URL: http://books.google.ru/books?id=IMnzyKicKy4C&pg=PP7&lpg=PP7&dq=New+light+on+the+chartularies+of+Monkbretton+Priory&source.

если свидетели не дают нам ответ на вопрос о времени составления документа, последним аргументом остается формуляр[24]. Однако здесь возникает трудность, так как у историков есть достаточно примеров, когда переписчики, например в XV в., сохраняли верность лексике и формулам оригинала, что при чрезмерном увлечении последним может привести к неверной датировке[25]. Список свидетелей, разумеется, крайне важен, но при неустойчивости имен в этот период, примеры чего содержит и наша грамота, обращение к списку свидетелей позволяет установить не столько время составления самого документа, сколько время описанных в нем событий, тем более что прежний список свидетелей мог быть присоединен к позднейшей копии. По этой причине данные палеографии приобретают самостоятельную ценность, хотя и они далеко не всегда позволяют точно датировать документ. В свою очередь данные палеографии следует дополнять анализом списка свидетелей и формуляра документа. Одним словом, успех гарантирует только комплексный подход с привлечением разных приемов критики источника. Уместным все же представляется начать со списка свидетелей.

***

Имеющиеся в нашем распоряжении источники, например грамоты Понтефракта, позволяют, в общем и целом, составить представление о действующих лицах сделки, которую отразил наш документ[26]. Можно с большой долей уверенности утверждать, что некоторые из них, если не все, принадлежали к числу мелких рыцарей, хотя нельзя полностью исключать в их составе наличие зажиточных свободных крестьян, как это было характерно для соседнего Линкольншира. По замечанию известного английского историка Ф. Стентона, многие землевладельцы в этом регионе являлись потомками скандинавских поселенцев, переживших нормандское завоевание и внесенных в «Книгу Страшного суда» как сокмены[27].

---

[24] О датировке английских частных актов и связанных с ней проблемах см.: *Gervers M.* The Dating of Medieval English Private Charters of the Twelfth and Thirteenth Centuries. URL: http://www.utoronto.ca/deeds/pubs/doc2/page1a.htm.

[25] Ibid. URL: http://www.utoronto.ca/deeds/pubs/doc2/page1a.htm.

[26] The Chartulary of St. John of Pontefract. Vol. 1 / ed. R. Holmes // Yorkshire Archaeological Society. Record Series. 1899. Vol. 25. URL: http://archive.org/details/chartularyofstjo01pont ; The Chartulary of St. John of Pontefract. Vol. 2 / ed. R. Holmes // Yorkshire Archaeological Society. Record Series. 1902. Vol. 30. Index. URL: http://archive.org/details/chartularyofstjo02pont.

[27] Transcripts of Charters Relating to the Gilbertine Houses of Sixle, Ormsby, Catley, Bullington, and Alvingham / ed. F. Stenton // Lincoln Record Society. 1922. Vol. 18. P. XXXI–XXXII. URL: http://www.archive.org/stream/gilbertinetrans

Отметим сразу, в документе отсутствует представитель видной нормандской фамилии Лейси, земли которого граничили непосредственно с владениями самого приората[28]. Конечно, тому могло быть множество причин, но сделка, очевидно, не затрагивала его интересы напрямую, а бывшим владельцем этого имущества и одновременно непосредственным сеньором продавца выступал сам приорат. Продавец обещал гарантировать целостность акта за себя и наследников, причем согласие самих наследников или супруги в документе никак не засвидетельствовано[29].

Источники хранят молчание о продавце Вильгельме, от имени которого составлен документ, равно как и о его отце, Александре Беке из Карлтона (de Carletona), хотя нельзя полностью исключать, что оба они могли скрываться под другой фамилией или прозвищем. Впрочем, фамилия Александра — Бек (Bec) — небезынтересна, так как вполне могла иметь скандинавское происхождение (сандинавское bekkr — «ручей», «поток», к которому восходят и нормандское bec и современное немецкое Bach). Создается впечатление, что Александр, его сын Вильгельм, равно как их предшественники (antecessores mei), состояли в тесных связях прежде всего с приоратом Монк Бреттона, выступая держателями земельных угодий в поселении Карлтон, где располагалось отчуждаемое имущество (habuerunt et tenuerunt de predictis monachis). На тесную связь названных лиц именно с Монк Бреттоном указывает и то обстоятельство, что Александр Бек назван Александром из Карлтона, как если бы он был родом отсюда или владел здесь родовым имением.

Чаще всего в изученных нами документах упоминается некто Роберт де Стапильтон (Стапельтон, Стаплетон), которого можно с большой долей вероятности идентифицировать с первым свидетелем нашей грамоты. Известно, однако, что в Западном ридинге (Йоркшир делился на четыре административные единицы — ридинги — по сторонам света) проживало два Роберта. Первый умер около 1202 г. Ему наследовал Вильгельм де Стапельтон, отец второго Роберта де Стапельтона, умерший около 1220 г. Что же касается Роберта Стапельтона-внука, точные годы жизни которого, как это нередко бывает, неизвестны, можно полагать, что он был жив еще в 1255 г. Представляется, что именно второй Роберт выступал свидетелем грамоты из Архива СПбИИ РАН. С одной стороны,

---

00sixhuoft#page/n21/mode/2up. «Книга Страшного суда» — всеобщая перепись Англии, организованная в 1086 г. Вильгельмом Завоевателем.

[28] По всей видимости, им был Иоанн де Лейси (1192–1240), восьмой барон Халтона и граф Линкольна (с 1232 г.).

[29] «…Nec ego prefatus Willelmus non alquis heredum meorum in predictas terras vel possessiones cum pertinentiis aliquod jus vel clamum debemus ponere vel poterimus interrogare».

данные палеографии не позволяют нам с уверенностью отнести документ ко второй половине XII в., на который и приходится жизнь Роберта-деда. С другой стороны, в отличие от деда, который ни в одном известном нам документе не назван dominus, Роберт де Стапильтон-внук, правда, не всегда, появляется с таковым титулом, начиная с 1216 г., что можно было бы рассматривать как примерный terminus post quem нашей грамоты[30]. В документе сказано: «…teste domino Roberto de Stapiltona». Как показывает ряд исследований, появление титула dominus (или miles) указывало на высокий социальный статус и престиж его носителя[31].

Почти нет сомнений, что род Стапильтонов происходил и, возможно, владел как своим родовым имением виллой Стапильтон около Понтефракта, т. е. был связан не столько с местными общинами около Монк Бреттона, сколько с зажиточными землевладельцами всего Западного ридинга Йоркшира[32]. Возможно, не случайно представители этой фамилии появляются в качестве дарителей в пользу разных религиозных учреждений, расположенных в графстве Йоркшир. Например, некто Роберт де Стапильтон назван в качестве дарителя местечка Арнли аббатству в Киркстеле (около Лидса). Документ, впрочем, не датирован[33]. Несколько дарственных грамот было составлено в пользу Понтефракта от имени Роберта де Стапильтона-деда между 1150–1190 гг.[34]

Очевидно, именно наш Роберт выступал свидетелем в ряде грамот, составленных уже в следующем, XIII столетии. Так, в 1216 г. наряду с Гуго Батлером, по прозвищу «Виночерпий» (Pincerna), который являлся, к слову сказать, сенешалем графа де Лейси, он удостоверял грамоту некоей Агнес, дочери Роджера Ледистона[35]. Все тот же Роберт де Стапильтон назван в качестве свидетеля грамоты одной из дочерей Гуго Батлера,

---

[30] The Chartulary of St. John of Pontefract. Vol. 2. Nr 283 (1216), 285 (1216), 289 (1248) и др. Ср.: Nr 238 (1180), 241 (1180), 390 (1200). Правда, есть ряд документов, где Роберт Стапильтон фигурирует без определения dominus: Ibid. Nr 274 (1238), 276 (1238), 357 (1238). Однако последние примеры все же представляются нам исключением, тем более что определение dominus ранее 1216 г. применительно к фамилии Стапильтон не засвидетельствовано вообще.

[31] *Dace R.* Lesser Barons and Greater Knights: the Middling Group within the English Nobility c. 1086-c. 1265 // The Haskins Society Journal. 2002. Vol. 10. P. 70.

[32] Cartularium Prioratus de Gysburne. T. 1–2 / ed. W. Brown // Publications of Surtee Society. Durham : Andrews and Co. 1889. Vol. 86. T. 1. P. 52, ref. 1.

[33] *Baxter J.* An historical account of Kirkstal Abbey near Leeds in Yorkshire. Leeds, 1773. P. 7. URL: http://www.archive.org/stream/historicalaccoun00leediala/historicalaccoun00leediala_djvu.txt.

[34] EYC. Vol. 3. Nr 1499, 1758, 1778 и др.

[35] The Chartulary of St. John of Pontefract. Vol. 2. Nr 285.

составленной между 1240–1246 гг.[36] В 1246–1255 гг. Роберт, приор Ностела (Nostell), что в том же Западном ридинге Йоркшира, предоставил Роберту де Стапильтону навоз 240 овец, пастбище для которых вместе с загоном младший Роберт ранее уступил приорату в Ностеле с пастбища поселения Кадворт (Cudworth)[37]. От имени Роберта де Стапильтона-внука между 1230–1250 гг. была составлена грамота, подтверждавшая дар трех акров в Cudworth, совершенный неким клириком из местечка Хорбури (Horbury) в пользу монахов Монк Бреттона[38].

Нельзя исключать, что тот же Роберт избирался членом суда присяжных от графства, что явно свидетельствует о его высоком статусе и авторитете. В таковом качестве он выступает в судебном разбирательстве о незаконном лишении владения (disseisina), имевшем место в Йоркшире в 1235–1236 гг. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что он, возглавив собой список, оказался единственным среди членов жюри, названным по имени: juratores dicunt, scilicet Robertus de Stapeltona et alii[39]. Несмотря на то, что в источнике Роберт назван не Стапильтоном, как в нашем документе, а Стапельтоном, это не должно нас смущать, принимая во внимание неустойчивость имен в этот период вообще[40].

Следующий свидетель в списке, Роджер де Ноттон, происходил из рода Ноттонов, один из представителей которого, Гильберт де Ноттон, несколько раз упоминается на страницах издания В. Фаррера «Ранние грамоты Йоркшира». Названный Гильберт между 1190–1210 гг. в качестве благочестивого дарения отчуждает монахам в Монк Бреттоне право пасти скот на своем пастбище (pastura). В другом документе он выступает как даритель земли в пользу Адама, слуги приора Монк Бреттона Вильгельма, в местечке Карлтон, в приходе Ройстон. Грамота датируется 1185–1211 гг.[41] Иными словами, этот землевладелец был тесно связан с местной религиозной общиной. По всей видимости, прав Р. Холмс, автор исследования о дворянских родах Йоркшира, предположивший, что автор одной из ранних недатированных йоркширских грамот, некто Роджер Ноттон, который родился в начале 1190-х гг. и умер между 1240–1241 гг., был

---

[36] *Paley W*. Baildon, «Notes on the early Saville pedigree and the Butlers of Skelbrook and Kirk Sandal», Section III // Yorkshire Archaeological Journal. 1929. Vol. 29. P. 74. URL: http://www.medievalgenealogy.org.uk/sources/saville.

[37] EYC. Vol. 3. Nr 1540.

[38] Ibid. Nr 1540.

[39] Bracton's Note Book. Vol. 1–3 / ed. F. W. Maitland. Cambridge : C. J. Clay & Sons, 1887. Vol. 3. Nr 1169.

[40] The Chartulary of St. John of Pontefract. Vol. 2. Nr 283: domino Roberto de Stapiltona (1216) ; Nr 553: domino Roberto de Stapeltona (1251). Издатель Р. Холмс поместил их всех под одной рубрикой — «Стаплетоны».

[41] EYC. Vol. 3. Nr 1716, 1717.

сыном Гильберта де Ноттона[42]. Думается, что составить грамоту от своего лица Роджер мог, лишь будучи совершеннолетним или, во всяком случае, достаточно взрослым. Все это позволяет нам датировать и наш документ первыми десятилетиями XIII в.

Третьим свидетелем является некто Радульф де Рош (Rupe). Речь идет, скорее всего, о лице, нередко появлявшемся на страницах документов, составленных в пользу Монк Бреттона. Так, он выступал свидетелем грамоты Роджера де Монбегона (Montebegonis), оформлявшей права на лес в местечке Хоулкомб (Holecumbe) в графстве Линкольншир в пользу приората Монк Бреттона. Роджер де Монбегон, внук Адама, сына Свейна (сын Адама де Монбегона и Матильды, дочери Адама), был одним из участников мятежа баронов против Иоанна Безземельного в 1215 г. и умер вскоре после 1227 г.[43] Радульф де Рош выступал свидетелем дара манора Альберо (Alberthuait), совершенного Иоанном Ньюмарком (de Novomersato) в 1239 г. в пользу все того же приората в Монк Бреттоне[44]. Радульф де Рош наряду с Роджером де Ноттоном упомянут в дарственной грамоте Гальфрида (Galifridi) де Невилла (de Neville) и его жены Мэйбл в пользу все того же Монк Бреттона[45]. Несмотря на то, что эта грамота, как и все грамоты в издании В. Дагдейла «Monasticon Anglicanum» не датирована, генеалогические таблицы показывают, что речь идет о правнучке Адама, сына Свейна[46]. Мэйбл и Джеффри де Невилл упомянуты в протоколе судебной тяжбы как участники спора с Климентиной Лунгвиллер (Lungvillers), сестрой Мэйбл. Документ датируется 1232 г.[47] Можно указать еще на ряд грамот приората Понтефракта, в которых Радульф упоминается в качестве свидетеля, но все они не датированы[48]. Более чем вероятно, что мы имеем дело все с тем же человеком и в споре о праве предоставления клирика на приход (advocatio), который слушался перед королевскими судьями именно в Йоркшире в 1217 г. В документе сказано, что некто Радульф де Рош действовал как поверенный (атторней) семьи Mauley (de Malo Lacu), Петра и его жены Изабеллы, что свидетельствует о его авторитете[49].

---

[42] URL: www.notton.org.uk/notton_village_through_the_ages.htm.

[43] EYC. Vol. 3. P. 318.

[44] *Dugdale W*. Monasticon Anglicanum. Vol. 5. Nr 4.

[45] Ibid. Nr 7.

[46] The Chartulary of St. John of Pontefract. Vol. 2. P. 26–27 ; EYC. Vol. 3. P. 318.

[47] Yorkshire Inquisitions of the Reigns of Henry III, and Edward I. Vol. 1–2 / ed. W. Brown // Yorkshire Archaeological Society. Record Series. Leeds, 1892. Vol. 23. URL: http://www.archive.org/stream/recordseries12yorkuoft/recordseries12yorkuoft_djvu.txt.

[48] The Chartulary of St. John of Pontefract. Vol. 2. Nr 389, 393, 532.

[49] Bracton's Note Book. Vol. 3. Nr 1339. Фамилия, очевидно, французского происхождения и может быть связана с виллой Maulay к северу от Пуатье.

Остальные свидетели находят отражение в доступных нам источниках лишь спорадически. Например, некто Вильгельм де Ройстон упомянут дважды в издании В. Фаррера. Сначала как свидетель грамоты Иоанна Малерба (Malherbe) и его жены Матильды, дочери Адама, сына Свейна. Однако названная грамота была составлена сравнительно рано (1172–1181)[50]. Второй раз Вильгельм упоминается в грамоте Адама, сына Петра, составленной между 1183–1185 гг. в пользу все того же приората Монк Бреттона. Наконец, человек с тем же прозвищем фигурирует как свидетель грамоты уже упомянутого Роджера де Ноттона, дошедшей в составе картулярия в Понтефракте, которая, можно полагать, была составлена не раньше 1210 г. Если мы имеем дело с одним и тем же лицом, что вероятно, поскольку все эти акты относились к Монк Бреттону, названный Вильгельм был уже весьма пожилым человеком к моменту составления грамоты из Архива СПбИИ РАН.

Об Иордане де Рорестоне сведений вообще найти не удалось. Мы не можем сказать наверняка, являлись ли Вильгельм и Иордан родственниками (поскольку они разделены в списке Стефаном, клириком из Карлтона[51]), но их точно объединяла принадлежность к одной деревне — Рорестон, а их владения лежали в непосредственной близости от приората Монк Бреттона и владений Вильгельма, сына Александра Бека. Что же до местоположения поселения, то несложно установить, что речь идет о деревне Рорестон «Книги Страшного суда» (Rorestone, Rorestune) и современном приходе и городе Ройстон. В названном селении находилась церковь, зависевшая от приората[52].

Подводя итог, можно утверждать, что все упомянутые в документе лица состояли в довольно тесных связях с приоратом, были знакомы друг с другом, а сама сделка затрагивала интересы каждого из них, что и потребовало их присутствия в качестве свидетелей. Смерть Вильгельма де Стапильтона, которому наследовал Роберт около 1220 г., равно как и смерть Роджера де Ноттона около 1241 г., позволяет датировать грамоту 1220–1230 гг., причем первая дата кажется более предпочтительной. Данные палеографии также свидетельствуют в пользу именно такой датировки.

***

Можно утверждать, что до сих пор не выработана ни единая типология письма документов XII–XIII вв., ни единая терминология[53]. Несмотря на

---

[50] EYC. Vol. 3. Nr 1679.

[51] Возможно, он был помощником священника, а то и самим священником. *Moorman J. H. R.* Church Life in England … P. 57–58.

[52] См. рецензию А. Х. Томпсона на книгу Дж. Эванса: *Thompson H.* The Romanesque Architecture of the Order of Cluny by Joan Evans (rev.) // English Historical Review. 1940. Vol. 55, nr 217. P. 110–112.

[53] *Smith M. H.* Les «gotiques documentaires»: un carrefour dans l'histoire le l'écriture latine // Archiv für Diplomatik. 2004. Bd. 50. P. 417–467. Постановка проблемы: P. 417–420. Там же обширная библиография.

то, что в столь ранний период еще не проводили четких различий между письмом документов и письмом книг, письмо нашего документа относится скорее к канцелярскому каллиграфическому курсиву[54]. Стоит сразу отметить, что наша грамота, если она действительно вышла из скриптория Монк Бреттона, отражает сравнительно ранний этап эволюции подобного типа письма. Сказанное подтверждается при сопоставлении манеры письма нашего документа с той, что характерна для уже упоминавшейся грамоты Адама, которую можно датировать, по всей видимости, второй четвертью XIII в.[55] Большим подспорьем в работе оказалось диссертационное исследование В. И. Мажуги о почерках в латинском письме, где анализу письма документов уделяется довольно много внимания, а также специальное исследование о готическом письме книг А. Дероле, полезное в той части, где речь идет о раннем готическом письме.

Обращает на себя внимание форма заглавных букв R, D, которые состоят как бы из двух элементов, придающих известную декоративности всей букве (имена собственные в седьмой и восьмой строках). Такая форма практически не характерна для XII в. Об этом же свидетельствует и эволюция написания указанных букв в немецких документах[56]. Весьма показателен такой элемент унциальной буквы d, как «петля» между нижним элементом буквы и окончанием выносной вертикали, которая есть не что иное, как следствие бокового (воздушного) хода пера. Писец, завершая нижний элемент буквы, продолжал вести перо (предлог de в первой и восьмой строках, слово predictis в седьмой строке), причем уже в сравнительно ранних документах такой ход пера мог быть вполне выраженным[57]. В нашей грамоте, однако, боковой ход пера заметен далеко не везде (например, почти не читается в словах sursumredditio и heredibus в шестой строке). Можно указать и на систематические «коленца» вправо в крайнем вертикальном элементе букв n и m (слово Carleton в четвертой и восьмой строках, слово ejusdem в четвертой строке), что более свойственны документам XIII в., а в документах XII в. представлены

---

[54] *Люблинская А. Д.* Латинская палеография. М. : Высш. шк., 1969. С. 121 ; *Киселева Л. И.* Готический курсив XIII–XV вв. Л., 1974.

[55] См. сноску 15. Автор выражает признательность сотруднику архива графства Большой Манчестер в г. Манчестере (Greater Manchester County Record Office) м-ру Т. Лизу за предоставленную репродукцию грамоты. Впрочем, ее точная датировка затруднена.

[56] *Heinemeyer W.* Studien zur Geschichte der gotischen Urkundenshrift. Köln : Böhlau, 1982. Таблицы.

[57] Наличие петель (следствие воздушного хода пера) как признак развитого канцелярского курсива отмечено: *Мажуга В. И.* Почерк в латинском письме конца VIII – середины XIII века : дис. … канд. ист. наук. Л., 1979. С. 172–173, 177 ; *Люблинская А. Д.* Латинская палеография. С. 122, 126.

лишь отдельными почерками[58], выполняемыми справа налево. Вместе с тем в ряде случаев такое завершение не прослеживается вообще.

Однако больше в документе элементов, которые выдают его генетическое сходство с предшествующим периодом. Так, для документов XIII в. отличительной чертой является знак контракции, который при беглом письме представлял собой жирную и заметную черту над сокращаемым фрагментом, что несвойственно документу из Архива СПбИИ РАН[59]. Унциальную d характеризует вытянутая вертикаль, а сама она выписана без столь характерного для развитого курсива нажима, чего нельзя сказать о форме той же буквы в грамоте из Манчестера. Хорошо читаются и столь типичные для раннего письма «расщепы» вертикалей. Этот элемент прослеживается у англо-нормандских писцов чуть ли не с XI в. Его появление стало следствием обоюдного изменения манеры держать писчий инструмент и наклона пишущей поверхности (см. рис. 1, особенно слово Alex в третьей строке)[60]. «Расщеп» исчезает по мере того, как буквы все явственнее начинают наклоняться влево, но в нашем документе единая динамика отсутствует, что в очередной раз сближает его с книжным письмом[61].

Не присуще письму нашей грамоты и манера, которую А. Дероле определил как «бифуркация», т. е. появление хорошо читаемых «хвостов» или «петель» по обе стороны выносных вертикалей в буквах b, l, h[62]. Можно указать и на особенность начертания вертикалей букв m и n, для которых характерны небольшие «коленца», завершающие собой такие вертикали. Отмеченная особенность характерна именно для «готического» письма, но исчезает как раз в XIII в. Вертикали начертаны с одинаковым нажимом, в то время как в XIII в. такие вертикали истончаются по направлению сверху вниз[63].

Информативна и представленная в XII–XIII вв. двумя способами начертания буква s: «вытянутая» и «круглая». Доминирование «круглой» формы буквы s в конце слов — особенность позднего письма документов — почти нехарактерно для грамоты из Монк Бреттона, где такая «круглая» s представляет собой исключение, а не правило[64]. «Круглая» s в финальной позиции весьма распространена в документах 1230–1240 гг., но можно указать на грамоту, оформившую уступку земли неким Фульком

---

[58] *Мажуга В. И.* Почерк в латинском письме … С. 173.

[59] *Люблинская А. Д.* Латинская палеография. С. 126.

[60] *Мажуга В. И.* Почерк в латинском письме ... С. 180.

[61] Там же. С. 165.

[62] *Derolez A.* The Paleography of Gothic Manuscript Books. From the Twelfth to the Early Sixteenth Century. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. P. 136.

[63] *Мажуга В. И.* Почерк в латинском письме … С. 159.

[64] Система Г. И. Лифтинка. См.: *Derolez A.* The Paleography of Gothic Manuscript Books. P. 75.

Байнардом (Baignard) Ричарду, которую он некогда получил от отца Фулька как приданое за сестрой Фулька-сына. Грамоту можно датировать 1210–1220 гг.[65] Однако и буква s в финальной позиции в грамоте из Монк Бреттона тоже свидетельствует скорее о раннем времени составления нашего документа, будучи тщательно выписанной в несколько приемов, в то время как в грамотах второй трети XIII в. такая «круглая» s начертана бегло и по форме похожа на «сигму».

Можно отметить, что «вытянутая» s весьма типична для документов второй половины XII в., а приметной чертой является пересечение ее вертикалью базовой линии, иногда сопровождавшейся в основании коленцем (слово possessiones в третьей строке)[66]. Напротив, в большинстве документов XIII в. эта буква пишется более небрежно и, как правило, стоит уже на базовой линии. В почерке нашего писца можно усмотреть тенденцию именно к такому начертанию буквы, однако говорить можно только о тенденции. Например, первая буква s в слове presentes в первой строке документа четко пересекает базовую линию, в то время как последняя в слове concessi в той же строке четко стоит на базовой линии. Сказанное позволяет нам с большой долей вероятности датировать документ первыми десятилетиями XIII в. Возможно, самое позднее 1220-ми гг. Как мы уже могли убедиться, список свидетелей подтверждает наши догадки.

***

В отличие от данных палеографии и просопографии, формуляр документа дает нам меньше информации о времени его составления, но и он заслуживает внимания как источник сведений по дипломатике частных актов. В целом грамота отражает те изменения, которым подверглись грамоты-приказы (writ-charter), свойственные англо-нормандскому периоду английской дипломатики (до начала XIII в.). Два рода документов можно признать типичными: грамоты наделения фефами (feoffments), а также их производные, в частности акты возвращения имущества (surrender), акты отказа от прав (quit-claim), и «конвенциональные», договорные грамоты (среди них финальные судебные соглашения, грамоты о возмещении ущерба, взаимные клятвенные обязательства, долговые обязательства-бонды)[67]. Наша грамота, без сомнения, принадлежит к первой

---

[65] Registrum Antiquissimum of the Cathedral Church of Lincoln. T. 4 / ed. C. W. Foster & K. Major // The publications of Lincoln Record Society. 1935. Vol. 29. Nr 1404 (1210–1220).

[66] Такого рода коленца фиксируются в англо-нормандских документах в середине XII в. *Мажуга В. И.* Почерк в латинском письме … С. 170.

[67] *Hall H.* Studies in English official historical documents. Cambridge : Cambridge University Press, 1908. P. 245–246.

группе документов, так как удостоверяла факт установление владельческих прав на имущество и содержала отказ от таковых со стороны прежнего владельца.

Благодаря исследованию Ф. Стентона, изучившего документы Линкольншира, графства, граничащего с Йоркширом, мы получаем возможность включить формуляр нашего документа в более широкий контекст. Так, Ф. Стентон обратил внимание на формулы приветствия, например «моим верным» или «моим людям и друзьям». Они позволяют с большой долей вероятности датировать документ XII в. Весьма характерной для раннего периода была формула «noverit universitas audientium», которая свидетельствует о том, что грамоты зачитывались перед собравшимися и главным был не документ, а как раз показания свидетелей[68]. Документы Бургундии и Франш-Конте показывают, что такая формула была распространена в германоязычных частях империи[69]. В многочисленных документах Северной Англии чаще, однако, можно встретить другую формулу: «omnibus visuris et audituris». Впрочем, для точной датировки грамот она дает не так много, поскольку широко употреблялась в документах XII–XIII вв.[70] С ней, в известной мере, смыкается и появившаяся в документах все тех же Бургундии и Франш-Конте где-то в начале XIII в. формула «omnibus inspecturis tam presentibus quam futuris», т. е. «всем, кто сможет прочитать грамоту», что свидетельствует о явном росте авторитета письменного слова и грамотности[71]. Напротив, формула, которой начинается наша грамота, — «знайте, присутствующие и будущие, что…» — очень старая и характерна для документов не только XII или XIII в., но и для грамот донормандской эпохи[72]. Однако М. Жерверс, обстоятельно рассмотрев более тысячи документов, составленных в Эссексе и вошедших в Большой картулярий госпитальеров в 1442 г., отметил, что близкая нашей формула «sciant quam presentes tam futur» все же крайне редко употребляется после 1240 г.[73] Ф. Стентон обратил внимание еще на одну формулу: «печать

---

[68] *Мажуга В. И.* Грамоты цистерцианских аббатств Бургундии и Франш-Конте (1203–1290) // Рукописные источники по истории Западной Европы в архиве ЛОИИ СССР : археогр. сб. Л. : Наука, 1982. С. 37–82. О формуляре грамот см.: Там же. С. 60.

[69] Там же. С. 61.

[70] EYC. Vol. 3. Nr 145, 146, 292, 342 и т. д. The Chartulary of St. John of Pontefract. Vol. 2. Nr 234 (1210), 244 (1244), 252 (1216).

[71] *Мажуга В. И.* Грамоты цистерцианских аббатств … С. 62.

[72] Transcripts of Charters … P. XVIII. URL: http://www.archive.org/stream/gilbertinetrans00sixhuoft#page/n21/mode/2up.

[73] *Gervers M.* The Dating of Medieval English Private Charters ... URL: http://www.utoronto.ca/deeds/pubs/doc2/page1a.htm.

свою приложил к документу» («scripto sigillum meum apposui»)[74]. Хотя эта формула и становится нормой со второй четверти XIII в. (по данным М. Жерверс, с 1225 г.), уже в конце XII в. получает широкое распространение практика, когда даже свободные крестьяне скрепляют печатями документы, составленные от их имени[75]. Следовательно, и она не дает нам надежных ориентиров для датировки документа, кроме как рубежом XII–XIII вв.

Грамота составлена от лица непосредственного продавца и не содержит указания на согласие родственников (жены или наследников). По замечанию Ф. Стентона, такого рода согласие нередко можно встретить в грамотах XII в., но по мере того, как сам даритель (продавец) гарантировали за себя и своих наследников целостность дара (несомненно, здесь свою роль играло и общее усиление административной власти английских королей на местах), специальное указание на согласие членов семьи исчезает в документах[76]. Описание имущества в грамоте носит общий характер и, по замечанию все того же Ф. Стентона, гораздо ближе практике XII в., когда не было принято давать подробное описание имущества вплоть до отдельного участка[77]. Как правило, все ограничивалось указанием места его расположения. В нашем документе так и сказано: «…в вилле Карлтон и в окрестностях виллы» («…in villa Carlentona et in territorio ejusdem ville»).

Для датировки грамоты, однако, было бы любопытно обратиться к двум глаголам и производным от них существительным: sursumreddere (sursumredditio) и quietumclamo (quietumclamatio). Эти слова, типичные именно для английских документов, обозначают возвращение имущества в руки непосредственного сеньора, который его прежде и предоставил. Однако в такой форме написания они встречаются в латиноязычных английских источниках не ранее 1254 г.[78] Так стоит ли полагать, что

---

[74] Transcripts of Charters ... P. XXVIII. URL: http://www.archive.org/stream/gilbertinetrans00sixhuoft#page/n21/mode/2up.

[75] Ibid. P. XXX. Действительно, существует немало поздних примеров: Chartularium abbathiae de Novo Monasterio ordinis Cisterciensis. T. 1–2 / ed. J. Fowler // Publications of Surtees Society. 1876. Vol. 66. T. 1. P. 138–139: «sigilli mei impressione eam roboravi» (1247); «testatur per sigilli sui appositionem» (1250) ; Cartularium prioratus de Gyseburne. Vol. 1. Nr 218: «scripto sigillum meum apposui» (1251) ; Nr 240: «hanc cartam in hujus rei testimonio ei dedi sigillo meo signatam» (1234–1251). См. также: The Chartulary of St. John of Pontefract. Vol. 1. Nr 227 (1189–1214), 254 (1190–1200), 255 (1194–1199).

[76] Transcripts of Charters … P. XVIII–XIX.

[77] Ibid. P. XIX. Этого же мнения придерживается и М. Жерверс: *Gervers M.* The Dating of Medieval English Private Charters ... URL: http://www.utoronto.ca/deeds/pubs/doc2/page1a.htm.

[78] *Latham R*. Revised of Medieval Latin Word-List from British Sources. London, 1965. P. 388, 470 ; *Baxter J. H*., *Johnson Ch*. Medieval Latin Word-List from British and Irish Sources. London, 1950. P. 345, 418.

данные палеографии и просопографии нас подводят? По всей видимости, в тексте документа автор, должно быть, не очень уверенно, написал их так, как это, по-видимому, и было принято в начале XIII в.: sursum reddo и quietum clamo, т. е. раздельно (см. рис. 1). Примеров же такого написания достаточно в грамотах, составленных в разное время[79]. Впрочем, не исключено, что составители словарей просто не смогли учесть весь корпус сохранившихся документов, так что интересующие нас слова в таком их написании появляются еще раньше.

Остается открытым вопрос о доказательной силе самой грамоты. Как и во многих аналогичных документах, формула отчуждения представлена глаголами в прошедшем времени: concessi, quietumclamavi, sursumreddidi. Сам по себе документ скорее свидетельствовал предшествующий акт, который и так имел юридическую силу, поскольку в этом обществе еще были сильны традиции бесписьменной, формализованной передачи имущественных прав[80]. Так, например, А. Дюма утверждает, что без символических процедур сама сделка вряд ли считалась совершенной. Даже когда речь шла о грамоте, которую поднимали или передавали, нередко имелся в виду простой кусок пергамена, который сам по себе служил символом прочности сделки[81].

Столь же распространенным можно признать и обязательство продавца за себя и наследников не вчинять иск и не требовать свое право в отчуждаемом имуществе. Формулы такого отказа могли быть разными; например, в документах можно встретить специфический термин warantizare (несомненно, восходящий к корню со значением война (guer)), которым обозначали гарантию от посягательств любых третьих лиц (contra omnes homines) с обязательством возмещения ущерба. В грамотах Понтефракта эта формула фиксируется, пожалуй, только с XIII в., но при этом встречается с завидным постоянством[82].

---

[79] *Du Cange Ch*. Glossarium ... Vol. 7. P. 679 ; *Niermeyer J. F*. Mediae Latinitatis Lexicon Minus. P. 879 ; The Chartulary of St. John of Pontefract. Vol. 2. Nr 146 (1160–1175), 123 (1173), 233 (1210), 249 (до 1216) и др.

[80] Transcripts of Charters … P. XVII.

[81] *Dumas A*. Études sur le classement des formes des actes // Moyen Age. 1933. Vol. 43. P. 33. О пустом куске пергамена, правда снабженном королевской печатью, как документе, имеющем юридическую силу: *Гуревич А. Я*. Роль королевских пожалований в процессе феодального подчинения английского крестьянства // СВ. 1953. Вып. 4. С. 49–72.

[82] The Chartulary of St. John of Pontefract. Vol. 2. Nr 243 (1226), 244 (1244), 246 (1244) и др. Примерно также датирует появление этой формулы и М. Жерверс: *Gervers M.* The Dating of Medieval English Private Charters … URL: http://www.utoronto.ca/deeds/pubs/doc2/page1a.htm.

***

Что касается обстоятельств появления документа, то с виду мы имеем дело с обычным актом купли-продажи, который, что случалось нередко, мог быть ничем иным, как завуалированным компромиссом по итогам судебного спора, об этом наш документ позволяет строить догадки, поскольку в нем содержится пусть и стандартная, но весьма красноречивая формула «quietum clamare». Обращает на себя внимание слишком маленькая сумма, за которую приоратом были выкуплены владения, всего пять солидов серебром. В XIII в. столько стоила корова или три-четыре овцы, за пять солидов в год можно было снимать небольшую постройку (коттедж)[83]. Более того, при Генрихе III (1216–1272) наблюдается рост цен, так что квартер пшеницы стоил 20 шиллингов (т. е. солидов)[84]. За марку серебра некоторые клирики подделывали документы крестьян Северной Англии в XII в., и эта сумма считалась незначительной[85]. Возможно, что небольшой размер продаваемого имущества объяснял его невысокую цену. То обстоятельство, что мы не находим Вильгельма или его отца в параллельных документах, косвенно может свидетельствовать о том, что объем принадлежавшего ему имущества мог не превышать нескольких акров. И примеры подобного рода у нас есть.

Так, в сборнике ранних грамот Йоркшира издан документ, засвидетельствовавший передачу приором Вильгельмом и братией участка с постройками (toftum) и нескольких акров земли в разных местах все той же виллы Карлтон (приход Ройстон) некоему Адаму, названному в источнике обтекаемым словом famulus (Ade famulo)[86]. Адам обязывался уплачивать ежегодно четыре солида и восемь денариев, внося платеж на Пятидесятницу и в день Св. Михаила. Имущество передавалось со статусом наследственного феода: in feudo et hereditate[87]. При этом часть имущества

---

[83]Цены и тарифы см.: *Zupko K. E.* British Weights and Measures. A History from Antiquity to the Seventeenth Century. Madison : University of Wisconsin Press, 1977 ; *Hodges K.* List of Prices of Medieval Items. URL: http://www.luminarium.org/medlit/medprice.htm.

[84] *Михалевский Ф. И.* Очерки истории денег и денежного обращения. Л. : Госфиниздат, 1948. Т. 1 : Деньги в феодальном хозяйстве. С. 197. Судя по современной системе мер и весов, квартер пшеницы составляет 291 л, что примерно соответствует той же массе в килограммах. Иными словами, имущество Вильгельма равнялось массе пшеницы в размере 50–60 кг (5 : 20).

[85] *Postles D.* Country Clerici and the Composition of English Twelfth- and Thirteenth-Century Charters. P. 35.

[86] О значении слова famulus см.: *Niermeyer J. F.* Mediae Latinitatis Lexicon Minus. P. 409.

[87] EYC. Vol. 3. Nr 1819: «…dedi concessi et… confirmavi Ade famulo nostro filio Willelmi de Snithale et heredibus suis terram illam in Karleton que fuit Roberti filii Laising cum omnibus pertinentiis suis…»

некогда принадлежала предшественникам Адама, а часть выделялась из домена приората (de dominio nostro).

Очевидно, аналогичным образом дело обстояло и с Вильгельмом. Иными словами, Вильгельм владел только частью виллы, а сама эта ситуация являлась типичной для Англии XIII в., когда «…вотчины субдержателей мельчали, дробились на части, каждая из которых превращалась в самостоятельную вотчину»[88]. Клюнийцы, которые не пользовались услугами конверсов (так называемых «бородатых братьев» — лиц, не принявших постриг, но живущих в монастыре и выполняющих хозяйственные работы), а сами скорее тяготели к духовной жизни, для более эффективного управления хозяйством предпочитали сдавать имущество для собственного обеспечения, например, в форме наследственной аренды[89]. В другом документе прямо сказано о продаже имущества размером всего в полакра (unam dimidiam acram) за сумму в семь «чистых» солидов: «pro hac venditione… dedit septem solidos sterlingorum»[90].

Более интересен документ с точки зрения эволюции монастырского домениального хозяйства. Дело в том, что вилла Карлтон систематически упоминается в грамотах Монк Бреттона. Дело осложняется тем, что можно указать, по меньшей мере, на четыре поселения (township, village), объединенных общим названием «Карлтон» (Carletuna, Karletuna, Carletona) в вапентеках (мелкие административные единицы в ряде северных английских графств) Эгбриг (Agbrigg), Морли (Moreleia, совр. Morley), Стейнкросс (Steincross) и, наконец, недалеко от Понтефракта. Нам представляется, что именно Карлтон в вапентеке Стейнкросс может считаться тем населенным пунктом, о котором идет речь в нашей грамоте[91].

В подтверждение выдвинутого предположения можно указать на грамоту Адама, основателя приората, где сказано, что он отчуждает некое поселение Карлтон и церковь в Ройстоне, несомненно Rorestuna нашей грамоты, в пользу Монк Бреттона. Документ датируется 1155–1159 гг.[92] Далее, уже упоминавшийся свидетель нашей грамоты, Роджер де Ноттон,

---

[88] *Барг М. А.* Исследования по истории английского феодализма XI–XIII вв. М. : Наука, 1962. С. 123.

[89] Нужно помнить, что феод в Англии просто наследственное имущество, не имеющее прямого отношение к военной службе. *Барг М. А.* Исследования … С. 161 ; *Joüon des Longrais F.* La conception anglaise de la saisine du XIIe au XIVe siècle. Études de droit anglais. I. Paris : Jouve, 1924. P. 237.

[90] The Chartulary of St. John of Pontefract. Vol. 2. P. 331. Nr 246 (1244).

[91] Карлтон расположен ныне в Южном Йоркшире, муниципалитет Барнсли, крупный производственный центр, с развитой горнодобывающей и угольной промышленностью. Имеется также две церкви и капелла. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Carlton%2C_South_Yorkshire.

[92] EYC. Vol. 3. Nr 1668. В последующем дар был подтвержден Урбаном III в 1186 г. См.: *Dugdale W.* Monasticon Anglicanum. Vol. 5. Nr 11.

очевидно, происходил из поселения Ноттон (Notton), соответствующего, вероятно, Netone в «Книге Страшного суда» и расположенного в том же вапентеке Стейнкросс к северу от Карлтона и Монк Бреттона. По данным «Книги Страшного суда», это единственное в Йоркшире поселение с таким названием[93]. Более чем вероятно, что его владения в Ноттоне граничили с Карлтоном, которые Вильгельм отчуждал в пользу приората в Бреттоне[94].

Представляется сомнительным отождествление этого поселения с Карлтоном, лежащим неподалеку от Лидса (Sceptone et Carlentone в «Книге Страшного суда»)[95]. Несмотря на то, что в этой вилле несколько карукат держал Эльрик от Ильберта де Лейси и, вероятно, приходился Адаму дедом, территориально эта вилла отстоит слишком далеко от Монк Бреттона[96]. Так что речь идет, по всей видимости, о Карлтоне, поселении, располагавшемся к северу от приората Монк Бреттона и к югу от Ройстона и Ноттона в вапентеке Стейнкросс. Близость поселения Ноттон, очевидно, объясняет, почему Роджер де Ноттон назван в списке вторым, хотя более влиятельными свидетелями были, несомненно, первый свидетель — Роберт де Стапильтон и третий — Радульф де Рош.

Названное поселение фигурирует и в грамотах, составленных от имени мужей Матильды, дочери Адама. Любопытно, что во всех документах дарители уступают монахам Монк Бреттона не всю виллу Карлтон, а ее «полную» половину («concedimus… plenariam medietatem»). При этом дарители всякий раз оговаривают, что уступаемую половину они получили как наследственное имущество Матильды во время бракосочетания («pertinent ad portionem meam ex hereditario… filie quam legitimo mihi desponsavi conjugio»). То, что речь идет именно о нашей вилле, подтверждается постоянными ссылками на деревню и половину церкви в местечке Ворестон. Грамоты датируются 1159–1182 гг.[97]

Как показывают две другие грамоты, составленные от имени внучки и правнучки Адама, а именно Сары и Мэйбл, чьи мужья, Томас де Бург

---

[93] Notton // The Domesday Book Online. URL: http://www.domesdaybook.co.uk/westriding.html.

[94] Почти наверняка Карлтон входил в манор Бреттон, действительно, граничивший с манором, центром которого являлось поселение Ноттон. The Chartulary of St. John of Pontefract. Vol. 2. P. 399.

[95] Domesday Book seu Liber censualis Willelmi Primi : 4 vols. / ed. by A. Farley and H. Ellis. 1783–1816. Vol. 1. 317v.

[96] Каруката (от caruca — тяжелый плуг) первоначально отражала количество пашущих плугов в домене и земле держателей (карук), но, как и гайда, в рассматриваемый период являлась фискальной единицей. Обстоятельно этот вопрос освещен: *Round J. H.* Feudal England. Cambridge : Swan Sonnenschein & Co, 1895. P. 34, 36, 65 ; *Maitland F. W.* Domesday Book and Beyond. Cambidge : Cambridge University Press, 1897 ; *Барг М. А.* Исследования … С. 25–34.

[97] Monasticon Anglicanum. Vol. 5. Nr 6, 9 ; EYC. Vol. 3. Nr 1678, 1679, 1680.

и Гальфрид (Джеффри) де Невилл соответственно, подтверждают права на имущество, некогда переданное Адамом, оно было поделено между старшей дочерью Адама, Амабель, и младшей — Матильдой. До нас не дошла грамота Амабель в пользу Монк Бреттона, но в грамоте Томаса де Бурга сказано, что он и его жена Сара, дочь Амабель, подтверждают церкви Св. Марии Магдалине Лундской и монахам, служащим там Господу, права на то имущество, которое было некогда предоставлено Адамом, а позже Вильгельмом де Невиллом и его женой Амабель. Речь вновь идет только о половине виллы Карлтон. Вторая половина, очевидно, считалась принадлежавшей Матильде, а потом ее внучке Мэйбл, жене Гальфрида де Невилла[98].

В рассмотренных документах речь идет о половине виллы, что можно объяснить следующим обстоятельством. Незадолго до смерти Адам подарил имущество монахам Монк Бреттона, а уже после смерти Адама мужья его дочерей и их потомки должны были подтверждать периодически права монахов, что требовало феодальное право[99]. Но поскольку Адам оставил только наследниц, каждая должна была бы получить только половину наследства — правило, также вполне соответствующее нормам феодального права[100]. Очевидно, еще и в начале XIII в. потомки Адама продолжали владеть виллой Карлтон, разделенной тем временем между несколькими владельцами, одним из которых и был названный Вильгельм. Одним словом, процесс дезинтеграции некогда компактных владений ускорился, так что их размеры в руках отдельно взятого землевладельца могли уменьшиться. Впрочем, мы не можем исключать, что

---

[98] *Dugdale W*. Monasticon Anglicanum. Vol. 5. Nr 5, 7.

[99] *Glanville R. de*. De legibus et consuetudinibus regni Angliae / ed. G. E. Woodbine. New Haven ; London, 1932. Bk. 7. Ch. 2. Единственным условием было разумность дара.

[100] Точное время утверждения этого правила неизвестно. В грамоте 1145 г. упомянут некий statum decretum, в соответствии с которым при отсутствии сыновей сестры должны были поделить имущество, очевидно, поровну. Публикацию грамоты и комментарий см.: *Stenton F. M*. The First Century of English Feudalism 1066–1166. Oxford : Clarendon Press, 1932. P. 37–41 ; App. Nr 5: «…ubi filius non habetur terram patris filie per colos parciuntur nec potest major natu juniori medietatem… auferre». Нормы о равном разделе имущества можно найти и в трактате известного английского юриста Брактона, причем в одном случае речь прямо идет о законных долях женщин-сонаследниц: *Bracton H. de*. De legibus et consuetudinibus Angliae : 4 vols. / ed. G. E. Woodbine ; transl. with rev. and notes S. E. Thorne. Cambridge (Mass) : Selden Society and Belknap Press of Harvard University Press, 1968–1977. Vol. 2. P. 218 ; Vol. 3. P. 211–212. О практике раздела владений между сестрами уже при жизни их отца: *Waugh S. L*. Women's Inheritance and the Growth of Bureaucratic Monarchy in Twelfth- and Thirteenth-Century England // Nottingham Medieval Studies. 1990. Vol. 34. P. 82.

выкуп владений у Вильгельма преследовал цель не последующей их передачи в третьи руки, а аккумуляции в руках самой братии, что соответствует общей тенденции в аграрных отношениях Англии XIII в.[101]

Остается и еще один вопрос, почему монахи согласились или сами предложили столь маленькую сумму. Выше уже было выдвинуто предположение о малом объеме земли, проданной Вильгельмом, однако причина могла корениться и в наличии у монахов других, не менее, а то и более важных источниках дохода. Одним из них являлось участие в торговле или же контроле торговых путей (взимание налога за проезд и провоз груза и т. п.)[102]. Поселение Карлтон располагалось неподалеку от стратегически важного поселения Барнсли, которое связывало замки Северной Англии: Шеффилд, Донкастер, Честер, игравших роль важных опорных пунктов. Барнсли стал предметом особого внимания монахов Понтефракта, которые в 1249 г. получили от Генриха III грамоту, дававшую право на организацию рыночных дней по средам, а накануне дня Св. Михаила (29 сентября) и спустя два дня после него — четырехдневной ярмарки. Тем не менее близость Монк Бреттона к Барнсли, почти без сомнения, позволяла извлекать выгоды и монахам этого приората[103]. К числу наиболее значимых статей дохода мог относиться постой, налог за проезд к месту рынка или же использование культа св. Марии Магдалины. Несмотря на то, что он не был столь популярен в XII–XIII вв., есть основания говорить о его известной распространенности, так как можно указать на ряд церквей Англии, посвященных этой святой[104]. Еще одним, несомненно важным источником дохода могло стать составление разнообразных купчих, накладных, залоговых и других документов, в которых нуждались продавцы и покупатели, так как на протяжении XIII в. происходил неуклонный рост образованности, а сам документ начинал приобретать важную доказательную силу.

В заключение стоит отметить и еще одно обстоятельство. Дело в том, что изначально церковь, посвященная Марии Магдалине и подаренная

---

[101] *Барг М. А.* Исследования … Гл. 2 : Социальная динамика светского вотчинного землевладения ; *Titow J. Z.* English Rural Society 1200–1350. London : Allen & Unwin, 1969. P. 43–44 ; *Painter S.* Studies in the History of the English Feudal Barony. Baltimore : The John Hopkins Press, 1943. P. 152.

[102] *Moorman J. H. R.* Church Life in England … P. 295.

[103] Calendar of Charter Rolls Preserved in Public Record Office. Vol. 1 : Henry III. 1226–1257. London. P. 339 (6 февраля 1249 г. Кларендон). URL: http://archive.org/stream/calendarcharter00stamgoog#page/n5/mode/2up.

[104] Достаточно сказать, что обретение мощей святой, ставшее заключительным аккордом в создании ее «биографии», состоялось только в 1265 г. в Везелé (Бургундия) и 1275 г. в Сен-Максимине (Прованс): *Maisch I.* Between Contempt and Veneration. Mary Magdalene Through the Centuries. Collegeville (Minnesota) : Lightning Source Inc, 1998. P. 46–47.

монахам в Бреттоне, находилась в Лунде. Между тем, как о том свидетельствует наша грамота, церковь Марии Магдалины все больше ассоциируется именно с приоратом, расположенным как раз между Бреттоном и Лундом (современный Лэндвуд в 1,5 км от Бреттона). С одной стороны, в этом можно усматривать расширение влияния приората, с другой — не менее правдоподобной выглядит и версия об известной контаминации приората в Бреттоне и церкви в Лунде, посвященной св. Марии Магдалине. С течением времени поселение Бреттон получает название Монк Бреттон (в начале XIV в.). Как бы то ни было, но превращение приората в Бреттоне в приорат Св. Марии Магдалины в Бреттоне с церковью Св. Марии Магдалины Бреттонской свидетельствует и о росте популярности этой святой. В любом случае грамоты XIII в., и наш документ в том числе, свидетельствуют о том, что в языке обывателей за приоратом все более закрепляется название Св. Марии Магдалины Бреттонской, хотя сохранялось и более официальное название — приорат Св. Марии Магдалины Лундской. Отмеченное двойное наименование приората прослеживается еще по документам XVII в.[105]

***

Подводя итог, можно с уверенностью утверждать, что документ, являясь, по всей видимости, подлинником, отражает весьма ранний период истории приората Св. Марии Магдалины Бреттонской и его скриптория, показывая эволюцию канцелярского письма, уже склонного к курсивизации, но еще сохраняющего связь с предшествующей рукописной традицией. Документ рисует эпизод из жизни монастырского землевладения, будучи свидетельством заинтересованности монахов в контроле за некогда отчужденными, а теперь выкупаемыми обратно владениями, хотя о причине этого поступка можно лишь строить предположения. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что возвращаемое имущество располагалось в вилле Карлтон, неоднократно упоминавшейся в грамотах, отразивших историю монастыря в Монк Бреттоне. Есть основания полагать, что названное поселение занимало не последнее место в структуре владений приората, а сама обитель постепенно приобрела самостоятельность и заметный вес, порвав, в конце концов, с клюнийской конгрегацией, членом которой она являлась.

---

[105] *Dugdale W*. Monasticon Anglicana. Vol. 5. P. 136. Грамота озаглавлена следующим образом: «О первом основании монастыря блаженной Марии Магдалины Лундской, в народе называемом Монк Бреттон» («De prima fundatione monasterii beatae Marie Magdalenae de Lunda vulgo Munkbreton»).

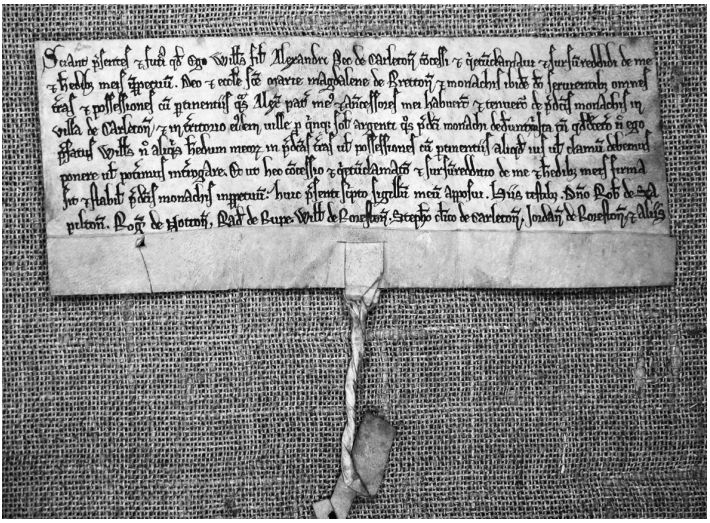


Рис. 1. Акт купли-продажи владений в Карлтоне в пользу приората Св. Марии Магдалины Бреттонской (Йоркшир, 1220–1241). Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Колл. 18 (Англия и Шотландия. Акты и письма). Картон 381. № 1а, лицевая сторона

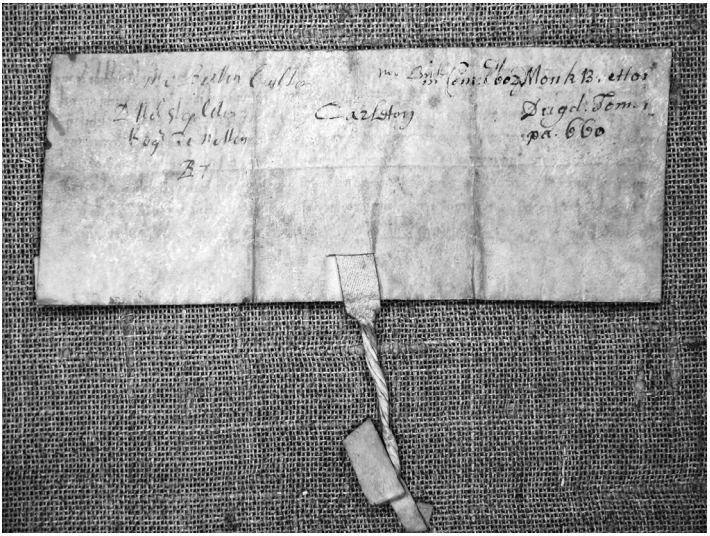
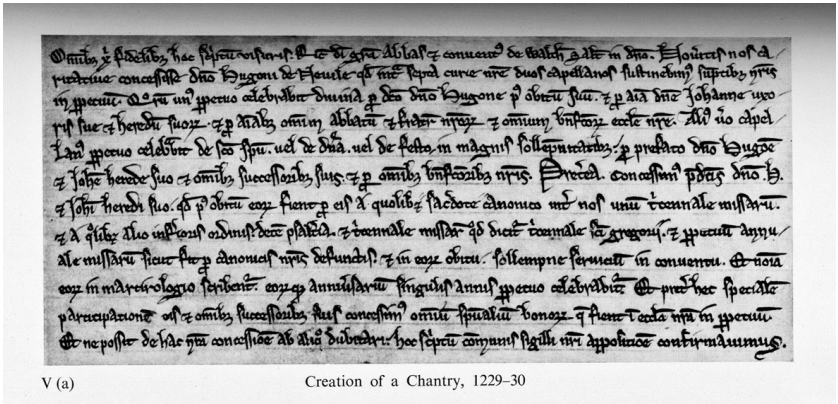


Рис. 2. Дорсальная (оборотная) сторона документа, представленного на рис. 1



V (a) Creation of a Chantry, 1229–30

Рис. 3. Назначение двух капелланов для исполнения благочестивых служб на помин души после смерти Гугона де Хевиле и во спасение души его супруги Иоанны и их наследников аббатом и конвентом Вальтхама (Эссекс, 1229–1230). *Hector L*. The Handwriting of English Documents. London, 1958. P. 69. Ил. Va

Рис. 4. Уступка Фульком Байнардом Ричарду Бертрамну и его наследникам земли, переданной некогда как приданое Сары, сестры Фулька, в местечке Foterby (Линкольншир, 1210–1220). Registrum Antiquissimum of the Cathedral Church of Lincoln : vol. 1–11 / ed. C. W. Foster & K. Major // The Publications of Lincoln Record Society. 1931–1958. 1935. Vol. 4. Nr 1404

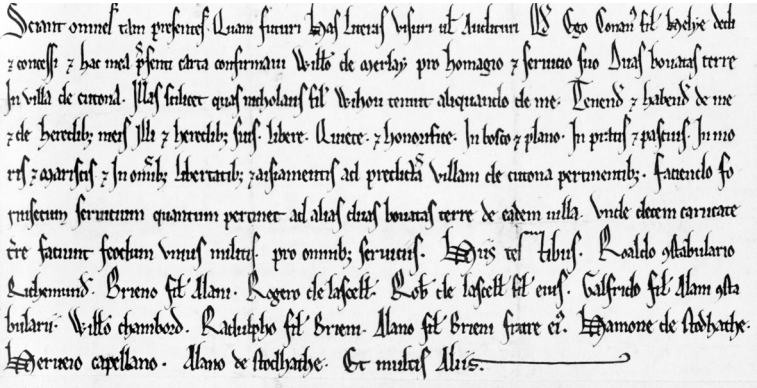


Рис. 5. Дар Конона, сына Эллиса, двух боват земли в вилле Восточный Коутон Вильгельму де Мерле за оммаж и службы (Йоркшир, 1201–1218). Early Yorkshire Charters : vol. 1–12 / ed. W. Farrer and T. Clay // Yorkshire Archaeological Society. Record Series. Edinburgh, 1914–1965. 1916. Vol. 3. Ил. XXV

SUMMARY

The English medieval documents are supposedly the rarest among those ones kept in Russian archives. Taking that fact into consideration any of them deserves closer attention and not should be disregarded without thorough examination.

The present paper deals with a charter written on comparably small piece of parchment (157 × 123 mm) and ascertains the purchase of some parcels of land with all appurtenances in a village Carlton. The document is only a fragment of supposedly not inconsiderable collection of the charters of Monk Bretton Priory which is not yet investigated and published.

The document would be of interest for two main reasons. From the one hand, it is a monument of paleography and diplomacy. From the other, it reveals some aspects of economic and social life of the Priory itself.

Taking into account that the history of so but conditionally called gothic cursive script is not yet written, any document with the individual manner of its writing contributes to the reconstruction of whole process. Moreover, we deal to all probability with the original one. It should be noticed that the script of the charter distinguished not drastically from the gothic book one but is tending to become more cursive. It would be named the gothic calligraphic chancery script. The form of such letters as **d, m,** final **s** as well as, for example, the signs of contraction or inclination of the letters helps us to date the charter from the 1220th–1230th. The list of witnesses hardens our conjunctions.

Almost all of the participants of the deed belonged to the local gentry or low noble class, with their estates bordering each other. Some of them or their relatives show the great activity as witnesses, attorneys or grantors in the life of countryside about the 1210th–1240th. In contrary, nor the vendor itself neither his father had left traces in the contemporary charters. At the same time the Carlton village where their estate was situated is mentioned many times in different charters. So, it played not unimportant role in the whole structure of the Priory's estates. The main reason might be that it was Carlton situated in the wapentake Staincross near the Priory that was granted to it at the moment of establishment by Adam fitz Swein, the founder.

The growth of the priory influenced the toponymy. Originally Monk Bretton Priory was called the priory of St. Maria Magdalena of Lund (modern Landwood 1.5 miles from Bretton) where the church constructed and consecrated in name of Maria Magdalena was situated. In contrary, some charters of the thirteenth century and ours among them witness growing association between the cult of Maria Magdalena and Bretton. The toponym Bretton itself was transformed into Monk Bretton (about 1302) and the church of Maria Magdalena of Lund into Maria Magdalena of Bretton. In any case, we observe the popularity and power of the priory and the cult of Maria Magdalena to spread over the neighboring areas. Another reason for confusion in mind of the church in Lund and nearby priory with Bretton village might be the closeness of two estates. However it might be the traces of such a fluctuation can be found in documents until the seventeenth century.

After the market and fair were established in neighbor Barnsfield (1249) they had influenced not only the handwriting practice as some later original charters demonstrate but the prosperity of the monastery as well. At the end of the 13th c. the Priory had become powerful enough to tear off his connection with its mother Cluniac order to join the Benedictine one.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

История Церкви, история экономики, история документа и письма, история права, приорат Монк Бреттон, Карлтон, Стапильтоны.

KEY WORDS

History of Church, History of economics, History of the document and letters, History of Law, Monk Bretton Priory, Carlton, Stapiltons.

Г. М. ВОРОБЬЕВ

К ИСТОРИИ ГРАММАТИКИ МАНУИЛА МОСХОПУЛА ИЗ БИБЛИОТЕКИ ФРАНЧЕСКО БАРБАРО В СОБРАНИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ РАН*

В ЗЕС Архива СПбИИ РАН хранится палимпсест (Колл. 37. Картон 666. № 1) в 121 лист, в котором смытый старый текст представляет собой евангельские чтения, а новый — грамматику греческого языка Мануила Мосхопула, известную под названием *Ἐρωτήματα*[1] (incipit, л. 3: *Θ(εοτόκ)ε βοήθει μοι. Αρχὴ σὺν θ(ε)ῷ ἁγίῳ τῶν ἐρωτημάτων τῶν διορθωθέντων παρὰ τοῦ σοφωτάτου καὶ λογιωτάτου κυροῦ Μανουὴλ τοῦ Μοσχοπούλου*; explicit, л. 118: *τέλος σὺν θ(ε)ῷ ἁγίῳ τῶν ἐρωτημάτων, μετὰ καὶ τῆς ὅλης δηλονότι κλίσεως αὐτῶν*)[2].

---

* Здесь представлен дополненный вариант статьи, которая была сдана в печать в 2012 г. для сборника материалов прошедшей в Государственном Эрмитаже конференции «Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа».

[1] Editio princeps: *Τοῦ σοφωτάτου καὶ λογιωτάτου κυροῦ Μανουὴλ τοῦ Μοσχοπούλου διορθωθέντων ἐρωτημάτων. Περὶ προσῳδιῶν.* S. l. S. a. F. 61r–127r. Вероятно, Милан, 1493 (см.: *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Literatur. München, [2]1897. S. 547). Из более поздних изданий см., например: Grammaticae artis Graecae methodus. Basileae, 1540. P. 1–155. См.: *Ippolito P.* Una grammatica greca fortunata: gli «Erotemata» di Manuele Moscopulo // Rendiconti della Accademia di archeologia, lettere e belle arti di Napoli. Nuova serie. 1981. Vol. 56. P. 199–227.

[2] Автор выражает признательность Л. А. Герд за идею исследования этой рукописи и И. П. Медведеву за ценные консультации, а также А. В. Чирковой за советы о латинских глоссах и владельческих записях.

© Воробьев Г. М., 2013

Кодекс был описан Е. Э. Гранстрем в «Каталоге греческих рукописей ленинградских хранилищ». Нижний унциальный текст, по ее мнению, был написан в VIII–IX вв., верхний минускульный — в Италии в XIV в.[3] Позднее И. П. Медведев доказал другие датировки. Унциал евангельских чтений он отнес к IX–X вв. (Э. Н. Добрынина на основании исследования декора сузила эту датировку до рубежа IX и X столетий)[4]. Также И. П. Медведев продемонстрировал, что верхний минускульный текст был написан не в XIV в., а в первой половине XV в., причем не на Апеннинах, а в Константинополе[5]: «Рукопись явно датируется первой половиной XV в. и относится к кругу тех пергаменов-палимпсестов с текстами "Схедографии" и *Ἐρωτήματα* Мануила Мосхопула, которые в это время в большом количестве изготовлялись, по всей вероятности, в рамках *καθολικὸν μουσεῖον* при монастыре Продрома — Петра и предназначались, скорее всего, для вывоза на Запад, на продажу итальянским гуманистам»[6]. Семь тетрадей кодекса не имеют разлиновки и состоят из пергаменных листов палимпсеста, кроме тетради номер пять: она бумажная. Судя по анализу филиграней, бумага изготовлена в Венеции в середине 1360-х гг.[7] Можно предположить, что в первой половине XV в. в скриптории монастыря Продрома рукописи готовили на старом пергамене, но по причине нехватки материала вплели одну тетрадь из привозной итальянской бумаги. Минускульный текст, судя по всему, принадлежит перу одного писца.

---

[3] *Гранстрем Е. Э.*: 1) Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 1 // ВВ. 1959. Т. 16. С. 233. № 66 (описание нижнего текста) ; 2) Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 6 // ВВ. 1967. Т. 27. С. 286. № 550 (описание верхнего текста).

[4] Это было показано в докладе «Элементы художественного декора в двух греческих палимпсестах (РНБ, Греч. 675 и СПбИИ РАН, колл. 37, № 1/666)», прочитанном Э. Н. Добрыниной на VI Загребинских чтениях «Памятники средневековой письменности и историческая реальность» 06.10.2011 в РНБ. Присутствовавший на заседании И. П. Медведев одобрил данное уточнение.

[5] *Медведев И. П.*: 1) Палеографические заметки о греческих рукописях // Studia slavico-byzantina et mediaevalia europensia. [Sofia], 1988. С. 259–264 ; 2) Греческая грамматика на исходе Средневековья: две поздневизантийские рукописи из Архива СПбИИ РАН // Античная грамматическая традиция в веках : материалы международной конференции / отв. ред. Л. Г. Степанова, В. И. Мажуга. СПб., 2005. С. 57–58.

[6] *Медведев И. П.* Палеографические заметки … С. 260–261. Об изготовлении учебников в монастыре Продрома см. в: *Gamillscheg E.* Zur handschriftlichen Überlieferung byzantinischer Schulbücher // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 1977. Bd. 26. S. 211–230.

[7] Филигрань «три горы с крестом». *Briquet C. M.* Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600. Amsterdam, 1968. Описание: Vol. 2. P. 590. Изображение: Vol. 4. No 11669.

Как показал И. П. Медведев, этот почерк идентичен руке анонимного писца рукописи Parisinus gr. 2573, содержащей «Схедографию» Мосхопула[8].

В рукописи имеется большое количество латинских и греческих маргинальных и интерлинеарных помет, встречающихся с разной частотой во всем тексте грамматики. Е. Э. Гранстрем не отметила их в своем описании. Это глоссы учебного характера, многочисленные отсылки к другим страницам рукописи и «маникулы», призванные обратить внимание читателя на определенные места в тексте. В отличие от Гранстрем, И. П. Медведев писал о глоссах и, опираясь на наличие двух владельческих помет венецианского гуманиста Франческо Барбаро (1390–1454) (л. 2 об.: «Regule iste grammaticales sunt Francisci Barbari Veneti»; л. 118: «Ista grammatica Manuelis est Francisci Barbari»), указывал, что «рукопись испещрена его латинскими маргинальными и междустрочными схолиями»[9]. Однако тщательное сличение с признанными автографами Барбаро[10] заставляет полагать, что если владельческие записи, транскрибированные выше, действительно принадлежат руке гуманиста, то пометы в тексте были оставлены другими лицами[11].

Можно предположить, что кодекс попал к Барбаро через Франческо Филельфо, учившегося в монастыре Продрома, или через Джованни Ауриспу, который также был связан с монастырем[12]. Однако вопрос об истории кодекса до попадания к Барбаро требует тщательного разыскания, пока здесь невозможно утверждать ничего определенного.

Попробуем расследовать позднейшую историю книги, что также может дать важные сведения для атрибуции глосс. Для этого пристально посмотрим на защитные листы (л. 1 об.–2 об. и 119 об.–121), которые содержат греческие и латинские пробы пера разного времени, молитвы, выписки из текста грамматики, хозяйственную запись и несколько небольших рисунков. Е. Э. Гранстрем в своем описании приводит только транскрипцию

---

[8] *Медведев И. П.* Палеографические заметки … С. 262.

[9] Там же. С. 261.

[10] См.: Oxford, Bywater 38 ; San Daniele del Friuli, Guarner. 100 (особенно ff. 86v–87v) ; Vaticano, Vat. lat. 5911 ; Venezia, Marc. lat. X, 209 (= 3537) (ff. 37v–38r), Marc. lat. XIII, 71 (= 4142), Marc. lat. XIII, 72 (= 4109) и др. Воспроизведения см., например, в: *De La Mare A. C., Griggio C.* Il copista Michele Salvatico collaboratore di Francesco Barbaro e Guarnerio d'Artegna // Lettere italiane. 1985. No 3, vol. 37. P. 345–354.

[11] Предварительная классификация глосс представлена в статье, предполагаемой к изданию в сборнике материалов конференции «Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа».

[12] См.: *Fuchs F.* Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. Leipzig ; Berlin, 1926. S. 69–72.

хозяйственной записи[13] и двух владельческих помет Барбаро. Однако защитные листы содержат еще, по меньшей мере, две отметки с именами владельцев. Они тщательно стерты и очень плохо читаемы, впрочем, в одной из них можно предположить фамилию Grimani (в верхней части л. 2: «Liber… gr(im)ani»), что согласуется с указанием Бернара де Монфокона о местонахождении именно такой рукописи в венецианской *Bibliotheca Grimana*: «Manuelis erotemata in codice XIV. saeculi; sed haec scripta sunt erasis et deletis pene aliis, quae nono seculo exarata fuerant, ut ex charactere, qui certis in locis adhuc legi potest, liquidum est; simile occurrit non infrequenter. Videntur autem quae erasa fuere esse homiliae cujusdam Patris»[14]. В кодекс вложена записка Н. П. Лихачева, представляющая собой выдержку из описания рукописей и инкунабул библиотеки венецианского монастыря Сан-Микеле ди Мурано[15]: составитель этого каталога Дж. Б. Миттарелли дает подробное описание рукописи и, цитируя приведенное выше место из «Bibliotheca bibliothecarum manuscriptorum nova» Монфокона, сообщает, что она хранилась в *Bibliotheca Grimana*, а затем, под инвентарным номером 122, в монастыре Сан-Микеле[16].

Итак, что же за собрание Монфокон называл *Bibliotheca Grimana*? Ответ дает его «Diarium Italicum», дневник, в котором ученый подробно описывает свое путешествие по Италии и приводит данные о виденных древностях. Осматривая Венецию, 6 августа 1698 г. он отправился со знатоком греческого языка Д. Бироне и известным венецианским литератором Апостоло Дзено во дворец, принадлежавший Джан Карло Гримани. Монфокон увидел там огромную коллекцию античных статуй,

---

[13] *Σῇ ὡς τῇ ς΄μαίου ἐτμήθησ(αν) αἱ σκίλλαι*. Е. Э. Гранстрем транскрибирует последнее слово как *σκύλλαι*, но при внимательном рассмотрении представляется, что за каппой следует йота, а не ипсилон, и в таком случае перед нами слово *σκίλλα* — морской лук, целебное растение, распространенное в Средиземноморье (возможно, Гранстрем имела в виду то же самое слово, но предполагала неправильное написание под влиянием итацизма). Запись может быть понята так: «Сегодня, шестого мая был срезан (т. е. убран) морской лук». Уборка урожая морского лука производится как раз в мае-июне (см., например: Атлас лекарственных растений СССР / под ред. Н. В. Цицина. М., 1962. С. 363).

[14] *Montfaucon B. de*. Bibliotheca bibliothecarum manuscriptorum nova. Parisiis, 1739. T. 1. P. 478 (в разделе «Ex Bibliotheca Grimana» внутри главы, посвященной венецианским собраниям рукописей).

[15] Транскрипция записки дана в статье, предполагаемой к изданию в сборнике материалов конференции «Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа».

[16] *Mittarelli I. B*. Bibliotheca codicum manuscriptorum Monasterii S. Michaelis Venetiarum prope Murianum, una cum appendice librorum impressorum saeculi XV. Venetiis, 1779. P. XVII.

барельефов и надписей, а также собрание рукописей, по большей части греческих. Он пишет, что успел отметить только часть манускриптов, и приводит их список, который через сорок с лишним лет с точностью воспроизведет в «Bibliotheca bibliothecarum…» под заголовком *Bibliotheca Grimana*[17].

Какой именно из дворцов Гримани имеется в виду? Апостоло Дзено в письме от 20 июня 1698 г. (т. е. еще до визита Монфокона в Венецию) свидетельствует, что занялся упорядочиванием рукописного собрания «Biblioteca Grimani in Santa Maria Formosa» и обнаружил там «le reliquie di quella famosa raccolta dei vecchi Patriarchi, e Cardinali Grimani». Дзено перечисляет несколько наиболее ярких образцов из этой коллекции, все они точно совпадают с описанием Монфокона[18]. Таким образом, речь идет о Палаццо Гримани в квартале Санта-Мария Формоза: еще со времен Джованни Гримани (1506–1593) он славился своим собранием древностей.

Начало коллекции рукописей семейства Гримани было положено в 1498 г., когда кардинал Доменико Гримани (1461–1523) приобрел библиотеку умершего за четыре года до того Джованни Пико делла Мирандолы[19]. Как показал американский палеограф Обри Диллер, инвентарный список библиотеки Пико, содержащийся в кодексе Vat. lat. 3436[20], включает в себя 550 рукописей (из которых около 150 греческих), принадлежавших не Пико, а Эрмолао Барбаро (1453–1493) — внуку Франческо и наследнику его библиотеки[21]. Перечисляя те из этих рукописей, которые могут быть найдены в хранилищах сегодняшнего дня, исследователь приводит под номером 1629.1662 и наш палимпсест[22]. Следовательно, рукопись, по-видимому, перешла от Франческо и Эрмолао Барбаро к Доменико Гримани, но не исключено, что перед этим она пребывала некоторое время в третьих руках (возможно, у Пико?).

---

[17] *Montfaucon B. de.* Diarium Italicum, sive monumentorum veterum, bibliothecarum, musaeorum etc. notitiae singulares in Itinerario Italico collectae. Additis schematibus ac figuris. Parisiis, 1702. P. 37–41. В «Diarium Italicum» описание грамматики находится на с. 40, его текст процитирован выше по «Bibliotheca bibliothecarum…».

[18] Lettere di Apostolo Zeno, Cittadino Veneziano, Istorico e Poeta Cesareo. Nelle quali si contengono molte notizie attenenti all'Istoria Letteraria de' suoi tempi; e si ragiona di Libri, d'Iscrizioni, di Medaglie, e d'ogni genere d'erudita Antichità. Venezia, 1752. Vol. 1. P. 8 (письмо к Antonio Magliabechi).

[19] *Freudenberger T.* Die Bibliothek des Kardinals Domenico Grimani // Historisches Jahrbuch der Görres-Gesellschaft zur Pflege der Wissenschaft im katholischen Deutschland. 1936. Jg. 56. S. 15–16.

[20] Опубликован в: *Kibre P.* The Library of Pico della Mirandola. New York, 1936. P. 115–297.

[21] *Diller A.* The Library of Francesco and Ermolao Barbaro // Italia medioevale e umanistica. 1963. Vol. 7. P. 253–262.

[22] Ibid. P. 260.

Теперь необходимо выяснить, что произошло с собранием Доменико Гримани после его смерти. Поскольку кардинал жил как при папской курии, так и в Венето, его коллекция рукописных и печатных книг, а также произведений искусства была распределена между Римом и Венецией. Собрание книг хранилось частично в римском Palazzo di San Marco (позже переименованном в Palazzo di Venezia), частично в монастыре Св. Клары на венецианском острове Мурано[23]. По первому завещанию, которое Доменико составил в 1520 г., все его книги, хранившиеся в Риме, отходили венецианскому августинскому монастырю Сант-Антонио ди Кастелло, где уже строилось по его поручению специальное здание для публичной библиотеки. В 1523 г. строительство было завершено, но в августе этого же года, находясь в Риме, кардинал заболел и составил другое завещание. Согласно новому документу окончательное распределение рукописей оказалось следующим. В Сант-Антонио попадали только рукописные латинские книги на пергамене, имевшие помету «Hic est liber mei, Dominici Grimani», а также все без ограничения греческие и еврейские книги. Однако, очевидно, речь шла только о книгах, хранившихся в римском дворце кардинала. Те книги, которые он держал в монастыре Св. Клары, равно как 13 ящиков книг, находившихся на Мурано у некоего Джованни Баттиста де Росси, должны были отойти патриарху Аквилеи (т. е. племяннику Доменико — Марино Гримани). Кроме того, Марино получил латинские печатные книги, а также латинские рукописи на бумаге и те из пергаменных, на которых не было владельческой пометы Доменико[24]. Таким образом, в зависимости от того, в какой части коллекции Доменико находилась наша рукопись изначально (в Риме или на Мурано), она могла впоследствии оказаться либо в монастыре Сант-Антонио, либо у Марино Гримани.

О книжном собрании Марино известно немного. В 1527 г. он принял сан кардинала и, уезжая в Рим, отдал часть завещанных ему рукописей библиотеке Сант-Антонио, обустройством которой занимался по смерти дяди. Когда в 1546 г. Марино умер, его личная библиотека была распродана[25]. Таким образом, если наш палимпсест не перешел в Сант-Антонио и находился в собрании Марино, то как при его жизни, так и после смерти мог попасть в Палаццо Гримани, которым в ту пору владели братья Марино, Ветторе и Джованни (Джованни Гримани — основатель коллекции древностей дворца).

---

[23] *Freudenberger T.* Die Bibliothek des Kardinals ... S. 18–19.

[24] Ibid. S. 20–22. После смерти Доменико его брат Винченцо пытался опротестовать законность второго завещания. В результате ему удалось получить часть коллекции произведений искусства, но его притязания не касались книг. См.: *Favaretto I.* Arte antica e cultura antiquaria nelle collezioni venete al tempo della Serenissima. Roma, 2002. P. 86–87.

[25] *Freudenberger T.* Die Bibliothek des Kardinals … S. 26.

Если же рукопись попала в Сант-Антонио ди Кастелло (в 1527 г. в дар от Марино или еще в 1523 г. по завещанию Доменико), то нужно осветить судьбу этой библиотеки. Десять лет назад вышла в свет монография, в которой предпринята попытка воссоздать собрание греческих рукописей библиотеки по четырем дошедшим инвентарным спискам XVI–XVII вв. и, насколько возможно, определить нынешнее местонахождение манускриптов[26]. Ни в данном труде, ни в недавней статье американского палеографа Д. Ф. Джексона, где представлен значительно расширенный список греческих рукописей из Сант-Антонио, найденных в нынешних собраниях, нет отсылки к палимпсесту из Петербурга[27]. Библиотека содержала от четырех до шести рукописей с текстом грамматики Мосхопула[28], но скудость инвентарных описаний не позволяет установить соответствие конкретного инвентарного номера нашему кодексу. Теоретически его можно было бы соотнести с номером 112, 176 или 211 в сводном перечне, опубликованном в упомянутой монографии[29].

Так или иначе, побывала грамматика в Сант-Антонио или нет, затем она оказалась в Палаццо Гримани, где ее видел Монфокон, а оттуда попала в камальдолийский монастырь Сан-Микеле в венецианской лагуне. Со второй половины XV в. монастырь был важным центром письменной культуры, но расцвет его библиотеки пришелся на XVIII в. Показательно, что в 1708–1713 гг. в связи с нехваткой помещений для хранения книг для библиотеки было построено новое здание. Бурным ростом собрания рукописей монастырь обязан Джованни Бенедетто Миттарелли (1707–1777), который поступил в обитель в 1722 г. и дважды был настоятелем, в 1760 и 1770 гг. Он постоянно искал новые рукописи для библиотеки, поддерживал контакты с книготорговцами, приобретал шедшие с молотка частные собрания манускриптов и редких печатных книг[30]. В предисловии

---

[26] *Diller A., Saffrey H. D., Westerink L. G.* Bibliotheca Graeca manuscripta cardinalis Dominici Grimani (1461–1523). Mariano del Friuli, 2003. (Biblioteca Nazionale Marciana. Collana di Studi ; no 1).

[27] *Jackson D. F.* A List of the Greek Manuscripts of Domenico Grimani // Scriptorium. 2008. Nr 1, vol. 62. P. 164–169.

[28] Джексон обнаружил две из них в оксфордской Бодлианской библиотеке, еще одну — в Лейденской университетской библиотеке*: Jackson D. F.* A List of the Greek Manuscripts … P. 166–167, nr 121, 140, 233 (номера соответствуют сводному перечню в: *Diller A., Saffrey H. D., Westerink L. G.* Bibliotheca Graeca manuscripta …).

[29] Впрочем, нужно иметь в виду, что в каталогах греческих рукописей часто анонимные грамматические сочинения под таким названием ошибочно приписывались Мосхопулу. См.: *Pertusi A.* Ἐρωτήματα. Per la storia e le fonti delle prime grammatiche greche a stampa // Italia medioevale e umanistica. 1962. Vol. 5. P. 323.

[30] См.: *Merolla L.* La biblioteca di San Michele di Murano all'epoca dell'abate Giovanni Benedetto Mittarelli. I codici ritrovati. Roma, 2010. P. 14–32.

к вышеупомянутому каталогу библиотеки Миттарелли указал среди своих первых удачных находок 17 рукописей с владельческими пометами Франческо Барбаро, в том числе кодекс, описанный так: «Manuel Moschopulus : Erotemata grammaticalia : Ista Grammatica est Francisci Barbari. Codex Graecus in membranis. In 4. num. 122». Очевидно, речь идет о нашей грамматике. Кроме этих 17 книг, Миттарелли приобрел также рукописи с владельческими записями Эрмолао и Даниеле Барбаро (1513–1570)[31]. Миттарелли не называет источников поступления кодексов, но пишет, что покупка рукописей Франческо произошла «bono evento», т. е. по удачному стечению обстоятельств, а о рукописях Эрмолао сообщает: «…eadem forte, qua Francisci, mihi obvenerunt codices alii signati nomine Hermolai Barbari» («…той же судьбой, что и <кодексы> Франческо, ко мне попали другие кодексы, помеченные именем Эрмолао Барбаро»)[32]. Возможно, кто-то из книготорговцев продал ему целое собрание рукописей семейства Барбаро, добытых из разных источников, в том числе из библиотеки Палаццо Гримани.

В 1958 г. итальянский исследователь Э. Миони, опираясь на вышеупомянутый каталог Миттарелли, опубликовал подробное описание греческих рукописей монастыря Сан-Микеле с указанием их нынешнего местонахождения[33]. Не обнаруженными остались лишь шесть рукописей, но уже через два года после выхода статьи автор издал небольшое дополнение, где идентифицировал две из них, в том числе S. Michele 122, грамматику Мосхопула. Миони пишет, что узнал эту рукопись в ленинградской «ЛОИИ 1/666» благодаря вышедшему в 1959 г. описанию в каталоге Е. Э. Гранстрем, и добавляет, что советская исследовательница помогла ему, дополнительно сообщив о владельческих пометах Барбаро, а также о том, что на корешке наклеена разорванная этикетка (видимо, с несохранившимся номером 122), украшенная лиственным орнаментом, характерным для библиотеки монастыря Сан-Микеле[34]. Таким образом, еще в 1960 г. было установлено тождество нашей рукописи и кодекса 122 монастыря Сан-Микеле ди Мурано[35].

В 1797 г., когда Наполеон уступил Венецию австрийцам, из города было вывезено во Францию множество ценностей, в том числе около

---

[31] О библиотеке Даниеле Барбаро см.: *Canart P.* Reliures et codicologie. Les manuscrits grecs de la famille Barbaro // Calames et cahiers. Mélanges de codicologie et de paléographie offerts à Léon Gilissen. Bruxelles, 1985. P. 13–25.

[32] *Mittarelli I. B.* Bibliotheca codicum manuscriptorum … P. XVII–XVIII.

[33] *Mioni E.* I manoscritti greci di S. Michele di Murano // Italia medioevale e umanistica. 1958. Vol. 1. P. 317–343.

[34] *Mioni E.* Altri due manoscritti greci di S. Michele di Murano // Italia medioevale e umanistica. 1960. Vol. 3. P. 389–390.

[35] Эти сведения о палимпсесте повторяет и Л. Меролла, автор новейшего каталога собрания рукописей муранского монастыря: *Merolla L.* La biblioteca … P. 104–105.

500 рукописей[36]. Из библиотеки Сан-Микеле французы изъяли 82 рукописи и около 70 инкунабул, о чем свидетельствует документ «Catalogo de' codici manoscritti e libri a stampa, che li francesi levarono nell'anno 1797 dalle librerie de' monasteri de' Regolari della Città di Venezia, per trasportarli a Parigi, o dove essi hanno voluto»[37]. В этом перечне есть раздел «Libri estratti in più volte dall'insigne Libreria di S. Michele di Murano de' monaci Camaldolesi, nel 1797, per ordine della Municipalità Provvisoria di Venezia, e di Murano», а в нем запись «Moscepo. Cod. — N. 112»[38]. Следовательно, наша грамматика была перевезена в 1797 г. из Венеции во Францию. В 1810 г. по распоряжению Наполеона обитель Сан-Микеле в числе других венецианских монастырей была упразднена, а все, что оставалось от библиотеки, пропало[39]. В 1816 г. Франция вернула Венеции изъятые в 1797 г. рукописи и передала их в библиотеку Сан-Марко[40], однако, видимо, не все они благополучно добрались до места: наш палимпсест так и не был замечен ни в одном каталоге этой библиотеки. Вероятно, пройдя через руки нескольких книготорговцев, из Франции кодекс попал в собрание Н. П. Лихачева и тем самым в Архив СПбИИ РАН[41].

Таким образом, проведенные за последние десятилетия исторические и палеографические исследования проливают новый свет на судьбу рукописи. Однако остаются задачи, требующие дальнейшей работы. Это и уточнение фактов истории кодекса, и, прежде всего, атрибуция глосс, которая помогла бы ответить на вопрос о не известных на данный момент его владельцах.

---

[36] *Romanin S.* Storia documentata di Venezia. Venezia, 1975. Vol. 10. P. 205.

[37] Опубликован в: *Romanin S.* Storia … P. 267–300 (по рукописи Venezia. Museo Correr. Miscellanea XXXVIII, 1957).

[38] Ibid. P. 299.

[39] См.: *La Cute P.* Le vicende delle biblioteche monastiche veneziane dopo la soppressione napoleonica // Rivista di Venezia. 1929. Vol. 8. P. 608–612.

[40] *Merolla L.* La biblioteca ... P. 38.

[41] Последнее описание рукописи см. в: [*Воробьев Г. М.*] Кат. 96. Палимпсест // «Звучат лишь письмена…» : К 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева : каталог выставки / Государственный Эрмитаж ; науч. ред. А. О. Большаков и Е. В. Степанова. СПб., 2012. С. 192–193. В том же каталоге о палимпсесте сообщается в вводной статье к разделу греческих рукописей: *Медведев И. П.* Греческие рукописи в архиве Н. П. Лихачева // «Звучат лишь письмена…» : К 150-летию … С. 184–185.

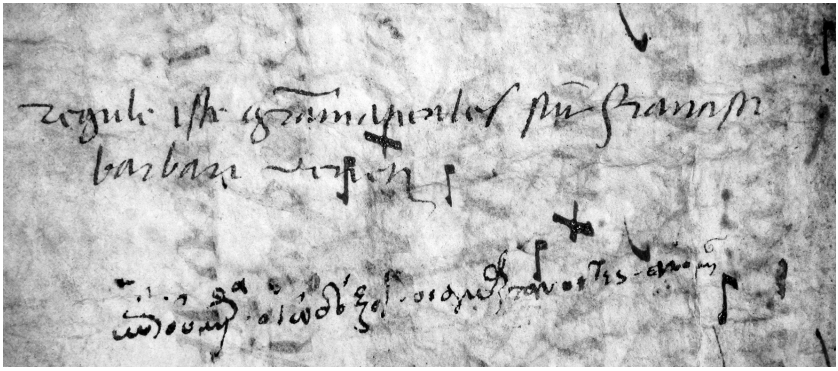


Рис. 1. Л. 2 об. Владельческая запись Франческо Барбаро (автограф)

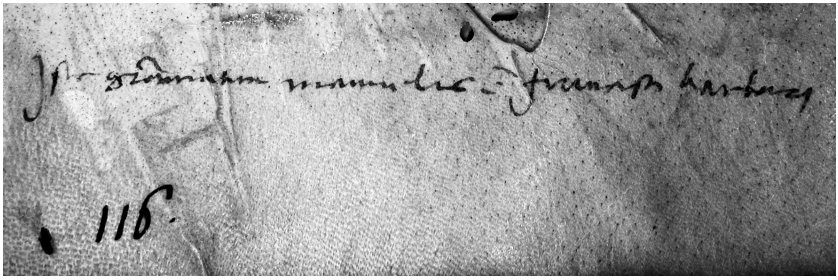


Рис. 2. Л. 118. Владельческая запись Франческо Барбаро (автограф)

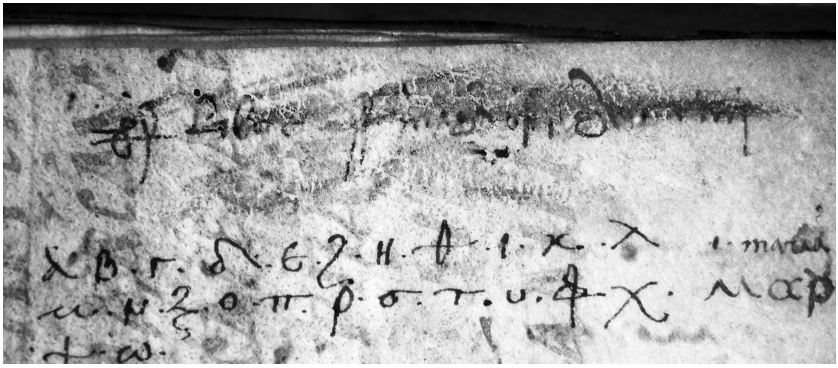


Рис. 3. Л. 2. Владельческая запись Гримани (?)

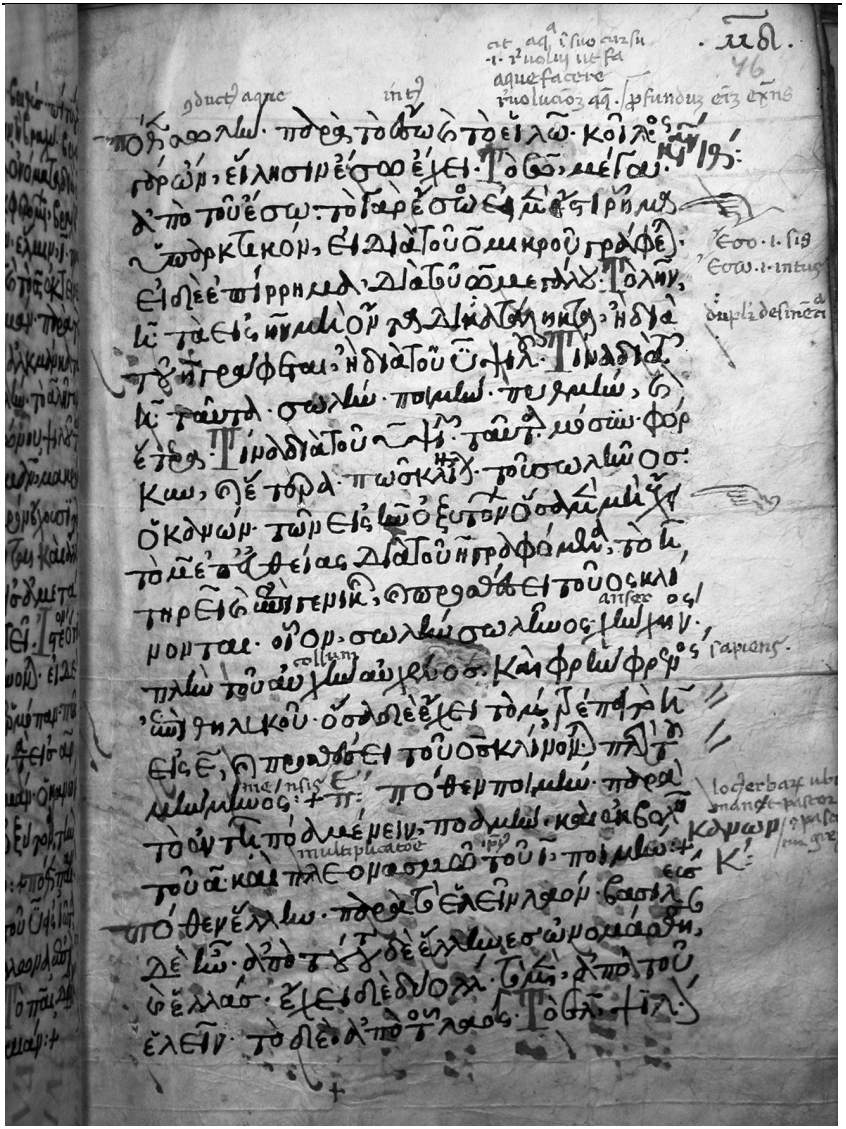


Рис. 4. Л. 46. Пример глосс

RIASSUNTO

Fra i manoscritti conservati nell'Archivio dell'Istituto di storia a San Pietroburgo esiste un palinsesto (n° 1/666) di cui la scriptio superior è una copia della grammatica di Manuele Moscopulo nota come *Ἐρωτήματα*. Facciamo qui un tentativo di tracciare i punti principali della storia di questo codice dalla sua creazione fino all'arrivo in Russia.

I. P. Medvedev ne ha identificato la scrittura minuscola con la mano del Parisinus gr. 2573 e ha dimostrato che il manoscritto fu prodotto nella prima metà del Quattrocento al monastero costantinopolitano di Prodromo «Petra». Fra i sette fascicoli del codice tutti sono di pergamena raschiata, tranne il fascicolo 5 che è cartaceo. L'analisi delle filigrane fa vedere che la carta è di produzione veneziana ed è databile alla metà degli anni 1360. La pergamena invece viene da un lezionario greco onciale creato a cavallo tra il nono e il decimo secolo.

Il testo della grammatica contiene numerose glosse marginali e interlineari latine e greche di carattere scolastico, nonché manicule e rinvii ad altre pagine. I. P. Medvedev attribuiva queste postille alla mano di Francesco Barbaro, basandosi sul fatto che il codice contiene due note di possesso dell'umanista veneziano (f. 2v: Regule iste grammaticales sunt Francisci Barbari Veneti; f. 118r: Ista grammatica Manuelis est Francisci Barbari). Intanto un confronto con gli autografi certi del Barbaro ha dimostrato che, mentre le note di possesso trascritte sopra appartengono effettivamente al suo pugno, le postille furono lasciate da altre persone, di cui l'identificazione rimarrà oggetto del nostro ulteriore studio.

A supporre che le postille fossero apparse prima che il codice passasse alle mani del Barbaro, bisognerebbe ricercare chi avesse potuto possederlo prima di lui. Per ora però si può comunicare a questo proposito solo un piccolo ragionamento preliminare, e cioè pare possibile che fosse stato Francesco Filelfo a comprare il manoscritto a Costantinopoli e a farlo pervenire a Venezia. Infatti, si sa che aveva studiato proprio al monastero di Prodromo. D'altronde lo potrebbe esser stato anche Giovanni Aurispa, pure lui mostratosi in contatto con il detto monastero.

Comunque sia, più chiara sembra la storia del codice dopo la morte del Barbaro. I fogli di protezione contengono sia numerose prove di penna di varie mani in greco e latino, preghiere e piccoli disegni, sia alcune note di possesso, fra le quali, a fianco di quelle di Francesco Barbaro, ce ne sono almeno due di altre persone. Sono accuratamente erase e si leggono molto male. Però a un esame attento, in una di esse si può con molta probabilità distinguere il cognome Grimani (f. 2r, parte superiore: Liber... gr(im)ani). Lo comprova un biglietto di carta inserito nel codice. Contiene la nota autografa di N. P. Likhacev (1862–1937), storico e paleografo russo il quale acquistò il manoscritto per la sua collezione diventata poi la parte principale dell'Archivio dell'Istituto

di storia. La nota rappresenta un estratto del libro di G. B. Mittarelli *Bibliotheca codicum manuscriptorum Monasterii S. Michaelis Venetiarum prope Murianum* (1779) dove nella descrizione del manoscritto evidentemente corrispondente al nostro si riferisce il fatto che prima era appartenuto alla «Bibliotheca Grimana» a Venezia, e si riporta la citazione rispettiva dalla *Bibliotheca bibliothecarum manuscriptorum nova* (1739) di B. de Montfaucon. Di quale "Bibliotheca Grimana" trattava dunque il gran paleografo francese? Forse della biblioteca pubblica creata a Venezia da Domenico Grimani? La lettura del *Diarium Italicum* dello stesso Montfaucon fa vedere invece che questi chiamava così la collezione libraria del palazzo appartenuto a Gian Carlo Grimani. Lo visitò nel 1698 e mise nel *Diarium* l'elenco dei manoscritti che era riuscito a vedere il quale poi copiò nella *Bibliotheca bibliothecarum manuscriptorum nova*, cioè il nostro palinsesto stava appunto in questo palazzo. A sua volta, una lettera di Apostolo Zeno dello stesso 1698 spiega che la sede in questione è il ben noto Palazzo Grimani di Santa Maria Formosa. Infatti, sin dal secolo XVI il palazzo aveva ospitato una ricca collezione di antichità.

La storia della collezione di manoscritti della famiglia Grimani ebbe inizio nel 1498 quando il cardinale Domenico Grimani acquistò la biblioteca di Giovanni Pico della Mirandola. Come ha scoperto A. Diller, il catalogo della biblioteca pichiana trascritto nel Vat. lat. 3436 contiene una parte che in realtà non è l'inventario della collezione di Pico, ma di Francesco Barbaro e di suo nipote Ermolao. Nel catalogo c'è anche un codice corrispondente al nostro. Dunque da Francesco ed Ermolaro Barbaro il manoscritto passò apparentemente al cardinale Grimani, forse capitando nel mezzo tra le mani altrui (del Pico?).

La complessa divisione dei libri di Domenico Grimani secondo il suo testamento rende assai difficile l'identificazione del percorso che fece il nostro codice dopo la morte del cardinale nel 1523. Da Domenico poteva passare alla biblioteca pubblica a Sant'Antonio di Castello in Venezia, creata dal cardinale poco prima della sua morte, oppure a suo nipote Marino, patriarca di Aquileia. Dopo la morte di quest'ultimo, se il manoscritto era in suo possesso, deve esser passato o alla stessa biblioteca di Sant'Antonio o ai fratelli di Marino, fra cui Giovanni Grimani fondatore della collezione del Palazzo di Santa Maria Formosa. Se il libro passò a Giovanni, vuol dire che capitò subito in quella raccolta in cui Montfaucon lo vide nel 1698. Se invece, da Marino o direttamente da Domenico, passò alla biblioteca di Sant'Antonio, allora va detto che, come dimostrano i recenti studi dei suoi inventari, questa raccolta conteneva almeno tre manoscritti che potrebbero teoricamente corrispondere al nostro. In ogni caso, nei secoli XV–XVI si sono attestate numerosissime perdite nel fondo della biblioteca il che fa abbastanza facile il passaggio da Sant'Antonio allo stesso Palazzo Grimani dove il codice fu poi visto da Montfaucon.

Dopo il 1698, come torna ovvio dalla descrizione di Giovanni Benedetto Mittarelli di cui sopra, il libro passò al convento camaldolese di San Michele

di Murano. La sua collezione libraria visse un periodo di rapida crescita nel Settecento e fu proprio Mittarelli, abate nel 1760 e nel 1770, a dare un contributo molto importante a questo sviluppo. Scrivendo dei suoi primi acquisti fa riferimento a un manoscritto, chiaramente corrispondente al nostro, che comprò insieme a sedici altri codici già appartenuti a Francesco Barbaro. Come e quando il nostro libro avesse lasciato il Palazzo Grimani per esser poi comprato da Mittarelli, questo per ora non si sa. Quanto al destino del manoscritto nel convento di San Michele, si potrebbe pensare che venisse smarrito quando nel 1810 il cenobio fu soppresso fra gli altri monasteri veneziani secondo la prescrizione del decreto napoleonico. Però il codice aveva lasciato il convento già nel 1797: quando Napoleone cedette la Serenissima agli austriaci, i suoi soldati sequestrarono e portarono in Francia molti oggetti di valore fra cui circa 500 manoscritti. Nell'elenco dei codici sequestrati c'è anche il nostro palinsesto. Nell'anno 1816 i libri furono restituiti e capitarono tutti nella Biblioteca Marciana, però il nostro come sembra non poté più tornare in Italia e, probabilmente passato fra le mani di alcuni librai, fu acquistato da N. P. Likhacev. Così finì a San Pietroburgo.

Benché, come si è visto, gli studi storici e paleografici degli ultimi decenni facciano luce sul destino del ms. 1/666, tuttavia nella storia del codice rimangono ancora delle lacune. Così, sarebbe particolarmente importante sapere chi furono gli autori delle postille marginali e interlineari, perché questa informazione ci permetterebbe di conoscere i possessori del manoscritto per ora ignoti.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Грамматика Мануила Мосхопула, библиотека Франческо Барбаро, библиотека кардинала Доменико Гримани, монастырь Сан-Микеле ди Мурано, венецианские гуманисты, византийская грамматическая традиция, греческие рукописи в Италии XV–XVI вв.

KEY WORDS

Grammar by Manuel Moschopoulos, Francesco Barbaro's Library, Domenico Grimani Cardinal's Library, Saint Michele di Murano Monastery, Venetian humanists, Byzatine grammatical tradition, Greek manuscripts in Italy, 15th–16th centuries.

М. Г. ЛОГУТОВА

«AMA NESCIRI»[1]. РЕКОНСТРУКЦИЯ АВТОБИОГРАФИИ ФОМЫ КЕМПИЙСКОГО ПО ЕГО ИСТОРИЧЕСКИМ СОЧИНЕНИЯМ[2]

Фома Кемпийский, автор книги «О подражании Христу» (по числу изданий уступает только Библии)[3], родился между 29 сентября 1379 г. и 24 июля 1380 г. в городке Кемпен неподалеку от Кельна в семье кузнеца (или золотых дел мастера) Иоганна (Johan Hemerken, Hamerlein — «молоточек»). У него был брат Иоганн, старше его на 15 лет. Мать происходила из уважаемой в Кемпене семьи Кют (Kuht, Kuit). В архиве г. Кемпен сохранился датированный 19 сентября 1402 г. документ, в котором братья Иоганн и Фома Хемеркены дают согласие на продажу дома их дядей клириком Иоганном Кютом и отказываются от каких-либо прав на наследство[4].

---

[1] «Ama nesciri et pro nihilo reputari» (Parvulus alphabetum monachorum // *Thomae Hemerken a Kempis*. Opera omnia / ed. M. J. Pohl. Friburgi Brisigavorum, 1904 (далее — *Thomae Hemerken*. Opera). Vol. 3. P. 317.

[2] Материалы данной статьи частично вошли в изд.: *Логутова М. Г.* Фома Кемпийский и «Новое благочестие» // Символ : журнал христианской культуры. Париж ; М., 2011. № 59 : Нидерландская духовная литература позднего Средневековья и раннего Нового времени. С. 201–259.

[3] *Waaijman K*. Inleiding // Nuchtere мystiek. Navolging van Christus / K. Waaijman e. a. Kampen, 2006. Blz. 9.

[4] Thomas à Kempis et la Dévotion Moderne : catalogue d'exposition. Bruxelles, 1971. P. 28 ; *Alberts W. J.* Uit het leven van Thomas a Kempis // Bijdragen over Thomas à Kempis en de Moderne Devotie. Brussel ; Zwolle, 1971. Blz. 29.

© Логутова М. Г., 2013

Брат Фомы, Иоганн Кемпийский (1365–1432), был одним из зачинателей «Нового благочестия». Это движение составилось в конце XIV в. из двух тесно связанных между собой структур: полусветских общин братьев и сестер «общей жизни» и монастырей Виндесгеймского капитула. Иоганн был переписчиком книг в первой общине братьев «общей жизни», которая сложилась в Девентере (Северные Нидерланды) вокруг патриция Герта Грооте (1340–1384) и священника Флоренса Радевейнса (ок. 1350–1400). В 1386–1387 гг. Иоганн вместе с пятью другими писцами своими руками построили небольшой монастырь Виндесгейм близ Зволле. Монастырь принял устав августинских уставных каноников и был освящен 17 октября 1387 г. В 1392 г. виндесгеймские каноники основали еще два монастыря, в 1395 г. эти три монастыря объединились в капитул под началом Виндесгейма. Расширение капитула шло в двух направлениях: основывались новые монастыри и присоединялись реформированные старые. Реформы заключались в строгом следовании уставу и духовному обновлению каноников путем воспитания сознательного отношения к христианской вере. В 1398 г. к Виндесгеймскому капитулу присоединился только что основанный монастырь Агнитенберг близ Зволле, первым приором которого стал Иоганн Кемпийский[5].

В 1392 или 1393 г. его двенадцатилетний брат Фома пришел для учебы из родного Кемпена в Девентер. Флоренс Радевейнс устроил мальчика в знаменитую латинскую школу при церкви Св. Лебвина, а по завершении обучения направил в 1399 г. в монастырь горы Св. Агнессы, где прошли более 70 лет иноческого служения Фомы Кемпийского. В 1406 г. Фома был облачен в монашеское одеяние, в 1413 или 1414 г. принял сан священника. Дважды назначался субприором монастыря и один раз — прокуратором. Переписывал книги и писал собственные произведения: мистико-назидательные трактаты, проповеди, молитвы, гимны. Его перу принадлежат также исторические сочинения: «Житие Лидевиги девы», «Диалоги новициев» и «Хроника Агнитенберга». В двух последних книгах (в случае с переписчиком Фомой Кемпийским следует различать его собственные произведения и переписанные им чужие) изредка проскальзывают кое-какие сведения о себе.

Немногочисленные автобиографические фрагменты заслуживают особого внимания. Они приоткрывают внутренний мир этого человека и вносят теплый и личный оттенок в клишированные житийные описания. При этом следует помнить, что самовосприятие Фомы основывалось на заложенной еще в подростковые годы идее христианского смирения, которой он подчинил свои действия, мысли и чувства. Сквозь все произведения Фомы красной нитью проходит мысль о том, что должно

---

[5] *Логутова М. Г.* Истоки и организационные формы «Нового благочестия» // СВ. М., 2000. Вып. 61. С. 225–253.

«…не своим заслугам или способностям, но одному Богу все приписывать»[6]. Слова, вынесенные в заглавие настоящей статьи, могут служить эпиграфом и к его собственной жизни. Фома дважды записал их в контексте фраз об истинном знании и об истинной пользе. В книге «О подражании Христу» они завершают пассаж о том, что нельзя использовать свои знания для возвеличения над другими людьми: «Зачем желаешь быть поставленным выше другого, когда найдутся многие более ученые, чем ты, и более сведущие в законе? Если желаешь знать и научиться чему-либо полезному, люби, чтобы тебя не знали и ни во что не ставили»[7]. Этой же фразой начинается «Малый алфавит монаха» — ряд кратких, расположенных в порядке алфавита наставлений молодому иноку. Здесь «Ama nesciri» становится первой и главной монашеской заповедью: «Люби, чтобы тебя не знали и ни во что не ставили. Это для тебя спасительнее и полезнее, чем быть восхваляемым людьми»[8]. В «Хронике монастыря горы Святой Агнессы» эти слова приведены в главе о трудах первых каноников, возводивших монастырь[9].

Фома был самым плодовитым автором «Нового благочестия», но его активная писательская деятельность не вступала в противоречие с заповедью монашеского смирения. Написанный текст имел для Фомы самодовлеющее, безотносительно к личности автора значение: «Не старайся узнать, кто это сказал: но обращай внимание на то, что сказано»[10]. Если человек писал не для суетной славы, то имел право высказывать свои мысли, особенно когда дело касалось воспитания в христианском духе подрастающего поколения. Именно воспитательный аспект в первую очередь усматривали в сочинениях Фомы его современики. В некрологе продолжатель «Хроники Агнитенберга» сообщил, что брат Фома Хемеркен

---

[6] «Omnis actio bona Deo ascribenda est: non vestrae industriae nec potentiae» (Sermones ad novicios regulares // *Thomae Hemerken*. Opera. Vol. 6. P. 57) ; «Qui virtutes suas et aliorum quaelibet opera bona simpliciter et integre pure et libere ad laudem et honorem Dei refert: totum Deo scribendo, nil meritis suis nec viribus attribuendo» (Hortulus rosarum // Ibid. Vol. 4. P. 39–40).

[7] «Noli altum sapere: sed ignorantiam tuam magis fatere. Quid te vis alicui praeferre, cum plures doctiores te inveniantur, et magis in lege periti? Si vis utiliter aliquid scire et discere: ama nesciri et pro nihilo reputari» (*Thomae Kempensis*. De imitatione Christ libri quattuor / ed. K. Hirsch. Berolini, 1874. P. 7).

[8] «Ama nesciri: et pro nihilo reputari. Hoc tibi salubrius est et utilius: quam laudari ab hominibus» (Parvulus alphabetum monachorum. P. 317).

[9] «Inveniebatur plerumque res gesta exterius: et nesciebatur actor operis. Sic ostensa fuit caritas in opera, et humilitas custodita in corde, iuxta illud: Ama nesciri» (Chronica montis sanctae Agnetis // *Thomae Hemerken*. Opera. Vol. 7. P. 348).

[10] «Non te offendat auctoritas scribentis, utrum parvae vel magnaeliterature fuerit: sed amor purae veritatis te trahat ad legendum. Non quaeras quis hoc dixerit: sed quid dicatur attende» (*Thomae Kempensis*. De imitatione Christ … P. 15).

«…для образования молодежи сочинил различные книжки, и хотя стиль этих книг прост и ясен, но содержание — величественно и воздействие — эффективно»[11].

Будучи профессиональным писателем, Фома тщательно продумывал темы своих книг и облекал их в наиболее подходящую для избранного сюжета форму. Каждый из немногочисленных автобиографических эпизодов в его произведениях выверен и точно встроен в канву повествования, усиливая эффект воздействия. В прологе к трактату *Soliloquium animae* Фома следующим образом описал свой творческий метод: «Я разнообразил свою речь, представляя ее то в виде разговора, то спора, то молитвы, то собеседования, и разворачивал повествование то от своего, то от другого лица»[12]. Когда того требовал жанр, рассказ велся «от другого лица», как в случаях с фактами собственной биографии в «Хронике Агнитенберга». Так, называя поименно каноников, переселившихся в Людингакерк во время так называемой Утрехтской схизмы, Фома писал о себе в третьем лице: «Во-первых, почтенный отец наш, приор Теодорик Кливис, во-вторых, брат Фома Кемпийский, субприор…»[13]

Чаще, однако, Фома писал от «своего лица», полагая, что конфиденциально личное обращение легче доносит информацию до ума и сердца читателя. Во введении к истории своего монастыря Фома перечислил источники, из которых черпал сведения, и на первое место поставил то, чему был свидетелем: «…я составил краткую хронику для утешения ныне живущих и для памяти будущих поколений. Смиренно подтверждая их [собратьев по монастырю] благочестивые пожелания, собрал, понемногу от многих, то, что видел своими глазами либо слышал от наших старших или узнал из написанного другими»[14]. В большинстве эпизодов от первого лица говорится о людях, которых он знал лично и память о которых хотел сохранить. В этих рассказах нет автобиографических данных в привычном смысле слова, но они высвечивают личность автора с его благодарностью, сочувствием. Многоплановость привлеченных источников является несомненным достоинством «Хроники монастыря горы Святой

---

[11] «Insuper composuit varios tractatulos ad aedificationem iuvenum in plano et simplici stilo, sed praegrandes in sententia et operis efficacia» (Chronica montis sanctae Agnetis. P. 466).

[12] «Vario etiam sermonum genere, nunc loquens, nunc disputans, nunc orans, nunc colloquens: nunc in propria persona, nunc in peregrina placido stilo textum praesentem circumflexi» (Soliloquium animae // *Thomae Hemerken*. Opera. Vol. 1. P. 191).

[13] «In primis venerabilis pater noster prior dictus frater Theodoricus Clivis, secundus frater Thomas Kempis supprior…» (Chronica montis sanctae Agnetis. P. 466).

[14] «…brevem chronicam texerem ad solacium praesentium et memoriam futurorum. Quorum piis desideriis humiliter annuens pauca de pluribus collegi, quae vel ipse oculis vidi, vel a senioribus nostris didici, aut ex aliorum scriptis accepi» (Ibid. P. 333).

Агнессы», однако в памяти остаются моменты, очевидцем которых был Фома. Немногословно, несколько отстраненно, но неизменно сочувственно он передавал характерные черты, свойственные при жизни его усопшим собратьям, их привычки и высказывания:

«В 1436 г. в день обретения Святого Креста умер <…> брат Алард священник <...> Он хотел умереть в праздник Святого Креста и, как просил, вымолил; потому что имел обыкновение проводить службу в алтаре Святого Креста. И часто мне говорил: “Для меня лучшее блюдо в трапезной — чтение Священного Писания, каковое слушаю с удовольствием”»[15].

Больше всего автобиографических отрывков имеется в «Диалогах новициев». Это сочинение было написано для наставления послушников. В нем использован великолепный прием — воспитывать молодых монахов на примере жизни выдающихся людей своего круга. Тем самым приглушалась дидактическая нота, и произведение лишалось ригористичности. Отвечая на вопросы новиция, Фома-наставник рассказывал о чистоте нравов Герта Грооте, Герарда Зербольта, Флоренса Радевейнса и их последователей (всех их, кроме Грооте, он знал лично), об их неустанной работе над совершенствованием своего внутреннего мира, их преданности общему делу, их любви к книгам и особенно к чтению Св. Писания, т. е. повествовал обо всем, что составляло духовную основу «Нового благочестия». В некоторых эпизодах умудренный опытом Фома-воспитатель вспоминает Фому-подростка или Фому-юношу, свидетеля или участника событий. Выстроенные в хронологической последовательности, эти рассказы и некоторые отрывки из «Хроники Агнитенберга» дают возможность смоделировать curriculum vitae Фомы Кемпийского. Событийная канва этой биографии бедна, поскольку при описании каждого эпизода акцент сделан на мыслях и чувствах, вызванных словами и действиями людей, с которыми довелось общаться Фоме. В целом эта гипотетическая автобиография отражает напряженную внутреннюю жизнь сначала подростка, затем юноши и зрелого человека, наставника новициев.

Все члены своей семьи перечислены Фомой только раз, в рассказе о его облачении в монашеское одеяние:

«В году 1406 <…> были облачены два брата клирика и один конверс брат Фома Хемеркен из города Кемпен Кельнского диоцеза, единокровный

---

[15] «Eodem anno [AD MCCCCXXVI] obiit in inventione sanctae crucis <…> frater Alardus, presbyter de Pilsum, natione Friso <…> annorum plus quam LXXVI <… > Qui in festo sanctae crucis mori desideravit et, sicut petiit, impetravit; quia frequenter in altari sanctae crucis celebrare consuevit. Dicebat etiam saepius mihi. Optimum ferculum, quod habeo in refectorio, est sacra lectio, quam libenter audio…» (Ibid. P. 409).

брат Иоганна Кемпийского, первого приора [монастыря]. Отца их звали Иоганном, мать — Гертрудой»[16].

Больше родителей Фома не упоминал, но старшему брату, первому приору монастыря горы Св. Агнессы, посвящено в «Хронике Агнитенберга» немало страниц[17].

Во временной последовательности жизненного пути Фомы первое сообщение о себе содержится в «Диалогах новициев». Когда в двенадцатилетнем возрасте он пришел к старшему брату в Девентер, то там его не застал — Иоганн уже несколько лет был каноником в Виндесгейме. Фома пишет:

«Когда в отроческие годы пришел я учения ради в Девентер, то выяснил, что должен идти далее к каноникам в Виндесгейм. Там нашел я братьев уставных каноников вместе с единокровным братом моим и с их одобрения был направлен к высокочтимому мужу магистру Флоренсу Радевейнсу, благочестивому викарию и священнику девентерской церкви, чья слава уже вышла за пределы города и в своей любви привлекала мой ум»[18].

Фома оказался в чужом городе в том возрасте, когда подростку необходимы внимание и чуткое руководство. Радевейнс принял заботу о мальчике. Он определил его в школу при церкви Св. Лебвина и снабдил книгами, которые, как он полагал, будут полезны в его занятиях[19]. Когда пришло время внести залог за школьные учебники, Радевейнс дал Фоме необходимые для этого деньги. Ректор школы, большой друг Радевейнса, узнав, откуда деньги, велел их вернуть[20]. Сначала Фома жил в доме

---

[16] «Anno Domini M.CCCC.VI. in die Sacramenti, quae tunc fuit in profesto Barbarae, investiti sunt duo fratres clerici et unus conversus frater Thomas Hemerken de Kempis civitate, dioececis Coloniensis, germanus fratris Iohannis Kempen primi prioris, quorum pater Iohannes, mater Gertrudis vocabatur» (Chronica montis sanctae Agnetis. P. 371–372).

[17] Ibid. P. 365–368, 370–372, 407–408.

[18] «Cum igitur studii causa in annis adulescentiae Daventriam pervenissem: quaesivi iter pergendi ad regulares in Windesem. Ibique inventis fratribus canonicis regularibus cum germano meo, hortatu illius inductus sum adire summae reverentiae virum magistrum Florentium Daventriensis ecclesiae vicarium sacerdotemque devotum, cuius fama dulcissima ad partes superiors iam ascenderat et in amorem sui mentem meam traxerat: quem frequens turba scholarium in divinis rebus agentem recommendare solebat» (Dialogus noviciorum // *Thomae Hemerken*. Opera. Vol. 7. P. 214–215).

[19] «Veniens ergo ad praesentiam patris reverendi, mox pietate motus; aliquantis per me secum in domo tenuit et ad scholas instituit: datis insuper libris quibus me egere putavit» (Ibid. P. 215).

[20] «Magister Johannes Boeme rector scholarium et vicarius maioris ecclesiae: sub quo diu frequentavi magnus amicus fuit domini Florentii, libenter eum audiens et faciens quod Deo placitum fore sciebat. Cum ergo tempus solvendi pretium instaret: reddiderunt singuli quod iure debebant. Tunc etiam et ego optuli ei pretium ad manum

мейстера Флоренса, позднее Радевейнс добился для него гостеприимства у некой благочестивой женщины[21]: в Нидерландах считалось богоугодным делом взять в дом школьника и предоставить ему пиво и хлеб[22]. Обаяние личности Радевейнса оказало определяющее влияние на духовное становление юноши. Спустя много лет Фома писал в «Жизнеописании господина Флоренса»: «И если все будут хранить молчание, я не стану безмолвствовать, но буду петь милосердие господина Флоренса в вечности»[23].

Значительная часть автобиографических заметок Фомы относится к отроческим и юношеским годам, проведенным с Радевейнсом и его окружением. Воспоминания эти проникнуты теплом и признательностью. У братьев он приобрел полезные для своей будущей жизни знания: он научился слушать (воспринимать на слух и понимать) тексты благочестивых книг, самостоятельно читать Св. Писание и писать, т. е. переписывать книги[24]. Переписка книг была основным занятием братьев «общей жизин», уделявшим ему по семь-восемь часов в день. Книги изготавливались для своих библиотек и для продажи (pro pretio). Часть заработанных денег шла на содержание общежития для школьников, где мальчикам прививали сознательное отношение к христианской вере и к чтению. Активная писцовая деятельность братьев диктовалась спросом на доступную пониманию среднего клира и грамотных горожан религиозную литературу, потребность в которой они сами в значительной мере воспитывали своей просветительной работой. Библиотеки братьев «общей жизни» были открыты для мирян, и в некоторых из них книги выдавались на дом.

По воскресным и праздничным дням братья приглашали мирян в свои дома на собеседования (collationes), во время которых читали с ними отрывки из Св. Писания и благочестивых книг. Благочестивые собеседования стали действенным методом распространения идей внутреннего религиозного обновления. Они зародились в доме Флоренса Радевейнса как вечерние чтения и беседы братьев между собой о прочитанных книгах,

---

eius: repetens librum quem pro pignore reliqui. Et quia notitiam mei habuit sciens me stare sub cura domini Florentii ait mihi. Quis dedit tibi hanc pecuniam? Respondi. Dominus meus Florentius. Vade inquit reporta sibi pecuniam suam: nolo aliquit a te recipere propter ipsum. Reportavi iterum pecuniam domino meo Florentio et dixi. Reddidit mihi magister pretium amore vestri. At ille. Grates sibi ago alias iterum donis potioribus provideo» (Ibid. P. 177).

[21] «Demum hospitium cum quondam honesta et devota matrona gratis impetravit: quae mihi et aliis multis clericis saepius benefecit» (Ibid. P. 177).

[22] *Codina M. G.* Aux sources de la pédagogie des jésuites le «Modus Parisiensis» // Bibliotheca instituti historici S. J. Roma, 1968. Vol. 27. P. 155.

[23] «Etsi omnes tacuerint ego non silebo, sed misericordias domini Florentii in aeternum cantabo…» (Dialogus noviciorum. P. 158).

[24] «Ibi quippe didici scribere et sacram scripturam legere, et quae ad mores spectant: devotosque tractatus audire» (Ibid. P. 319).

о духовном становлении личности. Когда в доме появились школьники, их также стали привлекать к участию в коллациях. На них Фома научился читать Библию и книги, служащие воспитанию внутренней природы человека[25]. Отголоски этих доверительных бесед слышны во многих книгах Фомы.

Радевейнс ровно и доброжелательно относился ко всем школьникам и не выделял Фому, хотя тот и был братом одного из его первых соратников. За восемь проведенных в Девентере лет Фома только раз получил приглашение на ежегодно устраиваемый мейстером Флоренсом обед:

«Имел обыкновение каждый год в день святого папы Григория приглашать, в честь этого святого, двенадцать бедных школьников к своей трапезе, поскольку святой Григорий каждый день собирал у себя двенадцать бедняков. [И однажды], по милости его, некто по имени громко меня назвал, чтобы я пришел в дом [Радевейнса] в час трапезы. Подкрепленные едой и питьем, мы с радостным сердцем возвращались в школу, громко воздавая хвалу Богу и господину нашему Флоренсу за оказанные благодеяния и гостеприимство»[26].

Очень проникновенно, с точной интонацией, передающей всю глубину его любви и уважения к этому человеку, описан один случай во время церковной службы:

«В то время я посещал хор вместе с другими учениками, как мне было предписано магистром Иоганном Беме, строго руководившим школой и хором. И сколько раз видел на хорах господина Флоренса. <…> Случилось как-то, что я стоял в хоре недалеко от него. Он повернулся к книге, чтобы петь вместе с нами, и, стоя позади меня, положил руку мне на плечо. Я замер, едва смея пошевелиться, пораженный таким знаком благосклонности»[27].

---

[25] «…quae ad mores spectant: devotosque tractatus audire» (Dialogus noviciorum. P. 319).

[26] «…omni anno in festo beati Gregorii papae, duodecim pauperes scholares ad honorem sancti Gregorii ad suum prandium invitare solebat quia beatum Gregorium duodecim pauperes omni die habuisse legerat. Et ego ex comissione eius aliquos pauperes nominatim mihi expressos: ad domum eius hora prandii introduxi. Qui cibo potuque refecti alacri corde ad scholas redierunt, et de acceptis beneficiis, Deo laudes et magnas grates largifluo hospiti suo domino Florentio…» (Ibid. P. 155).

[27] «Et ego tunc temporis cum aliis scholaribus chorum visitare consuevi sicut iniunctum mihi fuerat a magistro Iohanne Boëme, qui scholas et chorum strenue regebat. Quotiens ergo dominum meum Florentium in choro stantem vidi, licet ipse non circumspiceret: praesentiam tamen eius ob reverentiam status sui metuens, cavebam aliquid fabulari. Et accidit aliquando ut non longe ab eo starem in choro: vertitque se ad librum nobiscum canendo. Et stans retro me manus suas super umerum meum posuit, stetique fixus vix audens me movere: stupens ad tantae dignationis gratiam» (Ibid. P. 142).

В память школяра Фомы запал один разговор, который состоялся у школьников со «смиренным поваром» в доме мейстера Флоренса Иоганном Кесселем. Состоятельный купец, Кессель хотел стать священником и начал изучать латынь, однако после бесед с Радевейнсом оставил учебники и упросил мейстера Флоренса взять его в свой дом поваром[28]. Был образцом смирения, во время приготовления еды распевал молитвы. Кессель превратил свою кухню в молельню, поскольку знал, что Бог есть везде, и из огня материального сумел возжечь жар духовный[29].

«Однажды в праздничный день, — пишет Фома, — когда к нему [Кесселю] пришли из школы некие клирики, он завел с ними беседу о благих вещах. И среди прочего сказал следующее. Находим записанным в Евангелии: блаженны нищие духом, ибо их есть царствие Небесное. Нигде, однако, не читаем, что блаженны магистры искусств. Клирики же, которые с большим почтением его слушали, были поражены необычностью этих слов. Далее он разъяснил свою мысль: без смирения наука не приносит пользы, но нищетою духа, т. е. смирением, воистину достигается Царство Божие»[30].

Ни одна школа не может существовать без соревнования учеников друг с другом и без размышлений учащихся о последующем приложении своих знаний. Представляется вероятным, что в школе при церкви Св. Лебвина воспитанников ориентировали на дальнейшее обучение в университете и на получение ученых степеней. Столь чтимые Фомой Грооте и Радевейнс были магистрами искусств. Поэтому мысль о том, что нужно стремиться к смирению себя перед Богом, а не к университетским званиям, показалась такой необычной для школяра Фомы. Возможно, слова Кесселя заставили его задуматься о будущем — идти в университет или в монастырь. В своих сочинениях Фома не раз возвращался к этой теме и всесторонне рассмотрел ее во второй, третьей и четвертой главах первой книги «О подражании Христу»[31].

---

[28] Ibid. P. 295.

[29] «Saepe namque inventus est flexis genibus orare circa ignem et cum ollam manu congereret: ore devote psallebat. Fecit de coquina oratorium sciens ubique esse Deum: et de igne materiali excitavit spiritualem fervorem» (Ibid. P. 296).

[30] «Quodam die sacro cum quidam clerici venissent ad eum de schola: coepit eis dicere aliqua bona, et inter cetera haec ait. Bene invenimus in evangelio scriptum, beati pauperes spiritu: quoniam ipsorum est regnum caelorum, sed nullibi legimus, beati magistri artium. At illi obtupescentes de novitate verborum: cum multa reverentia eius verba sumpserunt Quibus etiam declarabat sententiam suam: quia sine humilitate scientia non prodest sed paupertate spiritus id est humilitate regnum Dei veraciter obtinetur» (Ibid. P. 297).

[31] *Фома Кемпийский*. О подражании Христу / пер. с лат. К. П. Победоносцева. Брюссель, 1983. С. 3–5.

Последний школьный год Фома опять жил в доме мейстера Флоренса, где делил комнату и постель с другим юношей, Арнольдом ван Схонховеном[32]. В доме жили 20 человек: трое братьев-мирян (ведавший практическими делами дома прокуратор, вестиатор, заботившийся об одежде, и повар) и клирики, переписывавшие книги. Некоторые из них впоследствии ушли в августинские монастыри, другие стали священниками[33].

Постоянное общение с клириками-писцами побуждало Фому учиться профессиональному письму. Начальный импульс, однако, он получил от своего товарища по комнате Арнольда Схонховена, к советам которого о презрении мира внимательно прислушивался[34]. Этот юноша из состоятельной семьи страстно хотел остаться в доме мейстера Флоренса и стать полноправным членом общины. Радевейнс объяснил ему, что для этого требовалось научиться переписывать книги. Совет послужил Арнольду руководством к действию:

«Учитесь хорошо писать, и тогда надежда будет с вами. Услышав это, он [Арнольд] приложил все старание к тому, чтобы научиться хорошо писать, постоянно навещая одного из лучших писцов с просьбой как можно более полно себя проинструктировать. И говорил мне: “О если бы я овладел мастерством письма, то мог бы скорее жить с господином Флоренсом. Надеюсь с божьей помощью успешно победить свои страсти, чтобы благодаря этому научиться писать”. Когда я это услышал, удивлен был его скромностью и жаром: потому что он со всем напряжением исполнял то, что советовал господин Флоренс. А я рассудил наоборот, говоря себе: если бы знал, что это сделает меня лучше, то захотел бы выучиться хорошо писать»[35].

Последняя фраза показывает, как тонко Фома, со свойственной ему высокой степенью интроспекции, уловил различие между собой и своим товарищем. Два юноши делили комнату и постель, равно впитывали в себя атмосферу дома мейстера Флоренса и ревностно стремились к благочестию.

---

[32] «Eodem tempore adiuvante domino Florentio et consulente domum illam inhabitare coepi, et fere per annum in congregatione illa cum Arnoldo permansi: simul una camerula unoque lecto ambo contenti» (Dialogus noviciorum. P. 318–319).

[33] Ibid. P. 318.

[34] «Ad saeculi quoque contemptum fortius animabar maxime dulci conversatione fratrum et pia admonitione Arnoldi cotidie adiutus et instructus» (Ibid. P. 319).

[35] «…ita dicens ad eum [Arnoldum]: Discatis bene scribere et tunc spes erit de vobis. Quo audito tota diligentia nitebatur scribere addiscere: saepe vadens ad unum de bonis scriptoribus et petens ab eo plenius informari. Et dixit mihi. O si scirem bene scribere: ut possem citius cum domino Florentio habitare. Spero quod bene per gratiam Dei vellem passiones meas vincere: si tantummodo scribere scirem. Et cum haec audissem, miratus sum probitatem eius et fervorem: quia omni conamine satagebat agere quae dominus Florentius dixerat. Et ego versa vice cogitavi mecum dicens. Bene vellem addiscere scribere: si scirem me bene emendare» (Ibid. P. 323).

Но одному из них цель жизни виделась в получении места писца, все прочее, в том числе победа над собой, служило средством к ее достижению. Для Фомы уже в юные годы борьба за совершенствование своей духовной природы стала главной задачей, которой он подчинил всю свою жизнь. Впоследствии в книге «О подражании Христу» он писал: «Не тому ли всего труднее борьба, кто старается победить себя самого? И вот какое должно быть наше дело: себя самого побеждать и каждый день оттого становиться сильнее и восходить на лучшее»[36].

Что касается мастерства переписчика, то Фома, вероятно, на собственном опыте убедился, что писцовая работа дисциплинирует и способствует самоконтролю, и попросил одного из клириков сделать для него прописи. В этом эпизоде из «Жизнеописания господина Люберта Бернери» Фома говорит о себе в третьем лице («quodam iuvene»). Отдавая юноше готовые прописи, Люберт сказал, что с такими длинными и мягкими пальцами тот научится хорошо писать. Фома добавляет: «И, с божьей помощью, правильно предсказал»[37]. Впоследствии писцовый труд стал одним из главных дел его жизни, но уже в этот свой последний год в Девентере Фома наравне с благочестивыми клириками переписывал книги на продажу. Заработанные деньги отдавал в общую кассу, но, поскольку их не хватало на его содержание, остальное доплачивал за него Радевейнс, помогавший юноше во всем с отеческой заботой[38]. Фома отвечал ему самой высокой мерой любви и уважения и всей душой сопереживал страданиям, происходившим от слабого здоровья мейстера Флоренса:

«Однажды я пришел навестить его в его комнате, где он, немощный, сидел в своей постели, и сердечно приветствовал его, много сожалея о его слабости. Брат же Якоб де Вианен, который тогда прислуживал ему, принес какие-то укрепляющие приправы, говоря: “Это хорошие кушанья, отведайте немного. Приятно пахнут, не правда ли?” Тогда он мне, слушающему, ответил: “Корка хлеба для вас вкуснее, чем мне это…”»[39].

---

[36] *Фома Кемпийский*. О подражании Христу. С. 3.

[37] «Sciebat [Lubertus Bernerus] etiam bene scribere, et libenter scripsit: vitans otium et diligenter operi manuum instans, et alios inducens ad scribendum. Rogante autem quodam iuvene ut exemplar ei scriberet: benigne annuit et fecit. Et ait: Bene addisces scribere: longos enim et molles digitos habes. Et Deo cooperante verum prophetavit» (Dialogus noviciorum. P. 242).

[38] «Quicquid tunc scribendo lucrari potui in sumptus communes tradidi: et quod mihi defuit, larga pietas dilecti domini mei Florentii pro me persolvit…» (Ibid. P. 319).

[39] «Veni aliquando ad visitandum eum in camera sua, ubi sedebat debilis in lectulo suo: et salutavi eum benigne, multum dolens de eius infirmitate. Frater autem Iacobus de Vianen qui ei tunc ministeravit; aliquas species confortativas ei obtulit dicens. Istae bone species sunt, gustetis parum inde. Nonne valde bene sapient? Tunc ille me audiente respondit. Crustula panis melius vobis saperet, quam istud mihi» (Ibid. P. 160).

Отличительной чертой Радевейнса была приветливость в обхождении с людьми, проистекавшая из глубокой и деятельной веры в Бога: «Во внешнем облике и в речах был мягким и в глазах всех приятным, ведь был он истинным возделывателем [пашни] Бога и преданнейшим почитателем матери святой Церкви»[40]. Общение с этим неординарным человеком пробуждало в юноше стремление следовать его примеру. Постепенно это еще детское желание подражать старшим перешло в осознанную работу над собой — то, что в своих воспоминаниях Фома назвал обучением в школе Христа:

«[Радевейнс] показывал себя веселым и утешительным людям опечаленным и искушаемым, так что, если кто был раздражен и разгневан, после того как его видел и с ним некоторое время беседовал, в скором времени возвращался к себе с Богом, вполне успокоенный и утешенный. Что я сам очень часто испытал на себе, равно как и товарищи мои благочестивые. Благодаря его советам и беседам мы были обучены и в школе Христа наилучшим образом просвещены»[41]. Возможно, именно от Радевейнса идет та особая, идущая от сердца, искренняя и убеждающая интонация доверительного разговора старшего, мудрого и опытного, с юным и желающим знать, которая свойственна всем произведениям Фомы и прежде всего четырем книгам «О подражании Христу».

В доме мейстера Флоренса юноша получил не только навыки и умения. Неизгладимый след в его душе оставил весь строй жизненного уклада братьев, их повседневное общение между собой и с другими людьми. Фома понимал, что каждый из них нашел себя и свое место в этом мире: «Приближенный таким образом к благочестивому мужу [Радевейнсу] и его собратьям, — вспоминал Фома, — я ежедневно наблюдал и внимательно следил за их благочестивым образом жизни и находил радость и удовольствие в добрых нравах их и в дружеских словах, которые исходили из их смиренных уст; потому что не помню, чтобы когда-либо раньше видел людей, столь благочестивых и ревностных в любви к Богу и к ближним, — людей, которые, живя среди мирян, ничего общего с мирской жизнью не имели»[42]. Он отдавал себе также отчет, скольким обязан

---

[40] «Visu enim et auditu iustus erat, atque omnium oculis gratiosus; utpote verus Dei cultor, et sanctae matris ecclesiae devotissimus venerator» (Dialogus noviciorum. P. 215).

[41] «Tristibus et temptatis hilarem se exhibuit et solaciosum, ut si quis offenses fuisset et turbatus eo viso et secum parum loquente: mox bene pacatus et consolatus ad sua cum gaudio remearet. Hoc saepissime expertus sum in me ipso et sociis meis devotariis, qui eius consilio eruditi sumus: et in schola Christi optimis collationibus informati» (Ibid. P. 153–154).

[42] «Adiunctus itaque tam devoto viro et fratribus eius cotidie devotam eorum conversationem attendi et inspexi: et gavisus sum ac delectatus in bonis moribus eorum et in verbis gratiae quae de ore humilium procedebant; quia numquam prius

братьям «общей жизни» и прежде всего Радевейнсу. Во вступлении к «Жизнеописанию господина Флоренса» кратко и точно перечислены ступени, по которым девентерский священник провел его самого и его школьных товарищей. Фома отметил благодеяния мейстера Флоренса, т. е. каждодневную заботу об их существовании, далее попечение о духовном становлении юношей, благодаря которому они приняли сознательное решение посвятить себя Богу. Финальной нотой в отношениях молодых людей с Радевейнсом стала помощь при поступлении в монастырь: «…мне, недостойному, кажется бесстыдным и неблагодарным хранить молчание о достоинствах столь любимого отца, который меня и многих других в жизни облагодетельствовал, сначала привел к служению Богу, затем направил к вратам монастыря»[43].

В доме Радевейнса сложилась практика, распространившаяся затем в XV в. по всей территории Нидерландов. По завершении учебы юноши некоторое время жили в опекавших их в школьные годы домах братьев «общей жизни». Они участвовали в занятиях священников и клириков, которые жили как монахи, но без принесения обетов. Некоторые, как Арнольд Схонховен, оставались в доме братьев до конца жизни[44], другие, в том числе сам Фома и еще один его товарищ, Генрик Вильгельм, ставший его собратом по Агнитенбергу, ожидали места в монастыре. Пребывание в домах братьев «общей жизни» служило молодым людям промежуточной ступенью к монашеской стезе, давало им возможность оценить свои силы и понять, способны ли они к отречению от мира. «Не всем дано, отказавшись от всего, принять жизнь монашескую»[45], — писал позднее Фома. Можно полагать, что в доме мейстера Флоренса он сам примерял себя к иноческому служению, которому позднее воздал восторженную хвалу: «О какое священное состояние службы иноческой: оно делает человека равным ангелам, Богу приятным, злым духам страшным и у всех верных достохвальным! Как не приять, как не желать всячески этого служения, когда им приобретается верховное благо, через него достигается радость, без конца пребывающая!»[46]

Покидая в 1399 г. Девентер, Фома оставил там свои детство и юность. Со вступлением в монастырь началась взрослая жизнь, о некоторых

---

tales homines tam devotos et ferventes in caritate Dei et proximi me vidisse memini, qui inter saeculares viventes de saeculari vita nihil habebant: nihilque de terrenis negotiis curare videbantur» (Ibid. P. 215–216).

[43] «Denique durum et ingratum mihi indigno videtur, si tam dilecti patris virtutes reticerem: qui mihi et multis aliis beneficit in vita et primo traxit ad Dei servitium ac tandem direxit ad monasterii portum» (Ibid. P. 118).

[44] Ibid. P. 317–328.

[45] *Фома Кемпийский*. О подражании Христу. С. 137.

[46] Там же. С. 138.

эпизодах которой он поведал в «Хронике Агнитенберга». По словам Фомы, к ее написанию его подвигли просьбы братьев-монахов:

«Благочестивое устремление некоторых наших братьев настоятельно требовало, чтобы я составил краткую хронику для утешения ныне живущих и для памяти будущих поколений. Смиренно подтверждая их благие пожелания, собрал, понемногу от многих, то, что видел своими глазами либо слышал от наших старших или узнал из написанного другими»[47].

История монастыря горы Св. Агнессы дана Фомой в контексте поступательного развития «Нового благочестия» и Виндесгеймского капитула, а также тесно увязана с происходившими в Утрехтской епархии событиями — Утрехтской схизмой. Повествование начинается с рассказа о связях Герта Грооте с домом братьв «общей жизни» в Зволле. Незадолго до своей смерти Грооте посетил Зволле и указал место в окрестностях города, которое счел наиболее подходящим для общины[48]. В 1398 г. епископ Утрехта дал разрешение преобразовать дом братьев в монастырь августинских уставных каноников. В том же году на собрании генерального капитула монастырь был принят в Виндесгеймский капитул[49]. Агнитенберг стал пятым монастырем капитула, его главой был избран старший брат Фомы Иоганн:

«В 1399 г. после Пасхи брат Иоганн Кемпийский, монах из Виндесгейма, был избран приором монастыря. Этот первый приор, с божьей помощью, в течение девяти лет строго управлял домом с большой бедной семьей. И как строения, так и книги и все необходимое для монастыря имущество достойно улучшил. <…> Трудно сказать, каким трудом и потом эта гористая песчаная местность была приведена к изобилию плодов и стала ровной земной поверхностью. <…> В свободное время [Иоганн] усердно предавался чтению Священного Писания, переписывал и украшал книги. Переписал много книг для хора и для библиотеки и, поскольку община все еще оставалась бедной, побуждал некоторых братьев переписывать книги на продажу, как это было в обычае с прежних времен»[50].

---

[47] «Quorundam fratrum nostrorum pius flagitavit affectus, ut de exordio domus nostrae et de prima fundatione monasterii nostri in monte sanctae Agnetis brevem chronicam texerem ad solacium praesentium et memoriam futurorum. Quorum piis desideriis humiliter annuens pauca de pluribus collegi, quae vel ipse oculis vidi, vel a senioribus nostris didici, aut ex aliorum scriptis accepi» (Chronica montis sanctae Agnetis. P. 333).

[48] Ibid. P. 339–340.

[49] Ibid. P. 355–364.

[50] «Anno Domini MCCCXCIX [1399] post pascha frater Iohannes Kempis, conventualis in Windesem, electus est in priorem domus montis sanctae Agnetis. Hic primus prior Deo auxiliante statum domus cum multa et paupere familia annis novem strenue ac religiose gubernavit: et tam in aedificiis, quam in libris et aliis necessariis bona monasterii commendabiliter melioravit. <…> Non est facile dictu,

Фома вступил в Агнитенберг в 1399 г. В тот год по распоряжению папы Бонифация IX в Зволле, по случаю освящения капеллы Богоматери[51], отпускались грехи:

«В 1399 г. в Зволле давались апостольские отпущения грехов <…> В тот же год я, Фома Кемпийский, девентерский школяр, рожденный в кельнской епархии, пришел в Зволле за индульгенцией. Затем проследовал, радостный, в монастырь горы Святой Агнессы, где попросил пристанища и был милосердно принят. Позднее <…> туда же пришел Вильгельм Хенрик, уроженец Амстердама, который также некоторое время пребывал в Девентере с благочестивыми клириками»[52].

В монастыре Фома был принят сначала на положении доната[53], затем конверса[54]. Донаты приносили только один обет послушания приору своего монастыря[55]. Статус доната позволил Фоме продолжить свое образование в знаменитой городской школе в Зволле, которую возглавлял реформатор школьного образования и друг основателя «Нового благочестия» Герта Грооте — Иоганн Целе. В старших классах изучались дисциплины факультета искусств — логика и начатки философии. Когда Фома посещал школу, жил в общежитии для бедных школьников, которое содержали при своем доме братья «общей жизни» в Зволле[56].

---

quanto labore et sudore locus ille montuosus et arenosus in ubertatem fructuum et planitiem terrae sit deductus. <…> Tempore vacante lectionibus sacris insistebat: et saepe libris scribendis vel illuminandis operam dedit. Plures libros pro choro et pro armaria scribi fecit; et nihilominus quia pauperes adhuc errant, aliquos fratres pro pretio scribere ordinavit, sicut ab antiquis temporibus consuetum erat. Quod multi fratrum studiose fecerunt: alii autem laboribus externis se viriliter exposuerunt» (Chronica montis sanctae Agnetis. P. 365–368).

[51] *Thüss B. J.* De geschiedenis van het klooster op de Agietenberg // Een klooster ontsloten. De kroniek van Sint-Agnietenberg bij Zwolle door Thomas van Kempen. Kampen, 2000. Blz. 93.

[52] «Anno MCCCXCIX [1399] fuerunt Zwollensibus datae indulgentiae apostolicae <…> Eodem anno ego Thomas Kempis, scholaris. Daventriensis, ex dioecesi Coloniensi natus veni Zwollis pro indulgentiis Deinde processi laetus ad montem sanctae Agnetis et feci instantiam pro mansione in eodem loco; et fui misericorditer acceptatus. Postea in profesto sanctae Barbarae virginis venit ibidem Wilhelmus Henrici de Amsterdam oriundus: qui etiam Daventriae stetit ad tempus cum clericis devotis» (Chronica montis sanctae Agnetis. P. 368).

[53] *Thüss B. J.* De geschiedenis … Blz. 93.

[54]Chronica montis sanctae Agnetis. P. 371.

[55] *Dijk R. Th. M. van*. De Agnietenbergkroniek in het licht van de Moderne Devotie // Een klooster ontsloten. De kroniek van Sint-Agnietenberg bij Zwolle door Thomas van Kempen. Kampen, 2000. Blz. 44.

[56] *Geest P. van*. Thomas à Kempis (1379/1471). Een studie van zijn mens-en godsbeeld. Analyse en textuitgave van de Hortulus rosarum en de Vallis liliorum. Kampen, 1996. Blz. 46.

Конверсы приносили три обета и имели статус religiosus. Исполнять главную обязанность каноников — петь в церковном хоре — могли после обряда облачения в монашеское одеяние только те конверсы, которые умели читать[57]. Обычно испытательный срок не превышал одного-полутора лет. Товарищ Фомы по дому мейстера Флоренса, Вильгельм Хенрик, пришел в монастырь в один год с Фомой и был облачен в 1401 г., Фома же только в 1406 г.[58] В 1407 г. он принес монашеские обеты[59]. Причина, по которой его испытательный срок длился более шести лет кроется, скорее всего, в его высокой требовательности к себе. «Наружный обычай и пострижение немного значит; но изменение нравов и внутреннее умерщвление страстей — вот что совершает истинного монаха», — писал он позднее[60].

В «Хронике Агнитенберга» события собственной жизни освещены Фомой Кемпийским очень избирательно, нет описаний собственных мыслей и чувств, которые придают такое обаяние «Диалогам новициев». Это диктовалось как требованиями жанра строгой монастырской хроники, так и тем обстоятельством, что Фома в монастыре — уже взрослый человек, равноправный член монашеского сообщества. Все личное было вынесено за рамки повествования. Так, он не пишет о том, что в 1408 г. его брата Иоганна перевели во вновь основанный монастырь Св. Петра в Зальтбоммеле, сообщает лишь об избрании новым приором своей обители Вильяма Ворнкена (Wiliam Vornken)[61]. Такое значительное для себя событие, как рукоположение в сан священника, которому в «Подражании Христу» дана самая высокая оценка[62], также обойдено молчанием. Дату принятия сана священника в 1413 или 1414 г. мы узнаем из его некролога в «Хронике Агнитенберга»[63].

Следующий по времени эпизод своей жизни, о котором поведал Фома в «Хронике», связан со смертью в 1424 г. приора Виндесгейма Яна ван Хейсдена (Jan van Heusden). Во время визита в главный монастырь капитула для беседы с Хейсденом Фоме привиделся пророческий сон. Рассказ ведется от третьего лица:

---

[57] *Dijk R. Th. M. van*. De Agnietenbergkroniek … Blz. 44.

[58] «Anno Domini M.CCCC.VI. in die Sacramenti, quae tunc fuit in profesto Barnabae, investiti sunt duo fratres clerici et unus conversus frater Thomas Hemerken de Kempis civitate» (Chronica montis sanctae Agnetis. P. 371–372).

[59] *Geest P. van*. Thomas a Kempis … Blz. 46.

[60] *Фома Кемпийский.* О подражании Христу. С. 33.

[61] Chronica montis sanctae Agnetis. P. 375.

[62] «Великая тайна и великое достоинство священнического звания! Им дано то, чего и ангелы не прияли. Одни только священники, по чину церковному поставленные, власть имеют совершать службу и освящать тело Христово» (*Фома Кемпийский*. О подражании Христу. С. 298).

[63] Chronica montis sanctae Agnetis. P. 472.

«Случилось, что незадолго до кончины его [Хейсдена] <…> два брата из монастыря горы Святой Агнессы пришли поговорить с приором Виндесгейма. Одному из них той же ночью был явлен предсказывающий будущее сон. Он увидел в небесах толпу духов, подобно тому как если бы они спешили к кончине кого-то. И во сне слышал, как регулярно бил колокол, как если звонил по умирающему, и затем он, пробудившись, проснулся. Он встал с постели, желая знать, что происходит, и никого не заметил. Было утро, пятый час, братья еще спали. Вернувшись к себе, в молчании стал размышлять, что очень скоро отец наш приор покинет этот мир. Никому в доме о видении не сообщил, только по секрету сказал одному клирику, шедшему с ними из Брабанта: "Передайте господину Герману Скуткену[64], который пребывает в Тене, что если он хочет поговорить с отцом нашим в Виндесгейме, то пусть быстрее возвращается; потому что, как я полагаю, недолго он [в этом мире] пребудет, если верно видение, которое некто видел этой ночью"»[65].

Через 15 дней, 2 декабря 1424 г., Хейсден скончался. Этот случай почти дословно пересказан в «Виндесгеймской хронике» историографом «Нового благочестия» Иоганном Бусхом с той разницей, что Бусх сообщил имя брата, которому явилось видение: «Фома Кемпийский, муж испытанной жизни, написавший много небольших трактатов, среди которых "Кто следует мне" о подражании Христу»[66].

Выборы приоров Виндесгейма и Агнитенберга стали главными событиями 1425 г. для обитателей монастыря горы Св. Агнессы. Новым главой Виндсгейма был избран приор Агнитенберга Вильям Ворнкен, а новым главой Агнитенберга — прежний субприор монастыря горы Св. Агнессы Теодорик ван Клееф (Theodoric van Kleef)[67]. О том, что на

---

[64] Герман Скуткен (Hermann Scutken) был духовником Хейсдена. *Busch J.* Chronicon Windeshemense und Liber de reformation monasteriorum / Hrsg. K. Grube. Halle, 1887. S. 59. (Geschichtsquellen der Provinz Sachsen ; XIX).

[65] «Contingit ante paucos obitus sui dies infra octavam sancti Martini episcopi, ut duo fratres de monte sanctae Agnetis ad colloquendum priori in Windesem venirent. Tunc unus illorum eadem nocte tale somnium habuit, praesagium futurorum. Vidit namque in caelestibus concursum spirituum fieri et quasi ad obitum alicuius festinare. Statimque tabulam quasi pro exitu morientis in somnis audivit pulsare, ut inde expergefactus evigilaret. Surgens ergo de lecto et volens ire visum, quid esset, neminem percepit. Erat enim mane ante quintam horam, et fratres adhuc quiescebant. In se reversus tacitus cogitare coepit, quia forte in brevi pater noster prior de saeculo migrabit. Nulli tamen in domo illa quidquam de visione retulit: sed uni clerico de Brabantia venienti et in via secum pergenti secrete ait: Dicatis domino Hermanno Scutken, qui moratur in Thenis, si velit patri nostro in Windesem loqui, quod cito veniat: quia aestimo, quod non diu erit, si vera est visio, quam quidam hac nocte vidit» (Chronica montis sanctae Agnetis. P. 394).

[66] *Busch J.* Chronicon Windeshemense … P. 58–59.

[67] Chronica montis sanctae Agnetis. P. 307.

освободившееся место субприора назначили брата Фому Кемпийского, «Хроника» не сообщает. Между тем эта должность много значила в жизни Фомы — в виндесгеймских монастырях субприоры были наставниками молодых монахов. Наставнические обязанности давали выход потребности и, что еще важнее, умению Фомы передавать свои знания и опыт. Не случайно в «Диалогах новициев» он уделял особое внимание искусству мейстера Флоренса общаться с молодежью, которую воспитывал словом и примером. Должность наставника новициев развила и обогатила педагогические способности Фомы.

В 1423 г. умер епископ Утрехтский Фредерик ван Бланкенгейм (Frederick van Blankenheim). Капитул Утрехта избрал епископом Рудольфа ван Дипхольта (Rudolph van Diepholt). Папа Мартин V не утвердил Дипхольта и в 1425 г. назначил на эту должность Зведера ван Куленборга (Zweder van Culenborg). Однако значительная часть населения провинции Оверейсел, в которой располагался монастырь горы Св. Агнессы, не приняла назначенного папой епископа. Папа подверг провинцию интердикту, были запрещены церковная служба и песнопения. Братья и сестры «общей жизни» и монастыри Виндесгеймского капитула, верные апостольскому престолу, считали своим епископом Куленборга. Чтобы иметь возможность совершать богослужение, обитатели монастыря горы Св. Агнессы отправились в 1429 г. в добровольное изгнание в августинское аббатство Людингакерк во Фрисландии. Все 24 ушедших монаха и мирянина поименно перечислены в «Хронике», первым назван приор Теодорик ван Клееф, вторым — субприор Фома Кемпийский. Для охраны монастыря оставили нескольких братьев-мирян. Первую ночь, как рассказывает Фома, странники провели у сестер в Хассельте, затем морем, с опасностью для жизни, отплыли во Фрисландию[68]. Во время пребывания в Людингакерке гости реформировали приютивший их монастырь, и в 1432 г. эта мужская обитель вошла в состав Виндесгеймского капитула. Утрехтская схизма продолжалась в общей сложности до 1450 г., но для каноников монастыря горы Св. Агнессы она закончилсь после смерти Куленборга в 1432 г., когда папа Евгений IV утвердил епископом Дипхольта. Фома покинул Людингакерк еще раньше, в 1431 г., — он был отозван к своему брату Иоганну, ректору и исповеднику сестер в только что основанном монастыре Бетания близ Арнема. Иоганн был болен, Фома помогал ему при исполнении пастырских обязанностей и принял его последний вздох. В посвященном брату некрологе Фома писал:

«В 1432 г. <…> в возрасте шестидесяти семи лет почил брат Иоганн Кемпийский, первый ректор и исповедник монахинь в монастыре Бетания близ Арнема. Он был ректором и приором во многих вновь основанных домах. Был первым ректором женского монастыря источника Девы Марии

[68] Chronica montis sanctae Agnetis. P. 401–405.

близ Арнема при основании этого дома, там при нем были пострижены несколько монахинь. Затем был избран первым приором монастыря горы Святой Агнессы, каковой пост занимал девять лет. Затем был послан в Боммел и вместе с другими братьями положил начало этому монастырю. И снова был избран приором монастыря Девы Марии близ Гарлема в Голландии, где пробыл семь лет. Также некоторое время ему было вменено в обязанность быть первым ректором монахинь в Бронопе близ Кампена. Наконец в послушании и доброй старости счастливо завершил свою жизнь в Бетании. <…> Я при этом присутствовал и закрыл ему глаза, поскольку был призван ему в помощь, и оставался при нем год и два месяца. В этот же год Бетания была принята в капитул Виндесгейма»[69].

Иоганн Кемпийский и Флоренс Радевейнс были самыми близкими Фоме людьми. Оба занимают значительное место на страницах его произведений, но стиль повествования, когда речь заходит об этих людях, различен. В сравнении с выражениями любви и признательности к мейстеру Флоренсу строки, посвященные брату, звучат сдержанно. Возможно, Фома старался не афишировать свою любовь и привязанность к брату. Двенадцати лет от роду пришел он в Виндесгейм и нашел там каноников «с моим единокровным братом»[70]. По окончании ученья Радевейнс направил его к старшему брату, и во время приорства последнего Фома был облачен. Он был рядом с братом, когда тому потребовалась помощь в последнем пределе его жизни, и по кончине закрыл ему глаза. В некрологе он особо подчеркивал, что капитул вновь и вновь посылал Иоганна Кемпийского в только что основанные мужские и женские монастыри, где трудолюбие и организаторские способности Иоганна помогали в короткие сроки наладить нормальный ритм монастырской жизни.

---

[69] «AD MCCCCXXXII [1432] <…> obiit frater Iohannes Kempis, primus rector et confessor sanctimonialium in Bethania prope Arnhem, anno aetatis suae sexagesimo septimo [67]. Hic in diversis locis et novis domibus rector aut prior fuit. Apud fontem beatae Mariae prope Arnhem in principio domus illius primus rector fuit et quosdam ibi investivit. Postea electus est in priorem domus montis sanctae Agnetis et novem annis praefuit. Deinde missus est prope Bommel et domum illam cum paucis incepit. Rursus autem electus est in priorem domus beatae Mariae prope Haerlem in Hollandia, ubi septem annnis praefuit. Etiam aliquo tempore apud moniales in Bronopia prope Campis primus rector deputatus fuit. Tandem in Bethania quae interpretatur domus oboedientiae, vitam in oboedientia et bona senectute feliciter finivit sepultus intra clausuram post horam vesperarum, ubi tunc praesens fui et oculos eius clausi. Nam per visitatores pro socio sibi deputatus fui et uno anno et duobus mensibus secum steti. Eodem anno domus illa post pascha generali capitulo fuit incorporata» (Ibid. P. 407–408).

[70] Ibid. P. 214.

Отправляясь из Людингакерка к брату, Фома сложил с себя обязанности субприора. Между 1432 и 1448 г. он занимал пост прокуратора — лица, ведавшего общими хозяйственными делами монастыря[71], но об этом в «Хронике» нет ни слова. В 1448 г. четвертым приором Агнитенберга стал Генрик Вильям Девентерский (Henrik Wiliam van Deventer), до того исполнявший обязанности субприора. На оставшуюся вакантной должность субприора назначили Фому Кемпийского. Если о первом своем избрании он умолчал, то эпизод со вторым назначением описал довольно подробно. Этот последний рассказ Фомы о себе в «Хронике Агнитенберга» исполнен крайнего смирения:

«…[субприором] был избран и назначен брат Фома Кемпийский, один из старейших [каноников], в возрасте шестидесяти семи лет, который в прежние времена уже занимал эту должность. И сколь бы ни признавал себя непригодным и извинялся за это, однако, когда ему было предписано послушание, смиренно подчинился совету братьев, не отказываясь от работы ради них и подчиняясь любви Иисуса Христа. Просил братьев молиться за себя и более доверял благодати Божией, чем себе»[72].

В трактате *Soliloquium animae* есть еще один автобиографический отрывок. Он принципиально отличен от всех, имеющихся в «Диалогах новициев» и в «Хронике Агнитенберга» тем, что в нем Фома приоткрывает завесу над своим творческим процессом. Пролог к сочинению начинается с рассказа о милой его сердцу книге, о рапиарии. Рапиарии, или иначе флорилегии, получили в позднее Средневековье широкое распространение. Это были тетрадки, в которые записывались фрагменты Св. Писания, высказывания Отцов Церкви, отрывки из благочестивых книг. В кругах «Нового благочестия» рапиарий стал одним из основных инструментов личного самосовершенствования и обязательной принадлежностью каждого брата «общей жизни» и грамотного обитателя Виндесгеймского монастыря[73]. Подбор текстов, запись их в книжку и перечитывание (ruminatio) требовали серьезной внутренней работы. Эта очень личная по содержанию тетрадка с любимыми цитатами была всегда под рукой и предоставляла верующему духовную пищу, когда он оставался один на один со своей совестью и с Богом. Своему рапиарию Фома посвятил задушевные строки:

---

[71] *Thüss B. J.* De geschiedenis … Blz. 111.

[72] «…electus est et nominatus frater Thomas Kempis, unus de senioribus lxvii. annorum: qui praeteritis temporibus huic officio deputatus fuit. Et quamvis se ineptum sciret et excusaret, tamen oboedientia iubente humiliter se subiecit consilio fratrum, non recusans laborem propter eos subire amore Iesu Christi, petens intime sociorum ac fratrum suorum orationes, plus gratiae Dei quam sibi confidens» (Chronica montis sanctae Agnetis. P. 423–424).

[73] *Dijk R. Th. M. van*. De volgorde van de vier boeken // Nuchtere мystiek. Navolging van Christus / K. Waaijman e. a. Kampen, 2006. Blz. 23.

«Для своего утешения собрал я в одну книжечку некоторые благочестивые высказывания, которые желал предоставить своему сердцу. И располагал их как бы на приятном лугу, с посаженными на нем различными деревьями и прекрасными цветами, куда бы я мог прийти всякий раз и выбрать или рассмотреть нужные мне темы, дабы поддержать мой дух в моменты пресыщения и отвращения или же защитить его от печали. И для того, чтобы я четко и быстро находил, под каким бы деревом я отдохнул или какой цветок для чтения более подошел, я сделал так, чтобы некоторые места в текстах были выделены красными заглавиями. Также разнообразил свою речь, представляя ее то в виде разговора, то спора, то молитвы, то собеседования, и разворачивал повествование простым стилем то от своего, то от другого лица»[74].

Две последние фразы дают основание полагать, что рапиарий служил Фоме не только для духовного утешения. Тетрадка предоставляла ему также необходимые для творчества темы и точные цитаты («…чтобы я четко и быстро находил [нужные отрывки] <…> я сделал так, чтобы некоторые места в текстах были выделены красными заглавиями»). Возможно, что и темы для «Солилоквия» Фома почерпнул из рапиария и потому счел уместным рассказать об этой книжке в прологе. Далее он ведет речь о профессиональных приемах, позволявших устранить монотонность повествования и тем самым сохранить заинтересованное читательское внимание: «…я разнообразил свою речь, представляя ее то в виде разговора, то спора, то молитвы, то собеседования, и разворачивал повествование простым стилем то от своего, то от другого лица».

Но раньше, чем сочинять собственные книги, Фома научился переписывать чужие. В истории «Нового благочестия» книга занимает особое место. Первая община братьев «общей жизни» составилась из писцов, переписывавших книги для основателя движения Герта Грооте, а первой совместной собственностью этой общины стала библиотека. Для того чтобы книгу можно было прочитать, она должна быть создана в качестве материального объекта — носителя информации. Важнейшим связующим звеном в этой цепи письменной традиции в Средние века служил труд переписчика: «Кто же будет читать или проповедовать, если прежде

---

[74] «Consolationis gratia aliquas sententias devotas in unum coacervavi libellum: quem meo pectori carius committere volui; et quasi quoddam delectabile pratum variis arboribus consitum: pulchrisque venustum floribus habere disposui; ubi ad legendum speculandumque optabiles materias tempore necessitudinis pro fovendis animis taedio vel maerore obtectis quandoque introirem. Ut autem lucide et prompte invenirem sub qua arbore requiescerem, vel qui ad legendum flos gratior esset: singula capitulorum loca rubricatis titulis praefulgere feci. Vario etiam sermonum genere, nunc loquens, nunc disputans, nunc orans, nunc colloquens: nunc in propria persona, nunc in peregrina placicido stilo textum praesentem circumflexi» (Soliloquium animae. P. 191).

не узнает писания святых, которые еще прежде писец для него *не перепишет*? Благословенна рука *пишущего*, и благословенны пальцы, занятые этим трудом»[75] (здесь и далее курсив мой. — *М. Л.*). Флоренс Радевейнс считал переписку книг лучшим занятием для клириков. Не обладая хорошим почерком, он выполнял подготовительные работы: очищал и линовал пергамен, складывал тетради, проверял и исправлял переписанное другими[76], поскольку, говорил он, плохо переписанные и неверные по тексту книги хуже выполняют свою воспитательную роль[77].

Помимо общественно значимой функции писцовый труд имел свое, личное значение для каждого отдельного переписчика в самом важном для средневекового человека деле — деле спасения души. Во вполне средневековом духе Фома утешал переписчиков. Их труд будет вменен им в заслугу в последнем пределе человеческой жизни: «Когда будешь умирать, не отчаивайся: ведь за тебя будут молиться те, кто читали тома, некогда тобой *хорошо переписанные*»[78]. С самого начала западного монашества переписка книг рассматривалась как ручной труд, необходимый для отражения дьявольских козней и скуки. Не отрицая момент монашеской аскезы («не бывай никогда совсем в праздности, или читай, или *пиши,* или молись, или размышляй: чем-нибудь работай для пользы общей»)[79], Фома приравнял переписку книг к главным занятиям монахов — к чтению, пению во время церковной службы в хоре, молитве[80]. Особая «писцовая» ментальность Фомы проявилась и в его молитвах, когда он просил: «*Запиши*, Господи Иисусе Христе, раны твои в сердце моем драгоценнейшей твоей кровью»[81]. Одну из своих проповедей он посвятил истолкованию стиха Евангелия от Иоанна (8:6): «Но Христос, наклонившись низко, писал перстом на земле».

«Ведь нравится тебе, — говорит Фома, — подражать Христу в чтении и письме… очень благое это дело — *переписывать* книги, которые любит

---

[75] «Quis autem legeret, vel praedicaret nisi sanctorum scripta noscet; et nisi scriptor prius scripsisset? Benedicta ergo manus scribentis: et benedicti digiti in tali opere occupati» (Sermones de vita et passione Domini // *Thomae Hemerken*. Opera. Vol. 3. P. 170–171).

[76] Dialogus noviciorum. P. 150.

[77] Ibid. P. 204.

[78] «Cum mortuus fueris non desperabis; orabunt enim pro te: qui legerint volumina tua olim a te satis bene scripta» (Doctrinale iuvenum // *Thomae Hemerken*. Opera. Vol. 4. P. 185).

[79] *Фома Кемпийский*. О подражании Христу. С. 39.

[80] «Si enim bona agit, si bene legit, cantat vel scribit, si orat studet, praedicat, aut celebrat; ecce statim adest diabolus cum vana gloria…» (Sermones ad novicios regulares. P. 116–117).

[81] «Sribe, Domine Jesu Christe, vulnera tua in corde meo pretiosissimo sanguine tuo» (Oraciones de passione Domini // *Thomae Hemerken*. Opera. Vol. 3. P. 352).

Христос, в каковых он познается, в которых мы о нем читаем и благодаря которым о нем проповедуем»[82].

Труд переписчика имел также денежное выражение. Фома выучился писцовой работе в доме мейстера Флоренса, где переписывал книги на продажу. Поскольку община монастыря горы Св. Агнессы была очень бедна, приор монастыря Иоганн Кемпийский «побуждал некоторых братьев переписывать книги на продажу, как это было в обычае с прежних времен»[83]. Фома стал одним из таких писцов. Некролог в «Хронике Агнитенберга» сообщает, что он «переписал всю нашу Библию и многие другие книги для монастыря и на продажу»[84]. За свою жизнь Фома изготовил четыре Библии. Упомянутая в некрологе Библия, переписанная им для своего монастыря, утрачена. В Дармштадте находится другая, очень красивая пятитомная пергаменная Библия[85]. На трех из ее пяти томов есть сделанные рукой Фомы писцовые записи, в которых он в обычной для средневековых писцов манере сообщил, где и когда переписал эти книги. Сначала был переписан Новый Завет (1427)[86], а затем ветхозаветные книги (1435 и 1439)[87]. В Королевской библиотеке в Брюсселе хранятся два небольших пергаменных кодекса с собственными произведениями Фомы. В колофонах говорится, что он собственноручно переписал эти сборники, один в 1441 г.[88], другой — в 1457 г.[89] В более раннем из них, знаменитом брюссельском автографе Фомы Кемпийского 1441 г., записаны четыре книги «О подражании Христу». Последовательность книг отличается от той, что была принята в печатных изданиях XVI–XX вв.

---

[82] «Placeat igitur tibi Iesum imitari legendo scribendo et alia sanctae religionis instituta servando; ut ceteros aedificices digne Deo vivendo: qui idoneus non es ad praedicandum. Valde bonum opus est scribere libros quos amat Iesus; in quibus ipse agnoscitur, legitur et praedicatur» (Sermones de vita et passione Domini. P. 169–170).

[83] Chronica montis sanctae Agnetis. P. 368.

[84] «Scripsit autem Bibliam nostram totaliter et alios multos libros pro domo et pro pretio» (Ibid. P. 466).

[85] Darmstadt, Hessische Landes- und Hochschulbibliothek. Ms. 324.

[86] «Completus est hoc volumen novi testamenti Anno domini MCCCC. vicesimo septimo. in vigilia pentecostes. Per manus fratris thome de kempis Ad laudem dei».

[87] «Finitus et completus anno domini millesimo quadringentesimo tricesimo quinto ambrosij episcope. Per manus fratris thome kempis. In monte sancte agnetis».

«Finitus et completus anno domini. milesimo.quadringentesimo. tricesimo nono. In vigilia sancti iacobi apostoli. Per manus fratris thome kempis Ad laudem dei in monte sancte agnetis».

[88] «Finitus et completus anno. domini MCCCCXLI per manus fratris thomae кempis In monte sanctae agnetis prope Zwollis» (Bruxelles, Bibliothèque Royale. Ms. 5855-61).

[89] «Anno Domini MCCCCLVI. Finitus et scriptus per manus fratris thomae kempis» (Bruxelles, Bibliothèque Royale. Ms. 4585-87).

Книга «О внутреннем утешении», считавшаяся в течение пяти веков третьей книгой, записана в брюссельском автографе последней, а книга «О благочестивом увещевании к принятию святого причастия», которая печаталась как четвертая и последняя из четырех книг «О подражании Христу», стоит на третьем месте. В настоящее время авторская последовательность четырех книг принята в Нидерландах[90] и, надо полагать, станет общепризнанной. Писцовые записи Фомы с полным правом следует отнести к разряду автобиографических источников. Они помогают реконструировать замысел его главного произведения, самой читаемой в мире книги после Библии[91], и дополняют наши знания о его трудах в монастыре.

Неизвестный монах, продолжатель «Хроники Агнитенберга» написал в некрологе, что брат Фома Кемпийский в монастыре «терпел великие искушения, лишения и нужду». Как и положено духовно зрелому мужу, ни в одном из своих сочинений Фома не посетовал на какие-либо обстоятельства. Его нравственная позиция выражена в книге «О подражании Христу»: «Не малое это дело — живя в монастырях или в общинах, обходиться без жалобы и до самой смерти пребывать в верности. Блажен, кто хорошо тут прожил и завершил счастливо!»[92]

Фома Кемпийский завершил счастливо. По смерти его в 1471 г. продолжатель «Хроники» писал: «В день Святого Иакова старшего на девяносто втором году жизни преставился возлюбленнейший брат наш Фома Хемеркен из города Кемпен Кельнской епархии, на семьдесят третьем году монашеского и пятьдесят восьмом году священнического служения. В юные годы был воспитанником господина Флоренса в Девентере и по достижении двадцати лет был направлен им к его брату, тогда приору монастыря горы Святой Агнессы, которым и был по истечении шести лет испытания облачен. В монастыре терпел великие искушения, лишения и нужду. Переписал всю нашу Библию и многие другие книги для монастыря и на продажу. Сверх того для образования молодежи сочинил различные книжки, и хотя стиль этих книг прост и ясен, но содержание — величественно и воздействие — эффективно»[93].

---

[90] *Dijk R. Th. M. van*. De volgorde …

[91] *Waaijman K*. Inleiding. Blz. 9.

[92] *Фома Кемпийский*. О подражании Христу. С. 32–33.

[93] «…in festo sancti Iacobi maioris post completorium obiit praedilectus frater noster Thomas Hemerken de Kempis natus, civitate diocesis Coloniensis, anno aetatis suae xcii. et investitionis suae lxxiii, anno autem sacerdotii sui lviii. Hic in iuvenili aetate fuit auditor domini Florentii in Daventria et ab eo directus est ad fratrem suum germanum, tunc temporis priorem montis sanctae Agnetis, anno aetatis suae xx, a quo post sex annos probationis suae investitus est. Et sustinuit ab exordio monasterii magnam penuriam, temptationes et labores. Scripsit autem Bibliam nostram totaliter

В этих написанных для образования молодежи книгах Фома лишь три раза говорит о себе и только о себе. В двух случаях это рассказы о поворотных моментах своей судьбы, когда завершался один жизненный период и начинался следующий. Таким знаковым событием стал его приход в Девентер[94]. Позади осталось детство в родном Кемпене, впереди — отроческие и юношеские годы в школе и в доме мейстера Флоренса. Читая между скупых строк «Диалогов новициев», можно проследить напряженные нравственные и духовные искания юноши, в конечном счете приведшие его к вратам монастыря. К концу пребывания в Девентере двадцатилетний Фома был вполне сложившимся человеком. Он имел четкие представления о цели своей жизни и обладал нравственными и духовными средствами к ее достижению.

Только о себе говорит Фома и тогда, когда описывает свое вступление в монастырь. Получив в Зволле отпущение грехов, он «проследовал, радостный» в Агнитенберг и был там «милосердно принят»[95]. В «Хронике Агнитенберга», как и в «Диалогах новициев», есть рассказы о хорошо знакомых Фоме людях. В отличие от «Диалогов», здесь при описании событий между автором и его героями ощутима некая окрашенная благожелательной отстраненностью дистанция, не позволяющая проникнуть в душевный мир зрелого инока. Накопленные за время семидесятилетнего монашеского служения знания и опыт раскрыты им в других произведениях Фомы. Все, о чем он писал, извлекалось из глубин его собственного опыта, было выстрадано, глубоко прочувствовано и тщательно продумано. Свои знания он передавал новициям в личных беседах и, опосредованно, в книгах, щедро делясь сокровищами своего внутреннего мира с его страхами, надеждами, борьбой и упованиями, любовью к людям и к Богу.

Третий из «сугубо автобиографических» фрагментов посвящен творческому процессу. *Soliloquium animae* — это разговор души с Богом, затрагивающий кардинальные вопросы внутренней религиозной жизни человека. Быть может, по этой причине Фома рассказал в прологе о самом заветном, что было в его душе после Бога, — о своем творчестве. Для Фомы рапиарий был составной частью его литературного труда. Тон всему произведению задают исполненные сердечной признательности слова о том, как он прибегал к этой тетрадке, дабы поддержать свой дух «в моменты пресыщения и отвращения или же защитить его от печали». В конце абзаца Фома рассказывает, как разнообразил свои приемы, ведя

---

et alios multos libros pro domo et pro pretio. Insuper composuit varios tractatulos ad aedificationem iuvenum in plano et simplici stilo, sed praegrandes in sententia et operis efficacia» (Chronica montis sanctae Agnetis. P. 466).

[94] Dialogus noviciorum. P. 214–215.

[95] Chronica montis sanctae Agnetis. P. 368.

повествование «то в виде разговора, то спора, то молитвы, то собеседования», иногда от первого, иногда от третьего лица в зависимости от поставленной в произведении задачи[96].

Фома Кемпийский не оставил свой curriculum vitae. Тем не менее его жизнеописание с достаточной полнотой выстраивается из трех десятков разбросанных в его книгах автобиографических фрагментов. В большинстве из них он выступает свидетелем, а не участником события, пишет не о себе, а о других людях, причем в изображении этих людей неизменно выбирает положительный ракурс. Эти фрагменты можно было бы отнести к жанру назидательных примеров, имеющих целью преподать модель благочестивого поведения, если бы не одно обстоятельство. В воспоминаниях из «Диалогов новициев» Фома предстает чутким, наблюдательным и благодарным подростком. Рано развившаяся саморефлексия позволяла ему фиксировать свои мысли и чувства, давать им оценку и извлекать уроки из поведения окружавших его людей. Эти воспоминания повествуют о том, как сначала подросток, затем юноша упорно трудился над формированием своего сознания и своего поведения, своего «я».

Религиозная этика «Нового благочестия» носила ярко выраженную личностную окраску. Требование индивидуального подхода к чтению Св. Писания, медитации, молитве вело к индивидуализации других видов деятельности, прежде всего творческих. При всем старании смирить свою индивидуальность, именно глубоко личное отношение Фомы к Богу и к истинам христианского вероучения создали синтез мыслей и чувств, составивших книгу «О подражании Христу» и другие его сочинения. Рассыпанные в них автобиографические фрагменты воссоздают картину становления Фомы Кемпийского как личности и раскрывают некоторые грани духовности «Нового благочестия», которые оказали влияние на становление новоевропейского индивидуализма.

SUMMARY

Thomas à Kempis (1379/1380–1471), the author of the book *De Imitatione Christi*, besides his religeous didactic treatises wrote also some historical works — the biographies of the first zealots of the Modern Devotion, the hagiography of St. Ludewiga and the *Chronica Montis S. Agnetis*. He had not left his own biography being guided by the principle «ama nesciri» (love to be unknown) but it can be recreated basing on some autobiographical passages which we find in his works. The life of Thomas à Kempis was closely bound up with the Modern Devotion. His elder brother Johann was one of the initiators of that movement. Thomas himself from the age of twelve lived in the entourage of persons sharing his brother's views, so he could

[96] Soliloquium animae. P. 191.

observe from the inside the formation of this movement. He spoke about it in the *Dialogi noviciorum* written in order to training the novices. In his recollections Thomas à Kempis writes mostly about other people, not about himself, but he was able to observe his own thoughts and feelings and to learn lessons from the behaviour of those who surrounded him. These are stories telling how a teenager, then a young man worked to build up his consciousness, his own «ego». Some more facts about him we can learn from the *Chronica Montis S. Agnetis*. Another autobiographical fragment we find in the prologue to the treatise *Soliloquium animae*. This passage is really unique because it speaks about his creative work which was the most sacred thing that Thomas à Kempis had in his soul after the God. For all the Thomas's efforts to subdue his individuality it was just his profoundly personal attitude towards God and towards the truth of the Christian faith which created the synthesis of thoughts and feelings becoming the basis of his work *De Imitatione Chris* and others. The autobiographical passages in the works of Thomas à Kempis show us the formation of his pesonality and reveal certain aspects of the Modern Devotion spirituality which greatly influenced the formation of the new-European individualism.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Религиозные движения позднего Средневековья, «Новое благочестие», монашеское самосознание, средневековая автобиография, Фома Кемпийский.

KEY WORDS

Religiouns movements of Late Middle Ages, «Modern Devotion», Monastic Consciousness, Medieval autobiography, Thomas à Kempis.

Е. И. НОСОВА

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОГРАФ КАРЛА СМЕЛОГО ИЗ АРХИВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ РАН

Документ, о котором пойдет речь ниже[1], происходит из коллекции академика Н. П. Лихачева, который в свою очередь приобрел его через антикварный дом Штаргардта (Stargardt)[2] в 1901 г. или чуть позже[3]. Внешне документ ничем не примечателен: небольшого размера, 22 × 10 см, он написан на бумаге светло-коричневыми чернилами. Левым краем документ наклеен на лист бумаги. По всей вероятности, это было сделано кем-то из антикваров, так как на бумаге сохранилось несколько надписей карандашом, помогающих идентифицировать документ[4]. Печать не сохранилась, но, судя по небольшому (20–25 мм в диаметре) неровному следу на оборотной стороне, это была красная воско-мастичная печать[5].

---

[1] Архив СПбИИ. ЗЕС. Колл. 9. Картон 340. № 4. См. рис. 1.

[2] На папке надпись рукой Н. П. Лихачева: «Бургундія | Карлъ Смелый | Cat. № 213 (№ 179) Doc. S. 1459. | “Lehnbrief für Antoin Rolin chavalier” | /от Старгарда/ Очень дорого». Антикварный дом Штаргардта был основан в Берлине в 1830 г. Карлом Клаге (Carl Klage, 1785–1850). Затем он несколько раз переходил из рук в руки, пока не был выкуплен Йозефом А. Штаргардтом (Joseph A. Stargardt, 1822–1885). В указанное время фирма принадлежала Евгению Мекленбургу-младшему (Eugen Mecklenburg d. J., 1859–1925), который перекупил его у вдовы Штаргардта в 1885 г. URL: http://www.stargardt.de/de/firmengeschichte/.

[3] 213-й каталог фирмы Штаргардт вышел в 1901 г.

[4] «Burgund | Charles Duc de Bourgogne et de Brabant | <…>». Оборотная сторона бумаги: «geb(oren) 1433 | gefiellen bei Nancy 1477».

[5] В каталоге Демея нам удалось обнаружить печать Карла 1460 г. Она имела в диаметре 60 мм, но, к сожалению, не указан цвет и материал. См.: *Demay G.*

© Носова Е. И., 2013

Документ составлен от имени Карла Бургундского, графа Шароле (Charolais) в пользу Антуана Ролена, сеньора д'Эмери (Antoine Rolin, seigneur d'Aymeries). Предмет грамоты — должность великого бальи Геннегау, предназначенная для Антуана в благодарность за его добрую службу графу. Документ датирован 9 мая 1459 г.

Следует отметить, что упоминаний об этой грамоте нет в каталогах актов и писем Карла Смелого[6], из чего можно сделать вывод, что в среде западных исследователей документ остается неизвестным.

Оба упомянутых лица — довольно известные личности в европейской истории XV в. Карл Шароле — не кто иной, как будущий герцог Бургундский Карл Смелый (1433–1467–1477), а Антуан Ролен (1424–1497) — младший сын могущественного канцлера Бургундии Николя Ролена (Nicolas Rolin, 1376–1462) и его третьей жены Гигонь де Сален (Guigone de Salins, 1403–1470), представительницы знатной фамилии Франш-Конте[7].

Уже с первых строк исследователя настораживает следующее противоречие: Карл, не являясь в 1459 г. герцогом Бургундским, не имел права распоряжаться такими высокими должностями через голову своего отца, герцога Филиппа Доброго. Других случаев пожалования Карлом столь важных должностей до 1467 г. не зафиксировано[8]. Однако это противоречие снимается благодаря использованию будущего времени: Карл не дает должность непосредственно данной грамотой, а обещает ее тогда, когда в его власти «будет ее дать» («en notre puissanse cera de la donner»). Вероятно, подразумевается момент, когда он станет герцогом. Таким образом, перед нами интересная картина: молодой наследник в обход правящего герцога берет на себя письменное обязательство предоставить важную должность в бургундской системе управления. Что заставило его выдать такой весомый аванс, да еще и на бумаге?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует совершить небольшой экскурс в историю расстановки сил в окружении герцога Филиппа Доброго.

Inventaire des sceaux de l'Artois et de la Picardie : recueillis dans les dépôts d'archives, musées et collections particulières des départements du Pas-de-Calais, de l'Oise, de la Somme et de l'Aisne. Paris, 1877. P. 8, no 41. Также на оборотной стороне есть пометы карандашом: «Charles de Bourgogne | Comte de de Charolais | et de Bethûne | Charles de Bourgogne | M : Carolois [sic!] 858».

[6] См.: *Stein H.* Catalogue des actes de Charles le Téméraire. Mit einem Anhang : Urkunden und Mandate Karls von Burgund, Grafen von Charolais (1433–1467) / hrsg. von Sonja Dünnebeil. Sigmaringen, 1999. P. 613–747 ; Der Briefwechsel Karls des Kühnen (1433–1477) : Inventar : 2 Bd. Frankfurt a. M., 1995. Bd. 1. S. 41–197.

[7] *Berthier M.-Th., Sweeney Jh.-Th.* Guigone de Salins : 1403–1470 : Une femme de la Bourgogne médiévale. Précy-sous-Thil, 2003.

[8] *Stein H.* Catalogue … P. 613–747.

К середине XV в. при бургундском дворе сложилась партия, которая оказывала наибольшее влияние на герцога, — речь идет о семействе Круа (Croy). Основная сила этого клана заключалась в его обширных родственных связях с другими влиятельными фамилиями, а также поддержке, которую оказывали им короли Франции Карл VII, а затем Людовик XI в обмен на возможность быть в курсе бургундских дел. Последнее раздражало наследника и дало ему впоследствии право обвинять Круа в предательстве[9]. Кроме того, их влияние закрывало Карлу доступ к управлению герцогством. Постепенному обострению ситуации способствовал, с одной стороны, преклонный возраст герцога Филиппа, что выдвигало вперед его сына, с другой — еще более преклонный возраст канцлера Ролена, традиционного соперника Круа, на которого опирался Карл. Конфликт вспыхнул в 1457 г. на почве борьбы вокруг должности камергера графа Шароле. Поводом стал весьма прозаический эпизод: камергера Карла Жана д'Окси (Jean d'Auxi, †1474) укусила собака, и ему было предписано отправиться в паломничество. Покусанный послушно отбыл, оставив свое место вакантным на неопределенный срок[10]. В подобных случаях при бургундском дворе существовала практика замены отсутствующего каким-либо другим должностным лицом. Чаще всего выбор падал на человека, занимавшего такую же должность в другое время года[11]: он просто оставался при дворе на более длительный срок. Однако Жан де Розимбо (Jean de Rosimbos, †1479), следующий далее по списку камергеров в придворном ордонансе Карла от 1456 года[12], также отсутствовал при дворе[13]. Тогда было решено заменить Окси третьим по счету камергером — Антуаном Роленом[14]. В то же время на этот пост

---

[9] *Plancher U.* Histoire générale et particulière de Bourgogne : 4 vols. Paris, 1974. Vol. 4. P. CCXLIX.

[10] *Dubois H.* Charles le Téméraire. Paris, 2004. P. 71.

[11] При бургундском дворе была распространена так называемая service à tour. Смысл этой системы заключался в том, что одну и ту же должность занимали несколько человек по три, четыре или шесть месяцев в году, сменяя друг друга при дворе. Этот механизм позволял вовлечь в придворный социум максимальное количество людей, не обременяя казну, так как отсутствовавшие при дворе не получали жалования и не имели права довольствия. Подробнее см.: *Kruse H.* Die Hofordnungen Herzog Philipps des Guten von Burgund // Höfe und Hofordnungen. 1200–1600. Sigmaringen, 1999. S. 141–165.

[12] Бургундские придворные ордонансы периода правления герцога Филиппа Доброго представляли собой список лиц, служивших при дворе с указанием их должности, содержания и времени службы. См.: Die Hofordnungen der Herzöge von Burgund. Herzog Philipp der Gute (1407–1467) / hrsg. von W. Paravicini, H. Kruse. Ostfildern, 2005. S. 344, § 3.

[13] *Dubois H.* Charles … P. 71.

[14] *Kruse H.* Die Hofordnungen … S. 344, § 5.

претендовал Филипп де Круа (Philippe de Croy, 1436–1482), племянник Антуана де Круа (Antoine de Croy, 1402–1475), первого камергера герцога Филиппа, его ближайшего доверенного лица. Легкое перо Жоржа Шатлена (Georges Chastellain, 1415–1475), официального историографа герцога Филиппа Доброго, оставило нам яркое описание этого скандала, потрясшего двор[15]. В ответ на требование отца предоставить пост камергера Филиппу де Круа Карл отказал на основании того, что Круа не числились в его придворном ордонансе. Ответ Карла привел Филиппа в бешенство; таким образом, конфликт перерос в ссору между отцом и сыном. Эти разногласия закончились перестановкой сил в ближайшем окружении герцога. Изабелла Португальская, супруга Филиппа и мать Карла, неизменная союзница последнего, удалилась от двора, тем самым отказав мужу в политической поддержке. Николя Ролен окончательно потерял свое влияние. Несмотря на то, что он продолжал оставаться канцлером вплоть до своей смерти в 1462 г., его роль свелась лишь к внешней репрезентации. Антуану Ролену пришлось покинуть двор по приказу герцога. Тем не менее он сохранил расположение графа Шароле, который послал ему письмо с заверением в искренней дружбе[16]. Конфликт между Карлом и семейством Круа продолжал тлеть вплоть до его окончательного разрешения в 1467 г.

В контексте этого противостояния рассматриваемый документ приобретает исключительное значение. Он демонстрирует все хитросплетения политической игры при бургундском дворе. Желая положить конец могуществу дома Круа, Карл привлекает на свою сторону их давних соперников — семейство Роленов, гарантируя одному из его представителей важную должность в системе управления.

Почему Антуану Ролену была обещана именно должность бальи Геннегау, а не какой-либо другой составной части владений герцогов Бургундских? Первая и наиболее очевидная причина заключается в том, что владения Антуана Ролена — Эмери и другие земли — расположены именно в Геннегау. Таким образом, Карл использовал традиционную стратегию герцогов Бургундских: во главе земель они ставили человека, происходившего из этого региона или имевшего там связи. Кроме того, Антуан уже с 1444 г. был наследным маршалом и главным ловчим Геннегау[17]. Второй же причиной, на наш взгляд, является то, что обещанная Карлом должность бальи Геннегау принадлежала в 1459 г. не кому иному,

---

[15] *Chastellain G.* Œuvres / éd. par J. Kervyn de Lettenhove. Paris, 1864. Vol. 3. P. 230–239.

[16] *Bertier M.-Th., Sweneey Jh.-Th.* Le chancelier Rolin : 1376–1462 : Ambition, pouvoir et fortune en Bourgogne. Précy-sous-Thil, 2005. P. 312.

[17] Ibid. P. 397.

как Филиппу де Круа[18]. Ее передача Роленам недвусмысленно говорит о приоритетах Карла и его намерении положить конец господству Круа.

Основная проблема, которую ставит перед исследователем грамота Карла, заключается в том, чьей рукой написан документ. Слишком крупный, довольно небрежный почерк едва ли мог принадлежать профессиональному секретарю или клерку. Известно, что Карл имел привычку писать письма собственноручно[19]. Однако начертания букв подписи и основного текста отличаются друг от друга. Подписи свойственны строго вертикальные элементы, в то время как в основном тесте они наклонены вправо. Кроме того, подпись выполнена более тонким пером. Сопоставление рассматриваемого документа с письмом Карла Людовику XI (1468)[20] также не подтвердило эту гипотезу. Вероятнее всего, документ написан кем-то из ближайшего окружения герцога. Ответить на этот вопрос определенно не позволяет отсутствие достаточного количества сравнительного материала.

Что же касается подписи Карла, то в литературе встречается упоминание о существовании секретаря, который умел ее имитировать[21]. К сожалению, этот факт не рассматривался палеографами подробно. Если принять во внимание, что в 1459 г. Карл еще не был герцогом Бургундским и, следовательно, не подписывал того колоссального количества документов, которое вынужден был подписывать впоследствии, то велика вероятность того, что подпись выполнена им самим.

Ниже мы публикуем документ в соответствии с рекомендациями Национальной школы хартий[22]. Диакритические знаки используются только в случае необходимости, для отличия частей речи. Знаки препинания расставлены согласно нормам современного французского языка. Конец строки обозначен знаком |. Отметим также, что в тексте встречаются ошибки. Так, **n*ot*re** в седьмой строке документа написано поверх другого текста, или буквы **r** и **e** в нем подправлены. Кроме того, в тексте дважды повторены слова **et se**.

---

[18] Бальи Геннегау с 1457 по 1463 г. См.: *Pinchart A*. Histoire du conseil souverain de Hainaut. Bruxelles, 1857. P. 146.

[19] *Vaughan R*. Charles the Bold. The Last Valois Duke of Burgundy. Cambridge, 2002. P. 160 ; *Paravicini W*. Die Briefwechsel Karls des Kühnen // Menschen am Hof der Herzöge von Burgund. Stuttgart, 2002. S. 21–22.

[20] Charles le Téméraire (1433–1477) : Faste et déclin de la cour de Bourgogne / sous la dir. de S. Marti [et al.]. Bern, 2008. P. 41. См. рис. 2.

[21] *Vaughan R*. Charles the Bold. P. 160.

[22] Conseils pour l'édition des textes médiévaux. Fascicule I, conseils généraux / éd. par P. Bourgain, Fr. Viellard. Genève, 2005.

Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Колл. 9. Картон 340. № 4. Бумага, 1 л. 220/220 × 100/100 мм

Nous, Charles de Bourg*o*gne, co*n*te de Charolois, s*eigneu*r de Chastiaubelin, | et de Betune pour les bons et agreables servises que | no*us* a fayt et fayt journelem*en*t et esperons que | e*n*cores fayre doye Anthoine Rolin, chevalier, senieur | d'Esmeries par ceste p*rese*nte cedule luy otroye et do*n*ne, | otroyons et do*n*nons l'ofyse du gra*n*t baliage de | Haynau, toutefois q*ue* en n*ot*re puissa*n*se cera de la | do*n*ner, et se et se [sic!] promue tous en parole de pri*n*se. | Et en temoing de se avons syné ceste cedule de | n*ot*re main au Quesnoy MIIII^c^LIX, le IXe jour de may. | Charles.

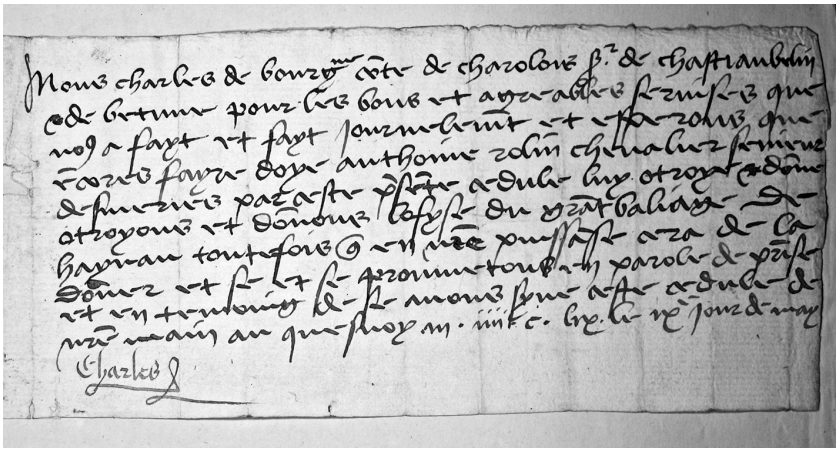


Рис. 1. Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Колл. 9. Картон 340. № 4

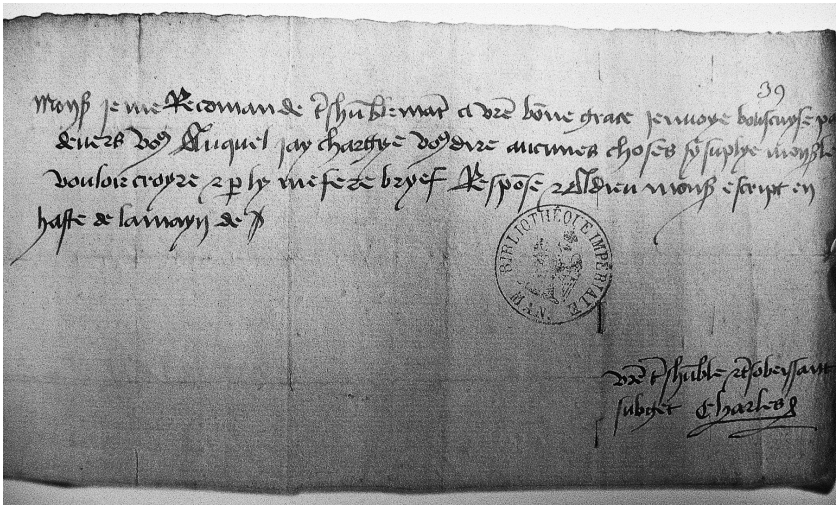


Рис. 2. Письмо Карла Смелого, герцога Бургундского к Людовику XI (1468). Воспр. по: Charles le Téméraire (1433–1477) : Faste et déclin de la cour de Bourgogne / sous la dir. de S. Marti [et al.]. Bern, 2008. P. 41

RÉSUMÉ

Dans les archives et les bibliothèques de Russie, il y a un nombre considérable des documents médiévaux qui restent inédits jusqu'aujourd'hui. Plusieurs d'entre eux ne sont pas étudiés ou passent pour perdus. C'est à la première catégorie qu'appartient l'autographe de Charles le Téméraire de la collection de N.P. Likhatchiov, conservé dans les Archives de l'Institut d'Histoire à Saint-Pétersbourg de l'Académie des sciences de Russie. Le document a été acquis par Likhatchiov par l'hôtel des ventes Stargardt près de l'année 1901. Il semble impossible de suivre son histoire ancienne car le document ne contient aucunes notes archivistes tardives et n'est mentionné ni dans les inventaires ni dans les catalogues.

Par cette charte, Charles le Téméraire promet à Antoine Rolin, fils cadet du chancelier de Bourgogne Nicolas Rolin, la fonction du grand bailli du Hainaut. Il est à noter qu'il ne le nomme pas à ce poste immédiatement mais qu'il le garantit seulement à Antoine après son accession au pouvoir. Le document date du 9 mai 1459, et il est signé par la main de Charles.

La raison de l'édition de la charte, c'était l'opposition entre Charles et la famille de Croÿ laquelle a occupé les postes clefs de l'administration du duché de Bourgogne pendant plusieurs années. En 1457, le conflit s'aggrave à cause de la lutte pour le poste de chambellan du comte de Charolais. C'étaient Antoine Rolin déjà mentionné et Philippe de Croÿ, neveu d'Antoine

de Croÿ, premier chambellan du duc Philippe le Bon, qui prétendaient simultanément à la fonction. C'est ainsi que les deux familles cherchaient à garantir leur position à la cour après la mort du duc Philippe dont la santé se détériorait de jour en jour. Charles a refusé net la nomination à de Croÿ et a provoqué par cela la colère de son père et la rupture des relations avec lui. Antoine Rolin a dû quitter la cour, mais il a gardé les bonnes grâces de Charles. C'est dans le contexte de ces rapports qu'il faut étudier ce document.

La signature de Charles est exécutée, selon toute apparence, par lui-même. Malgré que les chronistes mentionnent le secrétaire sachant imiter sa signature, ce fait n'a pas été considéré en détail par les paléographes. C'est l'exécuteur du document même qui évoque beaucoup plus de questions. L'écriture trop grosse et assez négligée ne pouvait pas appartenir au secrétaire ou clerc de profession. Il est connu que Charles avait l'habitude d'écrire les lettres par sa propre main, mais la signature et les caractères du texte essentiel diffèrent à un tel point qu'il est impossible de supposer que le document tout entier ait été écrit par lui. Main on peut dire que le document a été écrit par une personne attaché intimement à Charles.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Герцогство Бургундское, Карл Смелый (1433–1477), автограф, придворное общество.

KEY WORDS

Duchy of Burgundy, Charles the Bold (1433–1477), autograph, court society.

Ю. П. КРЫЛОВА

КНИГИ ФРАНЦУЗСКОГО ПРИДВОРНОГО РИГО Д'УРЕЙЯ (О РЕКОНСТРУКЦИИ ЧАСТНОЙ БИБЛИОТЕКИ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ)

Круг интересов того или иного деятеля прошлого нередко можно восстановить по составу принадлежавшей ему библиотеки. К концу XV в. — времени, о котором пойдет речь, — собрания библиофилов насчитывали нередко сотни томов. Однако не обо всех средневековых библиотеках сохранились сведения. Одним книжным собраниям повезло дожить в некоторой целостности до наших дней, от других остались лишь инвентари или упоминания в завещаниях, о существовании третьих строятся лишь предположения. Может ли современное состояние источников помочь исследователю установить существование неизвестной ныне библиотеки? В основе настоящей статьи лежит размышление о возможности реконструкции состава несохранившейся библиотеки, которую нам предоставляют самые разнообразные источники, в том числе весьма непривычные на первый взгляд. С их помощью мы попытаемся наметить круг книг, которые могли принадлежать знатному сеньору второй половины XV в., французскому придворному Риго д'Урейю.

Самый известный, а может быть, единственно известный представитель овернской семьи д'Урей — Риго д'Урей (1455–1517) — сенешаль, дипломат и приближенный четырех французских королей от Людовика XI до Франциска I не мог не иметь хотя бы небольшого количества книг. Данных о существовании у него книг практически не осталось. Между тем утверждение о наличие в его доме книг представляется аксиоматичным, поскольку во второй половине XV в. уже не только у аристократов

 © Крылова Ю. П., 2013

были собственные собрания, нередко огромные, но и у буржуа[1]. Даже крестьяне в это время уже могли обладать одной-двумя дешевыми книгами, обычно «книгой часов». В то же время знать позднего Средневековья была весьма неоднородной группой, чтобы обладать совместными интересами. Мы можем говорить лишь о некоторых общих тенденциях[2]. Оставим в стороне версию о возможном отсутствии у Риго интереса к чтению и, соответственно, книг. Согласно общей тенденции этого времени у человека его положения не могло не быть книг. Можем ли мы реконструировать библиотеку Риго д'Урейя и составить общее представление о его интеллектуальных предпочтениях?

На сегодняшний день нам известна лишь одна рукопись, о которой можно достоверно сказать, что она принадлежала сенешалю: это хранящийся ныне в Межуниверситетской библиотеке Клермон-Феррана бревиарий конца XV в. (ms. 69). Рукопись предположительно итальянского происхождения, переписана на пергамене 293 × 205 мм в две колонки, богато украшена несколькими миниатюрами, историзованными инициалами и бордюрами. На л. 7 об., 99, 360 об. и на обрезе кодекса вписаны гербы Риго д'Урейя — на золотом фоне правая веретенообразная перевязь черного цвета. Однако оригинальным является лишь герб на л. 360, два других вписаны поверх гербов предыдущего владельца[3].

Прямое отношение к Риго д'Урейю, как оказывается, имеет рукопись из Библиотеки Арсенала в Париже (Arsenal. Ms. 3356, кон. XV в.). Кодекс форматом 273 × 192 мм переписан на бумаге, его украшение не было осуществлено: переписчиком оставлено место для миниатюры и инициалов. Том содержит три сочинения: «Книгу поучений дочерям рыцаря де Ла Тура», «Книгу о Мелибее и Прюданс» Альбертано Брешианского в переводе Рено де Луана и «Книгу о «Трех Добродетелях» Кристины Пизанской. Первые две части тома — «Книга поучений рыцаря де Ла Тура» и «Книга о Мелибее и Прюданс» — переписаны одним почерком на аналогичной бумаге (№ 1041 по каталогу Брике). Третья часть кодекса, содержащая сочинение Кристины Пизанской, отличается по почерку и водяным знакам (№ 13041 по каталогу Брике). Оба типа бумаги датируются примерно

---

[1] Например, в 1419 г. у греффье парижского Парламента Николя де Бэйя было уже 200 томов (*Hasenohr G.* L'essor des bibliothèques privées aux XIVe et XVe siècles // Histoire des bibliothèques françaises du VIe siècle à 1530. Paris, 1989. T. 1. P. 216).

[2] Ibid. P. 244.

[3] *Leroquais V.* Les bréviaires manuscrits des bibliothèques publiques de France. Paris, 1934. P. 335–338. Автор не берется точно локализовать кодекс, поскольку в литаниях есть лакуны. Однако, по его мнению, местом происхождения является, скорее всего, Альби или Родос (P. 337). Ср. дискуссию о том, мог ли д'Урей быть на Родосе: *Tamizey de Larroque Ph.* Un sénéchal d'Agenais peu connu. Rigault Doureille // Revue de l'Agenais. Agen, 1887. T. 14. P. 272, ref. 4.

1470–1490 гг. На л. 263 об. мы обнаруживаем владельческую подпись «Katherine Rance». Катрин Рансе была первой женой сенешаля (ок. 1456–1510). В рукописи присутствуют и другие владельческие подписи. На том же л. 263 об. под подписью Катрин Рансе и на л. 105 вписано имя «Lyonet Doureille» (Лионе д'Урей). Оба автографа этого человека сопровождаются девизами: «Autant pour autant» на л. 105 и «Sera de moy byen est» на л. 263 об. На последнем, дополнительно подклеенном к рукописи листе вписано стихотворение, начинающееся словами:

Ledit Bastaurt a james sy se nome
Desconsoule d'esperance bone

Над ним, в верхнем правом углу листа можно увидеть начерченный пером герб — левая перевязь, сопровождаемая двумя звездами во главе и одной раковиной в подножии, — и, судя по тексту стихотворения, имя автора: «Batyste Dou Bastarde Dob». При сравнении филиграни листа бумага оказывается идентичной первой части кодекса. Как показывают генеалогические разыскания, и Лионе д'Урей, и бастард Батист д'У(…) — родственники Риго д'Урейя.

Лионе д'Урей, или в ином написании — Орелль[4], был братом Пьера д'Урейя, отца Риго[5]. Сведения о нем весьма обрывочны. Некий Жиле (Gilet) Леклерк, переписавший для него в 1474 г. манускрипт (ныне рукопись из собрания Национальной библиотеки Франции — BNF, fr. 1611), называет Лионе д'Урейя «благородным экюйе и управляющим при наместнике Труа»[6], вызволившим его из заключения. Эпизод из жизни мало знакомого нам Лионе освещает дружеское послание Андре де Шовиньи от 19 марта 1473 г. (?), который называет адресата «братом по оружию» и таким же «шестидесятилетним», как и он[7]. Из письма мы узнаем, что Лионе д'Урей был назначен главой гарнизона в одном из женских монастырей. Это дает повод Андре де Шовиньи написать шутливое послание старому другу и вспомнить молодость, сожалея, что нет больше «пороха в пороховницах» (il n'y a plus de cherbon en grième)[8].

---

[4] Родовое имя семьи известно в самых разных написаниях (Doureille, d'Oureille, Aureille, Aurelle, Aureilhe, Orelle и др.), в связи с чем возникают сложности с поиском и интерпретацией источников. В выборе написания я остановилась на варианте, «предложенном» самими носителями имени — d(')Oureille. Именно так Лионе и Риго подписывали свои книги и прочие принадлежавшие им предметы.

[5] *Durandard d'Aurelle H.* Généalogie de la famille d'Aurelle en Auvergne, Rouergue, Velay et Gévaudan. Vannes, 1906. P. 23–25.

[6] BNF. Ms. fr. 1611. F. 183v: «ecuyer et maistre d'ostel du gouverneur de Troyes».

[7] *Hubert J., Pierre J.* Lettre familière d'André de Chauvigny, chevalier berrichon à son frère d'armes Lyonet d'Oreilhe // Revue du Berry et du Centre. Châteauroux, 1930. P. 66–70.

[8] Ibid. P. 68.

О Батисте д'У(…) нам известно и того меньше. Герб, подобный тому, что нарисован на последнем листе кодекса Arsenal, ms. 3356, принадлежал семье Орелль де Коломбин (Aurelle de Colombines): на лазоревом поле две серебряные звезды во главе и золотая раковина в подножии. Семейство было одной из ветвей рода Урей. К этой семье принадлежала мать Риго д'Урейя — Дофин д'Орелль. Левая перевязь в гербе, о котором идет речь, означает незаконное рождение ее носителя, что подтверждается надписью «Bastarde». Можно предположить, что один из владельцев кодекса был мужчина из семьи Орелль де Коломбин, родственник Риго д'Урейя (раз книга оказалась у Риго и Катрин) и, возможно, родственник Лионе. Поскольку рукопись датируется концом XV в., а бумага, на которой написано стихотворение, — 1470–1490 гг., Батист был их современником. Кем же он мог приходиться сенешалю? Он был, видимо, не только современником, но и ровесником Риго. Его стихотворение о любви к Прекрасной даме сложно приписать человеку старшего поколения д'Урейев. Прожив большую жизнь и привыкнув к своему статусу, вряд ли стоило бы жаловаться на судьбу и участь незаконнорожденного. Судя по гербу, он мог быть сводным братом матери Риго д'Урейя, но тогда остается непонятным, как книга попала во владение Лионе д'Урейя. Видимо, он все-таки принадлежал к роду Риго с отцовской стороны и был незаконным сыном Лионе[9], т. е. двоюродным братом Риго д'Урейя. Таким образом, книга могла быть либо в последовательном владении Лионе и Батиста, либо Батист мог ею пользоваться, будучи родственником (сыном) Лионе. Вместе с тем Батист д'Урей мог вообще не иметь к книге отношения, но вращаться в семейном кругу д'Урейев, которые заказали кодекс, поскольку его стихотворение и первая часть тома переписаны на идентичной бумаге. Впоследствии кто-то из владельцев мог подклеить лист с его подписью в кодекс. После Лионе и Батиста книгу унаследовали Риго д'Урей и его жена Катрин Рансе.

Из известных в настоящее время рукописей Лионе д'Урейю принадлежал не только манускрипт Arsenal, ms. 3356. Его имя встречается еще как минимум в четырех дошедших до наших дней рукописях:

- BL, Henry Yates Thompson, 12 (сер. XIII в.), содержащая «Заморскую историю» Гийома Тирского;
- BNF, n. a. fr. 1119 (XIII в.), включающая в себя трилогию романов «Ланселот Озерный», «Поиски Святого Грааля», «Смерть Артура», а также подшитую тетрадь XV в. с высказываниями «мудрецов»;
- Arsenal, ms. 3457 (XV в.) — сборник поэзии Карла Орлеанского;
- BNF, ms. fr. 1611 (1474), содержащая романы «Юноша» Жана де Бюэйя и «Бодуэн Фландрский».

---

[9] Так полагает А. Дюрандар д'Орелль: *Durandard d'Aurelle H.* Généalogie de la famille d'Aurelle … P. 27.

Мы установили, что кодекс Arsenal, ms. 3356 с «Книгой поучений дочерям рыцаря де Ла Тура» и двумя другими поучительными сочинениями, принадлежавший Лионе, перешел по наследству семье Риго. Возможно, что и остальные его книги были какое-то время во владении сенешаля.

Несмотря на то, что в настоящее время неизвестны другие книги Риго д'Урейя с его владельческими знаками, они у него были. Французский историк-краевед М. Гоно, описывая в 1839 г. внутреннее убранство замка Вилльнев-Ламброн, принадлежавшего семье д'Урей, упоминает о четырех книгах из библиотеки Риго с его личной подписью. Это перевод «Заморской истории» Гийома Тирского и три неизвестных ему рыцарских романа, которые он считает «inédits»[10]. Местонахождение этих рукописей или их судьбу после 1839 г. установить пока не представляется возможным. Во всяком случае среди описанных или оцифрованных рукописей пока не удается обнаружить манускриптов с подписью Риго д'Урейя. На первый взгляд, велик соблазн увидеть в упомянутой рукописи «Заморской истории» нынешнюю рукопись из Британской библиотеки (BL. Henry Yates Thompson, 12), а в романах — трилогию артуровского цикла из Национальной библиотеки Франции (BNF. N. a. fr. 1119). Однако известные нам рукописи содержат полную подпись «lyonet doureille», а не «Rigault Doureille», как свидетельствовал М. Гоно. Кроме того, он упоминал о «четырех манускриптах», каждый из которых содержал подпись Риго[11]. Видимо, у сенешаля был свой экземпляр «Заморской истории», кроме перешедшего ему по наследству.

Также в библиотеке Риго д'Урейя мог быть один из средневековых бестиариев и, возможно, одна инкунабула. Об этом свидетельствуют, как это не покажется странным на первый взгляд, фрески в его родовом замке Вилльнев-Ламброн в Оверни, построенном в конце XV в. Позднесредневековая настенная живопись весьма разнообразна и интересна по сюжетам[12]. Стены украшали росписями как в церковных, так и в светских помещениях. Сюжетами становились портреты заказчиков в виде донаторов, сцены из Св. Писания, куртуазных романов, дидактических сочинений, бытовые сцены и многое другое. В XVI в. заказчики фресок все больше попадают под влияние ренессансных настроений, а художественное исполнение росписей становится все более изощренным. Однако

---

[10] *Gonod M.* Notice historique du chateau de Villeneuve // Annales scientifiques, littéraires et industrielles de l'Auvergne. Clermont-Ferrand, 1839. T. 12. P. 117.

[11] Ibid.

[12] См. об этом, например: *Bonnefoy Y.* Peintures murales de la France gothique. Paris, 1954 ; *Roques M.* Les peintures murales du Sud-Est de la France, XIIIe au XVIe siècle. Paris, 1961 ; *Regond A.* La peinture murale du XVIe siècle dans la région Auvergne. Clermont-Ferrand, 1983.

помимо веяний моды существенное, если не первоочередное, значение имел вкус заказчика, не в последнюю очередь — литературный.

В северной галерее первого этажа замка имеются несколько настенных росписей, среди которых изображения мифических существ, так называемых Шиш-Фас и Бигорнь. Их сатирическая особенность в том, что первое питается покорными женами, а второе — послушными мужьями. Фрески сопровождаются поэтическими комментариями, поясняющими изображенные сюжеты.

Французские настенные росписи, как отмечают исследователи, создавались под влиянием образцов книжного искусства. Истоки фресковой иконографии следует искать в итальянской и французской гравюре (прежде всего лионского происхождения), а также во французской миниатюре, иллюстрирующей литературные сочинения[13]. Например, в замке Бюссе (деп. Аллье) при выполнении фресок художник вдохновлялся миниатюрами из рукописи, содержащей сочинение Анри Бода «Морализованные ди для вышивки на ковре» («Dictz moraux pour mettre en tapisserie», BNF. Ms. fr. 24461)[14]. Из современных фрескам манускриптов «Романа о Тристане и Изольде» скопированы сцены в замке Сен-Флоре (деп. Пюи-де-Дом)[15]. В замке Вайяк (деп. Лот) представлена уникальная для фрески и нередкая для миниатюр сцена атаки крысами замка, охраняемого кошками[16]. В замке де Ла Барр (Берри) еще в начале XX в. можно было видеть образы животных, сопровождаемые стихами, скопированными из некоего бестиария. Их источником считают «Ди о птицах» — чрезвычайно популярный позднесредневековый бестиарий[17]. В анжуйском замке Плесси-Бурре кессонный потолок украшен изображениями и текстами сатирических произведений, заимствованных из инкунабул конца XV в. Иконография овернского замка Вилльнев-Ламброн, как мы увидим, также не была плодом воображения Риго д'Урейя.

---

[13] *Bohat-Regond A*. Les peintures murales du XVIe siècle dans la région Auvergne // Bulletin de l'Association d'étude sur l'humanisme, la Réforme et la Renaissance. Lyon, 1981. No 14. P. 61. См. также: *Regond A*. La peinture murale du XVIe siècle dans la région Auvergne. Clermont-Ferrand, 1983.

[14] *Regond A*. Le décor peint dans les demeures en Auvergne du XIIe au XVIe siècle // Actes du colloque «Le décor peint dans la demeure au Moyen Age et à la Renaissance». Angers, Collégiale Saint-Martin, 14–15 novembre 2007 / sous la dir. de C. Davy et C. Leduc. P. 11–12 (без пагинации). URL: http://www.cg49.fr/culture/peintures_murales/medias/pdf/annie_regond.pdf (дата обращения 26.06.2011).

[15] *Regond A*. Le décor peint dans les demeures en Auvergne ... P. 10.

[16] Ср., например, похожую сцену «Зайцы против собак» в бревиарии Рено де Бара (Bibl. munic. de Verdun. Ms. 107. F. 137v (1302–1305)).

[17] *Leduc-Gueye C*. Les décors peints des demeures angevines au XVe siècle // Actes du colloque «Le décor peint dans la demeure au Moyen Age et à la Renaissance» ... P. 12.

Тексты о Шиш-Фас и Бигорни имеют давнюю традицию, идущую как минимум с XIV в.[18] Однако самое раннее известное нам французское изображение одного из существ — Шиш-Фас — датируется примерно 1495 г., когда парижский печатник Ги Маршан издал о нем фацетию. На сегодняшний день известен лишь один лист с изображением Шиш-Фас из этой инкунабулы, хранящийся ныне в Баварской государственной библиотеке в Мюнхене (München, BSB-Ink. C-261)[19]. Видимо, в этом издании нашлось место и для Бигорни, изображение которого не сохранилось до наших дней. В лионском издании 1537 г., которое, как считается, было скопировано с инкунабулы Ги Маршана, присутствовали оба изображения[20]. Возможно, иконография из книги Ги Маршана или ей подобной (поэтические комментарии на стенах замка и в издании 1495 г. не полностью идентичны) могла послужить образцом для создания фресковых композиций в Вилльнев-Ламброн.

Вместе с этим нельзя отрицать и возможное заимствование мифических фигур из весьма популярных в Средневековье бестиариев. М. Джонс недавно отметил, что иконографическим прообразом Шиш-Фас мог послужить «крокодил» (cocodryllus) из средневековых энциклопедий животных[21]. Однако, он не развил далее свою мысль. Между тем выбор подобной иконографии может показаться вполне логичным, поскольку крокодил в бестиариях символизировал мир греха[22]. Шиш-Фас с фрески тщетно ищет порядочных женщин, чтобы их съесть, но никак не может найти, на что и жалуется зрителю:

Десять тысяч лет я был в пути,
Не находя себе жертвы[23].

Это своеобразный намек на то, что в современном обществе не осталось добродетельных женщин. В бестиариях крокодил изображался обычно

---

[18] *Montaiglon A. de*. Bigorgne qui mange tous les hommes qui font le commandement de leurs femmes // Recueil de poésies françoises des XVe et XVIe siècles, morales, facetieuses, historiques. Paris, 1855. Vol. 2. P. 197. В Англии Шиш-Фас упоминают Чосер и Лидгейт (Ibid. P. 191–192). Причем везде большей популярностью пользуется Шиш-Фас.

[19] См. цифровую копию на сайте: http://www.bsb-muenchen.de.

[20] *Jones M.* Monsters of Misogyny: Bigorne et Chicheface — suite et fin? // Marvels, Monsters, and Miracles: Studies in the Medieval and Early Modern Imaginations / ed. T. S. Jones, D. A. Sprunger. Kalamazoo, 2002. P. 206.

[21] *Jones M*. Monsters of Misogyny: Bigorne et Chicheface ... P. 210.

[22] *Блескина О. Н.* Петербургский «бестиарий» Lat. Q.v.V.1 // История в рукописях и рукописи в истории. СПб., 2006. С. 83.

[23] Тексты фресок в моем переводе опубликованы в изд.: *Крылова Ю. П.* Выразить себя в словах: французский придворный Риго д`Урей и его фрески (кон. XV – нач. XVI в.) // Человек читающий. Между реальностью и текстом источника. М., 2011. С. 198–225.

с человеческой фигурой в зубах. Шиш-Фас тоже держит в зубах женщину, которую поймал «двести лет назад», но не осмеливается ее съесть, поскольку не уверен, что ему удастся найти еще хоть одну порядочную особу.

По соседству с Шиш-Фас на стене изображено существо Бигорнь. Из его пасти торчит наполовину проглоченный им человек. Еще один стоит перед ним на коленях, готовясь стать жертвой. Комментарий к фреске повествует, что Бигорнь предпочитает поедать мужей, покорных своим женам. Подобная иконография мифического существа известна и в наши дни[24], однако ее истоки могут брать начало в тех же средневековых бестиариях. В частности, обнаруживается сходство изображения Бигорни и мантикоры[25]. При зверином теле, она имеет человеческую голову с тремя рядами устрашающих зубов и хвост скорпиона. С Бигорнь ее также роднит то, что она «humanas carnes avidissime affectat»[26]. Однако нужно отметить, что речь идет лишь об иконографическом подобии, поскольку близкого идейного сходства между Бигорнь и теми или иными животными в бестиариях не прослеживается. Интересно, что в рукописях так называемой второй семьи бестиариев тексты и миниатюры крокодила и мантикоры следуют один за другим. Это также может косвенно свидетельствовать о том, что заказчик и/или художник имел перед глазами иконографический образец — рукопись с редакцией бестиария из так называемой второй семьи[27].

Похожая иконография одного из существ — Шиш-Фас — и близкие к овернскому образцу стихи имеются на потолке в замке Плесси-Бурре в Анжу. Декорирование этого замка происходило в то же время, что и Вилльнев-Ламброн, т. е. в первые годы XVI в. Хозяин замка и заказчик фресок — Жан Бурре — также являлся королевским советником и придворным и был, видимо, знаком с Риго д'Урейем. Можно предполагать, что у обоих изображений имелся общий источник. Однако в монументальной живописи подобная иконография больше нигде не встречается.

У вышеупомянутого печатника Ги Маршана можно встретить гравюры, напоминающие иконографию двух других фресок в замке Риго

---

[24] Ср. изображения провансальского мифического существа Тараска. Легенда о нем связана с именем св. Марты, покровительницы Тараскона. Вместе с тем сегодня Бигорнь и Шиш-Фас считаются представителями нормандских легенд. *Mabire J.* Légendes traditionnelles de Normandie. Saint-Malo, 1997. P. 64–65.

[25] Я благодарю О. Н. Блескину, обратившую мое внимание на это.

[26] *Clark W. B.* A Medieval Book of Beasts. The Second-Family Bestiary : Commentary, Art, Text and Translation. Woodbridge, 2006. P. 141.

[27] Или хотя бы знал о его существовании, что вполне вероятно, поскольку бестиарий был чрезвычайно популярной книгой.

д'Урейя, а именно «Хозяина дома» (maître d'hôtel) и «Астролога»[28]. Эти или подобные им гравюры вполне могли навеять художнику либо самому заказчику мысль о том, как изображать задуманный сюжет. Иконографической программы, близкой образам «Хозяина дома» и «Астролога», в монументальной живописи Франции мы не встретим еще много лет. Она появится лишь в конце XVI столетия.

Так, логично предположить, что у Риго имелась как минимум одна первопечатная книга с гравюрами, из которой художник позаимствовал общую иконографию некоторых фресок в замке Вилльнев-Ламброн. Хотя, безусловно, мы не можем утверждать, что у него не было рукописи с подобным сюжетом и миниатюрами. Но на сегодняшний день подобной рукописной иконографии и близких текстов неизвестно. Риго д'Урей как заказчик фресок мог вполне последовать привычной традиции и велеть перенести понравившийся образ со страниц книги на стены замка.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что у сенешаля Риго д'Урейя имелась если не библиотека, то некоторое количество книг. Среди них:

- два экземпляра книги о путешествиях;
- четыре рыцарских романа;
- один дидактический роман;
- один сборник поэзии;
- три дидактических трактата в одном кодексе;
- бестиарий (?);
- сборник морально-сатирических сочинений (?).

Таким образом, до нас дошли сведения о владении им как минимум 13 сочинениями в 11 кодексах. В данном случае мы лишь приблизительно намечаем возможный состав библиотеки Риго и не можем судить о конвое рукописи, часто называемой по одному сочинению, как это видно на примере рукописи Arsenal, ms. 3356. Нам удалось установить наличие лишь одной принадлежавшей Риго богослужебной книги. О существовании в его семье иной религиозной литературы, кроме упомянутого бревиария, ничего неизвестно. Однако ее не могло не быть, например обязательной «книги часов». Судя по всему, это не единичный пример не сохранившихся до наших дней книг, наличие которых мы можем гипотетически, но с большой долей уверенности предположить. Попробуем представить, какие еще книги могли бы быть в коллекции сенешаля.

Для подобной реконструкции недошедших до нас книг из библиотеки Риго д'Урейя необходимо рассмотреть подобные книжные собрания его

---

[28] См., к примеру: Danse macabre. Paris : Guy Marchand, 1486. F. 10 («Астролог») ; F. 26 (Автор = «Хозяин дома»). BNF. Res. Ye 189. URL: http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b2200008n (дата обращения: 26.06.2011).

современников. Нас будут интересовать в первую очередь мужчины-миряне подобного ему положения в обществе, поскольку библиотека клирика, даже высокопоставленного, будет существенно отличаться от собрания светского аристократа. Прежде всего остановимся на вопросе: сколько в среднем могло быть книг в семье аристократа в конце XV в.? Безусловно, нам хорошо известны большие коллекции библиофилов этого времени. Во второй половине XV в. крупными собраниями книг владели, не считая короля, принцы крови:

- герцоги Бургундские (ок. 900 томов[29]);
- Жан Орлеанский, граф Ангулемский (167 томов[30]);
- Рене Анжуйский (130 томов[31]);
- Шарль де Монпансье (ок. 170 томов[32]).

Богатыми коллекциями исследователи считают библиотеки:

- Жака д'Арманьяка, герцога Немурского и графа де Ла Марша (85 томов[33]);
- Антуана де Шурса (ок. 50 томов[34]);
- Антуана, Бастарда Бургундского (33 тома[35]);
- Жана Моро, сеньора де Ла Жоньера (120 томов[36]);
- Танги дю Шателя (24 тома[37]);
- Пьера де Люксембурга (известно ок. 30 томов[38]);
- Жиля Буше, виконта де Шательро (20 томов)[39].

---

[29] *Robin F.* Le luxe des collections aux XIVe et XVe siècles // Histoire des bibliothèques françaises du VIe siècle à 1530. Paris, 1989. T. 1. P. 203. Все нижеприведенные цифры свидетельствуют лишь о тех книгах, сведения о которых доступны исследователям, что может не соответствовать реальной ситуации XV в.

[30] *Dupont-Ferrier G.* Jean d'Orléans, conte d'Angoulême d'après sa bibliothèque (1467) // Mélanges d'histoire du moyen âge. Paris, 1897. T. 5. P. 55–92.

[31] *Hasenohr G.* L'essor des bibliothèques privées … P. 249, tab. 5.

[32] Ibid.

[33] Ibid. P. 245.

[34] Ibid. P. 263, ref. 294. Эта цифра включает в себя и книги его жены Катрин де Коетиви, среди которых как заказанные ею, так и унаследованные от отца и его братьев Прижана и Алэна де Коетиви, адмирала Франции и кардинала Авиньона. См.: *Claerr R.* «Que ma mémoire 'là demeure', en mes livres». Catherine de Coëtivy (vers 1460–1529) et sa bibliothèque // Livres et lectures des femmes en Europe entre Moyen Age et Renaissance / éds. A.-M. Legaré, B. Schnerb. Turnhout, 2007. P. 101–102.

[35] *Boinet A.* Un bibliophile du XVe siècle. Le Grand Bâtard de Bourgogne // Bibliothèque de l'Ecole des chartes. Paris, 1906. T. 67. P. 256–259.

[36]. Bibliothèques de manuscrits médiévaux en France: relevé des inventaires du VIIIe au XVIIIe siècle / établi par A.-M. Genevois et al. Paris, 1987. P. 105.

[37] *Hasenohr G.* L'essor des bibliothèques privées … P. 227.

[38] *Wijsman H.* Les manuscrits de Pierre de Luxembourg (ca. 1440–1482) et les bibliothèques nobiliaires dans les Pays-Bas bourguignons de la deuxième moitié du XVe siècle // Le Moyen Age. Bruxelles, 2007. T. 113, no 3. P. 636.

По сотне книг было у Филиппа Клевского и Шарля де Круа[40], по 40 томов — у Эрве де Леона, Антуана де Ло и Антуана дез Эссара[41]. В то же время у придворной знати могло быть всего 14 книг как у Жана Дю Маса, сеньора де л'Иля[42], современника Риго и также советника короля. И даже десяток: именно столько книг, судя по имеющимся данным, было у Ивона дю Фу, главного ловчего короля[43].

Из приведенных примеров видно, что размеры книжных собраний различались довольно существенно. Безусловно, нужно отдавать себе отчет, что наши сведения не полны, поскольку сохранилось не так много инвентарей и завещаний этого времени, да и сами книги в большой мере не пережили последующих пяти веков[44]. Однако те источники, что имеются в нашем распоряжении, все же могут сообщить об интересах их владельцев. А интересы были немаловажным фактором в вопросах приобретения или заказа манускрипта, хотя книга нередко выступала и в качестве частного подарка по тому или иному поводу: к празднику, в надежде на покровительство или в знак верности. Также книжные собрания нередко передавали целиком по наследству, не подвергая разделу.

Другим существенным фактором были финансовые возможности владельца библиотеки, поскольку большое собрание манускриптов, учитывая стоимость их производства, мог позволить себе лишь очень богатый человек. Более дешевые инкунабулы — в это время еще крайне редкое явление среди книг аристократов.

Так какое количество книг можно считать средним в кругу, где вращался Риго д'Урей? Ж. Азнор полагает коллекцию в 40–50 томов «прекрасной сеньориальной коллекцией среднего размера»[45]. По мнению Х. Уийсмана, в XV в. владельца коллекции в 30 томов можно считать библиофилом. Подобное собрание может составить конкуренцию большим современным ему библиотекам[46]. В придворном кругу владение дюжиной книг

---

[39] *Hasenohr G.* L'essor des bibliothèques privées … P. 263, ref. 292.

[40] *Wijsman H.* Les manuscrits de Pierre de Luxembourg … P. 637.

[41] *Hasenohr G.* L'essor des bibliothèques privées … P. 244.

[42] *Duc d'Aumale.* Note sur deux petites bibliothèques françaises du XVe siècle // Philobiblon Society. Bibliographical and Historical Miscellanies. London, 1854. T. 1. P. 51.

[43] *Hasenohr G.* L'essor des bibliothèques privées … P. 259, ref. 102.

[44] Думается, наши знания будут с каждым годом восполняться, поскольку в крупнейших западных хранилищах и научных учреждениях ведется активная работа по идентификации имеющихся рукописей (Национальная библиотека Франции, Королевская библиотека Бельгии, Институт исследований и истории текстов).

[45] *Hasenohr G.* L'essor des bibliothèques privées … P. 244.

[46] *Wijsman H.* Les manuscrits de Pierre de Luxembourg … P. 636.

было единичным явлением[47]. Таким образом, если библиотека в 40–50 томов является средней для этого времени, то можно предполагать, что даже если сенешаль не был страстным библиофилом, у него должно было быть не меньше двух или трех десятков томов, что отчасти подтверждают и приведенные выше примеры.

Какие еще книги могли быть в его библиотеке? Прежде всего следует отметить, что во Франции второй половины XV в. подавляющее большинство в коллекции светского знатного человека составляли книги на французском языке[48]. От половины до двух третей этих собраний включали в себя литературные и всевозможные исторические сочинения. Ж. Азнор называет это «нормой». Отступающие от этого правила коллекции были редки[49]. Во всех библиотеках позднего Средневековья, как провинциальных, так и придворных, были хроники и прочие исторические сочинения. Среди 14 известных нам книг уже упоминавшегося Жана Дю Маса, сеньора де л'Иля, было пять томов с теми или иными историческими сочинениями: «Историческая Библия» Гийара де Мулена (перевод «Схоластической истории» Петра Коместора), «Цвет историй» Жана Манселя, «Декады» Тита Ливия, книга о первой Пунической войне Леонардо Бруни в переводе Жана Ле Бега[50] и «Большие французские хроники»[51]. Столько же было романов.

Практически у всех придворных было что-то из сочинений Кристины Пизанской. Ж. Азнор приходит к выводу, что в целом в собрании знатного сеньора XV в. кроме исторических сочинений было как минимум следующее:

- одна литургическая книга;
- какая-то часть библейских переводов;
- морализаторское и/или религиозное сочинение;
- «Роман о Розе»;
- одна из энциклопедий XIII в.;
- один из специализированных трактатов: об охоте, геральдике или сражениях[52].

Коллекция того же Жана Дю Маса в этом смысле представляется «образцом» подобной библиотеки знатного сеньора второй половины

---

[47] Такие случаи можно считать более-менее достоверными, если они подтверждаются данными завещаний. Прочие источники (сохранившиеся кодексы, прижизненные инвентари и др.) не могут доподлинно свидетельствовать о «нелюбви» к чтению.

[48] *Hasenohr G.* L'essor des bibliothèques privées … P. 245.

[49] Ibid. P. 246.

[50] *Duc d'Aumale.* Note sur deux petites bibliothèques … P. 56, 63.

[51] BNF. Ms. fr. 2608. *Delisle L.* Le cabinet des manuscrits de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1874. T. 2. P. 382.

[52] *Hasenohr G.* L'essor des bibliothèques privées … P. 246.

XV в. Из его 14 томов четыре тома представляют романы, четыре — историю, один — историзованный библейский перевод, есть энциклопедия Варфоломея Английского в переводе Жана Корбишона[53], моралистический трактат Боккаччо «О злосчастии знаменитых людей»; особо отметим «Роман о Розе»[54]. Как видим, для среднестатистической библиотеки человека его круга Риго д'Урей должен был непременно иметь хронику и/или подобные исторические сочинения, а кроме того, возможно, что-то из переводов Библии, «Роман о Розе», энциклопедию и один из специализированных трактатов.

Подобные общие тенденции, безусловно, прослеживаются в инвентарях библиотек или в сохранившихся, хотя бы частично, книжных собраниях светской знати. Однако, несмотря на веяния книжной «моды», у каждого владельца библиотеки, как уже упоминалось выше, имелись собственные предпочтения в подборе книг. Любопытна в этом смысле коллекция королевского советника Антуана де Шурса, у которого не было ни романов, ни «книг часов»[55]. Еще более оригинальной представляется библиотека Рене Анжуйского. Книжная коллекция короля Рене, автора многочисленных сочинений на французском языке, содержала исключительно сочинения на латыни[56]. А большую часть собрания составляли книги Библии, теология и философия[57]. Каковым было (и было ли?) полное собрание книг Риго д'Урейя, мы не знаем. О литературных вкусах сенешаля источники не сообщают, однако, как показало исследование, обладая некоторым набором довольно разнородных источников-«зацепок», оказалось возможным предположить существование 11 книг (и как минимум 13 сочинений) в несохранившейся до наших дней библиотеке Риго д'Урейя. Также мы смогли сделать вывод о том, что установленный нами набор книг представляется вполне привычным для человека его времени и положения — знатного сеньора XV в. Привычным, но не достаточным. Сравнение комплекта его книг с другими собраниями его времени, в частности с коллекцией Жана Дю Маса, показало, что библиотеке сенешаля в нынешнем ее виде не хватает исторических сочинений. А его положение политического деятеля и дипломата лишь подтверждает, что Риго д'Урейя явно должна была интересовать историческая

---

[53] BNF. Ms. fr. 9140. *Thomas A.* Un bibliophile français et un enlumineur allemand à la fin du XVe siècle: Jean du Mas, seigneur de L'Isle, et Évrard d'Espinques // Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris, 1895. No 1. P. 78.

[54] *Duc d'Aumale.* Note sur deux petites bibliothèques ... P. 56–64.

[55] *Claerr R.* «Que ma mémoire 'là demeure', en mes livres» ... P. 104.

[56] *Albanès J.-H.* La bibliothèque du Roi René // Revue des sociétés savantes de la France et de l'étranger. Paris, 1874. P. 304–311.

[57] *Hasenohr G.* L'essor des bibliothèques privées … P. 255.

мысль древних, как она интересовала его современников. В его доме, безусловно, присутствовала иная религиозная литература, кроме известного нам бревиария. У него было две жены и как минимум три дочери, каждая из которых должна была владеть «книгой часов». В это время знатные женщины могли обладать уже не одной-двумя, а десятком книг согласно своим интересам (литература, история). Хотя по большей части им все же принадлежала религиозная и морализаторская литература.

Как показало наше исследование, даже имея небольшое количество разнородных и зачастую неожиданных источников, можно попытаться предпринять первые шаги по реконструкции неизвестной библиотеки. Отрывочные биографические сведения, столь же фрагментарные генеалогические данные, сохранившиеся артефакты (даже жанрово весьма далекие от сюжета исследования), глухие упоминания эрудитов XVIII–XIX вв. — вот далеко не полный перечень источников, сведения которых собранные воедино и проанализированные могут приоткрыть завесу прошлого и помочь реконструировать в общих чертах собрание книг из забытой частной библиотеки позднего Средневековья.

RÉSUMÉ

Le cercle des intérêts d'une telle ou telle figure du passé peut être parfois mis en lumière grâce à l'analyse du contenu de sa bibliothèque. À la fin du XVe siècle les collections des bibliophiles comptaient souvent des centaines de volumes. Evidemment nous ne disposons pas d'informations suffisantes sur toutes les bibliothèques médiévales. Cet article résulte d'un ensemble d'observations sur la possibilité de reconstituer la composition d'une bibliothèque médiéval inconnue à l'aide des sources bien diverses, y compris celles qui ne sont pas d'habitude considérées comme pertinentes pour la recherche. L'article vise à dresser le cercle des livres, qui pouvaient appartenir au courtisan français Rigault d'Oureille (1455–1517) — sénéchal et diplomate au service des quatre rois français de Louis XI à François I. Aujourd'hui nous ne savons qu'un seul manuscrit, qui appartenait au sénéchal. C'est le Bréviaire de la fin du XVe siècle (Ms. 69) qui se conserve à la Bibliothèque de Clermont-Ferrand.

Le manuscrit 3356 de la Bibliothèque de l'Arsenal à Paris (fin XVe siècle), comme il s'avère, est directement lié à Rigault d'Oureille. Ce manuscrit porte les signatures des anciens propriétaires: «Katherine Rance», «Lyonet Doureille» (avec ses devises) et «Batyste Dou Bastarde Dob» (et ses armoiries). La recherche montre qu'ils étaient tous apparentés à Rigault d'Oureille. Il a hérité ce codex, et probablement d'autres livres ayant appartenus à Lyonet Doureille (conservés dans la BNF et la British Library). Dans la première moitié du XIXe siècle Villeneuve-Lembron, le château patrimonial de Rigault

d'Oureille, conservait encore, comme l'historien M. Gonod l'indiquait, quatre manuscrits, aujourd'hui inconnus, portant des signatures du sénéchal.

Aussi dans la bibliothèque du sénéchal aurait pu être un des bestiaires médiévaux et, probablement, une incunable. Cela est attesté par l'iconographie des fresques dans son château. Dans la galerie du nord du premier étage du château il y a plusieurs peintures murales, parmi lesquelles des images de créatures mythiques, les soi-disants Chiche-Face et Bigorne. L'article examine la possibilité de l'emprunt de leur iconographie à une incunable de l'imprimeur parisien Guy Marchant (ou à une autre semblable), ainsi que l'influence exercée sur les fresques par une des versions du Bestiaire.

L'article conclu que la bibliothèque de Rigault d'Oureille pouvait compter une certaine quantité de livres, parmi lesquels figuraient deux exemplaires du livre de voyages, quatre romans de chevalerie, un roman didactique, un recueil poétique, trois traités didactiques dans un codex, un bestiaire (?) et un recueil satiriques (?).

La dernière partie de l'article se propose de répondre, en se référant à l'exemple d'autres bibliothèques de la noblesse, aux questions suivantes: combien de livres et de quels genres auraient pu encore faire partie de la collection de Rigault d'Oureille? Pour une personne de sa condition sa bibliothèque devait compter au moins deux ou trois dizaines de volumes. La comparaison de l'assortiment de ses livres avec d'autres collections nobiliaires de son temps démontre que dans son état actuel la bibliothèque manque au minimum quelques ouvrages historiques et religieux (à part du Bréviaire mentionné ci-dessus).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Франция, XV век, средневековые библиотеки, книги, придворное общество, история семьи, средневековая иконография, кодикология.

KEY WORDS

France, 15th century, Medieval libraries, books, Court Society, family history, Medieval iconography, codicology.

Т. Н. ТАЦЕНКО

ГРАМОТЫ И ПИСЬМА XVI в. ЛАНДГРАФОВ ГЕССЕНСКИХ ИЗ АРХИВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ РАН. К ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

К началу XVI в. ландграфство Гессенское становится крупнейшим княжеством на западе Средней Германии. В результате подчинения более мелких феодальных владений, династических слияний и наследований ландграф Вильгельм II (1469–1509) оказывается в 1500 г. государем значительной замкнутой территории, простиравшейся от реки Везер на севере до области южнее Майна на юге и от реки Верра на востоке до Рейна на западе. В ландграфство входили такие значительные историко-административные ландшафты, как Нижний Гессен с резиденцией в Касселе, Верхний Гессен с центром в Марбурге, отошедшие к Гессену в 1450 г. графства Нидда и Цигенхейм, а также прирейнское графство Катценельбоген. Последнее было присоединено к Гессену в 1479 г. и состояло из двух частей. Нижний Катценельбоген с административным центром в крепости Рейнфельс располагался ниже по течению Рейна от Майнца. Верхний Катценельбоген охватывал область выше по течению Рейна, южнее впадения в него реки Майн, главным городом был Дармштадт. Все названные владения отражены в титуле гессенских ландграфов.

Умножение земель и значительные доходы от таможенных застав по Рейну сильно укрепили финансовое могущество ландграфов Гессенских к началу XVI в., сделали их менее зависимыми от земских сословий

© Таценко Т. Н., 2013

и создали основу как для систематического государственного строительства, так и для активного участия Гессена в имперской политике. С графством Катценельбоген Гессен также получил непосредственный выход к юго-западным землям Германии, а именно в сферу активного действия имперских институтов и организаций. Так, например, поблизости от Гессена теперь оказывались Шпейер, в котором заседал имперский суд с передовой юридической практикой авторитетных правоведов, а также Вормс, где часто проводились рейхстаги и можно было встретить представителей всех выдающихся политических сил империи. Чтобы подчеркнуть свое присутствие в важном регионе, Гессен присоединяется к Верхнерейнскому имперскому округу, заново организованному среди прочих имперских округов в 1500 г.

Земли Гессена представляли собой холмистую, переходящую в небольшие горы лесистую местность. Земские города были небольшими и не имели крупной собственной торговли. Их население занималось главным образом земледелием. Значительным крупным торговым и финансовым центром близ Гессена был вольный имперский город Франкфурт-на-Майне.

В ЗЕС Архива СПбИИ РАН в коллекции 25 «Германия. Акты и письма феодальных владетелей XIV–XIX вв.» хранятся несколько подлинных грамот и писем гессенских территориальных государей XVI в., которые являются интересными источниками по истории гессенской политики и управления, показывают роль государя и его служащих в принятии и реализации политических и хозяйственных решений. Девять выделенных нами по этой теме неопубликованных документов на ранненововерхненемецком языке[1] были приобретены замечательным историком и собирателем Н. П. Лихачевым в конце XIX – начале XX в. в различных немецких антикварных фирмах, как, например, List et Francke, Leo Liepmannssohn и др.

1. Писчий материал и палеографические особенности

Рассматриваемые документы написаны в большинстве своем на бумаге. Только две грамоты, регистрирующие сделки долговременного характера (см. Приложение, № 1 — продажа; № 9 — пожалование) исполнены на более прочном материале — пергамене. Использовались коричневые чернила разного оттенка, от светлого до темного.

---

[1] Тематически также относящаяся к данной группе грамота 20/423 в настоящей работе не рассматривается, так как ей специально посвящена статья: *Таценко Т. Н.* Немецкая грамота XVI в. о назначении служащего из архива Санкт-Петербургского Института истории РАН. К истории институтов власти // ВИД. СПб., 2010. Т. 31. С. 250–264.

Письма и грамоты написаны типичным для немецких канцелярий XVI в. неоготическим курсивом[2]. Его важной стилистической особенностью является контраст между мелкими плотными, наклоненными влево вертикалями корпусов букв с изломами и длинными тонкими вертикалями выносных с наклоном вправо, энергично пересекающими междустрочные пространства. Письмо декорировано гибкими, подвижными петлями и росчерками инициалов (рис. 1). Развитие беглости письма в XVI в. привело к появлению чрезвычайно подвижных почерков с длинными острыми выносными, динамично прорезывающими не только междустрочные пространства, но и следующие строки. Вместе с сильно умножившимися витеватыми росчерками и петлями они нарушали ясность письма. Это вызывало нарекания, например, гессенского ландграфа Вильгельма IV (1532, 1567–1592)[3], много занимавшегося науками, рациональным устройством управления страны и получившего поэтому прозвание Мудрый (Wilhelm der Weise). В 1582 г. он писал, что в гессенских канцеляриях «…очень мало в употреблении хорошего, целиком выписанного письма… по большей части пишут так, что письмо совершенно нечитаемо, и буквы порой так задевают одна другую, что невозможно однозначно понять текст». Поэтому он издал указ, по которому учителя в школах «...должны учить разборчивому письму, в первую очередь “немецкому скругленному письму (die teutsche gewelbtte Handtschrifften)”, в котором буквы выписаны полностью и не задевают одна другую». В этом же указе он запрещает принимать в своей канцелярии прошения, написанные иначе, чем ясное скругленное письмо[4]. Неоготический курсив под названием «gewelbte Current» был хорошо известен в немецких канцеляриях, его как ясное письмо, освобожденное от изломов, пропагандировали и учебники письма[5].

---

[2] Термин «неоготический курсив» употребляется палеографами применительно к курсиву, развитие которого в Новое время продолжилось на основе средневековой готической графики — в таких странах, как Германия, Скандинавия, отчасти Чехия, Польша, Венгрия, в отличие от большинства других европейских стран, где основу для эволюции письма в Новое время дали округлые формы гуманистического курсива. См.: *Kaspar J.* Uvod do novoveke latinske paleografie (se zvlastnim zretelem k ceskym zemin). Praha, 1975 ; *Таценко Т. Н.* Палеография немецких документов XVI в. // ВИД. Л., 1979. Вып. 11. С. 293.

[3] Здесь и далее после года рождения через запятую добавлены годы правления ландграфов.

[4] Sammlung Fürstlich Hessischer Landes-Ordnungen und Ausschreiben nebst dahin gehörigen Erläuterungs- und anderen Rescripten, Resolutionen, Abschieden, gemeinen Bescheiden und dergleichen / hrsg. von Ch. L. Kleinschmid, Ch. G. Apell. Theil. 1.1337/1627. Cassel, 1767. S. 452.

[5] Например, его рекомендует в своем учебнике письма 1553 г. мастер из Нюрнберга Вольфганг Фуггер. См. факсимильное издание: *Wolfgang Fuggers Schreibbuchlein*. Ein nutzlich vnd wolgegrundt Formular Manncherley schöner schriefften. Leipzig, 1958. S. 18, 31.

Среди рассматриваемых документов имеются два письма ландграфа Вильгельма, исполненные подобным скругленным курсивом (Приложение, № 4, 5). Представление о нем дает рис. 2. Письмо отличается ясностью и разборчивостью, вертикали выносных недлинные, не пересекают следующие строки, петли умеренные, ветвистые инициалы немногочисленны, изломы отсутствуют. Примечательно, что коротенькие штришки корпусных вертикалей букв чуть-чуть как бы загнуты вовнутрь. Эта особенность впоследствии начала утрироваться и стала предметом стилизации, сообщая парадным почеркам гессенских канцелярий своеобразный декоративный эффект (например, Приложение, № 8, а также 20/423).

Как всякий официальный документ, вышедший из канцелярии, рассматриваемые письма и грамоты почти не имеют сокращений, исключение составляют лишь обрывы и контракции в общеизвестных словах, например в датах и подписях. Также часто встречаются сокращения в виде сочетания двух больших букв EL для выражения Euere Liebden (Ваша милость) или SL — Seine Liebden (Его милость). Латинские или другие иноязычные слова всегда выписываются крупным гуманистическим курсивом.

2. Дипломатика гессенских документов

В группу рассматривемых рукописей входят три грамоты и шесть официальных писем гессенских ландграфов. Эти два вида документов преобладали в делопроизводстве княжеских канцелярий XVI в. В их создании принимали участие секретарь, составивший по заданию государя соответствующий текст в виде черновика, писец, переписавший текст набело, и иногда канцлер, визировавший документ и ставивший на нем свою отметку (см. Приложение, № 1, 9). Подпись канцлера ставилась главным образом в грамотах, удостоверявших правовой акт.

Для удобства характеристики дипломатических особенностей грамот и писем мы выбрали из наших рукописей два наиболее выразительных по содержанию примера и оформили каждый в виде таблицы, поместив в ее левой части транскрипцию оригинала, а в правой — наш перевод на русский язык. Текст разделен на несколько пронумерованных смысловых частей в соответствии с композицией документа. Транскрипция форм букв u/v передана как в оригинале: по традиции того времени для u/v в начале слова употреблялась форма v, а для u/v в середине слова — форма u. Пунктуация в современном смысле слова еще не сложилась, и для обозначения смысловых и речевых пауз в рукописях употребляются косые штришки, которые переданы в транскрипции. Сокращенные части слов заключены в круглые скобки. Слова в квадратных скобках в русском переводе содержат сделанные нами добавления разъясняющего характера.

2.1. Грамота 2/423 (№ 1) ландграфа Филиппа Великодушного от 26 марта 1528 г.

01	Wir Philips vonn gots gnaden Landtgraue zu Hessen Graue zu Kazennelnpogen zu diez / zu Zygenhain vnnd zu Nidda /	Мы, Божьей милостью, Филипп, ландграф Гессенский, граф Катценельнбоген, Диц, Цигенхейм и Нидда
02	Thun kundt hiran offentlich vor vns vnnser erben vnnd nachkomen bekennende / Das wir vß redlichen ehafften vnnd beweglichenn vrsachen / vnd vmb vnnser / vnnser erben vnnd vnderthanen besten nutz vnnd fromen wyllen / mehern schaden zuuerhuten : vnsern liben vnderthanen Johan Jacken vnnd Elsen seiner ehelichen husfrawen zu Treysa Jrer beder erben vnnd mit Jrem guten wissen vnnd willen kondtlichem einhelter diess briues / eines steten vesten vffrichtigen vnnd rechtmeßigen kauffs / so best der von rechts oder gewonheit wegen / crafft hat vnnd haben sol kan oder magk / verkaufft haben vnd verkauffen Jegenwurtiglich Jn vnnd mit crafft diess briues / Vnnsere wiese gelegen vff der Gansaw beneder der Lomolen vor Treysa so hybeuor dem prediger kloster daselbst zugehort hat / vor hundert vnnd sechzig golt gulden reinisch franckfurter Wicht vnnd werung / die vns die obgenenten kauffer daruor gutlich vnnd gnuglich entricht / wir auch von Jnen Jzo Jn einer Sum(m)a vffgenomen vnnd emphangen haben /	сим объявляем перед всеми и признаем за себя, наших наследников и потомков, что мы по необходимым, основательным и настоятельным причинам и к собственной, наших наследников и подданных вящей пользе и с ревностным о ней радением, дабы предотвратить большой ущерб, любезным нашим подданным Иоганну Якену и его законной супруге Эльзе цу Трейза, их обоих наследникам по их твердому знанию и доброй воле к соблюдению объявленной в этой грамоте, честной и справедливой купли, которая наивернейшим образом по праву и обычаю имеет, должна и может иметь силу, продали и настоящим продаем силою этой грамоты наш луг на Гусином пастбище у дубокрошильной мельницы, прежде принадлежавший монастырю доминиканцев, за сто шестьдесят золотых гульденов франкфуртского веса, которые вышеназвнные покупатели по обоюдному согласию нам оплатили сполна, мы же получили и приняли от них эту сумму.
03	Darumb wir sie deran hymit queidt sagen, Vnnd sollen vnnd mugen nun hinfurter die vorgemelten kauffer Jre erben vnnd mitbeschriben solache obvermelte wiese / Jnnehaben/ nutzen / meßen vnnd gebrauchen nach allem	Тем самым мы совершили сделку, и упомянутые покупатели и их наследники отныне этим означенным лугом владеют, его используют, делят и употребляют по своей воле и желанию подобно тому, как они поступают

	Jrem besten willen vnd gefallen / gleich andern Jren eigen guetern, nichts vßgescheiden, Doch vnß vnnsern erben vnnd nachkomen hirin vorbehalten Wilche Zeit des Jars vns gelibt vnnd eben ist, mugen wir Jnen die Loßung verkunden / das obgnent kauffgelt Jn Jre sicherhait Jdoch Jn vnnserm Furstenthumb widder geben / Das sie als dan nemen vnnd vns vnnsern erben vnnd nachkomen die wiese / auch diest verschreibung die als dan todt sein sol: Jnmasßen sie die Jzo von vns emphangen: widderumb einreumen zustellen vnnd volgen lassßen sollen vnnd wollen /	с другими собственными наделами без различия; все же за нами и нашими наследниками мы объявляем право в любое время года выкупить [эту землю] и выплатить им [или их правопреемникам] означенную продажную сумму, но только в нашем княжестве; каковую [сумму] они тогда должны принять, а луг и эту купчую, которая тогда должна стать недействительной, опять уступить и передать нам и нашим нследникам и потомкам как они у нас некогда приняли
04	Sunder einiche weygerung oder geuerde / Zu vrkunde haben wir vnnser Secret Jnsigel hiran hencken lasßen	Без всякого уклонения и обмана. В свидетельсво (удостоверение) верности соизволили мы к этому привесить нашу собственную печать
05	Geben zu Cassel am donnerstage nach Letare Anno dominj Millesimo Quingentesimo vicesimo octauo /	Дано в Касселе в четверг после Letare [26 марта] в год тысяча пятьсот двадцать восьмой
06	«philips L(andgraf) z(u) Hessen etc s(ub)s(cripsit)»	Филипп ландграф Гессенский подписал [собственноручная подпись]
07	«hr lersßenner s(ubscripsit)»	Генрих Лерснер [секретарь] подписал [собственноручная подпись]

Грамоты как правовые акты составлены по определенной схеме, сложившейся в эпоху Средневековья, с применением общеизвестных языковых формул. Соответствующий формуляр, включающий в себя вводный протокол, содержательную часть и заключительный протокол, известен из дипломатики средневековых грамот. В нашей грамоте, как и вообще в документах начала Нового времени, формуляр значительно сокращен[6].

[6] *Meisner H. O.* Archivalienkunde vom 16. Jahrhundert bis 1918. Göttingen, 1969. S. 221.

01. Вводный протокол

Вводный протокол в нашей грамоте включает в себя только Intitulatio — вводимые личным местоимением wir (мы) имя и полный титул волеизъявителя с девотивной формулой «Von Gottes Gnaden».

Содержательная часть документа

02. Объявление решения волеизъявителя (Promulgatio/Publicatio)

Волеизъявитель публично признает и удостоверяет за себя, своих наследников, что продал луг у Гусиного пастбища Иоганну Якену с его законной супругой Эльзой цу Трейза, за что получил сполна 160 золотых гульденов. В этой части можно усмотреть и элемент мотивации сделки, которая в предыдущую эпоху оформлялась в предшествующий пункт протокола (Arenga): ландграф продает участок земли «по необходимым, основательным и настоятельным причинам и к собственной, наших наследников и подданных вящей пользе».

03. Обстоятельное изложение деталей акта продажи (Dispositio)

Ландграф подчеркивает, что новые владельцы земельного участка имеют право распоряжаться им по своему полному усмотрению. Вместе с тем он фиксирует в грамоте свое и своих наследников право выкупить когда им заблагорассудится проданный луг путем возвращения его стоимости.

04. Заверительная часть (Corroboratio)

Ее открывает происходящая из ленных присяг традиционная формула «Без всякого уклонения и обмана (злого умысла)»[7]. Далее следует ссылка на скрепляющую документ печать ландграфа.

05. Заключительный протокол

К заключительному протоколу, завершающему нашу грамоту, относятся обозначение места и календарной даты сделки. Характерно, что дата названа еще по церковным прздникам — обычай, который окончательно выйдет из употребления к середине XVI в. Далее следуют собственоручная подпись ландграфа Филиппа и заверяющая сделку подпись его личного секретаря Генриха Лерснера. Таким образом, удостоверение правового акта приобретает все признаки подлинности и легитимности.

---

[7] *Wyluda E.* Lehnrecht und Beamtentum. Berlin, 1969. S. 152–153.

2.2. Письмо 9/423 (№ 5) ландграфа Вильгельма от 11 декабря 1573 г.

01	Denn wolgebornnen auch vhesten vnnd hochgelartenn vnsern liebenn Neuen vnnd getrewen furstlichen Sachsischen Stadhalternn Canzlernn vnd Rethen zue Coburgk	Высокородному любезному нашему племяннику, княжескому Саксонскому штатгальтеру, высокоученому канцлеру, а также преданным и верным [княжеским Саксонским] советникам в Кобурге
02	Wilhelm vonn Gottes gnadenn Landgraue zue Hessenn Graue zu Catzenelnpogen etc	Вильгельм, Божьей милостью ландграф Гессенский и граф Катценельбогенский etc
03	Vnnsern gunstigenn vnd guldigen gruss zuuor / Wolgebornner / auch vhest vnnd hochgelarte lieber Neue vnnd getrewenn /	Прежде всего примите наш милостливый и искренний привет, высокородный дражайший родственник, а также преданные и высокоученые верные [члены администрации]
04	Wir zweiffelln nicht / Jhr werdet euch zuerinnern wiessenn Welchergestaldt Baltasar vonn Boyneburgk Jm monat Augusto negstuerschiennen / wie wir ausserhalb landes Jnn Mayssen gewesenn / durch etliche seinnes gesindes Jnn vnserer wildfuhren am Jnhang des Suelingswaldes ein Stuck wildes schiessenn lassen / welch Stuck wildes auch dasselbig seinn Gesindt / als Nemlich ein knecht / ein Jung / vnd ein magd vff einnem zihe karnn alsbald Jhme dem vonn Boyneburgk heimzuepringenn vnderstanden / Darueber Sie aber vonn vnserm Furster vff friescher that ergrieffenn /	Вы несомненно помните, как Бальтазар фон Бойнебург в прошедшем августе, в то время когда мы были за пределами земли нашей в Мейсене, побудил некоторых из своей челяди подстрелить голову дичи в наших охотничьих угодьях на склонах Зейлингского леса. Каковую дичь эта его челядь, а именно работник, мальчишка и служанка, осмелились, погрузив на ручную тележку, везти Бойнебургу, но были задержаны на месте преступления нашим лесничим.
05	Weill nun vff vnnserer heimbgelassennen Stathalter vndt Rethe begehrenn / vnd ewern dem Schosser zue Gerstungen dess wegenn eruolgten beuelch / dessenn wir vns gnedig / lichenn bedancken / ermelter vonn Boyneburgk Jegenn Gerstungen bestrickt worden / Damit	А поскольку по требованию и настоянию наших штатгальтера и советников и в соответствии с вашим приказом шоссеру Герштунгена, за который мы милостливо благодрим, упомянутый фон Бойнебург был посажен в тюрьму у Герштунгена,

	wir dann von Jhme diesser zur vngebuer vnnd seinem dabeuor vnns Jnsonderhait geleistetem vrphedenn zu wieder geubter misshandelung halber geburlich abtrag erlangenn	чтобы затем понести перед нами приличествующее наказание за преступление, в особенности за повторное нарушение данной им прежде клятвы не заниматься разбоем,
06	So ist vnnser gnedigs Gesinnen / Jhr wollett vnns hirzuerinnen gewiessen tagk Jegenn Bercka oder Gerstungen / Darauff wir Jhemands der vnnsern abzuefertigenn haben / benennen / vnd alssdann gedachten vonn Boyneburgk zue wohluerschuelter Straff[8] mit ernnst anhaltenn /	То милостливо повелеваем вам назначить определенный день, в который мы могли бы отрядить кого-либо их наших [служащих] в Берку или Герштунген и с пристрастием подвергнуть упомянутого Бойнебурга вполне заслуженному наказанию.
07	Dass vorsehenn wir vns vnnd seind Euch mit gunstigem gueten wiellen vnd zue gnadenn gewegen /	Ожидаем этого с изъявлением вам милостливой благосклонности и симпатии
08	Cassell am 11ten Decembris anno etc (15)73	Кассель, 11 декабря 1573 г.
09	«Wilhelmhz(u)hessen»	Вильгельм герцог Гессенский [собственноручная подпись]

01. Адрес письма

Примечательно, что в адресе обозначаются только функции чиновников, к которым обращается ландграф, их имена опущены.

Композиция самого письма выстроена по определенной общеупотребительной схеме, хорошо известной специалистам по дипломатике начала Нового времени[9], и включает в себя пять частей (02–06).

02. Титул отправителя (Intitulatio)

Текст письма предваряет Intitulatio — имя отправителя с девотивной формулой «Vonn Gottes gnadenn» и титулом. Последний дан в сокращенном варианте, он обрывается сокращением etc. (et cetera), что выдает рядовой, будничный характер письма. Intitulatio стоит в самом начале, и это знак того, что сословное и общественное положение отправителя

[8] Слово Straff введено здесь корректурой на полях вместо зачеркнутого на этом месте слова Abtrag (возмещение убытка).

[9] *Meisner H. O.* Archivalienkunde vom 16. Jahrhundert bis 1918. S. 66–67.

письма выше, нежели адресатов, как, например, в письмах № 2, 6, 7 Приложения. В тех случаях, когда статус отправителя равен статусу адресата или ниже его, титул всегда стоит в конце письма перед подписью (см. Приложение, № 4, 8).

03. Приветствие (Salutatio)

Письмо начинается с традиционной формулы непременного приветствия («Vnnsern… gruss zuuor»). Несмотря на шаблонность формулы, она имеет многозначительный характер благодаря заключенным в ней эпитетам, которые безошибочно говорят о сословном и профессиональном статусе адресатов, имена которых не названы ни в адресе, ни в приветствии письма. Так, слова wolgebornner (высокородный) lieber Neue (любезный племянник) обращены к штатгальтеру правительства в Кобурге, лицу княжеского достоинства[10]. На это указывает эпитет «высокородный» и то, что ландграф обращается к нему по-родственному. Следует иметь в виду, что слово «племянник» здесь не нужно понимать буквально, ибо это обращение в большинстве случаев вовсе не означало действительно близкого родства, а только свидетельствовало об общей принадлежности к единому, в данном случае княжескому, сословию, где все в широком смысле родственники. В письмах немецких князей друг другу были очень распространены обращения Bruder (брат), Vetter (кузен), Vater (отец), Oheim (дядя), Sohn (сын), Schwager (деверь, шурин, зять) без того, чтобы они обозначали степень родства в прямом смысле слова. Примером может служить и письмо ландграфа Вильгельма к герцогу Иоганну Вильгельму Саксонскому в нашей подборке (см. Приложение, № 4), где обращение vetter / schwager vnd brueder не соответствует реальным родственным отношениям двух князей.

Эпитет «высокоученый» в приветствии рассматриваемого письма относится к канцлеру правительства и выдает, что канцлер, по обычаю того времени, был доктором права[11]. Обращения «преданные», «верные» адресованы членам правительства дворянского происхождения, вместе с тем они также могут относиться и к канцлеру.

04. Вступление или предисловие к предмету письма (Exordium)

Во вступлении ландграф Вильгельм сообщает об исходной ситуации: в его охотничьих угодьях людьми гессенского рыцаря Бальтазара

---

[10] Эту должность тогда занимал граф Буркхард фон Барби и Мюлинген (*Hess U.* Geheimer Rat und Kabinett in den ernestinischen Staaten Thüringens. Weimar, 1962. S. 14; см. также имена адресатов в письме № 6 Приложения).

[11] Имя канцлера тогдашнего правительства в Кобурге — Вильгельм Рудольф Мекбах (*Hess U.* Geheimer Rat und Kabinett … S. 14; см. также имена адресатов в письме № 6 Приложения).

фон Бойнебурга совершено преступление незаконной охоты. Эта часть письма аналогична arenga, prologus, prooemium, proverbium в дипломатике грамот.

05. Изложение дела (Narratio)

Ландграф Вильгельм излагает обстоятельства, явившиеся причиной послания, побуждением к его написанию, а именно то, что преступник Бальтазар фон Бойнебург, сидящий в тюрьме на территории герцогства Саксонского, должен быть справедливо наказан не только за потраву в охотничьих угодьях, но особенно за клятвопреступление, нарушение данной ландграфу клятвы не заниматься разбоем.

06. Просьба/требование (Petitio)

Ландграф предлагает назначить день и место, когда гессенские представители могли бы прибыть на саксонскую территорию для суда над Бойнебургом.

07. Заключение (Conclusio)

Отдавая дань обычной здесь куртуазной предупредительности, ландграф выражает благосклонность к тем, от кого ожидает исполнения своего требования.

Письмо завершается указанием места его составления и датой. Как и в большинстве других писем, год обозначается двумя последними арабскими цифрами, перед которыми стоит сокращение etc., подразумевающее тысячную и сотенную цифры (см. рис. 2). Далее следуют собственноручная подпись герцога Иоганна Вильгельма и оттиск под бумагой герцогского перстня-печатки. Таким образом, письмо имеет все признаки подлинности.

3. Содержание документов в историческом контексте

Определяющую роль в гессенской политике XVI в. сыграл выдающийся политик общегерманского масштаба ландграф Филипп Великодушный (Philipp der Großmütige) (1504, 1518–1567). Наряду с курфюрстом Иоганном Фридрихом Саксонским Филипп Гессенский стал руководителем военно-конфессионального союза протестанских князей и городов Германии и в немалой степени определил ход немецкой истории XVI в.

Одним из первых территориальных государей Германии ландграф Филипп перешел на сторону Реформации. Познакомившись с Лютером на знаменитом Вормсском рейхстаге 1521 г., он стал преданным сторонником идей реформатора. В 1526 г. ландграф Филипп приступает к реформированию Церкви в своих владениях. Наряду с изменениями

в догматике и культе церкви (Гомбергский синод 1526 г.) начинается секуляризация церковных владений, прежде всего монастырских. Значительная часть полученных средств направляется на устройство благотворительных и образовательных учреждений, например для основания первого гессенского земского университета в Марбурге в 1527 г. Но немало монастырских владений используются и для решения финансовых проблем государства, их земли распродаются, а денежные средства поступают в государственную казну. Так произошло, например, с доминиканским монастырем в небольшом городе Трейза неподалеку от Марбурга. Он принадлежал к тем обителям, монахи которых после объявления церковной реформы добровольно покинули монастырь[12], и его земли были распроданы. Грамота 2/423 Филиппа Гессенского от 26 марта 1528 г. иллюстрирует эту ситуацию (см. Приложение, № 1). Ландграф продает Иоганну Якену и его жене Эльзе цу Трейза луг на Гусином пастбище у дубокрошильной мельницы (Lomolen), прежде принадлежавший монастырю доминиканцев, за 160 золотых гульденов франкфуртского веса и удостоверяет выплату этой суммы сполна. Как всякий документ о правах собственности, которому суждено храниться долго, грамота исполнена на пергамене и снабжена вислой восковой печатью ландграфа. Также она заверена секретарем ландграфа Генрихом Лерснером, а значит, текст ее тщательно выверен и скопирован в соответствующем регистре.

Интересна личность и самого секретаря Генриха Лерснера (1505–1576). В 1528 г. он уже занимал важную должность личного секретаря ландграфа, всякое время был вхож в покои государя, через руки секретаря проходили все важные, часто конфиденциальные документы. Лерснер учился праву в Гейдельбергском и Эрфуртском университетах, сделал блестящую чиновничью карьеру в Гессене, начав ее с должности канцелярского писца и закончив должностью канцлера и ведущего советника. Он принадлежал к влиятельному бюргерскому клану, который в XVI в. играл ведущую роль в сферах гессенского управления и был скреплен тесными родственными связями[13].

С именем и политикой Филиппа Гессенского связана и рукопись 4/423. Речь идет о письме ландграфа от 15 июня 1536 г. к бургомистру и цехам города Санкт-Гоар-на-Рейне с приглашением их на съезд гессенских земских сословий в Гомберге 4 июля (см. Приложение, № 2). Как и другие немецкие территориальные государи, Филипп Гессенский правил с участием сословий, обладавших правом утверждать земские налоги, без которых

---

[12] *Demandt K. E.* Geschichte des Landes Hessen. Kassel, 1980. S. 225.

[13] *Gundlach F.* Die hessischen Zentralbehörden von 1247 bis 1604. Bd. 3 : Dienerbuch. Marburg a. d. Lahn, 1930. S. 148–149. (Veröffentlichungen der Historischen Kommission für Hessen und Waldeck ; 16).

в XVI в. уже было немыслимо финансирование территориального государства. Сословия в Гессене в пореформационный период состояли из дворянства (Ritter) и городов (gemeine Landschaft). Ландграф Филипп приглашает на ландтаг представителей города Санкт-Гоар чтобы «со всеми нашими сословиями, рыцарством и городами, обсудить и посоветоваться, как принести нам и нашим землям подъем, процветание, богатство и отвратить ущерб и вред». Известно, что Гомбергский ландтаг в июле 1536 г. принял решение об использовании половины земского налога на нужды Шмалькальденского союза протестантских княжеств и городов Германии[14]. В это время вся внешняя политика Филиппа Гессенского была направлена на укрепление этого военно-конфессионального объединения, служившего сопротивлению угрозе рекатолизации со стороны императора и католических чинов империи. В мае 1536 г., за несколько недель до ландтага в Гомберге, евангелические теологии вокруг Лютера и верхненемецкие богословы достигли соглашения о сближении взглядов на учение о Св. Причастии (Виттенбергская конкордия) и тем самым продвинулись по пути сплочения приверженцев Аугсбургского вероисповедания. Поэтому финансовое подкрепление было очень важным для ландграфа Филиппа как добавление к достигнутой идейной консолидации Шмалькальденского союза.

Последующие семь грамот и писем относятся ко второй половине XVI в. и принадлежат сыновьям ландграфа Филиппа Великодушного, уже упоминавшемуся Вильгельму IV, а также его братьям, ландграфам Людвигу (1537, 1567–1604) и Георгу (Georg der Fromme) (1547, 1567–1596). После смерти Филиппа Великодушного в 1567 г. земли ландграфства были разделены между его четырьмя сыновьями, считая трех названных и ландграфа Филиппа-младшего. К началу XVII в. две из четырех линий угасли, а все наследие Филиппа Великодушного распределилось между двумя линиями: Гессен-Кассель, родоначальником которой был ландграф Вильгельм Мудрый, и Гессен-Дармштадт, шедшей от ландграфа Георга Благочестивого.

Грамота 17/423 от 26 мая 1567 г. (см. Приложение, № 3) содержит долговое обязательство ландграфа Георга Гессенского выплатить брату, ландграфу Вильгельму, взятые у него в долг для выкупа заложенной половины деревни Бишофсгейм (Bischofsheim) 1400 золотых гульденов на великопостной ярмарке во Франкфурте в будущем 1568 г. Примечательно, что сделка оформлена спустя два месяца после смерти отца, и возможно, что в ней было выражено стремление старшего брата помочь младшему в упорядочении его владельческих прав. Речь идет о деревне

[14] *Siebeck H.* Die landständische Verfassung Hessens im 16. Jahrhundert // Zeitschrift des Vereins fűr hessische geschichte und Zandeskunde. N. F. Bd. 17. Ergänzungsheft. Kassel, 1914. S. 129.

Бишофсгейм неподалеку от места впадения Майна в Рейн в графстве Верхний Катценельбоген, доставшемся в наследство ландграфу Георгу. Гибельная практика закладывания владений и даже целых административных округов — амтов под крупные денежные суммы была сильно распространена среди немецких территориальных государей, это, например, было особенно характерно для курфюрстов Бранденбургских. Гессен эта беда затронула меньше: благодаря крупным доходам от прирейнских таможенных постов ландграфы, как правило, были в состоянии выкупать заложенные владения, и территориальная целостность государства серьезно не страдала[15]. Характерно, что, как отмечено в грамоте, местом возвращения долга служит Франкфуртская ярмарка, место, где ландграфы Гессенские совершали все крупные денежные операции.

В последней из трех грамот в нашей группе (36/423) от 27 октября 1598 г. оформляется пожалование ландграфа Людвига Хатцфельдских земельных угодий на условиях лена малолетнему Георгу Герману Гольцфельду (см. Приложение, № 9). Из-за малолетства последнего обязательства принимают его опекуны Иоганн Адриан фон Дорингенберг и Гроп фон Флекенбюль по прозванию Биргельн. Хатцфельдские земли лежали неподалеку от ландграфского замка в Ниде в Верхнем Гессене. Прежде они были в ленном держании покойного Левенштейна Гольцфельда, отца малолетнего Георга Германа Гольцфельда, а еще раньше — деда последнего. Теперь ленное пожалование возобновляется. В грамоте подробно перечисляется, какие выплаты и с каких участков Хатцфельдских земель ежегодно следуют держателю лена, например от Арнсбурга ему выплачиваются 12 гульденов. Эти выплаты гарантируются волеизъявителем ленного пожалования и его кровными наследниками, а в случае его смерти — другими членами Гессенского ландграфского дома. Держатель лена в свою очередь обязуется «по ленному праву и обычаю быть и оставаться за это верным нам и нашим наследникам, действовать наилучшим образом [в нашу пользу], не допускать ущерба [нашим делам] и вообще делать все то, что подобает и надлежит верному леннику в отношении его господина всякий раз, как только это понадобится». В грамоте указывается, что клятву верности ландграфу Людвигу за малолетнего ленника совершают его опекуны «перед Богом и Его Святым Словом» («zu Gott / vnd seinem heyligen Wortth / geschworen»), они передают и соответствующее письменное обязательство. Сам же Георг Герман Гольцфельд, достигнув совершеннолетия, должен будет повторить присягу. Интересно, что вышеприведенная типичная формула ленного обязательства и клятвы эпохи Средневековья в Новое

[15] *Krüger K.* Frühabsolutismus und Amtsverwaltung: Landgraf Wilhelm IV. inspiziert 1567 Amt und Eigenwirtschaft Trendelburg // Hessisches Jahrbuch für Landesgeschichte. 1975. Jg. 25. S. 122.

время перешла в текст назначений служащих территориального государя. Некоторое изменение внесла только Реформация: клятва совершается теперь перед Богом и Его Святым Словом, а не пред Богом и всеми Святыми, как было раньше.

Рассматриваемая грамота имеет заверительную подпись канцлера Зигфрида Клотца. Его имя также хорошо известно в иерархии гессенских чиновников. Доктор права Зигфрид Клотц (1556–1610) происходил из патрицианской семьи гессенского городка Вецлар и сделал блестящую служебную карьеру как влиятельный советник, а затем канцлер ландграфа Людвига. В этой должности он сменил брата, Иоганна Клотца, ученого-юриста. И братья Клотци были членами влиятельного бюргерского клана в сферах Гессенского управления XVI в.[16]

В ряде официальных писем ландграфов Гессенских находят свое отражение темы «территориальный государь и его служащие», «место государя в сфере управления». К таким относится письмо ландграфа Вильгельма 6/423 от 23 марта 1571 г. к Иоганну Вильгельму, герцогу Саксонскому (см. Приложение, № 4). Ландграф Вильгельм посылает к герцогу Саксонскому своего доверенного советника, амтмана Ротенберга и Зонтры, Иоганна фон Ратценберга для устных переговоров и просит «благосклонно выслушать его, во всем веря ему, как если бы это были мы, и удостоить его откровенным ответом». Иоганн фон Ратценберг (†1580) принадлежал к числу потомственных служащих гессенских ландграфов из дворянского сословия. Уже его отец Йост фон Ратценберг занимал важную должность управляющего придворным хозяйством (Küchenmeister). С 1535 г. Иоганн фон Ратценберг служил Филиппу Великодушному и как доверенный сотрудник был вхож в покои государя. Позже он получает назначение начальником органа местного управления — амта Зонтры и Ротенберга в Нижнем Гессене и одновременно становится советником по особым поручениям. Такие советники жили в своих поместьях и вызывались ко двору для специальных миссий (Rat von Haus aus). Ландграф Филипп ценил этого советника и в своем завещании 1562 г. советовал сыновьям сохранить Иоганна фон Ратценберга на службе[17]. Письмо 6/423 показывает, что ландграф Вильгельм, следуя завету отца, продолжал дорожить этим советником и использовал его в миссиях для ведения ответственных переговоров с другими князьями.

Письмо 10/423 ландграфа Вильгельма от 27 февраля 1586 г. (см. Приложение, № 8) также является своего рода рекомендательным письмом. Оно обращено к брату, ландграфу Людвигу, которому автор письма рекомендует Вальраба фон Майделунга для придворной службы. В письме указывается, что податель письма, прослужив некоторое время при княже-

---

[16] *Gundlach F*. Die hessischen Zentralbehörden 1247–1604 … S. 131–132.
[17] Ibid. S. 197–198.

ских и графских дворах, ищет новое место службы. А поскольку при дворе ландграфа Людвига есть вакантные места, ландграф Вильгельм просит принять подателя письма на службу. В данном случае речь идет не о месте чиновника с определенными управленческими задачами, а просто о месте придворного. При дворе каждого территориального государя насчитывалось немало придворных дворянского происхождения, которые просто присутствовали при государе (aufwarten), составляя его свиту и получая за это соответствующее сословному положению платье, а также кров и пищу в княжеском замке.

Два следующих письма ландграфа Вильгельма 9/423 и 7/423 (Приложение, № 5, 6) являются выразительной иллюстрацией к тому, как в территориальных государствах осуществлялась судебная власть на местном уровне. Интересно, что оба случая, о которых идет речь в письмах, происходили в пограничных гессенских областях и соответственно затрагивали судебные компетенции сопредельных княжеств. Именно поэтому оба обозначенных письма адресованы правительству соседнего герцогства Саксонского в Кобурге, а именно его штатгальтеру Бурхарду, графу Барби и Муллинг, канцлеру и советникам. Это было опекунское правительство, назначенное курфюрстом Саксонским Августом из альбертинской династии, который тогда временно правил в герцогстве от имени малолетних саксонских принцев эрнестинской линии[18].

В письме 9/423 (Приложение, № 5, см. также транскрипцию и перевод выше) от 11 декабря 1573 г. речь идет о незаконной охоте, совершенной в прошедший август в лесных угодьях ландграфа Гессенского людьми рыцаря Бальтазара фон Бойнебурга по наущению последнего. Нарушители были пойманы с поличным лесничим ландграфа («vonn vnserm Furster vff friescher that ergrieffenn»). Как и во многих других княжествах, лесное хозяйство в Гессене было в XVI в. очень важной сферой экономики страны, регулировалось специльным Лесным уставом и обладало большим штатом служащих. Последние занимались не только организацией сословно значимой княжеской охоты, но и поставляли важную часть продуктов для двора в виде дичи, строевой лес, дрова для отопления и т. д. Поэтому за сохранностью живности и леса в княжеских угодьях следили очень серьезно и за браконьерство жестоко наказывали. Неудивительно поэтому, что по распоряжению гессенской администрации Бальтазар фон Бойнебург был посажен в тюрьму, которая находилась у недалекого от Гессена тюрингенского местечка Герштунген, но уже на территории герцогства Саксонского. Ландграф предлагает саксонской администрации назначить срок, когда гессенские представители могут явиться для совершения суда над Бойнебургом, которому грозит серьезное наказание, ведь первоначальное слово, означающее возмещение убытка (Abtrag),

[18] *Hess U.* Geheimer Rat und Kabinett … S. 14.

в письме зачеркнуто и заменено словом «наказание» (Straff). Дворянский род Бойнебургов был хорошо известен в Гессене и дал княжеству ряд уважаемых деятелей в военной и управленческой сферах. Однако Бальтазар фон Бойнебург, о котором речь идет в письме, по-видимому, принадлежал к числу тех членов этого рода, в асоциальном поведении которых проявлялся кризис рыцарства. Из-за распространения артиллерии значение рыцарства как военной силы в XVI в. резко снизилось и теряло свою традиционную общественную функцию, что приводило менее способных и гибких на путь социальной деградации. В письме подчеркивается, что Бальтазару фон Бойнебургу особенно вменялось в вину, что он нарушил клятву отказаться от грабежей и разбоя, данную под присягой ландграфам Гессенским («vnns Jnsonderhait geleistetem vrphedenn»).

Письмо 7/423 (Приложение, № 6) ландграфа Вильгельма тем же адресатам от 30 августа 1575 г. посвящено криминальному делу: разбирательству кражи, совершенной в окрестностях небольшого города Фах/Фаха («endts zu Vach») на крайнем западе Тюрингии, где сходятся границы Гессена, герцогства Саксонского и епископства Фульда и из-за чересполосицы владений путаются их судебные компетенции. В отличие от предыдущего случая (9/423) ландграф не заинтересован в употреблении своей судебной власти. Он отклоняет приглашение саксонской администрации прислать гессенских представителей для участия в суде над вором, который сидит в тюрьме в Фахе. Он полагает, что дело, скорее находится в судебной компетенции аббата Фульды, тем более что, как заключил ландграф Вильгельм из прошлых примеров, преимущественная роль Гессена в разборе этого дела «вызвала бы жалобы Его Милости [епископа Фульды]».

Последнее письмо 19/423 от 15 августа 1583 г. (Приложение, № 7) принадлежит ландграфу Людвигу и адресовано советнику Рейнхарду Абелуну, казначею (камермейстеру) княжеской администрации в Марбурге. Благодаря этому письму перед нами предстает живописная иллюстрация к хозяйственному управлению и снабжению продуктами марбургского двора, в которое непосредственно входит сам государь. Ландграф пишет, что слышал о бывшем недавно в Марбурге скототорговце из Богемии, который пригнал стадо свиней («Ein hundertt od(er) drey Saw») и предлагал свой товар в Марбурге, прося по четыре гульдена за свинью тому, кто у него возьмет весь товар числом 100–103 свиньи. Но поскольку жители Марбурга не столковались с ним, он погнал свиней дальше в Гизен («Aber alss vnsere Burger sich darauff mitt Jhme nichtt einlassen wollen / dieselbe schweine forters nach Giessen hinauss getrieben»). Ландграф Людвиг поручает найти этого скототорговца и договориться с ним о покупке 105–106 свиней по цене четыре гульдена за свинью наличными, которых тот должен пригнать в Марбург ко дню Св. Михаила (29 сентября). Казначей Рейнхард Абель из Ниды († ок. 1585), которому ландграф дает поручение,

был старейшим хозяйственным служащим ландграфов Гессенских. Еще во время Шмалькальденской войны в 1546 г. он состоял кассиром при союзном войске, в 1548–1549 гг. сопровождал ландграфа Филиппа Великодушного в плену, а затем служил казначеем у его сына ландграфа Людвига в Марбурге. Постарев, он в 1576 г. просился в отставку на покой, но, как видно, ландграф Людвиг не отпустил от себя надежного и компетентного служащего[19].

Приложение

№ 1. 2/423. 26 марта (Donnerstag nach Letare) 1528 г., Кассель.

Грамота Филиппа Великодушного, ландграфа Гессенского (1504–1567).

Содержание: продажа ландграфом Иоганну Якену и его жене Эльзе цу Трейза луга на Гусином пастбище (Gansaw) у дубокрошильной мельницы (Lomolen), прежде принадлежавшего монастырю доминиканцев, за 160 золотых гульденов франкфуртского веса и выплату этой суммы сполна.

Транскрипцию и перевод текста грамоты см. выше.

1 л., пергамен, 39 × 29,8 см, собственноручные подписи ландграфа и секретаря, вислая восковая печать красного воска, повреждена.

Дорсальные надписи: «Spithel»; «moniche wiese»; «den xxxxviij brieff 48»; «160 Golt gulden»; «1528».

Происхождение: на папке с грамотой рукой Н. П. Лихачева сделана помета о каталоге аукциона, где был приобретен документ: «Leo Liep-(mansshn) Аукц. 40-Nering 9–11 дек. 1912» (Historische Autographen. 40 — Autographen-Versteigerung... I. Teil...: Berlin, Leo Liepmannssohn, 9–11 décembre 1912, в соавторстве с Nering-Boegel).

№ 2. 4/423 15 июня (donnerstags nach Trinitatis) 1536 г., Кассель.

Письмо Филиппа Великодушного, ландграфа Гессенского (1504–1567) к бургомистру и совету с цехами и общиной города Санкт-Гоара (адрес: «Vnsern lieben getrewen burgermeister vnd Rath sampt zunfften vnd gemeinde zu sanct Gewehr»).

Содержание: приглашение представителям города Санкт-Гоара прибыть 4 июля на ландтаг в Гомберг.

> Philips von gots gnaden Lantgraue zw Hessen Graue zu Catzenelnpogen etc
>
> Lieben Getrewen Demnoch Jn dissen Geschwind(en) leufft(en) Sich allerley zugetragen / dardurch wir verursacht vnns vnsern Furstenthumben vnd Landen zu ehren vnnd guten mit gemeiner

[19] *Hess U.* Geheimer Rat und Kabinett … S. 3.

vnser Ritter vnd Landtschafft zu vnderreden vnd zuberatschlagen / das vns vnd denselben vnsern Landen zu vffkomen gedeien vnd wolardt Reichen vnnd komen Auch nachteill vnd vnrath verhudt werden mocht So haben wir demnoch Fürn gemeinen Landtag vsgeschrieben / vnd furgenomen / Vnd fordern euch derhalben Auch hiemit begerende / Das Jr vff schirst komenden dinstag nach petrj vnnd paulj gegen abendt gewisslich bei vnns zu hombergh Jn Hessen Etliche aus euch mit vollem gewalt einkomen lasset geschickt volgent mitwochs Neben andern den vnsern von der Ritter vnd Landtschafft von solchen sachen zuratschlagen helffen / vnnd euch darin nichts verhindern lasset / das wollen wir vns zu euch gentzlich verlassen Dat(um) / Cassel donnerstags nach Trinitat(is) Anno etc xxxvj

«Philips L(andgraf) z(u) hessen m s(ub)s(cripsit)»

1 л., бумага, 31,3 × 22 см, собственноручная подпись ландграфа, следы красного воска от печати под бумагой.

Дорсальная надпись: «v. g. f vnd h beschreibt vff den Landtdag zu homburgk a(nn)o etc (15)36».

Происхождение: на вырезке из каталога рукой Н. П. Лихачева сделана помета о каталоге аукциона, где был приобретен документ: «Samml. Lemperti Cöln. 1900».

№ 3. 17/423. 26 мая 1567 г., Дармштадт.

Грамота Георга Благочестивого, ландграфа Гессен-Дармштадт (1547, 1567–1596).

Содержание: долговое обязательство выплатить брату, ландграфу Гессенскому Вильгельму взятые у него сейчас для выкупа половины деревни Бишофсгейм 1400 золотых гульденов на великопостной ярмарке во Франкфурте в будущем 1568 г.

Wir George von Gottes gnaden Lantgraue zue Hessen Graue zue Catzenellnpog(en) Diez Ziegenhain vnd Nidda / Bekennen hirmit / das der hochgeporne furst Her Wilhelm Lantgraue zue Hessen Graue zue Cazenelnpogen etc vnser freuntlicher lieber Bruder vns heudt dato zue wider ablosung vnsers halben dorfs Bischofsheim vierzehen hundert gollt gullden / Nemblichen an golltguldenn Neun hundert zwanzig funf goltgulden / vnd dan an sonnen Cronen drei hundert siebezig sechs Cronen Jde fur zwanzig vier bozen gerechnet / Welches Jn einer summa zuesammen vierzehen hundert goltgulden thut / bruderlichen vorgesezt / Der gestallt / das wir S(einer) Lieb dieselbigenn vff schirstkunfftige Fastenmess des vollgenden sechzig achtenn Jars

zue Franckfurt entweder an guthen wichtigen golltgulden / oder Sonnen Cronen wider bezalen sollen / Welche virzehen hundert goltgulden wir also von S(einer) Liebden entpfangenn / Bereddenn demnach S(einer) Liebden sollche virzehen hundert golt gulden entweder ann guthen Sonnen Cronen oder golltguldenn Jnn bemelter Frankfurter Fastenmess widerumb zue freuntlichem bruderlichem danck vnd genugen zueentrichten vnd zuebezalen / Des zue vrkundt haben wir vns mit eigenen handen vnderschriebenn / vnd vnser Secret hiruf trucken lassen geschehenn zue Darmstat am sechs vnd zwenzigsten Maij Anno domini Tausent funf hundert sechzig siebenn

«George Lant(graue) zu Hessen (sub)s(cripsi)t»

2 л., бумага, 31,3 × 21,8 см, собственноручная подпись ландграфа, печать под бумагой.

Дорсальные надписи одновременные тексту письма: «Recognition Lantgraf Georgens vber die s(einer)f(ürstlichen)g(naden) furgestreckten virzehen hundert golt gulden /»; «Ist widerumb abgelöst».

Происхождение: на папке с грамотой рукой Н. П. Лихачева сделана помета о каталоге аукциона, где был приобретен документ: «Leo Liep-(manssohn) Аукц. 40-Nering 9–11 дек. 1912».

№ 4. 6/423. 23 марта 1571 г., Ротенберг.

Письмо Вильгельма IV Мудрого, ландграфа Гессен-Кассель (1532, 1567–1592), к Иоганну Вильгельму, герцогу Саксонскому (адрес: «Dem hochgebornnenn furstenn hern Johans Wilhelmenn herzogenn zue Sachssen Landgrauenn Jnn Thuringenn vnd Marggra uenn zue Meissenn / vnserm freundlichen liebenn vettern / Schwager / vnd Bruedern / Zue S(einer) Liebden selbst handen»).

Содержание: сопроводительное письмо с гессенским советником, амтманом Ротенберга и Зонтры, Иоганном фон Ратценбергом, который послан для переговоров с герцогом Саксонскомим от имени ландграфа Вильгельма. В письме содержится просьба во всем верить гессенскому представителю и быть с ним откровенным в обсуждении дел.

Vnser freundlich dienst vnnd was wir mehr liebs vnnd guets vermogen zuuor hochgebornner Furst

Freundlicher lieber vetter / schwager vnd brueder Wir habenn ann E(uere) L(iebden) gegenwertigenn Vnsern ambtman zue Rottenberg vnd Sontra Rath vnndt lieben getrewenn Johann vonn Ratzenbergk mit mundlicher werbung etzlicher Sachenn halber abgefertiget / Wie E(uere) L(iebden) vonn Jhme vernehmen

werdenn Bittenn derwegen freundlichen E(uere) L(iebden) wollen Jhnen vnsern ambtman Jnn seinem anpringen guetwillig horenn / vnd Jhme gleich vns selbst volnkommenen glauben zuestellen / vnd sich darauff vnnserm zw derselbenn habenden vertrawen nach / mit wilfahriger antwortt erzeigenn Das seind wir hinwieder Jegenn E(uere) L(iebden) Jnn mehrerm freundlich zuuerdiennen / vnd deroselben ohne das zue freundlichen dinsterzeigung geneigt / Datum Rottenberg am 23. Martij anno etc (15)71

Wilhelm von gottes gnaden Landgraue
zue hessen Graue zue Catzenelnbogen etc.
«Wilhelmhz(u)hessen»

2 л., бумага, 32,5 × 21 см, собственноручная подпись ландграфа, печать под бумагой.

№ 5. 9/423. 11 декабря 1573 г., Кассель.

Письмо Вильгельма IV Мудрого, ландграфа Гессен-Кассель (1532, 1567–1592), к штатгальтеру, канцлеру и советникам княжеского Саксонского правительства в Кобурге (адрес: «Denn wolgebornnen auch vhesten vnnd hochgelartenn vnsern liebenn Neuen vnnd getrewen furstlichen Sachsischen Stadhalternn Canzlernn vnd Rethen zue Coburgk»).

Содержание: люди гессенского рыцаря Бальтазара фон Бойнебурга по наущению своего господина незаконно охотились в угодьях ландграфа Гессенского, где совершили потраву и были пойманы с поличным. Поэтому Бальтазар он Бойнебург был посажен в тюрьму на пограничной к Гессену территории герцогства Саксонского. Ландграф предлагает саксонской администрации назначить срок, когда гессенские представители могут явиться для совершения суда над Бойнебургом.

Транскрипцию и перевод текста грамоты см. выше.

2 л., бумага, 32,5 × 21,3 см, собственноручная подпись ландграфа, печать под бумагой.

Дорсальная надпись содержит отметку о дате получения письма: «P(rae)sent(tatum) 16 t(en) dece(m)b(er) A(nn)o 1573».

Происхождение: на папке с грамотой рукой Н. П. Лихачева сделана помета об аукционе, где был приобретен документ: «L(ist) u(nd) Fr(ancke) Verst. 6.–8 Nov. 1911».

№ 6. 7/423. 30 августа 1575 г., Кассель.

Письмо Вильгельма IV Мудрого, ландграфа Гессен-Кассель (1532, 1567–1592), к Бурхарду, графу Барби и Муллинг, штатгальтеру, Вильгельму Рудольфу Мекбаху, доктору прав, канцлеру, а также советникам Саксонского княжеского правительства в Кобурге (адрес: «Denn wolgebornen

auch vhesten vnd hochgelarten vnsernn liebenn Neuenn vnd getreuen Burkhardtenn Grauen zu Barby vnd Mulling etc Stadhalternn auch Cantzlern vnd Rethenn der Fürstlichen Sachssischen Regirung zu Coburgk Wilhelm Rudolff Meckbachen der rechte Doctorn vnd N N»).

Содержание: ландграф отклоняет приглашение саксонской администрации прислать гессенских представителей для участия в суде над вором, совершившим кражу в области города Фах (Vach), пограничного между Гессеном, герцогством Саксонским и епископством Фульда. Ландграф полагает, что дело находится в судебной компетенции аббата Фульды.

> Wilhelm vonn gottes gnadenn Landtgraue zu Hessen Graue zu Catzenelnpog(en) etc
>
> Vnsernn gunstigenn vnd gnedigenn gruss zuuorn. Wolgeborner auch vheste vnd hochgelerte liebe Neue vnd gerteue(n). Wir habenn euer schreibenn von wegen eines zu Vach diebstals halbenn eingezogenen gefangenen empfangen vnd darab euer suchenn vnd bittenn verstandenn / Ob nun woll wir vnsers theils euerm suchen gegen geburlichenn reuers disfals stadt zuthun nit vngeneigtt Jedoch weill wir es dieser endts zu Vach allein nit / Sondernn es in diesenn vnd dergleichen Criminal sachen der Abtt zu / Fulda mit zu thun hatt / So konnen wir hierin vor vns allein nichts bewilligen noch vns vonn S(einer) L(iebden) absondernn / wie wir es auch Aus vorigen Exempeln[20] dafur halten das es S(eine) L(iebden) vor beschwerlich achtenn vnd haltenn werde / Derwegenn wir es vor den negstenn vnd richtigstenn wegk hielten / das der gefangene der endts zu Vach woll gerechtfertiggt vnd zu verdienter straff gebrachtt werdenn konne vnd also vnnotig wehr seinett halben solche muhe vnd weittleufftigkeitt zu haben Wolten wir euch also hinwieder gunstig vnd gnediglich nichtt bergen vnd seint euch mitt gunsten vnd gnaden geneigtt. Datum Cassell am 30ten Augustj Anno etc (15)75
>
> «Wilhelmhz(u)hessen»

2 л., бумага, 31,3 × 21 см, крупная собственноручная подпись ландграфа, печать под бумагой.

№ 7. 19/423. 15 августа 1583 г., Батенберг.

Письмо Людвига, ландграфа Гессен-Марбург (1537, 1567–1604), к казначею княжеского правительства в Марбурге, советнику Рейнхарду

[20] Слова Aus vorigen Exempeln введены здесь с помощью корректурного значка из правки на полях.

Абелуну (адрес: «Vnserm Cammermeister zu Marpurg / Rath vnnd libenn Getrewenn Reinhardt Abelun»).

Содержание: заказывает купить 105–106 свиней, столковавшись со скототорговцем из Богемии в цене по четыре гульдена за пару.

> Vonn Gottes gnaden Ludwig Lantgraue zu Hessenn / Graue zu Cazenellnbogen etc
> Rath vnnd lieber Getrewer / wir wurden berichtett / wie Jhr solches von vnnserm Registratori Burkhardt Hospnenn ferner vernehmen konnet / das verschiener tagen Ein Beheimischer Viehe Treiber / Ein hundertt od(er) drey Saw zu Marpurk vffm Markt zu feylem kauff gehabt / vnd ob er sie wohll erstmals das baar vff vier thaller gehalten / doch lezlich vmb vier gulden / wo fern sie Jhme in einem sampt kauff hetten abgenommen werden mugen / gebotten haben soll / Aber alss vnsere Burger sich darauff mitt Jhme nichtt einlassen wollen / dieselbe schweine forters nach Giessen hinauss getrieben / Ist de(ro)halben vnser beuelch, das Jhr ermeltem viehe Treyber vlyssig nach fragen lassett / ob Jhr Jhnen zu euch khommen mugett / vnd wen Jhr Jhnen erlanget / alssdan bey Jhm vernehmet / Ob er vnnss vmb kunfftigen Michaelis Ein hundertt Saw funff oder sechs ghein Marpurgk liefern konne / vnnd vnnss dieselbe Jr das bar vmb vier gulden verlassen wolle / mitt dem erbieten / das Jhme alssdann geg(en) endpfahung solcher Sew so boldt baar geldt gehandtreicht werden solle / Was Jhr nun also verrichten / sollet Jhr vnns furderlich verstandigen Das thun wir vns also verstehen / vnd seindt Euch mitt gnaden wohll geneigtt / Datum Battenberg am 18. Augusti Anno etc (15)83
>
> «Ludwig L(andgraf) zu Hessen subscripsit»

2 л., бумага, 33,2 × 21,3 см, собственноручная подпись ландграфа, остатки печати красного воска под бумагой.

Дорсальные надписи одновременные тексту письма: отметка о получении письма в Марбурге: «P(raese)nt(atum) Marpurg 19. Augustj etc (15)83»; «Bhemische sew bis… 4 oder 500 zu bestellen etc».

Происхождение: на папке с грамотой рукой Н. П. Лихачева сделана помета об аукционе, где был приобретен документ: «L(ist) u(nd) Fr(ancke) Verst. 6.–8 Nov. 1911».

№ 8. 10/423. 27 февраля 1586 г., Кассель.

Письмо Вильгельма IV Мудрого, ландграфа Гессен-Кассель (1532, 1567–1592), к брату Людвигу, ландграфу Гессен-Марбург (адрес: «Dem Hochgebornenn Fursten / hernn Ludwigen Landgrauen zu hessenn Graue zu

Catzennelnpogenn / diez Ziegenhain vndt Nidda etc Vnserm freundtlichen Liebenn Bruder vnndt Geuattern /»).

Содержание: рекомендует ландграфу Людвигу Вальраба фон Майделунга для принятия его на службу при дворе ландграфа Людвига, так как штат последнего имеет вакантные места.

> Bruderliche trew / Vnndt was wir mehr liebs vnndt guts vermögenn zuuohr / hochgeborner Furst / freunndtlicher lieber Bruder vnndt Geuatter / Nachdem sich brieffszeyger Walrab vonn Maydelunng einn Zeittlangk ann furstenn vnndt Graffenn hofenn verhalttenn / vnndt er dann sich weitter zuuersuchenn willens / sonnderlich aber ann E(uerer) L(iebden) hoff sich zu begebenn lustenn trogtt / Als hatt er vnns vnnderthenig ersuchtt vnndt gebetenn / ihme vnsere Commendation schrifft ann E(uere) L(iebden) mittzutheilenn / da nun bey E(uerer) L(iebden) einn stett ledig / so wollen wir freundtlich gebettenn habenn / E(uere) L(iebden) wollenn ihnenn einn zeittlanng ann ihrenn hoff nehmenn / Vnndt dieser vnser vorschrifft geniessenn lassenn / Das seinndt wir vns E(uerer) L(iebden) hinwider bruderlichen zuuerdienenn Jederzeitt geneigtt / Datum Inn vnnser vestunng Cassell am 27. Februarij Anno etc (15)86
>
> Wilhelm vonn Gottes gnadenn Landgraue zu Hessenn Graue zu Catzenelnpogen etc
>
> «Wilhelmhz(u)hessen»

2 л., бумага, 32 × 21 см, собственноручная подпись ландграфа, следы оторванной печати под бумагой.

Дорсальные надписи почерком, современным почерку письма на л. 2 об.: «Landtgraff Wilhelm zu Hessen»; «intercedirt vor Walrab von Maydelung der an vnsers g(nedigen) f(ürsten) vnnd hern hoff vffgenhom(en) werden mag»; отметка о получении письма: «p(raesentatum) darmbstadt am 13 t(en) Martij A(nn)o etc(15)86».

Происхождение: на папке с грамотой рукой Н. П. Лихачева сделана помета о каталоге аукциона, где был приобретен документ: «Coh. Coll. Posonyi.».

№ 9. 36/423. 27 октября 1598 г., Марбург.

Грамота Людвига, ландграфа Гессен-Марбург (1537, 1567–1604).

Содержание: ленное пожалование Хатцфельдских земельных угодий (Hozfeldsche Güter) Георгу Герману Гольцфельду (Georg Herman von Hozfeldt), которое за малолетством последнего принимают его опекуны Иоганн Адриан фон Дорингенберг (Johan Adrian von Doringenberg) и Гроп

фон Флекенбюль по прозванию Биргельн (Grop von Fleckenbuehl gnant Biergeln).

Von Gottes gnaden / Wir Ludwig der Elter / Landtgraue zu Hessen / Graue zu Catzenelnbogen / Dietz ZiegenHain vnd Nidda etc
Bekennen hierahn offentlich / gegen Menniglichen / vnd thun kunth / vor vnss / vnsere(n) Erben / vnd Nachkommende Fursten zu Hessen / Dass wir den vesten vnsern lieben getrewen / Johan Adrian von Doringenberg / vnd Grop von Fleckenbuehl gnant Biergeln / Ahnstadt Vormunder Georg Hermans von Hozfeldt /weilanth Lewensteins von Hozfeldts nachgelassenen Sohnß / zu rechtem Manlehen gereicht / vnd geliehen haben / Thun daß auch in Crafft dieses Brieffs / Nemblichen / Funff gulden Jarlicher Zienß / so gefallen von der Behaußung / hoffreiden vnd Hoffstadt / hinter dem Hauße / mit Jrem Begrieff / vf dem Burgk Frieden / bei Vnserm Schloß zu Nidda etc gelegen / Weitter zwen Gulden / vnd Vier Tornoß / Jarlicher Zinße / so von der Chur Wiesen / Welche zum Theil / zu Krauttgartten / gemacht / gefallen / Vnd von Einer Wießen / die Andreaßen von Kraienfeldt / wahre / Jahrlichs Achtt halben gudlen / Weitter / zwanzig Gulden / so Jarlichs vom Schmidter Zehenden / Welchen wir vnserm Amptman zu Epstein / von Newem zu Manlehen / ahngesezt / gefallen / Vnd Vier Gulden / so von dreien huben Landes / ohn Ein Vier Theill / Welche zu Obern vnd Niddern Langdt / gelegen / Jahrlichen gegeben werden / Vnnd dan ferner / Zwölff gulden Geldts / so Jahrlichs die von Arnspurgk / außrichten / Jn Allermassen Sein Georg Hermanß von Hozfeldt Alt Vatter / Wilhelm von Hozfeldt seelig von weilandt dem hochgebornen Fursten / herrn Philipßen Landtgrauen zue Hessen / Grauen zu Catzenelnpogen etc vnserm geliebten herrn Vatter seeligen / nach Absterben Daniel von Weiblinges seeligen / zu Newem Man lehen / erworben vnd erlangt / Auch gedachter Lewenstein von hozfeldt vnd Seine Bruder seelig / von vnnß furters / empfenglich herpracht haben / Darumb soll nun ermelter Georg herman von Hozfeldt / vnd seine Manliche leibslehens Erben / solche obgerurte Jahrliche Geldt Zienß / von vnnß vnd vnnsern Manlichen leibslehens Erben / vnd in mangel derselben / von Vnnsern freundtlichen lieben Vettern / herrn Morizen / So dan / herrn Ludwigen dem Jungern / herrn Philipßen herrn Friedrichen vnd herrn heinrichen / allen Landtgrauen zue hessen Grafen zu Catzenelnpogen etc

Vnnd Jhrer Liebd(en) Man leibs Lehenß Erbern / Vnnd da dieselben von Allen Teilen / auch nicht mehr sein wurden / Vonn Vnnsern freundtlichen lieben Vettern / den Churi vnd Fursten / herzogen zu Sachßen etc Vermög der Erb Verbruderung / zu rechten Manlehen / haben / Tragen / verstehen / entpfahen vnd Verdienenn / Alß Man lehens Recht vnd Gewonheit ist / Vnnser / vnd Vnser Erben / getreue Man darumb sein vnd pleiben / Vnnser bestes werben / schaden warnen / vnd sonsten Alles das thun / das getreue Lehen Man / Jhrem herrn zu thun schultig vnd pflichtig seindt / so offt vnd dieckh das noith sein vnd sich gepuren wirdet / Jnmassen dan gedachte Johan Adrian von Doringenberg / Vnd Gropp von Flackenbuehl gut Biergell ahn stadt Vormunder / Georg hermans von Hozfeldt / vnns solches gelobdt / Vnnd deßen Einen leilbichen Eydt zu Gott / vnd seinem heyligen Wortth / geschworen / Vnnd Jren Reuersbrieff vbergeben haben / doch hierin vnnser / vnnser Man / vnd eines Jglichen Rechtt vorbehalten / Wan auch gedachter Georg Herman von hozfeldt / seine Vogttbare Jahr / erreichen wirdtet / Soll Er solche Lehen selbsten / zuentphahen / Vnnd was sich deswegen weitters gepurn wirdt / zu leisten Pflichtig sein / Des zu Vrkhundt haben wir vnnß mit eigen handen Vnderschrieben Vnnd Vnnser SECRET Jnsiegell hieran hencken lassen Geben zu MarPurgk Freitags den Sieben vnd Zwanzigsten Octobris Anno Dominj / Funffzehenhundert Neunzig vnd Achtt . / .

«Ludwig L(andgraf) zu Hessen s(ubscripsit)»
«Siegfried Clotzd Canzler s(ubscripsit)»

1 л., пергамен, 63,2 × 28,6 см, собственноручные подписи ландграфа и канцлера, вислая печати, от которой осталась только лента, утрачена.

Дорсальные надписи: «Lehenbriue / Vber die Hotzveldische Guetter zue Nida a(nn)o 1598»; «De Anno 1598»; «Collat() Christoff becker… archiue Rey…».

Происхождение: на папке с грамотой рукой Н. П. Лихачева сделана помета о каталоге аукциона, где был приобретен документ: «Coh. Coll. Posonyi.».

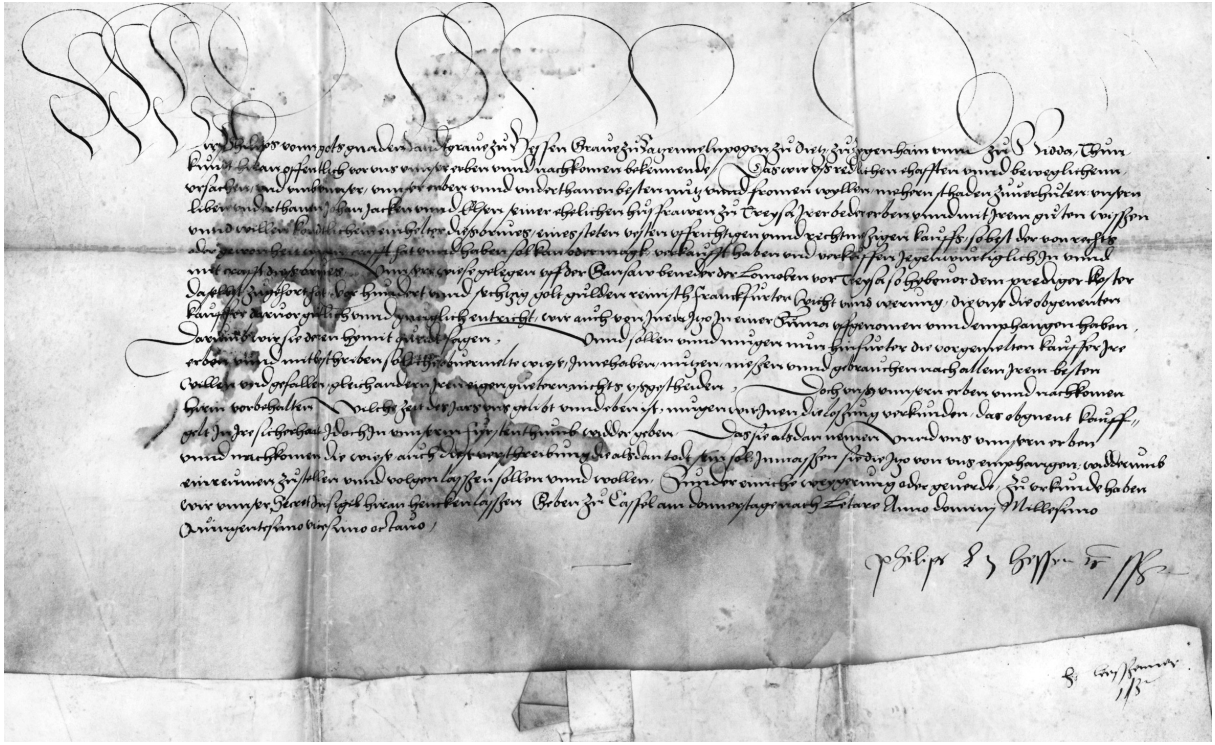


Рис. 1. Грамота ландграфа Гессенского Филиппа Великодушного.
26 марта 1528 г., Кассель. Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Колл. 25. № 2/423

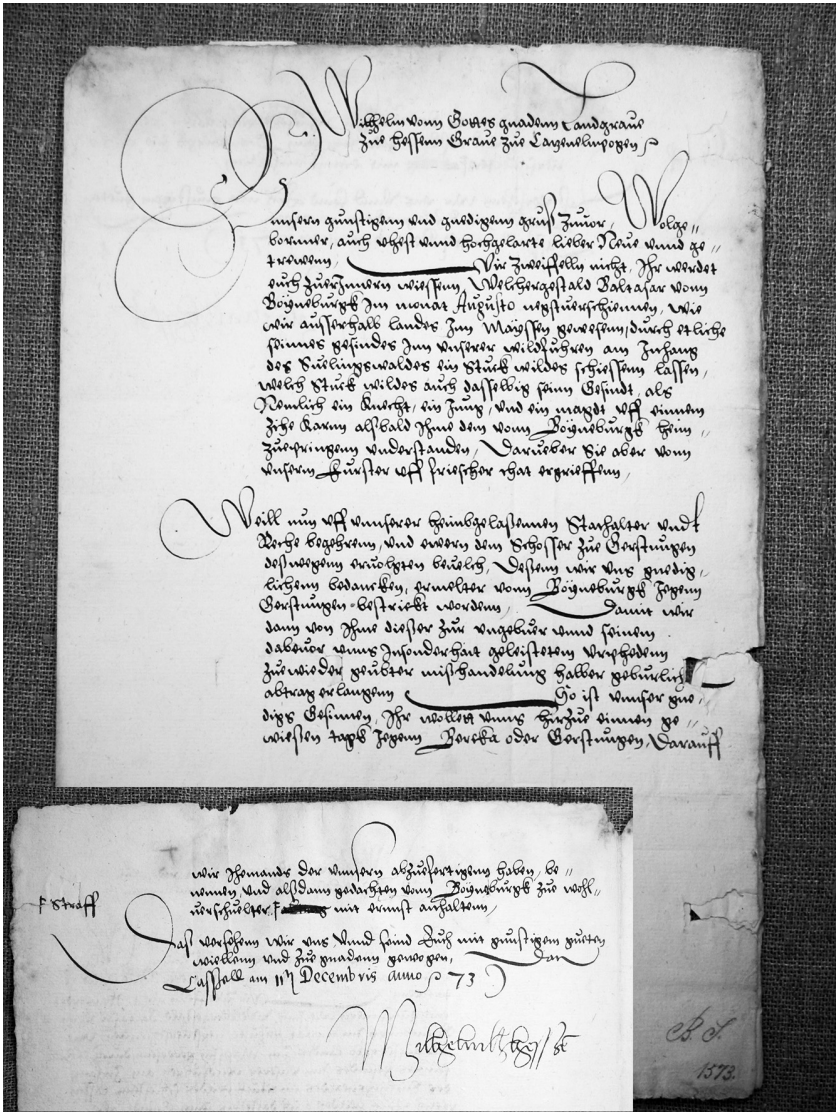


Рис. 2. Письмо ландграфа Гессенского Вильгельма IV.
11 декабря 1583 г., Кассель.
Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Колл. 25. № 9/423. Л. 1–1 об.

ZUSAMMENFASSUNG

Der Beitrag ist den Original-Urkunden — und Briefen der Landgrafen von Hessen aus dem 16. Jahrhundert gewidmet, die im Archiv St. Petersburger Instituts für Geschichte Russischer Akademie der Wissenschaften aufbewahrt werden. Die behandelten neun Schriftstücke wurden von dem bekannten russischen Autographen-Sammler Nikolaj Petrowitsch Likhatschew noch vor der Russischen Revolution 1917 bei verschiedenen deutschen Antiquariaten, z. B. «List et Francke» in Leipzig und «Leo Liepmannssohn» in Berlin, erworben. Es geht um folgende Schriftstücke:

1. 1528, 26.03, Kassel. 2/423. Landgraf Philipp der Großmütige verkauft an Johann Jacken und seine Hausfrau Elsa zu Treysa eine auf der Gans-Aue, bei der Lohmühle von Treysa gelegene Wiese für 160 Goldgulden Frankfurter Gewicht.

2. 1536, 15.06, Kassel. 4/423. Landgraf Philipp der Großmütige lädt den Bürgermeister und Zünfte der Gemeinde St. Goar zum Landtag nach Homberg ein.

3. 1567, 26.05, Darmstadt. 17/423. Landgraf Georg von Hessen-Darmstadt bestätigt, daß er die von seinem Bruder Landgraf Wilhelm vorgestreckten 1400 Goldgulden für die Wiederablösung seines halben Dorfes Bischofsheim erhalten hat.

4. 1571, 23.03, Rotenberg. 6/423. Landgraf Wilhelm von Hessen-Kassel schickt seinen Rat und Amptmann zu Rotenburg und Sontra Johann von Ratzenberg mit mündlicher Werbung an Johann Wilhelm, Herzog zu Sachsen.

5. 1573, 11.12, Kassel. 9/423. Landgraf Wilhelm von Hessen-Kassel schreibt an Graf Burkhard von Barby und Mühlingen und sächsische Räte zu Coburg wegen eines Vorstoßes von Baltasar von Boyneburg gegen das Jagdrecht auf dem Gebiet der Zandgrafschaft Hessen-Kassel.

6. 1575, 30.08, Kassel. 7/423. Landgraf Wilhelm von Hessen-Kassel schreibt an Graf Burkhard von Barby und Mühlingen und sächsische Räte zu Coburg wegen eines Diebstahls bei Vacha.

7. 1583, 15.08, Barenberg. 19/423. Landgraf Ludwig von Hessen-Marburg schreibt an Reihard Abelung, seinen Kammermeister in Marburg, und beauftragt ihn 100–105 Schweine bei einem böhmischen Viehtreiber zum Michaelis Tag zu kaufen.

8. 1586, 27.02, Kassel. 10/423. Landgraf Wilhelm von Hessen-Kassel schreibt an seinen Bruder Landgraf Ludwig von Hessen-Marburg einen Empfehlungsbrief für Walrab von Maydelung, der in den Dienst am Hof in Marburg aufgenommen werden möchte.

9. 1598, 27.10, Marburg. 36/423. Landgraf Ludwigs von Hessen-Marburg Lehnbrief für minderjährigen Georg Herman von Hozfeldt über die Hazfeldschen Güter zu Nidda.

Die Autorin analysiert die Texte der angegbenen Akten und Briefen aus dem Blickwinkel der Geschichte des werdenden Territorialstaates und seiner Verwaltung.

Dem Beitrag werden die vollen Texte der behandelten Schriftstücke sowie einige Abbildungen beigegeben.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Грамоты, письма немецких территориальных государей, управление, служащие, Реформация.

KEY WORDS

Charters, Letters of the territorial Sovereignes, Government, employees, Reformation.

А. Л. РОГАЧЕВСКИЙ

ПРИБАЛТИЙСКИЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ XVI–XVIII вв. В РУКОПИСНОМ СОБРАНИИ БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК*

Петербургские хранилища располагают богатейшими в стране собраниями западных рукописей, относящихся к Средневековью и раннему Новому времени. Весьма значительную их долю составляют манускрипты юридического содержания. Однако изучены они далеко не равномерно. Некоторые же из них вообще почти не привлекали внимания исследователей как единый комплекс исторических источников.

К числу юридических манускриптов такого рода, не подвергавшихся ранее углубленному комплексному обследованию, относятся те, которые проливают свет на прошлое Прибалтики, в частности бывших владений Тевтонского ордена и его правопреемников. Как известно, прибалтийские владения ордена состояли из двух важнейших частей — Пруссии и Ливонии. Юридические памятники прусского происхождения были нами изучены ранее[1]. Но заслуживают внимания и материалы, относящиеся

---

* Сокращения, используемые в статье: АСПИИ — Архив Санкт-Петербургского института истории РАН; *Боброва — Боброва Е. И.* Собрание иностранных рукописей // Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М. ; Л., 1958. Вып. 2 : XIX–XX вв. С. 205–271; *Лебедева*, 1976 — *Лебедева И. Н.* Обзор рукописных книг Курляндского собрания Библиотеки АН СССР // Рукописные и редкие печатные книги в фондах Библиотеки АН СССР : сб. науч. тр. / отв. ред. С. П. Луппов, А. А. Моисеева. Л., 1976. С. 5–26; *Лебедева*, 1979 — *Лебедева И. Н.* Рукописи латинского алфавита XVI–XVII вв. Л., 1979. (Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР ; т. 6); MCPHI — Monumenta chartae papyraceae historiam illustrantia. Приносим благодарность всем специалистам, упоминаемым в настоящей статье, за консультации в работе над темой.

[1] *Рогачевский А. Л.*: 1) Рукописные источники по истории права и культуры Пруссии XIII–XVII вв. в собраниях Санкт-Петербурга // Средневековое общество:

© Рогачевский А. Л., 2013

к Ливонии, т. е. нынешним территориям Латвии и Эстонии[2]. Эти земли, длительное время находившиеся под иноземным владычеством, имели много общих черт в своем историческом развитии и культуре, включая культуру правовую.

В Петербурге имеется как минимум три крупных собрания, в которых хранятся юридические рукописи прибалтийского происхождения: Библиотека Академии наук, Российская национальная библиотека и Архив Санкт-Петербургского института истории РАН[3]. Несмотря на то обстоятельство, что упомянутые собрания располагают интересными материалами по теме, сплошное обследование этих материалов не проводилось. Отчасти такая ситуация обусловлена тем, что эти хранилища до сих пор не имеют исчерпывающих печатных каталогов — ни по фондам в целом, ни специально по западным собраниям. Прибалтийские рукописи отражены в существующих публикациях лишь отчасти. Больше других повезло в этом смысле коллекциям БАН, тогда как о материалах РНБ и АСПИИ имеются лишь отдельные упоминания в литературе, не сводившиеся воедино. Если же исследователя интересуют манускрипты, не вошедшие в обзоры и описания, то он вынужден обращаться к старым,

---

социально-политические и культурные аспекты : тез. докл. и сообщ. XX Всеросс. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Санкт-Петербург, 27 ноября – 1 декабря 2000 г.) / отв. ред. Г. Е. Лебедева. СПб., 2001. С. 87–88 ; 2) Юридические памятники Пруссии XIII–XVII вв. в рукописном собрании Российской Национальной библиотеки // Юридическая мысль. 2001. № 5. С. 8–17 ; 3) Кульмская грамота — памятник права Пруссии XIII в. СПб., 2002 ; 4) Handschriften zur preußischen Geschichte des 13. bis 18. Jahrhunderts in St. Petersburger Sammlungen // Quellenvielfalt und editorische Methoden / hrsg. von M. Thumser, J. Tandecki. Toruń, 2003. S. 123–151. (Publikationen des Deutsch-Polnischen Gesprächskreises für Quellenedition ; Bd. 2) ; 5) Очерки по истории права Пруссии XIII–XVII вв. : По материалам рукописных собраний Берлина и Санкт-Петербурга. СПб., 2004 ; 6) Zur Geschichte des ‚Alten Kulms‘ und anderer preußischer Rechtsbücher nach St. Petersburger Sammlungen // Deutschsprachige Literatur des Mittelalters im östlichen Europa. Forschungsstand und Forschungsperspektiven / hrsg. von R. G. Päsler, D. Schmidtke. Heidelberg, 2006. S. 199–243.

[2] Термин «Ливония» первоначально относился к одной из областей Прибалтики, заселенной ливами. Позднее он стал употребляться расширительно — как обозначение всех эстонских и латышских территорий, завоеванных немцами и датчанами. С образованием Курляндского герцогства в XVI в. Ливонией стали называть Северную Латвию и Южную Эстонию, которые перешли под власть Речи Посполитой, а позже — Швеции. В этом последнем, суженном значении термин «Ливония» был постепенно вытеснен другим — «Лифляндия».

[3] Историю Восточной Прибалтики (в особенности XVIII в.) отражают также некоторые материалы, хранящиеся в РГИА. К сожалению, когда писалась настоящая статья, этот важный архив был нам недоступен из-за его переезда в новое здание.

часто несовершенным рукописным и машинописным инвентарям, описям и карточным каталогам.

Еще одна причина, по которой петербургские материалы оказались недостаточно изученными, связана с общей историографической ситуацией. Об истории прибалтийской государственности и права писали главным образом немецкие прибалтийские историки, работавшие прежде всего в местных архивах. Русские ученые XIX – начала XX в. интересовались в основном внешнеполитическими аспектами прибалтийской истории (в особенности отношениями этого региона с Русью), а не внутриполитическими проблемами. Собственно историко-правовые труды на русском языке были редки. К немногим исключениям можно отнести, в частности, работы Л. А. Арбузова и Е. В. Чешихина[4], а также подготовленное последним четырехтомное собрание материалов по прибалтийской истории, состоящее отчасти из оригинальных архивных документов, а отчасти — из переводов[5]. Иногда соответствующие вопросы затрагивались и в литературе, имевшей практическую направленность[6]. Но в целом вся эта проблематика была мало известна русскому читателю.

После Великого Октября прошлое государства и права этого региона тоже не принадлежало к числу центральных тем советской историографии. В отличие от истории Великого княжества Литовского[7], внутренняя история

---

[4] *Чешихин Е. В.* История Ливонии с древнейших времен. Рига, 1884. Т. 1–3 (это исследование осталось незавершенным — автором было запланировано семь томов) ; Герцогский архив в Митаве. Митава, 1903 ; *Арбузов Л. А.* Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии : пер. с 3-го нем. изд. СПб., 1912.

[5] *Чешихин Е. В.* Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1877–1882. Т. 1–4.

[6] См., например: Исторические сведения об основаниях и ходе местного законодательства губерний Остзейских. СПб., 1845–1862. [Ч. 1–3] ; Обозрение начал и постепенного развития в Остзейском крае учреждений. СПб., 1846 ; Обозрение постепенного установления прав состояний в Остзейском крае. СПб., 1846 ; Состав и устройство городов в губерниях Остзейских // Журнал Министерства внутренних дел. 1843. Ч. 3 ; Общее обозрение уголовного права бывшего герцогства Курляндии и Семигаллии (с немецкого) // Юридический журнал. 1861. № 7. С. 415–424 ; № 8. С. 482–491 ; № 9. С. 511–528 ; *Земцев В.* [псевдоним Фридриха Гарайса]. Остатки феодального строя в Прибалтийском крае. Юрьев, 1916. [Ч. 1–2].

[7] Несмотря на то обстоятельство, что в современной России вряд ли можно констатировать наличие целостной школы литуанистики, за период с 1990 по 2003 г. на русском языке вышло несколько сот работ по истории Великого княжества Литовского (см.: *Филюшкин А. И.* Изучение Великого княжества Литовского и Речи Посполитой в российской историографии 1990-х гг.: проблемы, тенденции и перспективы // Вялікае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння 1991–2003 гг. : матэрыялы міжнароднага круглага стала (16–18 мая 2003 г., г. Гродна) = Grand Duchy of Lithuania: History of Research, 1991–2003. Proceedings

Ливонии почти не вызывала интереса у российских исследователей (как историков, так и правоведов). После включения Латвии и Эстонии в состав СССР соответствующие правовые памятники изучались в первую очередь эстонскими, латышскими и немецкими учеными. Существующие работы, вышедшие в России или на русском языке, немногочисленны и написаны отчасти исследователями прибалтийского происхождения[8]. Российские авторы посвятили прибалтийским юридическим источникам ряд публикаций, содержавших их русские переводы и комментарии[9]. В упомянутых публикациях основное внимание обращалось на политические и социально-экономические аспекты этих источников. Следует отметить также интересные и важные работы петербургской исследовательницы Т. Н. Таценко, посвященные преимущественно палеографическим проблемам и основанные отчасти на прибалтийских материалах правового содержания из собраний Петербурга и Риги[10]. Но в целом количество исследований по этим темам в России невелико.

---

of the International Round Table (16–18 May 2003, Grodna, Belarus) / рэд. С. Б. Каўн. Мінск, 2006. С. 8–15 (особенно с. 14–15) ; см. также библиографию русских работ по этой теме за тот же период: *Кузьмин А. В., Ерусалимский К. Ю., Филюшкин А. И.* Российская историография изучения истории Великого княжества Литовского в 1990–2003 гг. : библиограф. указ. // Там же. С. 37–99).

[8] *Егоров Ю. А.*: 1) Вопросы истории государства и права Эстонской ССР до Октябрьской революции. Тарту, 1980 ; 2) История государства и права Эстонской ССР. Таллин, 1981 ; *Калнынь В. Е.*: 1) Общественно-политический строй и право феодальной Латвии в XI–XVI веках. Рига, 1962 ; 2) Государственный строй и право на территории Латвии в эпоху феодализма и в период становления капитализма, XI–XIX вв. : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1973 ; 3) Очерки истории государства и права Латвии в XI–XIX вв. Эпоха феодализма и домонополистического капитализма. Рига, 1980.

[9] *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 302–316 (публикация договоров Тевтонского ордена и его союзников с куршами, земгалами и саарема-асцами за 1230–1284 гг.) ; *Назарова Е. Л.* «Ливонские правды» как исторический источник // Древнейшие государства на территории СССР. 1979. М., 1980. С. 5–170 (важная публикация, содержащая записи семи крестьянских «правд» коренных прибалтийских народов (куршей, земгалов, эстов, ливов), при подготовке которой были впервые использованы 19 списков этих источников из архивов Таллина, Риги и Тарту).

[10] *Таценко Т. Н.*: 1) Палеография немецких документов XVI в. // ВИД. Л., 1979. Вып. 11. С. 286–311 ; 2) Палеография немецких документов XVII в. // ВИД. Л., 1981. Вып. 12. С. 313–334 ; 3) Палеография немецких документов XVIII в. // ВИД. Л., 1982. Вып. 13. С. 293–313 ; 4) Развитие неоготического курсива в Риге в XVI веке (По материалам городских книг Рижского магистрата) // ВИД. СПб., 1994. Т. 25. С. 270–280 ; 5) [*Tacenko T.*] Die Entwicklung der neugotischen Kursive in Riga während des 16. Jahrhunderts (dargestellt auf der Grundlage der Stadtbücher

В советское время существовал ряд публикаторских планов, предполагавших, в частности, издание источников по прибалтийской истории, среди которых были и правовые памятники. Московское совещание археографов (1972) обсуждало проект будущего Корпуса древнейших документов по истории народов СССР (в том числе прибалтийских)[11]. В 1978 г. была устроена даже межреспубликанская конференция по источниковедению и историографии народов Прибалтики, одобрившая публикацию Свода древнейших источников по истории этих народов[12]. Но в действительности были изданы лишь отдельные архивные документы, проект как единое целое, к сожалению, так и не был реализован. При этом материалы из российских архивов по вопросам истории государственности и права этого региона остались практически незатронутыми.

Можно указать на несколько причин такой ситуации в советский период. Во-первых, сказывались былые традиции: для российских исследователей Прибалтика по-прежнему во многом оставалась «миром в себе», а ее внутренняя история — периферийным сюжетом. Предполагалось, что прошлым этого края должны заниматься прежде всего ученые Эстонии и Латвии, в России же специалистов было мало. Во-вторых, углубленное исследование соответствующих памятников порою оказывалось неприемлемым или нежелательным с идеологической точки зрения. Ведь большинство этих источников было порождением немецкой правовой традиции и неизбежно напоминало о политической и культурной роли прибалтийских немцев в истории края. Особое положение этой общины как национально (а в массе своей и классово) чуждого меньшинства[13], часто вызывавшего неприязнь у политиков и публицистов, сказалось и на позиции историографии. В-третьих, следует учитывать потери среди научных кадров, в особенности эмиграцию прибалтийских немецких

---

des Rigaer Magistrats) // Archivmitteilungen. Zeitschrift für Archivwesen, archivalische Quellenkunde und historische Hilfswissenschaften. 1991. H. 3. S. 130–133.

[11] Корпус древнейших источников по истории народов СССР : материалы совещания археографов-медиевистов РСФСР. 11–12 апреля 1972 г. / отв. ред. В. Т. Пашуто, Я. Н. Щапов. М., 1973.

[12] *Вахтре С. Х., Зейдс Т. Я., Пашуто В. Т., Ючас М.* О своде древнейших источников по истории народов Прибалтики // Вопросы истории. 1979. № 8. С. 151–155.

[13] В современной литературе было высказано мнение о том, что история прибалтийских немцев в своем роде уникальна. Возникнув в ходе заморской колонизации, здешняя немецкая община никогда не превышала 10 % населения. Тем не менее она сумела стать доминирующим меньшинством и на протяжении столетий удерживать свои позиции в крае. В этом отношении ее можно сопоставить разве что с поздней немецкой общиной в Юго-Западной Африке (*Schlau W.* Eine Einführung in die Wanderungsgeschichte der baltischen Deutschen // Sozialgeschichte der baltischen Deutschen / hrsg. von W. Schlau. Köln, 1997. S. 11).

историков и многих из их латышских и эстонских учеников (таких, например, как Арнольд Соом). Подготовить же новых квалифицированных специалистов в короткий срок было невозможно. Наконец, в-четвертых, контакты советских ученых с зарубежными коллегами были сильно затруднены, особенно в случае с эмигрантскими историками.

В настоящее время ситуация, к сожалению, мало изменилась. Немногие достойные упоминания работы по этой тематике касаются лишь отдельных аспектов прибалтийской истории и подготовлены, как правило, не юристами, а историками[14]. В этих трудах практически не используются архивные материалы. Международное сотрудничество в указанной области[15] протекает без участия российских ученых и без использования российских архивов.

Ниже представлен обзор историко-правовых материалов из собрания БАН. Мы придерживаемся, как правило, деления Восточной Прибалтики по историческим областям: Эстляндия (нынешняя Северная Эстония), Лифляндия (юг Эстонии, север Латвии и острова Рижского залива) и Курляндия (западная часть современной Латвии, расположенная преимущественно на Курземском полуострове). За рамками обзора остаются территории Литвы, большинство из которых имело собственные правовые традиции. Нами не рассматривается также Мемельский (Клайпедский) край, который в XIII в. перешел от Литвы к ордену и поначалу административно относился к Ливонии, но с 1328 г. был включен в состав Пруссии.

---

[14] *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. : тексты, перевод, комментарии. М., 2002 ; *Бессуднова М. Б.* Магистр Ливонского ордена Вольтер фон Плеттенберг и проблема преобразования Ливонского Орденского государства на рубеже XV–XVI вв. : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2003 ; *Конопленко А. А.* Орден меченосцев в политической истории Ливонии : автореф. дис. … канд. ист. наук. Саратов, 2005 ; *Огурцов Н. А.* Краткий экскурс в историю уголовного права Латвии, XI – начало XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2005. № 5. С. 85–94 ; *Ибнеева Г. В.* Лифляндский Ландтаг 1765 г. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Спец. вып. : Гуманитарные исследования. Самара, 2006. С. 61–71.

[15] Подробнее о международных проектах см.: *Kwiatkowski S.* Źródla do dziejów Zakonu Niemieckiego w Prusach, Rzeszy i Inflantach // Stan badań i potrzeby edycji źródłowych dla historii Pomorza i innych krajów południowej strefy Bałtyckiej. Materiały konferencji ogólnopolskiej z 25–26 listopada w Toruniu / red. M. Biskup. Toruń, 1995. S. 9–29 (специально о прибалтийских памятниках — S. 24–29) ; *Małłek J.* Źródla do dziejów reprezentacji stanowej w krajach nadbałtyckich od Pomorza Zachodniego po Inflanty // Ibid. S. 31–38 (о прибалтийских памятниках — S. 34–37) ; *Jähnig B.* Die gegenwärtigen Editionsplanungen in Deutschland für die Geschichte Pommerns, Preußens und Livlands im Mittelalter und Neuzeit // Ibid. S. 163–173 (о Прибалтике — S. 172–173).

Хронологические рамки нашего обзора охватывают период с XVI в., к которому относятся наиболее ранние из обнаруженных памятников, и до конца XVIII столетия, когда все земли Восточной Прибалтики оказываются в составе Российской империи.

Из-за недостаточной изученности ливонских юридических памятников настоящий обзор должен рассматриваться как предварительный. Поэтому составление подробного репертуара петербургских манускриптов[16] представляется преждевременным.

***

Библиотека Российской Академии наук[17] является старейшим из Петербургских рукописных собраний: она существует с 1714 г. До Октябрьской революции ее западные рукописные фонды пополнялись в основном путем дарений, завещаний и покупок. Для нашей темы особенно важно, что уже в первые годы существования в эту библиотеку поступила коллекция, насчитывавшая не менее 2585 книг (в том числе 69 рукописных) из собрания библиотеки курляндских герцогов в Митаве. Причины и обстоятельства этого поступления до конца не выяснены. Возможно, это был не военный трофей, а имущество, поступившее в результате наследования после кончины герцога Фридриха Вильгельма. Он был супругом Анны, племянницы Петра I. Овдовев в 1711 г., она, вероятно, подарила эту библиотеку царю[18]. После 1917 г. в БАН поступили также некоторые национализированные собрания[19].

Среди петербургских рукописных коллекций западного происхождения материалы БАН, пожалуй, в наилучшей степени освещены в научной литературе. Ее западные, в том числе прибалтийские, рукописи были учтены в ряде каталогов и описаний[20]. Эти работы охватывают

---

[16] Для прусских юридических рукописей XVI–XVIII вв. из петербургских собраний такой репертуар был составлен нами: *Рогачевский А. Л.* Очерки по истории права Пруссии … С. 303–306.

[17] Подробнее о БАН и ее фондах см.: История Библиотеки Академии наук СССР. 1714–1964 / отв. ред. М. С. Филиппов. Л., 1964 ; *Кукушкина М. В.* Рукописные фонды Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1988 ; Handbuch deutscher historischen Buchbestände in Europa. Bd. 8.1 : Rußland. Teil 2 / bearb. von B. F. Volodin. Hildesheim ; Zürich ; New York, 2001.

[18] *Лебедева*, 1976. С. 5–8 ; *Лебедева*, 1979. С. 3–4, 246–248 ; *Кукушкина М. В.* Рукописные фонды … С. 5.

[19] *Киселева Л. И.* Латинские рукописи Библиотеки Академии наук СССР : Описание рукописей латинского алфавита X–XV вв. Л., 1978 ; *Лебедева*, 1979 ; *Кукушкина М. В.* Рукописные фонды …

[20] *Боброва* ; *Лебедева*, 1976 ; *Лебедева*, 1979 ; *Киселева Л. И.* Латинские рукописи … ; *Кукушкина М. В.* Рукописные фонды … ; *Блескина О. Н.*: 1) Рукописная

большинство манускриптов библиотеки, однако материалы, созданные после середины XVII в., отражены в них лишь частично.

Западные материалы БАН сосредоточены сегодня в основном в двух фондах: № 28 (собрание иностранных рукописей) и № 33 (собрание Петербургской Римско-католической академии[21]). Их шифры отражают также формат рукописей (F — ин-фолио, Q — ин-кварто, O — ин-октаво). Рукописи прибалтийского происхождения были нами выявлены в фонде 28; отдельные материалы, относящиеся к этому краю, изредка встречаются в других коллекциях БАН.

Собрание юридических памятников включает в себя материалы троякого рода: нормативно-правовые источники; отдельные документы и их сборники; правовые сочинения. Разумеется, это деление в известной мере условно, тем более что материалы разных жанров подчас фигурируют в составе одного и того же сборника. Тем не менее мы будем его придерживаться для удобства изложения.

Итак, первую группу образуют записи местного права. Эти источники отражают историю права большинства исторических областей Прибалтики. Из ***Эстляндии*** происходят списки рыцарского и земского права княжества Эстония[22]. Этот правовой источник был составлен шведским наместником в Эстляндии Филиппом Крузиусом фон Крузенштерном (1597–1676).

С прошлым ***Лифляндии*** также связаны некоторые правовые рукописи. Рукопись на нижненемецком языке последней четверти XVII в.[23] содержит тексты рыцарского права Рижского архиепископства и правила для лифляндских адвокатов. Этот манускрипт, как, впрочем, и некоторые другие упоминаемые ниже рукописи, интересен тем, что оба источника воспроизведены в нем с печатного издания 1539 г., которое дошло до

иллюстрированная книга Библиотеки АН СССР : каталог выставки иллюстрированных рукописей XI–XIX вв., написанных латинским алфавитом. Л., 1991 ; 2) Рукописное наследие баронов Будбергов в фондах Библиотеки Российской Академии наук. СПб., 1996 ; *Kisseleva L., Stirnemann P.* Catalogue des manuscrits médiévaux en écriture latine de la Bibliothèque de l'Académie des sciences de Russie de Saint-Petersbourg. Paris, 2005. (= Documents, études et répertoires publiés par l'Institut de recherche et l'histoire des textes ; vol. 73 ; Documents, études et répertoires. Histoire des bibliothèques médiévales ; vol. 15).

[21] Об этом собрании см.: *Кукушкина М. В.* Рукописные фонды … С. 42–56. Собрание Петербургской Римско-католической академии поступило в БАН в 1926 г. после закрытия этого учебного заведения советскими властями.

[22] БАН. Ф. 28. F № 47 (*Des Fürstenthums Ehesten Ritter- und Landt-Recht*), начало 1670-х гг. (*Лебедева*, 1979. С. 67–68; этот список принадлежал русскому вице-канцлеру Петру Шафирову, библиотека которого поступила в БАН в 1724 г.) ; Q № 454 (*Ritter- und Land-Rechte Estlands*), 1719 или позднее (*Боброва*. С. 233).

[23] БАН. Ф. 28. O № 30 (*Miscellanea*). *Боброва*. С. 233 ; *Лебедева*, 1979. С. 69–71.

нас лишь в одном экземпляре. Кроме того, данная рукопись иллюстрирует такой специфический аспект юридической книжности, как одновременное бытование печатной и рукописной книги. Эта проблема привлекает сегодня к себе повышенное внимание исследователей так называемой прагматической письменности[24]. В БАН сохранились также и иные списки лифляндского права[25].

Особенно примечательной нам представляется обширная рукопись юридического содержания XVII–XVIII вв., которая не упоминается в опубликованных каталогах и обзорах. Это обстоятельство побуждает нас рассказать о манускрипте подробнее. В описи он именуется «Мекленбургские и другие распоряжения»[26]. По внешнему виду рукопись имеет форму, близкую к кубу (формат 17 × 20,5 см при толщине 873 листа, или 14,5 см). Для переплета были использованы два более старых пергаменных листа XVI или даже XV в. Верхний лист — фрагмент нотной рукописи, написанной на обеих сторонах, с квадратной хоральной нотацией на четырех красных нотных линейках. Текст выполнен готическим «архитектоническим» книжным письмом. Нижний лист — фрагмент рукописи с текстом в два столбца, отождествить который нам, к сожалению, не удалось.

Основной текст рукописи написан в основном одной рукою. Он содержит разнообразные материалы, относящиеся преимущественно к управлению и праву в двух регионах тогдашней Шведской державы — Мекленбурге и Ливонии. Переписчиком манускрипта был некий Петер Зенст, как видно из пометы на л. 29: *Petrus Senst descripsit a 15. Septemb.*

---

[24] *Lülfing H.* Die Fortdauer der handschriftlichen Buchherstellung nach der Erfindung des Buchdrucks — ein buchgeschichtliches Problem // Buch und Text im 15. Jahrhundert. Arbeitsgespräch in der Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel vom 1. bis 3. März 1978 : Vorträge / hrsg. von L. Hellinga, H. Härtel. Hamburg, 1981. S. 17–26. (Wolfenbütteler Abhandlungen zur Renaissanceforschung ; Bd. 2) ; *Adamska A.* Średniowiecze na nowo odczytane. O badaniach nad kulturą pisma // Roczniki historyczne. 1999. T. 65. S. 129–154 ; *Dachs K.* Einige Beobachtungen zur Typologie neuzeitlicher Buchhandschriften // Scrinium Berolinense. Tilo Brandis zum 65. Geburtstag / hrsg. von P. J. Becker, E. Bliembach, H. Nickel, R. Schipke, G. Staccioli. Bd. 1. Berlin, 2000. S. 202–218 ; *Messerli A.* Das Lesen von Gedrucktem und das Lesen von Handschriften — zwei verschiedene Kulturtechniken? // Lesen und Schreiben in Europa 1500–1900. Vergleichende Perspektiven — Perspectives comparées — Prospettive comparate / hrsg. von A. Messerli, R. Chartier. Basel, 2000. S. 235–246 ; *Augustyn W.* Zur Gleichzeitigkeit von Handschrift und Buchdruck in Deutschland — Versuch einer Skizze aus kulturhistorischer Sicht // Die Gleichzeitigkeit von Handschrift und Buchdruck / hrsg. von G. Dicke, K. Grubmüller. Wiesbaden, 2003. S. 5–47. (Wolfenbütteler Mittelalter-Forschungen ; Bd. 16) ; *Рогачевский А. Л.* Очерки по истории права Пруссии … С. 284–293.

[25] БАН. Ф. 28. F № 46 (*Landtracht des Furstenthumbs Liefland*), без даты (*Боброва*. С. 233) ; F № 120 (*Das Lieflandische Ritterrecht*), XVII в. (Там же).

[26] БАН. Ф. 28. Q № 67 (*Meklenburgische und andere Verordnungen*).

ad 21. Octobr. a<nn>o 1664. Материалы, идущие в начале, были скопированы им в Гюстрове, о чем свидетельствуют другие аналогичные пометы той же рукою, например: *Descripsi a<nn>o 1664 Gustro<w>* (Л. 30); *Gustrovii scripsi a octobris ad 1. Novembr. a<nn>o 1663* (Л. 149) и т. п. Более поздние записи сделаны в других городах: *Descripsi Wismariae d. 24. Martii a<nn>o 1668* (Л. 423); *Rigae den 5. May a<nn>o 1674* (Л. 771). Наиболее поздняя из обнаруженных нами записей такого рода сопровождает текст шрагов (устава) цеха «местных» (т. е. ненемецких. — *А. Р.*) кузнецов г. Риги: *Der einheimischen Schmiede Ambts Schragen* [sc. von Riga] *mense Septemb. a<nn>o 1681 descripsi* (Л. 817).

Личность владельца с уверенностью отождествить не удалось, но вероятно, что он происходил из мекленбургской семьи Зенст. С конца XVI до конца XVII в. под фамилией Зенст или Зенстиус документально зафиксировано не менее семи представителей этого рода, которые были пасторами в Гюстрове и других городах края[27]. Косвенным свидетельством в пользу того, что Петер Зенст был связан с духовной средою, может служить упомянутый лист из литургической рукописи, использованный для переплета[28].

На л. 1–2 об. манускрипта находится перечень включенных в него документов. В нем учтено в общей сложности 59 нумерованных материалов за 1572–1681 гг.; в тексте, однако, встречаются и более поздние источники. Материалы № 1–20 связаны с Мекленбургом, № 21–59 (с л. 427 до конца) — с Прибалтикой. Среди последних фигурируют списки некоторых важных правовых источников, таких как регламент Лифляндского надворного и земского суда, регламент Верхней и Нижней консистории, привилегии города Вендена (ныне Цесис, Латвия), Эстляндское рыцарское и земское право, шведское городское и земское право.

---

[27] *Zedler J. H.* Grosses vollstandiges Universal-Lexicon Aller Wissenschafften und Kunste. Leipzig ; Halle, 1743. Bd. 37 (Send — Si). Sp. 104 ; *Kruger G.* Die Pastoren im Lande Stargard seit der Reformation // Jahrbucher des Vereins für Mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde. 1904. Jg. 69. S. 1–270.

[28] По приблизительной оценке, литургические фрагменты составляют в Европе более половины всей средневековой макулатурной массы (*Powitz G. Libri inutiles* in mittelalterlichen Bibliotheken. Bemerkungen über Alienatio, Palimpsestierung und Makulierung // Scriptorium. 1996. T. 50, fasc. 2. P. 303). В некоторых случаях этот процент еще выше. Так, в Тайном государственном архиве прусского культурного наследия в Берлине хранится около 500 томов с хозяйственными документами герцогства Прусского за XVI–XVII вв. Их переплеты приблизительно на 85 % состоят из литургических фрагментов более раннего времени (*Löffler A.* Die liturgischen Fragmente aus dem Historischen Staatsarchiv Königsberg in Berlin. Neue Erkenntnisse zur Liturgiegeschichte des Deutschen Ordens // Kirchengeschichtliche Probleme des Preußenlandes im Mittelalter und früher Neuzeit / hrsg. von B. Jähnig. Marburg, 2001. S. 146).

С особенной полнотою представлены правовые источники Риги. Помимо списка Рижского городского права, рукопись содержит уставы рижских цехов (сапожников, ювелиров, шорников, мелочных торговцев, пивоваров, мельников, ненемецких портных и рыбаков и др.), а также иные материалы, относящиеся к городским делам, например интересный недатированный устав об одежде (Л. 791–793), принятый в целях борьбы с излишней роскошью.

Среди источников, содержащихся в рукописи, имеется серия рижских формул присяги (Л. 662–663 об.). В этой связи следует указать на то, что в кодексе сохранился также список трактата о присягах, написанного немецким юристом и историком Абрахамом Зауром (1545–1593)[29]. В оглавлении это сочинение упомянуто, но не включено в основную нумерацию материалов и, таким образом, не причислено к Мекленбургским и лифляндским источникам. Можно полагать, что владелец рукописи интересовался проблематикой присяг.

В кодексе содержатся также четыре печатных издания[30]. По тематике одно из них относится к Мекленбургу (устав о поденщиках, батраках и прислуге 1654 г.). Остальные связаны с правовой жизнью Риги: Сиротский

---

[29] БАН. Ф. 28. Q № 67. Л. 5–28. Копия выполнена, очевидно, со следующей книги: *Sawr A.* Formular / Jurament vnd Eidtbuch / Das ist: Gründtliche vnd rechte Vnderweysung / vie heutiges tags fast allerley vnd vornembste Eide / Iuramenta, Gelübde / so jetzo in gemeinem Gebrauch sind / man obseruiren... Getruckt zu Franckfort am Mayn / durch Nicolaum Basseum. M.D.LXXXVI. В 1588 г. это сочинение опять вышло в свет. В XVII столетии данная работа не переиздавалась (это, возможно, и было одной из причин ее рукописного копирования), но другие труды Заура сохраняли популярность и неоднократно печатались.

[30] 1) Des Durchleuchtigen / Hochgebornen Fürsten und Herrn / Herrn Gustaff Adolphen / Hertzogen zu Mecklenburg / Fürsten zu Wenden / Schwerin und Ratzeburg / auch Graffen zu Schwerin / der Lande Rostock und Stargard Herrn / Renovirte Gesinde-Tagelöhner- Baur- Schäffer- Tax- und Victual-Ordnung / Zu Männigliches Nachricht / Wissenschafft und gehorsamster Beobachtung publiciret und in Druck gegeben Im Jahr Christi M.DC.LIV. Rostock / Gedruckt durch Nicolaus Keyl / Academ. Buchdr. (БАН. Ф. 28. Q № 67. Л. 219–240; на л. 241–241 об. приплетен рукописный предметный указатель к брошюре); 2) брошюра без титульного листа и указания издателя; на первой пустой странице дано рукописное заглавие: *Rigische Waysen-Ordnung* (Там же. Л. 668–687; в преамбуле на л. 670 приведена дата 1 октября 1591 г.); 3) Ihrer Königl. Majest. Neuvermehrte und confirmirte Wette-Ordnung Dero Stadt Riga. Gegeben Stockholm / den 10. Octobr. Anno 1690. Riga / Gedruckt bey Georg Matth. Nöllern (Там же. Л. 745–756); 4) Taxa Des Scharffrichters / Für Reinigung der Priveen, und Ausführung eines todten Aaßes. Rigae, den 31. Julii ANNO 1687 (Там же. Л. 842–843 об.).

устав 1591 г. (его выходные данные обнаружить не удалось), любопытный бифолиум[31] 1687 г., содержащий предписания о вознаграждении рижскому палачу за очистку отхожих мест и утилизацию падали (он не учтен в известном указателе немецких изданий XVII в.[32]) и регламент о рассмотрении споров по торговым делам (Wette-Ordnung) 1690 г.

Еще одна рукопись, сходная с рассмотренной по своему составу и даже по внешнему облику, включает в себя материалы XVII – начала XVIII в. на немецком, латинском и шведском языках[33]. Как и в предыдущем сборнике, переплетом для нее послужил пергаменный лист латинской певческой рукописи, восходящий, по-видимому, к дореформационной эпохе (вероятно, к первой половине XVI столетия)[34]. Включенные в конволют источники также относятся к Лифляндии и отчасти к Мекленбургу. Из нормативных источников, касающихся Лифляндии, наиболее важное место в рукописи занимают материалы, отражающие правовую жизнь города Риги. Это прежде всего список Рижского городского права[35]. Текст не датирован; ознакомление с его содержанием позволяет заключить, что это — проект городского права, завершенный в 1673 г., который так

---

[31] Бифолиум — издание на одном листе, текст которого печатается на обеих сторонах и образует четыре страницы.

[32] Verzeichnis der im deutschen Sprachraum erschienenen Drucke des 17. Jahrhunderts. URL: www.vd17.de.

[33] БАН. Ф. 28. Q № 35 (*Varia Livonica*). Рукопись бегло упоминается в обзоре Е. И. Бобровой (*Боброва*. С. 233). На л. 1 сборника русской скорописью, напоминающей почерк XVII в., написано: «Книга Рижского суда».

[34] В развернутом виде лист имел бы размеры около 53 см в высоту и 37,5 см в ширину. Текст и нотные строки повернуты на 90° по отношению к тексту рукописи. Это отрывок из латинского хорового антифонария. Он переписан при помощи готической хоральной нотации на четырех красных линейках; ключ *C*. Текст — готическое «архитектоническое» книжное письмо. Несмотря на сильную порчу текста, нам удалось отождествить содержание отрывка — это песнопения оффиция на день первомученика Стефана (отмечается 26 декабря), основанного на текстах из Деяний апостолов. Оффиций относится к древнейшему кругу литургических песнопений и существовал уже до начала каролингских реформ VIII–IX в. (см.: *Hesbert R.-J.* Corpus antiphonalium officii. Vol. 3 : Invitatoria et antiphonae. Roma, 1968 ; Vol. 4 : Responsoria, versus, hymni, varia. Roma, 1970). Из-за плохой сохранности текста конкретную редакцию оффиция определить затруднительно; текст фрагментов, которые поддаются прочтению, соответствует антифону 5025, респонсорию 6984 и стихам 6887e, 7704c, 7852a по указанному справочнику. За консультации при работе с этим фрагментом мы приносим искреннюю благодарность В. Г. Карцовнику (письмо В. Г. Карцовника к автору этой статьи от 16 сентября 2008 г.).

[35] БАН. Ф. 28. Q № 35. Л. 2–105 об.; на л. 111–133 об. помещен указатель к этому источнику.

и не получил официального утверждения, но применялся на практике[36]. В сборнике содержатся также постановления рижских властей по различным вопросам городской жизни[37], выдержки из рижских городских привилегий и королевских резолюций за 1500–1681 гг., в особенности по вопросам пивоварения[38]. Кроме того, в рукописи приведены формула присяги для поверенного в судебных делах[39], ставки гонораров за адвокатскую помощь[40] (оба документа относятся, по-видимому, к XVII столетию) и недатированный устав цеха стекольщиков[41].

Ряд нормативных материалов того же сборника имеет значение не только для Риги, но и для Лифляндии в целом. Таковы формулы присяг, приносимых лифляндскими сословиями на верность королевской власти[42].

В конволюте содержатся четыре печатных издания с резолюциями шведских властей; два из них (№ 2 и 3) также не учтены в упомянутом указателе немецких изданий XVII в.[43]

---

[36] Подробнее см.: *Schmidt O.* Rechtsgeschichte Liv-, Est- und Curlands, aus dem Nachlasse des Verfassers / hrsg. von Eugen von Nottbeck. Fotomechan. Nachdr. aus Bd. 3 der «Dorpater Juristische Studien» 1894. Dorpat, 1894. [Nachdr. Dohren, 1968]. S. 180–181. Памятник опубликован: Der Stadt Riga Statuta und Rechte. Riga, 1798. S. 7–108.

[37] БАН. Ф. 28. Q № 35. Л. 302–308 об. Постановления относятся, по-видимому, к XVII столетию и включают в себя предписания о безопасности в городе, чистоте улиц, торговых правилах, устройстве помолвок, вопросах цехового строя, удостоверении сделок, процедуре взыскания долгов и др. Их текст также вошел в издание 1798 г. (Der Stadt Riga Statuta und Rechte. S. 151–158). Еще один источник такого рода — устав Риги о пивоварении, утвержденный городским советом 22 декабря 1671 г. (Л. 267 об.–268).

[38] БАН. Ф. 28. Q № 35. Л. 266–267, 268–271 об.

[39] Там же. Л. 156–156 об. Присяга с русским переводом публикуется в Приложении к настоящей статье.

[40] Там же. Л. 108–108 об. (опубликованы: Der Stadt Riga Statuta und Rechte. S. 112–113).

[41] Там же. Л. 310–315 об. (*Der Glaser Schragen*).

[42] Там же. Л. 293–301.

[43] 1) Kongl. May:tz PLACAT och Förordning / Angående Justitiae Sakerne uthi deß Revision, förnyat och förbättrat den 31. Augustij, Åhr 1682. Cum Gratia & Privilegio S. R. Majestatis. STOCKHOLM / Tryckt hoos Niclas Wankijff / Kongl. Boocktr. (Там же. Л. 134–141; на л. 142–155 об. помещен рукописный перевод вышеуказанной резолюции на немецкий язык); 2) Ihrer Königl. Mayt. PLACAT Und Verordnung / Angehend die Justitiae Sachen bey der Revision / erneuert und verbessert den 31. August. Anno 1682. Verteutscht. RIGA / Druckts Jogann Georg Wilcken / Königl. Buchdrucker / im Jahr 1682 (Там же. Л. 274–281 об.); 3) Ihrer Königl. Maytt. gnädigste STADGA und Verordnung in sich haltend einige Stücke zur Verkürtz- und Linderung der Weitläuffigkeit in dem Rechts-Proceß vor die streitende Parten / so wohl bey den Ober- als Unter-Gerichten. Gegeben zu Stockholm den 4. Julii im Jahr 1695. Verteutscht und

В коллекции БАН хранится также еще один поздний список Рижского городского права[44].

История государственности и права ***Курляндии*** тоже отражена в рукописном собрании БАН. Она представлена отдельными списками основополагающих курляндских законов XVII в.[45]

Некоторые манускрипты БАН содержат правовые источники Швеции, разработанные для Прибалтики. Прежде всего это шведский таможенный тариф, изданный в Риге в 1661 г. и распространявшийся на шведском и немецком языках[46]. Его списки имеют пометы на русском языке. Возможно, эти рукописи использовались в практике русских властей и одновременно учитывались при изучении политики шведского меркантилизма[47].

Отдельные правовые источники имели общешведское значение, но были переведены специально для прибалтийских провинций на немецкий и латинский языки. Речь идет о текстах шведского земского и городского права, которые перевел уже упомянутый Филипп Крузиус[48]. Одна из

---

gedruckt zu RIGA Durch Johann Georg Wilcken / Königl. Buchdrucker (Там же. Л. 410–433; при переплете это издание, видимо, было разброшюровано и затем сшито вновь, с вложением между его страницами пустых листов, на которых потом были сделаны многочисленные рукописные пометки к тексту резолюции); 4) бифолиум с распоряжением королевского генерал-губернатора в Лифляндии Эрика Дальберга об организации обороны края и приведении в порядок крепостей, изданное 3 мая 1702 г.; названия не имеет, открывается перечислением титулов издавшего лица, которое занимает всю первую страницу: Jhrer Königl. Majest. zu Schweden Raht / Feld-Marschall und GENERAL-GOUVERNEUR über Lieffland und der Stadt Riga / wie auch Cantzler der Academie zu Pernau und Oberster über ein Regiment zu Fuß. ERICH Dahlbergh / Graff zu Schenäsz / Frey Herr zu Stoppsta und Herr auff Wärder (Там же. Л. 436–437 об.).

[44] БАН. Ф. 28. F № 278 (*Rigesche Stadts Rechte*), XVIII в. (*Боброва*. С. 233).

[45] БАН. Ф. 28. Q № 31 (*Formula regiminis et Statuta Curlandica anno 1617*), последняя четверть XVII в. (*Боброва*. С. 233 ; *Лебедева*, 1976. С. 12 ; *Лебедева*, 1979. С. 71; рукопись происходит из упомянутой библиотеки курляндских герцогов) ; Q № 240 (*Leges cardinales Curlandiae et Semigalliae*), не позднее 9 августа 1795 г. (*Боброва*. С. 233).

[46] БАН. Ф. 28. F № 79 (*Taxa über die Königliche Lant-Licent*), последняя треть XVII в. Рукопись принадлежала русскому вице-канцлеру Петру Шафирову (*Лебедева*, 1979. С. 61–62). Еще один список XVII в., на немецком языке: F № 49 (*Licent-Taxa vom 11. Oktober 1664*), в двух томах (*Боброва*. С. 230).

[47] Об этом см.: *Soom A.* Die merkantilistische Wirtschaftspolitik Schwedens und die baltischen Städte im 17. Jahrhundert // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas. 1963. N. F. Bd. 11. S. 183–222 ; *Tuchtenhagen R.* Riga im Rahmen des schwedischen Merkantilismus // Riga und der Ostseeraum. Von der Gründung 1201 bis in die Frühe Neuzeit / hrsg. von I. Misāns und H. Wernicke. Marburg, 2005. S. 265–320. (Tagungen zur Ostmitteleuropa-Forschung ; 22).

[48] БАН. Ф. 28. Q № 32 (*Das Schwedische Landrecht und Stadtrecht*). 1660-е или 1670-е гг. (*Лебедева*, 1979. С. 62–63) ; Q № 33 (*Das Schwedische Landrecht*). Рига,

этих рукописей (Q № 32) происходит из собрания виндавского бюргера Рудольфа фон Штрауха (†1681), известного как автора работы о тогдашнем Московском государстве *Moscoviae historia oratione solenni enarrata* (Dorpati, 1639).

***

Вторую группу правовых материалов, хранящихся в БАН, составляют сборники документов и отдельные грамоты. Сборники относятся в XVI–XVIII вв. и, к сожалению, в большинстве своем остаются неописанными[49]. Среди них заслуживают упоминания два подлинных судебных дела, происходящих из Риги. Одно из них было рассмотрено в 1677 г. судом под председательством Иоганнеса фон Бенкендорфа и касалось поджога, вызвавшего человеческие жертвы. Дело интересно не только с историко-правовой точки зрения, оно является интересным источником, иллюстрирующим связи Риги с другими городами: по этому делу были допрошены многочисленные свидетели из разных мест (Полоцка, Туккума, Динабурга, Дисны, Москвы и др.). Приговор суда был суров: обвиняемого Габриэля Франка из Цвиккау должны были подвергнуть терзанию раскаленными щипцами и после этого сжечь[50].

Другое дело, рассмотренное в 1703 г., касалось обвинений в должностных упущениях Нильса Клингстедта, капитана Эстерботтенского полка. 25 марта 1703 г. королевский генеральный военный суд под председательством генерал-майора Ремберта фон Функена полностью оправдал обвиняемого и постановил освободить его из-под ареста[51].

В собрании БАН хранится фолиант прибалтийского происхождения, содержащий материалы к истории шведско-русских переговоров второй половины XVII в. Возможно, он был вывезен в сентябре 1710 г. из Ревеля.

1670 (Там же. С. 63–65) ; Q № 36 (*Das Schwedische Stadtrecht*). Рига, 1670 (Там же. С. 65–66).

[49] *Лебедева*, 1979. С. 11.

[50] БАН. Ф. 28. F № 50 (*Inquisition Acta wegen derer beyden Mord-Brenner de Anno 1677 von 25 Maji bis d. 10 Julii*). Л. 76–78. Рукопись упомянута в обзоре Е. И. Бобровой (*Боброва*. С. 262).

[51] БАН. Ф. 28. F № 51 (*Inquisition-Acta, 1698–1703. Riga 1703*). Л. 81–87. В приложении (Л. 88–120 об.) манускрипт содержит копии документов за 1698–1703 гг., которые были исследованы судом в качестве письменных доказательств по делу. Рукопись также упомянута в обзоре Е. И. Бобровой (*Боброва*. С. 262). С точки зрения истории манускрипта интересно то обстоятельство, что на первом листе тем же почерком, что и в сборнике Ф. 28. Q № 35, сделана помета по-русски: «Имена присутствующих в генералном военном королевском суде» (благодарим В. Г. Подковырову, сотрудницу рукописного отдела БАН, за помощь в чтении этой записи).

В этой рукописи сохранились оригиналы и копии 56 документов за 1652–1699 гг., преимущественно на немецком языке[52]. По своему содержанию это в основном дипломатическая переписка и черновики документов, относящихся к подготовке русско-шведского перемирия в Валиесаре (1658)[53], частная переписка[54] и др. Но некоторые материалы имеют собственно правовое значение, прежде всего доверенности на участие в переговорах, выданные в 1658 г.[55]

Еще один сборник содержит разнообразные материалы XVII–XVIII вв. на немецком, латинском, французском и польском языках[56]. Некоторые из них касаются Прибалтики. Среди содержащихся в нем документов правового характера упомянем список родов курляндского и земгальского дворянства (1634), которые представили доказательства своего происхождения, а также выдержку из акта курляндского ландтага от 30 июля 1648 г., согласно которому в дворянское достоинство было возведено шесть новых семейств[57].

Некоторый интерес с историко-правовой и исторической точки зрения представляют еще два документа из того же конволюта. Первый из них — подробное описание казни Иоганна Рейнгольда фон Паткуля (1707)[58]. Как известно, этот лифляндский дворянин пытался отстаивать интересы

---

[52] БАН. Ф. 28. F № 45 (*Verhandlungen zwischen Schweden und Rußland aus der zweiten Halfte des XVII. Jahrhunderts*). Под шифром F № 45а к данной рукописи приложена тетрадь конца XIX или начала XX в. с кратким изложением содержания указанных актов (*Боброва*. С. 216).

[53] См. например: БАН. Ф. 28. F № 45. Л. 22–26.

[54] Там же. Л. 5–5 об. (письмо Ганса Редера его свекру Гердту Реку, ратману в Ревеле, об обстановке в Дерпте после сдачи города русским войскам и о семейных делах. Дерпт, 8 ноября 1656 г.) ; Л. 6–7 об. (письмо Кристофера Мейнеке его жене Элизабет Мейер в Ревель с просьбой к городскому совету выдать ему паспорт для приезда в город. Дерпт, 4 декабря 1656 г.).

[55] Там же. Л. 17 (представители шведского короля Густав Бильке, Бенгт Горн, Ионагг Зильверштерн и Филипп Крузенштерн уполномочивают секретаря Андреаса Вальвика, гоф-юнкера Кристофа фон Краузе и переводчика Йонаса Брандта на ведение переговоров с царским послом князем Никитой Ивановичем Одоевским. Нарва, 8 октября 1656 г. Документ на шведском языке, красносургучная печать под бумажной кустодией) ; Л. 18 об.–19 (аналогичная доверенность, выданная того же числа в Нарве гоф-юнкеру Кристофу фон Краузе на ведение переговоров с Иваном Феодоровичем Сумароковым и Яковом Ивановичем Свистуновым, с участием переводчика Иоганна фон Деллена. Документ на шведском языке с четырьмя красносургучными печатями).

[56] БАН. Ф. 28. F № 44 (*Varia ad historiam Curlandiae et Poloniae facientia*). Том упоминается в обзоре Е. И. Бобровой (*Боброва*. С. 217).

[57] БАН. Ф. 28. F № 44. Л. 5–10.

[58] Там же. Л. 42–45 об. (*Kurtzer Bericht von dem Tode des weltbekandten H. Johann Reinhold von Patkul, wie er sich zu demselben berichtet*).

своего сословия перед шведской короной и был за это приговорен к смертной казни. Бежав за границу и прослужив несколько лет у к польского короля Августа II, он затем разочаровался в своем покровителе и перешел на службу к Петру I, став русским посланником в Варшаве и одновременно командующим русскими войсками в Саксонии. В 1705 г. он был арестован Августом II и выдан шведам, после чего подвергнут колесованию и четвертованию. Другой документ очень своеобразен — это перечень кораблей курляндского флота, насчитывающий в общей сложности 59 единиц[59]. Флот был создан в правление герцога Якоба (1642–1681), когда Курляндия пыталась, конкурируя с великими державами, создать собственную колониальную империю. Названия кораблей, связанные отчасти с традициями античной мифологии, могли бы стать предметом самостоятельного анализа как любопытный источник по истории политико-правовой идеологии XVII в. В контексте нашей темы можно отметить, что один из кораблей носил имя «Юстиция»; впрочем, в составе флота было и судно, называвшееся (в духе эпохи барокко) «Die Vanitas».

В рассмотренном нами конволюте XVII–XVIII вв. (Ф. 28. F № 35) также имеются некоторые материалы правового характера, касающиеся Риги: письмо шведского короля рижскому бюргерству от 19 августа 1672 г. в связи с городскими привилегиями[60] и два документа от 4 октября 1681 г., проливающие свет на особенности рижского цехового строя: они касаются вопроса о невозможности допуска в цехи Большой и Малой гильдий соискателей ненемецкого происхождения[61].

Из одиночных документов, не вошедших в сборники и имеющих отношение к интересующему нас региону, удалось выявить лишь три, причем весьма позднего происхождения. Два из них касаются одного и того же объекта: жалованная грамота императрицы Анны Иоанновны 1731 г. (на русском языке) полковнику барону Эберту Густаву фон Бою на владение мызою Мойзекиль в Лифляндии и грамота 1739 г. (на немецком языке) об обмене этой земли на землю Густава фон Менгдена[62]. Третий

---

[59] Там же. Л. 32–33 (*Schiffe so der Curländische Herzog Jacobus hat erbaut laßen*).

[60] БАН. Ф. 28. F № 35. Л. 269 об.

[61] Там же. Л. 272–272 об.

[62] БАН. Ф. 72 (Собрание рукописных книг В. В. Лукьянова). № 85. Русская грамота от 10 августа 1731 г. — на двух пергаменных листах с собственноручными подписями Анны Иоанновны и графа Головкина, с большой гербовой сургучной печатью в деревянной кустодии на шнурке. К грамоте приложен ее перевод на немецкий язык; здесь же — немецкий документ 1739 г. об обмене земли. Документы хранятся в сафьяновом переплете-футляре с золотым тиснением и завязками. Упоминаются: Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3, вып. 6 : Исторические сборники XVIII–XIX вв. / сост.

документ — паспорт, выданный 16 июля 1790 г. Михаэлю Гейеру из Нарвы петербургским цехом портных[63].

***

Наконец, третью группу юридических памятников, связанных с Ливонией, образуют сочинения и записки по правовым вопросам. Наиболее ранним по времени можно считать меморандум, содержащийся в рассмотренном выше сборнике материалов XVII – начала XVIII в. Он содержит предложения по повестке дня к совещанию представителей лифляндских сословий, которое должно было состояться в 1687 г. по решению шведских королевских властей. Анонимный автор предлагал рассмотреть вопросы, связанные с жизнью этой провинции, в области церковных дел, владения имениями, редукций земельной собственности, торговли и др.[64]

Другой упоминавшийся выше сборник XVII–XVIII вв. (Ф. 28. F № 44) тоже содержит целый ряд подобных материалов. Он открывается анонимной памятной запиской из 15 пунктов, обосновывающей необходимость восстановить былые привилегии Ревеля и освободить этот город от бремени, возложенного на него в связи с политикой шведских и русских властей в XVI–XVIII вв. Документ не датирован, но, судя по упоминанию одной из грамот Петра I от 16 августа 1710 г., он составлен в начале XVIII столетия[65]. Еще два меморандума, также анонимных, посвящены Курляндскому герцогству. Один из них представляет собою справку (в основном на латинском языке) о государственном устройстве Курляндии от основания герцогства (1561) до 1718 г. Автор рассматривает особенности этого государства со ссылками на опыт Польши, Пруссии и Швеции, в особенности в связи с избранием монарха. Записка не датирована, но в приложении к ней помещены четыре документа, наиболее поздний из

Н. Ю. Бубнов, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, О. П. Лихачева. Л., 1971. С. 351, № 94.

[63] БАН. Ф. 72 (Собрание рукописных книг В. В. Лукьянова). № 140. Документ на немецком языке с переводом на русский. Упоминаются: Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3, вып. 6. С. 354, № 137.

[64] БАН. Ф. 28. F № 35. Л. 285–292 (*Propositio Welche im Nahmen und auff gnäfigem Befehl J.K. Maytt. unsers allerseits gnädigsten Königs und Fl. S. Schwed. Excell. H. Baron Königl. Raht und General Gouverneur E.E. Ritter- und Landschafft deß Fürstenthums Lieffland an der den 12. Septembr. a<nn>o 87 angesetztete allgemeinen zusammen kunfft zueröffnen für nötig halten*).

[65] БАН. Ф. 28. F № 44. Л. 1–2 об. (*Extract dererjenigen nothriegentl. Bewegungs-Gründen, vermöge welcher beym Hohen Kayserl. Cabinet der Stadt Reval die gäntzl. Befreyung von dem ihr zu schwedischen Zeiten obtrudirten Wall-bau führt, und Jhro Kayserl. Mayt. weltberühmte hohe Clemence allerunterthänigst erflehet*).

которых — экстракт из письма Петра I королю Польши от 18 января 1719 г. на польском языке; следовательно, сочинение написано после указанной даты[66]. Другой меморандум составлен на французском языке и также посвящен вопросу о праве курляндских сословий на избрание герцога в связи с ленной зависимостью Курляндии от Польши. Этот текст тоже не датирован, но наиболее поздняя упоминаемая в нем дата — 1726 г.[67]

Завершая обзор прибалтийских материалов БАН, упомянем, что одна из рукописей смешанного содержания, хранящихся в этом собрании, получила у И. Н. Лебедевой ошибочную «привязку» к интересующему нас региону. Речь идет о манускрипте начала XVII в., содержащем в основном источники Датского королевства[68], такие как Фленсбургское городское право 1284 г., ютское право короля Вальдемара II Победителя (1170–1241) в немецком переводе Эрика Краббе и с комментарием к нему. Среди материалов тома — рецесс датского короля Христиана III (1558) в немецком переводе (Л. 173–211 об.), принятый «up Unsem Slate Koldingschluss». Упомянутый замок был ошибочно отождествлен И. Н. Лебедевой с курляндским городом Гольдингеном (совр. Кулдига)[69]. В действительности же речь идет, несомненно, о замке Коллингхус в Дании, где располагалась резиденция Христиана.

Приложение

Присяга поверенного в судебных делах (Рига, XVII в.)
БАН. Ф. 28. № 35. Л. 156–156 об.

Приводимая присяга интересна как памятник правосознания эпохи раннего Нового времени, когда в общинах с развитой автономией и городской жизнью разрабатывались весьма разнообразные присяги для различных должностных лиц и разных ситуаций. Изучение этих источников, которым уделялось некоторое внимание в исторической и историко-правовой литературе[70], пока далеко от завершения.

---

[66] Там же. Л. 79–88 (*Vindicatio Iurium, Privilegium, et Libertatum Generoso Equiti ordini Curlandico, circa electionem Principis, competentium*).

[67] Там же. Л. 62–63 (*Explication abregée du droit les Courlandais ont de se choisir un Duc, et de la presenter au Roi de Pologne*).

[68] БАН. Ф. 28. Q № 68 (*Miscellanea*). Дания (?), 1607–1608.

[69] *Лебедева*, 1976. С. 10 ; *Лебедева*, 1979. С. 56.

[70] См., например: *Ebel W.* Der Bürgereid als Geltungsgrund und Gestaltungsprinzip des deutschen mittelalterlichen Stadtrechts. Weimar, 1958 ; *Thieme H., Gerlach S.* Das Leipziger Eidbuch von 1590. Leipzig, 1986 ; *Januszajtis A.* Die Danziger Eide // Deutsch-Polnisches Jahrbuch. Bremen ; Bremerhafen, 1990. Bd. 4. S. 57–77 ; *Kivimäe J.* Iuravit juxta formam prescriptam. Zur Rechtslage der Kleinstädte des Bistums Ösel-Wiek am Ausgang des Mittelalters // Festschrift für Hugo Helk zum 75. Geburtstag.

Правовое положение поверенного[71], который, не будучи адвокатом, мог тем не менее представлять в суде по гражданским делам интересы другого лица, было урегулировано Рижским городским правом 1673 г. (кн. II, гл. VII). В нем содержатся основные требования к деятельности такого поверенного и обращается внимание на недопустимость действовать вопреки интересам доверителя, нарушать процессуальные нормы и т. п. Данная присяга разработана, очевидно, в развитие указанных положений.

Формула присяги не датирована. Если судить по водяным знакам рукописи[72], она, как и большинство других материалов конволюта,

---

Beiträge zur Verwaltungs-, Kirchen- und Bildungsgeschichte des Ostseeraumes / hrsg. von E. Küng, H. Tamman. Tartu, 1998. S. 119–135 (в этой статье анализируется присяга бургомистра в эстляндском г. Гапсале, XVI в) ; *Рогачевский А. Л.*: 1) Рукописные источники по истории права и культуры Пруссии … (рассмотрены формулы присяг из Данцига и Городской слободы Кёнигсберга, XVI–XVII вв.) ; 2) Меч Роланда. Правовые взгляды немецких горожан XIII–XVII вв. СПб., 1996 ; *Левинсон К. А.* Чиновники в городах Южной Германии XVI–XVII вв.: опыт исторической антропологии бюрократии. М., 2000.

[71] Der Stadt Riga Statuta und Rechte. S. 14–18. В дальнейшем ссылки на этот источник приводятся с указанием на книгу, главу и параграф.

[72] В рукописных материалах кодекса нами было выявлено несколько водяных знаков, но часть из них плохо видна, поскольку все они расположены на сгибе листов, а также из-за того, что страницы заполнены мелким плотным почерком, затрудняющим рассматривание бумаги на просвет. Поэтому не исключено, что некоторые неотождествленные филиграни не являются самостоятельными знаками, а представляют собою детали более крупных. Водяные знаки следующие: 1) голова шута (Л. 104, 107), сходный тип — *Heawood E.* Watermarks Mainly of the 17th and 18th Centuries. Hilversum, 1950. Nr 2002 (1674), 2005 (Дартфорд, 1656). (MCPHI ; vol. 1); 2) герб Амстердама (Л. 263–264), близкий тип — Ibid. Nr 437 (Новая Англия, 1694 или позднее), более отдаленный — The Nostitz Papers. Notes on Watermarks Found in the German Imperial Archives of the 17th and 18th Centuries. Hilversum, 1956. Nr 152 (Рюдерсхейм, 1694). (MCPHI ; vol. 5); 3) герб, увенчанный короною (видна только верхняя часть) (Л. 266, 273), высота видимой части около 5,5 см, ширина не менее 4,5 см, расстояние между понтюзо 2,5 см, вертикальная ось симметрии параллельна понтюзо; 4) герб: лев с ятаганом и пучком стрел, гербовый щит заключен в овальную рамку, внизу курсивные литеры AI, сходный тип — *Heawood E.* Watermarks … Nr 3144 (1686); близкий тип, но с монограммой ECVH — Ibid. Nr 3141 (вскоре после 1685); 5) литеры CDG или GDG (Л. 329, 322), высота видимой части 1 см, расстояние между понтюзо 2,3 см, вертикальная ось симметрии литер параллельна понтюзо; 6) неотождествленный знак, похожий на часть гербового щита (Л. 336, 339); 7) корона с наметом (Л. 380, 395), высота не менее 5 см, ширина не менее 7,5 см, расстояние между понтюзо 2,3 см, вертикальная ось симметрии параллельна понтюзо; 8) герб Амстердама (Л. 397, 408; отличается от знаков с тем же сюжетом на л. 263–264 и 426, II), видна только нижняя часть; высота видимой части 3 см, ширина не менее 8,5 см, расстояние между понтюзо 2,5 см, вертикальная ось симметрии параллельна понтюзо; 9) герб Амстердама с курсивными литерами

представляла актуальность для Риги, по крайней мере, во второй половине XVII столетия. Текст в основном следует рукописному источнику, но раскрытые нами сокращения выделяются курсивом, а залитые чернилами буквы помещаются в угловые скобки. Отсутствующие в нескольких местах знаки препинания восстанавливаются без оговорок.

Juramentum Procuratoru*m* Rigensium

Ich gelobe und schwere: daß ich den Partheyn, deren Sache ich auffnehme, in derselben nach meinem besten Vermögen ihre Gerechtigkeit und Notturfft im Gerichte <e>inbringe*n*, darinn wißentlich kein Falsch, Unwarheit oder Gefährlichkeit gebrauchen oder sonst in andere Wege zu Verlängerung der Sachen gefährlichen Außzug suchen, noch die libellen Producten und allerhand Satz-Schrifften zu Vortheil und Aufftreibung des Salarii mit unnöttigen frembden und zur Sachen nicht gehörigen Umbschweiffen, ungegründeten allegate*n* wißentlich nicht erweitern will, oder wieder ein geschrieben Rigisch Recht, oder einer Stadt alten Gebrauch und Herkommen nicht handele, oder die Partheyen solches zu thun unterweisen, der Partheyen Heimligkeit oder Behelff, so ich von ihnen empfangen oder sonste*n* in de<n> Sachen vermercken thue, Niemande<m> eröffnen will[73], die Gerichts Persohnen ehren, mich vor Gerichte der Erbarkeit gebrauchen, Lästerung, Schmähung, Injurien bey poen nach[74] deß Gerichts Erm<ä>ßigung enthalte*n*, keine böse Sachen, welche mein[75] **(Л. 156 об.)** Gewißen ungerecht zuseyn überzeuget, annehmen, die Partheyen über ziemliche Belohnung

Присяга рижских поверенных

Я обещаю и клянусь, что для сторон по делу, которое принимаю, в оном [деле] буду в полную меру своих возможностей отстаивать в суде права и потребности [доверителей], [и] в этом не буду использовать заведомую ложь, неправду или рискованные [меры] или, кроме того, пытаться иным путем прибегать к рискованному приему для затягивания дела; преднамеренно распространять для [получения] блага или увеличения вознаграждения заявления и всякого рода обращения с ненужными, посторонними и не относящимися к делу увертками, необоснованными ссылками[77], действовать вопреки писаному Рижскому праву или старому обычаю и обыкновению города или подучивать стороны делать это; никому не стану раскрывать тайну сторон, или полученные от них указания, или иное, о чем я делаю отметку в делах; [буду] уважать членов суда, вести себя почтительно перед судом, под страхом штрафа, [налагаемого] по благоусмотрению суда, воздерживаться от поношений, ругательств, оскорблений[78], не браться за дурные дела, которые моя совесть сочтет несправедливыми, удовлетворяться

AI внизу (Л. 426, II); близкий тип, но с другими литерами (монограмма IB) — *Heawood E.* Watermarks … Nr 396 (Голландия, 1701).

[73] В тексте далее вычеркнуто: *oder*.

[74] В тексте далее вычеркнуты три слова, из них поддаются прочтению два последних: *deß Gerichts*; после них ошибочно повторено слово *nach*.

[75] В тексте первоначально было: *meinem*, две последние буквы вычеркнуты.

oder Besoldung, so mir von E. E. Raht taxiret und geordnet begnügen laßen, auch mit den Parten keine sonderliche pacta auff ein Theil der Sache darin ich diene, machen, und so der Besoldung oder Lohns halber zwischen mir und den Parten Irrung würde, will ich solches bey der verordneten E. E. Rahts Erkäntnüße, ungeweigert bleiben laßen und nicht weiter suchen, auf der Sachen, so ich angenommen, ohne redliche Ursache und Erlaubnüß deß Rechten nicht entschlagen, sondern bis zu Ende verharren, und sonst alles thun und laßen[76] das einem getreuen Procuratore*n* gebühret, als wahr etc.

подобающим вознаграждением от сторон, которое назначено и установлено для меня достопочтенным советом[79], а также не заключать со сторонами особых соглашений на часть [имущества, присужденного] по делу, которое я веду, и чтобы таким образом по поводу оплаты или вознаграждения между мною и сторонами возникали разногласия; [и] без возражений оставлю это согласно предписанному постановлению достопочтенного совета и не буду искать дальнейшего [вознаграждения]; не буду без уважительной причины и дозволения, [закрепленного] в праве, отказываться от дел, которые я принял, но буду оставаться в них до конца[80], и во всем прочем действовать и поступать, как подобает преданному поверенному, как истинный и т. д.

ZUSAMMENFASSUNG

Die baltischen Rechtsdenkmäler der 16.–18. Jh. in der Handschriftensammlung der Russischen Akademie der Wissenschaften.

Die Handschriftensammlung der Bibliothek der Russischen Akademie der Wissenschaften in St. Petersburg birgt viele Handschriften zur Geschichte

---

[76] В тексте далее вычеркнуто: *daß*.

[77] В Рижском праве поясняется, что ради затягивания дела или для формального соблюдения процессуальных сроков поверенные и адвокаты нередко подают в суд заявления и ходатайства в виде черновиков или даже без текста по существу дела (in blanco); подобная практика воспрещается под угрозой штрафа, а бумаги такого рода рассмотрению не подлежат (кн. II, гл. VII, § 5). При этом объем письменных заявлений, по общему правилу, не должен был превышать двух листов (кн. II, гл. XIII, § 1).

[78] Рижское право прямо воспрещало подобные действия (кн. II, гл. VII, § 2).

[79] Ставки вознаграждения, предусмотренные для частных поверенных, были те же, что и для адвокатов. Например, по гражданским делам в суде первой инстанции они не должны были превышать 4 % цены иска (кн. II, гл. VII, § 2; ср. Der Stadt Riga Statuta und Rechte. S. 112–113).

[80] Данное обязательство также основано на положении Рижского права (кн. II, гл. VII, § 9).

des Staats- und Rechtswesens auf den Territorien der heutigen baltischen Staaten Estland und Livland. Sie beziehen sich auf die historischen Regionen von Estland, Livland und Kurland. Die meisten Schriftstücke waren bisher wenig erforscht oder blieben gar unbeachtet von den Wissenschaftlern. In der vorliegenden Übersicht sind die Hauptgruppen der baltischen Rechtsdenkmäler dargestellt: die Rechtsaufzeichnungen, die einzelnen Akten und Urkunden und schließlich die rechtswissenschaftliche Literatur.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Ливония, Эстляндия, Лифляндия, Курляндия, Библиотека Российской академии наук, литургические рукописи, прибалтийское право, присяга, правосознание.

KEY WORDS

Livonia, Estland, Lifland, Courland, Library of the Russian Academy of Science, Liturgical manuscripts, Baltic Law, Oath, Legal consciousness.

А. В. ЧИРКОВА

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ ПАПСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ В РОССИИ (XIX–XX вв.)*

Значение документов папской канцелярии для развития исторического источниковедения сложно переоценить. В самой канцелярии регулярно проводилась экспертиза папских грамот, вызвавших сомнение у получателей. В связи с этим внешнему облику грамот при их составлении уделялось усиленное внимание. Начиная с середины XI в. в Апостольской канцелярии разрабатывалась, а к концу XII в. окончательно сложилась довольно сложная система приемов, обеспечивавших защиту документов от подделки: до мельчайших деталей были продуманы язык документа, формуляр, внешние характеристики оформления. Сохранившиеся средневековые правила составления документов, написанные для канцелярских писцов и нотариев (*Ars dictaminis*), в некотором роде можно считать предшественниками пособий по дипломатике, а проводившуюся с их помощью экспертизу — прообразом внешней критики исторического источника.

Возведенная в систему регулярность внешнего оформления грамот наравне с большим числом сохранившихся документов Апостольской канцелярии и важностью удостоверяемых ими прав привели к тому, что папские акты вместе с императорскими и королевскими дипломами оказались в XVII в. в центре внимания нарождающегося источниковедения. В программном труде бенедиктинца Жана Мабильона, от которого традиционно ведут свое начало такие вспомогательные исторические дисциплины, как дипломатика и латинская палеография, папским грамотам посвящен отдельный раздел[1]. В ходе дальнейшего развития дисциплины

* Исследование выполнено на средства стипендии Фонда Герды Хенкель AZ 02/SR/06.

[1] De re diplomatica libri VI... Opera et studio Domni Johannis Mabillion. Editio secunda ab ipso auctore recognita, emendata et aucta: Luteciae Parisiorum, 1709. Liber V : Specimina chartarum ecclesiasticarum. P. 436–447.

© Чиркова А. В., 2013

ни один крупный справочник по средневековой дипломатике не обходит вниманием папские грамоты и организацию делопроизводства при Римской курии[2]. Естественно, что и отечественное источниковедение в процессе своего становления не могло пройти мимо такого вида исторического источника.

Опыты источниковедческого обращения к документам Апостольской канцелярии на русской почве можно — пусть и несколько условно — подразделить на три направления:

- коллекционирование и собирательство папских грамот как предмета старины или памятников истории письменности;
- выявление и публикация памятников этого рода в иностранных архивах в целях подборки материала для исторических исследований по истории России и сопредельных с ней регионов;
- изучение папских грамот, тем или иным образом отложившихся в отечественных архивах и библиотеках.

За исключением отдельных единичных покупок, когда решающее значение могла иметь древность документа и наличие в нем автографов, частный коллекционерский интерес к западноевропейским актам был связан с определенными познаниями русских собирателей в области дипломатики, палеографии и истории институтов. Таковы коллекции П. П. Дубровского (1754–1816), П. К. Сухтелена (1751–1836) и А. Я. Лобавнова-Ростовского (1788–1866) в ОР РНБ, П. И. Щукина (1853–1912) в ОПИ ГИМ и Н. П. Лихачева (1862–1936) в СПбИИ РАН. Отметим также собрания созданной в 1837 г. Императорской Археографической комиссии и основанного в 1877 г. Общества любителей древней письменности, в которых также отложились отдельные западноевропейские документы, в том числе папские грамоты. Приобретение подлинных памятников прошлого и передача их в публичные собрания имели своей целью их возможное изучение в будущем и, в конечном счете, были продиктованы заботой о развитии отечественной науки. В этом смысле коллекционирование западноевропейских памятников русскими собирателями с полным правом может считаться определенным этапом в развитии отечественного источниковедения.

---

[2] См.: Nouveau traité de diplomatique… avec des éclaircissemens... par deux religieux Bénédictins de la Congrégation de S. Maur. Paris, 1765. T. V. P. 82–307; см. классические труды, не утратившие своей актуальности: *Giry A.* Manuel de diplomatique. Paris, 1894. [Repr. Genève, 1975] ; *Paoli C.* Programma scolastico di paleografia Latina e di diplomatica. T. III : Diplomatica. Firenze, 1898 ; *Bresslau H.* Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien. 2. Aufl. Bd. 1. Leipzig, 1912 ; Bd. 2, Abt. 1. Leipzig, 1915 ; Bd. 2, Abt. 2. Leipzig, 1931. [Repr. Berlin, 1958] ; *Thommen R., Schmitz-Kallenberg L.* Urkundenlehre. Leipzig ; Berlin, 1913. S. 56–116 ; *Boüard A de.* Manuel de diplomatique française et pontificale. Paris, 1929.

Параллельно с интересом коллекционерским развивался интерес к документам папской канцелярии как к источнику сведений по истории России — с их выявлением в иностранных архивах и их публикации. При этом поиск источников по отечественной истории в европейских собраниях на первом этапе носил в известном смысле характер эрудитского «собирательства».

Историю этого направления в отечественном источниковедении папских грамот следует вести с рукописного тома выписок из Ватиканского архива, которые были сделаны для последнего короля Речи Посполитой Станислава-Августа (1764–1795) польским ученым-иезуитом, королевским библиотекарем, титулярным епископом Зенопольским Джованни Баттиста (польское имя — Ян Кшичел) Альбертранди (1731–1808). Экземпляр с копиями папских грамот XI–XVII вв., подаренный польским королем русскому посланнику Я. И. Булгакову (1743–1809) и хранящийся ныне в Западноевропейской секции СПбИИ РАН, дал импульс для использования этого вида источника Н. М. Карамзиным (1766–1826) при написании им «Истории государства Российского» (первые восемь томов опубликованы в 1816 г.)[3]. Одновременно эта подборка документов по истории украинских, белорусских, литовских и западнорусских земель вдохновила графа Н. П. Румянцева (1754–1826) на составление программы дальнейших поисков в архивах и библиотеках Европы исторического материала, касающегося истории земель, входящих в состав Российской империи[4]. Еще ранее идея о важности римских архивов для изучения русской истории высказывалась князем М. М. Щербатовым[5].

Одно подобное предприятие уже было к тому времени инициировано Лифляндским дворянским конвентом. На средства, собранные прибалтийским дворянством и полученные из казны по ходатайству Н. М. Карамзина, ландратом Вильгельмом Фридрихом фон Унгерн-Штернбергом (1752–1832) была организована археографическая экспедиция по разысканию материалов по истории Прибалтики. Для разбора секретного архива Немецкого ордена в Кёнигсберге были привлечены кёнигсбергский ученый, богослов и филолог, автор работ по истории Пруссии и публикатор

---

[3] Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Колл. 32. Картон 694. № 1; выписки с текстами папских грамот, сделанные Карамзиным, хранятся в настоящее время в ОР РНБ в фонде Карамзина.

[4] См. об этом: *Яковенко С. Г.* Материалы Ватиканского архива о связях России и папства // Церковь в истории России. М., 2000. Сб. 4. С. 178.

[5] Переписка М. М. Щербатова 1782–1783 гг. о снятии копий с имеющихся в римских архивах документов по истории России с Кабинетом Ее Императорского Величества хранится в РГАДА в фондах Государственного архива Российской империи (Ф. 17), см.: Центральный государственный архив древних актов СССР : путеводитель : в 4 т. М., 1991. Т. 1. С. 367.

исторических памятников доктор Эрнст Генниг (Hennig) (1771–1815) и ректор Императорского лицея в Риге, автор множества статей и публикаций документов по истории Ливонии Иоахим (Иоганн) Кристоф Бротце (Brotze) (1742–1823)[6]. В ходе этих разысканий в 1809–1811 гг. были изготовлены копии с документов XII–XVI вв., существенную часть которых составили папские грамоты 1191–1517 гг., адресованные магистрам Ордена. Часть собранных Э. Геннигом материалов была передана в 1812–1816 гг. в Кабинет Его Императорского Величества, где ими смог воспользоваться для своего многотомного сочинения Карамзин. Затем копии были переданы министру внутренних дел, члену Академии наук О. П. Козодавлеву (1753–1819) для подготовки планировавшегося им совместно с В. Ф. Унгерн-Штернбергом издания. Однако публикация не состоялась[7].

Часть грандиозного замысла графа Румянцева по изучению европейских древлехранилищ, связанная с Ватиканским архивом, была воплощена А. И. Тургеневым (1785–1846), которому после смерти Я. И. Булгакова достались выписки Альбертранди. Несмотря на то, что официально архив еще не был открыт для свободного доступа исследователей, можно было заказать подбор исторического материала по определенной теме и изготовление с него копий. Во время своего пребывания в Риме в 1835 г. А. И. Тургенев договорился о подборе документов, касающихся истории России из папских регистров, а также о присылке в Петербург их копий[8]. Рукописные копии (более 400 документов с 1075 по 1719 г.) были выполнены по приказу тогдашнего префекта Ватиканского архива графа Марино Марини и заверены его печатью. Оформленные в виде отдельных

---

[6] Краткую биографию и списки их работ см.: *Recke J. Fr. von., Napiersky K. E.* Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland. Mittau, 1827. Bd. 1. S. 277–283 ; Mittau, 1829. Bd. 2. S. 231–235 ; Mittau, 1832. Bd. 4. S. 413; см. также: *Taimiņa A.* «...Aus ächten und unverfälschten Quellen»: Ernst Hennig, Wilhelm Friedrich Freiherr von Ungern-Sternberg, Johann Christoph Brotze und ihre Arbeit an den Dokumenten aus dem Geheimen Archiv in Königsberg // Forschungen zur baltischen Geschichte. 2009. Bd. 4. S. 115–144.

[7] В настоящее время материалы к этому изданию — собрание копий, насчитывающее 942 единицы, хранится в РГАДА (Ф. 147, поступило из МГАМИД), см.: Российский государственный архив древних актов : путеводитель : в 4 т. М., 1999. Т. 4. С. 59–60. Среди них — копии с 27 документов, составленных от имени Климента III, Гонория III (3), Григория IX (8), Иннокентия IV (3), Александра IV (2), Климента IV, Целестина V, Бонифация IX (2), Мартина V, Евгения IV (4), Иннокентия VIII.

[8] См. любопытное описание Ватиканского архива в письме А. И. Тургенева от 20/8 апреля 1835 г.: *Тургенев А. И.* Хроника русского : дневники. М. ; Л., 1964. С. 99–100; см. также: *Гиллельзон М. И.* А. И. Тургенев и его литературное наследство // Там же. С. 480–481.

томов под общим названием «Codex diplomaticus Ruthenus-Moskoviticus monumentis e tabulariis Vaticanis depromptis congessus» и с посвящением императору Николаю I, подборки копий присылались в Петербург с 1835 по 1840 г.[9]

На основе этого материала, по сличении текстов с более ранними выписками Альбертранди, была осуществлена одна из первых публикаций Археографической комиссии — вышедшие под редакцией А. Х. Востокова (А. Остенека) (1781–1864) два тома *Historica Russiae Monumenta* (Petropoli, 1841–1842), которым, по замыслу их создателей, предполагалось стать первыми в большой серии, аналогичной *Monumenta Germaniae Historica* и названной по ее подобию. Проект этот остался нереализованным, лишь в 1848 г. к двум первым томам добавился том *Supplementum* — куда вошли письма 1581–1595 гг. папского легата Антонио Пассевино о его пребывании в Московии. Материалы этого издания — присланные в 1844 г. все тем же М. Марини по заказу министра народного просвещения и президента Академии наук С. С. Уварова (1786–1855) копии из Ватиканского архива — также хранятся в Архиве СПбИИ РАН[10].

Из тех отечественных исследователей XIX в., кто работал непосредственно с документами Ватиканского архива после его открытия для читателей в 1880 г., удалось установить лишь несколько имен: большинство из них упоминает в одном из своих отчетов о занятиях в этом крупнейшем древлехранилище Е. Ф. Шмурло[11]. В первую очередь следует упомянуть рижского историка Германа Христиана Гильдебранда (1843–1890) и доцента Петербургского университета Георгия Васильевича Форстена (1857–1910), подготовивших к публикации отдельные документы Апостольского престола на основе хранящихся в Ватиканском архиве папских регистров[12]. Кроме того, можно отметить еще нескольких исследователей из числа подданных Российской империи, использовавших документы Апостольской канцелярии из Ватиканского архива в своих исторических сочинениях. Профессор Дерптского и Новороссийского университетов Александр (Густавович) Брюкнер (Brückner) (1834–1896) и бывший профессор Киевского университета, известный публицист Василий Алексеевич Бильбасов (1834–1896), очевидно, собирали в Ватикане

---

[9] Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Колл. 32. Картон 696. № 1, 2, 3, 3а, 4 (полностью тома с первого по третий и индексы к четвертому тому).

[10] Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Колл. 45 (57 ед. хр.).

[11] *Шмурло Е. Ф.* Отчет о двух командировках в Россию и за границу в 1892/3 и 1893/4 гг. Дерпт, 1895.

[12] Livonica vornämlich aus dem 13. Jh., im Vatikanischen Archiv / hrsg. von H. Hildebrand. Riga, 1887 ; *Форстен Г. В.* Акты и письма к истории балтийского вопроса XVI–XVII вв. СПб., 1889–1893.

материал по истории России XVIII в.[13] Наряду с польскими историками, членами специально созданной Польской комиссии в Риме, такими как специалист по дипломатии и новой истории папства Бронислав Дембиньский (Dembiński) (1858–1939), специалист по рукописям Йозеф Корженёвский (Korzeniowski) (1863–1921) и знаток канонического права и средневековой истории Церкви Владислав Абрахам (Abraham) (1860–1941), в 80–90-е гг. XIX в. в Ватиканском архиве работали профессора Варшавского университета Николай Николаевич Любович (1855–1933) и Теодор Феликс (Федор Францевич) Вержбовский (Werzbowsky) (1853–1923). Последние собирали среди документов Апостольской канцелярии материал по истории польских, украинских и белорусских земель XVI в. и составили описания архива на русском языке[14].

Еще А. И. Тургенев и Н. Н. Любович писали о значении Ватиканских регистров для изучения истории России. В 1900 г. профессор Дерптского университета Евгений Францевич Шмурло (1854–1934), работавший с этим богатым материалом в 1892–1894 гг., указал на необходимость создания в Риме особой исторической комиссии под эгидой Российской академии наук по аналогии с уже созданными историческими институтами европейских стран[15]. Ввиду недостатка средств «Постоянная историческая комиссия», основной целью которой было разыскание в итальянских архивах документов, относящихся к русской истории, была организована в Петербурге, в самом Риме предполагалось пребывание одного только «постоянного научного корреспондента»[16].

---

[13] В фонде В. А. Бильбасова хранится листок с латинскими сокращениями, принятыми в средневековых папских регистрах и довольно неудачная в палеографическом смысле перерисовка образца письма из древнейшего регистра папы Иоанна VIII (872–882), выполненного беневентанским письмом: ОР РНБ. Ф. 102. № 436 (без даты).

[14] *Вержбовский Ф.*: 1) Отчет VII о научных занятиях за границей в течение 1880 г. // Известия Варшавского Университета. 1882. № 5 ; 2) Отчет VIII о научных занятиях за границей в течение 1881 г. // Известия Варшавского Университета. 1883. № 4 ; *Любович Н. Н.* Итальянские архивы и библиотеки : Отчет о заграничной командировке в 1887 г. // Известия Варшавского Университета. 1888. № 8.

[15] *Шмурло Е. Ф.* Об учреждении Русской исторической комиссии в Риме // Труды XI Археологического съезда в Киеве. М., 1900. Т. 2. С. 5; ср.: *Он же.* Отчет о заграничной командировке осенью 1897 года. Юрьев, 1898.

[16] Протокол заседания Историко-филологического отделения Императорской Академии наук 6 марта 1902 г., копия письма Григория Зенгера Его Императорскому Высочеству об учреждении должности ученого корреспондента в Риме 6 января 1903 г., черновики Положения об обязанностях ученого корреспондента в Риме и письма Шмурло 1903–1907 гг. к А. С. Лаппо-Данилевскому в связи с его назначением и пребыванием в Риме хранятся в необработанном фонде Е. Ф. Шмурло в Архиве СПбИИ РАН (Русская секция. Ф. 321).

В этом качестве Е. Ф. Шмурло проработал в Риме с 1903 по 1924 г. Составленный им обзор по фондам Ватиканского архива включает в себя очерк о работе Апостольской канцелярии применительно к истории архива, содержит довольно подробную историю обращения к его богатствам, а равно и краткую историю изучения и публикации папских документов с хорошо составленной библиографией[17]. Помимо этой деятельности, определенной должностными обязанностями ученого корреспондента Академии наук, Е. Ф. Шмурло предпринимал частные разыскания по поручению Н. П. Лихачева в связи с отдельными вопросами папской дипломатики и, вероятно, с присылкой ему факсимильных копий страниц рукописей из итальянских библиотек[18].

Первая мировая война и последовавшие за ней революция и смена политического режима поставили актуальность этого направления исторических исследований под сомнение. Тем не менее ученый корреспондент, трудившийся в Риме, еще какое-то время продолжал свою работу, присылая в Петроград собранные им материалы, несмотря на то, что жалование на его имя уже не поступало. Результаты многолетней работы Е. Ф. Шмурло были частично изданы Академией наук в 1920-е гг. уже в Ленинграде, без упоминания его имени[19]. В дальнейшем о целенаправленном продолжении архивных разысканий в Ватиканском архиве не могло быть и речи. Однако и до революции грандиозные начинания, предпринятые в этом направлении источниковедческих изысканий Археографической комиссией, несмотря на неоднократно подчеркивавшуюся важность данного направления теми исследователями, кто был знаком с этим типом источников, не нашли достойного продолжения.

Весьма характерно то обстоятельство, что первый опыт исследовательской деятельности по разысканию источников по отечественной

---

[17] Россия и Италия : сб. ист. материалов, касающихся сношений России с Италией. СПб., 1907. Т. 1; о его деятельности на этом посту см.: *Яковенко С. Г.* Материалы … С. 181–184; выписки из материалов римских собраний вместе с черновиками отчетов и выписками из протоколов заседания Историко-филологического отделения 1904–1916 гг. хранятся в фонде Е. Ф. Шмурло и в фонде Б. Д. Грекова (Архив СПбИИ РАН. Русская секция. Ф. 321 (необработан) ; Ф. 328. Д. 71); другая часть материалов находится среди личных фондов ГАРФ (Ф. Р-5965); см.: Личные фонды Государственного архива Российской Федерации (1917–2000 гг.) : путеводитель. М., 2001. Т. 5. С. 493–494.

[18] В собрании ЗЕС Архива СПбИИ РАН есть подборка таких факсимильных изображений рукописей из Ватиканской библиотеки; письма Е. Ф. Шмурло Лихачеву из собрания ЗЕС Архива СПбИИ РАН опубликованы: *Климанов Л. Г.* Из истории изучения папской дипломатики в России // ВИД. СПб., 2005. Вып. 29. С. 143–154.

[19] Памятники исторических сношений России с Италией. Л., 1925. Т. 1, вып. 1 ; Россия и Италия. Л., 1927. Т. 4.

истории среди западноевропейских документов в иностранных архивах (археографическая экспедиция В. Ф. фон Унгерн-Штернберга) был осуществлен представителями немецкой источниковедческой школы и не был доведен до публикации. Не будучи расценено должным образом с точки зрения национальных интересов, исследование западноевропейских хранилищ не встретило необходимой поддержки со стороны государства, и папские грамоты не снискали особой популярности среди отечественных историков и источниковедов истории России.

Исторический интерес к документам папской канцелярии как к источнику сведений, в первую очередь по отечественной истории, развивался, что уже было отмечено, параллельно с коллекционированием папских грамот и развитием связанного с собирательством интереса к ним как к подлинным памятникам прошлого и показательным примерам с точки зрения дипломатики и палеографии. Начиная с конца XVIII в. и вплоть до начала XX в. (до момента сотрудничества Н. П. Лихачева и Е. Ф. Шмурло) два этих направления, представляющие собой две ветви зарождающегося отечественного источниковедения западноевропейских актов, практически не пересекались. Отечественные публикаторы папских грамот не обращались к собранным в отечественных хранилищах подлинникам, а собиратели не акцентировали внимание на историческом содержании приобретаемых ими документов, во всяком случае не спешили с их публикацией.

В этом смысле показателен пример публикации Г. Х. Гильдебранда. Достаточно важный документ в церковной истории Прибалтики — послание Григория IX 1230 г. своему легату кардиналу Оттону с просьбой разрешить конфликт вокруг выборов епископа Риги — был издан им дважды: сначала по плохой копии из архива Великого княжества Литовского, известного под названием «Литовская метрика» и хранящегося на тот момент в Петербурге, затем по копии из Ватиканского регистра, в то время как сам оригинал находился в том же Петербурге в собрании Археографической комиссии вместе с тремя другими неизданными папскими грамотами, адресованными капитулу Риги[20]. Любопытно также и то, что Археографическая комиссия, располагая уже в 1838 г. столь ценным комплексом подлинных документов, имеющим непосредственное отношение к истории установления папского влияния на землях будущей Российской империи, не издала его даже в описании, а при подготовке публикации апостольских грамот в *Historica Russiae Monumenta* 1841–1842 гг. ограничилась раздобытыми А. И. Тургеневым копиями

[20] Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Колл. 33. Картон 483. № 1. Л. 13–15, 18 ; *Hildebrand H.* Zehn Urkunden zur älteren livländischen Geschichte aus Petersburg und Stockholm // Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Curlands. Riga, 1880. Bd. 12. S. 370, Nr. 3 ; Livonica … S. 34, Nr. 13.

с Ватиканских регистров. Парадоксальным образом Европа оказалась ближе русским исследователям, чем их коллеги или архивные собрания в том же Петербурге.

Собственно источниковедческий интерес к документам папской канцелярии — как соединение основных тенденций первых двух направлений и в то же время преодоление узости их подходов — в отечественной науке начинается с Н. П. Лихачева. Он первым из отечественных ученых усвоил и стал развивать европейские традиции источниковедения папских грамот, ориентированные не столько на поиск содержащихся в грамотах исторических свидетельств, сколько на исследование специфики этого вида источника, что невозможно без тщательного изучения формуляра и внешних особенностей оформления грамот.

Изданное Н. П. Лихачевым в 1906 г. «Письмо папы Пия V к царю Ивану Грозному в связи с вопросом о папских бреве: Этюд по дипломатике пап» до сих пор является единственной крупной работой по папской дипломатике на русском языке[21]. Исследование это отнюдь не ограничивается публикацией и описанием обозначенного в названии памятника. Труд (скромно именуемый автором «статья», но по объему и структуре приближающийся к книге) подробно освещает историю закрытых посланий, эволюцию этого типа грамот в Апостольской канцелярии, историю и типологию возникшего на их основе нового типа папских грамот (бреве), подробно разбирает вопросы, связанные с папской подписью на разных документах, затрагивая при этом проблемы специфики делопроизводства в папской канцелярии, в частности подробно останавливаясь на суппликах. Работа богато иллюстрирована и снабжена фототипическими воспроизведениями документов из коллекции автора. По ходу изложения автор затрагивает вопросы, связанные с подлинностью и достоверностью тех или иных исторических памятников из европейских хранилищ, которые

[21] Опубликована в составе «Сборника Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук» (т. 81); затем вышла в виде отдельного оттиска. См. рецензии, благодаря которым это исследование стало отчасти известно в Европе: *Salomon R. G.* Eine russische Publikation zur päpstlichen Diplomatik // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde zur Beförderung einer Gesammtausgabe der Quellenschriften deutscher Geschichten des Mittelalters. 1906. Bd. 32. H. 2. S. 459–475 ; *Prou M.* Quatre études de diplomatique pontificale de MM. Schmitz-Kallenberg, Likhatscheff, Goeller et Baumgarten // Le Moyen Âge. Revue d'histoire et de philologie. 2e série. 1909. T. 13 (T. 22 de la collection). P. 131–139, особенно P. 133–135. Второй работой Лихачева по этой теме является подготовленное тогда же издание бреве Павла V к Борису Годунову по черновику из коллекции автора с фототипическим воспроизведением первой и последних страниц: *Лихачев Н. П.* К истории дипломатических сношений с папским престолом при царе Борисе Годунове // Известия русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1906. Т. 11, кн. 1. С. 316–336.

он привлекает в качестве примера. Причем нередко Н. П. Лихачев предлагает свои оригинальные решения для прояснения спорных моментов в историографии. Одной из таких находок Н. П. Лихачева является отождествление инициалов в собственноручных папских визах на суппликах с родовыми именами понтификов — обстоятельство, еще несколько десятилетий остававшееся невыясненным для европейских ученых[22].

Книга имеет посвящение «Императорской Академии наук в память учреждения поста ученого корреспондента в Риме», что служит одновременно указанием на значимость этого события и выражением надежды на дальнейшее развитие исторических разысканий в этом направлении. При подготовке этого труда немалое значение имела переписка с находившимся в Риме Е. Ф. Шмурло, который выяснял для Лихачева наличие тех или иных документов в Ватиканском архиве, составлял их описания, заказывал копии и консультировался с итальянскими коллегами по вопросам папской дипломатики[23].

Вторым трудом Н. П. Лихачева, посвященным папским грамотам, является, безусловно, его коллекция. По тому, насколько полно в ней представлены все основные типы папских грамот, начиная с середины XI в., и какие редкие образцы она содержит, можно судить о том, что собирание документов Апостольской канцелярии происходило в соответствии с определенным планом и за ним стояли широкие познания о деятельности этого института и о характере выпускаемых им актов. Доказательством тому служит большая подборка собранной Н. П. Лихачевым специальной литературы по папской дипломатике, начиная с самого раннего, не охваченного коллекций документов периода. Ныне эта подборка находится в составе Библиотеки СПбИИ РАН (отделения БАН) и включает в себя практически все публикации по данной теме, вышедшие до 1914 г. В своих курсах по дипломатике и сфрагистике, читавшихся в Археологическом институте с 1894 по 1923 г., Н. П. Лихачев, естественным образом, уделял внимание папской канцелярии и ее продукции[24].

Еще одной ключевой фигурой в формировании этого так и не состоявшегося в полной мере направления в отечественном источниковедении стала специалист по латинской палеографии Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская (1874–1939). В конце второго десятилетия XX в. ученица

---

[22] Ср., например: *Van Moé É.-A.* Suppliques originales adressées à Jean XXII, Clément VI et Innocent VI // Bibliothèque de l'École des Chartes. 1931. T. 92. P. 253–276.

[23] См. об этом: *Климанов Л. Г.* Из истории изучения папской дипломатики в России. С. 143–147; сохранилось несколько писем Е. Ф. Шмурло 1904–1905 и 1910 гг., см. публикацию: Там же. С. 148–153.

[24] *Лихачев Н. П.* Дипломатика : Из лекций, читанных в Санкт-Петербургском Археологическом институте. СПб., 1901. [Репринт. М., 2001]; существуют также издания, выполненные по конспектам 1897, 1906 и 1907 гг.

крупного медиевиста Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) преподавала папскую дипломатику на Высших женских (Бестужевских) курсах. Особой ценностью этого специального курса было то, что помимо лекций, знакомивших слушательниц с самыми современными на тот момент тенденциями в изучении папских грамот, большая доля внимания была уделена самостоятельным практическим занятиям. Кроме выполнения транскрипций по палеографическим таблицам Ф. Штеффенса, по которым до сих пор занимаются в немецких университетах, «бестужевки» в обязательном порядке работали с рукописями из собрания Публичной библиотеки — с «Церковной историей народа англов» Беды Достопочтенного VII в., содержащей подборку посланий Григория I (590–604), а также с оригиналами папских грамот XII–XIII вв.[25]

Вероятно, вопросы, связанные со сложением формуляра древнейших папских грамот, затрагивал в своих лекциях по истории папства и другой ученик И. М. Гревса Петр Борисович (Бернгардович) Шаскольский (1882–1916), бывший приват-доцентом при Петербургском, затем Петроградском университете: в его фонде хранится разбор двух редакций важнейшего источника по ранней папской дипломатике — *Liber Diurnus*[26].

Таким образом, в Петербурге накануне революции сложились достаточные предпосылки для возникновения собственной отечественной школы изучения папских грамот. В стране существовала полувековая традиция публикации и привлечения этого типа памятников в качестве исторического источника (несмотря на спорадический характер этих ученых занятий и их несогласованность). Определенное значение имело установление прочных научных связей с Ватиканским архивом и, что немаловажно, наличие нескольких его обзоров на русском языке. Наконец, достаточно богатое собрание подлинников было доступно к изучению на родной земле, при возможности сопоставления с другими образцами подлинных средневековых актов в тех же коллекциях. К этому следует добавить и такой немаловажный фактор, как наличие самой современной литературы по вопросам изучения папских грамот в столичных библиотеках и, конечно же, включение курсов средневековой дипломатики в учебные программы высших учебных заведений.

Возможным толчком для начала работы в этом направлении могло бы послужить инициированное Н. П. Лихачевым издание актов Кремоны из

---

[25] Подготовительные записи к этому курсу О. А. Добиаш-Рождественской «Litterae pontificum» (датирован «до 1918 г.») хранятся в ее фонде в ОР РНБ (Ф. 254. № 196); рабочая тетрадь Е. Ч. Скржинской с записями этих занятий находится в ее фонде, еще не прошедшем полную архивную обработку; о работе в Публичной библиотеке см.: Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Ф. 14. Оп. 1. № (152). Л. 1–13.

[26] ОР РНБ. Ф. 845. № 7.

его коллекции, которое готовили молодые медиевисты из кружка И. М. Гревса и О. А. Добиаш-Рождественской: Александра Дмитриевна Люблинская (тогда еще Стефанович) (1902–1980), Владимир Сергеевич Люблинский (1903–1968), Сергей Александрович Ушаков (1904–1938), Всеволод Владимирович Бахтин (1901–1951) и другие (иногда транскрибированием занимались группой до 35 человек)[27]. Среди подготовленных ими актов были, очевидно, и папские буллы. По крайней мере, три апостольские грамоты вошли в первый том «Актов Кремоны», подготовленный после разгона семинара и смерти самого Лихачева в 1937 г. Сергеем Александровичем Аннинским (1891–1942). Из 165 представленных в томе документов около 60 транскрипций было сделано участниками семинара, но издателю пришлось их заново сверить[28]. Есть основания полагать, что сам С. А. Аннинский готовил или только надеялся подготовить издание древнейших папских грамот из архива ЛОИИ. В папках со многими документами XII–XIII вв. коллекции 41 из собрания ЗЕС лежат выполненные его рукой транскрипции грамот.

Единственным выражением этого так и не успевшего сложиться направления отечественного источниковедения, о котором мы можем сказать что-то определенное, явилась неоконченная работа Е. Ч. Скржинской (1894–1981), подготовительные материалы к которой отложились в ее фонде[29].

Знакомство Е. Ч. Скржинской с документами Апостольской канцелярии началось с больших привилегий Каликста II (1121 и 1123 гг.) и Иннокентия II (обе — 1133 г.) из собрания Публичной библиотеки — четырех грамот, происходящих из архива коммуны Генуи и имеющих первостепенное значение для всего северо-западного побережья Италии и Корсики. Первые записи о ее работе с этими документами датируются маем 1917 г. В то время как страна была охвачена великими потрясениями, молодая исследовательница едва ли не каждый день проводила в Рукописном

---

[27] Акты Кремоны X–XIII веков в собрании Академии наук СССР / подг. к изд. С. А. Аннинского ; под ред. О. А. Добиаш-Рождественской. М. ; Л., 1937. С. 26; одним из свидетельств этой работы являются аннотации, сохранившиеся на обложках некоторых кремонских актов; см., например, рукописную аннотацию, выполненную в 1921 г. и подписанную А. Д. Стефанович, на обложке описи ризницы Кремонского собора, составленной по приказу епископа Одельрика в 985 г. и являющейся самым древним из дошедших до нашего времени библиотечным каталогом Италии (Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Ф. 4. Картон 120. № 2).

[28] Копия большой привилегии Иннокентия II, послание Иннокентия III и копия послания Гонория III (Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Ф. 4. Картон 121. № 4 ; Картон 124. № 16а ; Картон 125. № 23 ; Акты Кремоны X–XIII веков. С. 102–104, № 21 ; С. 246, № 115 ; С. 294–295, № 148).

[29] Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Ф. 14. № (95а), (152), (154); фонд не обработан окончательно, поэтому номера даются по предварительной описи.

отделе Публичной библиотеки. Только что прослушав курс палеографии и дипломатики папских грамот у О. А. Добиаш-Рождественской и уже приобретя навык работы с этим типом источников по палеографическим таблицам Ф. Штеффенса, она выполняла транскрипции с оригиналов XII в.[30]

Неудивительно, что спустя несколько лет именно ей, своей любимой ученице, горячо влюбленной в Италию, О. А. Добиаш-Рождественская доверила работу над генуэзскими документами, которые хранились в Публичной библиотеке. В 1925 г. Елена Чеславовна запланировала со своей наставницей большое исследование, тема которого первоначально звучала как «Папские буллы XII–XV вв., адресованные в Геную». Ольга Антоновна исправила его на «Генуэзскую политику в документах римской курии»[31].

Единственным законченным исследованием по этой теме явилась работа о послании Урбана IV 1262 г. из коллекции Н. П. Лихачева[32]. Е. Ч. Скржинской было сделано сообщение об этой грамоте: 15 мая 1925 г. — на заседании в ГАИМК в Мраморном дворце, 28 мая — на семинаре на квартире у И. М. Гревса. Затем была написана статья на французском языке, которую предполагалось издать в «Archivio storico Italiano», но ее в журнал не приняли. Затем по совету своей наставницы Е. Ч. Скржинская написала таким известным исследователям папской дипломатики, как Пауль Фридолин Кер и Людвиг Шмитц-Калленберг. Ответ последнего неизвестен, первый же обеспечил свое посредничество с редакцией сначала «Neues Archiv», а затем с периодическим изданием Прусского института в Риме «Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken». Переписка Е. Ч. Скржинской по этому вопросу опубликована[33]. Единственное дополнение, которое следует сделать по этому поводу, то, что переведенная в издательстве Прусского института с французского на немецкий язык статья, которая должна была выйти под названием «Eine neue Urkunde über die Beziehungen Urbans IV zu Genua», так и не была опубликована, хотя и значится в списке трудов Е. Ч. Скржинской[34]. Рукопись Елены Чеславовны не успела к верстке 22-го выпуска (1931), и в тот же год скончался редактор журнала Герхард Лэр (Laehr), с которым она вела переписку.

Однако, несмотря на неудачу, Елена Чеславовна продолжала обращаться к этой теме и в 1930-е, и в начале 1960-х гг. Она пишет транскрипции,

---

[30] Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Ф. 14. Оп. 1. № (152). Л. 14, 19–37.

[31] См. начало тетради «Папы — Генуя. III» 1925–1927 гг. (Там же. № (154). Л. 97).

[32] Совр. шифр: Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Колл. 41. Картон 502. № 25; см. Там же. Ф. 14. Оп. 1. № (95а).

[33] См.: *Васильев А. Н.*, *Климанов Л. Г.* Е. Ч. Скржинская: жизнь и труды (по материалам личного фонда) // Мир русской византинистики. СПб., 2004. С. 483–485.

[34] Ср.: Там же. С. 464–465, 483, 485, 519.

составляет аннотации грамот, уточняет датировки, готовит археографическое описание каждого памятника, начинает составлять картотеку этого фонда, кое-где делает выписки из генуэзских анналов — и постоянно обращается к своим прежним записям. Тетради, заведенные ею в середине 1920-х гг., имеют более поздние вкладки и содержат несколько слоев разновременных пометок, дополнений и исправлений. И хотя эта работа, несмотря на большой объем предварительных записей, была едва начата и сохранилась преимущественно в виде разрозненных фрагментов, даже на таком материале можно отметить некоторые специфические черты изучения папских грамот в советскую эпоху.

Прежде всего отметим саму сложность положения, в котором оказалась Е. Ч. Скржинская, обратившись в середине 20-х гг. к изучению документов Апостольской канцелярии. В отличие от своей наставницы, она была лишена как возможности работать в европейских архивах и библиотеках, так и консультаций западных специалистов. В этих условиях особую роль для исследовательницы приобретал личный опыт ее наставников, получивших в свое время, пусть и отдаленное, возможность работы с западным материалом. В первую очередь следует назвать О. А. Добиаш-Рождественскую и уже во вторую — Н. П. Лихачева (по крайней мере, именно такая очередность прослеживается по материалам фонда Скржинской).

Кроме самостоятельной работы с источниками, Елена Чеславовна пользовалась карточками, составленными ее наставницей[35], во многом следуя за ней или же, наоборот, отталкиваясь от ее мнения в том, что касалось внешней и внутренней критики документальных памятников. В «картах», составленных Добиаш-Рождественской и воспроизводимых ее ученицей, обращает на себя внимание терминология, используемая для описания внешних характеристик папских грамот. Документы Иннокентия IV (1243–1254) и Александра IV (1254–1261) — вне зависимости от того, идет ли речь об оригиналах или об «апографах» и «трансумптах», — получили следующие определения своего письма: «ecr. dipl. du XIII s.», «ecr. dipl. d'un breve du XIII s.», «minuscule diplom.», «minusc. dipl. du XIII s.», «minusc. libraire du XIII s.», «minusc. cursive du XIII s.», «cursive du XIII s.», «cursive ronde XIII s.», «cursive dipl. du breve XIII s.», «ecr. cursive du XIII s.» («дипломатическое письмо бреве», «дипломатический минускул», «книжный минускул», «курсивный минускул», «курсив», «дипломатический курсив», «круглый курсив», «дипломатический курсив бреве», «курсивное письмо»). Нечеткость и невнятность данной терминологии свидетельствует о том, что карточки эти, составленные О. А. Добиаш-Рождественской,

[35] См.: «Буллы по картам О. А. Д.-Р.» — листки с датой 18.VI.1933, вложенные в тетрадь «Папы — Генуя. III» 1925–1927 гг. (Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Ф. 14. Оп. 1. № (154). Л. 2–12).

не являлись ни архивной описью, ни научным описанием документов и были выполнены, скорее всего, для общей ориентации, в виде черновых набросков.

Эта картотека свидетельствует еще и о том, что, хотя письмо грамот и составляло не последний интерес для составительницы (собственно, эти пометы служат единственными дополнительными сведениями, сообщаемыми о документах, кроме шифра, имени папы, даты и адресата), оно не являлось основанием для определения подлинности документа. В тех случаях, когда в самой грамоте отсутствует нотариальная запись об изготовлении копии с аутентичного папского документа, появляются пометы, стоящие в скобках: «autographus», «autograph.?», «autenticum ineditum?».

О. А. Добиаш-Рождественская имела большой опыт работы с документами папской канцелярии, когда, уже будучи преподавателем Высших женских курсов, была отправлена на стажировку в Париж, где в Национальной школе хартий под руководством Шарля Ланглуа (1863–1929) составляла подборку по истории взаимоотношений Апостольского престола с французским духовенством на основе только что опубликованных Французской школой в Риме папских регистров XIII в. Сама Ольга Антоновна сообщает, что ею было транскрибировано около 200 грамот и фрагментов рукописных кодексов из хранилищ Национальной библиотеки и Национального архива Франции[36]. Однако ввиду того, что письмо папской канцелярии со второй половины XII в. приобретает унифицированный характер и не вызывает трудностей с прочтением, апостольские грамоты этого периода едва ли составляли значительную долю материала палеографического практикума. Курс о папских грамотах исследовательница готовила уже в Петербурге, исходя из тех материалов, которые были в ее распоряжении в Публичной библиотеке. Вероятно, именно этим обстоятельством объясняется то, что при характеристике папских грамот из генуэзского фонда Добиаш-Рождественская опирается не на их палеографический анализ, а на традицию этих документов и на анализ формуляра — т. е. на знания, полученные из историографии. Выписки из ее карт ясно говорят о том, что в случае с оригиналами папских посланий XII–XIII вв., на которых, в отличие от хранящихся в том же фонде «видимусов» папских грамот, нет нотариальных заверок и в которых, в отличие от больших привилегий, отсутствуют выполненные разными почерками кардинальские подписи, Ольга Антоновна не берется определять подлинность документа на основании его внешнего вида.

Примером такой осмотрительности может служить казус грамоты Климента IV 1266 г. из коллекции Дубровского в том же хранилище.

---

[36] См.: Отчет о командировке в Париж 1908–1909. 24 августа 1909 г. (ОР РНБ. Ф. 254. № 18. Л. 7–8, 11).

Подлинник лишился в свое время печати на шелковом шнуре (о том, что это была печать именно на шелке, свидетельствует графическое оформление документа). Она была отрезана вместе с куском нижней загнутой полоски пергамена — плики (неизвестно с какой целью, но для французских документов утрата печати — не редкость). Потом, вероятно, кем-нибудь из завладевших грамотой антикваров документ был дополнен свинцовой печатью Климента VII на пеньковой веревочке. И способ привески, и ее материал, и утрата в нижней части грамоты не хуже самой печати свидетельствуют о том, что она чужеродна документу. Все это не могло не бросаться в глаза, но несуразно привешенная чужая печать вызвала у О. А. Добиаш-Рождественской подозрения в подлинности самой грамоты, тем более что последняя не значилась в перечне А. Поттхаста[37].

Определяющую роль в такой оценке сыграло отсутствие сравнительного материала. Так, в Публичной библиотеке не имеется других грамот Климента IV (три других оригинала его документов находятся в коллекции Н. П. Лихачева)[38]. Как показывает пример О. А. Добиаш-Рождественской и Е. Ч. Скржинской, отдельные вопросы, связанные с внешней критикой источника, в силу фрагментарности собраний невозможно решить исключительно на петербургском материале, даже имея в своем распоряжении всю научную литературу по папским грамотам на начало XX в. и великолепные палеографические таблицы М. Тангла и Ф. Штеффенса[39].

В 1933 г., работая с карточками, составленными своим учителем, Е. Ч. Скржинская оказывается в еще более трудной ситуации. Она сверяет шифры, исправляет даты издания документов по римскому календарю, заново задается вопросом о подлинности того или иного акта. «Est une [sic] autographe ou bréve un faux?» («Не является ли этот автограф или бреве

---

[37] ОР РНБ. Ф. 971. Авт. 59. Л. 7 — см. помету в описи; *Potthast A.* Regesta pontificum Romanorum inde ab anno post Christum natum MCXCVIII usque ad annum MCCCIV. T. 1–2. Berolini, 1874–1875.

[38] Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Колл. 41. Картон 503. № 4, 5 ; Колл. 4. Картон 141. № 7.

[39] Составленные с учебной целью таблицы Ф. Штеффенса, включающие в себя почти полторы сотни образцов письма, содержат 14 папских грамот (апостольских посланий, привилегий и бреве IX–XVII вв.) и еще четыре документа, связанных с деятельностью папской канцелярии — образцы регистров и суплик; в кратком издании 1903 г. (70 таблиц вместо 120) — соответственно 13 и 2. Век XIII представлен, однако, лишь посланиями Иннокентия III 1208 г., Иннокентия IV 1254 г., Бонифация VIII 1299 г. и большой привилегией Григория IX 1234 г., XII век — большими привилегиями Пасхалия II 1102 г., Гонория II 1127 г. и двумя посланиями Иннокентия II 1138 г. и Евгения III 1145 г. (*Steffens F.* Lateinische Paläographie. 2 Aufl. Berlin, 1929. Taf. 76, 80, 81, 88, 91, 94). В таблицах М. Тангла период XII–XIII вв. представлен лишь двумя малыми буллами Иннокентия IV 1253 г. и большой привилегией Урбана IV 1263 г. (*Tangl M.* Schrifttafeln zur Erlernung der Paläographie. Berlin, 1904–1906. Bd. 3. Taf. 89–91).

подделкой?») стоит карандашом под одной из записей. Карандашные пометки со знаком вопроса в скобках «autographus (?)» множатся. Наконец, неизвестные ранее оригиналы грамот Александра III (1159–1181) объявляются подделками (совр. шифр: ОР РНБ. Ф. 992 (Собрание иностранных грамот). № 9–14)[40].

Для этих шести посланий из собрания РНБ, утративших вислые печати с именем и номером понтифика, приведенное выше обстоятельство — отсутствие наглядного сравнительного материала — оказалось особенно критичным[41]. Действительно могущий вызвать некоторые сомнения относительно написания отдельных букв документ № 13, адресованный архиепископу и консулам Генуи и сообщающий о конфликте генуэзцев с римскими негоциантами, охарактеризован О. А. Добиаш-Рождественской следующим образом: «Подлог или сомнителен. Письмо [рубежа?] XII–XIII в. Текст, который беспрестанно нарушает правила составления акта — подложен, если это не чрезвычайно небрежная копия»[42].

Однако и другие грамоты Александра III, бесспорные подлинники, были подвергнуты сомнению. Так, документ № 9 охарактеризован как «подложное послание. Дипломатическое письмо бреве XII в. Дипломатические формулы вызывают подозрение»[43]. Документ № 11 также идет с пометой: «Подлог?»[44] Про грамоту № 10 сказано: «У Яффе нет этого бреве. Быть может, это подлог?»[45] Грамота № 14 определена как ранняя копия со следующей пометой: «Бреве (апограф). Не издано? Яффе не упоминает этого бреве»[46]. Последнему документу этой группы, наиболее важному в историческом смысле, грамоте № 12, касающейся приезда папских легатов в Павию на собор, созванный императором Фридрихом Барбароссой, посвящена отдельная заметка: «Бреве (апограф?

---

[40] В записях Е. Ч. Скржинской идут под старыми шифрами: Авт. 203. № 46, 47, 50, 49, 45, 48; см.: *Чиркова А. В.* Послания папы Александра III (1159–1181) из архива Генуэзской республики в собрании РНБ // ВИД. СПб., 2010. Т. 31. С. 131–158.

[41] См.: «Буллы по картам О. А. Д.-Р.» — листки с датой 18.VI.1933, вложенные в тетрадь «Папы — Генуя. III» 1925–1927 гг. (Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Ф. 14. Оп. 1. № (154). Л. 8 об.–9 об.); см. также отдельные листки с аннотациями грамот, приложенные транскрипциям документов, выполненным в 1925 г. и пометы к ним в тетради «Папы — Генуя. III» (Там же. Л. 101 об.–119) и запись Е. Ч. Скржинской 1939 г. на листке, вложенном в тетрадь «Папы — Генуя. I» 1925 г. (Там же. Л. 179–182).

[42] «Spurium vel dubium. Ecr. du XII/XIII s. Texte qui viole sans cesse des règles diplomatiques est un faux si ce n'est pas une copie excessivement négligeante» (Там же. Л. 8 об.–9 об.).

[43] «Breve spurium. Ecr. diplomatiqie de breve du XII s. Formules diplomatique suspectes» (Там же).

[44] «Spurium?» (Там же).

[45] «Jaffé ignore ce breve. Est-ce peut-être un faux?» (Там же).

[46] «Breve (apographus) Inédit? Jaffé ne mentionne pas ce bréve» (Там же).

подлог?). Этот весьма значительный документ не упомянут у Яффе. В соответствии с дорсальной надписью, отсутствует в *Libri Jurium* — в таком случае, не окажется ли он подложным? <…> Следует отметить вот что: 12 декабря Александр III издал множество посланий (см.: *Migne*, Patrologia Latina, T. CC, col. 80 sqq.), касающихся схизматика Октавиана, где он объявляет о направлении во Францию — не в Павию — тех же трех кардиналов, упомянутых в данном бреве. Ср. Potthast, 10600 (Поттхаст указан ошибочно, имеется в виду второе издание Яффе. — *А. Ч.*). Это заставляет сделать предположение, что наше бреве является подложным документом, сфабрикованным на основе двух этих посланий для того, чтобы добиваться привилегий городам Италии»[47].

Определение апостольских грамот XII в. подделками или (под вопросом) сомнительными копиями было вызвано двумя обстоятельствами: подозрительными формулами и отсутствием документов в составе картулярия Генуэзской республики *Libri Jurium* и в «Регестах» Филиппа Яффе, переработанное издание которых (в отношении нашего периода эта заслуга принадлежит Сэмюэлю Лёвенфельду) по сегодняшний день служит главным пособием для атрибуции папских грамот до 1198 г.[48]

Главная причина такого гиперкритицизма, на наш взгляд, состоит в том, что как О. А. Добиаш-Рождественская, так и Е. Ч. Скржинская смотрели на эти послания Александра III сквозь призму папских посланий XIII в. Первая великолепно знала формуляр канцелярии Григория IX (1227–1241), над регистрами которого по изданию Французской школы в Риме она работала в Париже; вторая пользовалась подробным очерком по дипломатике и палеографии грамот Иннокентия IV (1243–1254), написанным издателем его регистров Эли Берже (1850–1925), под чьим руководством Ольга Антоновна в Париже проходила палеографическую практику[49]. Достаточного сравнительного материала для оценки апостольских

---

[47] «Breve (apographus? spurium?) Ce breve si important n'est pas mentionné chez Jaffé. D'après une notice dorsale — non est in libris jurium — serait-ce alors un faux? <...> Il faut pourtant noter ceci: le 12 déc. 1159 Alex. III a publié nombre d'épitres (v. M. P. L. CC, 80 sqq) concernant le schismatique Octavien où il dèclare d'avoir envoyé en France (mais non à Pavie) les mêmes 3 cardinaux nommés dans le présent breve. Cf. Potthast 10600. Ce fait confermer l'hypothèse que notre breve soit un faux fabriqué d'après 2 ces épitres, pour insister aux libertés des villes d'Italie» (Там же. Л. 8 об.–9 об.).

[48] *Jaffé Ph.* Regesta Pontificum Romanorum a condita ecclesia annum post Christum natum MCXCVIII. 2 Aufl. : 2 Bde. / bearb. von F. Kaltenbrunner, P. Ewald, S. Loewenfeld. Leipzig, 1885–1888.

[49] *Berger E.* Les Régistres d'Innocent IV. Paris, 1884. T. 1. P. V–LXXIX; «Отчет о командировке в Париж 1908–1909 гг.» О. А. Добиаш-Рождественской (ОР РНБ. Ф. 254. № 18. Л. 7–8); выписки Е. Ч. Скржинской (Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Ф. 14. Оп. 1. № (154). Л. 249–257).

посланий Александра III в самом Ленинграде исследовательницы не нашли: из всего комплекса генуэзских грамот РНБ малые буллы XII в. типа *mandamenta* ограничиваются именно этими шестью посланиями, в то время как папских посланий середины и второй половины XIII в. Насчи–тывается несколько десятков. В палеографических же таблицах Ф. Штеффенса, на примере которых студентки О. А. Добиаш-Рождественской изучали папскую дипломатику, грамоты Александра III, да и вообще малые буллы конца XII в., оказались обойдены вниманием составителя; никаких других изображений папских грамот этого периода в распоряжении ленинградских источниковедов не было.

О том, что обе исследовательницы ориентировались в своих суждениях об этих посланиях на аналогичные документы XIII в., свидетельствуют их замечания об отсутствии в дате указания на год понтификата и их неудачные попытки отыскать в грамотах регулярный курсус и канцелярские пометы. Между тем еще из прочитанного Добиаш-Рождественской курса Е. Ч. Скржинская знала, что год понтификата начинают указывать в посланиях только с февраля 1188 г., а курсус (ритм в окончаниях пассажей), который периодически отмечают в документах XII в., становится характерной чертой стиля папской канцелярии только в XIII в. Канцелярские пометы начинают появляться лишь в первое десятилетие XIII в. Хотя специальное их исследование в первой половине XX в. только начинается в Западной Европе, работа П. М. Баумгартена была Скржинской известна[50].

О трудностях, с которыми столкнулась в своей работе Е. Ч. Скржинская, свидетельствует и то обстоятельство, что первоначально эти шесть посланий Александра III (1159–1181) были атрибутированы ею как грамоты Александра IV (1254–1261), и только спустя какое-то время в результате анализа исторического содержания она поняла свою ошибку. Тем не менее, несмотря на описанные выше сложности, с которыми сталкивается любой отечественный исследователь папских документов, нельзя не указать на те возможные пути, которыми в своем анализе О. А. Добиаш-Рождественская и Е. Ч. Скржинская не воспользовались.

В распоряжении советского читателя в 1920–1930 гг. имелись первые пять томов и первая часть шестого тома «Понтификальной Италии», выпущенных П. Ф. Кером (второй части шестого тома, посвященного Генуе, в нашей стране не оказалось), а также выпущенный в серии трудов Геттингенской академии наук Яном Рамакерсом обзор нидерландских, бельгийских и некоторых северофранцузских архивов — «Папские до-

[50] Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Ф. 14. Оп. 1. № (154). Л. 183.

кументы во Фландрии»[51]. При беглом знакомстве с этими трудами становится понятным, что доля документов папской канцелярии XI–XII вв., не значащихся в «Регестах» Яффе, в разных архивохранилищах может быть довольно большой (иногда до трети всех отмеченных списков). Отсутствие документа во втором издании Яффе — Лёвенфельда может свидетельствовать лишь о его отсутствии в печатных работах, но никоим образом не указывает на отсутствие рукописной традиции и тем более не может служить критерием подлинности документа. Не следует забывать и о следующем обстоятельстве: нередко то, что спустя сотни лет стало для нас исторически значимым, для архивистов и составителей копий прежних столетий было не более чем преходящими событиями постоянно менявшейся политической обстановки. И потому чудом сохранившийся подлинник может являться единственным сохранившимся экземпляром текста апостольского послания.

Кроме того, если говорить о сравнительном материале, в Институте документа, книги и письма, в коллекции западноевропейских грамот, собранной Н. П. Лихачевым, находилось несколько бесспорных оригиналов папских грамот XII в., в том числе четыре так называемые малые буллы Александра III и Луция III. При сравнении с ними подлинность документов № 9–12, 14 из фонда 992, хранящихся в РНБ, становится очевидна, тогда как подлинность грамоты № 13 из того же фонда, напротив, может вызвать сомнения.

Определенно, пренебрежение этими возможностями идентификации грамот Александра III из собрания РНБ объяснялось тем, что Е. Ч. Скржинскую эти документы в первую очередь интересовали как исторические источники по истории генуэзской коммуны, а не как грамоты, составленные в папской канцелярии. Вполне вероятно, что, продолжи Елена Чеславовна свое исследование, она наверняка заметила бы допущенную ею ошибку. Следует отметить еще одну особенность обращения к изучению папских документов в послереволюционный период — приоритет внутренней критики источника над внешней. Документ оказывается в первую очередь источником сведений о событиях политической, социальной, культурной или экономической истории и лишь затем — памятником деятельности того или иного института, которому он обязан своим появлением[52]. Вполне возможно, что таков был единственный путь изучения

---

[51] Italia Pontificia / hrsg. von P. F. Kehr. Berlin, 1905–1913. T. I–VI/1 ; *Ramackers J.* Papsturkunden in den Niederlanden: Belgien, Luxemburg, Holland und Französisch-Flandern : 2 Bde. Berlin, 1933.

[52] См. формулировку самой Е. Ч. Скржинской в тексте доклада, сделанного в ГАИМКе: «Итак, я разберу письмо Урбана IV как исторический документ (подчеркнуто Е. Ч. Скржинской. — *А. Ч.*) и обращусь к палеографии и дипломатике только как к вспомогательным дисциплинам, без которых нельзя обойтись, раз

папских грамот в советской историографии — показать их значение как исторического источника именно по социальной истории.

В случае с Е. Ч. Скржинской эта специфичность выражалась в стремлении осуществлять внешнюю критику документальных памятников, что называется, *ad hoc* — вне связи с историей документа и функционированием канцелярии. Младшие коллеги Е. Ч. Скржинской вспоминают, что в связи с тем или иным историческим вопросом исследовательница нередко говорила, что незнание всей совокупности современной литературы она с лихвой компенсирует тем, что в деталях знает все источники. Когда речь идет о сюжетах, применительно к которым вся специальная литература посвящена различным интерпретациям опубликованных нарративных памятников, досконального знания исторического текста может быть достаточно, но в отношении источниковедения актового материала ограничиться анализом одного лишь текста исследуемого документа не удается.

Для сравнения, Н. П. Лихачев в своих суждениях о папских грамотах, в отличие от Е. Ч. Скржинской, часто руководствовался образом работы канцелярии, который он составил себе еще на русском материале. И в данном случае этот подход, как ни парадоксально, оказался более плодотворным. В частности, это проявилось в обмене мнениями Скржинской и Лихачева по поводу одной пометы на супплике 1384 г., отголосок которого нашел отражение в фонде Е. Ч. Скржинской в виде одной маленькой записки[53]. Речь шла о сокращении в виде большой буквы *R* с перечеркнутым нижним элементом, которое Лихачев верно трактовал как сделанное нотарию указание «recipe», а Скржинская, перенеся на канцелярские пометы свой опыт чтения архивных помет на генуэзских грамотах, ошибочно толковала как знак занесения текста в регистр — «registratum».

В этой связи нелишне также вспомнить полемику, возникшую в 1925 г. на квартире у И. М. Гревса после сообщения Е. Ч. Скржинской о грамоте Урбана IV 1262 г. Тогда В. В. Бахтиным и Г. П. Федотовым было высказано остроумное, как отметила сама Скржинская, мнение о том, что документ был кассирован и не был отправлен из курии в Геную: на это якобы указывают многочисленные исправления и отсутствие плики — загнутой полоски пергамена для привешивания печати. Из пометок Е. Ч. Скржинской ясно, что она имела беседу с Н. П. Лихачевым, который на этой встрече не присутствовал, но высказал свое мнение относительно сделанных замечаний. В результате Елена Чеславовна согласилась с его доводами, хотя

держишь самый документ в руках» (Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Ф. 14. Оп. 1. № (95а). Л. 6).

[53]Совр. шифр: Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Колл. 41. Картон 542. № 1; см.: Там же. Ф. 14. Оп. 1. № (154). Л. 259.

и с осторожностью[54]. Ее неуверенность заметна еще во французском тексте ее работы — она не решается окончательно утверждать, что грамота Урбана IV представляет собой образец закрытого послания (*litterae clausae*), которым не полагалось плики[55]. Однако при переводе ее статьи на немецкий в Прусском институте эти ее сомнения были из текста убраны, формулировкам же была придана бо́льшая четкость. Немецкий редактор, не видевший самого документа, руководствуясь лишь своим опытом работы с папскими грамотами и действуя на основе составленного Скржинской описания, сам того не зная, подтвердил правоту Н. П. Лихачева[56].

Эти два сюжета, сохранившиеся исключительно в пометах самой Е. Ч. Скржинской, одновременно с противоречивым опытом источниковедческого анализа папских грамот, предпринятым ею вместе с О. А. Добиаш-Рождественской, показывают явный дисконтинуитет отечественной традиции дипломатики западноевропейского акта, возникший еще при жизни Н. П. Лихачева. Дальнейшее развитие этого направления исторической науки впоследствии стало невозможным из-за политической конъюнктуры.

Подготовку молодых исследователей западноевропейских рукописей продолжила другая ученица О. А. Добиаш-Рождественской — А. Д. Люблинская. Среди ее материалов сохранился конспект лекций по средневековой дипломатике, читавшихся ею в Ленинградском государственном университете в 1950-х гг. На шести листках, озаглавленных «Дипломатика папских булл», содержатся общие сведения по периодизации деятельности Апостольской канцелярии и типам выпускавшихся ею грамот с перечислением характерных черт внешнего облика и особенностей формуляра[57]. Краткий очерк исторического значения папских грамот содержится в подготовленном А. Д. Люблинской пособии по источниковедению[58]. Однако эти сведения, приведенные с опорой на классические европейские пособия по дипломатике, носят самый общий, скорее даже тезисный характер. На палеографическое значение папских грамот, отмеченное в свое время О. А. Добиаш-Рождественской, было вновь указано ученицей А. Д. Люблинской — Л. И. Киселевой[59].

---

[54] Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Ф. 14. № 95а. Л. 14–15 об.

[55] Там же. Л. 53.

[56] Там же. Л. 64–65.

[57] Фонд А. Д. Люблинской не описан (Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Ф. 13), указанные материалы были любезно предоставлены в ЗЕС Л. И. Киселевой в 2011 г.

[58] *Люблинская А. Д.* Источниковедение истории Средних веков. Л., 1955. С. 303–304.

[59] *Добиаш-Рождественская О. А.* История письма в Средние века. 3-е изд. М., 1987. С. 32 ; *Киселева Л. И.* Письмо и книга в Западной Европе в Средние века. СПб., 2003. С. 167–168.

Единственным примером продолжения исследования папских грамот в петербургских хранилищах явилась работа ученика Е. Ч. Скржинской и А. Д. Люблинской — В. И. Мажуги, который посвятил в своей диссертации несколько страниц анализу письма папской канцелярии 1150–1180-х гг. и середины XIII в.[60] Диссертация полностью так и не была опубликована, а исследование письма папской канцелярии, выполненное на материалах коллекции Н. П. Лихачева в Архиве СПбИИ РАН и генуэзского комплекса в ОР РНБ, не вошло даже в статьи. Примерно в то же время В. И. Мажугой была начата работа по изучению индивидуальной манеры письма кардинальских подписей в больших привилегиях; в виде перерисовок наиболее броских признаков им был собран материал по всем имеющимся в собраниях СПбИИ РАН и ОР РНБ оригиналам больших привилегий.

Несмотря на то, что за всю историю XX в., исключая труд Н. П. Лихачева, в отечественной науке не появилось ни одной законченной работы, посвященной папской дипломатике или палеографии папских грамот, нельзя недооценивать роль этого типа исторического источника в отечественной науке. Документы Апостольской канцелярии, собранные в Петербурге в результате передачи частных коллекций в национальные и государственные хранилища, сыграли далеко не последнюю роль в формировании отечественной источниковедческой школы, пусть им и суждено было оставаться в течение долгого времени лишь материалом, служившим обучению молодых ученых и выработке ими исследовательских методов и навыков источниковедческой критики.

ZUSAMMENFASSUNG

Papsturkunden zogen als historische Quellen für die Geschichte Russlands schon vor der Eröffnung des Vatikanischen Geheimarchivs 1881 die Aufmerksamkeit russischer Historiker auf sich. Nikolaj Karamzin arbeitete mit Papsturkunden in Form von Abschriften, die der polnische Historiker Jan Chrzciciel Albertrandi für den polnischen König Stanisław August Poniatowski aus Auszügen der Vatikanischen Regesten erstellt hatte. Für die Bearbeitung anderer Papsturkunden benutzte er Abschriften, die von den Historikern Ernst Hennig aus Riga und Johann Christoph Brotze aus Königsberg während der archäographischen Expedition von Wilhelm Friedrich Freiherr von Ungern-Sternberg 1809 bis 1811 im Geheimarchiv des Deutschen Ordens in Königsberg abgefasst worden waren. Die erste Edition dieser Papsturkunden wurde von der «Archäographischen Kommission» in den ersten (und einzigen) Bänden der «Historica Russiae Monumenta» (Bdd. I–II, Petropoli 1841–1842; Supplementum) im Jahr 1848 veröffentlicht. Die Edition wurde aus den Kopien der

[60] *Мажуга В. И.* Почерк в латинском письме конца VIII – середины XIII в. Л., 1979. С. 178–181. (На правах рукописи).

Vatikanischen Regesten vorbereitet. Der Präfekt des Vatikanischen Archivs Graf Marino Marini hatte diese Kopien für Alexander Turgenev gemacht und sie im Zeitraum von 1835 bis 1840 nach Russland geschickt.

Nach der Eröffnung des Vatikanischen Geheimarchivs hatte Russland, anders als die andere europäische Staaten, lange kein Institut oder keine spezielle Kommission in Rom, Nur einzelne Forscher aus dem Russischen Reich unternahmen eine Reise nach Rom und arbeiteten im Vatikanischen Archiv an ihren eigenen Themen. Unter diesen Geschichtsforschern waren der Historiker Livlands Hermann Christian Hildebrand und der Dozent der St. Peterburger Universität Georgij V. Forsten, die beide Editionen der Papsturkunden aus den Vatikanischen Regesten vorbereiteten. Der deutsch-baltische Historiker, Professor der Universitäten in Odessa und Dorpat Alexander Brückner und der Historiker, Journalist und ehemalige Professor für Geschichte an der Universität Kiew Vasilij A. Bilbasov arbeiteten beide im Vatikanischen Archiv über die russische Geschichte des 18. Jahrhunderts. Neben den polnischen Historikern Bronisław Dembiński, Józef Korzeniowski und Władisław Abraham, die in den 80er und 90er Jahren des 19. Jahrhunderts in Rom im Rahmen besonderer polnischer Kommissionen arbeiteten, sollen hier die Professoren der Warschauer Universität Nikolaj N. Ljubovich und Teodor Feliks Wierzbowsky genannt sein, die ebenfalls Papsturkunden des 16. Jh. über die Geschichte des heutigen Polens, der Ukraine und Weißrusslands suchten und die Beschreibungen des Vatikanischen Archivs in russischer Sprache veröffentlichten.

Turgenev und Ljubovich beschrieben den Reichtum und die Bedeutung der Papsturkunden und Papstregesten des Vatikanischen Archivs für die Geschichte Russlands. Der Professor der Universität Dorpat Eugenij Fr. Shmurlo, der schon in der Jahre 1892–1894 im Archiv gearbeitet hatte, schrieb über die Notwendigkeit, eine besondere historische Kommission im Rahmen der Russischen Akademie der Wissenschaften in Rom zu organisieren. Mangels finanzieller Mittel wurde die «Ständige historische Kommission» aber 1903 in St. Petersburg gegründet, um die in italienischen Archiven gefundenen, die russische Geschichte betreffenden Dokumenten zu veröffentlichen. In Rom wurde nur eine Dienststelle des «ständigen wissenschaftlichen Korrespondenten» eingeführt, der die Urkunden in Archiven auffinden sollte. Als solcher Korrespondent blieb Shmurlo von 1903 bis 1924 in Rom. Seine Berichte über seine Arbeit wurden im Jahrbuch «Russland und Italien» von der Akademie der Wissenschaften herausgegeben (4 Bd., 1907–1927). Im ersten Band findet sich eine detaillierte Bibliographie über die Geschichte des Vatikanischen Archivs und über die Papstukundenforschung. Zudem gibt es eine Skizze der Apostolischen Kanzlei und des Archivbestandes.

Der erste und bis heute einzige Wissenschaftler, der eine Studie über Papstdiplomatik in russischer Sprache veröffentlicht hat, war Nikolai P. Likhatchev. Seine Studie von 1906 befasst sich mit einem an den russischen Zaren Ivan IV. gerichteten Breve Papst Pius V. Es ist darüber hinaus aber auch eine Einführung in Sphragistik und Diplomatik der Papstbriefe. Der Autor

konzentriert sich auf einige spezielle Fragen, z. B. auf das Problem der selbsthändigen Unterschrift der Päpste in Suppliken. Likhatchev arbeitete mit bis dahin unbekannten Urkunden aus seiner eigenen Sammlung, die mehr als 2000 Papsturkunden vom 11. Jahrhundert bis zum Anfang des 19. Jahrhunderts zählte. Neben dieser Kollektion, die Teil eines von ihm geplanten *Museums des Buches, der Urkunde und der Schrift* werden sollte, begründete Likhatchev eine große Spezialbibliothek über historische hilfswisseschaftliche Disziplinen. In den Jahren 1894 bis 1923 benutzte Likhatchev die Angaben der Papsturkunden auch in seinen Vorlesungen über Diplomatik und Sphragistik im Archäologischen Institut.

Papstdiplomatik war das Fachthema des ganzen Lehrgangs von Olga A. Dobiaš-Rozhdestvenskaja, die in den Jahren 1908 bis 1911 an der *École pratique des hautes Études* in Paris in dem Seminar des französischen Historikers Charles Langlois die Kirchenpolitik in den Papstregesten (nach der Edition von der *École française de Rome*) studierte. Nach ihrer Heimkehr gab sie ihr Wissen in Hochschulkursen für Frauen weiter; später unterrichtete sie in der St. Petersburger Universität. Ihr Studium der originalen Papsturkunden hatte jedoch nicht erst in Europa begonnen. In den 1920er Jahren hatte sie als Mitarbeiterin der öffentlichen Bibliothek (heute Russische Nationalbibliothek) zu einer Beschreibung der dort aufbewahrten westeuropäischen Handschriften beigetragen. Ihre Schülerin Elena Skržinskaja arbeitete unter ihrer Leitung von 1917 an über eine Reihe von genueser Papsturkunden, die in der Russischen Nationalbibliothek aufbewahrt wurden. Unter dem Titel «Die genuesische Politik in den Urkunden der päpstlichen Kurie vom 12. bis 15. Jahrhundert» leisteten beide Forscherinnen eine geradezu hyperkritische Arbeit. So wurden zum Beispiel sechs offensichtlich echte Originallitterae Alexanders III. in Zweifel gezogen. Leider wurde diese Untersuchung nicht beendet. Das einzige bekannte Werk zu diesem Thema ist ein Artikel Skržinskajas über eine Littera Urbans IV. von 1262 aus Likhatchevs Sammlung. Unter dem Titel «Eine neue Urkunde über die Beziehungen Urbans IV. zu Genua» wurde er 1926 für die Reihe «Quellen und Forschungen aus den italienischen Archiven und Bibliotheken» (Rom) geschrieben, jedoch nicht veröffentlicht.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Документы папской канцелярии, источниковедение, петербургская историческая школа, Н. П. Лихачев, О. А. Добиаш-Рождественская, Е. Ч. Скржинская.

KEY WORDS

Documents of Papal chancery, study of source-book, Petersburg's historical school, N. P. Likhachev, O. A. Dobiash-Rozhdestvenskaja, H. Ch. Skrzhinskaya.

II

А. Г. МАШТАКОВА

САЛИМ И ИЕРУСАЛИМ: ТРАДИЦИЯ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ

И Мелхиседек, царь Салима, вынес хлеб и вино.
Он — священник Бога Всевышнего — благословил *Аврама*[1], сказав:
«Благословен Аврам Богом Всевышним, Творцом неба
и земли, и благословен Бог
Всевышний, который предал врагов твоих в руки твои».
И он отдал десятую часть от всего.

Быт 14:18–20

Этот краткий эпизод из главы 14 книги Бытия вызывает множество вопросов. Загадочная фигура Мелхиседека, лишь дважды упоминаемая в Ветхом Завете (Быт 14:18 и Пс 110/109:4), неожиданно приобрела огромное значение в последующей традиции, в том числе новозаветной: Мелхиседек как прообраз Иисуса Христа появляется в тексте Послания к Евреям. Прецедент соединения в руках одного человека светской и религиозной власти, засвидетельствованный в Быт 14:18–20, стал очень привлекательным сюжетом для развития апокрифической традиции, тем более что приведенный фрагмент содержит не так уж много конкретных сведений об этом патриархе. Одна из деталей, которая могла бы пролить свет на происхождение Мелхиседека или традицию, с ним связанную, — это упоминание названия города Салима, царем которого назван Мелхиседек в приведенном нами ветхозаветном тексте. Действительно, Салим, упоминаемый в Быт 14:18, большинством ученых понимается как топоним[2], и, как следствие, возникает проблема его локализации.

---

[1] В еврейском тексте здесь местоимение 3 sg, т. е. «он благословил его».

[2] Ср. точку зрения, согласно которой царь Салима (מֶלֶךְ שָׁלֵם) — имя собственное, дублет имени Мелхиседек. О. Маргалит: «Имя Мелхиседека, называемого также

© Маштакова А. Г., 2013

На сегодняшний день в библеистике сложилась устойчивая точка зрения, что Салим представляет собой сокращение от названия Иерусалим[3]. Тем не менее, помимо библейских текстов и зависящих от них источников, топоним Салим нигде больше не встречается применительно к доизраильскому Иерусалиму. В древнейших текстах, упоминающих Иерусалим, всегда присутствует префикс uru или подобный ему. Так, например, клинописные таблички из Тель эль-Амарны содержат переписку правителя Урусалима по имени ʻAbdi-Ḫiba с фараонами XVIII династии в первой половине XIV в. до н. э. Кроме того, существуют некоторые свидетельства существования города Салима на севере Палестины. Название Салим встречается в так называемом списке Рамессеума фараона Рамзеса II (ок. 1290–1224 до н. э.), и контекст, в котором появляется этот топоним, делает очевидным факт, что город, о котором идет речь, находится существенно севернее Иерусалима[4].

Таким образом, возникает вопрос: можем ли мы с уверенностью полагать, что библейский Салим — это второе название Иерусалима или отождествление этих двух топонимов — результат несколько более поздней традиции?

Впервые Салим интерпретируется как Иерусалим в кумранском Апокрифе книги Бытия, который датируется концом I в. до н. э. или началом I в. н. э:

1QGenAp 22:13–17

> И услышал царь Содома, что Авраам вернул всех пленных и всю добычу, и отправился, чтобы встретить его, и пришел он в Салим, который есть Иерусалим, а Авраам расположился лагерем в долине Шаве, она же долина Царская, на равнине Бет Керем. Мелхиседек, царь Салима, вынес еду и питье Аврааму и всем людям его, которые (были) с ним. И был он священником Бога Всевышнего, и благословил он Авраама,

---

Мелехшалем, — это глосса, подобная тем, что встречаются в остальном тексте Быт 14. Он мог быть местным священником локального божества, приветствовавшим возвращающегося Авраама, но не царем, и не царем Иерусалима» См.: *Margalith O.* The Riddle of Gen. 14 and Melchizedek // Zeitschrift für Altentestament Wissenschaft. Berlin ; New York, 2000. Bd. 112. H. 4. P. 506. Ср.: *Rowley H. H.* Melchizedek and Zadok (Gen. 14 and Ps. 110). Festschrift für Alfred Bertholet zum 80 Geburtstag. Tübingen, 1950. P. 461–472.

[3] См., например: *Rad G. von*. Genesis. Commentary. Philadelphia, 1972. P. 138 ; *Gunkel H.* Genesis. 7 Aufl. Göttingen, 1966. S. 285 ; *Westermann C.* Genesis. Kapitel 12–36. 2 Teilband. Düsseldorf, 1989. S. 241.

[4] *Gammie J. G*. Loci of the Melchizedek Tradition of Genesis 14:18–20 // Journal of Biblical Literature. Atlanta, 1971. Vol. 90. P. 389.

> и сказал: «Благословен Авраам от Бога Всевышнего, Господа небес и земли, и благословен Бог Всевышний, который передал врагов твоих в руки твои». А он дал ему десятую часть от всего имущества царя Элама и союзников его[5].

Как мы видим, 1QGenAp никак не аргументирует отождествление Салима с Иерусалимом. При этом нужно отметить, что, согласно тексту 1QGenAp, в Салиме происходит встреча Авраама не только с Мелхиседеком, но и с царем Содомским. Этот вариант, как кажется, появился в связи со стремлением автора исправить нарушение хода библейского повествования: эпизод с Мелхиседеком представляет собой интерполяцию в текст Быт 14. Таким образом, добавление общего элемента (Салима) в предшествующий рассказ о царе Содома при передаче содержания этого сюжета в 1QGenAp служит для гармонизации текста. Кроме того, автор 1QGenAp ввел дополнительный топографический ориентир. Долина Шаве, отождествленная с долиной Царей (что соответствует библейскому тексту), находилась, согласно 1QGenAp, на равнине Бет Керем (בית־הכרם), недалеко от Иерусалима — города, с которым эксплицитно идентифицирован Салим.

Более полное и аргументированное изложение этой версии мы встречаем у Иосифа Флавия. В сочинениях Иосифа Флавия речь о Мелхиседеке идет дважды: в сочинениях «О Иудейской войне» 6, 438 и «Иудейские древности» 1, 180. В первом случае о Мелхиседеке рассказывается в контексте истории разрушения Иерусалимского храма в 70 г. войсками императора Тита. Во втором случае рассказ помещен в контекст истории патриархов, которую Флавий передает в соответствии с повествованием книги Бытия.

«О Иудейской войне» 6, 438

> Первый создатель Иерусалима был ханаанейский правитель, чье имя на его родном языке означает «праведный царь»; и действительно он был таков. Поэтому он был первым священником Бога и первый построил храм. Название *его* города, которое прежде было Солюма, изменилось *затем* на Иеросолюма. Изгнав народ ханаанеев, там поселился Давид — царь иудейский. Но через 477 лет и 6 месяцев город был разрушен вавилонянами[6].

В этом фрагменте Мелхиседек предстает как ханаанейский правитель, основатель додавидического Иерусалима и его храма. Отождествив Салим

---

[5] Цит. по: Апокриф книги Бытия / пер. и вступ. ст. М. М. Елизаровой // Тексты Кумрана. СПб., 1996. Вып. 2. С. 356.

[6] Перевод по изд.: *Flavius Josephus*. De Bello Judaico. Bd. II,2 / hrsg. von O. Michel, O. Bauernfeind. Darmstadt, 1969. S. 74.

с Иерусалимом, Флавий привел основанное на народной этимологии объяснение изменения названия города: после основания храма (τὸ ἱερόν) город, который прежде назывался Солюма, с помощью добавления первого элемента стал называться Иеросолюма. Отметим здесь также важное замечание о Мелхиседеке как об основателе иерусалимского храма — что противоречит библейским сведениям, но обладает первостепенным значением для последующей традиции, связанной с именем этого ветхозаветного патриарха.

«Иудейские древности» 1, 180

> После того как Аврам спас пленных содомитян, которые попались в руки ассирийцев, и в том числе родственника своего Лота, он мирно возвратился домой. Царь же Содома вышел к нему навстречу до того места, которое называется Царская равнина. Здесь принял Аврама царь города Солимы Мельхиседек. Имя последнего означает «праведный царь», каковым все его и признавали, так что он по этой причине был и служителем Господа Бога. Солиму же впоследствии назвали Иерусалимом[7].

В рассказе о Мелхиседеке в «Иудейских древностях» Флавий использует наречие ὁμολογουμένως (по общему мнению, бесспорно). Это может говорить о том, что Флавий, как и автор Апокрифа книги Бытия, опирается на уже существующую традицию, согласно которой Иерусалим — новое название Салима.

Когда же могла возникнуть подобная традиция и с чем могло быть связано ее появление? Вернемся к библейским свидетельствам о Салиме.

В рассмотренном нами фрагменте Быт 14:17 описываемые события происходят в долине Шаве. На первый взгляд, исходя из контекста, долина Шаве должна была бы находиться неподалеку от Содома, однако в библейском тексте дана глосса[8], что долина Шаве — это не что иное, как Царская долина, лежащая в окрестностях Иерусалима.

---

[7] *Иосиф Флавий.* Иудейские древности / пер. Г. Г. Генкеля ; предисл. и примеч. В. А. Федосика и Г. И. Довгяло. Минск, 1994. Т. 1. URL: http://www.vehi.net/istoria/israil/flavii/voina/06.html.

[8] Обилие глосс, уточняющих топоним и антропонимы Быт 14, — одна из отличительных особенностей текста Быт 14. Б. Цимер так описал это явление: «Каждое имя, появляющееся в Быт 14, сопровождается пояснением. Кто такой Амрафел? Царь Шинаара. Кто такой Бера? Царь Содома. Кто такой Лот? Племянник Авраама. <…> То же касается названий стран, городов и местностей, даже если они сами относятся к объяснению недавно употребленного топонима» (*Ziemer B.* Abram-Abraham. Kompositionsgeschichtliche Untersuchungen zu Genesis 14, 15 und 17 // Beihefte zur Zeitschrift für die altestamentliche Wissenschaft. Berlin,

В Ветхом Завете есть еще один текст, поддерживающий гипотезу об отождествлении Салима с Иерусалимом: в Пс 76(75):3 Салим появляется в параллели с Сионом, традиционно ассоциируемым с иерусалимским культом Яхве: «И было в Салиме жилище его, пребывание его на Сионе». Таким образом, Быт 14:19 и Пс 76(75):3 допускают понимание Салима как додавидического Иерусалима, но вместе с тем не являются абсолютно достоверными свидетельствами появления такого понимания задолго до I в. до н. э. Так, упоминание долины Шаве в Быт 14:19 может рассматриваться как относительно поздняя глосса. Что касается отождествления Салима с Иерусалимом на основании свидетельства Пс 76(75), то и этот аргумент также не бесспорен. Как отметил Ф. Хортон, именно этот пассаж может рассматриваться и как пример доказательства северной локализации Салима:

Известен Бог в **Иудее**, В **Израиле** велико имя Его
И было в **Салиме** жилище его, пребывание его на **Сионе**.

Хиазм, который образуют эти два стиха, позволяет предполагать, что если упоминание здесь Израиля отсылает нас к Северному царству, то и Салим должен пониматься как северный город[9]. Безусловно, свидетельство этого текста не стоит рассматривать как убедительное доказательство северной локализации Салима, но из этого примера, приведенного Ф. Хортоном, видно, что и доказательство идентификации Салима с Иерусалимом также не может уверенно основываться на этом тексте.

Неоднозначность решения проблемы локализации Салима в библейском тексте становится более очевидной, если обратиться еще к одному возможному библейскому свидетельству о Салиме.

Помимо приведенных нами библейских текстов консонантную группу שלם можно интерпретировать как топоним в эпизоде Быт 33:18. В таком случае этот отрывок можно перевести следующим образом: «И Иаков пришел в Салим, город Сихемский, который находится в земле Ханаанской». Такая интерпретация зафиксирована в древних переводах Библии, в частности в Септуагинте[10].

Как мы видим, свидетельства библейских источников несколько противоречивы: по крайней мере до I в. до н. э. четкого представления о месте расположения Салима, по всей вероятности, еще не было.

2005. Bd. 350. S. 22). Такое количество глосс могло быть результатом позднейшей редакции текста.

[9] *Horton F. L.* The Melchizedek Tradition. A Critical Examination of the Sources to the Fifth Century A. D. and in the Epistle of Hebrews. New York, 1976. P. 50.

[10] LXX καὶ ἦλθεν Ιακωβ εἰς Σαλημ πόλιν Σικιμων ἥ ἐστιν ἐν γῇ Χανααν ὅτε ἦλθεν ἐκ τῆς Μεσοποταμίας Συρίας καὶ παρενέβαλεν κατὰ πρόσωπον τῆς πόλεως.

Vul. transivitque in Salem urbem Sycimorum quae est in terra Chanaan postquam regressus est de Mesopotamiam Syriae et habitavit iuxta oppidum.

Следы иной, нежели Иерусалим, традиции локализации Салима сохранились в более позднем источнике — «Паломничестве Эгерии» (*Itinerarium Egeriae*) IV в. В этом памятнике ветхозаветный Салим отождествлен с селением в долине реки Иордан. Эгерия так описывает свое путешествие: «Я видела на берегу реки Иордана долину весьма прекрасную и приятную, обилующую виноградниками и деревьями, потому что там было много превосходной воды. В этой долине есть большое поселение, которое теперь называется Седима. И так, в этом поселении, находящемся среди равнины, в центре есть пригорок небольшой, но сделанный так, как обыкновенно делаются надгробия, и притом большой. Там наверху есть церковь, а внизу, кругом пригорка, видны большие древние основания. Теперь в поселении живут некоторые толпы. Я, увидав столь прелестное место, спросила: какое это столь приятное место? Тогда мне сказали: это есть город царя Мельхиседека, называвшийся прежде Салем, откуда теперь, в испорченной речи, поселение зовется Седима. На этом пригорке, лежащем в центре поселения, на верху его, постройка, которую видишь, есть церковь; эта церковь называется теперь на греческом языке opu Melchisedec. И это есть место, где принес Мельхиседек Богу чистые жертвы, то есть хлебы и вино, как это про него написано»[11]. Эгерия со своими спутниками посетила эту церковь, после чего сопровождавший их пресвитер сообщил, что «вот эти основания кругом этого пригорка… принадлежат чертогам царя Мельхиседека. <…> И эта прямая дорога, которая проходит между рекою Иорданом и этим поселением, есть та, по которой возвратился Святой Авраам после убиения языческого царя Ходологомора[12], на возвратном пути в Содом, когда ему вышел навстречу святой Мельхиседек, царь Салимский». Далее Эгерия вспоминает Ин 3:23[13]: «И тогда, помня из Писания, что святой Иоанн крестил в Еноне возле Салима, я спросила у пресвитера, далеко ли это место? И он сказал: “Вот здесь, в двухстах шагах; и если хочешь, я проведу вас туда пешком. И эта вода, столь обильная и чистая, которую вы видите в этом поселении, идет из того источника”». Благодаря этому уточнению становится ясно, что селение Салим, или Седим, о котором сообщила Эгерия, находилось несколько севернее Сихема.

Таким образом, вплоть до IV в. помимо широко распространенной версии отождествления Салима с Иерусалимом сохранялась и локальная северная традиция, согласно которой Салим находился неподалеку от Сихема. Как кажется, именно существование такой местной традиции

---

[11] Цит. по: Паломничество по святым местам конца IV века / изд., пер., предисл. и объясн. И. В. Помяловского // ППС. СПб., 1889. Т. 7, вып. 2 (20). С. 1–312.

[12] То есть Кедорлаомера.

[13] Ἦν δὲ καὶ ὁ Ἰωάννης βαπτίζων ἐν Αἰνὼν ἐγγὺς τοῦ Σαλείμ, ὅτι ὕδατα πολλὰ ἦν ἐκεῖ, καὶ παρεγίνοντο καὶ ἐβαπτίζοντο.

еще до I в. до н. э. могло стать причиной появления в письменных памятниках попыток связать Салим, воспринимавшийся в соответствии с текстом Ветхого Завета как додавидический культовый центр, с Иерусалимом и тем самым установить их преемство.

Косвенным подтверждением этой гипотезы служит то обстоятельство, что во II в. до н. э. фигура Мелхиседека становится объектом особого интереса в самаритянских кругах. Свидетельством этому служат два фрагмента, приведенные Евсевием Кесарийским в 9-й книге «Евангельского приготовления» (*Praeparatio Evangelica*)[14]. В качестве источника этих отрывков Евсевий Кесарийский указывает труд Περί Ἰουδαίων Александра Полигистора, историка I в. до н. э.

Компилятивное сочинение Александра Полигистора содержит сведения о евреях, почерпнутые им у многих эллинистических авторов, и среди прочего в тексте Полигистора мы находим пространный фрагмент, в котором немаловажная роль отведена Мелхиседеку. Это фрагмент Полигистор в свою очередь приписывает Евполему, иудейскому историку II в. до н. э. Однако весьма вероятно, что атрибуция Евполему ложная. Многочисленные детали указывают на то, что в действительности этот фрагмент принадлежит самаритянскому автору, что исключает авторство Евполема, который придерживался ортодоксальных иудейских взглядов[15]. Недостоверными следует признать, вероятно, сведения Полигистора не только об авторе цитируемого им сочинения, но и о его названии (Περί Ἰουδαίων). Подтверждает эту гипотезу тот факт, что во втором фрагменте, пересказывающем содержание первого, Полигистор называет свой источник анонимным. Фрагменты ПсевдоЕвполема датируются тем же периодом, что и подлинные сочинения этого автора, т. е. первой половиной II в. до н. э.[16]

Оба фрагмента ПсевдоЕвполема посвящены жизни Авраама. В них сообщается, что Авраам — потомок гигантов, строивших Вавилонскую башню. Патриарх покинул свой родной город в Халдее, прибыл в Финикию, где стал обучать местных жителей астрологии. Затем, согласно ПсевдоЕвполему, армяне начали войну против финикийцев, и Авраам встал на сторону последних и смог победить армянское войско, освободив в результате своего племянника Лота и захватив в плен жен и детей врагов: «А когда к нему послы пришли спросить, не отдаст ли он пленников за выкуп, он не стал попирать ногами поверженных. Но, получив пищу для

---

[14] *Eusebius*. Praeparatio Evangelica, IX 17, 2–9; IX, 18, 2. P. 502–505. (Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte ; 43/1).

[15] P. Доран высказал предположение, что эти два фрагмента — переработка нескольких источников. См.: *Doran R.* Pseudo-Eupolemus // The Old Testament Pseudepigrapha. Vol. 2 / ed. by J. H. Charlesworth. New York, 1985. P. 878.

[16] Ibid. P. 873.

своих людей, он вернул добычу. Также он был принят в качестве гостя в храме города Аргаризин, что означает гора Всевышнего, и получил дары от Мелхиседека, который был и царем, и священником Бога»[17].

Затем в тексте следует рассказ о путешествии Авраама в Египет. Завершает фрагмент пассаж генеалогического характера, в котором автор пытается установить связь между некоторыми персонажами вавилонской и греческой мифологии, с одной стороны, и персонажами еврейской традиции — с другой. Характерной чертой этого фрагмента является стремление автора построить рассказ в соответствии с идеалами эллинистического мира — ввести библейскую письменность в круг вавилонской и греческой культуры.

Для нас в этом фрагменте первостепенную важность представляет упоминание храма, название которого, без сомнения, грецизированный вариант названия святилища самаритян — горы Гаризим (הר גריזים). Упоминание горы Гаризим, так же как и отражение религиозного синкретизма, явившегося результатом политики, насаждаемой Антиохом IV Епифаном в Самарии, явно свидетельствует о просамаритянской позиции автора.

Интерпретация названия Аргаризин как «горы Всевышнего» (ὅρος ὑψίστου) совершенно не отражает реального значения этого топонима, но восходит к Быт 14, где Мелхиседек назван священником Бога Всевышнего.

Не менее важным, на наш взгляд, является упоминание о существовании храма на горе Гаризим. Храм на горе Гаризим был построен вскоре после завоевания Иудеи Александром Македонским в IV в. до н. э.[18] Таким образом, приведенный нами отрывок, приписывая основание этого храма Мелхиседеку, служит для него в некотором роде иерологией. Разумеется, речь идет не только и не столько о древности этого святилища, сколько о его легитимности. Так, по свидетельству Иосифа Флавия, при Птолемее IV Филометоре (180–145 до н. э.) в Александрии возник спор между иудеями и самаритянами, какой храм был построен по закону Моисея — в Иерусалиме или на горе Гаризим: «Между тем среди александрийских иудеев и самаритян, поклонявшихся храму, сооруженному во времена Александра на горе Гаризим, произошли распри, и они в своем религиозном споре обратились за решением к самому Птолемею; иудеи при этом уверяли, будто по законам Моисеевым построен [лишь] храм Иерусалимский, самаритяне же утверждали то же самое относительно святилища на горе Гаризим»[19].

---

[17] Перевод по изд.: *Eusebius*. Praeparatio Evangelica. P. 503.

[18] *Иосиф Флавий*. Иудейские древности, XI 8. 2, 7 // *Иосиф Флавий*. Иудейские древности. Т. 2.

[19] *Иосиф Флавий*. Иудейские древности, XIII 74–79 // Там же.

Эти сведения имеют большое значение и для нашей проблемы. В 168 г. до н. э. Иерусалимский храм был осквернен Антиохом IV Епифаном, устроившим внутри святилище, посвященное Зевсу. Кроме того, известно, что со смертью первосвященника Онии III, убитого по приказу Менелая в 171 г. до н. э., в Иерусалиме была прервана легитимная линия цадокидского священства. Воспользовавшись этими обстоятельствами, самаритяне начали выдвигать претензии на исключительность своего храма и представлять себя как единственных легитимных наследников культа и священства, для чего и могла быть привлечена фигура Мелхиседека.

В свою очередь, в иудейской среде назрела необходимость закрепить связь между традицией, связанной с именем Мелхиседека, и Иерусалимом. Первоначально (предположительно, с 140 г. до н. э. — когда к власти приходит родоначальник династии хасмонеев Симон Маккавей) на авторитет Мелхиседека опирались представители этой династии для оправдания притязаний на соединение царской и священнической функций (см. 1Макк 14). Затем представление о тождестве Иерусалима и города Мелхиседека закрепилось, вероятно, в ходе полемики с самаритянами. Последние вполне могли использовать в своих аргументах местную северную традицию, помещавшую город Мелхиседека Салим в долину реки Иордан вблизи Сихема. Здесь кажется примечательной небольшая деталь, упомянутая Иосифом Флавием в сочинении «О Иудейской войне». Мелхиседек назван основателем храма в Иерусалиме, этого уточнения нет в ветхозаветном тексте, и его добавление Иосифом Флавием некоторым образом могло быть связано в том числе и с антисамаритянской полемикой.

Что касается кумранского Апокрифа книги Бытия, в тексте которого Салим также отождествляется с Иерусалимом, то и здесь такая идентификация может быть одним из примеров проявления антисамаритянской полемики, на существование которых в апокрифе указала в свое время К. Б. Старкова[20].

Таким образом, рассмотрев дошедшие до нас источники, свидетельствующие об относительной неустойчивости представлений о расположении Салима, мы можем попытаться дать ответ на непростой вопрос: являлся ли Салим краткой формой или более древним названием Иерусалима либо их отождествление возникло позднее?

Выскажем предположение, что традиция идентификации Салима с Иерусалимом окончательно складывается только ко II в. до н. э. в ходе дискуссии между иудеями и самаритянами о легитимности храма в Иерусалиме и храма на горе Гаризим. После разрушения самаритянского храма Иоанном Гирканом в 129 г. до н. э. эта полемика становится бессмысленной, а представление об идентичности Салима с Иерусалимом — преобладающим.

---

[20] *Старкова К. Б.* Литературные памятники Кумранской общины // ПС. Л., 1973. Вып. 24.

Тем не менее кажется весьма вероятным, что традиция, связанная с именем Мелхиседека, зародилась именно на севере Палестины, а затем, став одним из аргументов в споре между Иерусалимом и самаритянами, неожиданно приобрела решающее значение для последующей традиции. Иерусалим вышел из этого спора победителем, но местная северная традиция продолжала существовать и даже мигрировала еще севернее — к горе Фавор, свидетельством чего являются описания путешествий в Святую Землю[21] и — самое главное — современные географические названия. Так, в 6 км от Наблуса (Сихема) по сей день находится город Салим.

SUMMARY

The purpose of the present article is to investigate the problematic question whether the identification Salem — Jerusalem is original or not. The general opinion among the Jews was that Salem is the same as Jerusalem, as it stated by Josephus and Genesis Apocryphon. But apart these evidences we can find some traces of the Northern tradition of the Salem's localization. Our hypothesis states that the problem of Salem's localization was one of the clues in the anti-samaritan polemic of the Second Temple Judaism.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Библия, апокрифы, Иерусалим, Мелхиседек.

KEY WORDS

Bible, pseudepigrapha, Jerusalem, Melchizedek.

---

[21] Например, «Хождение во Святую Землю игумена Даниила».

Л. Т. АВИЛУШКИНА

К ИЗУЧЕНИЮ ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ ГРЕЧЕСКОГО ТЕКСТА ХРОНИКИ МИХАИЛА ГЛИКИ. БЕРЛИНСКИЙ КОДЕКС — BEROLINENSIS GR. 235*

Созданная во второй половине XII в., Хроника византийского писателя и теолога Михаила Глики состоит из четырех частей: в первой части содержится подробное описание шести дней Творения и обширные рассуждения автора, касающиеся богословских вопросов; во второй — последовательное изложение ветхозаветной истории и лишь отдельные эпизоды из истории восточных держав и языческой; в третьей — история Римской империи и новозаветная история; в четвертой — история Византийской империи до 1118 г. Хроника Глики существенно отличается от остальных византийских хроник, представляя собой созданное по замыслу автора своеобразное по форме и содержанию произведение[1].

Первое издание греческого текста Хроники Михаила Глики появилось в 1660 г. в Парижском корпусе, которое было подготовлено Ф. Лаббе по

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 09-01-00205а.

[1] *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527–1453). 2. Aufl. München, 1897. S. 382 ; *Βετος Ι. Χ.* Ἡ ψυχὴ τοῦ ἀνθρώπου κατὰ τὸ Μιχαὴλ Γλυκᾶ. Θεσσαλονίκη, 1984 ; *Μαυρομάτη-Κατσουγιαννοπούλου Σ.*: 1) Ἡ Χρονογραφία τοῦ Μιχαὴλ Γλυκᾶ καὶ πηγὲς τῆς (περίοδος 100 π. Χ. – 1118 μ. Χ.). Θεσσαλονίκη, 1984 ; 2) Ἡ Ἑξαήμερος τοῦ Μιχαὴλ Γλυκᾶ: Μία ἐκλαϊκευμένη ἐπιστημονική πραγματεία τοῦ 12ου αἰώνα // BYZANTINA. Θεσσαλονίκη, 1994. Τ. 17. Σ. 7–70 ; *Авилушкина Л. Т.* Структурные особенности «Хроники» Михаила Глики // ВИД. СПб., 2007. Т. 30. С. 199–206.

© Авилушкина Л. Т., 2013

нескольким рукописям, которые он лишь перечислил во Введении: две Кларомонтанские рукописи, кодекс из Фонтевро, Валличеллианская рукопись, Баварский кодекс. В Примечании, помещенном в конце тома, Ф. Лаббе писал, что «несколько лет греческий текст подготавливался к изданию по двум имеющим лакуны и местами испорченным рукописям из нашей Библиотеки (duobus Bibliothecae nostrae MSS)», а позднее частично был использован материал еще пяти кодексов, которые перечислены в начале Примечания в следующем порядке: F — Codicem Fontisebraldensis Monasterij, C — Claromontanum nostrum, V — Vallicellianum, B — Bavaricorum, A — Augustianum[2]. (Точные шифры рукописей не указаны.) В Примечании к каждой части отдельно были помещены тексты для заполнения лакун, дополнительные фрагменты и разночтения из этих пяти кодексов. В XIX в. текст парижского издания был перепечатан в Боннском корпусе[3] и в Греческой патрологии[4]. В этих изданиях дополнительный материал, приведенный Ф. Лаббе в Примечании, частично был помещен в текст, а частично — в подстрочные примечания, т. е. в определенной степени была произведена реконструкция греческого текста Хроники Михаила Глики[5]. Отсутствие критического издания и неудовлетворительное состояние имеющихся изданий Хроники Глики делает необходимым изучение рукописных текстов этого сочинения. Хроника Михаила Глики сохранилась полностью или во фрагментах в 60 кодексах, датируемых XIII–XVIII вв.[6] На первом этапе классификации кодексов, по нашему мнению, целесообразно использовать определенный материал (дополнительные фрагменты, тексты для заполнения лакун, разночтения) из Примечания парижского издания греческого текста Хроники Глики, который также может помочь в определении кодексов, использованных Ф. Лаббе.

Данная статья посвящена анализу дополнительных фрагментов, которые были приведены Ф. Лаббе из Кларомонтанского кодекса (Claromontanum nostrum) в Примечании парижского издания греческого текста Хроники Михаила Глики.

По нашим наблюдениям, 20 рукописей содержат полный или почти полный текст Хроники Глики, изучение которых важно для истории текста памятника.

Одна из этих рукописей находится в Государственной библиотеке в Берлине. Это кодекс Berolinensis gr. 235 / Phillippicus 1638, который,

---

[2] *Labbeus Ph*. Notae // Michael Glycae Annales / ed. Ph. Labbeus. Parisiis, 1660. P. 349. [2-е иден. изд. Venetiis, 1729].

[3] Michael Glycae Annales / rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1836 (далее — I. Bekkerus. CB).

[4] Michael Glycae Annales // PG. Paris, 1866. T. 158. Col. 9–623.

[5] *Авилушкина Л. Т.* Особенности и характер изданий Хроники Михаила Глики // Античная древность и Средние века. Екатеринбург, 2009. Вып. 39. С. 388–397.

[6] *Colonna M. E.* Gli storici bizantini dal IV al XV secolo. I. Srorici profane. Napoli, 1956. P. 56–57.

по сведениям каталога, имел ранее следующие шифры: 394 Meermannianus = 234 Claromontanus = 35[a] Pel[7]. Согласно описанию каталога рукопись написана на бумаге форматом 31 × 23,4 см, датируется XVI в., имеет 154 листа. Указано, что в кодексе находятся три книги Анналов Михаила Глики, приведено стихотворное заглавие в шесть строк, начало текста Хроники (Bonn 3,4) и окончание текста в рукописи (Bonn 490,3), за которым следует фрагмент о Семи Вселенских соборах (Bonn 502,9–505,8), а также сообщается, что Ф. Лаббе использовал в своем издании этот кодекс, но как именно не уточняется. Нами было проведено изучение Берлинского кодекса de visu[8]: на л. 1–153[v],2 находится текст Хроники: первая, вторая, третья части и начало четвертой до воцарения императора Льва II (474) (Bonn 490,3); на л. 153[v],3–154[v],14 — описание Семи Вселенских соборов (Bonn 502,9–505,8). Рукопись написана одним почерком черными чернилами, заглавные буквы писаны киноварью и частично орнаментированы. На полях имеются заглавия, написанные как киноварью, так и черными чернилами, небольшое число глосс и других записей, одновременных написанию рукописи. Другим почерком, как полагаем более поздним, возможно, рукой Ф. Лаббе, на полях отмечено начало книг, на л. 61 черными чернилами написано Liber II, на л. 116[v] — Liber III, на л. 146 — Liber IV, а также написаны исправления некоторых слов (на л. 71, 91, 104 и др.). На л. 1 в верхнем правом углу находится латинская надпись: Coll. Paris. Socie.[tis] Jesu (Collegium Parisiensis Societatis Jesu — Парижская Коллегия Общества Иезуитов. — *Л. А.*). Эта надпись и указание в каталоге, что ранее кодекс Berolinensis gr. 235 имел шифр 234 Claromontanus, позволяют предполагать, что эта одна из Кларомонтанских рукописей, которая могла быть в распоряжении Ф. Лаббе.

В Берлинском кодексе Berol. gr. 235 на л. 1,1–4 находится стихотворное заглавие, совпадающее с текстом стихотворного заглавия, которое Ф. Лаббе напечатал из кодекса Claromontanus в Примечании к первой части на с. 350[9].

В Примечании ко второй части на с. 358–359 Ф. Лаббе напечатал первый дополнительный фрагмент из кодекса Claromontanus[10] с указанием, что его следует поместить на с. 135 после слова **οὕτως.** Сначала в этом фрагменте сообщается о том, что Аврааму Сара родила Исаака, а Агарь — Измаила; Исааку Ревека родила Исава и Иакова, который из-за

---

[7] *Studemund W., Cohn L.* Verzeichniß der griechischen Handschriften der Königlichen Bibliothek zu Berlin. Berlin, 1890. Bd. 1 : Codices ex Bibliotheca Meermanniana Phillippici graeci nunc Berolinenses. S. 101.

[8] При поддержке РГНФ (проект № 04-01-00512а), находясь в командировке в Германии, в Государственной библиотеке в Берлине (19–24.09.2005) нами было проведено изучение кодекса Berolinensis gr. 235 de visu и сделана его ксерокопия.

[9] См.: I. Bekkerus. CB. P. 4 ; PG. T. 158. Col. 9.

[10] См.: I. Bekkerus. CB. P. 254–255, note ; PG. T. 158. Col. 263, note 26.

угрозы Исава убежал к Лавану, родственнику матери, и дочерей которого, Лию и Рахиль, он взял в жены. Далее кратко приводятся изложенные в книге Бытия сведения о разрушении Содома и Гоморры, о превращении жены Лота в соляной столп, о грехе Лота с дочерьми, а затем следует апокрифический рассказ о крестном древе. В этом рассказе речь идет о дереве, которое выросло из трех головней, посаженных Лотом по указанию Авраама, и на котором впоследствии был распят Христос[11]. В Берлинской рукописи Berol. gr. 235 на л. 72^{v},4–73^{v},3 находится текст первого дополнительного фрагмента, совпадающий с текстом, который напечатан в Примечании парижского издания.

В Примечании ко второй части Хроники на с. 359 Ф. Лаббе указал, что после слов, напечатанных на с. 156, Ὅθεν καὶ περὶ τὸ Σίναιον ἄνεισιν в нашем кодексе (nostrum codex, полагаем — Claromontanus) добавлены слова καὶ ἦν ἐκεῖ ἡμέρας μ′ καὶ νύκτας μ′, за которыми следует заглавие Περὶ τοῦ δεκαλόγου πρὸς Μωυσῆν и текст второго дополнительного фрагмента, содержащий 10 законов Моисея[12]. В этом фрагменте приведены данные Богом Моисею законы, которые располагаются под десятью номерами. В них содержатся 10 заповедей и другие сведения из Законодательства Моисея (о клятвопреступлении, о судебных тяжбах и др.), изложенные согласно библейским книгам Исход, Второзаконие, Левит. Дополнительные слова, заглавие и текст о законах Моисея в той же последовательности присутствуют в Берлинском кодексе Berol. gr. 235 на л. 94^{v},3–95,24 и совпадают с текстами, напечатанными Ф. Лаббе в Примечании на с. 359–360.

В Примечании ко второй части Хроники на с. 360 Ф. Лаббе напечатал третий дополнительный фрагмент[13] из кодекса Claromontanus, с указанием, что его следует поместить на с. 157 после слова ἔλεγεν. В этом фрагменте содержатся сведения о нападении на израильтян Амалика, который был побежден по молитве Моисея, а затем сведения о создании Моисеем медного змея для спасения израильтян от укусов ядовитых змей. В Берлинском кодексе Berol. gr. 235 на л. 95^{v},19–96,4 находится текст, который совпадает с текстом третьего дополнительного фрагмента, напечатанным в Примечании парижского издания.

В Примечании к третьей части Ф. Лаббе указал, что после окончания текста третьей части после слова κατήρξατο в кодексе Claromontanus

---

[11] Текст апокрифа о Лоте и трех головнях, греческая версия которого сохранилась в Хронике Михаила Глики, был напечатан И. Фабрицием в латинском переводе: *Fabricii J. A*. Codex pseudepigraphus Veteris Testamenti. Hamburgi, 1713. T. 1. P. 428–431.

[12] Текст второго дополнительного фрагмента И. Беккер не включил в боннское издание Хроники Глики; см.: PG. T. 158. Col. 301, note 29.

[13] См.: I. Bekkerus. CB. P. 295 ; PG. T. 158. Col. 305, note 30.

находится Перечень императоров, в котором с указанием правления каждого императора содержатся имена византийских императоров, начиная с Константина Великого (306–337) до Иоанна Комнина (1118). На с. 370–371 Примечания приведены варианты заглавий к Перечню из двух кодексов — F: σύνοψις ὡς ἐν πίνακι τῶν βασιλέων и V: βασιλεῖς Κωνσταντινοπόλεως ἐντεῦθεν ἐσχήκασι τὴν ἀρχήν, а за ними из кодекса Claromontanus напечатаны заглавие Οἱ βασιλεῖς οἱ τινες ἐβασίλευσαν ἀπὸ τοῦ μεγάλου Κωνσταντίνου и текст самого Перечня[14]. В Берлинском кодексе Berol. gr. 235 на л. 145^{v},8–146,18 присутствуют заглавие и Перечень византийских императоров, совпадающие с текстами, которые напечатаны из кодекса Claromontanus в Примечании парижского издания.

Таким образом, тексты одного варианта стихотворного заглавия, трех дополнительных фрагментов, Перечня византийских императоров и одного варианта заглавия к нему, которые, как показал наш анализ, совпадают с аналогичными текстами, присутствующими в Берлинской рукописи, были напечатаны Ф. Лаббе в Примечании из одного Кларомонтанского кодекса (Claromontanum). Поэтому есть основания считать, что Берлинский кодекс Berol. gr. 235, который согласно латинской надписи на л. 1 когда-то принадлежал Парижской Коллегии Общества Иезуитов и имел ранее шифр 234 Claromontanus, является одним из двух Кларомонтанских кодексов, указанных Ф. Лаббе во Введении, из которого он и привел определенный дополнительный материал в Примечании.

В заключение заметим, что из 10 доступных нам рукописей[15] все дополнительные тексты Кларомонтанской рукописи, напечатанные Ф. Лаббе в Примечании, присутствуют еще только в одном списке Хроники. Это кодекс Guelf. 54 Gudian gr., который находится в Библиотеке Герцога Августа в Вольфенбюттеле в Германии. В Каталоге сообщаются лишь краткие сведения о нем: кодекс датируется XV в. и содержит только Хронику Михаила Глики (Bonn 3,4–472,17, т. е. первую, вторую, третью части и начало четвертой); происхождение и предшествующая история кодекса неизвестны[16]. Текст Вольфенбюттельской рукописи был изучен нами de visu[17], что позволило выявить особенности ее текста[18]. В Вольфенбюттельском

---

[14] См.: I. Bekkerus. CB. P. 457–459 ; PG. T. 158. Col. 463–464, note 71.

[15] *Авилушкина Л. Т.* Особенности рукописной традиции Хроники Михаила Глики // Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов «Российское византиноведение. Традиции и перспективы» (Москва, 27–29 января 2011 г.). М., 2011. С. 14–16.

[16] *Heinemann O. von.* Die Handschriften der Herzoglichen Bibliothek zu Wolfenbüttel. Abt. 4. Die Gudischen Handschriften. Wolfenbüttel, 1913. S. 41.

[17] Исследование было проведено при поддержке стипендии Herzog August Bibliothek, Stipendien-Nr.: B 1371 (15.07–14.09.2007).

[18] *Авилушкина Л. Т.* Хроника Михаила Глики в Вольфенбюттельском кодексе (Cod. Guelf. 54 Gudian gr.) // Тезисы докладов XVIII Всероссийской научной сессии византинистов (Москва, 20–21 октября 2008 г.). М., 2008. С. 6–7.

кодексе Guelf. 54 Gud. gr. находятся стихотворное заглавие к Хронике, три дополнительных фрагмента (о Лоте, о 10 заповедях, об Амалике), а также Перечень византийских императоров и заглавие к нему, тексты которых (за исключением нескольких морфологических и лексических разночтений) совпадают с аналогичными текстами Берлинского кодекса Berol. gr. 235.

SUMMARY

The author studied the codex Berolinensis gr. 235 (= 394 Meermanianus = 234 Claromontanus = 35[a] Pel) in comparison with the 1st edition of the Greek text of the Chronicle of Michael Glycas published by Ph. Labbeus (Paris, 1660). Analysis showed that one variant of the poetic title, the texts of three additional fragments concerning the Old Testament, and the Index of Byzantine Emperors printed from the Claromontanus codex by Ph. Labbeus in the Notes coincide completely with the analogous texts from the Berlin codex. Thus one may conclude that the codex Berolinensis gr. 235 which formerly was numbered 234 Claromontanus is one of the Claromontanus manuscripts which Ph. Labbeus used in the 1st edition of the Greek text of the Chronicle of Michael Glycas.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Византия, XII век, палеография, кодекс, Хроника, Михаил Глика, Ф. Лабе.

KEY WORDS

Byzantium, the 12th century, paleography, codex, Chronicle, Michael Glycas, Ph. Labbeus.

А. В. МАЙОРОВ

ИЗВЕСТИЕ НИКОЛО ДА КАЛЬВИ О КОРОНАЦИИ ДАНИИЛА ГАЛИЦКОГО

В связи с 700-летием коронации Даниила Галицкого, широко отмечавшимся украинской диаспорой в 1953 г., в литературе был впервые поставлен вопрос о существовании аутентичных документов Римской курии, подтверждающих этот знаменательный факт.

На прошедшей в Риме юбилейной конференции Научного общества имени Шевченко со специальным докладом «Проблема коронации Даниила» выступил известный церковный историк и археограф, протоархимандрит Василианского чина о. Атанасий Григорий Великий (1918–1982), подготовивший к этому юбилею публикацию наиболее полного свода документов римских пап, относящихся к истории Украины[1].

В своем докладе А. Г. Великий указал, что в Апостольском секретном архиве Ватикана, в котором он проработал много лет, нет ни одного документа, подтверждающего принятие папой решения о коронации Даниила и об отправке ему королевской короны или других инсигний.

Такой вывод историк сделал, в частности, на основании изучения материалов 22-го тома Регистра папских посланий, содержащего письма Иннокентия IV (Archivum Secretum Apostolicum Vaticanum. Registra Vaticana. Vol. XXII). Составленный в начале XVII в. архивариусом Римской курии Джованни Леончини, этот том включает в себя копии текстов известных ныне посланий понтифика на Русь и в другие страны Восточной Европы, оригиналы которых в большинстве случаев не сохранились.

[1] В 1953 г. был опубликован первый том этого издания: Documenta Pontificum Romanorum historiam Ucrainae illustrantia (1075–1953) / collegit, introductione et adnotationibus auxit Athanasius G. Welykyj. Romae, 1953. T. 1 : 1075–1700.

© Майоров А. В., 2013

Среди них — копии документов, относящихся к коронации литовского князя Миндовга в 1251 г.[2]

Поскольку составленный Леончини архивный фолиант не имеет никаких следов позднейших манипуляций с листами, содержащими тексты документов, А. Г. Великий заключил, что в начале XVII в. в Ватиканском архиве уже не было документа, подтверждающего коронацию Даниила Галицкого папой Иннокентием IV[3].

Археографические исследования, проведенные в Ватиканском архиве, привели историка к выводу о том, что в 1253 г. никакой официальной коронации Даниила не могло быть. Имели место лишь многолетние переговоры русского князя с папой, по случаю которых родилась легенда о коронации, отразившаяся в Галицко-Волынской летописи[4].

В своих посланиях на Русь Иннокентий IV называл Даниила и его брата Василько «королями» задолго до предполагаемой коронации (начиная с первого обращения к ним в 1246 г.). Этот факт, по мнению А. Г. Великого, свидетельствует о наследственном характере королевского титула русских князей, полученного ими еще во времена Владимира Святославича. В 1075 г. папа Григорий VII называл «королем» изгнанного из Руси киевского князя Изяслава Ярославича, а его сыну Ярополку передал корону в качестве «простого подарка», свидетельствующего о личном расположении понтифика. Нечто подобное, по мысли историка, могло иметь место в 1253 г. в случае с Даниилом Романовичем[5].

Взгляды А. Г. Великого на коронацию Даниила нашли продолжение в трудах некоторых новейших авторов. Суррогатный характер этой коронации, а также полученных князем королевских регалий подчеркивает Н. Ф. Котляр: «Нетрудно убедиться в том, что речь шла не о настоящей большой короне, а лишь о венце, так называемой стемме, полоске золота с несколькими вертикальными зубцами. Такие стеммы Иннокентий IV, его предшественники и преемники раздавали десятками, лишь бы только продвинуть католицизм как можно дальше в христианском мире. Стеммой был коронован и сосед Даниила, вчерашний язычник, литовский князь Миндовг. Поэтому не стоит восхищаться коронацией Даниила Романовича, как это обычно делают украинские ура-патриотические и малообразованные дилетанты»[6].

---

[2] *Великий А. Г.* Проблема коронації Данила // Корона Данила Романовича. 1253–1953 рр. Доповіді Римської сесії II наукової конференції Наукового товариства імені Шевченка (Рим, 18 грудня 1953 р.). Рим ; Париж ; Мюнхен, 1955. С. 95–96. (Записки Наукового товариства імені Шевченка ; т. 164).

[3] Там же. С. 96.

[4] Там же. С. 95.

[5] Там же. С. 97–104.

[6] *Котляр Н. Ф.* Даниил, князь Галицкий : Документальное повествование. СПб., 2008. С. 288. См. также: *Котляр М. Ф.* Данило Галицький : Біографічний нарис. Київ, 2002. С. 304.

Но как быть при этом с указанием летописи, что папские послы прибыли к Даниилу, «носяще венець, и скыпетрь, и короуноу, еже наречесть королевьскыи санъ»[7]. Перед нами — прямое и ясное свидетельство о том, что наряду с венцом или стеммой Иннокентий IV прислал Даниилу также корону и скипетр. Летописец специально поясняет, что все эти предметы являются знаками королевского достоинства, королевскими инсигниями, которые никак нельзя воспринимать в качестве какого-то частного сувенира.

Принятие королевских инсигний Даниилом представлено в летописи как торжественный церковно-государственный акт, проведенный с соблюдением официального церемониала: «Онъ же (Даниил. — *А. М.*) венець от Бога прия, от церкве святыхъ апостолъ, и от стола святого Петра, и от отца своего папы Некентия (Иннокентия IV. — *А. М.*), и от всих епископовъ своихъ»[8].

Заподозрить нашего летописца в том, что он нарочно выдумал историю об официальной коронации Даниила Романовича римским папой, также не представляется возможным. Историкам уже давно известно, что о коронации Даниила в 1253 г. упоминает независимый от Галицко-Волынской летописи польский источник — так называемые Анналы Красиньских, — компиляция XVI в., по мнению А. Белёвского, восходящая в своей основе к древним несохранившимся Анналам краковского капитула, один из списков которых в середине XIII в. был преподнесен папе Иннокентию IV. В этих Анналах находим следующую запись: «В год Господень 1253 Даниил, князь Руси, короновался королем»[9].

В нашем распоряжении есть еще одно свидетельство о коронации Даниила Галицкого папой Иннокентием IV, источник которого непосредственно восходит к ближайшему окружению понтифика. Это свидетельство не нашло пока еще должной оценки у исследователей.

В 1715 г. в Париже был опубликован обнаруженный в Королевской библиотеке (Bibliotheca regia. Codex 1488) список Жизнеописания папы Иннокентия IV, составленного в середине XIII в. Автором публикации был выдающийся французский историк и археограф Этьен Балюз, известный также как Стефан Балюзиус (Stephanus Baluzius) (1630–1718), профессор канонического права в Сорбонне и личный библиотекарь министра финансов Ж.-Б. Кольбера, собравший и опубликовавший сотни средневековых документов, прежде всего относящихся к истории Католической церкви. Жизнеописание Иннокентия IV Э. Балюз поместил в 7-й книге своих трудов[10], откуда затем текст памятника был заимствован

---

[7] ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 826.

[8] Там же. Стб. 827.

[9] Rocznik Krasinskych / ed. A. Bielowski // Monumenta Poloniae Historica. Lwów, 1878. T. 3. P. 132.

[10] Vita Innocentii Papae IV. Scripta a Fratre Nicolao de Curbio Ordinis Minorum, postmodum Episcopo Asisinarensi // Stephani Baluzii miscellaneorum liber septimus:

Людовико Антонио Муратори (1672–1750) и ныне известен главным образом по его итальянскому переизданию 1723 г.[11]

Жизнеописание Иннокентия IV — знаменитый памятник средневековой литературы, неоднократно привлекавший внимание исследователей. Его идейное содержание состоит в обличении императора Фридриха II и в оправдании мер, предпринятых против него папой, что превращает это произведение в своего рода «антиштауфеновский манифест»[12].

Автором Жизнеописания Иннокентия IV, как следует из сохранившегося заголовка памятника, был монах-францисканец Николо да Кальви (Niccolò da Calvi), известный также как Николай де Курбио (Nicolaus de Curbio). Уроженец городка Кальви дель Умбрия, он в раннем возрасте принял монашество, входил в ближайшее окружение папы Иннокентия и даже исполнял роль его духовника (личного капеллана). В 1250 г. Николо да Кальви стал епископом Ассизским и занимал эту кафедру до своей смерти в 1273 г. Его епископство отмечено строительством в Ассизи новых городских стен, завершившимся около 1260 г. Став епископом, Николо по-прежнему большую часть времени оставался при папе, готовя материалы для его жизнеописания, составленного вскоре после кончины понтифика в 1254 г.[13]

В главе XVII Жизнеописания Иннокентия IV «О том, как папа отправлял послов к различным народам» (*Quod Papa misit nuntios ad diversas gentes*) читаем: «К русским, приславшим к Римской курии свое торжественное посольство, [папа] также послал своего легата, через которого они были проинструктированы и проинформированы о католической вере с сохранением греческих обычаев и обрядов, послан же был господин Альберт, архиепископ Ливонии и Пруссии. Впоследствии к [русскому]

---

hoc est, collectio veterum monumentorum quæ hactenus latuerant in variis codicibus ac bibliothecis. Parisiis, 1715. P. 353–405. В 1761 г. текст памятника был перепечатан в новом издании трудов Э. Балюза: Vita Innocentii Papae IV. Scripta a Fratre Nicolao de Curbio Ordinis Minorum, postmodum Episcopo Asisinarensi // Stephani Baluzii Miscellanea novo ordine digesta et non paucis ineditis monumentis opportunisque animadversionibus aucta opera ac studio Loannis Dominici Mansi. Lucca, 1761. T. 1.

[11] Vita Innocentii Papae IV. Scripta a Fratre Nicolao de Curbio Ordinis Minorum, postmodum Episcopo Asisinarensi [Ex Stephano Baluzio] // Rerum Italicarum Scriptores / ed. L. A. Muratori. Mediolani, 1723. Vol. 3, parte 1. P. 592.

[12] См.: *Pagnotti F.* Niccolo da Calvi e la sua Vita a Innocenzo IV con una breve introduzione sulla istoriografi a pontifi cia dei secoli XIII e XIV // Archivio della Societa Romana di storia patria. Roma, 1898. Vol. 21. P. 7–120 ; *Vogel P.* Nikolaus von Calvi und seine Lebensbescbreibung des Papstes Innozenz IV. Münster, 1939.

[13] Подробнее см.: *D'Acunto N.*: 1) La cattedra scomoda. Niccolò da Calvi, frate Minore e vescovo di Assisi (1250–1273) // Il difficile mestiere di vescovo (secoli X–XIV). Verona, 2000. P. 189–216. (Quaderni di storia religiosa ; t. 7) ; 2) Assisi nel Medio Evo. Scritti di storia ecclesiastica a civile. Assisi, 2002. P. 207–235.

королю от апостольского престола был послан легатом господин аббат из Мазарио, который его же и короновал»[14].

В приведенном отрывке речь идет, несомненно, об обмене посольствами между римским папой и галицко-волынским князем Даниилом Романовичем.

О посольстве Даниила к папе известно также из письма Иннокентия IV к майнцскому архиепископу и эрцканцлеру Священной Римской империи Зигфриду III фон Эппштайну от 13 сентября 1247 г. В нем понтифик предлагает отметить заслуги некоего клирика Гецелона из Вильсторфа, способствовавшего установлению контактов с Даниилом Романовичем. Далее в письме упоминается о посольстве, которое направил к папе для переговоров галицкий князь. В составе этого посольства названы аббат Григорий и два доминиканца, имена которых обозначены инициалами: «Григорий, аббат с горы святого Даниила, и братья А. и Г. из ордена Братьев Проповедников, возлюбленного во Христе сына Даниила, короля Руси, посланники»[15].

По-видимому, упомянутым папой аббатом Григорием был игумен монастыря Св. Даниила под Угровском, известного по Галицко-Волынской летописи. Здесь вторично принял постриг и монашествовал обратившийся в православие литовский князь Войшелк: «Воишелкъ иде до Оугровьска в манастырь ко святомоу Данилью, и взя на ся чернечькии порты, и поча жити в манастыре»[16]. Остатки этого монастыря недавно обнаружены археологами на правом берегу Западного Буга в районе села Новоугрузское (Новоугрузьке) Любомльского района Волынской области[17].

---

[14] «At Rutenos quoque, qui ad Romanam curiam suos solemnes nuntios destinarunt ut eis Legatum mitteret, per quem instruerentur et informarentur in side catholica, cum more Graecorum et ritu viverent, missus est Dominus Albertus Archiepiscopus Livoniae et Prussiae. Ubi quidem ad Regem subsequenter ab apostolica sede Legatus missus Domnus Abbas de Mazario, qui coronavit eundem» (Stephani Baluzii miscellaneorum liber septimus … P. 369). См. также: Stephani Baluzii Miscellanea novo ordine digesta … T. 1. P. 198 ; Rerum Italicarum Scriptores. Vol. 3, parte 1. P. 592 ε.

[15] «Gregorii abbatis de monte sancti Danielis et fratrum H. et A. de ordine fratrum Praedicatorum carissimi in Christo fi lii Danielis regis Russiae nuntiorum» (Historia Russiae Monumenta / ab. A. J. Turgenev. St. Petropoli, 1841. T. 1, nr. 75. P. 66–67 ; Regesta Pontificum Romanorum inde ab A. post Christum natum MCXCVIII ad A. MCCCIV / ed. A. Potthast. Berolini, 1875. T. 2, nr. 12689. P. 1069).

[16] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 867.

[17] См.: *Панишко С.* До проблеми локалізації давньоруського Угровська // Київська старовина. 1997. № 5 ; *Мазурик Ю., Остап'юк О.*: 1) Локалізація башти в літописному Угровську // Минуле і сучасне Волині й Полісся: край на межі тисячоліть : матеріали X наукової історико-креєзнавчої конференції. Луцьк, 2002 ; 2) Археологічні дослідження літописного Угровська на Волині // Замосцько-Волинські музейні зошити. Zamość, 2003. Т. 1.

В летописи упоминается также игумен Григорий Полонинский («Григореи Полониньскыи»), в обители которого Войшелк принял свой первый постриг, провел три года, а также получил благословение совершить паломничество на Святую Гору (Афон)[18]. Этого Григория Полонинского Войшелк звал затем в монастырь Св. Даниила под Угровском и получил от старца новые духовные наставления[19]. Трудно сказать, был ли Григорий, аббат с горы Св. Даниила, возглавлявший посольство к папе Иннокентию IV, и Григорий Полонинский, совершивший постриг и наставлявший князя Войшелка, одним и тем же лицом, побывавшим за свою долгую жизнь игуменом в нескольких монастырях. Впрочем, летописец отзывается о нем как о человеке необыкновенной судьбы: «Григореи же бяшеть человекъ святъ, якогоже не боудеть перед нимъ и ни по немь не боудеть»[20].

В качестве ответных послов папы к Даниилу Николо да Кальви упоминает двух лиц. Это, во-первых, архиепископ Арма (Ирландия) Альберт Суербеер (ок. 1200–1273), решительно поддержавший Иннокентия IV на Лионском соборе (1245), когда папа объявил о низложении германского императора Фридриха II. Вскоре после этого Альберт был назначен архиепископом Пруссии, Ливонии и Эстонии, а также легатом в Готланде, Голштейне, Рюгене и на Руси, в 1246 г. Альберт возглавил также Любекскую епархию, а в 1253 г. стал архиепископом Риги[21].

Идентификация второго посла Иннокентия IV, названного в его жизнеописании «аббатом из Мазарио», также не вызывает серьезных затруднений. Этот второй посол, по словам папского биографа, лично короновал русского князя. Из рассказа о коронации Даниила Галицко-Волынской летописи известно, что королевские регалии на Русь доставил папский легат по имени Опизо («Опиза же приде, венець нося»), он же и добился от князя согласия короноваться[22].

Из документов папской курии середины XIII в., а также других источников известно об отправке Иннокентием IV в 1245 г. в Пруссию и Польшу в качестве своего легата Опизо из Мезано, который должен был сменить ранее посланных туда легатов Вильгельма (отозванного в Рим в 1244 г. и произведенного в кардиналы) и Генриха. Опизо происходил из знатного пьяченцского рода Маласпина, был папским нотариусом, а затем стал аббатом основанного в IX в. бенедиктинского монастыря

---

[18] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 859.

[19] Там же. Стб. 867–868.

[20] Там же. Стб. 859.

[21] Подробнее см.: *Selart A.* Riia peapiiskop Albert Suerbeer ja Descriptiones terrarum // Tuna: ajalookultuuri ajakiri. Tallinn, 2002. Nr. 2. S. 11–21. См. также: *Bautz Fr. W.* Albert II. Suerbeer // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon / bearb. und hrsg. von Fr. W. Bautz. Hamm, 1975. Bd. 1. Sp. 84.

[22] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 827.

Св. Павла в Мезано (ныне — небольшое селение Меззано Скотти ди Боббио (Mezzano Scotti di Bobbio) в провинции Пьяченца)[23].

Опизо дважды исполнял обязанности папского легата в Пруссии и Польше: в 1245–1246 и 1253–1254 гг. Во время второй легации его полномочия распространялись также на русские земли. Из различных источников известно о пребывании Опизо в Польше осенью 1253 – весной 1254 г.: легат побывал тогда в Влоцлавеке, Вроцлаве, а также в Кракове, где участвовал в торжествах по случаю канонизации св. Станислава[24].

В тексте Жизнеописания папы Иннокентия IV, опубликованном Э. Балюзом, очевидно, имела место какая-то ошибка, допущенная, вероятно, при переписывании манускрипта: второй посол папы, короновавший русского князя, назван здесь *аббатом из Мазарио* (Mazario). Эта неточность была замечена и устранена в позднейших изданиях памятника, где наряду с названием аббатства, фигурирующим в списке Балюза, приведен вариант, известный по другим средневековым источникам, — Mezano[25].

Свидетельство Николо да Кальви, таким образом, является важным подтверждением факта официальной коронации Даниила Романовича, совершенной легатом Иннокентия IV Опизо из Мезано. Оно не только восполняет собой лакуну в Регистре папских документов Ватиканского архива, но и полностью соответствует сведениям о коронации, содержащимся в Галицко-Волынской летописи.

SUMMARY

The article gives information about the coronation of Galicia-Volyn Prince Daniel Romanovich of the Lives of Pope Innocent IV, compiled in the mid 13th century Niccolo da Calvi, the Bishop of Assisi.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Галицко-волынский князь Даниил Романович, коронация, Николо да Кальви.

KEY WORDS

Galicia-Volyn Prince Daniel Romanovich, coronation, Nicolo da Calvi.

---

[23] См.: *Nasalli Rocca E.* Il monastero del Mezzano di Piacenza e l'abate Obizzo (sec. XIII) // Benedictina. Roma, 1956. T. 10.

[24] См.: *Gołąb K.* Opat Obizo i jego legacja // Nasza przeszłość: Studia z dziejów Kościola i kultury katolickiej w Polsce. Kraków, 1959. T. 10. S. 113–142.

[25] См., например: Scriptores rerum Prussicarum: die Geschichtsquellen der Preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft / ed. T. Hirsch, M. Toeppen, E. Strehlke. Leipzig, 1863. T. 2. P. 134.

И. Г. ПОНОМАРЕВА

РЕДАКЦИИ ДУХОВНОЙ ГРАМОТЫ МИТРОПОЛИТА ФОТИЯ

Духовная грамота митрополита Киевского и всея Руси Фотия (умер 2 июля, возможно в ночь с 1 на 2 июля, 1431 г.[1]) дошла в трех вариантах. В литературе недавно высказано и поддержано мнение о том, что первые два были составлены при жизни Фотия, а третий текст — результат переработки завещания для Никоновского летописного свода[2]. В настоящее время все варианты опубликованы. Первый представлен текстом из декабрьского тома Успенского комплекса Великих Четий-Миней (под 31 декабря)[3] (далее — ВЧМ), второй — текстом из Софийской второй и Львовской летописей[4], восходящих к общему протографу, среди

[1] 1 июля: Софийская вторая и Львовская летописи // ПСРЛ. М., 2001. Т. 6, вып. 2. Стб. 54 ; СПб., 1910. Т. 20, ч. 1. С. 234; 2 июля: Московский летописный свод конца XV в., Никоновская летопись // Там же. М., 2000. Т. 12. С. 10 ; М., 2004. Т. 25. С. 248. Дни памяти Фотия — 2 июля и 27 мая.

[2] *Плигузов А. И.* О духовной грамоте митрополита Фотия // *Фотий*, митрополит Киевский и всея Руси. Сочинения : Книга глаголемая Фотиос. М., 2005 (далее — *Фотий*. Сочинения). С. 343–345 ; *Кобяк Н. А.* Предисловие // Там же. С. 18.

[3] Опубликован текст грамоты из Успенского списка середины XVI в. (ГИМ. Синод. 989. Л. 1154–1156 об. // *Фотий*. Сочинения. Приложение 2. С. 346–353). Перечень других списков и о них см.: Там же. С. 10, 345. Здесь и далее указаны последние публикации вариантов.

[4] ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. Стб. 54–64 ; Т. 20, ч. 1. С. 234–238 ; *Фотий*. Сочинения. Приложение 2. С. 353–360 (по Архивскому списку Софийской второй летописи начала 30-х гг. XVI в. (РГАДА. Ф. 181. Оп. 371. Л. 43–43 об., 45–53 об.)).

© Пономарева И. Г., 2013

источников которого летописец XV в., приписываемый клирику Московского Успенского собора (далее — У)[5], третий — текстом из Никоновского свода и Степенной книги (далее — Н)[6].

Главным критерием выделения редакций является различие в составе лиц, которым митрополит наряду с великим московским князем Василием Васильевичем и его матерью великой княгиней Софьей Витовтовной дает предсмертное благословение. В грамоте из ВЧМ, признаваемой первым вариантом, называются князья Георгий и Андрей Дмитриевичи, их княгини и дети, князь Иван Юрьевич и его братья; в У — Андрей Дмитриевич и Константин Дмитриевич, их княгини и дети, Иван Юрьевич и его братья; в Н — князья Георгий Дмитриевич и Андрей Дмитриевич, их княгини и дети.

Доказательство существования двух прижизненных редакций А. И. Плигузов связал с упоминанием в ВЧМ и отсутствием в У среди благословляемых старшего дяди Василия II галицкого удельного князя Юрия Дмитриевича, который оспаривал у племянника великокняжеский престол. Упоминание Ивана Юрьевича и его братьев оставлено без комментария. А. И. Плигузов строит аргументацию исходя из исторического контекста. Подписание 11 марта 1428 г. договора между Василием II, его младшими дядями Андреем и Константином с одной стороны и Юрием — с другой[7] урегулировало отношения внутри московского великокняжеского дома. Это послужило предпосылкой (?!) для появления Духовной митрополита. После смерти 24 октября 1430 г. деда Василия II великого литовского князя Витовта, одного из гарантов прав внука на престол, Юрий Галицкий «разверже миръ» с племянником[8]. «Розмирье» продолжилось до смерти Фотия. Вероятно, тогда и была исправлена Духовная: теперь в ней упоминались Андрей и Константин, а имя Юрия было опущено. Первый вариант завещания написан в период с 11 марта 1428 г. до конца 1430 – начала 1431 г., переработанный — с конца 1430 – начала 1431 г. до 1 июля 1431 г. Третья редакция появилась в ходе подготовки митрополитом Даниилом Никоновского свода в 1526–1530 гг.[9]

К сожалению, не учтенным осталось мнение Г. В. Семенченко, которого Духовная заинтересовала в связи с идентификацией князя Ивана Юрьевича.

---

[5] *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство. XIV–XV вв. М., 1984. С. 309–310.

[6] Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 12. С. 10–15 ; Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам : тексты и коммент. : в 3 т. / отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М., 2008. Т. 2 : Степени XI–XVII. С. 163–169.

[7] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М. ; Л., 1950. № 24.

[8] ПСРЛ. Т. 25. С. 248.

[9] *Плигузов А. И.* О духовной грамоте митрополита Фотия. С. 344–345.

Он не ставил специально целью решение вопроса о редакциях завещания Фотия и рассмотрел только тексты У и Н. Г. В. Семенченко пришел к выводу, что авторы обоих вариантов имели доступ к оригинальному тексту из митрополичьего архива, составленному около 1–2 июля 1431 г., т. е. непосредственно перед смертью Фотия, но по-разному исказили его. Юрий упоминался в первоначальном тексте, так как вписывание его Даниилом в Н маловероятно из-за неблаговидной роли, которую он сыграл в судьбе правнука Юрия Дмитриевича новгород-северского князя Василия Шемячича[10]. В У умышленно или нет имя Юрия было выпущено при копировании. Вместе с тем У точнее передает перечень благословляемых лиц, так как нет оснований подозревать составителей в произвольном домысливании и пополнении новыми именами текста составителем У. В Н текст в этом месте был сокращен (не упомянут Иван Юрьевич с братьями). Таким образом, Г. В. Семенченко полагал, что митрополит дал благословление Юрию, Андрею, Константину и старшему сыну галицкого удельного князя Ивану с «братьею»[11].

Более внимательное сравнение текстов Духовной позволяет оспорить верность некоторых из сделанных ранее выводов. В первую очередь это относится к мнению о том, что текст ВЧМ первичен и что Фотий изменил текст завещания.

Перечень лиц из У абсолютно прозрачен и понятен, а из ВЧМ являет собой сплошное недоразумение.

Во-первых, следует задаться вопросом, почему в ВЧМ (первом варианте завещания) Константин Дмитриевич, который вместе с братом Андреем участвовал в оформлении договора от 11 марта 1428 г., лишен благословения, а во втором удостоен. Может быть, следует поменять порядок составления вариантов в связи со смертью Константина? Сохранилось указание только на день его кончины (9 мая), выписанное Н. М. Карамзиным из похищенной в 1822 г. кормовой книги Симонова монастыря[12]. А. А. Зимин доказал, что угличский удельный князь скончался в 1434 г., т. е. на момент составления обеих редакций завещания Фотия он еще был жив[13].

Можно предположить, что Константин оказался в конфронтации с Василием II, что дало повод к изменению отношений и с митрополитом.

---

[10] *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 254–256.

[11] *Семенченко Г. В.* Неизвестный сын Юрия Галицкого и политическая борьба на Руси в начале 30-х гг. XV в. // ВИД. Л., 1991. Т. 22. С. 190–192.

[12] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. / сост. и автор пояснит. примеч. И. А. Голубцов. М., 1958. Т. 2 (далее — АСЭИ). С. 337–338 ; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1993. Т. 5. С. 262–263, примеч. 122.

[13] *Зимин А. А.* Витязь на распутье. М., 1991. С. 66, 233, примеч. 90.

Исследования историков показали, что есть основания для сомнений в безусловной поддержке младшими дядями племянника[14], но Андрей благословения митрополита лишен не был. Косвенным свидетельством того, что Константин не был в конфликте с Василием II может служить жалованная грамота великого князя 1451 г. Симонову монастырю об освобождении на пять лет от оброка и ямской повинности села Борисовского и двух варниц у Соли Галицкой, выданная «на поминокъ» его деда, отца, старшего брата Ивана и дяди Константина[15]. Маловероятно, что на смертном одре Фотий, благословив Юрия, не счел нужным сделать тоже самое по отношению к Константину.

Во-вторых, в ВЧМ после упоминания о женах и детях Юрия и Андрея почему-то отдельно и вторично благословляются дети Юрия.

Текст У выглядит весьма органичным и даже безупречным, если иметь в виду составление Духовной незадолго до смерти Фотия, когда Юрий вновь поднял вопрос о своих правах на великокняжеский престол. Митрополит удостаивает благословения двух дядей Василия II, принявших его сторону в династическом споре, их жен и детей. Он также счел нужным, проигнорировав политического соперника Василия II, благословить его детей.

Напрашивается вывод: существовало одно единовременно составленное завещание Фотия, и его текст (или близкий к нему) читается в Софийской второй и Львовской летописях, восходящих к независимому церковному летописанию 80-х гг. XV в., дающему к тому же самый ранний из известных текстов завещания.

В целом в текстах У и ВЧМ нет существенных отличий. Вторичность ВЧМ очевидна. Имеют место часто встречающиеся перестановки слов, не меняющие общего смысла и являющиеся скорее результатом манеры копирования, чем редактирования. В ВЧМ много пропусков слов, особенно небольших (союзов, частиц, местоимений). Попадаются замены, влияющие на смысл, но несущественно. Например, во втором абзаце: «вжелех» на «въжделевъ», «сіа бл(а)г(о)д(а)рьствия» на «бл(а)годенствіа» и др. Не обошлось без купюр в месте перечисления имен. В У мать Василия II названа благородной и благоверной. Эти определения Фотий использует там и при упоминании князей, а также, например, в одном из своих посланий[16]. В ВЧМ великая княгиня названа только благоверной. Этих определений нет там при упоминании Юрия и Андрея. В У Фотий дает великокняжеской семье мир, благословение, последнее целование

---

[14] *Черепнин Л. В.*: 1) Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М. ; Л., 1948. Ч. 1. С. 100–117 ; 2) Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 743–763 ; *Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 31–48.

[15] АСЭИ. С. 351.

[16] *Фотий*. Сочинения. С. 309.

и прощение. В ВЧМ последнее слово пропущено. В У он дает их в этот день и в будущий, что подчеркивает сиюминутность происходящего для составляющего завещание митрополита. В ВЧМ говорится об этом веке и будущем.

Связывая появление первого завещания с договором 1428 г., А. И. Плигузов для усиления аргументации обращает внимание на то, что в тексте ВЧМ Юрий упомянут без отчества, что подчеркивает его статус младшего князя, закрепленный докончанием. Но в тексте ВЧМ отчество Юрия присутствует: Фотий дает благословление «князю Ге҃ргію и кн(я)зю Андрею Дмитреевичемъ». Автор текста в ВЧМ, как сказано, прибегал к несущественным сокращениям, вследствие чего и появилась объединенная запись отчества братьев.

Таким образом, считать У и ВЧМ двумя редакциями можно лишь с оговорками, так как единственным существенным отличием является место с благословением. Правильнее будет видеть в них два варианта одной редакции. Текст из Никоновской летописи содержит больше следов именно редакторской правки, демонстрирующей вольное обращение с текстом оригинала.

Сравним тексты Духовной в том месте, где Фотий дает благословление после Василия II и его матери другим членам московского великокняжеского рода.

У. С. 357	Н. С. 12	ВЧМ. С. 350
«...*҃С(вя)тём Д(у)сё* **возлюбленны*м*** **с(ы)ном нашего смиреніа,** **бл(а)горо*д*ным** **и бл(а)говёрны*м*** **кн(я)зе*м*,**	«…**благовёрным** **и благородным** *о Святёмъ Дусё* **сыновомъ моимъ**	«…**бл(а)горо*д*ны*м* же** **и бл(а)говёрны*м*** *҃С(вя)тём Д(у)сё* **възлюбленны*м*** **с(ы)нове*м*** **н(а)ш(е)го смиреніа,**
кн(я)зю ҃ндрёю Дми[т]риевичю и кн(я)зю Констянтину Дмитреевичю, тако*ж*(е) даю и*м* бл(а)г(о)с(ло)веніе и прощеніе и миръ в сіи векъ и в будущіи,	князю Георгію Дмитриевичю и брату его князю Андрёю Дмитреевичю,	князю Ге҃ргію и кн(я)зю Ан*д*рею Дмитреевичаемъ, тако*ж*(е) о все*м* даю бл(а)г(о)словеніе, миръ и прощеніе в сіи вёкъ и в будоущіи

и съ их кн(я)гинями и дё(т)ми. И бл(а)горо*д*ному и бл(а)говёрному кн(я)зю Ивану Юрьевичю и его бра*т*ьи…»	**и съ княгинями ихъ и з дётми ихъ,** даю благословенiе и прощенiе…»	**съ их кн(я)гинями и дётми**. Бл(а)горо*д*ному и бл(а)говёрному кн(я)зю Иваноу Юрьевичю и его бра*т*ье…»

Очевидно, что автор Н сократил текст. Автор ВЧМ был знаком с обоими текстами и стремился быть ближе к тексту У, но принял во внимание правку Н. В итоге получилась компиляция. При этом он остался на позиции Н в том, что касается Юрия и Константина. Автор ВЧМ, как видим, сработал более профессионально, не допустив ошибки с Иваном Юрьевичем. Вероятно, большей тщательностью работы можно объяснить еще одно отличие в списке благословляемых лиц, на которое обратил внимание А. И. Плигузов: только в Н мать Василия II названа по имени. Говоря современным языком, это было сделано из соображений политкорректности.

Возникает естественный вопрос о причинах включения при поздней правке имени Юрия и выпадения имени Константина. Последнее можно объяснить только отсутствием наследников у угличского князя. Через несколько десятков лет упоминание о Константине утратило смысл. В родословцах явление, когда со временем перестают упоминаться бездетные члены рода, не редкость. Проигнорировать Андрея было невозможно. Его сын Иван, спасаясь от Василия II, в 1454 г. с семьей бежал в Литву, но его внук Семен в 1500 г. вернулся в Москву, а правнук Василий женился на сестре великой княгини.

Посмертную «реабилитацию» Юрия, также имевшего потомство, можно объяснить идеологическими установками митрополичьей кафедры, стремившейся к укреплению духовного единства государства, олицетворением которого была правящая династия, которую церковь призывала забыть междоусобицы, тем более что у Юрия были законные основания претендовать на великокняжеский престол. В Степенной книге, памятнике конца 50-х – начала 60-х гг. XVI в.[17], прямо было написано, что Фотий приглашал галицкого князя на великое княжение[18].

Обращает на себя внимание тот факт, что, хотя к составлению Великих Четий-Миней (30–40-е гг. XVI в.) и Степенной книги имел отношение митрополит Макарий (умер 31 декабря 1563 г.), в Степенную книгу попал

[17] О времени создания Степенной книги см.: *Усачев А. С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М. ; СПб., 2009. С. 195–196.

[18] ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21. Первая половина. С. 458, 481.

менее удачный вариант Н. Духовная Фотия из ВЧМ связана с Успенским комплексом Великих Четий-Миней — списком, вложенным в 1552 г. Макарием в Успенский собор Московского Кремля. Последнее обстоятельство весьма примечательно. Протограф Софийской второй и Львовской летописей, включавший в себя Духовную Фотия, является второй редакцией Свода 1518 г., возникшей путем дополнения текста первой редакции различными источниками, в числе которых был оригинальный памятник, своеобразно освещавший некоторые события 50–80-х гг. XV в. (Летописец Московского Успенского собора, или Успенский летописец)[19]. Можно думать, что при составлении Успенского списка ВЧМ был использован не оригинал Духовной из митрополичьего архива, а ее текст (скорее всего списанный с оригинального), включенный в протограф этих летописей. Правда, следует учитывать, что существовали три комплекса Великих Четий-Миней. К сожалению, утрачен том на декабрь из первого по времени — Софийского комплекса, создававшегося в Новгороде. Оба последних комплекса связаны с Москвой. В Царском комплексе Духовная отсутствует, но она была включена в сборник, предназначавшийся для него первоначально[20].

Прояснение ситуации с завещанием позволяет уточнить его датировку. Верхняя хронологическая граница определяется датой смерти дмитровского удельного князя Петра Дмитриевича, не упоминаемого в грамоте. Он умер 7 февраля 1428 г.[21] Что касается нижней хронологической грани, то едва ли можно связывать составление завещания с явлением Фотию примерно за год до кончины 21 апреля 1430 г. ангела, предвестившего ему смерть, тем более что повесть об этом видении впервые появляется только в поздней Никоновской летописи[22]. Вероятнее всего, завещание было написано незадолго до смерти митрополита. Во всяком случае, Духовная, вместе с 16 поучениями под общим названием «Книга глаголемая Фотиос» в середине XVI в. включенная митрополитом Макарием в Успенский комплекс Великих Четий-Миней, отсутствует в прижизненном сборнике его сочинений[23].

Подводя итоги, можно сказать следующее. Духовная грамота митрополита Фотия составлена в период с 7 февраля 1428 по 1 июля 1431 г.,

---

[19] *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига … С. 305, 310.

[20] *Кобяк Н. А.* Предисловие. С. 10 ; *Плигузов А. И.* О духовной грамоте митрополита Фотия. С. 345.

[21] Обоснование датировки смерти Петра Дмитриевича см.: *Каштанов С. М.* Из истории русского средневекового источника : Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 128.

[22] Повесть о Фотеи, митрополите Киевском и всея Руси, иже виде ангела Господня, показующа ему конец житиа его // ПСРЛ. Т. 12. С. 10 ; *Фотий.* Сочинения. Приложение 1. С. 339–340.

[23] *Кобяк Н. А.* Предисловие. С. 10, 18.

вероятно, ближе к последней дате. Ее древнейшим дошедшим текстом является Архивский список начала 30-х гг. XVI в. Софийской второй летописи[24]. Никоновская редакция появилась в ходе работы над одноименным сводом (первоначальная редакция создана до 20-х гг. XVI в.[25]). Этот же текст был перенесен в конце 50-х – начале 60-х гг. XVI в. в Степенную книгу, для которой Никоновская летопись стала одним из главных летописных источников. При работе над московскими комплексами Великих Четий-Миней был использован оригинальный текст или аналогичный ему У. Возможно, был привлечен и текст Н, о чем свидетельствует характер редактирования Духовной в части с благословением. Это привело к появлению около 1550 г.[26] еще одного варианта текста грамоты. Близость У и ВЧМ, составители которого могли иметь текст оригинала, позволяет с большой степенью уверенности считать, что У передает его текст.

SUMMARY

There are three versions of the Spiritual charter of Metropolitan Photius (died in 1431). It is believed that he has consistently composed two wills, the third version is a revision of his will for Nikonovsky Chronicle. The article proves that Photios left only one will, written between February 7, 1428 and July 1, 1431 (probably shortly before his death). The closest text to the original will is presented in The Sofia second Chronicle.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Духовная грамота, завещание, митрополит Фотий, Юрий Дмитриевич Галицкий, Василий II.

KEY WORDS

Spiritual charter, will, Metropolitan Photius, Prince Juriy Dmitrievich Galitsky, Prince Vasiliy II.

---

[24] *Клосс Б. М.* [Предисловие к изд. Софийской второй летописи 2001 г.] // ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. С. VI (датировка по филиграням). А. И. Плигузов без комментария датирует список началом века (*Плигузов А. И.* О духовной грамоте митрополита Фотия. С. 345).

[25] *Клосс Б. М.* [Предисловие к изд. Никоновской летописи 2000 г.] // ПСРЛ. М., 2000. Т. 9. С. VI.

[26] Об истории создания Успенского комплекса см.: *Кучкин В. А.* О формировании Великих Миней Четий митрополита Макария // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 86–101.

Н. Б. МИКУЛИН (†2012)

ПОСОЛЬСТВО ГРИГОРИЯ ИВАНОВИЧА МИКУЛИНА В АНГЛИЮ В 1600–1601 гг.

Ряд обстоятельств предопределил написание настоящей статьи: 400-летие посольства, которое «было наиболее выдающимся событием истории дипломатических сношений России с Англией в начале XVII века»[1] во время царствования Бориса Годунова; публикация в журнале «Отечественные архивы» письма Эдварда Хоби, одного из придворных королевы Англии Елизаветы, адресованного Г. И. Микулину в 1602 г. после его возвращения в Россию[2] и комментарии к этой публикации[3]; целесообразность вновь, в наше время, обратиться к документу, повествующему о посольской миссии, своеобразному отчету о посольстве, ставшему историческим и литературным памятником, — «Статейному списку Григория Ивановича Микулина»[4], а также к ряду документов и комментариям к ним, в которых отражаются не только события, связанные с посольской миссией, но и политическая палитра того времени в целом. Наконец, целесообразность

[1] *Чарыков Н. В*. Посольство в Англию дворянина Григория Микулина в 1600 и 1601 гг. (по документам Московского Главного Архива Министерства иностранных дел). М., 1878. С. 28.

[2] *Богатырев С. Н.* «Мой честнейший и дорогой друг Григорий Иванович Микулин» (Письмо английского государственного деятеля к русскому дипломату начала XVII в.) // Отечественные архивы. М., 1995. № 6. С. 86.

[3] *Микулин Н. Б.* Возвращаясь к напечатанному (Письмо Э. Хоби Г. И. Микулину. 1602 г.) // Отечественные архивы. М., 1999. № 1. С. 124.

[4] Статейный список Г. И. Микулина // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки / отв. ред. Д. С. Лихачев. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954.

 © Микулина Л. Т., наследница, 2013

публикации портрета Г. И. Микулина, находящегося на хранении в Государственном историческом музее (ГИМ, Москва) и являющегося первым портретом посла Российского государства в отечественной истории.

Материалы, связанные с подготовкой к посольству[5], и само повествование «Статейного списка» свидетельствуют о разносторонних взаимных интересах Москвы и Лондона, сложившихся уже четыре века назад. Эти связи, безусловно, носили первостепенный характер для обоих государств и строились на началах особого взаимного внимания и оказываемого уважения. Для того чтобы представить место, отводимое российскому посольству в Англии того времени, и оценить отношение лично к русскому посланнику, обратимся прежде всего к известному описанию Н. М. Карамзина, сделанному им через два столетия после рассматриваемых событий по материалам «Статейного списка»: «Посланника нашего, Дворянина Микулина, встретили в Лондоне с необыкновенною честию: в гавани и в крепости стреляли из пушек, когда он (18 сентября 1600) плыл Темзою и ехал городом в Елисаветиной карете, провожаемый тремястами чиновных всадников, Алдерманами, купцами в богатом наряде, в золотых цепях. Улицы были тесны для множества зрителей. Знаменитому гостю, в одном из лучших домов Лондона, служили Королевины люди: Елисавета прислала ему из своей казны блюда, чашы и кубки серебряные. Угадывали и спешили исполнять его желания; но он вел себя умно и скромно: за все благодарил и ничего не требовал. <…> Микулин обедал у Королевы и только один сидел с нею: Лорды и знатные чиновники не садились, она стоя пила чашу Борисову. <…> Елисавета везде благодарила Микулина за его присутствие… <…> …писала к Царю, славя доблесть его сановника»[6].

Эмоциональное повествование Н. М. Карамзина, не скрывавшего своего удовлетворения оказанным российскому посланнику приемом, а может быть, рисующего образец для подражания, уместно сопоставить с первоисточником — «Статейным списком», комментариями и ссылками на него российских исследователей, в том числе наших современников[7], а также с мнением «другой стороны» (прежде всего это письмо королевы Елизаветы к Борису Годунову и комментарии к нему английского исследователя Н. Эванса[8]).

---

[5] Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1883. Т. 38. С. 278–311.

[6] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1853. Т. 11. С. 71.

[7] *Лихачев Д. С.* Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. … С. 331 ; *Казакова Н. А.* Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Л., 1980. С. 204–210 ; *Белоброва О. А.* Микулин Григорий Иванович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.), ч. 2. С. 350–351.

[8] *Evans N. S.* Queen Elizabeth and Tsar Boris : Five Letters, 1597–1603 // Oxford Slavonic Papers. Oxford, 1965. Vol. 12.

Посольство по времени совпало со второй волной первопроходцев XVI–XVII вв., выполнявших ответственные поручения по становлению межгосударственных отношений и следовавших за первооткрывателями такого масштаба, как Колумб, Ермак, Ченслер. Посольская миссия, включая дорогу, длилась больше года, полная изоляция от Родины в течение этого времени позволяла рассчитывать только на интуицию и чувство собственного достоинства.

Обратимся к фрагментам «Статейного списка», которые кажутся наиболее интересными и поучительными в наше время.

«Статейный список» начинается с описания дороги из Москвы в Лондон. Первая часть пути от Москвы до Архангельска, привычная для русского человека должная дорога на лошадях, длится почти месяц. Далее — столь же долгая, но уже непривычная дорога морем от Архангельска до Англии, при этом большая вероятность не доплыть: из 13 кораблей, вышедших из Архангельска, продолжило путь в Англию всего лишь три судна (еще с четырьмя после разлуки во время шторма судьба свела у берегов Дании).

Вспомним о двух ставших уже хрестоматийными эпизодах, о которых упоминают и ранние исследователи посольства, и исследователи нашего времени[9]. Вот первый из них. На предложение лорда-мэра Лондона пообедать у него Микулин ответил, что может принять предложение лишь при условии, что займет место за обедом «для царского величества имени»[10] выше, чем место лорда-мэра; на что лорд-мэр не согласился, и обед не состоялся. По этому поводу нет прямых комментариев, осуждающих действие посла, а объяснение его поведения есть. В царских «наказах»[11], адресованных посланнику, чрезвычайно большое значение придается «показной» стороне ведения посольской деятельности, поэтому в «Статейном списке» постоянно подчеркивается безусловное выполнение этих «наказов», приводятся обстоятельства, позволяющие послу выглядеть наиболее представительно. В этой связи не удивительно, что в тексте содержится множество повторов ритуального обращения к царствующей особе Бориса Федоровича Годунова и к Ее Величеству королеве Елизавете, а также встречаются выписанные многократно подробности приемов и деловых встреч, на которых присутствовал посол: кто, где, с кем сидел и стоял, как входили и выходили встречающие и провожающие, кто слева, кто справа, кто спереди и кто сзади и т. п. Надо отметить, что тезис «нам никоторых государств послы и посланники не образец»[12]

---

[9] *Чарыков Н. В.* Посольство в Англию дворянина Григория Микулина в 1600 и 1601 гг. ; *Evans N. S.* Queen Elizabeth and Tsar Boris …

[10] Статейный список Г. И. Микулина. С. 178.

[11] Сборник Императорского Русского исторического общества. С. 278–311.

[12] Статейный список Г. И. Микулина. С. 178.

при официальных встречах с королевой и первыми лицами двора, наиболее важный для поддержания престижа из перечисленных в царских «наказах» и сложный для исполнения («…чтоб в то время, как… бытии у Елисаветы королевы, иных государей послы и посланники не были»[13]), был принят английской стороной без видимого сопротивления. При этом английский исследователь посольства Н. Эванс отмечает трудности Микулина, ибо «наказы» государя ограничивали действия и сковывали инициативу посла. В этой связи Н. Эванс также упоминает несостоявшийся обед у лорда-мэра Лондона и необходимость для Микулина уходить с приемов в случае появления других послов[14].

Второй эпизод — завершение обеда у королевы в день Богоявления 6 января 1601 г., на котором присутствовали только королева и российский посланник, уместно процитировать полностью: «А как у королевы стол отошел, и королева из-за стола встала и почала умывать руки и, умыв руки, велела серебряник с водою поднести Григорью; и Григорий на королевнине жалованье челом бил, а рук не умывал, и говорил: “Великий государь наш, царское величество, Елисавет-королевну зовет себе любительною сестрою, и мне, холопу его, при ней рук умывати не пригодитца”. И королевна почала быть весела и Григорью то похвалила, что ее почтил, рук при ней не умывал»[15].

Положительная оценка посольства, данная королевой Елизаветой в письме к Борису Годунову, датированном 16 мая 1601 г. (The Queen to Tsar Boris 16 May 1601)[16], и неоднократное хвалебное упоминание там же о действиях посланника подтверждают большую достоверность повествования «Статейного списка». Комментируя это письмо, написанное в связи с завершением посольской миссии, Н. Эванс пишет, что поведение Микулина во время пребывания в Англии было тепло принято королевой[17]. В самом послании королевы Григорию Микулину посвящена последняя часть письма, где дана характеристика его деятельности. Касаясь действий и поведения посла, королева отмечает большое старание и проявление максимальной степени уважения при исполнении послом своих обязанностей («And touching the general carriage and behaviour of your Majesties Ambassador during… hee… hath most carefullye and respectfullye performed the chardge of his Ambassage…»[18]). Действия посла во время событий, сопровождавших восстание герцога Эссекского, королева особо выделяет

---

[13] Сборник Императорского Русского исторического общества. С. 283.

[14] *Evans N. S.* The Meeting of the Russian and Scottish Ambassadors in London in 1601 // The Slavonic and East European Review. 1977. Vol. 55, nr 4, October. P. 518.

[15] Статейный список Г. И. Микулина. С. 177–178.

[16] *Evans N. S.* Queen Elizabeth and Tsar Boris … P. 55.

[17] Ibid. P. 56.

[18] Ibid. P. 59.

за готовность российского посланника идти и сражаться против восставших (ambassador «…was ready to have come forthe abd to have putt hymselfe in daunger against the undertakers Hereof»[19]). В завершение характеристики, данной послу, королева обращается к Годунову, подчеркивая уважение к подданному, столь решительно готовому поддержать честь своего государя («…due respect of suche a Subject, So readye to doe his Master honor»[20]).

Важным в оценке того внимания, которое уделялось миссии российского посланника, его личности, являются описания очевидцев, а также исследователей посольства, на которых ссылается Н. Эванс в статье «Встреча русских и шотландских послов в Лондоне в 1601 г.»[21]. По свидетельству Роланда Вайта (Rowland Whyte), он никогда не видел столь представительного собрания дам, как то, что имело место 14 сентября 1600 г. — первой публичной аудиенции посла царя Бориса Годунова[22]. Н. Эванс отмечает экзотический наряд посла, когда он приближался к королеве со своими слугами, чтобы передать верительные грамоты[23]. Другой свидетель, герцог Нортумберлендский (Northumberland) описывает одежду посла, который был в шитом золотом одеянии, ниспадающем к ногам, перетянутом спереди шнуром из жемчуга, в большой меховой шапке, богато украшенной большими жемчугами, в сапогах красной кожи на высоких каблуках[24]. Вот еще одно, пожалуй, самое емкое свидетельство, заимствованное Н. Эвансом из того же источника — у Л. Хотсона (L. Hotson), цитирующего герцога Нортумберлендского. Посол — высок ростом, очень полный, с крупными чертами лица и черной бородой, округло подстриженной; лицо смуглого цвета и походка — очень величественна[25]. По-видимому, выражение Н. Эванса «экзотический наряд посла» («the exotic attire of the ambassador») следует рассматривать скорее как непривычную для англичан внешность посланника. По этому поводу можно заметить, что в России внешность послов, особенно прибывающих с Запада: одежда (камзол, шляпа, туфли), прическа — также воспринималась на протяжении многих лет как экзотическая, что до сего времени дает себя знать, например, в исторических кинофильмах, снятых с определенной долей юмора, хорошего и плохого.

---

[19] *Evans N. S.* Queen Elizabeth and Tsar Boris … P. 59.

[20] Ibid. P. 60.

[21] *Evans N. S.* The Meeting of the Russian and Scottish Ambassadors in London in 1601.

[22] Ibid. P. 517.

[23] Ibid.

[24] Ibid.

[25] Ibid. P. 518.

Н. Эванс дает описание портрета посла, выполненного неизвестным художником, который, как он считает, передает лишь впечатление о внешности, а не создает образ за счет точного наблюдения. Посланник изображен безбородым, с небольшими усами в «татарском стиле», глаза — темные и спокойные, одежда сравнительно проста[26]. Упомянутый в начале настоящей статьи портрет выполнен маслом по дереву во время пребывания Г. И. Микулина в Англии. Он был куплен российским дипломатом Смирновым и передан канцлеру графу К. В. Нессельроде, который поместил его в Главный архив Министерства иностранных дел. В наше время портрет хранится в ГИМ в Москве; впервые опубликован в 1878 г. исследователем посольства Н. В. Чарыковым в статье «Посольство в Англию дворянина Григория Микулина в 1600 и 1601 гг.»[27]. Наличие портрета — лишнее подтверждение развития живописи в Англии эпохи королевы Елизаветы. Вот как пишет о времени посольства Н. В. Чарыков: «В Лондоне королеву в это время окружали замечательнейшие воины, поэты, мыслители и государственные люди эпохи английского возрождения. Тогда жили и действовали: сэр Вальтер Ралей, который основал первую английскую колонию в Америке; Дрэк, который совершил знаменитое путешествие вокруг света и напал на испанские колонии в Южной Америке; Франциск Бэкон, который тогда был юрисконсультом королевы, выдающимся членом парламентской оппозиции и начинал писать свои великие философские изследования (ему было тогда 39 лет); Шекспир, который в это время был директором модного тогда театра Глоб (Globe) и ставил, в год приезда в Лондон Микулина, с большим успехом свою трагедию “Король Ричард II”; Сидней и многие другие лица, имена которых славны в истории Англии и истории человечества»[28].

Заметим, что Н. Эванс разделяет предположение Д. Хотсона о присутствии Григория Микулина на первом представлении «Двенадцатой ночи» Шекспира, состоявшемся в Уайтхолле 6 января 1601 г.[29] Академик М. П. Алексеев по этому поводу пишет: «“Статейный список” посольства Микулина был по достоинству оценен не только историками, но даже театроведами; он позволил, например, автору новейшего исследования о комедии Шекспира “Двенадцатая ночь” Л. Хотсону вполне точно установить дату первого представления этой комедии при дворе королевы

---

[26] Ibid. P. 517–518.

[27] *Чарыков Н. В.* Посольство в Англию дворянина Григория Микулина в 1600 и 1601 гг.

[28] Там же. С. 28.

[29] *Evans N. S.* The Meeting of the Russian and Scottish Ambassadors in London in 1601. P. 519.

Елизаветы в присутствии герцога Орсини (как известно, он является одним из героев этой комедии)»[30].

Рубеж XVI–XVII вв. для Российского государства еще не ознаменован наличием большого исторического опыта, а также контактов с Европой, и от посла, представителя великого государства, требовалось особое умение замечать и понимать новое практически во всем, с чем ему приходилось иметь дело в Англии. Академик Д. С. Лихачев в 1954 г., давая краткую историческую и литературную оценку содержания «Статейных списков» русских послов, пишет: «Статейный список посольства Г. И. Микулина и И. Зиновьева в Англию в 1600–1601 гг. уже относительно более богат непосредственными жизненными впечатлениями от всего виденного и слышанного в незнакомой стране». Д. С. Лихачев завершает рассмотрение «Статейного списка» следующими словами: «Переговоры… Микулина обличают в нем ум, такт и умение с достоинством соблюдать интересы Русского государства»[31].

Анализ записей разрядных книг и боярских списков, опубликованных во второй половине XX столетия, позволяет дать ответ на вопрос, поставленный, по крайней мере, дважды исследователями посольства[32]: почему именно Григорий Микулин был выбран Борисов Годуновым для исполнения посольской миссии? Краткое обоснование версии его выбора в качестве посланника в Англию изложено автором в журнале «Отечественные записки» в № 1 за 1999 г. Годы 1571–1572 — время совместной службы Бориса Годунова и Григория Микулина в свите царевича Ивана (сына Ивана Грозного)[33], когда юный Гриша Микулин служит в рынде с «большим саадаком» (лук с налучьем и колчан[34]), а боярин Борис Федорович Годунов — во главе рынды «с другим саадаком», что подтверждает их давнее (почти тридцатилетнее) знакомство ко времени отправки Григория Микулина в Англию (через два года после восшествия Бориса Федоровича Годунова на престол).

Сказанное выше — ответ на замечание Д. Ф. Кобеко, сделанное им почти столетие назад: «Что побудило царя Бориса отправить послом к королеве Елизавете именно Микулина — неизвестно, но он оказался достойным

---

[30] *Алексеев М. П.* Первые литературные встречи // *Алексеев М. П.* Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века). М., 1982. С. 52. (Литературное наследство ; т. 91).

[31] *Лихачев Д. С.* Повести русских послов как памятники литературы. С. 331.

[32] *Чарыков Н. В.* Посольство в Англию дворянина Григоря Микулина в 1600 и 1601 гг. ; *Кобеко Д. Ф.* Родословные заметки о некоторых деятелях Смутного времени. СПб., 1908.

[33] Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966 ; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. 2, ч. 2.

[34] Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1996. Вып. 23. С. 9.

исполнителем царской воли. Успешно окончив переговоры, вернулся он из Англии в Архангельск 14 июня 1601 г.»[35]. Добавим от себя: поставив свое имя в ряд тех, кто обустраивал и возвеличивал Россию.

SUMMARY

This paper presents interesting historical facts of the relations between Russia and England dating back to the beginning of the 17th century and not well-known to the public. It deals with the diplomatic mission of the Russian envoy sent by the Tsar Boris Godunov to the court of the Queen Elizabeth of England in 1600–1601. This mission was successfully performed by the Russian noble Grigoriy Mikulin who received a very warm welcome from the Queen Elizabeth and who represented the interests of Russia with great intelligence and dignity.

The author of the paper pays tribute to the role of this Russian ambassador who helped establish friendly relations between the two countries and left a most important diplomatic document, an account of his dangerous and long (over a year) voyage and subsequent stay in England in his «Stateyniy Spisok» which is a reliable description of the political and economic situation in England as well as of the culture and life of the English court in those days.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Посольство, Григорий Иванович Микулин, Англия, царь Борис Годунов, королева Елизавета, Лондон, культура и жизнь английского двора.

KEY WORDS

Ambassador, Grigoriy Ivanovich Mikulin, England, Tsar Boris Godunov, Qeen Elizabeth, London, the culture and life of the English court.

---

[35] *Кобеко Д. Ф.* Родословные заметки о некоторых деятелях Смутного времени. С. 12.

Г. Н. ПИТУЛЬКО

АРХИВНАЯ ОПИСЬ КНИЖНОГО СОБРАНИЯ ФЕРФАКСОВ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОЙ ИСТОРИИ XVII–XVIII вв.

Для современных исследователей Англии раннего Нового времени должно быть интересно, что в фондах Архива СПбИИ РАН хранится рукописный каталог книжного собрания Ферфаксов[1]. Этот каталог был обнаружен нами при работе с коллекцией оригинальных документов и генеалогических геральдических бумаг, относящихся ко времени Тюдоров и Стюартов[2]. Несомненно, его материалы позволяют определить, насколько широки и разнообразны были читательские интересы семейства Ферфаксов. Представляется необходимым познакомить более широкий круг специалистов с материалами этого рукописного каталога, представленного в качестве Приложения к данной статье. Но прежде чем обратиться непосредственно к самому архивному источнику, следует напомнить некоторые генеалогические детали истории семейства Ферфаксов.

Семейство Ферфаксов принадлежало к раннестюартовской аристократии и оставило заметный след в британской истории XVII–XVIII вв. Первым бароном из этой фамилии по линии шотландского пэрства был Томас Ферфакс (1560–1640), старший сын сэра Томаса Ферфакса из Дентона и Нанэпплетона в Йоркшире[3]. Имя Томас, судя по генеалогическим данным, было наследственным и переходило по старшинству. Свой

[1] Архив СПбИИ РАН. Ф. 385. Ед. хр. 3.

[2] Там же.

[3] *Федоров С. Е.* Раннестюартовская аристократия (1603–1629). СПб., 2005. С. 362.

© Питулько Г. Н., 2013

баронский титул Томас Ферфакс получил далеко не случайно. Известно, что он выполнял самым деликатным образом несколько дипломатических миссий по поручению королевы Елизаветы, в том числе касавшихся вопроса наследования английского трона. С этой целью Томас Ферфакс встречался в Шотландии с правившим там сыном Марии Стюарт — Яковом VI Стюартом[4]. Уже в бытность нахождения у власти в Англии второго Стюарта — Карла I — в 1625 г. он был избран в парламент от Йоркшира, а спустя два года получил баронский титул.

Не менее известным представителем этой фамилии был и Фердинандо Ферфакс из Камерона (1584–1648). Этот деятель был знаменит тем, что в отличие от своего отца представлял Бороубридж в трех последних парламентах Якова I Стюарта и первых четырех времени правления Карла I Стюарта[5]. Сэр Фердинандо Ферфакс наследовал баронский титул 1 мая 1640 г. после кончины отца. В связи с именем Фердинандо Ферфакса следует упомянуть, что именно он подарил Йоркской монастырской библиотеке несколько сотен томов книг, в том числе редкие ранние издания XV – начала XVI в.[6]

Из всех Ферфаксов, живших в период серьезных политических катаклизмов XVII в., историки обычно выделяют в качестве самого знаменитого третьего барона Ферфакса из Камерона — Томаса Ферфакса (Thomas Fairfax of Cameron, 1612–1671). Третий барон Ферфакс получил наследственный почетный титул после смерти своего отца Фердинандо Ферфакса и являлся активным участником революционных событий. Общеизвестно, что он прославился в качестве генерала, возглавлявшего армию Долгого парламента и прошедшего путь от командира йоркширской кавалерии (1642) до главнокомандующего армией нового образца (1645)[7]. Как раз этот Ферфакс получил от своих соотечественников знаменитое прозвище «Черный Том». Он отличался необычайной смелостью, имел особую популярность и авторитет неподкупного порядочного человека. В дальнейшем в марте 1648 г. Томас Ферфакс отказался возглавить Северный поход против шотландцев. Спустя два года, в 1650 г., он ушел в отставку и тихо проживал у себя на родине в Йоркшире, в родовом имении Nun Appleton Hall[8]. Из заметных событий следует отметить, что в 1657 г. его дочь Мэри вышла замуж за герцога Бэкингема. Лорд-протектор Кромвель и его правительство воспринимало этот брак с подозрением, поскольку Бэкингем был связан с изгнанником Карлом II, за что и был арестован

---

[4] Dictionary of National Biography. Vol. 6 (далее — DNB, 6). P. 1004–1005.

[5] Ibid. P. 996.

[6] Handbuch Deutscher Historischer Buchbestände in Europa. Hildesheim ; Zürich ; New York : Olms-Weidmann, 2000. Bd 10. S. 325.

[7] *Hill C. P.* Who's who in Stuart Britain 1603–1714. Mechanicsburgh, 2002. P. 112.

[8] DNB, 6. P. 1011–1012.

в 1658 г. Ферфаксу пришлось отправиться в Лондон, чтобы выручить своего зятя. Во время своей последней встречи с Кромвелем он резко с ним поссорился. И, вероятно, дело заключалось не только в личных обстоятельствах. По крайней мере, после коллапса режима протектората в 1659 г. Томас Ферфакс поддержал генерала Монка и согласился поднять графство Йоркшир на сторону армии, обеспечившей реставрацию режима монархии в лице Карла II Стюарта. Согласно исторической легенде именно «Черный Том» предоставил новому королю лошадь для его коронации. После реставрации барон Ферфакс уже больше не участвовал в общественно-политической жизни Англии. Он доживал свой век в Йоркшире и умер в родовом имении 12 ноября 1671 г.[9]

Что касается увлечений и талантов легендарного генерала, то, как отмечают многие биографы, он был не лишен некоторых литературных дарований. Следует подчеркнуть, что вслед за отцом Фердинандо Томас Ферфакс обладал пристрастием и к книжному собирательству. Всю жизнь барон Камерон заботился не только о домочадцах, но и о своей библиотеке[10]. Более того, согласно желанию владельца личная библиотека «Черного Тома», в том числе 28 ценных рукописей и редкие старопечатные книги, были завещаны уже ставшей знаменитой Бодлеанской библиотеке[11].

Следует упомянуть и четвертого барона Ферфакса из Камерона. Это был сэр Генри, внук сэра Томаса Ферфакса (первого барона), который наследовал этот титул от своего кузена, «Черного Тома», в 1671 г. и отец которого, пожалуй, известен только тем, что был превосходным приходским священником и немного антикварием и генеалогом[12].

Гораздо более заметный след в британской истории оставил родной брат четвертого лорда Ферфакса Камерона — Брайан Ферфакс (1633–1711). Последний сопровождал «Черного Тома» в качестве личного секретаря в период возвращения на трон Карла II Стюарта и был тесно связан с герцогом Бэкингемом. Брайан Ферфакс в 1699 г. опубликовал краткие автобиографические записки о своем кузене сэре Томасе Ферфаксе[13].

Огромный интерес для изучения книжных пристрастий и коллекционирования среди Ферфаксов представляет Брайан Ферфакс-младший (1676–1749). Он приходился старшим сыном вышеупомянутого Брайана Ферфакса и являлся пятым бароном Камероном. Что касается важнейших биографических сведений этого представителя знаменитой британской фамилии, то, как и многие сородичи, он получил прекрасное образование.

---

[9] DNB, 6. P. 1011–1012.
[10] *Hill C. P.* Who's who in Stuart Britain 1603–1714. P. 114.
[11] *Markham C. R.* Life of the Great Lord Fairfax. London, 1870. P. 415–427.
[12] DNB, 6. P. 998.
[13] Ibid. P. 993–994.

Брайан Ферфакс-младший в 1693 г. окончил Тринити-колледж в Кембридже, защитив магистерскую диссертацию. Как и его предшественники из фамилии Ферфаксов, он смог в течение всей жизни собрать достаточно большую и ценную библиотеку, а также целую галерею картин. Каталог этой библиотеки впервые был опубликован для продажи на аукционе в апреле 1756 г. Последние же сведения о книжных богатствах Брайана-младшего отражены в аукционных каталогах и относятся к маю 1885 г. в связи с аукционом Сотбис[14].

Также достаточно известной фигурой для своего времени стал шестой лорд Ферфакс, который, забросив свои владения в Великобритании, уехал в Северную Америку. Именно он на новой родине стал еще большей знаменитостью и ближайшим другом Джорджа Вашингтона[15]. После войны за независимость английских североамериканских колоний Ферфакс Камерон-шестой лишился почти всех земель на территории США, подаренных ему Карлом II Стюартом.

К великому сожалению, книжная коллекция, собранная предками современного лорда Николаса Ферфакса не сохранилось в том виде, в коем пребывала примерно до 1742 г., когда шестой лорд Ферфакс покинул историческую родину. Почти 200 лет прямые наследники баронского рода Ферфаксов проживали в США и лишь в начале XX в. дед Николаса Ферфакса вернулся обратно в Англию, создав собственный банк, возвратив прежний титул и став при этом членом палаты лордов. Судьба самой библиотеки становится вполне ясной, если опираться на сведения одного из современных потомков династии Ферфаксов — Николаса, живущего в Великобритании, о том, что «…дед начал потихоньку скупать все то, что когда-то принадлежало семье — мебель, серебро, фамильные вещи и драгоценности, и самое большое богатство… частную библиотеку, связанную с гражданской войной в Англии… хотя далеко не все найдено и собрано»[16].

Еще одним важным историческим персонажем, связанным с книжным собранием Ферфаксов, стал не менее знаменитый в истории Англии, чем «Черный Том», сэр Томас Филиппс (1792–1872), унаследовавший фамильные владения в 1818 г. и ставший баронетом в 1821 г.[17] При всей своей увлеченности коллекционированием манускриптов и редких книг он, будучи магистром гуманитарных наук, являлся попечителем Британского музея и членом Королевского научного общества и Общества

---

[14] Ibid. P. 994.

[15] Ibid. P. 1013–1014.

[16] «Лорд Николас Ферфакс страстно рассказывает в деталях историю своего рода с 1627 года…» // Владивосток : интернет-версия газеты. 26.01.2007. URL: old.vladnews.ru/magazin.php?id=14&idnews=28977&current.

[17] *Fletcher W.* English Book Collectors. London, 1902. P. 367–372.

антиквариев. Несмотря на то, что его фигура вызывала и вызывает пристальный интерес британских и отечественных историков книги, существует еще много неясного и неточного в его биографии, в том числе в истории его коллекции. Так, автор научно-популярного очерка «Библиофилы и библиоманы» В. В. Кунин сообщает о каталоге рукописей, напечатанном самим Филиппсом и доведенным до номера 23837, а также об инвентарной описи, доведенной до 36-й тысячи[18]. Уильям Флетчер утверждал, что фонд рукописей в собрании английского антиквара насчитывал 60 тысяч единиц[19]. Для нас наиболее важно то, что сэр Томас Филиппс стал следующим владельцем книжного собрания Ферфаксов. Об этом говорят и письменные заверительные записи, которые можно прочитать на первых листах рукописного каталога Ферфаксов. Так, на первом листе нашего архивного документа помимо карандашного заглавия *Catalogue of the Fairfax MSS 10693 Ph*. имеется запись чернилами, указывающая на последнего британского собственника библиотеки Ферфаксов: «Phillipps Ms. 10693»[20]. Косвенным подтверждением возможной даты приобретения книжной коллекции Ферфаксов Томасом Филиппсом служит датированная филигрань на чистом защитном листе «W Warren 1840».

История жизни и книжных увлечений семьи Ферфаксов, помимо своих британских корней, имеет прямое отношение и к истории российского коллекционирования. Благодаря усилиям Н. П. Лихачева ныне в ЗЕС Архива СПбИИ РАН можно увидеть рукописный каталог этой библиотеки[21]. На верхнем переплетном листе расположена карандашная запись, относящаяся ко всей архивной подборке: «Catalogue of the Books et MS. belongs to the Fairfax family; also a collection of original documents and genealogical heraldic papers of the time of Henry VIII Eliz. James I»[22].

Попытаемся реконструировать исходя из данных рукописного каталога «самое большое богатство Ферфаксов». На 24 листах бумаги ин-кварто дается подробный перечень книг, некогда входивших в состав частного собрания британских аристократов; причем он начинается с перечисления кратких заглавий — инципитов 59 манускриптов, хранившихся у Ферфаксов. Далее следует перечень печатных книг, организованный по форматам и согласно предметно-систематическому принципу: сначала кратко описаны книги формата ин-фолио, затем — ин-кварто, а в заключительной части каталога — книги в «8-ю и 12-ю части листа».

---

[18] *Кунин В. В.* Библиофилы и библиоманы. М., 1984. С. 83.

[19] *Fletcher W.* English Book Collectors. P. 368.

[20] Архив СПбИИ РАН. Ф. 385. Ед. хр. 3. Л. 1.

[21] Мы выражаем искреннюю признательность А. В. Чирковой, которая любезно подтвердила принадлежность заверительной записи на картоне 385, сделанной на английском языке, почерку Н. П. Лихачева и указала на ряд публикаций, касавшихся рукописной части коллекции сэра Томаса Филлипса.

[22] Архив СПбИИ РАН. Ф. 385. Ед. хр. 3. Л. 1.

Что касается рукописной части собрания Ферфаксов, то следует отметить, что в ее составе было восемь пергаменных манускриптов. Среди рукописных раритетов необходимо выделить ставшую довольно известной для англичан XVII столетия рукописную книгу *Analecta Fairfaxiana*, написанную антикваром и генеалогом Чарльзом Ферфаксом (1597–1673), третьим из выживших сыновей первого лорда Томаса Ферфакса[23]. Любопытно, что эта рукопись существовала только в двух списках, и благодаря нашей архивной описи можно утверждать, что один из манускриптов был выполнен на пергамене[24]. Среди пергаменных рукописей также можно выделить *Epistolae* Иеронима Блаженного и *Liber Psalmorum*[25].

Исходя из данных архивного каталога, в коллекции Ферфаксов были представлены рукописные книги не только на английском, но и на французском и итальянском языках. Несколько кодексов специально освещали историю фамилии Ферфаксов. Безусловно, большая часть рукописей хронологически была составлена в конце XVII в. С точки зрения содержания многие рукописи на английском языке, вполне естественно, затрагивают политическую историю Англии XVII столетия. Целый ряд манускриптов был связан с историей графства Йоркшир, как, например *Eveshams book of Yorkshire*, *Genealogies of familiys, most of Yorkshire* или же *Extract of Old Records. Yorkshire*[26].

Следует кратко остановиться и на внутреннем порядке расположения описаний печатных книг: сначала в определенном формате в рукописном каталоге идут краткие титулы книг европейского континентального происхождения, а затем отдельно выделены английские издания. Помимо кратких сведений о названии книги и об авторе, в описании по форматам даются сведения о шифре и о систематическом разделе: «История Англии» — 1, «История других стран» — 2, «Путешествия» — 5 и т. д. Причем, заметим, что номера систематических разделов не совпадают в разных форматах. Так, например, в формате октава раздел «История» имеет номер 3, а в формате кварто — 1.

Кроме того, в рукописном каталоге библиотеки Ферфаксов, к сожалению, весьма факультативно даются сведения о месте, иногда типографе и годе издания. Суммируя все описания, в нем даны сведения о более чем 780 изданиях, в томах в каталоге упоминаются более 1000 библиотечных единиц, но при этом примерно только 30 % печатных изданий имеют конкретные данные о месте и годе выхода.

Меньше всего в библиотеке Ферфаксов, по вполне понятным причинам, было инкунабул — всего четыре датированные книги XV в. Эти издания

---

[23] DNB, 6. P. 994–995.
[24] Архив СПбИИ РАН. Ф. 385. Ед. хр. 3. Л. 1–23.
[25] Там же.
[26] Там же.

представляют собой континентальную печать 1494–1496 гг. Интересными представляются сведения о более 110 датированных изданиях XVI в. Вполне естественно, что среди полновесных данных более всего книг XVII столетия — свыше 160, а книг первой четверти XVIII в. — не более 20 изданий. Самой верхней датой печатных датированных книг является лондонское издание 1725 г. — *Historical Account of Taxes*[27].

Если характеризовать по своему содержанию данную библиотеку, то в ее составе преобладают художественные и исторические работы, в том числе труды классиков античной литературы: Катулла, Вергилия, Теренция, Сенеки, Ювенала, Гомера и др. Среди английских авторов в рукописном каталоге даны сведения о наличии в книжном собрании Ферфаксов работ Джона Стоу, Уильяма Шекспира, Бена Джонсона, Джонатана Свифта и др. Примечательно, что особый интерес у владельцев библиотеки, судя по данным каталога, вызывали описания путешествий и книги по истории Англии. Любопытно, что когда речь идет об изданиях знаменитых европейских печатных домов XV–XVII вв., вместо места издания составители каталога кратко дают сведения об издателях: «Plant.» (Плантены), «H. Steph.» (Генри Этьен), «Elz.» (Эльзевиры), «Ald.» (Альды) и т. д.

Что касается языковой принадлежности, то на первом месте, безусловно, стоит латынь — язык науки и богословия, литературной прозы и поэзии, затем следует английский, на третьем и четвертом местах — соответственно французский и итальянский. Кстати, в составе библиотеки Ферфаксов довольно много разнообразных словарей и энциклопедий, а именно техническая энциклопедия, правовой словарь, словарь французского языка, итальянско-английский словарь и т. д.

Таким образом, перед нами явно универсальная библиотека английских аристократов, придававших большое значение европейскому контексту. Можно предположить, что многие из европейских печатных изданий приобретались библиофилами на континенте или специально заказывались по книжным каталогам, которые также представлены в рукописном каталоге. Так, известно, что Брайан Ферфакс-старший в ходе своей политической карьеры неоднократно посещал Францию и Нидерланды[28]. По-видимому, во время путешествий он вполне мог пополнять фамильную библиотеку новыми ценными изданиями Плантенов или Эльзевиров. А его старший сын, собственно самый крупный собиратель из библиофильской династии Ферфаксов, вообще служил комиссионером таможенных сборов, что обеспечивало его не только твердым заработком, но и возможностью получать регулярно книги из Европы[29].

---

[27] Архив СПбИИ РАН. Ф. 385. Ед. хр. 3. Л. 23.

[28] DNB, 6. P. 993.

[29] Ibid.

Исходя из данных рукописного каталога книжной коллекции Ферфаксов не будет натяжкой утверждать, что в самих описаниях каталога библиотеки была воплощена ранняя идея Просвещения британского образца. Это книжное собрание, которое можно реконструировать, опираясь на архивные материалы, несомненно, относится к числу интереснейших и малоизученных примеров английского библиофильства.

Приложение

Ф. 385. Ед. хр. 3. Л. 1–24[30]

Catalogue of the Fairfax MSS (карандаш. — *Г. П.*)
Phillipps MS
10693 (черные чернила. — *Г. П.*)

Л. 1

1 Templa. Arcus Triumphales Palatia Aedesq alice Vetustae eleganter et Penecillo admodum accurate delineate. In Pergameno

2 The Book of Allowances of Orders concerning an Erles hous persegning to the Gent. Ushers of all Officers of householde

3 Bibliotheca Regia in Palatio D: Jacobi Catalogus. Corio Turcico

4 Eveshams book of Yorkshire, being Coats of Arms of the Gentry

5 Oweni Epigrammata

6 Liber Psalmorum etc: antiques in Perg:

7 An Inventorie of the Personall Estate of the late King, sold by Act of Parliament

8 The Duke of Buck's Pictures sold at Antwerp (imperfect) in tyme of His Exile

9 Services at Court. Sr Tho: Knyvets hand.

10 A Short account of the Descent of the Veres by Dan King

11 Monuments of the Family of the Veres drawn by D: R:

12 Observations Rules and Orders entered in the Journal Books of the House of Commons: temp: H: 8. Ed: 6. Mar: Eliz: Jacis. Car: 1 et 2. Jac: 2di.

13 Sr S: Mandevilles Travails in French. Vellome

14 Analecta Fairfaxiana in Perg: A Car: Fairfax

15 Testament Maistre Jehan de Mehun. Perg.

16 Le Questioni Tusculani di M: Tullio Cicerone in Perg: curiose illumin:

---

[30] Орфография и пунктуация в соответствии с оригиналом. При сокращении слов часто вместо точки использовано двоеточие. Список печатных книг представлен в форме таблицы, где в первом столбце указан шифр, во втором — заглавие книги, в третьем — номер, в четвертом — место издания или типограф, в пятом — год издания.

17 Relatione della Repub: Di Venetia dal Marchese di Bedmar. Relatione di Roma dal Sre Raniero Zeno. Jnstruttione data dal Mar: di Bedmar a D: Luigi Bravo suo Successore

18 Cest le livre da regime et gouverment des Empresses Roynes Duchesses, Princesses Baronesses Nobles Dames Damoiselles Bourgaises etc. In Perg.

19 Miscellanies in my Fathers

20 Sti Hieronimi Epistolae in Perg: Liber Monasterij Ste Mariae Ebor.

21 Mercurius Trismegistus calld Pimanderno a Commentary by T: P F

22 History of Barlaam et Josaphat K: of India by T: P: F:

23 An Account of Disbursement out of the Privy Parse. Vc. Anno 21 to 1725

24 A Hd Latin et English Dictionary

25 Le comptent du monde p M: Jehan de Meun. Perg:

26 Deed et Jndentures relating to the Family of Fairfax

27 An Account of witches by Ed: Fairfax. Imperfect

28 De la Source et comencement des Troubles sascites aux Pays Bas soubs le gouvernement de la Duchesse de Parma

Л. 2

29 Memorabilium Familiae nostrae. Fasciculus a Car: Fairfax

30 An Argument upon the Question of Jmpositiors by S. John Davies

31 The Highway to Heidelbergh by T: 1st L: Fairfax

32 Certain Errors upon the Statute Ed: by of children born beyond the Sea concerned by Serg: Browne et refused by Serg: Fearfax**.**

33 Collection of Poems et Satyrs.

34 Evidences of Fairfax extracted from Dodsworths Collections

35 On the Sabaoth

36 Dialogues in Jtalien et English

37 De Principiis Rerum et Fermentatione

38 Rosulae Parliamt. Ricardi 2di

39 Conference between the Houses concerning the liberty of the Person of every Freeman

40 Funerall Sermon of L Fairfax the Gen.

41 Miscellanies. F: Fairfax

42 Coppies of Letters 1614

43 De Justificatione Henr. 8 Joan: Redmayne

44 Genealogies of Familys, most of Yorkshire. Old

45 Extract of Old Records. Yorkshire

46 Coll:n of Papers relating to the Civill List Kings household etc.

47 The Book of Allowances of Orders concernin an Earles House.

48 MSS of Monuments by Mr Stone Master Mason. D: of Bucks Pictures. Account of the Moores Buildings in Spaine.

49 Computus Port Marit: Jemp: Eliz:
50 Of the Naval. Trade of Eng: Ano 1688 P Gr: King.
51 Mem: so L Godolphin on Free Trade
52 Extract of the Revenues in France 1694/5
53 Political Observations on the State of England for raising a Tax. p. Gr: King Herald
54 D Answer to notes et Queries on it. To Rob: Hartey (?)
55 Cat: of Books of the College of Arms
56 Poems. Old
57 Chartae Antiquae in Turre
58 Combat between Archdeacon and Maubray
59 Accounts of Customs. Exchequer. Cofferer. E: of Lancaster.

Л. 3–4 — чистые

Л. 5

Livres Francois. Jtalliance etc. Folio.
Histoire Brit: 1

3.3.0	Scamozzi Antichisa di Roma		Ven	1583
	La Bible Sainct	4		
0.10.0	La Dissection du Corps	4	Colin	1646
	Lettres du Cardinal D'Ossat 90	4	Par:	1641
0.15.0	Histoire de Thucydide	1	Vasc:	1558
1.10.0	Annales d'Aquitaine	1	Poietiers	1644
1.18.0	Oeuvres de St Evremond 2 Vol:	4	Lond.	
0.8.0	Memoires Querriers du Duc de Croy	2		
10.0.0	Palladio 3 Vol:	4	Lond:	
1.0.0	Grand Cabinet Romain	4		
1.10.0	Histoire de Turcs 100	2	Paris	1650
0.10.0	Victoires de Prince Maurice	2	Leyd:	1612
	Voyage de Charle 2d en Hollande	4		
	Voyage de Guill: 3 me en Hollande	4		
0.15.0	Fontani de Roma	4		
0.9.0	Jmprese de Ruscelli	4	Venet:	1566
1.12.0	Medaglie del Canini	4	Roma	
0.16.0	Palladio	4	Ven:	1642
	Dictionaire de Veneroni	4		

	Vie de du Plessis Mornay	4	Elz:	1647
1.10.0	Description de l'Archipelago 110	2	Amst:	1702
1.10.0	Essays de Montaigne	4	Vascos:	1652
3.0.0	Chronique de Froissart	1	Paris	1574
1.10.0	Guerri Civili de Davila	2	Paris	1666
0.10.0	Vitruvio di Durantino	4		1524
6.12.6	Deche di Livio di Nardi	3	Giunt	1575
0.15.0	Mentes di Salmones 11 Vol.	1	Par:	1661
	Annales de Zonare	3	Lyon	1560
1.2.0	Parallele d'Architecture	4	Par:	1702
3.10.0	Viaggi da Ramusio III Vol: 120	4	Giunti	1563

Л. 6

English Folios
Hist: of Eng. 1. other Count: 2: Misc: 4. Travells 5. Poetry 6

	The Bible	4		
0.15.0	Speeds Maps	1		
2.0.0	Lucan by Row	6		
1:10:0	Priors Poems	6		
0:15:0	Silius Jtalicus by Ross	6		
1.10.0	Shakespears Plays	6		
1.2.0	Beamont et Fletchers Plays	6		
1.0.0	Ben Johnsons Works 2 Vol: 130	6		
1:0:0	Spensers Works	6		
0.5.0	Cowleys Works	6		
5.5.0	Popes Homer 5 Vol.	6		
	Popes Works	6		
1.1.0	Gays Works 140	6		
	Chaucers Works	6		1602
	Blackmores Prince Arthur	6		
3.3.0	Miltons Works 2 Vol:	6		
4.0.0	Addisons Works 4 Vol:	6		
0.8.0	Mrs Phillips's Poems	6		

3.15.0	Echards History 3 Vol: 150	1		
0.10.0	Rawleighs Hist: of the World	4		
0.15.0	Caballa of Letters	1		
1.6.0	Scobells Acts	1		
	Camdens Britannia	1		
0.10.6	Townsends Collections	1		
0.6.0	Wilsons History of K: James	1		
1.0.0	Antoninus's Jtinerary by Baenton	1		
0.3.0	Martins lives of Eng: Kings 160	1		
	Rushworths Coll^{n} Vol: the 1st 2^{d} 3^{d}	1		
0.5.0	Rye house Plott.	1		

Л. 7

	Folias			
6.6.0	Vitruvius Britannicus III Vol	4		
8.0.0	Churchilles Voyages 4 Vol:	5		
0.10.0	Chardins Travells 170	5		
0.5.0	Herberts Travells	5		1638
	Purchas's Pilgrims Vol: 1st	5		1625
	Hackluyts Voyages Vol: 2nd (зачеркнуто. — *Г. П.*)			
0.12.0	Morysons Jtinerary	1		
0.6.0	Le Blancs Travells	5		
5.16.0	Harrison of Kent	1		
	Lexicon Technicum Vol: 1st	4		
0.6.0	Philip de Comines	1		1674
0.12.6	Burnets Theory of the Earth	4		1691
0.18.0	Evelyns Sylva	4		
0.10.6	Pettys on Mettalls 180	4	Lond	1686
	Thorsbys Leeds	1		
0.4.0	Maces Musick	4		
0.3.0	Pembrokes Arcadia	6		

0.5.0	Boccaces Novells	6		
	Daltons Justice	4		
	Cooks Institutes 2^{d} et 3^{d} P^{t}.	4		
0.16.0	Resuscitatio. L Bacon	4	Lond	1657
0.8.0	History of y-e Jrish Rebellion	1		1680
0.18.0	Drydens. Fables et Poems 190	6		
0.7.6	Spriggs Englands Recovery	1		
	Dugdales Baronage Vol I II	1		1675
	Reports on the Plott 1722	1		
	Hopes Compleat Horseman	4		
0.6.0	Melvills Memoires	1		
0.10.6	Nicolsons Historicall Library	1		
0.10.0.	Sr Hawkins Voyage	5		1622

Л. 8

0.10.6	Stows Annals	1	Lond	1631
2.0.0	Prynnes Records of the Tower	1	Lond	1657
1.11.0	Coucel of Trent 200	4		1620
	Skinners Lexicon	4		1671
2.0.0	Burtons Leicestershire	1		1622
3.3.0	The Union of York et Lancaster by Hall	1	Gratton	1548
4.4.0	Polychronycon Higdens	1	Wynkion Theworde	1495
0:18:0	Compleat Embassador by S^{r} D: Digges	1		
	Commons Peport on the Plott	1		
	Law Dictionary by Blount	4		
1.15.0	Speeds Hist: of Great Brit.	1	Lond:	1632
1.1.0	Sandfords Genealogicall History	1		1677
0.16.0	Webbs Vindication of Stone-Heng.	1		1665
	Clarendons History III Vol:			
0.16.0	Hammond on the New Testament	4		
0.15.0	Hookers Ecclesiastical Policy	4		
0.8.0	Lock of Human Understanding	4		

2.10.0	Negotiations of S^{r} L: Jenkins II Vol LP	1		
2.10.0	De la Mottrays Travells II Vol	5		
2.0.0	Pricleaux's Connection II Vol.	4		
1.10.0	Dugdales Pauls	1		
3.0.0	Fiddes Life of C. Wolsley Lar P:	1		
	Tillotsons Sermons			
	L. Bacons Works III Vol:			
0.16.0	Machiavells Works			
0.5.0	Malynes Lex Mercatoria			
	Stonehenge restor'd by Jnigo Jones		Lond	1655

Л. 9

Graec: Latin: etc. Quarto. Hist: 1 Poet: 2 Misc: 3

	Gregorij Nazanzi Carmina	2	Ald:	
	Euclidis Liber as so a P: Montaureo	2	Vasco	1551
	Beza Poemata	2	Steph	1597
0.10.0	Rapini Ecloga	2	Gramois	1659
0.10.6	Aeschylus	2	H Steph	1557?
0.8.0	Oppian de Venatione	2	Vascos:	1555
	Lipsi Militia Romana	3	Plant:	1596
	Lipsius de Amphitheatro	3	Plant:	1589
0.5.0	Cambdeni Elisabetha	1	Elz:	1639
0.8.0	Historia Pacis Belgiae. Leonis 10	2	Elz:	1654
0:12:6	Meursi Athenae Bataviae	2	Elz:	1625
0.8.6	Bayfius de Re Navali	3	R: Steph:	1536
0.16.6	Dionysius et Pomp: Mela Gr: Lat:	3	H: Steph	1577
	Diogenes Laertius	3	H: Steph:	1570
1.2.0	De Re Rustica	3	Ald	1533
	Virgilius	3	Cant:	
4.0.0	Horatius	3	Cantab:	
	Terentius	3	Cant:	
	Catullus Tibullus Propertius	3	Cant.	

	Ciceronis Opera 2 Vol (зачеркнуто. — *Г. П.*)		L : Bat.	1692
0.8.0	Antiquitates Roma et Palladio Lat: Ital: 20	3	Oxon	1709
0.10.0	Fracastorij Opera	4	Juntae	1584
0.10.0	Scaliger in Aristot: de Plantis	3	Vasco:	1556
0.1.0	Quintilianus	3	Colinae:	1541
1.0.0	Longinus Tollij	3		
1.0.6	Vavassor de Ludicra Dictione	4	Gram:	1658
	Philosophia de la Grand	4		
	Dictionarium Stephani	4	Lugd:	1575
	Horatius Delphini (зачеркнуто. — *Г. П.*)	3	Lond:	
	Littletons Dictionary P^b 2^a (зачеркнуто. — *Г. П.*)			
	Elementa Carvarum Linearum de De Witt	4	Elz	1659
	Plinij Epistolae. Catanaei Com: 30	3	P. Stephan:	1601
0.10.0	Leslaeus de Originae Scotorum etc.	1	Rom:	1578
0.7.6	Mercurialis de Arte Gymnastica	3	Junt:	1573
0.7.6	Specimen Islandiae	2	Amst	1643
0.6.0	Hemelarij Numismata	4	Ant:	1627
	Apollodorus. Conon. Ptolemaeus. Parthenius	3	Par:	1675
	Junij Batavia	2	Plant	1588
0.15.0	Descriptio Britanniae a P: Jovio. et Jmperat. a Gebuiero: 1	1	Venet	1548
	Politicorum Aristotelis Lib. 8	3	Elz:	1621

Л. 10

Franc: Jtal: etc. Quarto
Hist: 1 Poet: 2 Misc: 3

0.10.0	Vite di gl'Jmperatori p. L: Dolci	1	Giol:	1558
0.16.6	Architettura de Vitruvio. Barbaro 40	3	Venet	1584
1.10.0	Decameron di Boccacci Salviati	2	Giunti	1584
0.10.6	Agostino sopra le Medaglie	1	Rom:	1592
0.12.0	Petrarcha di Vellutello	2	Giolito	1544

0.12.0	Orlando Turioso	2	Giol:	1546
	Lettere di Tolomei	3	Giol	1547
1.1.0	Hist: de Cremona. Campo fig: da Carraccio	1	Milan: Bidell	1645
	Jtalian et English Dictionary	3		
	Pastor Fido. Rolli +	2	Lond	
0.8.0	Rime di Rolli +	2	Lond	
	La Moral Philosophia 50	3	Ven: Mareol:	1552
	Dictionaire Francoise	3		
1.0.0	Travaux de Mars 3 Vol.	3		
0.16.0	L'Ambassadeur de Niequefort 2 Vol:	3		
0.8.0	Historia Vinitiana. Bembo.	1	Scotto Vin	1552
2.7.6	Architettura di Lanini	3	Pado:	1629
0.2.6	Le Us et Goutames de Mer	3	Rou:	1671
0.18.6	Guicciardini Hist: d'Jtalia 60	1	Ven: Bevila:	1569
0.3.0	Joachimi Vaticinia fig.	3	Ven: ap: Porrum	1639
0.4.6	Nobilta de Dame	3		
0.7.6	Orationi di Huomini Jllustri	3	Venet:	1561
0.10.0	Quinque Canti Nuovi d'Ariosto di Camillo Camilli	2	Giol:	1548
	Le Prose di Bembo	3	Nap:	1714
0.10.6	Guerra Di Fiandra. Bentivoglio	1	Ven:	1640
	Oeuvres de Voiture	2	Par:	1650
	Defense de Prince d'Orange	1	Leyd:	1581
1.01.0	Hist: Venet: di Nani	1	Ven:	1662
0.10.0	Guerres entre l'Angleterre et l'Hollande 70	1	Amst	1668
	Documente d'Amore di M. Fr: Barberini configure Bellissime	3	Rom:	1640
3.0.0	Recueil des Traites de Paix de Truce de Neutralite de Confederari d'Alliance et de Commerce entre les Rois de France	1	Par	1693

	d'Angleterre et tras les Princes et Potentats de la Europe. 6 Vol.			
1.1.0	Histoire du Roy H: le Grand par Messire H: de Perefixee et de Rhodes	1	Par	1663
0.10.0	La Tableau des Riches Jnventions couvertes du Voile des Feinses Amoreuses qui sont representees dans les Songesche Polyphile par Beroalde.	3		1600
	La terrible et merveilluse Vie de Robert le Diable. Richard sans peur Pierre de			
0.5.0	Provence et la vie de Tiel Vlenspiegle		Rouen	
3.3.0	Orlando Jnnamorato di Berini		Ven: Giunta	1545
2.10.0	Arch: di Sebast: Serlie opt. Eder:		Ven	1619

Л. 11

English Quarto
Eng: Hist. Travells et Poetry. Misc:

	The Bible +	3		
	A Collection of Sermons +	3		
0.3.0	Goodwins Antiquitys	3		
0.8.0	Goodwyns Catalogue of B^{ps}	1		1601
0.8.0	Bacon of Goverment	1		
	Tracts about Charts the 1st +	1		
	Speeches et Passages in 40 et 45 +	1		
	Rights of the Kingdome Kings et Parl	1		
	Lives of the Popes et y^{r} Doctrine	3		
	Spratts Royall Society 80	3		
0.10.0	Jeoffry of Monmouth	1		
	Tatlers 4 Vol:	3		
0.8.0	Lover et Reader	3		
0.4.0	Blounts Remarks upon Poetry	2		
0.15.0	Drydens art of Painting Guilt L. P.	2		
	Ovids Metamorthosis by Golding	2		1593
	Daniels Works 90	2		

0.4.0	Moxon on the Globe	3		
	Collection of Remonstrances etc. 1643 +	1		
0.5.0	Buccaneers of America	2		
	Browns Travels	2		
0.4.0	Strays's Voyages	2		
0.3.0	Discovery of the Molucco et Philippine Jslands	2		
0.4.0	Shirleys Plays	2		
1.10.0	Skeltons Don Quixot	2		
	Yarrantons Jmrovement	1		
	Estate of the Church 100	3		1602
	Benefitts of Christ to Mankind	3		
0.6.0	Thomas's History of Jtaly	2	Berthelet	1549
0.5.0	Solysels Horsemanship abridg'd	3		
0.2.6	England's improvements by Cook	1		
0.5.0	Husbands Collections	1		1643
0.8.0	Prynnes Power of Parliaments	1		1643
	Gregorij Posthuma	3	Lond	1656
	Severall Treatises of Peace et Commerce	3	Lond	1686
0.3.0	Hales's Golden remaines +	3	Lond	1659
0.4.0	Stows Survey of London	1	Lond	1603
0.5.0	Molloy de Jure Maritime	3	Lond	1682
	Religion of Nature delineated by W: Wollaston		Jb:	1725
0.5.0	The whole works of George Gascoigne Esq.			1575

Л. 12

Graec: Latin: in Octavo Duodecimo etc.
Hist: 1. Class: et Poet: 2. Respubl: et Opt. Edit: 3 Misc: 4

0.16.0	Plavti Comedia	2	Giunti	1514
0.8.10	Florilegium Epigrammatum Graec:	2	Ald:	1511
0.6.0	Valerius Maximus	2	Ald	1534
0.10.6	Senecae Tragaediae	2	Ald	1517

0.10.6	Badaeus de Asse 4to	2	Ald	1522
1.6.0	Stavius	2	Colinae	1530
0.10.0	Martialis Epigrammata	2	Col:	1528
0.9.0	Silius Italicus	2	Col:	1531
0.10.0	Juvenalis et Persius	2	R: Steph:	1544
0.6.0	Homeri Jlias Lat: 10	2	Wechel	1538
1.0.0	Vitruvij Architectura	3	Junt:	1528
0.2.6	Casaris Opera	2	Comelin	1595
0.4.0	Petronius Arbiter	2	Plant:	1596
0.3.6	Foquelinus in Persium	2	Wechel:	1555
0.3.0	Procopius de Justiniani Aedificijs	2	Wechel	1537
4.4.0	Ciceronis Opera 10 Tom:	2	Elz	1642
0.16.0	Ovidij Opera 3 Tom	2	Elz	1629
	Senecae Opera 3 Tom: 30	2	Elz	1649
0.8.0	Claudiani quae exstant	2	Elz	1629
	Quintus Curtius	2	Elz	1656
	Lucius Florus	2	Elz	1657
	Plinij Epistola	2	Elz	1653
0.5.0	Justini Historia	2	Elz	1640
	Macrobius	2	Gryph	1560
2.5.0	Horatius. Dacier 10 Vol 40	2	Paris	
	Caesaris Commentariae (зачеркнуто. — *Г. П.*) Blondi Flavij Romae Triumpharis		Colinaeus	1533
	Anacreon et Sappho	2	Salmurij	1580
	Petronius Arbiter cum fragmentis	2		
	Terentius Donati 50	2		1616
	Catullus Tibullus Propertius	2	Amst	1686
	Aristinaetus Variorums	2	Par	1494
1.0.0	Juvenal (зачеркнуто. — *Г. П.*) Ovidij Opera III Vol.	2	Lug. Bat:	1670
0.5.0	Lucius Florus (зачеркнуто. — *Г. П.*) Quintus Curtius	2	Amst	1664

0.6.0	Salustius (зачеркнуто. — *Г. П.*) Valerius Maximus	2	Lug. Bat:	1653
	Q. Curtius (зачеркнуто. — *Г. П.*) Sulpicius Severus	2	Lugd. Bat:	1647
4.<…>	Q. Curtius (зачеркнуто. — *Г. П.*) 2 Horace	2	Lugd: Bat	1653
0.6.0	Epigrammata Graeca (зачеркнуто. — *Г. П.*) Lucan 60	2	Lugd. Bat.	1658
0.8.0	Casaris Comment. (зачеркнуто. — *Г. П.*) Seneca Tragaediae	2	Lug: Bat	1661
0.11.0	Apollodorus (зачеркнуто. — *Г. П.*) Svetonius	2	Lug. Bat	1662
1.6.0	Apollodorus (зачеркнуто. — *Г. П.*) Livij Historia III Vol	2	Amst	1618
0.6.0	Ausonias (зачеркнуто. — *Г. П.*) Juvenal et Persius	2	Amst.	1684
0.4.0	Horatius (зачеркнуто. — *Г. П.*) Phaedri Fabula	2		
	Horatius (зачеркнуто. — *Г. П.*) Florus		Neomagi	1662

Л. 13

0.5.0	Horatius (зачеркнуто. — *Г. П.*) Caesaris Comment:		Lug: Bat:	1651
0.6.0	Virgilius (зачеркнуто. — *Г. П.*) Sallusticus		Jb:	1677
0.5.0	Homerus (зачеркнуто. — *Г. П.*) Justinus		Amst	1702
0.6.0	Ovidius (зачеркнуто. — *Г. П.*) Martialis		Lug: Bat:	1640
0.12.0	Claudianus (зачеркнуто. — *Г. П.*) Appian II Vol:		Amst:	1673
0.14.0	Valerius Maximus (зачеркнуто. — *Г. П.*) Tacitus II Vol		Amst.	1673
0.5.0	Catullus (зачеркнуто. — *Г. П.*) Terentius		Lug: Bat:	1669

1.2.0	Silius Jtalicus (зачеркнуто. — *Г. П.*) Polibius III Vol.		Amst	1670
	Erasmi Colloquia	3	Elz	1636
	Cardani Arcana Politica	3	Elz	1635
	Malvezzi Princeps	3	Elz	1636
	Laus Asini 70	3	Elz	1629
	Heinsij Poemata	2	Elz	1653
	Riverij Apologeticus	3	Elz:	1643
	Barlai Poemata	2	Elz:	1631
	Buchanani Psalmi	2	Elz	1621
0.3.0	Leonis Africa	3	Elz	1632
	Respublica Romana	3	Elz	
	Respublica Anglorum	3	Elz	
0.2.3	Respublica Hebraeorum	3	Elz	1632
	Cluverius	3	Elz	
	Barclaij Argenis 80	3	Elz:	
	Barclaij Euphormio	3	Elz	
	Perezi Jus Publicum	4	Amst Elz	1657
0.5.0	P: Comines et Frossard	1	Dupuy	1562
	Alphabaetum Graecum	3	R: Steph:	1580
	Orphographiae Ratio	3	Ald:	1561
0.8.0	De Astatia Vulpeculae Reinikes	3	Franco.	1571
0.10.0	De morto Gallico (зачеркнуто. — *Г. П.*) English		Lond	1533
	Erasmi Apothegmata	3	Colin	1532
	Fallopius de Morto Callico et Peste	4	Prag	1564
	Jovij Vice comites Mediolane (зачеркнуто. — *Г. П.*)		R. Steph.	1549
	Alb: Gentilis de Armis Romanorum 90	4		1599
	Scaligeri Poetices	2		1586
	Manutij Epistolae	3		1569
	Libri Solomonis	4		1541
	Vera Theologia Erasmi	4	Bas:	1521

	Ciacconius de Triclinio	4		
	Moria Encomium	4		
	Musae Anglicana P^{s} 1ma 2	2		
0.3.0	Poiret de Eruditione	4		
	Cluverij Geographia 100	4		
	Elementa Architectura	4		

Л. 14

8° 12° etc.

	Propheria Merlini	4	Fran	1603
	Lactantius	4		
0.3.0	Pinaeus De Notis Virginitatis	4		
	Oweni Epigrammata	2		
	Biblia Sacra	4		
	Historia Numism: Pasini	4		
	Albertus Magnus de Secretis etc.	4		
	Cambdeni Britannia	4		
	A: Julij Poemata 110	2		
	Erasmi Apothegmata	4		
	Baxtorfi Lexicon (зачеркнуто. — *Г. П.*)			
	Alciati Emblemata (зачеркнуто. — *Г. П.*)			
	Expeditio in Ream Insulam	1		
	Euclid: Barrons	4		
	Phrases Poeticae	2		
	Palingenij Poemata	2		
	Psalterium Hebraum	3		
	Antiquissima Fides	4		
	Baldi Poemata	2		
	Compendium Theologiae	4		
	Augustini Confessiones 120	4		
	Piscatoris Aphorismi	4		
	Burgens dicius (зачеркнуто. — *Г. П.*) Marullus Angerianus et Secundus	2	Par:	1582

	Apologia Ecclesiae Anglicanae	4		
	Balthasar de Aulico	4		
	Lipsius de Constantia	4		
	Marbodei Dactylotheca	4		
	Dillinghami Poemata	2		
	Bezae Novum Testamentum	4		
	Orationes Excerptae	4		
	Campiani Epigrammata	2		
	Sleidan de quatuor Monarhijs 130	1		
	De Concilijs	4		
	Pia Desideria	2		
0:8:10	Horatius Cunninghamij 2 Vol.	2		
	Clerici Physica (зачеркнуто. — *Г. П.*) Plautus		Lug Bat	1669
	Sviceri Physica (зачеркнуто. — *Г. П.*) Petronius		Amst	1669
	Sviceri Physica (зачеркнуто. — *Г. П.*) Vellejus Paterculus			1668
	Curcellei Ethicas (зачеркнуто. — *Г. П.*)			
	Sallij Ethicas	2		
0.1.0	Jgnoramus			
	Historia Transubstantiarionis	4		

Л. 15

Jtal: Franc: etc. in 8° 12° etc.
Ital: 1. Hist: 2. Poet: 3 Misc: 4.

	Discorsi di Machiavelli	1	Ven.	1544
	Del Segretatis	1	Giun	1656
0.3.0	Panegerico alla Amore	1	Rom	1526
0.4.0	Ragionamenti piacevoli d'Aretino 140	1		1660
	Le Garc de Disperati	1		
	Jl Cardinalismo di Santa Chiesa 3 V.	1		1668
	Arcadia di Sannazaro	1	Ven:	1589
	Rime di Ariosto	1		

	Fortification de Cochorn	4		
0:3:0	Vie de Peintres	4		
	Revolution Romaine 3 Vol: Vertot	2		
	Revolution de Suede. Vertot 150	2		
	Revolution de Portugal Vertot	2		
	Lettres de Mazarini 2 Vol.	2		
	Memoires du C: de Brienne 3 Tom	2		
	Memoires du Card. de Retz 5 Tom: 160	2		
	Oeuvres de St Real	2		
	L'Esprit de la France	2		
	Bibliotheque Universelle Tom: 12me	2		
—	Mercure Hollandois 2 Tom:	2		
—	Critique du Calvinisme	2		
0.6.0	Memoires de Bapsompiere 2 Tom.	2		
	Sciences de Medailles 170	4		
	Choix des Etudes	4		
	Homme de Cour	4		
—	Memoires de Brantome 4 Tom	2		
	Oraisons Funebres Tom: 1 (зачеркнуто. — *Г. П.*) Moyen de Pairenir	4		
—	Histoire de Religions. Varillas Tom: 2^{d}	2		
	Liturgie Anglicane	4		
—	Comedie de Plaute. Le Fevre. Tom: 1re	3		
	Oeuvres de M. Le Digne 100	3		
	Lettres de Mauger	4		
	Lettres facetieux	4		
0.4.0	Theologie Naturell de Raimond Sebon	4		
	Defenses des Eglises Reform:	2		
	Les Affaires D'Autriche etc.	2		
	Reponse a L'Evesque D'Eureux Mornay	2		
	De la Vie et de la Mort	4		

	Especo de Perfection	1		
	L'Suppositi	1		
0.8.0	Villa Borghese 190	1	Rom	1650
	Tesoro di Concetti Poetici	1		
	Lettere d'Olinda	1		

Л. 16

in 8° 12°.

0.8.0	L'Utilite de Voyage 2 Tom:	3		
0:10:6	Apologie d'Herodote	4		1582
0:2:6	Voyage de la Palestine	3		
0:2:6	Voyage de l'Arabic Heureuse	3		
0.3.0	Voyage de Guinие. Bosman	3		
0:1:0	L'Heureux Esclave	3		
0:1:0	Voyage de Sorbierre 200	3		
0:1:6	L'Abbe de la Trappe	3		
	Astree Tom: 2^{d}	3		
	Avantures de Telemaques	3		
	Oeuvre de Boileau	3		
	Oeuvre de Theophile	3		
0.2.0	Oeuvres de Rousseau (зачеркнуто. — *Г. П.*) Entretienn D'Ariste et D'Eugene	4		
	Oeuvre de Sarazin	3		
	Oeuvres de Moliere (зачеркнуто. — *Г. П.*) Les Caracteres de Theophraste	4		
	Oeuvre Poetique de Scarron	3		
	Nouvelles de Scarron 210	3		
0.2.6	Theatre de Corneille Tom: 8me (зачеркнуто. — *Г. П.*) Les Amours de Daphnis et Chloe			
	Contes de la Fontaine	3		
3:7:0	Oeuvres de Fontenelles 3 Tom	3		
	Oeuvre de M^{m} des Jardins	3		

	Oeuvre de Balzack 3 Tom	3		
0:1:0	Airs Nouvraux 220	3		
	Poesies Gaillards	3		
	Poesie del C: Ciro de Pers	3		
0:5:0	Parnasse Satyrique	3		
0:1:6	Memoires de Sylvie de Moliere	3		
0:0:6	Matilde	3		
0:0:6	Nouvelles de L'Amerique	3		
—	Amours Amitiez et Amourettes	3		
0:0:6	Billets Galants	3		
0:0:6	Alix de France	3		
0:1:0	Nouvelles toutes Nouvelles 230	3		
0:1:0	Voyage de Talaise	3		
	Amours des Grands Hommes 2 Tom:	3		
0:1:0	Histoire de Remiski	3		
0:2:0	Memoires de la Cour D'Angleterre	3		
0:0:6	Le Prince de Conde	3		
0:1:0	La France Galante	3		
0:2:0	Contes de la Reine de Navarre 2 Vol:	3		
0:1:6	Divorce de l'Amour 240	3		
0.12.0	Moliere 6 Vol	3	Par	1716

Л. 17

	Lettres de Voiture	3		
0:1:6	Histoires Amoureuse des Gautes	3		
0:3:0	Les Amours de Theagene et Chariclee	3		
0:0:6	La Rome Ridicule 250	3		
0.1.0	La Politique des Amans	3		
	La mort de Commode	3		
0.15.0	Oeuvres de Marot	3		
	Chemin des Ciel	4		

0.16.0	Testament Nouv. (зачеркнуто. — *Г. П.*) Les Contes d'Eurrapel			1587
0.5.0	Combat Chretiennes (зачеркнуто. — *Г. П.*) Pensees Jngenienses par Bouhours	4		
	Nouveau Testament	4		
	Oraisons Funebres 12 Tom: 3 5 6 260	4		
	Delices de la France	2		
0:0:6	Histoire amoureuse de Dom Jean	3		
0:1:0	Toire de Beaucaire	3		
	Satyre Menippee	4		
	Secretaire a la Mode	4		
	Eslite de bon Vers	3		
	Devises Heroiques	4		
	L'Etablissement des Bretons. Vertot. 2 Tomes	2		
0.2.6	Leures D'Estrades. 2 Tom. 270	2		
0.1.0	My Lord ou le Payson de Qualite	3		
	L'Usage de Passons	4		
0.5.0	Coustumes de Pays de Normandie	2	Rouen	1595
	Lettres de Bussy Rabatin 4 Tom:	3		
	Vers choisis de Bouhours	3		
0:1:0	La Logique des Amans 200	3		
0.2.0	Le Passe temps agreable	3	Rot:	1709
0.2.6	Pittori Arch: etc. Modenese	1	Mod:	1662
0.5.0	Speron Speroni. Dialogi	1	Ald:	1542
0.1.5	Putanisme de Roma	1		
0.2.0	Memoires faites par un Voyageur en Angleterre	2	La Haye	1698
0.1.6	Menagiana	3		
0.1.6	Reflexions sur ce que put plaire	4		
0.14.0	La Coltivatione de Luigi Alamanni in 4°	1	R. Steph	1546

0.3.0	La Vita di Cesare Borgia.	1		
—	Rime de Berni Vol: 2^{d}. 3^{d}. 290	1	Venet	1627
0.6.0	Historia d'Italia di Guiciardini	1	Venet	1562
	Relationi di Bentivoglio	1	Colon	1646
0.15.0	Croniques de Normandie	2	Rouen	1610
0:1:6	Pensees de M. Pascal	4		
	Traite Historiques par Maimbourg	2		1675
	Histoire de Machiavelli	1	Heer de Giol.	1587

Л. 18

English 8° 12° etc.
Divin: 1 Old Edit: 2. Hist: 3. Poet: Nov: et Lett: 4. Travells. 5. Trade 6. Misc: 7

	Common Prayer Book	1		
0.5.0	History of Travells by Willes	2		1577
	A Testimonie of Antiquity published by Arch. B^{p} Parker	2		1567
0.2.0	The Works of John Heiwood	2		1598
0.1.6	The Examination of Witts	2		1616
0.1.0	Astretea in 12 Books	2		1620
0.1.6	Bosworth Field by S^{r} J Beaumont	2		1629
0.6.0	Detection of Mary Queen of Scots 1st ed.	2		
0.4.0	Prideaux's Introduction to History	2		
0.5.0	Refutation of the B^{p} of Wintons Declaration	2		1546
0.1.0	Littletons Tenures	2		1600
0.3.0	Lillys six Comedies	2		1632
0.5.0	Euphues by John Lilly 310	2		1630
0.5.8	Gowries Conspiracy	2		1603
0.7.0	Warrs between England and Scotland	2		1607
	Bush's Travells	2		1607
0.6.0	Restorer of the French Estate	2		1589
0.3.2	Blounts Voyage to the Levant	2		1636

0.2.0	The Soveraighty of the Seas by Sr J. Burroughs	2		1651
0.3.0	The Governor by Sr T. Ellyot	2		1553
	Fragmenta Regalia	3		
0.2.0	France painted to the Life	5		1640
0.1.6	Originall of the Turkish Empire et Warrs with Scanderberg 320	2		1562
0.12.0	Exhortation against Rebellion	2	Lon: Cawood	1554
0.6.0	Enchiridion Militis Christiani. Transl: from Erasmus	2	Wynk: de Word	1584?
0.8.0	Examination of John Philpot	2		1555
0.1.6	Troubles of Q: Elisab: in Her Minority	2		1632
0.3.0	A Facile Traictite dedic: to K James	2	Lovan	1600
	Boetius by L. Preston	7		
	Rays Phys: Theolog: Discourses	7		
	Boyle of Finall Causes	7		
	Answer to Dr Hicks	1		
	Humane Prudence 330	7		
	Wilkin's Mathematicall Magick	7		
	Reflecxions on the Theory of the Earth	7		
0.2.0	Humane Reason with Answers	7		
	Advice to a Young L	7		
	Wingates Statutes	7		
	B^{p} Kings 2nd Admonition	1		
	Kilbarns Precedents	7		
	B-p Kings Worship of God	1		

Л. 19

8° et 12° etc.

	Echards Roman History Vol: 1st	3		
	Padre Paolo of the State of Venice 340	2		
	L. Fairfaxs Memoriall	3		

0.2.6	Cottoni Posthuma	3		1672
0.1.6	Rymers Power of Parliaments	3		
0.4.0	Present State of England	3		
	Cambdens Remains	3		
	Kennetts Romae Notitia	3		
0.1.0	D: of Rohans Memoirs	3		
	History of Conspiracy against K: Willaim	3		
	Mays History of the Warrs	3		
	Present State of France 350	7		
0.2.0	History of the last Parliament 1700	3		
0.5.0	Ludlows Memoires. P^{t} 1st 2nd	3		
0.2.0	Court of K: James	3		
	Debates in 77	3		
0.3.0	Wellwoods Memoirs	3		
	Killing no Murder	3		
	Anglia Libera	3		
	England's Propheticall Merlin	3		
0.2.6	Franco-Gallia 360	3		
	Method of holding Parliaments by Elsying (?)	3		1679
	Rights of the Kingdome	3		
0.2.0	Narration of the 1st 14 years of K: James	3		
0.2.0	Lillys History of Himself	2		
0.7.2	Life of Major Gen: Smith	2		
	The Kings Cabinett open'd	3		
0.1.6	Life of Dandee. Massacre of Glenco.	3		
0.1.0	Secret History of 4 last Monarchs. James the 1st	3		
	Reigns of James 1st et Charles 1st	3		

	Coll^{n} of Papers on the present Affairs. 89. 370	3		
	High Church Display'd	7		
	Debates of the Commons. 80	3		
	Proceedings against L Clarendon	3		
	Essay on Q. Mary. Barnett	3		
	K: James's Address to all Princes	3		
	English Libertys	3		
	Memorialls of the method of passing Bills by H. S. E.	3		1670
	Brief Enquiry into the ancient constitution of England	3		1695
	Lex Parliamentaria G. P. 380	3		
	Selden of the Judicature in Parliament 380	3		
	Right of the Commons asserted by W: Petty	3		1680

Л. 20

0.4.0	Gages West Indies (зачеркнуто. — *Г. П.*) Moundrells Travell	5		
0.15.0	Missons Voyages 4 Vol.	5		
	De Gennes Voyages	5		
	History of the Mogoll by Bernier	5		
0.4.0	Monfaucons Journy thro Italy	5		
	Naturall History of Westmorland. Robinson. 390	5		
0.1.0	Adventures of T: S: at Algiers	5		
	Voyage to Gvinea by Villault	5		
0.1.6	Du Quesnes to the Indies	5		

0.6.6	History of the Jsle of Man	5		
	Les Travells to Spain	5		
	Voyage to Borneo	5		
	Voyage to Buenos Ayres et Porosi	5		
	Martin of the Western Isles (зачеркнуто. — *Г. П.*)	5		
	Burnets Travells in Jtaly etc.	5		
	Memoires of the Court of Scotland 400	3		
	Morall Essays	7		
0.15.0	Montaigns Essays 3 Vol:	7		
	Manners of the Age	7		
	Hallyfaxs Miscellanies	7		
0.1.0	Contempt of the Clergy	7		
	Bacons Essays	7		
0.2.6	Tale of a Tub	7		
	Reliquice Wottoniance 410	7		
	A pleasant treatise of Wither (?)	7		
	Howells Letters	7		
	Butler of Bees	7		
	The Fellow Traveller	7		
0.4.0	Pykes single Combat against 3 Spaniards	2		
	Dacres of Mater Machines	2		
	Antient Tenures et jocular Customs	7		
5.<…>	Antiquitys of York	3		
	Donnes Letters	7		
	Letters by a Turkish Spy. Pt 5th 6th 1.2.3. 420	7		
	Review of Princess Sophias Letters	3		

0.2.0	The Art of Etching etc.	7		
	Rehearsall Transpros'd	7		
	Boyle against Bentley	7		

Л. 21

	Wallers Poems	4		
	State Poems 3 Vol: 430	4		
0.2.6	Rochesters Poems	4		
	Denhams Poems	4		
0.6.0	Otways Works 2 Vol:	4		
0.2.6	Steels Plays	4		
	Randolphs Poems	4		
	Rimers View of Tragedy	4		
0.4.0	Collection of Novells Vol: 2 (зачеркнуто. — *Г. П.*) Petronius Arbiter by Burnaby 440	4		
0.6.0	The Golden Ass 2 Vol:	4		
	Ovids Art of Love	4		
	Ovids Epistles	4		
	History of Francion	4		
0.1.0	Callipadia	4		
	Donns Poems	4		
	The Dispensary	4		
0.3.0	Letters between a Nobleman et his Sister	4		
0.3.6	Dr Kings Works 450	4		
0.3.0	Langbaines Lives of Dramatick Poets	4		
	Lives of Dram: Poets contina'd	4		
	The Crafty L^{dy}	4		

	Behns Poems	4		
0.1.6.	Edward the 3d by May in Verse	4		
0.1.6	Henry the 7th in Verse	4		
	Sucklings Poems	4		
	Poems by J. C.	4		
	Princess of Cleve			
	Congreves Plays 460	4		
	Poems	4		1674
0.16.0	Spenser 6 Vol:	4		
	Miscellany Poems Vol: 6th	4		
	Collier of the Stage	4		
	Vaughans Poems 470	4		
	Letters of Heloise et Abelard	4		
	Cottons Poems	4		
	Scarrons Comicall Romance	4		
	Colln of Novelles Vol: 3 (зачеркнуто. — *Г. П.*)			
	English Adventures	4		
	Gil Blass 2 Vol:	4		
	Wycherleys Plays 2 Vol:	4		

Л. 22

0.3.0	History of Britain by Milton	3		1695
0.5.0	Nichodemus's Gospell 480	2		
	Sufferings of Isaak Marrin in the Jnquisition History of	7		
	Munn on Trade	6		
	Bn Cosins on communicating wt Geneva rather y-u Rome	1		
0.2.0	Merry Drollery	4		

0.5.0	Drammonds History of Scotland	3	Lond	1681
0.5.0	S^{r} J: Dalrymples Collections	3	Edin:	1722
0.1.0	Travels to Rome on foot	5		
	Customhouse Statutes abridgd	6		
	Salt Statutes 490	6		
0.1.6	Settlement at Darien	3		
0.1.0	B^{n} Halls Epistles	2	Lond	1608
0.1.6	Proposalls for a Councill of Trade	6	Edin:	1701
0.2.6	Proceedings in the Scotch Parliament 1703	3	Edin:	1704
0.1.0	Museum Tradescantianum	7	Lond:	1656
	Recrigalium Systema	6		
0.12.0	Art of Metals irans: by E: of Sandwich	7	Lond:	1674
0.1.9	Tullys Offices by L' Estrange	7		
0.1.6	Life of Cardinall Woolsey	3		
0.9.0	Hickeringills Works 3 Vol: 500	7		
0.5.0	Martins Western Jslands	5		
0.1.0	Edward the 4th 2 Pts a Play	4		
	Introduction to the Hist: of England by Langhorne	3		1676
	Edward et Richard the 2nd by Howard	3		1690
	History of Bedford Levell	3		1685
	New Jmprovements necessary for England	6		1691
	Englands Miserys	3		1692
	A Concent of Scripture by Broughton 510	2		1591
	Guidotts Apology for the Bath	7		1708
	An Answer to Will: Petit	3		1681
0.5.0	Chirologia	7		1644
	Winter Evening Conference	7		1713

	Northern Words by Ray	7		1691
	Propagation of Vegetables by Sharrock	7	Ox	1660
	Libertie of the Subject by Hakerwill	3		1641
	Journal of the House of Commons 1678	3		
	Report to the L^{ds} of Publick Records	3		
0.1.6	Painters Voyage to Italy 526	5		1679

Л. 23

0.4.0	Richardsons account of Pictures in Italy	7		
	S^{r} W: Temples Miscellanea	7		
0.3.0	Swifts Miscellanies	4		
0.4.0	Female Falshood. Memoirs	4		
0.4.0	Praxis Medica by Salmon	7		
0.2.6	Devill upon 2 Sticks	4		
0.5.0	Acts of English Votaries by Bale	2	Lond	1550
0.1.0	English Lovers by Dauncey	4		1662
	Rochesters Poems	4	Antwerp	
0.1.6	Utopia of S^{r} T: More 530	4		
	Soveraiguty of the British Seas by Boroughs (зачеркнуто. — *Г. П.*)			1651
0.2.0	Conference by Le Brun on Expression	7		
5.<…>	De Laudibus Legum Angliae. Fortescue et Hengham	3		1672
0.3.0	Oldhams Poems	4		
0.2.6	Collection of Modern Poems	4	Dublin	1713
0.5.0	Historical Account of Taxes	6	Lond	1725
0.2.6	Memoires of Count de Rochefort	4		1701 (?)
0.2.6	Sr Charles Sidneys Works	4		1702
0.2.0	Life of Sr Philip Sidney	7	Lond	1652

0.1.0	State of France	5		
0.5.2	The fall of the Romysche Church etc.	2	Lond	1548 (?)
	The Examination of the worthy servaunt of God Mrs Anne Ashew etc.	2		
0.5.0	A Legendarie of Chartes Cardi of Lorraine et his Brethren	2		1577
0.4.0	The Vision of Pierce Plowman in 4°	2		1561
0.6.0	S^{r} W: Pettys Politicall Survey of Jreland	3		1719
0.2.0	Jnstruction for Coll^{ns} of the Duties on Hides		Lond	1718
0.1.6	The English Hero or Sr Francis Drake reviv'd		Lond	1719
0.13.0	Criticall History of England 11 Vol			
0.5.0	Fleetwoods Sermons			

Л. 24

	Aratus	2	Oxon:	1672
0.7.6	De Anglorum Origine. Sheringham	1	Cant.	1670
	Ghibbesij Carmina	2	Romae	1668
0.6.0	Paulus Jovius Vol: 2	1	Argent	1556
0.2.6	Julij C. Scaligeri Poemata (зачеркнуто. — *Г. П.*)	2		1574
	Barei Elenchi Motuum	1		
0.4.6	Juliani Opera Gr: Lat:	2	Duvall. Paris	1583
	Meibomius de usu Flagrorum	4		
	Terentij Phormio Reg: Sectorum liber (зачеркнуто. — *Г. П.*) 560	4	Paris	1547
1.3.6	Homeri Jlias Graec:	2	Aldus	
1.10.0	Jo: Jov: Pontani Opera 3 Vol. 4°	3	Aldus	1519
0.1.6	Lupus de Repub:	3	Paris	1496
0.2.0	Vergerius de Tyrannide ex Xenophon	2	Par:	1494

0.8.0	Terentij Phormis. Reg : Scot : Liber	2	Par:	1547
0.1.0	Mundus alter et idem	4		
0.3.0	Regum Scotorum Epistolae 2 Vol.	1	Edin:	1722
<…>6	Respublica Venetorum	3	Elz:	1631
0.<…>6	Res: Belgij	3	Elz:	1630
0.1.6	Res: Graecorum	3	Elz	1632
0.1.0	De Principatibus Jtalicae	3	Elz:	1631
0.2.6	Rerum Montisrosarum	1		
0.5.0	Delitiae Poetarum Scotorum 2 Vol:	3	Blae	1637
0.3.6	Indiae Navigationes Honditis 4°	4	Lug. Bat:	1619
0.4.1	Perronius Notis Variorum		Blaeu	1669
0.1.0	De Animi Tranquillitate	4	Lug. Bat:	1637
0.2.0	De Mirabilibas Pecci 580	1	Lond	
0.0.5	Eman: Thesauri Poemata	2	Oxon	1637
0.8.0	Sannazari Opera	2	Ald:	1570
0.7.6	Ammianus Marcellinus	2	R: Steph:	1544
0.8.0	Strozzi Poemata	2	Colin:	1530
0.10.6	Aulus Gellius	2	Ald:	1515
0.5.0	Gulielmus Neubrigensis	1	Antv:	1567
	Lipsij Epist: etc.	3	Plant	1577
	De Corrupto Ecclesiae statu Poemata	2	Bas	1557
	Pedonis Albinovani Elegia	2	Amst	1703
0.10.0	Erasmi Apothegmata 590	3	Colinae	1532
	De usu Juris Civilis etc.	3	Elz	1654
	Jmp: Rom: Numism: per Hulsium	4	Franc.	1605
0.3.6	Salamannus de Anni ratione	4		1571

SUMMARY

In the article on the basis of investigation of the archive catalogue of Fairfax book's collection kept in the Archive of the Sankt-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences author deals with the distinctive features of English book's culture of the 17th–18th centuries. The author points out that intellectual occurrences of the epoch of the Enlightenment created quite a special atmosphere in society and reflected on the traditions of the collecting of books. The main scientific task of it is a description of the most valuable manuscripts and printed books supporting on materials of archive catalogue. It is proved that this document is a basis for the reconstruction of the losing Fairfax book's collection.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Книжное собрание Ферфаксов, книжная культура XVII–XVIII вв., архивный каталог библиотеки Ферфаксов, Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

KEY WORDS

Fairfax book's collection, book's culture of the 17th–18th centuries, the archive catalogue of Fairfax's library, the Archive of the Sankt-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

В. Г. ДАНЧЕНКО

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И ВЕДОМСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА В ОБИХОДЕ РУССКОГО ФЛОТА XVIII в.

Задолго до петровских реформ в стране начинает складываться новая геральдическая система, нашедшая впоследствии свое отражение в разных сферах. Под этим подразумевается совокупность определенных «признаков», а именно сочетание тех или иных цветов и собственно геральдические композиции[1]. В данном случае речь идет об использовании государственной и ведомственной эмблематики.

Развитие русской государственной геральдики шло на протяжении всего XVII в. и было связано с результатами многочисленных войн, которые велись и при Михаиле Федоровиче, и при «Тишайшем» Алексее Михайловиче. Официальное описание герба, содержащееся в Указе «О титуле царском и о государственной печати» 14 декабря 1667 г., в целом фиксирует своеобразный итог эволюции государственной символики, основу которой представлял двуглавый орел со скипетром и державой в когтях[2]. Своеобразным идеологическим дополнением к этому документу явилось сочинение Симеона Полоцкого «Орел Российский» (1669), где помещена уже упомянутая композиция.

---

[1] Вопрос о появлении цветов и соответствующей композиции российского флага применительно к флоту продолжает оставаться во многом дискуссионным. См., например: *Арсеньев Ю. В*. Несколько дополнительных замечаний по вопросу о морских национальных флагах. СПб., 1911 ; *Белавенец П. И*. Краткая записка о старых русских знаменах. СПб., 1911 ; *Семенович Н. Н*. История русского военно-морского флага. Л., 1946 ; *Басов А. Н*. История военно-морских флагов. М. ; СПб., 2004.

[2] *Вилинбахов Г. В*. История российского герба и флага. СПб., 2004. С. 25.

© Данченко В. Г., 2013

На протяжении длительного времени происходят изменения как в собственно гербе, так и в практике его использования. В первом случае речь идет о появлении в гербовой композиции различных эмблем (при сохранении двуглавого орла и ездеца), во втором — ее применении в некоторых областях государственного устройства, в частности в армии и на флоте. Последний сюжет, на наш взгляд, нуждается в дополнительном разъяснении, поэтому остановимся на нем подробнее.

Уже в 1667 г. при строительстве корабля «Орел» капитаном фон Сведеном была составлена Роспись всего необходимого для его оснастки. В числе запрашиваемых «припасов» значились ткани для изготовления флагов и вымпелов. Очевидных данных для того, чтобы явственно представить их облик «по пошиву», на сегодняшний день недостаточно, и их цветовая композиция выглядит не вполне ясно, однако к тому, что на флаге «Орла» присутствовал двуглавый орел, склоняются большинство историков, изучавших данный сюжет. Более того, царский указ от 22 апреля 1669 г. предписывал «…и на знаменах и на яловчиках нашивать орлы же»[3].

Двуглавый орел имелся и на так называемом флаге царя Московского, установленном на 12-пушечной яхте «Святой Петр», на которой молодой царь совершил плавание к Архангельску в 1693 г.

Данная геральдическая эмблема к концу XVII в. все чаще встречается на армейских знаменах и начинает появляться на инсигниях, имеющих отношение к флоту. В этой связи можно упомянуть знамя Морского регимента, образованного из чинов Преображенского и Семеновского полков, а также «охочих людей» накануне второго похода под Азов в 1696 г. 18 февраля 1696 г. в Москве 22 ротам Регимента был проведен смотр, а через пять дней они отправились в Воронеж. В течение месяца туда стягивались и другие войска, а по распоряжению руководителя Разрядного приказа боярина Т. Н. Стрешнева и при участии одного из иностранных «наставников» царя Петра Ф. Тиммермана было привезено «гербовое» знамя Регимента, изготовленное в Москве иноком Корионом (рис. 1).

Знамя представляет собой прямоугольник с откосом и надписью «12 марта 7204» (1696 г. от Рождества Христова); в середине — золотой двуглавый орел, парящий над морем и изображенными на нем кораблями, — своеобразный отклик на строительство флота; в откосе в облаках апостолы Павел и Петр с камнем Веры. После победоносного завершения второго Азовского похода знамя было сдано в Оружейную палату[4].

---

[3] *Басов А. Н.* История военно-морских флагов. С. 43.

[4] *Белавенец П. И.* Краткая записка о старых русских знаменах. С. 24 ; *Мамаев К. К.* Символика знамен Петровского времени // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1970. Т. 11. С. 28.

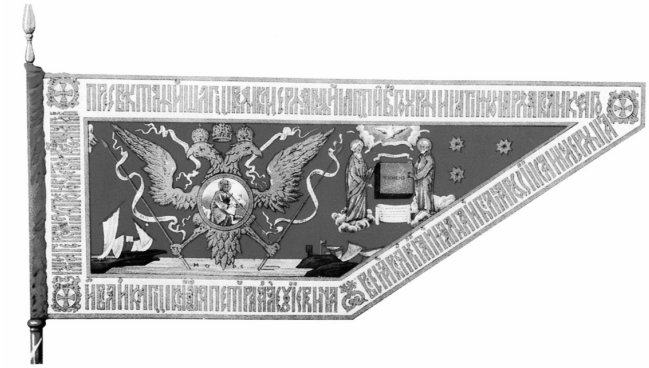


Рис. 1. Знамя Морского регимента 1696 г.

Примерно в это же время в российской государственной геральдике появляется новая эмблема, а именно Андреевский косой (Х-образный) крест, на котором, по преданию, был распят святой апостол Андрей Первозванный. Вероятно, это было связано как с тем, что культ этого святого апостола был распространен на Руси еще в раннем Средневековье, а также тем обстоятельством, что Петр рассматривал его в качестве своего покровителя наряду с апостолами Петром и Павлом. Неудивительно, что Андреевский крест стал геральдической основой первого в России ордена, а также армейских знамен и военно-морских флагов. Кроме того, в случае присутствия на борту монарха на корабле поднимался и его штандарт с двуглавым орлом.

Впоследствии использование государственной символики на флагах и знаменах флота стало его неотъемлемой частью. Необходимо, правда, заметить, что части морской пехоты, «заведенные» тем же Петром, свои инсигнии имели далеко не всегда. Однако, когда они были в наличии, сначала как полковая или батальонная принадлежность, а начиная с павловских времен как войсковая святыня, там неизменно присутствовали государственные символы (рис. 2). Один из них, а именно Андреевский крест стал основным символом российских военно-морских сил.

Что касается употребления на полотнищах собственно морской эмблематики, то имеющиеся немногочисленные сохранившиеся образцы показывают в целом традиционные композиции из обитателей морских глубин и якорей. Примером этому может служить оформление фурьерского значка 6-й роты морского батальона 1775–1778 гг. (рис. 3). На нем изображены в центре два перекрещенных якоря в пальмовом венке под императорской короной, а по углам дельфины. Инсигнии подобного уровня, т. е. не полковые и ротные знамена, оформлялись примерно таким же образом с несущественными различиями.

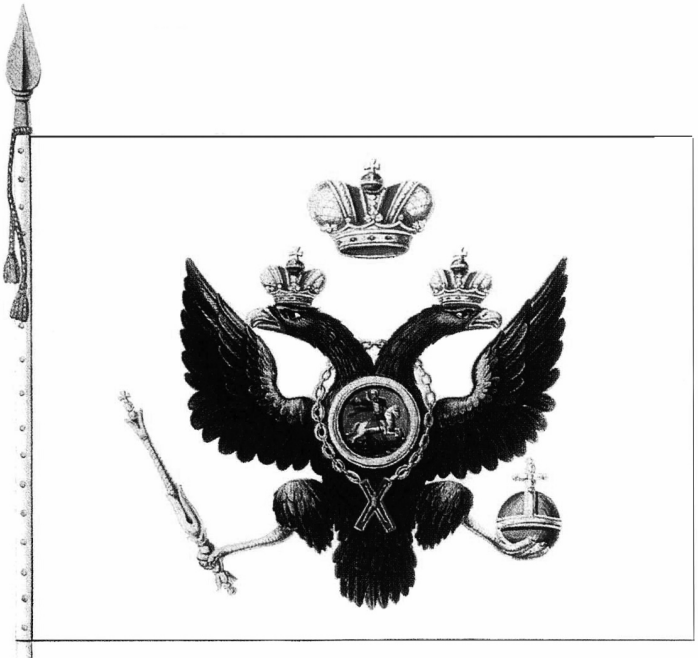


Рис. 2. Знамя полковое частей морской пехоты Анны Иоанновны

Рис. 3. Фурьерский значок 6-й роты морского батальона 1775–1778 гг.

Знамена и флаги были не единственными местами использования на флоте государственной и ведомственной символики. Большое внимание, правда не сразу, уделялось форменной одежде морских служителей. На начальном этапе Северной войны облик личного состава экипажей судов, кораблей и морской пехоты мало чем отличался от солдат и драгун, более того, к морской службе многие из них как раз и определялись; причем, как правило, становясь матросами, они нередко сохраняли свое «сухопутное» мундирное платье. Тем не менее определенные отличительные признаки у причастных к флоту служителей стали появляться.

Как известно, Петр изучал корабельное дело во всем его многообразии в ведущих морских странах — Англии и Голландии. Это оказало безусловное влияние на его видение строительства отечественного флота, комплектование личного состава, его облик. В частности, будучи в Европе, он обратил внимание не только на покрой матросского костюма, так называемых бостроков, коротких курток, весьма незатейливых с виду и одновременно функциональных, но и на «властные признаки», выраженные в геральдическом оформлении мундирного платья и амуниции, прежде всего морской пехоты и гребцов.

Впервые двуглавый орел появился на форменной одежде «морских служителей» в 1705 г. Летом этого года для 20 гребцов построенной на Олонецкой верфи барже в Патриаршем приказе заказали знаки, изготовление которых должен был обеспечить подьячий Д. Аврамов. На этих серебряных чеканных знаках (10 больших и 10 малых) должны были быть вычеканены «…орлы двоеглавые, в середине орлов Великого государя персоны на конях, в ногах Орловых державы… на больших знаках по короне, под коронами в четырех местах: в первом орел двоеглавый, в другом и в третьем звезды и кометы с пятью точками, в четвертом лев, с обеих сторон держат те места по две морские девы… до пояса вычеканены люди, а от пояса хоботы, а внизу вычеканены же галеры»[5]. Знаки были изготовлены к концу года и в декабре переданы на Адмиралтейский двор, а оттуда контр-адмиралу И. Боцису. Аналогичным образом декорировалась одежда гребцов Азовской флотилии[6].

Данная композиция достаточно сложна: здесь присутствуют основные элементы государственной символики — ездец, двуглавый орел, державы, а также флотской — морские девы, галеры, что однозначно демонстрирует сферу и характер деятельности его обладателей.

Подобными серебряными «клейнодами» вознамерились украсить своих гребцов А. Д. Меншиков, К. Ю. Ромодановский, вице-адмирал К. Крюйс, Ф. М. Апраксин и др. С учетом стоимости работы и материала позволить

---

[5] РГА ВМФ. Ф. 177 (Приказ Воинского морского флота). Оп. 1. Д. 51/106. Л. 16–19 ; Там же. Ф. 935 (Гвардейский морской экипаж). Оп. 2. Д. 141. Л. 18.

[6] *Елагин С.* История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864. С. 310.

подобное мог далеко не каждый, разве что первый из них. О результатах этих попыток известно только, что и к началу 1720-х гг. бостроки с серебряными знаками красовались на придворных гребцах, притом что сама композиция не менялась. В данном случае сыграло роль статусное положение перечисленных персон, поскольку использовать в подобном виде государственный герб имел право, вероятно, только сам монарх (в некоторых случаях А. Д. Меншиков), — это нашло подтверждение и в дальнейшей бытовании его как отличительного знака гребцов «высочайшей фамилии».

Присутствие государственной символики на форменной одежде царских и адмиралтейских гребцов неоднократно подтверждалось решениями Адмиралтейств-коллегий; гербы появлялись то на бостроках, то на кафтанах, причем, судя по всему, именно в «чистом» виде, без морских, так называемых негеральдических, фигур[7].

Впоследствии государственная символика перекочевала и на гребецкие колпаки, или колпачки. В 1720-х–начале 1730-х гг. в Мундирную контору стали поступать заказы на изготовление новых видов форменной одежды для придворных и адмиралтейских гребцов. Со времени первых петровских команд она менялась неоднократно, при этом двуглавый орел стал использоваться на головных уборах, их было несколько видов, но «гербовыми» считались именно колпаки (колпачки), на которых иногда помещали и императорский вензель[8].

При императрице Елизавете Петровне двуглавый орел все чаще стал украшать головные уборы адмиралтейских гребцов. Первоначально никаких гербов не предполагалось, и гребецкие колпаки было решено делать из синего сукна, имевшегося в большом количестве в адмиралтейских мундирных «магазейнах», — все это происходит в середине июля 1752 г. Однако уже 25 августа при рапорте из Адмиралтейств-коллегий были представлены «гербы для выбивки с оных на гребецкие колпаки…». Проблема заключалась в том, что обнаружилось отсутствие мастеров приемлемого уровня. Однако, по определению адмиралтейского ведомства, знающего мастера предписывалось найти, что называется, в обязательном порядке и привлечь его к выполнению заказа[9]. Судя по всему его найти удалось, поскольку шапки с гербами были обнаружены в мундирном «магазейне» П. Ренева.

Особо стоит сказать о подразделениях морской пехоты, игравшей заметную роль в многочисленных войнах, которые вела Россия на суше и на море. 16 ноября 1705 г. был учрежден первый морской полк, определенный

---

[7] РГА ВМФ. Ф. 935. Оп. 2. Д. 142. Л. 54–61 ; Материалы для истории русского флота (далее — МИРФ). СПб., 1866. Ч. 3. С. 404–408.

[8] РГА ВМФ. Ф. 935. Оп. 2. Д. 142. Л. 39–46.

[9] Там же. Оп. 1. Д. 121. С. 5.

для службы в абордажно-десантных командах корабельного флота. Полк делился на два батальона по пять рот в каждом, одна рота была гренадерская (позже из нее сформировали две полуроты). Колпаки морских гренадер в Петровское время не украшались налобной бляхой с двуглавым орлом (и воинской арматурой), однако на крышке гренадерской сумы, в которой носились гранаты (гренады), российский герб присутствовал; такую же символику имела и Выборная гренадерская рота.

5 марта 1728 г. была образована отдельная морская гренадерская рота, головные уборы которой украшались довольно основательно: на лобной медной бляхе чеканился «герб Ея Императорского Величества» (корону предписывалось вызолотить, а по полям около герба и короны «в серебре»). На заднюю часть шапки поместили вензель императрицы, под ним два скрещенных якоря, на них наложена медная «гренада» с пламенным языком, «…которые вызолотить, а по полям посеребрить». На патронные и «гренадные» сумы, имевшиеся у личного состава роты, предписывалось «выковать» медные бляхи с воинской арматурой и знаком флота[10]. В представленной композиции нашло отражение совмещение государственной символики и ведомственной. На задней части гренадерской шапки, а также на предметах экипировки представлены якоря, флотские символы, вошедшие в морской обиход еще при Петре I. Впервые они появились на колпаках гребцов Ф. М. Апраксина, А. Д. Меншикова, а также некоторых «адмиралтейцев» в начале 1720-х гг., чуть позже и на головных уборах гребцов адмиралтейских команд, которые постоянно находились в распоряжении военно-морского руководства (якоря также помещались и на барабанах). Якоря, вычеканенные на медных бляхах, украшали колпаки адмиралтейских гребцов и в 1730-х –начале 1750-х гг.[11] Впоследствии этот знак становится едва ли не доминирующим во флотской эмблематике[12]. Например, на офицерских знаках морской пехоты времен Анны Иоанновны в картуше под императорской короной помещались четыре «адмиралтейских» якоря — в дальнейшем эта тенденция сохраняется, равно как и изображение двуглавого орла на бляхах гренадерских шапок и на патронных сумах.

Среди подразделений, имевших отношение к флоту в XVIII в., особое место занимает 1-й флотский гренадерский батальон, или батальон Его Императорского Высочества, созданный к 1791 г. при непосредственном участии цесаревича Павла Петровича. Будучи в составе гатчинских войск, батальон все больше оказывался втянутым в атмосферу изнуряющих парадов и несения караульной службы в Гатчине и великокняжеской резиденции на Каменном острове. В качестве знака причастности

[10] МИРФ. СПб., 1875. Ч. 5. С. 602.
[11] РГА ВМФ. Ф. 187. Оп. 1. Д. 23. Л. 15.
[12] Там же. Д. 25. Л. 22–26.

к морской службе чины батальона носили (по крайней мере, в 1793 г.) на нарукавных клапанах петлицы из белой тесьмы с голубыми диагональными полосками, символизирующими Андреевский флаг.

SUMMARY

The article observes the various cases of using of the State and maritime symbols in colours and uniform of Russian fleet in the third of the first half of 18th century.

It can be assumed that the State coat of arms and navy symbols which were used by the personnel of ships and vessels reflects some stages of the development of absolutism authority and simultaneously the origin of department heraldry.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Геральдика, флот, знамена, мундир, эмблемы.

KEY WORDS

Uniform, colours, heraldry, fleet.

П. Н. ГОРДЕЕВ

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА П. М. ВОЛКОНСКОГО И А. А. ЗАКРЕВСКОГО КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

В Российском государственном историческом архиве, в фонде видного деятеля александровской и николаевской эпох графа Арсения Андреевича Закревского (Ф. 660) сохранилась обширная переписка фондообразователя с князем Петром Михайловичем Волконским, игравшим в упомянутое время не менее важную роль. Если А. А. Закревский (1783 (1786)–1865) в разное время занимал посты дежурного генерала Главного штаба, финляндского генерал-губернатора, министра внутренних дел, генерал-губернатора Москвы, то П. М. Волконский (1776–1852) был и начальником Главного штаба, и министром императорского двора[1]. Кроме того, Волконский являлся ближайшим другом и сподвижником Александра I, участником многих важнейших событий его царствования. Таким образом, переписка этих двух деятелей представляет несомненный интерес для исследователей, изучающих историю России первой половины XIX столетия.

Хотя, согласно листам использования документов, с середины XX в. и до наших дней с той или иной частью переписки П. М. Волконского и А. А. Закревского ознакомились, просмотрели и (или) сделали выписки более трех десятков исследователей, тем не менее до сих пор нет специальной работы, посвященной данному источнику в целом; а он, учитывая

[1] *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917 : биобиблиогр. справ. СПб., 2001. С. 134–137, 246–249.

© Гордеев П. Н., 2013

высокое положение корреспондентов, значительную степень их участия в политической жизни эпохи и обширность самой переписки, несомненно того заслуживает. В качестве такой работы и задумана настоящая статья.

Вся переписка сосредоточена в семи делах первой описи фонда А. А. Закревского: д. 32, 93, 94, 95 содержат в общей сложности 83 письма Закревского к Волконскому, из них 25 подлинных писем и 58 копий, сделанных писарской рукой, вероятно, по распоряжению А. А. Закревского. Подлинники были переданы Закревскому «от Апекуна[2] Кн. Дм. Петровича Волконского[3] после его смерти Господином Свербеевым[4] 21-го марта 1860-го в Москве». Несмотря на то, что со времени написания этих писем прошло четыре десятилетия, А. А. Закревский их бережно сохранил и собственноручно приписал, где и при каких обстоятельствах они были им получены[5].

Поскольку 25 писем (подлинники и копии) дублируют друг друга, оригинальных писем всего 58. Кроме того, восемь черновиков ответных писем Закревского Волконскому содержатся среди писем последнего в составе д. 104.

В д. 102, 103, 104, а также в составе д. 29 того же фонда (Ф. 660) хранятся письма П. М. Волконского А. А. Закревскому (подлинники). Всего писем Волконского (считая и небольшие по объему записки) — 185.

Таким образом, общее количество писем и черновиков обоих корреспондентов — 251, общий листаж (вместе с документальными приложениями к письмам — отчетами, рапортами и т. д.) — 743 листа.

Необходимо отметить, что значительная часть архива А. А. Закревского (в том числе переписка его с П. М. Волконским) уже была опубликована в XIX столетии. По свидетельству зятя Арсения Андреевича — князя Д. В. Друцкого-Соколинского, Закревский на склоне лет планировал начать с его помощью работу над воспоминаниями и для того передал Друцкому-Соколинскому в сентябре 1864 г. «целый сундук писем и бумаг

---

[2] Здесь и далее орфография и пунктуация оригиналов писем сохранена (в случае, если цитата приводится по публикации Н. Ф. Дубровина, сохраняется орфография и пунктуация данной публикации).

[3] Сына П. М. Волконского.

[4] Это мог быть Дмитрий Николаевич Свербеев — двоюродный брат жены Д. П. Волконского и известный мемуарист или его сын Николай Дмитриевич Свербеев — они оба в качестве опекунов Д. П. Волконского упоминаются в письмах его матери, С. Г. Волконской (РО ИРЛИ РАН. Ф. 57 (Архив С. Г. и М. Н. Волконских). Оп. 4. Ед. хр. 118. Л. 9–9 об., 37–38). О семье Свербеевых см.: Энциклопедический словарь : репр. воспр. изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон 1890 г. : в 82 т. + 4 доп. т. М., 1992. Т. 57. С. 99.

[5] РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 94. Л. 1, 59. К сожалению, П. М. Волконский и его потомки не были столь же внимательны и пунктуальны — в фонде Волконских в РГИА (Ф. 844) писем Закревского нет.

всякого рода, которые накопились у него за всю жизнь». Последовавшая через несколько месяцев смерть престарелого графа помешала этим планам осуществиться[6].

В свою очередь, Д. В. Друцкой-Соколинский, храня поистине бесценные документы четверть века, поднес их в 1889 г. Александру III. Императору «угодно было возложить рассмотрение этих бумаг на председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцова, с тем чтобы те из них, которые представляют интерес и не появлялись еще в печати, были помещены на страницах Сборника»[7]. В итоге архив Закревского был издан в двух томах (т. 73 сборника РИО в 1890 г. и т. 78 в 1891 г.) под редакцией одного из крупнейших знатоков русской истории первой половины XIX в. Н. Ф. Дубровина. Увидели свет десятки писем к Закревскому А. П. Ермолова, Ф. В. Ростопчина, М. С. Воронцова, Д. В. Давыдова, И. В. Сабанеева, П. Д. Киселева, К. Я. Булгакова, А. С. Меншикова, А. Ф. Орлова, И. В. Васильчикова, А. И. Чернышева. Были опубликованы (в т. 73) и письма П. М. Волконского к Закревскому, а также ответные письма Арсения Андреевича.

Публикация, осуществленная Н. Ф. Дубровиным, имела свои особенности. Во-первых, какие-либо комментарии к эпистолярному наследию А. А. Закревского и П. М. Волконского (а равно и других лиц, писавших к Закревскому) отсутствовали. Во-вторых, было издано всего 136 писем (т. е. немногим более половины от их общего числа), в том числе 93 письма П. М. Волконского к А. А. Закревскому и 43 письма А. А. Закревского к П. М. Волконскому, — таким образом, говорить об исчерпывающей полноте издания не приходится. В-третьих, хотя издатель, вероятно, руководствовался идеей представить на суд публики прежде всего наиболее интересную часть переписки, содержащую сведения о важных исторических событиях, существовавшие цензурные условия не всегда ему это позволяли. В первую очередь, к печати не допускались критические отзывы в адрес членов императорской фамилии. Например, в письме П. М. Волконского А. А. Закревскому от 4 ноября 1820 г., посвященном так называемой «Семеновской истории», после слов «Из всего дела вижу, что несчастие сего полка произошло от того, что Бенкендорф потерялся при первом допросе» в сборнике РИО поставлено многоточие, а в оригинале следует: «а Его Высочество (великий князь Михаил Павлович. — *П. Г.*) по молодости и по неумению обращаться с солдатами худо взялись»[8]. В письме от 12 декабря того же 1820 г. Волконский советует

---

[6] Биографическая заметка о жизни графа Арсения Андреевича Закревского, составленная князем Д. В. Друцким-Соколинским // Сборник РИО. 1890. Т. 73. С. I.

[7] Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского // Там же. [Б. с.] (цитируемый текст помещен в виде небольшой заметки после оглавления тома).

[8] РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 103. Л. 1 об. ; Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 22.

Закревскому: ««Весьма сожалительно, что Великие Князья окружены такими людьми, кои не заслуживают доверия и вовлекают их в поступки, за которые их не терпят (в сборнике РИО после слова «доверия» многоточие. — *П. Г.*), желательно бы им открыть глаза, мне кажется, Великий Князь Михаил Павлович был всегда к вам хорошо расположен, почему бы вам не поговорить о сем и не предостеречь, ежели не так себя ведет, как следует» (в сборнике РИО после слова «предостеречь» многоточие. — *П. Г.*)[9].

Некоторые купюры, по-видимому, были обусловлены соображениями благопристойности. Так, в письме от 7 января 1826 г. Волконский назвал своего давнего недруга Аракчеева «извергом» и «мерзавцем». Слово «изверг» напечатали, на месте «мерзавца» — многоточие[10].

Исходя из вышеизложенного, в тех случаях, когда письмо было полностью опубликовано Н. Ф. Дубровиным, мы будем в дальнейшем ссылаться на «Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского», а там, где опубликовано с пропусками, — давать двойную ссылку (и на РГИА, и на сборник РИО). Ссылки на неопубликованные письма даются согласно общим правилам цитирования архивных документов.

По своему характеру переписка П. М. Волконского и А. А. Закревского может быть в целом отнесена к личной переписке, при этом, однако, практически в каждом письме затрагиваются те или иные служебные вопросы. Некоторые небольшие записки (впрочем, их процент от общего массива писем невелик) носят исключительно деловой характер, но даже они лишены какого-либо официального, делопроизводственного оформления и были написаны не от чиновника к чиновнику, а от одного знакомого к другому.

Переписка Волконского и Закревского велась в течение нескольких десятилетий. Если первое письмо (П. М. Волконского А. А. Закревскому) датировано 15 июля 1815 г.[11], то последнее (черновик ответа Закревского Волконскому) было написано 9 июля 1852 г.[12], т. е. менее чем за два месяца до смерти П. М. Волконского. Подавляющая часть переписки (220 писем из 251) относится к периоду 1816–1826 гг.

По своему содержанию переписка представляет интерес для широкого круга исследователей. Почти во всех письмах за 1816–1823 гг. (т. е. написанных до ухода Волконского с поста начальника Главного штаба, а Закревского — с поста дежурного генерала) встречаются сведения,

---

[9] РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 103. Л. 19–19 об. ; Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 30.

[10] РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 104. Л. 71 ; Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 98.

[11] Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 1.

[12] РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 104. Л. 126–127.

относящиеся к организации и управлению русской армией в период, наступивший после наполеоновских войн. Особняком стоит значительный корпус писем, связанных с «Семеновской историей» 1820 г. Они неоднократно использовались исследователями в трудах, посвященных этому эпизоду российской истории. Автор одной из последних и наиболее полных работ В. В. Лапин, изучив данную переписку, пришел к выводу, что П. М. Волконский и А. А. Закревский обнаружили «наибольшее умение в ведении следствия и лучшее понимание происходящего»[13].

Одним из наиболее интересных документов этого («семеновского») цикла — письмо А. А. Закревского П. М. Волконскому от 26 ноября 1820 г. Автор письма, принадлежавший к узкому кругу наиболее высокопоставленных военных Российской империи, обнаружил значительную степень свободомыслия в ряде болезненных для верховной власти вопросов. Утверждая, что «сформирование вновь Семеновского полка Великому Князю (Михаилу Павловичу. — *П. Г.*) поручать не следует, потому что он по молодости, неопытности и по внушениям, делаемым ему, кажется, окружающими его ветреными молодыми людьми, вовсе к сему не способен», Закревский прибавлял: «Притом же не могу скрыть от Вас, что оба Великие Князья здесь вообще, как я слышу, не любимы. Причины оного не умею Вам сказать, а полагаю ту же неопытность и неумение обращаться с их подчиненными прилично их званию; особенно же их доверие к людям, которые сего не заслуживают, и которые делают им более вреда своими советами, нежели пользы». Интересный аргумент Арсений Андреевич приводил, советуя своему корреспонденту ознакомиться с обнаруженной властями революционной прокламацией, адресованной солдатам Преображенского полка: «…скажу Вам, что она дошла до Вас не в том виде, в каком была найдена; ибо подлинная была наполнена разными мерзкими ругательствами насчет лица Государя, которые все вымараны, а потому полагаю теперь Вам нужно оную вытребовать оригинальную, ибо оная писана, как полагаю, человеком дерзким, не любящим своего Отечества, возмутительным, но умным»[14].

В итоге письмо получилось настолько «крамольным», что Н. Ф. Дубровин отказался от его публикации, несмотря на очевидную историческую ценность данного документа.

Ряд писем касается дипломатической истории Европы в эпоху Священного союза — П. М. Волконский, сопровождавший императора на всех конгрессах Союза (Аахенском, Троппау-Лайбахском и Веронском), регулярно сообщал Закревскому о ходе переговоров и настроениях европейских монархов. Особый интерес представляют письма с Троппау-

---

[13] *Лапин В. В.* Семеновская история: 16–18 октября 1820 года. Л., 1991. С. 188.

[14] РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 95. Л. 42–42 об., 43 об. Об этой прокламации см.: *Лапин В. В.* Семеновская история … С. 149–178.

Лайбахского конгресса (осень 1820 – весна 1821 г.), пришедшегося на период подъема революционной волны в Европе. В послании от 30 января 1821 г. Волконский, сообщая своему конфиденту об устроенном кем-то взрыве во дворце французского короля, резюмировал: «В Испании дела также идут ужасно плохо, одним словом, мы живем в таком веке, что каждый день должно ожидать чего чрезвычайного»[15]. В письме, написанном через неделю (6 февраля), князь признавался, что и «дела неаполитанские идут не очень хорошо, они хотят защищаться, что и произведет войну, за успех которой отвечать не всегда можно, хотя австрийцев и много и должно надеяться, что они побьют неаполитанцев»[16]. 3 марта того же года Волконский написал Закревскому, что после восстания в Турине император Александр принял решение сформировать и направить для подавления итальянской революции русскую армию, во главе которой было решено поставить А. П. Ермолова[17]. Князь просил хранить данные сведения в секрете и был совершенно прав: как известно, намеченный поход в Италию так и не состоялся, а Ермолов, прибывший по приказу государя 26 апреля 1821 г. в Лайбах, вынужден был почти сразу же отправиться в обратный путь[18].

Во многих письмах Волконский и Закревский довольно откровенно обсуждали те или иные вопросы внутренней политики Российской империи. Одной из самых острых тем было засилье иностранцев (преимущественно немцев) при дворе и в армии в конце правления Александра I (широко известна легендарная фраза А. П. Ермолова, сказанная им царю после битвы под Кульмом: «Произведите меня в немцы, государь!»[19]). Острую антинемецкую направленность носят письма А. А. Закревского 1823–1824 гг., когда в ходе сложной придворной интриги П. М. Волконский был сначала временно, а потом и окончательно сменен на посту начальника Главного штаба И. И. Дибичем (как известно, выходцем из Германии). Призывая своего друга и бывшего начальника, находившегося в отпуске в Париже, вернуться в страну и продолжить борьбу за свое место, Закревский писал 24 ноября 1823 г.: «Оживите приездом Вашим осиротевшее Дежурство и не отдавайте его на съедение немцам; докажите чрез то соотечественникам, что Вы всему предпочитаете матушку Россию и более всего желаете добра русским»[20]. В его следующем письме (от 4 декабря 1823 г.) националистические идеи звучат еще более громко:

---

[15] Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 43.

[16] Там же. С. 46.

[17] Там же. С. 54–55.

[18] Там же. С. 65.

[19] *Федоров В. А.* А. П. Ермолов и его «Записки» // Записки А. П. Ермолова. 1798–1826 гг. М., 1991. С. 9.

[20] Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 172.

«…отказ Ваш от возвращения истребит все доброе, Вами с такими трудами заведенное, и предаст все на съедение немцам, не любящим ничего служащего к пользе нашей матушке России. Чтоб любить Россию, надобно иметь чувства настоящего русского, и для сего родиться русским. Пришлецы же сего возвышенного чувства любви к Отечеству иметь не могут»[21]. Говоря о том, что ему удалось выхлопотать награды для чиновников Главного штаба, Закревский отмечал: «Притом же хотя они служат с тем же усердием и теперь, но, не умея забегать сторонними дорогами, едва ли бы удостоились награды от немцев» (письмо от 14 декабря 1823 г.)[22]. Примечательно, что в ответных письмах Волконского национальный вопрос не затрагивался[23], хотя антинемецкие настроения и ему не были чужды[24].

Большой интерес представляют письма, в которых П. М. Волконский и А. А. Закревский касались масонской темы. 3 декабря 1820 г. Закревский написал о генерал-майоре фон Визине, «который по расстроенному здоровью своему не может более продолжать военной службы и желает быть определенным в Губернаторы». Закревский предлагал «сходно его желанию поместить его в Смоленск, где с давнего времени не отлично управляет Губерниею Барон Аш, чему я был очевидным свидетелем при начатии компании 1812-го года, и который, кажется, наконец и сам желает оставить свою должность»[25]. Волконский в ответном письме от 21 декабря сообщил, что докладывал о фон Визине императору и тот «изволил отозваться, что полагает его весьма способным к сей должности, но вместе с тем объявил мне, что он известен за весьма большого массона, о чем и сожалеет, и поручает Вам иметь во время пребывания его в С. Петербурге особенный за ним надзор»[26]. В письме от 7 января 1821 г. Закревский оправдывался: «О фон Визине писал я к Вам только как о военном Генерале, дабы Вы знали о намерении его на случай, если Государь, получа представление от Графа Кочубея, которому фон Визин объявил свое желание, спросит Вас о сем Генерале. Что он масон я этого вовсе не знал; людей сего рода я сам не жалую»[27].

---

[21] Там же. С. 173.

[22] Там же. С. 176.

[23] См.: Там же. С. 79–85 ; РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 104. Л. 20–21 об.

[24] Так, в письме от 21 декабря 1820 г., рассказывая, как во время поездки из Троппау в Лайбах при въезде в Вену немецкий кучер чуть было не опрокинул коляску с Александром I, Волконский жаловался: «Не знаю, что делать с немцами, так глупы, что способу нет, как хочешь им толкуй, ничего не понимают, и думают, что везя Российского Императора надобно скакать сломя голову…» (Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 34).

[25] Там же. С. 120.

[26] Там же. С. 34.

[27] Там же. С. 132.

Три недели спустя Волконский, анализируя неутешительные для монархов и монархистов сведения, стекавшиеся в Лайбах со всех концов Европы, резюмировал: «Секретные общества Иллюминатов ужасно увеличиваются и распространяются повсюду, им ничего нет невозможного и ничего у них нет святого, только и мыслят уничтожение всех властей и произведение общих беспокойствий. Число их так велико, что и у нас очень много, и даже в войске, и в разных должностях, почему и нужно обращать все возможное внимание к открытию таковых извергов для удаления их» (письмо от 30 января 1821 г.)[28]. Закревский в ответном письме (от 18 февраля), говоря о «вредных толках» в высших классах общества, обещал: «Не смею решительно сказать, суть ли они и у нас действием неблагонамеренных секретных обществ, подобно как и в других Государствах, или только пустое болтанье праздных и легковерных, но то верно, что если б кто либо замечен был мною по моему ведомству принадлежащим к какому либо из подобных обществ, то не ожидая разрешения я принял бы на счет его такие меры, какие только по нынешним обстоятельствам могут быть приличны»[29].

Отразилась в переписке и затянувшаяся на много месяцев поездка императорской четы Александра I и Елизаветы Алексеевны в Таганрог, ставшая для обоих роковой. Князь П. М. Волконский, бывший при императоре неотлучно, писал Закревскому 21 ноября 1825 г.: «Ужаснейшее бедствие, нас всех постигшее, любезный друг Арсений Андреевич, отнимает у меня силы к изъяснению скорби и сокрушения мною ощущаемых. 19 ноября поутру в 10 часов и 50 минут поражены мы были жестоким ударом по случаю кончины обожаемого монарха нашего Государя Александра Павловича после 13-ти дневной желчной и потом обратившейся в нервическую горячку. Никому столь не было известно, любезный друг, как Вам, преданность, привязанность, и даже, смею сказать, дружество мое с ним, легко можете себе представить в каком положении я нахожусь»[30]. Последующие письма рисуют безрадостную картину пребывания в Таганроге императрицы Елизаветы Алексеевны и ее спутников. «По счастию, что жена с дочерью сюда приехали, — писал князь своему другу 7 января, — без них, я думаю, что я бы сошел с ума с печали и тоски. Мы живем совершенно как в деревне. По вечерам приходит к нам Лонгинов[31] вместе горевать»[32].

---

[28] Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 43.

[29] Там же. С. 145.

[30] Там же. С. 95.

[31] Имеется в виду Н. М. Лонгинов (1780–1853), в указанное время — секретарь императрицы Елизаветы Алексеевны (*Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А.* Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906 : биобиблиогр. справ. СПб., 2006. С. 460–463).

[32] Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 97.

Как уже отмечалось, объем сохранившейся переписки за период 1826–1852 гг. невелик. Определенный интерес для историка представляют письма июня 1848 – июля 1849 г. (восемь писем), в которых упоминаются события европейской революции и венгерского похода русской армии; о последней кампании Волконский выразился (20 августа 1849 г.) предельно емко и лаконично: «Благодаря Бога дела наши кончились славно и как нельзя было ожидать. Велик Российский Бог, а Князь Варшавский[33] счастлив»[34].

Особо ценную часть переписки составляют упоминания отдельных поступков, высказываний, фактов из жизни выдающихся современников Волконского и Закревского, в большом числе сохранившиеся на страницах их писем друг к другу. В первую очередь, это были представители круга близких друзей обоих корреспондентов, состоявшего почти исключительно из военных[35]: А. П. Ермолов, М. С. Воронцов, П. Д. Киселев и др. Волконский и Закревский оповещали друг друга не только о служебных делах, но и о событиях частной жизни данных лиц, пересказывали содержание их писем. Иным (нейтральным) было отношение Волконского и Закревского к большинству своих сослуживцев — например, к И. В. Васильчикову и А. Х. Бенкендорфу. Наконец, третью группу составляют политические враги участников рассматриваемой переписки: А. А. Аракчеев, И. И. Дибич и др.

Рассмотрим этот вопрос подробнее на примере трех персон, каждая из которых по-своему знаковая.

Имя Алексея Петровича Ермолова появляется на страницах переписки едва ли не чаще других, причем масштаб личности покорителя Кавказа был вполне ясен его друзьям. Так, 24 декабря 1820 г., препровождая П. М. Волконскому письмо Ермолова с просьбой о переводе его двоюродного брата в гвардию, А. А. Закревский отмечал: «Удовлетворением таковой просьбы вы его утешите; оскорбление же сего человека вредно для службы, тем более что Государь редко отказывает в сей милости людям, не могущим идти в сравнение с Ермоловым»[36]. Отношение к Ермолову (в переписке часто фигурирующему под именем «брата Алексея») осталось неизменным и спустя десятилетия: в большинстве сохранившихся писем Волконского Закревскому конца 1840-х гг. есть фраза: «Алексею Петровичу мое искреннее почтение»[37].

Особый интерес представляют упоминания в переписке личности А. А. Аракчеева. Еще в дореволюционной литературе указывалось, что

---

[33] Имеется в виду И. Ф. Паскевич-Эриванский, князь Варшавский.

[34] Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 104.

[35] Исключение составлял, пожалуй, лишь К. Я. Булгаков — московский, а с 1819 г. петербургский почт-директор.

[36] Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 128.

[37] Там же. С. 100–102, 104, 106.

«Князь Петр Михайлович (Волконский. — *П. Г.*) питал особое нерасположение к Аракчееву»[38]. Тем не менее в конце 1810-х – начале 1820-х гг. упоминания об Аракчееве носят нейтральный или положительный характер (см. письма П. М. Волконского А. А. Закревскому от 19 июня 1817 г.[39], 30 октября 1818 г.[40], 6 сентября 1819 г.[41], 12 января 1820 г.[42] и др.). Лишь начиная с 1823 г., когда в ходе сложной интриги (затеянной Аракчеевым) Волконский лишился поста начальника Главного штаба, могущественный директор департамента военных поселений начал фигурировать в переписке Волконского и Закревского под именем «Змей» (см. письмо А. А. Закревского П. М. Волконскому от 14 декабря 1823 г.[43] и др.).

Неоднократно упоминается на страницах рассматриваемой переписки некое лицо, получившее от Волконского и Закревского ироническое прозвище «Кривляка». Н. Ф. Дубровин предположил, что «Кривлякой» мог быть знаменитый министр иностранных дел К. В. Нессельроде; по крайней мере, при первом упоминании этого прозвища в опубликованных им письмах историк поставил рядом в скобках фамилию «Нессельроде» и знак вопроса[44]. Такое предположение основывалось, видимо, на том, что «Кривляка» не раз упоминался Волконским в числе присутствовавших вместе с императором Александром I на конгрессах Священного союза, а Закревский в письме от 24 ноября 1823 г. сообщал своему другу: «Назначение Кривляки в министерство иностранных дел, вероятно, произвело также не малое в вас удивление…»[45]

Тем не менее говорить о тождестве «Кривляки» и К. В. Нессельроде нельзя. Во-первых, Нессельроде, как известно, управлял министерством иностранных дел еще с 1814 г.; во-вторых, строка из письма Волконского Закревскому от 21 августа 1819 г.: «Надеюсь, Кривляка в Петербурге, я думаю привез из деревни кучу денег, пожалуйста посмотрите, чтоб не промотался, а только можно позволить ему переменить мерзкой затрапезной диван подле кабинета его в канцелярии и даже мебель и в гостиной» — явно указывает на подчиненное положение «Кривляки» по отношению к автору письма, чего в случае с Нессельроде быть не могло[46].

---

[38] Биографический очерк генерал-фельдмаршала светлейшего князя П. М. Волконского. СПб., 1914. С. 128.

[39] РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 102. Л. 27.

[40] Там же. Л. 56.

[41] Там же. Л. 71.

[42] Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 12–13.

[43] Там же. С. 176.

[44] Там же. С. 2.

[45] Там же. С. 171.

[46] Там же. С. 9.

Наконец, в письме от 15 марта 1818 г. Волконский сообщает: «Вчера на меня надели Белого орла, а на Кривляку и на гр. Потоцкого Св. Станислава»[47]. Однако К. В. Нессельроде в указанное время подобной награды не получал[48].

Разгадка содержится в одном из писем, не вошедших в публикацию, осуществленную Н. Ф. Дубровиным. 14 (или 19, дата написана неразборчиво) июня 1817 г. Волконский писал своему другу: «Я отправил отсюда в 6 часов ровно фельдъегеря к Кн. Меншикову за орденами для принца, но и по сие время не имею их, а уже 10 часов. Государь два раза уже спрашивал, прошу приказать справиться от чего сие случилось. Видно Кривляка на гульбе»[49]. Таким образом, речь идет о князе Александре Сергеевиче Меншикове (1787–1869), который в 1816–1823 гг. служил в Главном штабе (начальником коего был в это время П. М. Волконский — чем и объясняется ироничное замечание последнего о «затрапезном диване подле кабинета в канцелярии»), а 14 марта 1818 г. был награжден орденом Св. Станислава 1 ст.[50]

Правнук петровского фаворита и генералиссимуса для Волконского и Закревского был объектом самых разнообразных насмешек. «Теперь подивитесь новому чуду, — писал П. М. Волконский своему другу 4 декабря 1820 г., — Кривляка вчерась дал здесь бал и очень хороший; не знаю, что с ним сделалось? Доказательство вам, что видно скучно, коли он решился делать такие расходы. Для освещения залы, ежели так комнату назвать можно, купил он за несколько гульденов дощечек с жестяными подсвечниками, служившими на похоронах нашего домохозяина, который недавно умер, а чтобы их не узнали, то Кривляка купил в аптеке серебряной бумажки и ею оклеил дощечки, прибив гвоздиками мишурную серебряную бахрому для большего украшения. Для питья дамам взял из аптеки лимонного хрусталя, из коего сделал лимонаду и беспрестанно оным потчевал. Бал был превеселый, только под конец, говорят, ужасно воняло потом, потому что здешние дамы не очень чистоплотны и видно худо моются»[51]. В другом письме (из Варшавы, от 12 марта 1818 г.) Волконский сообщал: «Кривляка боюсь промотается; в здешнюю Страстную неделю ходит со мною по церквам, и по здешнему обыкновению давать дамам, собирающим для нищих, раздал червонца два с половиною,

---

[47] Там же. С. 2.

[48] См.: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи … С. 457.

[49] РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 102. Л. 26.

[50] *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи … С. 408–409. У Д. Н. Шилова дата награждения орденом — 14 марта 1817 г.; думается, что это ошибка (допущенная, возможно, при составлении формулярного списка А. С. Меншикова).

[51] Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 29.

да на все время пребывания нанял красавицу червонцев за 60, за то уже и пользуется, лишь бы после не поплатился лекарю»[52].

Таким образом, переписка П. М. Волконского и А. А. Закревского содержит немало важных и просто любопытных исторических сведений о событиях и людях александровской и (в меньшей степени) николаевской эпох. Помимо этого она является бесценным источником для биографии самих ее авторов, принадлежавших к числу замечательных людей своего времени.

Их дружба, длившаяся несколько десятилетий, лишь несколько раз омрачалась конфликтами; так, например, в письмах от 22 апреля 1821 г. и 2 января 1823 г. Закревский высказывал своему корреспонденту обиду на то, что тот, представляя императору различных чиновников к награждению, обошел подчиненных Арсения Андреевича[53]. Впрочем, подобные случаи в многолетних приятельских отношениях Волконского и Закревского были крайне редки. Гораздо более характерны для них следующие короткие, но задушевные письма-записки:

«Я так давно не имел удовольствия видеть Вас, любезнейший друг Граф Арсений Андреевич, по случаю моих беспрестанных переездов; желаю знать о Вашем здоровье, и дочери Вашей; а вместе с тем, прошу сделать мне удовольствие приехать завтра ко мне обедать, если Вы никуда не отозваны.

Весь Ваш Кн. П. Волконский» (П. М. Волконский — А. А. Закревскому, 23 ноября 1847 г.)[54].

«Мне грустно, любезнейший друг, Граф Арсений Андреевич, что мы так редко видимся, я боюсь, чтоб Вы скоро не уехали.

Если можете сделать мне удовольствие, то приезжайте ко мне завтра обедать буде не отозваны в другое место.

Весь Ваш Кн. Петр Волконский» (П. М. Волконский — А. А. Закревскому, 12 декабря 1849 г.)[55].

SUMMARY

The article is devoted to private correspondence of two eminent statesmen of the Russian Empire, the first half of 19th century — P. M. Volkonsky and A. A. Zakrevsky. Provides the first analysis of the source study correspondence P. M. Volkonsky and A. A. Zakrevsky, highlights the main themes of correspondence that relate to the political and military history of Russia

[52] РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 102. Л. 37 об.–38.

[53] Там же. Д. 95. Л. 127–128 об. ; Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 168–169.

[54] РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 104. Л. 89.

[55] Там же. Л. 108.

(the history of the General Staff, «Semenovskaya story» in 1820, the national question, the history of Russian Freemasonry), the diplomatic history of Europe (Congresses of the Holy Alliance). Subjected to critical analysis of the published letters, carried out at the end of 19th century by N. F. Dubrovin.

The present article may be of interest to specialists in the history of Russia in the first half of the 19th century — the reign of Alexander I and Nicholas I.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Частная переписка, источниковедение, Российская империя, эпоха Александра I, эпоха Николая I, П. М. Волконский, А. А. Закревский.

KEY WORDS

Private correspondence, a source study, the Russian Empire, the epoch of Alexander I, the epoch of Nicholas I, P. M. Volkonsky, A. A. Zakrevsky.

С. О. ВЯЛОВА

ДЕЛО О ПРИОБРЕТЕНИИ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКОЙ КОЛЛЕКЦИИ РУКОПИСЕЙ ЕПИСКОПА ПОРФИРИЯ (к 210-летию со дня рождения)

В Отчете ИПБ (ныне РНБ) за 1883 г. Афанасий Федорович Бычков[1] написал: «Самым важным приобретением за истекший год, бесспорно, является купленное на счет сумм государственного казначейства у члена Московской синодальной конторы, бывшего епископа Чигиринского, Порфирия собрание рукописей церковно-славянских и русских, греческих, арабских, грузинских, сирийских и на других языках, а также книг старопечатных церковно-славянских (большею частью в отрывках) и арабских. Это собрание составлено преосв[ященным] Порфирием во время 18-тилетнего пребывания его в разных странах христианского востока и уже давно было известно как отечественным, так и заграничным ученым <…> За собрание, которому подобное составить теперь едва ли возможно, заплачено 15,000 рублей, с рассрочкою уплаты их на четыре года. Приобретение такой замечательной коллекции за столь сравнительно скромную сумму отечественное книгохранилище единственно может приписать желанию преосв[ященного] Порфирия оставить свое собрание в России, так как на поступавшие к нему неоднократно предложения от

[1] Бычков Афанасий Федорович (1818–1899) — историк, археограф, палеограф, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1855), академик (1869), с 1844 г. хранитель Депо манускриптов Публичной библиотеки, с 1882 по 1899 г. директор ИПБ.

 © Вялова С. О., 2013

заграничных библиотек и любителей он отвечал постоянным отказом»[2]. Далее А. Ф. Бычков отмечает, что «в виду важности собрания преосвященного Порфирия, в настоящем отчете помещается краткий обзор этого собрания в полном его составе»[3].

Архимандрит Порфирий (Константин Александрович Успенский, 1804–1885) — один из первых русских византинистов, востоковед, искусствовед, богослов, палеограф и знаменитый собиратель рукописей, руководитель первой духовной миссии в Иерусалиме (31 июля 1847 – 3 мая 1854)[4], страстный коллекционер, к концу жизни обладавший ценнейшим собранием рукописей, гравюр, рисунков, икон, приобретенных им тем или иным путем на христианском Востоке.

Академик И. И. Срезневский[5], близко знавший епископа Порфирия, познакомившись в Киеве с этим собранием, был поражен его значительностью: «…все свои собрания открыл он мне вполне, с полным

---

[2] Отчет ИПБ за 1883 г. СПб., 1885. С. 9–10. «Кто читал его многообъемистые сочинения, тот может сам приметить, как через все его сочинения тонкою золотою нитью проходит его полнейшая неослабная любовь к Родине как гражданина России и любовь к восточному Православию как сына Восточной Православной Церкви. Где бы он ни был, чем бы он ни был занят, его жизнь, его мысль, его душа живет в России и для России, и для Церкви Российской собирает, как пчела с цветов, питательный и усладительный сок богословской учености. Имевшие возможность вести с ним беседу замечали, без сомнения, что познания его были, можно сказать, универсальны: он знал физику и медицину, и архитектуру, и языки греческий, итальянский, французский, немецкий и другие, и церковную археологию, и древности всеобщей истории гражданской. Но все эти знания у него, как цементом, скреплялись знанием Святой Библии и христианской истории Востока. Восточная Церковь и древние памятники ее были любимым предметом его разговоров и исследований» (*Иоанн*, еп. (настоятель моск. Симонова монастыря). Речь при погребении // Моск. церк. ведомости. 1885. № 18. С. 324).

[3] Там же. С. 10; обзор собрания — с. 11–189.

[4] О нем см.: Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского : изд. АН, исполненное под ред. П. А. Безобразова на завещанные Академии еп. Порфирием средства. СПб., 1910. Т. 1–2 ; *Агафангел*, архим. Епископ Порфирий Успенский (08.09.1804–19.04.1885) // Журнал Московской Патриархии. 1975. № 5. С. 76–79 ; № 6. С. 68–72 ; *Иннокентий* (*Просвирин*), архим. Памяти епископа Порфирия (Константина Александровича Успенского). 1804–1885 // Богословские труды. 1985. Т. 26. С. 315–325 ; *Герд Л. А*. Еп. Порфирий Успенский: из эпистолярного наследия // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 8–21 ; *Герцман Е. Е*. Порфирий Успенский: творческая биография и научное наследие : дис. … канд. ист. наук. СПб., 2004 ; *Подмарькова М. В*. Порфирий (в миру Успенский Константин Александрович) // Русские писатели, 1800–1917. М., 2007. Т. 5. С. 97–99 и др.

[5] Срезневский Измаил Иванович (1812–1880) — славист, филолог, этнограф, академик Петербургской Академии наук (1851).

правом и удобством пользоваться ими, — и тут в первый раз я убедился, как они разнообразны и как важны в научном отношении. Я знал, что наш просвещенный, внимательный и заботливый путешественник, во время своих многолетних странствий (в 1843–1861 гг.) по землям христианского востока, собрал очень многое; но что собрано им столько, сколько увидел у него, я не мог предполагать»[6]. Большую часть своих рукописных ценностей Порфирий предложил приобрести Публичной библиотеке за весьма умеренную цену в 15 000 рублей[7]. При этом он объяснял продажу рукописей тем, «дабы оне не растасканы были туда и сюда» после его смерти, и необходимостью получения средств на издание своих трудов.

В ИПБ с предложением о продаже рукописей епископ Порфирий обратился 29 марта 1883 г. Собрание у него вскоре было куплено. Решение о покупке Александр III 3 января 1884 г. «утвердить соизволил и повелеть исполнить». Требуемые суммы переводились отдельными частями вплоть до смерти епископа Порфирия 19 апреля 1885 г.[8] Переписка, посвященная покупке, составила «Дело», которое было закрыто в 1887 г. после завершения переговоров с Академией наук о наследстве и в настоящее время хранится в архиве РНБ[9].

Оценивая эту переписку, необходимо обратить внимание на имеющееся в ней признание современниками самого епископа Порфирия как разностороннего видного исследователя, а также на вытекающую из ее содержания характеристику и высокую оценку его замечательного собрания рукописей, «подобного которому составить теперь едва ли возможно»

---

[6] *Срезневский И. И.* Собрания епископа Порфирия // Записки Академии наук. СПб., 1867. Т. 12. С. 29–40.

[7] «Всю свою библиотеку в семь с лишним тысяч книг он завещал Святейшему Синоду, который затем передал ее в Московскую Синодальную библиотеку. Напечатанную “Историю Афона” он завещал Синодальному книжному магазину в пользу типографского синодального капитала, из которого в свое время и сам Преосвященный получал помощь. Собрание редчайших древних восточных икон — абиссинских, греческих, сирийских, грузинских и различные антикварные иерусалимские изделия были завещаны в Археологическое общество при Киевской духовной академии. Русские иконы в окладах, три финифтевые панагии и два креста были оставлены Владыкой Новоспасскому монастырю. Каждой из духовных академий Преосвященный завещал образцы книжной живописи» (*Агафангел*. Епископ Порфирий Успенский … № 6. С. 71).

[8] В своем Дневнике в 1884 г. Порфирий записал: «…улыбнулось мне одно счастье. Я продал свое собрание древних рукописей Императорской Публичной библиотеке за 15000 рублей. Она уже уплатила мне 9000 р.» (*Порфирий Успенский*. Книга бытия моего (Дневник и автобиографические записки). СПб., 1902. Т. 8. С. 525–526).

[9] Черновики писем Порфирия и подлинники писем к нему А. Ф. Бычкова и Л. Н. Майкова хранятся в СПФ АРАН (Ф. 118. Оп. 1. Д. 38).

и значение его для науки. Важны сведения о подготовке епископом Порфирием последней, к большому сожалению не оконченной, работы об иконной и книжной живописи. Интересна и сама история передачи собрания ИПБ.

Епископ Порфирий Успенский
(08/20.09.1804, Кострома – 19.04/01.05.1885, Москва)

Дело Императорской публичной библиотеки
О приобретении у Епископа Порфирия собрания рукописей греческих, славянских, арабских, грузинских и на других восточных языках

Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1883. Ед. хр. 4[10]

1

еп. Порфирий — в Императорскую публичную библиотеку

В Императорскую публичную библиотеку.

Во время многолетнего пребывания моего на Востоке приобретены мною рукописи на разных языках и разных веков, начиная с девятого, и кроме их образцы книжной живописи с 715 года, старинные географические карты с астрономическими рисунками и календарными заметками, и палеографические образчики греческих нот с десятого века, канцелярских почерков греческих и славянских, разновекового книжного письма, греческого, славянского и грузинского. Все эти приобретения, хорошо сохранившиеся у меня в богатых переплетах и картонах, я желаю продать Императорской публичной библиотеке, дабы оне не растасканы были туда и сюда по смерти моей, и дабы на полученные за них деньги я мог напечатать свои сочинения с многими и многими картинами, рисунками и чертежами, коих изготовление и печатание стоит весьма дорого. Цена всем им 15,000 рублей без укладки и пересылки.

Уплата сих денег может быть произведена мне по частям в три-четыре года. Каталог рукописей и картонов при сем прилагается[11].

Да благоволит начальство Императорской публичной библиотеки купить у меня все эти драгоценности, кои приобрел я для моего отечества, а не для иностранцев, знающих о существовании их, и могущих купить их у меня даже гораздо дороже. — Ожидается ответ.

Управляющий ставропигиальным Новоспасским в Москве монастырем Епископ Порфирий

29 марта 1883 г.
(*автограф*)
(*л. 1*)

---

[10] Орфография и пунктуация оригиналов сохранена. В круглых скобках курсивом — примечания автора статьи.

[11] «Каталог рукописей греческих, славянских, арабских, сирских и коптских и палеографических картонов с вложенными в них образчиками разноязычных рукописей, на которых означены годы появления их» находится в СПФ АРАН (Ф. 118. Оп. 1. Л. 89–104).

2

А. Ф. Бычков — Н. Х. Бунге[12]

2 апреля 1883

№ 323

Милостивый Государь

Николай Христианович,

Императорская Публичная Библиотека просвещенному ходатайству Вашего Превосходительства была обязана в прошедшем году возможностию приобрести в Константинополе и Париже несколько весьма редких и ценных греческих рукописей, и в числе их Псалтырь, исполненную для Византийского императора Константина Багрянородного. В настоящее время член Московской Синодальной конторы, бывший Чигиринский епископ Порфирий письменно предложил Библиотеке к покупке свое собрание рукописей греческих, славянских, арабских, грузинских и на других восточных языках (с которыми лично знаком — зачеркнуто. — *С. В.*) за 15.000 рублей, с рассрочкою уплаты их на три или четыре года.

Собрание преосвященного Порфирия, составленное им во время 18-ти летнего пребывания в разных землях христианского Востока, собственно, как он пишет, для нашего Отечества, давно известно как отечественным, так и заграничным ученым. Многими из его рукописей пользовались Тишендорф[13] для своего издания Нового Завета, Срезневский[14] для своего собрания малоизвестных и неизвестных памятников на церковнославянском языке, Павлов[15] при исследовании о Номоканоне, барон Розен[16] при издании летописи Яхьи Антиохийского и другие[17]. Собрание это состоит из 125 рукописей на разных языках, 20 арабских печатных книг и 590 отрывков из рукописей самого разнообразного содержания, частию в подлинниках, частию в снимках, ценных в палеографическом

---

[12] Бунге Николай Христианович (1823–1895) — тайный советник, министр финансов (1881–1886).

[13] Тишендорф Константин (Tischendorf Lobergott Friedrich Konstantin) (1815–1874) — профессор Лейпцигского университета по кафедре библейской палеографии. Его коллекция греческих и восточных рукописей была приобретена ИПБ в 1865 г.

[14] Срезневский Измаил Иванович.

[15] Павлов Алексей Степанович (1832–1898) — профессор, историк церковного права.

[16] Розен Виктор Романович (1849–1908) — барон, ориенталист-арабист, академик Петербургской Академии наук (1890).

[17] По этому поводу сам Порфирий замечает: «…бывали у меня и занимались в моей библиотеке: даниловский архимандрит Амфилохий, Стасов [Владимир], Качановский, Мансветов, грузин Цагарели и Розов» (*Порфирий Успенский*. Книга бытия моего … С. 507).

отношении и особенно для изучающих средневековую живопись христианского востока. Из греческих рукописей, на которых большею частию означены годы их написания, обращают на себя особенно внимание: Четвероевангелие 895 года, Псалтырь 862 года, писанная в год основания Русского Государства, Апостол 1301 года, переписанный с списка 399 года, годовой круг служебных Миней XII века с певческими крюками на стихирах[18], Евхологион или требник VIII века — одна из драгоценнейших рукописей в своем роде, заключающая между прочим много неизвестных молитв и литургию Иоанна Златоустого с особенностями в расположении; творения отцов церкви: Ефрема Сирина, Иоанна Златоустого, епископа Болгарского Феофилакта и других в списках X и XI веков; Сборник XIII века, содержащий в себе переписку разных царственных особ, вельмож и духовных лиц XI и XII веков, а также разные стихотворения. Из славянских рукописей замечательны: книга евангельских чтений 1195 года, чрезвычайно важная рукопись по заключающимся в ней данным церковно-славянского языка; житие св. Панкратия, епископа Тавроменийского, XIII века, Номоканон на бомбицине, XIII–XIV в.; несколько летописей и хронографов. Из рукописей на восточных языках особенно важны: Грузинская на папирусе по своей древности; арабские: евангелие 1036 года, Летопись Александрийского патриарха Евтихия, Летопись Иоанна Антиохийского, о Флорентийском соборе Хури Масаада Нашу, путешествие Антиохийского патриарха Макария по России и др.[19] Я не перечисляю отрывков рукописей, из которых самый древний относится к 715 году, тем более, что часть их уже напечатана.

Из этого краткого перечня состава собрания преосвященного Порфирия, которое лично мне известно, В[аше] П[ревосходительст]во можете усмотреть насколько оно важно в научном отношении и насколько желательно, чтобы оно вошло в состав Императорской Публичной Библиотеки, которая, к сожалению, положительно не имеет собственных средств к приобретению целых коллекций, так как из 26 000 р. ассигнуемых ей на покупку книг и рукописей и на их переплет, более 6 000 р. расходуется на переплет, а остальные 20 000 рублей, составляющие по настоящему курсу менее 13 000 рублей, можно сказать, недостаточны для того, чтобы пополнять Библиотеку наиболее выдающимися сочинениями по всем отраслям знания, выходящими за границею, особенно если принять

---

[18] Описание музыкальных рукописей издано: *Герцман Е. В.* В поисках песнопений греческой церкви : Преосвященный Порфирий Успенский и его коллекция древних музыкальных рукописей. СПб., 1996.

[19] Описание материалов, помимо включенного в Отчет ИПБ за 1883 г. (С. 11–189), см.: [*Бычков А. Ф.*] Краткий обзор собрания рукописей, принадлежавшаго преосвященному епископу Порфирию, а ныне хранящегося в Императорской публичной библиотеке. СПб., 1885.

в соображение что ей, по своему назначению, приходится выписывать около 500 заграничных повременных изданий. В виду всего вышеизложенного с одной стороны, а с другой имея недавние примеры правительств Прусского, давшего Королевскому Музею более миллиона марок на покупку собрания рукописей Гамильтона[20], и французского ассигновавшего до 400.000 франков на приобретение части коллекции лорда Ашбурнгама[21], я имею честь обратиться к Вашему Пр[евосходительст]ву с покорнейшею просьбою не признаете ли Вы возможным исходатайствовать у Государя Императора об отпуске из Государственного Казначейства отечественному книгохранилищу 15 000 рублей на обогащение его таким собранием рукописей, которое по своей внутренней ценности стоит значительно дороже испрашиваемой скромной цифры, подобного которому составить теперь едва ли возможно и за которое иностранцы его знающие без сомнения предложат владельцу гораздо более.

Уверенный, что ходатайство Императорской Публичной Библиотеки будет благосклонно принято Вашим Пр[евосходительст]вом и встретит в Вашем лице самое горячее содействие, пользуюсь настоящим случаем, для засвидетельствования Вам, М[илостивый] Г[осударь], моего искреннего почтения и совершенной признательности.

Его Превосходительству А. Бычков

Н. Х. Бунге

(*черновое письмо*)

(*л. 2–4 об.*)

3

А. Ф. Бычков — еп. Порфирию

№ 331 [исход.]

Преосвященный Владыко,

Милостивый архипастырь

Императорская Публичная Библиотека имела честь получить письмо Вашего Преосвященства от 29 марта сего года относительно приобретения

[20] Die Handschriften-verzeichnisse der Königlichen Bibliothek zu Berlin. Bd. XI : Verzeichniss der griechischen Handschriften der Königl. Bibliothek zu Berlin. 2. / von C. de Boor. Berlin, 1897. Codicis Ham(iltoni): 41, 152, 153, 246, 270, 339, 354, 355, 453, 455, 468, 512, 537, 552, 555, 617, 625, 634. S. 229–242.

[21] Знаменитая библиотека Ashburnhamiani, составленная Бертраном, четвертым лордом Ашбурнгамом (1797–1878), распылилась, разошлась по разным владельцам в 1883 и 1884 гг. (Encyclopædia Britannica. 14 ed. London ; New York, 1929. Vol. 2. P. 507). Известно, что помимо Франции 30 греческих рукописей этой библиотеки попали во Флоренцию в Библиотеку Лауренциано. См.: *Richard M.* Répertoire des bibliothèques et des catalogues de manuscrits grecs. Paris, 1958. P. 95, no 353.

принадлежащего Вам собрания рукописей и с живейшею благодарностию принимает на изъясненных условиях Ваше предложение, исполненное благоволительного к ней внимания. Где же как не в Импер[аторск]ой Публичной Библиотеке, в которой уже находится так много драгоценных письменных и печатных памятников, храниться Вашему собранию, составленному с таким знанием в течение многолетнего Вашего пребывания в разных странах христианского Востока в интересах отечественной науки, для которой Вы сами не мало потрудились и которую Вы обогатили многими важными сочинениями.

Публичная Библиотека сохранит в целости Ваше собрание для отдаленного потомства и ученые при пользовании им с уважением и признательностию будут вспоминать Ваше имя, тесно связанное с открытием знаменитой Синайской Библии, которая также хранится в Библиотеке и составляет одну из ее драгоценностей[22].

Надеюсь на днях сообщить Вам положительные сведения как о начале, так и о сроках уплаты следующей Вам суммы; вместе с тем покорнейше прошу Ваше Преосвященство уведомить Библиотеку когда и при каких условиях может быть приступлено к приему Вашего собрания рукописей.

---

[22] Греческий, так называемый Синайский, кодекс IV в. (*Codex Sinaiticus*) был продан в декабре 1933 г. Британскому музею (библиотеке) за 100 000 фунтов стерлингов. Эта операция считается и по сей день «величайшей книжной покупкой на протяжении всей мировой истории», как написал в 1980 г. Лео Дойель (*Дойель Л.* Завещанное временем. Поиски памятников письменности. М., 1980. С. 312). В Отделе рукописей РНБ хранится несколько фрагментов этого памятника, три из которых (составляющие два листа из книг Бытия и Чисел) попали сюда с собранием Порфирия. Их он обнаружил в Каире в библиотеке, принадлежавшей синайскому монастырю, среди Синае-Джувайских рукописей: «…на переплетных досках одной книжицы внутри усмотрел два обрезка той самой Библии, которая передана Тишендорфу для печатания. Они приклеены были к ней сургучем для обложки ея. Это сделал переплетчик, но когда, неизвестно. Я осторожно отклеил их и взял себе для присоединения к самой рукописи. Эти обрезки очень малы» (Мнение о синайской рукописи, содержащей в себе Ветхий Завет неполный и весь Новый Завет с посланием св. Апостола Варнавы и книгою Ермы, — архимандрита Порфирия (Успенского). СПб., 1862. С. 26). Присоединены ко всему корпусу кодекса они так и не были, и это сохранило их в России. Один лист кодекса (книги Бытия) попал в библиотеку с материалами Тишендорфа (ОР РНБ. Ф. 906. № 2). Кроме того, в 1950 г. еще один лист (лист Псалтири Гермаса) был обнаружен хранящимся в Отделе рукописей вместе с листком так называемого Мирославова евангелия XII в. (F. n. 1.83) из собрания Порфирия (ОР РНБ. Ф. 906. № 874). Как отрывок Синайского кодекса описан у В. Н. Бенешевича и лист с текстом книги Иудифи. Однако Е. Э. Гранстрем выражает по этому поводу сомнение (Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Рукописи IV–IX вв. // ВВ. М., 1959. Т. 16. С. 220).

Пользуюсь настоящим случаем, чтобы напомнить Вам о себе: несколько десятков лет тому назад, когда Вы только что возвратились с Востока и имели пребывание в Александро-Невской лавре, Вам угодно было через меня предложить графу Корфу[23] покупку Вашего собрания. Радуюсь что некогда начатое дело, тогда отклоненное, пришлось мне теперь довести до конца. В этом ясно усматривается указание места, где должно находиться Ваше собрание.

Испрашивая вашего, Владыко, архипастырского благословения, с искренним почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашего Преосвященства.

(*черновой автограф*)[24]

(*л. 5–6 об.*)

4

Н. Х. Бунге — А. Ф. Бычкову

[На бланке]
№ 309 [вход.]
Министр
Финансов
11 Апреля 1883 года
№ 1446
Милостивый Государь
Афанасий Федорович

На письмо Вашего Превосходительства от 2 сего Апреля, об отпуске из Государственнаго Казначейства 15.000 руб. Императорской Публичной Библиотеке на приобретение у бывшаго Чигиринскаго Епископа Порфирия собрания рукописей греческих, славянских, арабских, грузинских и на других восточных языках, имею честь уведомить, что, вполне сознавая всю важность приобретения названною библиотекою столь драгоценнаго в научном отношении собрания помянутых рукописей, я не встречаю с своей стороны препятствия к ассигнованию на этот предмет показанных 15.000 р. с разсрочкою уплаты их, согласно предложению епископа Порфирия, в течении 4-х лет, начиная с 1884 г., но с тем чтобы разрешение на отпуск этих денег испрошено было Министерством Народнаго Просвещения, установленным порядком, чрез Государственный Совет.

---

[23] Корф Модест Андреевич (1800–1876) — граф, государственный деятель, историк, директор ИПБ (1849–1861).

[24] На оригинале письма Порфирий написал: «5 апреля 1883 г. Получил в 6 часов пополудни в Москве, Новоспасском монастыре и возрадовался. Итак, не пропадут мои сокровища» (СПФ АРАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 38. Л. 68).

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Н. Бунге

(*подпись-автограф*)

Его Пре[восходительст]ву

А. Ф. Бычкову.

(*л. 7–8*)

5

А. Ф. Бычков — И. Д. Делянову[25]

12 апреля 1883

№ 372

Господину Министру Народнаго Просвещения

Член Московской Синодальной Конторы, бывший Чигиринский Епископ Порфирий предложил Императорской Публичной Библиотеке к покупке свое, известное ученому миру, драгоценное собрание рукописей греческих, славянских, арабских, грузинских и на других восточных языках за 15.000 рублей. Признавая весьма желательным, чтобы это важное в научном отношении собрание, по своей внутренней ценности стоющее гораздо дороже испрашиваемой Епископом Порфирием скромной цифры, вошло в состав отечественнаго книгохранилища, я относился по этому предмету к г. Министру Финансов, который письмом от 11 сего апреля за № 1446 сообщил мне, что он не встречает с своей стороны препятствия к ассигнованию на покупку собрания Преосвященнаго Порфирия показанных 15000 рублей с рассрочкою уплаты их, согласно предложению владельца, в течение четырех лет, начиная с 1884 года, но с тем, чтобы разрешение на отпуск этих денег было испрошено Министерством Народнаго Просвещения установленным порядком через Государственный Совет. Вследствие сего, препровождая копии с моего письма к г. Министру Финансов, от 2 сего апреля за № 323, и ответа Тайнаго Советника Бунге, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство дать настоящему делу дальнейший ход.

Директор (*подпись*) А. Бычков

(*черновое письмо*)

(*л. 9–9 об.*)

---

[25] Делянов Иван Давыдович (1818–1897) — граф, статс-секретарь, министр народного просвещения (1882–1897), директор ИПБ (1861–1882).

6

еп. Порфирий — в Императорскую публичную библиотеку

№ 320 [вход.]

В Императорскую публичную библиотеку.

Получив от директора сей библиотеки Его Превосходительства А. Бычкова уведомление, от 3 апреля текущего года за № 331, о покупке Библиотекою моих рукописей на разных языках и разных веков за 15,000 рублей, и будучи спрошен, — «когда и при каких условиях может быть приступлено к приему моего собрания рукописей», — почтительно и решительно отвечаю, что это собрание мое готово к сдаче в Императорскую публичную библиотеку во всякое время, когда она найдет возможным и удобным для себя принять оное, и что отысканы те годные ящики, в которых все мои рукописи сохранно перевезены были из Киева в Москву. Что касается до условий приема их, то с моей стороны никакие новые условия не предлагаются, кроме уплаты мне 15.000 рублей в три, или четыре года. От самого начальства Библиотеки ожидается распоряжение касательно приема моих рукописей кем либо из служащих в ней.

К сему присовокупляю, что при приеме моих манускриптов имеют быть сданы мною в Библиотеку еще следующие издания:

1) Diplomatisches ABC. Schlüssel zum Veständniss und Lesen alter Handschriften, Urkunden, Stein — Inschriften, Glocken — Umschriften, Münzen, Siegeln, Wappen etc. etc. herausgegeben von Dr. Franz Zauten. Stuttgart. in folio magno**.** В папке[26]

2) Две печатные арабские книги, in folio, в корешке. (Кажется, география Egpuso и кого-то другого[27].)

Управляющий ставропигиальным Новоспасским монастырем
епископ Порфирий

Москва

(*автограф*)

(*л. 10–10 об.*)

---

[26] Sauter Franz. Diplomatisches ABC. Schlüssel zum Veständniss und Lesen alter Handschriften, Urkunden, Stein = Inschriften, Glocken = Umschriften, Münzen, Siegeln, Wappen etc. etc. Herausgegeben von Dr. Franz Sauter. Stuttgart, Verlag von Alfred Bruchmann. [18...].

[27] География аль-Макризи — см. Отчет ИПБ за 1883 г. С. 189 (*аль-Макризи*. Китаб аль-маваиз ва-ль-итибар фи зикр аль-хитат ва-аль-асар = Книга поучений и назидания в рассказе о кварталах и памятниках. Каир, 1853–1854).

7

И. Д. Делянов — А. Ф. Бычкову

[На бланке]
№ 363 [вход.]
Министерство
Народнаго Просвещения

Департамент
Разряд
ученых учреждений
7 мая 1883.
№ 5843.

Господину Директору Императорской Публичной Библиотеки

Вследствие сообщения Вашего Превосходительства от 12 минувшего Апреля за № 372, касательно приобретения Императорскою Публичною Библиотекою от члена Московской Синодальной Конторы, Епископа Порфирия, собрания рукописей, имею честь Вас, Милостивый Государь, уведомить, что Министерством Финансов, с которым сделано было по означенному предмету сношение, ныне предложено Главному Казначейству: в счет суммы, какая разрешена будет Государственным Советом на приобретение от члена Московской Синодальной Конторы Епископа Порфирия собрания рукописей греческих, славянских, арабских, грузинских и др[угих], открыть счет остатков от заключенных смет, в Государственной росписи непоказанных, к § 18 ст. 5 действующей сметы Министерства Народного Просвещения, сверхсметный дополнительный кредит в 5000 руб., для отпуска этих денег Епископу Порфирию, по требованию Императорской Публичной Библиотеки.

Министр Народного просвещения,

Статс-Секретарь И. Делянов. (*подпись-автограф*)

Директор М. Брадке[28] (*подпись-автограф*)

(*л. 11–11 об.*)

8

еп. Порфирий — в Императорскую публичную библиотеку

№ 364 [вход.]

В Императорскую публичную библиотеку.

До сей поры не зная окончательного решения касательно обещанной мне покупки моих рукописей, почтительно прошу начальство Библиотеки

[28] Брадке Мануил Егорович, фон — директор департамента Министерства народного просвещения.

уведомить меня об этом решении, чем скорее, тем лучше для меня, дабы не занимала меня неприятная мысль о продаже их имеющим скоро приехать в Москву иностранцам по известному случаю[29].

Управляющий ставропигиальным

Новоспасским монастырем

Епископ Порфирий.

Москва.

7 мая 1883 г.

(*автограф*)

(*л. 12*)

9

А. Ф. Бычков — еп. Порфирию

8 Мая 1883 г.

№ 437. Преосвященнейший Владыко,
Милостивый Архипастырь

В ответ на письмо Вашего Преосвященства от 7-го сего Мая, имею честь уведомить Вас, что на приобретение Императорскою Публичною Библиотекою Вашего рукописного собрания последовало согласие Г. Министра Финансов, и потому она считает, что означенное собрание ею уже приобретено. После коронации Государя Императора Вам будет переведено 5.000 рублей в уплату условленной суммы и прислано лицо для приема от Вас Вашего собрания и перевозки его в Петербург. Что касается остальных десяти тысяч рублей, то они будут выплачиваемы Вам по равной части, согласно Вашему предложению, в три или четыре года.

Испрашивая Вашего архипастырского благословения, с истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть

Вашего Преосвященства покорнейшим слугою

Его Преосвященству

Просвященному А. Бычков.

Епископу Порфирию

(*черновое письмо*)

(*л. 13–13 об.*)

---

[29] По случаю коронации Александра III, которая состоялась 15 мая 1883 г. в Москве.

10

Переводное требование от 22 июня 1883 № 557 с просьбой открыть кредит на 5.000 руб. для выдачи их еп. Порфирию, подп[исанное] А. Бычковым, пом[ощником] директора Л. Майковым [30] и зав[едующим] хозяйственной частью К. Феттерлейн[31], и сопроводительное письмо в Главное Казначейство, подп[исанное] Л. Майковым.

(*черновые письма*)

(*л. 14–14 об.*)

11

А. Ф. Бычков — еп. Порфирию

28 Июня 1883 г.

Преосвященный Владыко,

Милостивый Архипастырь!

Имею честь уведомить Ваше Преосвященство, что Императорскою Публичною Библиотекою 22 сего Июня за № 557, послано в Главное Казначейство переводное требование на пять тысяч рублей об открытии на счет Б[иблиоте]ки кредита по Московской Казенной Палате для выдачи оных Вам из Московскаго Губернскаго Казначейства в счет 15000 р. за купленное у Вас собрание рукописей греческих, славянских и на восточных языках. О получении этих денег покорнейше прошу не оставить библиотеку своим уведомлением.

Испрашивая Вашего Архипастырского благословения, с истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть

Его Преосвященству, Вашего Преосвященства покорнейшим слугою

Преосвященнейшему А. Бычков

Епископу Порфирию

(*черновое письмо с правкой А. Бычкова*)

(*л. 15–15 об.*)

12

еп. Порфирий — в Императорскую публичную библиотеку

№ 538 [вход.]

В Управление Императорской публичной библиотеки

---

[30] Майков Леонид Николаевич (1839–1900) — академик, этнограф, фольклорист, историк русской литературы, помощник директора ИПБ (1882–1893).

[31] Феттерлейн Карл Федорович (1828–1902) — педагог, библиограф, председатель хозяйственного комитета ИПБ в 1883 г., библиотекарь, помощник директора ИПБ (1899–1902).

Честь имею уведомить Управление, что я получил из Московского губернского Казначейства пять тысяч рублей за купленное у меня в библиотеку собрание рукописей. Остается мне дополучить за оное десять тысяч рублей.

Управляющий ставропигиальным Новоспасским монастырем

Епископ Порфирий.

Москва

6 июля

1883 года.

(*автограф*)

(*л. 16*)

13

еп. Порфирий — в Императорскую публичную библиотеку

№ 613 [вход.]

В Управление Императорской

публичной библиотеки.

Проданное мною Библиотеке собрание моих рукописей давно готово к сдаче ей. Посему покорно прошу Управление принять оное от меня, дабы я мог свободно распоряжаться своим временем в случае выезда из Москвы.

Управляющий ставропигиальным Новоспасским монастырем

Епископ Порфирий

Москва

30 июля 1883 г.

(*автограф*)

(*л. 17*)

14

еп. Порфирий — в Императорскую публичную библиотеку

№ 645 [вход.]

В Управление Императорской публичной библиотеки

После 15-го дня текущаго месяца мне нужно выехать из Москвы дней на восемь. Итак, да будет благоволено принять от меня рукописи до этой поры, или отсрочить прием их до сентября, и почтить меня уведомлением о сем.

Управляющий ставропигиальным Новоспасским монастырем

Епископ Порфирий

Москва
11 августа
1883 года.
(*автограф*)
(*л. 18*)

15

Л. Н. Майков — еп. Порфирию

13 Августа 1883 г. Преосвященный Владыко
№ 728 Милостивый Архипастырь

В ответ на отношение от 11 сего Августа, имею честь уведомить Ваше Преосвященство, что немедленно по получении заявления Вашего, от 30 Июля сего года о предполагаемом отъезде Вашего Преосвященства из Москвы и о желании сдать в скорейшем времени уступленные Вами Императорской Публичной Библиотеке рукописи, я довел о сем сообщении Вашего Преосвященства до сведения Г. Директора Библиотеки, находящагося ныне в своем имении под городом Рыбинском, и вслед затем получил от уважаемого Афанасия Федоровича известие, что он предполагает безотлагательно выехать в Москву для принятия Ваших рукописей.

Испрашивая Вашего Архипастырскаго благословения, с истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть

Вашего Преосвященства покорнейшим слугою Л. Майков
Его Преосвященству,
Преосвященнейшему.
Епископу Порфирию.
(*черновое письмо*)
(*л. 19–19 об.*)
(*здесь же черновое письмо — автограф Л. Н. Майкова*)
(*л. 20–20 об.*)

16

И. Д. Делянов — А. Ф. Бычкову

[На бланке]
№ 38 [вход.]
Министерство
Народнаго Просвещения
Департамент
Разряд
ученых учреждений

13 Января 1884 г. Господину Директору Императорской Публичной
№ 674 Библиотеки

По Высочайшему
повелению

Государственный Совет, в Департаменте
Государственной Экономии, рассмотрев представление

Министерства Народнаго Просвещения о расходе на приобретение рукописей Епископа Порфирия, мнением положил: утвердив сделанное Министром Финансов распоряжение об ассигновании 5.000 руб. на приобретение для Императорской Публичной библиотеки собрания рукописей Епископа Порфирия, предоставить Министерству Народнаго Просвещения вносить в подлежащия подразделения смет означенного Министерства на тот же предмет, четыре тысячи рублей в 1884 г. и по две тысячи рублей в 1885, 1886 и 1887 г.

Государь Император, изъясненное мнение Государственнаго Совета, в 3-й день сего Января, Высочайше утвердить соизволил и повелеть исполнить.

О таком Высочайшем повелении имею честь уведомить Ваше Превосходительство, впоследствие представления от 12-го Апреля минувшаго года за № 372.

Министр Народнаго Просвещения

Статс-Секретарь И. Делянов (*подпись-автограф*)

Директор М. Брадке (*подпись-автограф*)

(*л. 21*)

17

еп. Порфирий — в Императорскую публичную библиотеку

№ 614 [вход.]

В Императорскую публичную библиотеку.

Покорнейше прошу Управление Императорской публичной библиотеки уплатить мне, по известному условию, пять тысяч рублей за рукописи, приобретенныя от меня библиотекою в прошедшем году, в котором я уже получил за них пять же тысяч рублей. — Чем скорее я получу просимую сумму, тем поспешнее будет мое подготовление многочисленных фотолитографических рисунков к моему сочинению о церковной живописи на востоке и западе, мозаической, иконной на досках, стенописной и книжной[32].

[32] В фонде еп. Порфирия в СПФ АРАН (Ф. 118. Оп. 1) в разделе «Живопись» находятся материалы к теме этой работы; среди них 10 страниц — статьи «Обращики живописи книжной у латин, греков, грузин, болгаров, сербов, сириан и арабов с 5 века по 19-й», «Мои рассуждения о живописи» и ряд других

Управляющий ставропигиальным
Новоспасским монастырем епископ Порфирий.
Москва
2 июня 1884 г.
(*автограф*)
(*л. 22*)

18

Переводное требование от 5 июня 1884 г. № 464 с просьбой открыть кредит на 4000 руб. для выплаты их еп. Порфирию, подп. Л. Майковым, и сопроводительное письмо в Главное Казначейство, подп. Л. Майковым.

(*черновые письма*)
(*л. 23–23 об.*)

19

Л. Н. Майков — еп. Порфирию

5 Июня 1884 г. Господину Управляющему Ставропигиальным
№ 466 Новоспасским Монастырем Епископу Порфирию

На письмо Ваше от 2 сего Июня, Управление Императорской Публичной Библиотеки имеет честь уведомить, что им вместе с сим послано в Главное Казначейство переводное требование за № об открытии на счет Библиотеки кредита по Московской Казенной Палате в четыре тысячи рублей для выдачи оных Вам из Московскаго Губернскаго Казначейства в счет остававшихся 10.000 рублей за купленное Библиотекою собрание рукописей. При этом Библиотека нужным считает присовокупить, что остальные шесть тысяч рублей распределены для уплаты Вам согласно Вашему предложению на три года, в начале 1885, 1886 и 1887 годов, по две тысячи рублей в каждом.

О получении вышепомянутых 4000 р. Управление Б[иблиоте]ки покорнейше просит поставить его в известность.

Помощник Директора Л. Майков.

(*черновое письмо с правкой А. Ф. Бычкова*)
(*л. 24–24 об.*)

неоконченных статьей. На л. 643 есть запись: «Лучше написать отдельное и более полное сочинение о церковной живописи на Востоке и Западе». Такое сочинение Порфирия свет не увидело. Опубликовано лишь «Зоографическая летопись Афона, и мое суждение о тамошней живописи» (Чтения ОЛДП. 1884. Кн. 3, март. С. 217–255). Полное описание этих материалов см.: *Сырку П.* Описание бумаг епископа Порфирия Успенского, пожертвованного им в Императорскую Академию Наук по завещанию. СПб., 1891. С. 368–398.

20

еп. Порфирий — в Императорскую публичную библиотеку

№ 672 [вход.]

В Управление Императорской публичной библиотеки

Честь имею уведомить Управление, что я получил из Московскаго губернскаго Казначейства еще Четыре тысячи рублей (4000) за купленное у меня в Библиотеку собрание рукописей. Остается дополучить за оное шесть тысяч рублей.

Управляющий ставропигиальным Новоспасским монастырем Епископ

Порфирий.

Москва.

1884 года

18 июня.

(*автограф*)

(*л. 25*)

21

еп. Порфирий — в Императорскую публичную библиотеку

№ 658 [вход.]

В Управление Императорской публичной библиотеки.

Управление Императорской публичной библиотеки в своем отношении ко мне, от 5 июня текущего года за № 466-м, уведомило меня, что «Следующие мне, остальные, шесть тысяч рублей за купленное библиотекою мое собрание рукописей распределены для уплаты мне согласно моему предложению на три года в начале 1885, 1886 и 1887 годов по две тысячи рублей в каждый».

Но не таково было предложение мое. В 1883 году 29 марта я сразу предложил Библиотеке уплатить мне 15,000 рублей за рукописи в три-четыре года. Этот же самый срок показан был мною и в отношении моем, от 14 апреля 1883 года. Этот срок прописал и Директор библиотеки в письме своем ко мне от 8 мая того же года за № 437-м.

Посему я справедливо прошу Управление Императорской публичной библиотеки распределить уплату мне остальных 6000 рублей не на три, а на два года (1885 и 86-й) по три тысячи рублей в каждый.

Более отдаленный срок уплаты мне сей остальной суммы замедлит мои картинныя издания по части церковной и книжной живописи, приготовляемыя ныне двумя художниками, из которых один срисовывает, а другой фотолитографирует древния иконы письма, греческаго, грузинскаго, болгарскаго, сербскаго, абиссинскаго и проч. А замедление сего

дела в мои преклонныя лета (мне 80-й год) замедление даже на один год заставляет меня призадуматься и просить, о чем прошу[33].

Управляющий ставропигиальным Новоспасским монастырем

Епископ Порфирий

Москва

18 июня

1884 года.

(*автограф*)

(*л. 26–26 об.*)

22

еп. Порфирий — в Императорскую публичную библиотеку

№ 1520 [вход.]

В Правление Императорской публичной библиотеки.

Покорнейше прошу Правление прислать мне, в начале наступающаго 1885 года, следующие три тысячи рублей за проданныя мною Императорской публичной библиотеке рукописи. По присылке этой суммы останется доплатить мне последние 3000 рублей в 1886 году.

Управляющий ставропигиальным Новоспасским монастырем

Епископ Порфирий.

Москва.

14 декабря

1884 года.

(*автограф*)

(*л. 27*)

---

[33] 3 января 1884 г. Порфирий «пригласил живописца Африканова отподобить собранные мною на Востоке иконы. Он начал это дело в 23 день этого месяца. А в течение всего года нарисовал 35 икон и получил за работу. Октября 20 дня 1884 года. Фотограф Левицкий, по заказу моему, доставил мне светописные подобия моих 12 икон, по 320 оттисков с каждой из них, а всех 3840. На бумагу даны ему 280 рублей, да за работу 320 рублей. — За фотографирование же 18 икон даны 300 рублей вперед» (*Порфирий Успенский*. Книга бытия моего … С. 546–547). П. Сырку отмечает, что «Преосвященный Порфирий готовил к изданию снимки с древних икон и 15 таких снимков, в 308 экземплярах каждый, как значится в описи, составленной по распоряжению барона Ф. А. Бюлера, получены в Академии» (*Сырку П.* Описание бумаг епископа Порфирия Успенского … С. X).

В своем завещании епископ Порфирий просил постепенно печатать его сочинения, в том числе «священная живопись на востоке и западе с картинами, из которых несколько десятков уже литографированы, в количестве 300 экземпляров» (Духовное завещание епископа Порфирия // Моск. церк. ведомости. 1885. № 27. С. 435, п. 3).

23

5 янв. 1885 № 19

Переводное требование с просьбой открыть кредит на 2000 руб., для выдачи их еп. Порфирию, подп. Л. Майковым и А. Соколовым[34], и сопроводительное письмо в Гл. Казначейство, подп. Л. Майковым.

(*черновые письма*)

(*л. 28–28 об.*)

24

А. Ф. Бычков — еп. Порфирию

Директор
Императорской
Публичной
Библиотеки

7 Января 1885 г.
№ 21

Преосвященный Владыко

Милостивый Государь и Архипастырь

На письмо Вашего Преосвященства от 14 Декабря прошлаго 1884 года, имею честь Вас уведомить, что Императорскою Публичною Библиотекою 5 сего Января послано в Главное Казначейство переводное требование за № 19, об открытии кредита по Московской Казенной Палате в <u>две тысячи рублей</u> для выдачи оных Вам из Московскаго Губернскаго Казначейства в счет остававшихся 6.000 рублей за купленное у Вас Императорскою Публичною библиотекою собрание рукописей. Остальные четыре тысячи рублей согласно Высочайшему повелению последовавшему в 3 день Января 1884 года будут уплачены вам в два срока: в январе 1886 г. и в январе 1887 г. по две тысячи рублей в каждый. К сему считаю нужным присовокупить, что в письме моем к Вашему Преосвященству от 8 Мая 1883 года за № 437 было именно сказано, что остававшиеся за уплатою пяти тысяч руб. остальные 10.000 рублей будут Вам выплачиваемы <u>согласно Вашему предложению</u> в три или <u>четыре</u> года.

О получении вышеупомянутых 2000 р. покорнейше прошу поставить Библиотеку в известность.

Испрашивая архипастырскаго Вашего благословения с истинным почтением имею честь быть

Вашего Преосвященства
Его Преосвященству
Преосвященнейшему

покорным слугою

А. Бычков

---

[34] Соколов Алексей Антонович (1821–?) — заведующий хозяйственной частью ИПБ (1884–1886).

Епископу Порфирию.
(*черновое письмо*)
(*л. 29–30*)

25

еп. Порфирий — в Императорскую публичную библиотеку

№ 184. [вход.]
В Управление Императорской публичной библиотеки.
Честь имею уведомить Управление, что я получил из Московского Государственного Казначейства две тысячи рублей за купленное у меня в библиотеку собрание рукописей. Остается мне дополучить четыре тысячи рублей.
Управляющий ставропигиальным
Новоспасским монастырем Епископ Порфирий[35].
Москва
4 февраля
1885 года.
(*автограф*)
(*л. 31*)

26

Ф. А. Бюлер[36] — А. Ф. Бычкову

[На бланке]
№ 1495 [вход.]
Министерство
Иностранных дел
Директор
Московского главного
Архива 19 Декабря 1885 года
№ 586

Милостивый Государь,
Афанасий Федорович,

Г. Президент Императорской Академии Наук, Инструкциею, присланною мне от 9-го минувшего Ноября, за № 1062, пригласил меня, как Почетного Члена Академии, принять от Настоятеля Данилова Монастыря Архимандрита Амфилохия[37], душеприкащика покойнаго Епископа

[35] В «Книге бытия моего» (С. 550) Порфирий записал: «4, Чистый понедельник. Сегодня я уведомил управление Императорской Публичной библиотеки в Питере о получении мною от него 10-й и 11-й тысячи рублей за проданные ей рукописи мои».

[36] Бюлер Федор Андреевич (Фридрих) (1820 (1821)–1896) — барон, гофмейстер, директор московского архива Министерства иностранных дел.

[37] Амфилохий, архимандрит (Казанский-Сергиевский Павел Иванович) (1818–1893).

Порфирия, капиталы и имущество, завещанные им Академии и доставить оные ей в С. Петербург.

В недавнюю мою бытность там, я имел честь предъявить Вашему Превосходительству нотариальную копию с завещания Епископа Порфирия и доверенность, которою меня снабдил Архимандрит Амфилохий на получение из Высочайше вверенной Вам, Публичной Библиотеки тех четырех тысяч рублей, кои она осталась должна Епископу Порфирию за купленныя у него рукописи и которые он завещал Академии Наук, для постепеннаго печатания его сочинений на проценты как с этого, так и другаго завещаннаго им Академии капитала, составляющих в общей сложности 24.000 рублей.

Вы изволили тогда мне заявить, что намерены включить на сей предмет в оба ближайшия сметныя росписания Библиотеки по 2.000 р. и что будете вносить их прямо в Академию Наук; о чем я и имел честь лично довести до сведения Графа Дмитрия Андреевича Толстаго[38] 13-го сего Декабря, накануне моего отъезда из С. Петербурга.

Ныне, долгом считаю покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, облечь в письменную форму то, что было предметом нашего соглашения, т. е. сообщить мне копию с условия, по которому Императорскою Публичною Библиотекою были приобретены рукописи Преосвященнаго Порфирия, а также предположения Вашего Превосходительства относительно постепенной уплаты за оныя 4.000 руб., к которым, по моему мнению, следовало бы, со дня кончины Епископа Порфирия, т. е. с 19-го Апреля, причислять узаконенные проценты, хотя бы в размере приносимых Государственным Банком.

В ожидании благоприятнаго от Вас отзыва, пользуюсь случаем, чтобы возобновить Вашему Превосходительству уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Бар[он] Ф. Бюлер. (*подпись-автограф*)

Его Пр[евосходительст]ву

А. Ф. Бычкову

(*л. 32–33*)

27

А. Ф. Бычков — Ф. А. Бюлеру

23 Декабря 1885 г.
№ 1284

Милостивый Государь Барон Федор Андреевич,

Вследствие письма Вашего Высокопр[евосходительст]ва от 19 текущаго Декабря за № 586 честь имею уведомить Вас, что следующия

[38] Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889) — граф, с 1882 г. президент Академии наук, министр внутренних дел.

с Императорской Публичной Б[иблиоте]ки покойному Епископу Порфирию за купленныя от него рукописи остальныя четыре тысячи рублей имеют быть переданы Академии Наук оборотными ассигнованиями в два раза, а именно: в начале 1886 года 2000 руб. и в начале 1887 года остальные 2000 рублей. — Что касается заявленнаго вами желания получить копию с условия, по которому приобретены Библиотекою рукописи Преосвященного Порфирия, то я могу сообщить Вам, что особого условия с покойным Епископом Порфирием заключено не было, что в делах Библиотеки имеется только уведомление Его Преосвященства от 14 Апреля 1883 г. о согласии его передать Библиотеке рукописи с уплатою ему 15000 рублей в три или четыре года и что Высочайше утвержденным 3 Января 1884 г. мнением Государственнаго Совета, сверх 5000 руб., уплаченных Епископу Порфирию в Июле 1883 года, предоставлено Министерству Народнаго Просвещения вносить в смету на уплату за рукописи 4000 руб. в 1884 г. и по 2000 руб. в 1885, 1886 и 1887 годах.

Из вышеизложеннаго Вы, М[илостивый] Г[осударь], изволите усмотреть, что об уплате процентов за купленные рукописи не было и речи в соглашениях с Епископом Порфирием.

Покорнейше прошу принять уверение в отличном уважении и совершенной преданности.

(*черновик письма с правкой А. Ф. Бычкова*)

(*л. 34–34 об.*)

28

П. С. Яковлев[39] — А. Ф. Бычкову

№ 896. [вход.]

[На бланке]

М. Н. П.

Императорская Академия Наук
Комитет Правления
С.-Петербург

Господину Директору Императорской Публичной библиотеки.

1 Августа 1886 года.

№ 578

Г. Министр Народнаго Просвещения уведомил Г. Президента Академии Наук отношением от 25 Апреля сего года, что Государь Император, Высочайше соизволил на принятие Академиею завещаннаго покойным Епископом Порфирием Успенским капитала в сумме 24000 руб., с процентами,

[39] Яковлев Петр Сергеевич — бухгалтер Академии наук.

для употребления онаго, по воле завещателя на издание трудов его, с причислением сего капитала к специальным средствам Академии.

В число этих денег получено от Директора Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранных Дел, Действительнаго Тайнаго Советника Барона Бюлера 20304 (20000 капитала и 304 р. процентов на него). Остальныя затем 4000 р., по сообщению барона Бюлера, Академия Наук имеет получить от Императорской Публичной Библиотеки, так как Библиотека таковую сумму состоит должною Епископу Порфирию за купленныя у него рукописи. За сим, по случаю отбытия Директора Московскаго Главнаго Архива за границу, Канцелярия Архива, отношением от 27-го минувшаго Июня, уведомила, что означенныя деньги имеют быть переданы Академии в два срока, а именно в текущем 1886 году и в начале будущаго 1887 года, в каждый раз по 2000 рублей.

Вследствие сего, Комитет Правления Императорской Академии Наук имеет честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение о перечислении ныне оборотной ассигновкою в специальныя средства Академии двух тысяч руб. и о таковом распоряжении почтить уведомлением.

Советник П. Яковлев (*подпись-автограф*)

за секретаря П. Першетский (*подпись-автограф*)

за столоначальника А. Лавр[...] (*подпись-автограф*)

(*л. 35–35 об.*)

29

К. Ф. Феттерлейн — в Императорскую Академию наук

8 Августа 1889 г. Комитет Правления Императорской Академии Наук

№ 784

Управление Импер[аторской] Публичной Библиотеки, согласно отношению Комитета Правления Императорской Академии Наук, от 1 сего Августа за № 578, имеет честь уведомить, что вместе с сим послана в главное Казначейство оборотная ассигновка за № 783, на две тысячи рублей следующие за купленное от Епископа Порфирия собрание рукописей, для перечисления этой суммы в специальныя средства Академии Наук.

За Помощника Директора К. Феттерлейн.

(*черновое письмо*)

(*л. 36*)

30

К. Ф. Феттерлейн — в Императорскую Академию наук

27 августа 1887 г.

№ 801. В Комитет Правления Императорской Академии наук.

Управление И. П. Б[иблиоте]ки, согласно отношению Комитета Правления Императорской Академии Наук, от 1-го Августа 1886 года за № 578, имеет честь уведомить, что вместе с сим послана в Главное Казначейство оборотная ассигновка за № 798 на две тысячи рублей, следующие Академии за купленное Библиотекою у покойного Епископа Порфирия Успенского собрание рукописей, для перечисления этой суммы в специальныя средства Академии наук[40].

За Помощника Д[иректо]ра К. Феттерлейн.

(*черновое письмо*)

(*л. 37–37 об.*)

***

Дело о кончине епископа Порфирия (Успенского) хранится в Москве в РГАДА (Ф. 1197 (Новоспасский мужской монастырь)).

Епископ Порфирий (Успенский) похоронен в Московском Новоспасском монастыре. На плите составленная им самим в завещании надпись: «Здесь возлег на вечный покой преосвященный епископ Порфирий Успенский, автор многих сочинений о христианском востоке. Молитесь о нем»[41].

SUMMARY

A magnificent collection of manuscript monuments of Bishop Porphyrius, well-known Byzantinist, orientalist, fine art expert, theologian, paleographer, and the famous collector of manuscripts has been stored in the National Library since 1883. This collection includes Greek, Slavic, Arabic, Georgian and Syrian manuscripts. The published correspondence illuminates not only the acquisition of the collection by the Library, but also its great value to researchers.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Епископ Порфирий, Российская национальная библиотека, собрание, рукописи, славянские, греческие, арабские, грузинские, сирийские, приобретение, корреспонденция.

KEY WORDS

Bishop Porphiry, Russian National Library, collected Greek, Slavonic, Arabic, Georgian, Syrian manuscripts, acquisition, correspondence.

---

[40] СПФ АРАН. Ф. 118 (Успенский Константин Александрович). Оп. 1.

[41] Моск. церк. ведомости. 1885. № 27. С. 435, п. 6.

Е. Н. ГРУЗДЕВА

АННА ВЛАДИМИРОВНА ПРУССАК — ИСТОЧНИКОВЕД И УЧЕНЫЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ НАЧАЛА XX в. (материалы к биографии)

Семья

Анна Владимировна Пруссак родилась в Петербурге 31 августа 1888 г. Она была старшим ребенком и помогала матери в воспитании двух братьев и младшей сестры. О старших поколениях Пруссаков известно очень мало. Анна Владимировна в автобиографии скупо писала: «Мой отец Владимир Федорович Пруссак был родом из витебских мещан… моя мать Анна Тихоновна Пруссак родом из кронштадтских мещан; ее родители из крепостных крестьян гр. Шереметева, из его полтавских вотчин»[1]. В стихотворении младшего брата поэта Владимира Пруссака семье посвящены несколько строк:

Мой прадед был старик гуманный,
Он ждал реформ, как божьей манны,
В мечтах рисуя идеал,
Парней в солдаты отдавал.
А деду Невский стал милее,
Но после суетной зимы
В деревню уезжали мы.
Я помню чинные аллеи,
Портреты предков, старый дом,
Крестьянам проданный потом.

[1] СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 7. Л. 16.

© Груздева Е. Н., 2013

В молельной — древняя икона,
Натертый воском желтый пол,
У деревянного балкона
В саду — накрытый чайный стол.
…
По праздникам в двухцветном зале
Провинциальные пиры,
В лесу высокие костры,
И беззаботные печали…
Забытый дедовский уклад…[2]

Глава семьи Владимир Федорович Пруссак родился в 1850 г. в Витебской губернии, рано потерял отца (в 1856 (?) г.). В личном деле студента Владимира Пруссака отмечено: «На основании документов… следует считать по происхождению из обер-офицерских детей»[3]. Он блестяще окончил Строительное училище Главного управления путей сообщения и публичных зданий в Санкт-Петербурге (будущий Институт гражданских инженеров) и получил специальность инженера-архитектора. По его проектам выстроены несколько домов в столице[4]. Основной его службой стала работа в городской оценочной комиссии. Он был известен в Городской управе и в конце XIX в. избран в члены комиссии для изыскания мер ограждения Петербурга от наводнений: В. Ф. Пруссак рассмотрел имевшиеся инженерные проекты по этому вопросу и разработал собственный проект, который представил городскому голове[5]. Архитектор не увлекался политикой, но под влиянием революционных событий 1905 г. он оформил свои размышления по вопросам социально-политического устройства России и выступил с речью, которую опубликовал в начале 1906 г. с предложением предварительного обсуждения затронутых в ней положений ко дню созыва Государственной Думы[6]. В политике Владимир Федорович стоял на умеренных позициях, близких к программе конституционно-демократической партии.

---

[2] *Пруссак В.* Деревянный крест : вторая книга стихов. Иркутск, 1917. С. 104.

[3] ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 1. Д. 297. Л. 16.

[4] Это в основном доходные дома в стилях эклектики и неоклассицизма и несколько особых зданий, как, например, особняк М. И. Соколовой на Петроградской стороне (Петрозаводская ул., д. 1), построенный в 1902 г. и хорошо сохранившийся.

[5] *Пруссак В. Ф.* Проект обращения части Финского залива в коммерческую гавань. 26 мая 1899 г. СПб., 1899.

[6] Речь «Народникам» (сказанная инженер-архитектором В. Ф. Пруссаком 6 декабря 1905 г.). [СПб.], 1906.

По стопам отца пошел старший сын Евгений[7], в свою очередь окончивший Институт гражданских инженеров. Еще в годы его учебы отец привлекал Евгения к работе на строительстве. «Я работал на постройках, производившихся под наблюдением отца моего, инженера-архитектора В. Ф. Пруссака, — писал в 1917 г. выпускник института, — о чем могу предоставить удостоверения от тех домовладельцев, которым принадлежали строившиеся под моим наблюдением дома (6-я рота, д. № 6; Моховая, 39; наб. Черной речки, д. 39; 3 деревянных двухэтажных дачи на ст. Дюны Приморской железной дороги)»[8]. Полученный практический опыт очень помог начинающему инженеру-строителю при устройстве на работу, когда после смерти отца в 1917 г. ему пришлось вместе с сестрой Анной взять на себя заботы о материальном обеспечении семьи.

Евгений Пруссак имел музыкальные способности, которые проявил, участвуя в написании первой советской оперы на современный сюжет — «За Красный Петроград» («1919 год»). Спектакль создавали по заданию культотдела Ленинградского облпросвета[9] два композитора — А. Гладковский и Е. Пруссак на либретто В. Лебедева (обыгрывались события, связанные с наступлением Юденича на Петроград и обороной города; главные действующие лица — петроградские рабочие). 24 апреля 1925 г. в Малом петроградском государственном академическом театре (бывшем Михайловском[10]) с успехом прошла премьера оперы[11].

Но профессиональным музыкантом Евгений Пруссак все же не был, и других сведений о его композиторской деятельности не сохранилось. Он стал инженером-нормировщиком и в 1930-е гг. участвовал в издании нескольких пособий и таблиц по учету труда и расчету заработной платы в строительстве.

---

[7] Евгений Владимирович Пруссак (1890–1942) — инженер-нормировщик.

[8] ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 3. Д. 2863. Л. 32–33 (Прошение из личного дела студента Института гражданских инженеров Е. В. Пруссака от 27 сентября 1917 г.).

[9] Центр музыкально-самодеятельного движения в Ленинграде в первой половине 1920-х гг.

[10] В наст. время — Санкт-Петербургский государственный академический театр оперы и балета им. М. П. Мусоргского — Михайловский театр.

[11] История русской советской музыки. М., 1956. Т. 1 : 1917–1934. С. 165. Исполнитель одной из главных партий Марк Рейзен вспоминал: «Писалась опера весьма своеобразно. А. Гладковский сочинял музыку “за красных”, а Е. Пруссак — “за белых”. Музыка “красных” сцен была построена на популярных революционных песнях (“Интернационал”, “Смело, товарищи, в ногу”, “Яблочко”), для обрисовки белых Пруссак избрал старую солдатскую песню “Взвейтесь, соколы, орлами”. Весь этот цитатный материал объединялся малоудачной собственной музыкой композиторов» (Марк Рейзен : Автобиографические записки. Статьи. Воспоминания / сост. и ред. Е. А. Грошева. М., 1986. С. 83).

Младший сын Пруссаков Владимир[12] в гимназии считался очень способным учеником, его выдвижение в общественные гимназические кружки способствовало тому, что юноша увлекся нелегальной деятельностью, вошел в редакционную комиссию гектографического журнала «Недотыкомка», определявшего своей задачей борьбу с произволом в школе, а в 1911 г. стал членом «межученической организации», принимал участие в издании «Газеты СПб. Введенской гимназии», освещавшей темные стороны школьной жизни. С марта 1912 г. он начал участвовать в работе молодежного «революционного союза», уже не ограничивавшегося проблемами средней школы, но выходившего на политическую арену[13]. Среди активных членов межученической организации был и товарищ Владимира Пруссака Александр Ильин (будущий революционер Ильин-Женевский, младший брат Федора Ильина-Раскольникова), вступивший в партию большевиков. Во время одного из собраний в помещении частной гимназии О. К. Витмер 9 декабря 1912 г. 34 члена межученической организации были арестованы и по распоряжению министра народного просвещения лишены права на продолжение образования и сдачу экзаменов даже экстерном. Оставшись без занятий, Владимир Пруссак посвятил себя революционному делу, но весной 1913 г. был арестован, судим и через год приговорен к пожизненной ссылке в Сибирь.

Во время следствия, находясь в одиночном заключении, юноша впал в нервное расстройство и был переведен для лечения в больницу Николая Чудотворца. Там, наблюдая за другими больными, он подготовил небольшую лингвистическую работу, которую Анна Владимировна даже предложила профессору А. А. Шахматову для рецензии. Она писала: «Уважаемый Алексей Александрович! В виду того, что мне неоднократно приходилось читать в Известиях Императорской Академии наук труды о различных “условных” языках, я позволила себе переслать вам работу моего брата, гимназиста VIII кл., о воровском жаргоне. <…> В… больнице политические и уголовные помещаются вместе, и брат более трех месяцев провел вместе с уголовными, присланными сюда на “испытание” со всех концов России. Еще на воле интересуясь вопросами языкознания, брат здесь занялся наблюдением над воровским жаргоном и собиранием песен, поющихся в настоящее время преступным миром на воле и в тюрьмах. Если работа брата заслуживает быть напечатанной, то не откажите посодействовать ея напечатанию…»[14] Но работа, по-видимому, не заинтересовала профессора и была возвращена отправителю[15].

---

[12] Владимир Владимирович Пруссак (1895–1918) — поэт. О нем см. в кн.: Русские писатели. 1800–1917 : биогр. слов. М., 2007. Т. 5 (П–С). С. 169–170.

[13] См.: А. В. Пруссак — Азадовскому // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1969. Т. 1. С. 245.

[14] СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1252. Л. 1–1 об.

[15] На письме стоит помета: «Отпр. наз.».

Весной 1914 г. Владимир Пруссак был перевезен в Сибирь. Местом ссылки ему определили село Суховское в 40 верстах от Иркутска. К нему в ссылку приезжали Евгений[16] и Анна. Анна хотела побыть с братом и одновременно заниматься каким-либо полезным делом. Она получила свидетельство от Отделения русского языка и словесности Академии наук о том, что командируется в Иркутскую губернию для собирания диалектологического материала[17]. Живя рядом с братом, А. В. Пруссак все лето 1914 г. занималась исследованием различных сторон быта, изучением языка и собиранием песен местных жителей[18], главным образом в селах Суховское и Урик. Материалы, привезенные из этой экспедиции, Анна Владимировна впоследствии опубликовала[19].

В октябре 1914 г. Владимир Пруссак получил разрешение на проживание в Иркутске как нуждавшийся в лечении. Там он устроился работать в банк. В Иркутске он подготовил свой первый сборник стихов, юношески наивных и написанных в подражание Игорю Северянину. Книга «Цветы на свалке» вышла в Петрограде в октябре 1915 г. на средства автора, возможно, в ее издании брату помогла Анна Владимировна (она приезжала в Иркутск летом и могла отвезти готовый сборник в столицу). Среди манерных стихов встречаются и горькие строки:

Нет, полюбить я не смогу
Просторы сумрачной Сибири;
Ее тоскливую тайгу,
Ее безрадостные шири…[20]

…В плоскопресном Иркутске я картавлю о Бисмарке,
У банкирской конторки заскучав оманжеченно…[21]

---

[16] ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 3. Д. 2863. Л. 13–13 об, 24–24 об (Билеты об отпуске с отметками о проживании в Иркутске в июне-июле 1914 г. и в феврале-марте 1916 г.).

[17] СПФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1010. Л. 31 (Свидетельство (копия) от 20 мая 1914 г.).

[18] Отчет о поездке в Иркутский уезд Иркутской губернии А. В. Пруссак // Отчет о деятельности ОРЯС Имп. АН за 1914 г. / сост. Н. А. Котляревский. Пг., 1914. С. 97–99.

[19] *Пруссак А.*: 1) Былина, бывальщина и три песни, записанные в Иркутском уезде Иркутской губернии // Живая старина : период. изд. Отделения этнографии Имп. Русского географического общества. Год XXIV. 1915. СПб., 1916. Вып. 3. Приложение № 3. С. 038–041 ; 2) Из сибирских сказаний о декабристах // Сибирская живая старина. [Иркутск], 1926. Вып. I (V) / под ред. М. К. Азадовского и Г. С. Виноградова. С. 84.

[20] *Пруссак В.* Цветы на свалке : стихи. Пг., 1915. С. 133.

[21] Там же. С. 30.

В Иркутске юноша занялся литературной деятельностью, войдя в круг местных поэтов, многие из которых тоже были ссыльными. Ими был основан литературный кружок, стал издаваться литературно-общественный журнал «Багульник» (1916–1917), уделявший внимание в основном вопросам местной культуры и искусства. Владимир Пруссак печатался во многих сибирских периодических изданиях и вскоре подготовил вторую книгу стихов, написанных уже совершенно в иной, традиционной манере[22]. Но он продолжал заниматься и революционной деятельностью, насколько это было возможно: вел работу среди гимназистов и учеников учительской семинарии, общался с ссыльными политическими… Анна Владимировна ежегодно приезжала в Иркутск и со своей стороны тоже поддерживала ссыльных и каторжан: носила передачи голодавшим заключенным Иркутского тюремного замка, Александровского централа, сотрудничала вместе с братом в «Багульнике»[23].

После Февральской революции 1917 г. Владимир вернулся в Петроград и сразу окунулся в политику, примкнув к эсеровской группировке Б. В. Савинкова и А. Ф. Керенского[24], активно работал с учащейся молодежью[25]. Не оставил юноша и литературную деятельность — стал печататься в журнале «Новый Сатирикон», свел новые знакомства (В. В. Маяковский в своей библиотеке хранил подаренную ему автором книгу стихов В. Пруссака «Деревянный крест»)[26]. После Октябрьской революции он отошел об общественной деятельности[27], женился и надеялся продолжить образование, для чего поступил в университет, но после неудачной операции аппендицита летом 1918 г. Владимир Пруссак умер.

Младшим ребенком в семье была дочь Елена, родившаяся в 1899 г. и в 1916 г. окончившая гимназию с золотой медалью. Девушке нужно было продолжать образование; так получилось, что в самые трудные годы войны, революций и становления советской власти во главе семьи оказалась старшая дочь, Анна Владимировна, на иждивении которой много лет находились мать и сестра[28].

---

[22] *Пруссак В.* Деревянный крест.

[23] См.: *Ганелин Р. Ш.* Анна Владимировна Пруссак (1888–?). Материалы к биографии // Времена и судьбы : сб. ст. в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. СПб., 2006. С. 428, 430.

[24] С поручениями от партии «эсэров» и «эсдеков» В. Пруссак в июле 1917 г. ездил в действующую армию, где выступал перед солдатами, передавал «знамя Свободы». См. заметку и фотографии в журнале «Огонек» (1917. № 29. С. 455).

[25] *Успенский Л. В.* Записки старого петербуржца. Л., 1990. С. 263–264.

[26] *Динерштейн Е. А.* Маяковский и книга. М., 1987. С. 11.

[27] Е. А. Динерштейн пишет: «В 1918 году по правительственной командировке Пруссак направляется в Закавказье, а затем с отчетом возвращается в Москву, где его принял В. И. Ленин» (Там же. С. 11).

[28] СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 7. Л. 7, 17 ; Там же. Ф. 155. Оп. 2. Д. 558. Л. 83 об. (Анкеты и автобиографии А. В. Пруссак).

Учеба. Первые публикации

Анна Пруссак еще в гимназии проявила себя как способная и трудолюбивая ученица. Она окончила столичную гимназию принцессы Ольденбургской с серебряной медалью и в том же 1905 г. поступила в недавно открытое высшее учебное заведение Женский педагогический институт. Подав документы на историко-филологическое отделение, Анна выбрала в качестве специальности русскую словесность. В институте, готовившем преподавательниц для средних учебных заведений, занятия вели известные столичные профессора и приват-доценты университета: Ф. А. Витберг, И. А. Шляпкин, С. А. Адрианов, М. Р. Фасмер, А. Е. Пресняков, директор института историк С. Ф. Платонов и др.

В институте преподавал и молодой профессор Николай Михайлович Каринский, специалист по русской диалектологии, знаток и неутомимый исследователь живых народных говоров. Он декламировал перед слушательницами «заговоры», сказки на соответственных наречиях, показывал родственность и различие в творчестве не только русских, но и славянских народов. Увлекательная форма лекций, вводивших в живой процесс создания рукописей на Руси, живые характеристики отдельных переписчиков производили яркое впечатление на слушательниц. Н. М. Каринский умел заразить глубоким интересом к своему предмету и вообще к научной работе. Анна Владимировна Пруссак стала одной из его учениц, всерьез увлекшихся изучением истории языка.

Она использовала летнее каникулярное время для сбора материала и в 1907 г. представила в этнографическое отделение Императорского Русского географического общества свою первую самостоятельную научную работу о говоре Сестрорецка[29]. «В лето 1906 года я сделала ряд диалектологических наблюдений над народной речью Сестрорецка и нашла, что, несмотря на чрезвычайно сильное влияние общерусского языка, в ней еще сохранились некоторые звуковые и формальные особенности, по которым можно судить о древнем говоре описываемой местности»[30], — сообщала исследовательница. В работе она дала общее описание жителей Сестрорецка, главным образом работавших на местном заводе и обслуживавших дачников, отметила фонетические и морфологические особенности их речи, предоставила некоторые образцы говора.

Работа А. В. Пруссак была напечатана в журнале этнографического отделения Русского географического общества, а в начале 1908 г. девушка получила официальное письмо: «Милостивая государыня Анна Владимировна! По представлению отделения этнографии Совет Имп. РГО

---

[29] *Пруссак А. В.* О говоре Сестрорецка // Живая старина / под ред. В. И. Ламанского. 1907. Вып. 1. Отдел II, Памятники языка, народной словесности, живой старины. С. 7–9.

[30] Там же. С. 7.

в заседании 25 января с. г. присудил Вам за представленные в отделение рукописи серебряную медаль. Извещая Вас об этой почетной награде Общества, прошу принять уверения в глубоком моем к вам уважении и совершенной преданности. В. Семенов Тяншанский»[31]. Высокая оценка ее первого исследования не могла не обрадовать девушку и не придать ей уверенности в своих силах, тем более что в это время она уже занималась другой важной и трудной работой — описанием и изучением древних учебных грамматик и азбуковников из библиотечных и архивных собраний.

Итог своих занятий Анна Владимировна представила в 1909 г. в Женском педагогическом институте на конкурсе письменных работ. Ее сочинение на тему «Вопрос о преподавании грамматики в русской педагогической литературе (до Буслаева и Потебни)» было подано под девизом «Feci quod potui»[32]. Дававший отзыв о работе профессор русского и славянского языков Н. К. Кульман отмечал: «Автор представленного сочинения отнесся к выполнению поставленной задачи в высшей степени добросовестно: он внимательно рассмотрел грамматики 16 века (грамматику Иоанна Болгарского, грамматику, изданную во Львове студентами Львовской школы); изучил азбуковники и учебные грамматики 17 и первой половины 18 веков; охарактеризовал учебники Екатерининской эпохи; наконец, дал сжатый, но содержательный очерк грамматического преподавания в 19 веке»[33]. По мнению рецензента, недостатком работы являлось то, что автором уделено внимание преимущественно содержанию грамматик, а не методам и задачам преподавания, но вместе с тем в сочинении содержались обстоятельные описания нескольких ранее неизвестных в печати азбуковников. Подводя итог, Н. К. Кульман заявлял, что ввиду громадного труда, обнаруженного умения пользоваться источниками и пособиями, ввиду несомненной научной ценности некоторых частей представленной работы он будет ходатайствовать о награждении автора золотой медалью[34]. В то же время рецензент высказывал мнение, что описание неизвестных ранее рукописей, могло бы быть напечатано[35]. Анна Владимировна прислушалась к этому совету и за несколько лет подготовила солидную публикацию, в которой ввела в научный оборот азбуковники из рукописного отделения Публичной библиотеки[36]. Немного забегая вперед, остановимся на этой работе.

---

[31] ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 3788. Л. 4.

[32] «Я сделал, что мог» (*лат.*).

[33] ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 5713. Л. 244–245.

[34] Постановлением конференции Женского педагогического института от 18 апреля 1909 г. А. В. Пруссак награждена золотой медалью за представленное ею сочинение (ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 3788. Л. 2 об.).

[35] Там же. Д. 5713. Л. 248.

[36] *Пруссак А. В.* Описание азбуковников, хранящихся в Рукописном отделении Императорской публичной библиотеки // Памятники древней письменности

А. В. Пруссак. 1909 г.
Музей РГПУ им. А. И. Герцена. Выпускной альбом слушательниц
Женского педагогического института. А-44/УП-3820(0)

Азбуковники — особый вид памятников древнерусской литературы, тематические сборники, представляющие собой обширные словари с алфавитным расположением статей. Наличие большого количества списков азбуковников, разнообразие содержащегося в них материала, грамматические особенности их написания привлекали многих исследователей еще в XIX в. Каждый изучал азбуковники в каком-то особом аспекте: Д. Л. Мордовцев рассматривал их как учебную книгу своего времени и извлекал сведения о педагогических воззрениях, объеме научных знаний и организации обучения в XVI–XVII вв.; Н. И. Баталин обращал внимание на характер содержащейся в сборниках информации, стремился определить ее источники из разных областей знания — языковедения, философии, географии, истории, мифологии и др.; А. П. Карпов, изучая состав азбуковников, ставил задачу выделить «общие характеристические черты» и определить источники для текстов алфавитов[37]. В конце XIX – начале XX в.

и искусства : [изд. Общества любителей древней письменности)]. СПб., 1915. Т. 186. [57 с.]. В предисловии (С. 4) автор выразила благодарность профессору Н. М. Каринскому и секретарю Общества В. В. Майкову за постоянные указания во время работы.

[37] *Мордовцев Д. Л.* О русских школьных книгах XVII в. [Б. м.], 1862 ; *Баталин Н. И.* Древнерусские азбуковники. Воронеж, 1874 ; *Карпов А.* Азбуков-

изучение азбуковников сместилось в сторону текстологического и лингвистического анализа[38]. Составляя собственное описание азбуковников, А. В. Пруссак проявила себя как последователь школы А. И. Соболевского и ученица диалектолога Н. М. Каринского.

Отобрав из коллекции рукописей Публичной библиотеки 29 азбуковников, А. В. Пруссак тщательно сверила их тексты, выявила и выписала разночтения. В ряде случаев определила источники статей, не указанные составителями алфавитов. Свою задачу она сформулировала следующим образом: «В нашей работе при описании содержания азбуковников, рассматривая словари их, мы останавливаемся главным образом на том словарном материале, источник которого составителем азбуковника не отмечен, и делаем попытку определить, из каких мелких словарей составлены словари азбуковников, и, в зависимости от входящих в их состав словарей, разделить на несколько групп»[39]. А. В. Пруссак разделила описываемые ею рукописи на четыре разряда и назвала четырьмя группами азбуковников[40]. (Отметим, что проведенный во второй половине XX в. историко-текстологический анализ 98 списков азбуковников из шести крупных древлехранилищ России позволил выделить семь самостоятельных словарных памятников, созданных в Московской Руси в XVI–XVII вв. Разделение азбуковников Публичной библиотеки на четыре группы, предложенное А. В. Пруссак в 1915 г., полностью вписывается в более позднюю классификацию советских ученых[41].) Описательница считала, что каждый список являлся отдельным словарем, и, систематизируя рукописи, расположила их в таком порядке, что каждый более краткий азбуковник рассматривался как производный от более пространного[42]. Последующее изучение вопроса опровергло этот вывод и доказало, что процесс развития текстов памятников шел по пути наращивания объема словарей[43].

А. В. Пруссак не ограничилась анализом лишь содержания рукописных памятников, она ставила перед собой и другую задачу: «Мы описываем

ники или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1877.

[38] *Ягич И. В.* Рассуждения южно-славянской и русской старины о церковнославянском языке. СПб., 1895 ; *Фасмер М. Р.* Речь тонкословия греческого — памятник среднегреческого языка XIII в. // ВВ. 1907. Т. 19 ; *Симони П. К.* Памятники старинной русской лексикографии по русским рукописям XIII–XVIII столетий. 1908. Вып. 3 ; и др.

[39] *Пруссак А. В.* Описание азбуковников … С. 3.

[40] Там же. С. 5.

[41] См.: *Ковтун Л. С.* Азбуковники XVI–XVII вв. Старшая разновидность. Л., 1989. С. 8–10.

[42] Например: *Пруссак А. В.* Описание азбуковников … С. 21–28.

[43] См.: *Ковтун Л. С.* Азбуковники XVI–XVII вв. … С. 11.

также орфографию и диалектические особенности говора… писцов»[44]. Опираясь на труды своих знаменитых предшественников (К. Ф. Калайдовича, А. И. Соболевского, И. В. Ягича, М. Р. Фасмера, Н. К. Никольского, П. К. Симони и др.), она дала характеристику азбуковников с точки зрения языка и лингвистических особенностей рассмотренных списков. Описательница отметила ряд общих черт, присущих языку памятников: присутствие внутри азбуковников довольно большого количества коротких рассказов, написанных разговорной речью, и в то же время в ряде случаев сохранение в текстах уже отживших штампов; слабость писцов в знании грамматики; наличие языковых явлений, отражающих в написании слов произношение, характерное для южнославянских диалектов. Общие замечания были подкреплены более детальным описанием языка[45]. Во всех списках А. В. Пруссак отметила некоторые общие фонетические и морфологические особенности, в отдельных же азбуковниках выявила несколько примеров отличных написаний некоторых слов, которые позволили ей высказать предположение о присутствии влияния русских северных диалектов Новгорода и Северной Двины[46].

Небольшая по объему (всего 48 страниц) работа А. В. Пруссак была не только последней печатной работой дореволюционной эпохи, посвященной азбуковникам, но и долгое время оставалась единственным описанием бóльшей части собрания алфавитов в Публичной библиотеке Санкт-Петербурга. Всестороннее изучение жанра азбуковников и их истории началось в российской науке лишь в середине XX в. и нашло свое отражение в работах Л. С. Ковтун, М. П. Алексеева[47] и др. Однако в задачи этих исследователей не входил глубокий лингво-диалектологический анализ текстов словарей. И с этой точки зрения работа А. В. Пруссак до сих пор остается единственной в своем роде.

6 февраля 1910 г. Анна Пруссак закончила Женский педагогический институт, получив диплом, дававший право преподавания русского языка и словесности. Однако девушка решила продолжить учебу и в том же году поступила в Археологический институт, который готовил специалистов по русской старине для работы в правительственных, общественных и частных архивах. В числе основных предметов, изучаемых в институте, были славяно-русская археография, славяно-русская палеография, архивоведение, первобытная и христианская археология, юридические древности,

---

[44] *Пруссак А. В.* Описание азбуковников … С. 3.

[45] Там же. С. 34–41.

[46] Там же. С. 41–47.

[47] *Алексеев М. П.* Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII в. Л., 1968; *Ковтун Л. С.*: 1) Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII в. Л., 1975 ; 2) Древние словари как источник русской исторической лексикологии. Л., 1977 ; 3) Азбуковники XVI–XVII вв. … ; и др.

историческая география и этнография, нумизматика, дипломатика, польско-литовские древности, греческая и латинская палеография. Основные предметы читали преподаватели высших учебных заведений или специалисты-практики: Н. В. Покровский, С. Ф. Платонов, С. А. Жебелев, А. А. Спицын, А. С. Лаппо-Данилевский, Н. К. Рерих, Б. В. Фармаковский и многие другие. Прослушав курс, в 1913 г. А. В. Пруссак успешно сдала выпускные экзамены[48].

Летом 1911 г. Анна Владимировна сопровождала в заграничную поездку по Италии выпускной курс Женского педагогического института. В течение месяца группа девушек посетила Рим, Милан, Флоренцию, Венецию — города, «которые еще дышат атмосферой античности, эпохи Возрождения и дают представление о жизни больших европейских центров»[49]. Экскурсия ставила своей целью самообразование, но, по свидетельству одной из путешественниц (дочери С. Ф. Платонова Нины), была совсем необременительной: «Науки мало, зато приятных общих обзоров много. Д[митрий] К[онстантинович] (Петров, преподаватель института и руководитель поездки. — *Е. Г.*) называет экскурсию увеселительной и… это правда»[50]. А. В. Пруссак не оставила своих впечатлений об этой поездке, но итальянские древности никак не повлияли на ее научные занятия, она осталась верна русским языку и истории. В том же 1911 г. Анна Владимировна начала работать на кафедре русского языка Женского педагогического института в должности ассистентки профессора[51].

Диплом Женского педагогического института не давал всей полноты прав его обладательницам. Те, кто стремился к научной работе или преподаванию в высшей школе, должны были дополнительно пройти испытания за курс российского университета и получить соответствующий диплом. 1 марта 1914 г. Анна Пруссак обратилась с заявлением к директору Женского педагогического института С. Ф. Платонову, в котором просила допустить ее «держать экзамены по словесному отделению

---

[48] ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 367. Л. 5.

[49] ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов). Д. 2111. Л. 4 (Из письма священника П. П. Аникиева, сопровождавшего экскурсию педагогичек по Италии).

[50] Там же. Д. 3860. Л. 22 об.–23 (Письмо Н. С. Платоновой из Рима от 09.06.1911).

[51] Ассистентки (кроме А. В. Пруссак при кафедре работала еще одна выпускница института — Е. В. Кочубеева) помогали языковеду Н. М. Каринскому в проведении практических занятий на филологическом отделении. О них бывшие педагогички вспоминали годы спустя, называли и данные им прозвища — «славянские девочки» (*Матусевич М. И.* Воспоминания о Д. К. Петрове (Педагогический институт 1913–1916 гг.) — из собрания Музея РГПУ им. А. И. Герцена) или «юс большой и юс малый») (*Чернова Е. Б.* «Я пишу то, что помню…» : Воспоминания / подгот. текста, коммент., предисл. Е. Н. Груздевой. СПб., 2011. С. 80).

в государственной испытательной комиссии при Имп. Женском педагогическом институте»[52]. За одну весеннюю сессию девушка сдала семь устных экзаменов и написала два сочинения (по русскому языку и литературе) и все с высшей оценкой «весьма успешно»[53], удостоившись диплома I степени[54].

Возможно, первым опытом исторического исследования Анны Владимировны Пруссак стало ее выступление на заседании Общества архитекторов 15 октября 1913 г. «О положении строительного дела на Руси до XVIII века»[55]. Докладчиком было затронуто много вопросов: приведены летописные свидетельства о постройках в XII–XIII вв., о русских и иноземных зодчих, о строительных катастрофах в XIV и XV вв.; рассмотрены регламентация строительных рабочих правительством в конце XVI и в XVII в., строительная повинность; рассказано об учреждении Каменного приказа (1584), законодательстве о постройках, организации правительственных и частных строительных работ в XVII в. и др. Уже в этой первой самостоятельной работе обращают на себя внимание широта охвата проблемы и значительный список использованных источников и литературы, — такой подход к исследовательской работе и в последующие годы останется свойственен А. В. Пруссак. Берясь за разработку той или иной темы, она не ограничивалась одним узким вопросом или одной гранью явления, а старалась проследить всю историю.

Становление исследователя

Работая в Педагогическом институте под руководством профессора Н. М. Каринского, Анна Владимировна продолжала изучать народные говоры и собирать диалектологический материал. В 1914 г. она участвовала в экспедиции в Гдовский уезд в район Псковского озера, где в окрестностях сел Ремда и Онда делала снимки построек и типов местных жителей, с помощью фонографа записывала образцы народной речи и мелодии песен[56].

---

[52] ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 3788. Л. 8.

[53] ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов). Д. 439. Л. 10 об.–11.

[54] ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 3788. Л. 5 об.–6.

[55] ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов). Д. 3963. Л. 1 об. В программе заседания изложен развернутый план доклада А. В. Пруссак, а полный его текст был опубликован в журнале Общества архитекторов «Зодчий» в 1914 г. (№ 1. С. 1–6 ; № 2. С. 9–14).

[56] Отчет о трех поездках с диалектологической целью в разные местности Петроградской губ. проф. Н. М. Каринского // Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук за 1914 г. Пг., 1914. С. 81–82.

Уехав сразу после сдачи экзаменов в мае 1914 г. к брату в Иркутск, А. В. Пруссак и в Сибири продолжила научные занятия. Она занималась исследованием различных сторон быта, изучением языка и собиранием песен жителей Иркутского уезда, особое внимание уделяя языку старожилов[57]. Особенно ее интересовали села и деревни, отмеченные на картах конца XVII – начала XVIII в. — Усолье, Урик, Хомутовка, Бадай, Мальта и др. За лето Анна Владимировна записала там 115 песен, побывальщины, пословицы и образцы иных жанров народного творчества. Услышанные в селах Суховском и Урик фольклорные эпические произведения — былины о князе Владимире и о Добрыне, об Илье Муромце и о его схватке с Соловьем-разбойником, исторические песни о взятии Казани, о казаке Платове и большую песню «Как у нас то было во граде Углике» — А. В. Пруссак подготовила и издала в альманахе этнографического отделения Русского географического общества «Живая старина»[58]. Эти былины оказались последними образцами эпического фольклора в Восточной Сибири, опубликованными в литературе дореволюционного периода[59].

Тогда же были записаны и сравнительно молодые фольклорные образцы — сказания местных жителей о ссыльных декабристах. А. В. Пруссак писала: «Мне много приходилось беседовать со стариками… и старухами, помнившими жившего в этом селе (Урик. — *Е. Г.*) декабриста Никиту Михайловича Муравьева и приезжавших к нему гостить его друзей (Екатерину Ивановну Трубецкую и Осипа Викторовича Поджио)»[60]. Несколько отрывочных воспоминаний в дословной записи и с сохранением фонетических особенностей рассказов были опубликованы лишь в 1926 г., но вошли в историю русской фольклористики как первый случай записи фольклорных текстов о декабристах.

Поездки А. В. Пруссак в Сибирь в 1915 и 1916 гг. были заполнены работой в библиотеках и архивах Иркутска. Там в 1916 г. она стала действительным членом Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. Внимание исследователя привлекли документы из музея Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, относящиеся к концу XVII в. Богатый архивный материал, еще фактически не изученный, увлек Анну Владимировну. Она в письме С. Ф. Платонову набросала план своей работы, которую собиралась сделать на основе иркутских архивных материалов: «Селения и быт первых посельников

---

[57] Отчет о трех поездках … С. 97–99.

[58] *Пруссак А.* Былина, бывальщина и три песни, записанные в Иркутском уезде Иркутской губернии.

[59] *Элиасов Л. Е.* Русский фольклор Восточной Сибири. Ч. 1 : Собиратели и исследователи русской народной поэзии Восточной Сибири. Улан-Удэ, 1958. С. 104.

[60] *Пруссак А.* Из сибирских сказаний о декабристах.

территории нынешней Иркутской губернии. Остроги; описание и история каждого из них; остатки острожных сооружений, сохранившиеся до настоящего времени. Слободы, деревни, монастырские деревни, заимки; количество пахотной земли и недоимки. Места добывания руды, слюды и сердолика. Русские на территории нынешней Иркутской губернии: выходцы из Поморских городов, москвичи, ссыльные "черкасы". Воеводы, "товарищи" при малолетних воеводах; характер деятельности воевод, сношения с Китаем. Служилые люди; сбор ясака. Посадские люди; торговля; откупа. Крестьяне; общины и заимки. Несвободное население; крепостничество. Ссыльные»[61]. Обращает на себя внимание широта поставленной задачи — историко-географические, политические, этнографические и социально-экономические вопросы, каждый из которых может стать темой особого исследования.

В первый же год А. В. Пруссак подготовила небольшую публикацию, содержащую факты из истории Тункинского острога — «украинного» острога в трех днях ходу от Иркутска[62], в следующем году — статью «о разных формах рабства», существовавших в Восточной Сибири, главным образом элементах крепостного права на крестьянина[63]. Как специалист, имеющий археографическое образование, Анна Владимировна взялась составить описание архивных рукописей, с которыми работала в Иркутске. Ею был задуман большой труд в трех главах: «В 1-й я дам перечень грамот 17 в… во 2-й дам подробный исторический и языковый анализ наиболее интересных грамот, равно как и таможенных книг; в 3-й дам краткое изложение содержания наиболее интересных памятников 18 в.»[64]. В 1917 г. была опубликована первая глава (или ее часть?), включающая в себя описание 413 грамот (в свитках) из архива воеводских дел второй половины XVII в., в которых затронуты самые разные вопросы: дела о стрельцах, оружии и запасах по острогам и городам, о сношении с китайцами и монголами, о крестьянах, холопах и ссыльных, о внутренних делах городов, о судебных делах и т. д.[65] После возвращения брата в Петроград Анна Владимировна больше не ездила в Иркутск и была вынуждена оставить задуманную работу.

---

[61] ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов). Д. 3963. Л. 9–9 об.

[62] *Пруссак А.* Заметка о Тункинском остроге // Сибирская летопись. 1916. № 6–8. С. 303–304.

[63] *Пруссак А. В.* Заметка о несвободном населении Восточной Сибири во второй половине XVII в. // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1916. [Иркутск, 1917]. Т. 45. С. 212–218. URL: http://content.mail.ru/arch/21385/3645456.html?print.

[64] *Пруссак А. В.* Описание рукописей XVII–XVIII веков, хранящихся в Иркутском музее Восточно-Сибирского отдела Императорского РГО // Сибирская летопись. 1917 / ред. А. И. Линьков. Иркутск, 1916–1917. № 1–2. С. 66.

[65] Там же. С. 66–75.

Перемены в стране, происшедшие в 1917–1918 гг., изменили и жизненный уклад семьи Пруссак. Смерть отца и младшего сына, сокращение материальных доходов семьи, ответственность за мать и сестру, которую чувствовала Анна Владимировна, заставили ее искать дополнительный заработок. Оставаясь преподавателем кафедры русского языка I Высшего педагогического института (бывшего Женского педагогического института), она в 1918–1921 гг. работала также на Детской площадке, в клубе для юношей в Детском городке, преподавала в школе грамоты при острозаразном бараке, в трудовой школе бывшего реального училища Протасова, на коммунальных курсах для взрослых, работала лектором на краткосрочных педагогических курсах в г. Галиче, вела занятия в 29-й трудовой школе Петрограда…[66] Многие новые учебные заведения оказывались нежизнеспособными и быстро закрывались. Приходилось снова искать место. Причем преподавательская работа давала небольшой доход.

В личной жизни Анна Владимировна перенесла еще одну утрату. Вскоре после установления советской власти она вышла замуж за электромеханика П. Ф. Беляева, но брак был недолгим — в 1920 г. А. В. Пруссак овдовела[67].

Она заполняла свободное время научной работой. Несколько лет Анна Владимировна участвовала в работе «Кружка русского языка», организованного Н. М. Каринским в Женском педагогическом институте. Профессор привлек некоторых наиболее подготовленных девушек к обработке диалектического материала, полученного А. И. Соболевским в ответ на составленную им программу по изучению местных говоров. Корреспонденты из разных местностей присылали ответы на 30 вопросов, касавшихся особенностей произнесения звуков, слов, форм некоторых слов, словообразования и манеры разговора[68]. Самый большой пакет материалов достался А. В. Пруссак — 104 письма из Орловской губернии. Работа, которая велась под руководством Н. М. Каринского, потребовала сопоставления имеющегося материала с более ранними публикациями описаний исследуемых говоров. В результате полученные ответы были разобраны, систематизированы и прокомментированы. Итогом проделанной работы стала статья, отмечавшая особенности фонетики, морфологии и специфического словаря двух уездов Орловской губернии[69].

---

[66] СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 46 (Трудовой список А. В. Пруссак).

[67] Там же. Д. 7. Л. 17 (Автобиография А. В. Пруссак).

[68] Материалы для изучения великорусских говоров // Сборник Отделения русского языка и словесности Российской академии наук. 1921. Т. 99, №. 2, вып. 10. С. 2–3.

[69] *Пруссак А.* О говорах Брянского и Ливенского уездов // Сборник Отделения русского языка и словесности Российской академии наук. 1921. Т. 99, №. 2, вып. 10. С. 5–27.

Чувствуя себя уже опытным исследователем языка, А. В. Пруссак опубликовала в одном из журналов Отделения русского языка и словесности АН рецензию на книгу этнографа и палеографа А. М. Селищева «Диалектологический очерк Сибири»[70]. Отметив тщательность в сборе значительного диалектологического материала, Анна Владимировна высказала сожаление, что автор «не ознакомился с состоянием сибирских говоров за предшествующие столетия», т. е. за XVII–XVIII вв.[71] Изучение истории говоров позволило бы, по ее мнению, избежать ошибочного или неточного утверждения о принадлежности говора старожилов русского населения Сибири к тому же типу, что и на северо-востоке Европейской России — северно-великорусскому. Приведя многочисленные примеры особенностей языка сибирских письменных памятников XVII–XVIII вв., А. В. Пруссак в свою очередь утверждала, что «говор старожильческих селений Сибири в массе своей относился к окающе-акающим смешанным говорам»[72]. Основную ошибку, допущенную А. М. Селищевым, его рецензент видела в том, что исследователь не отделил говоры старожильческих селений от говоров селений новоселов.

А. М. Селищев посчитал необходимым отреагировать на рецензию и опубликовал в 1924 г. в том же издании встречную статью «О рецензии А. В. Пруссак»[73], в которой обвинил последнюю в «полной неудовлетворительности формулировок», «несостоятельности взгляда», бездоказательности утверждений, в отсутствии элементарной критической работы над историческими памятниками как лингвистическим материалом. Там же А. М. Селищев подверг критике проделанную А. В. Пруссак обработку диалектологических материалов по Ливенскому уезду Орловской губернии: «Обработка полна неверных положений и стерла показательность этого материала. Характеристика говоров не соответствует действительности»[74]. Упрек палеографа был обращен не только и не столько к самой А. В. Пруссак, сколько ко всем последователям школы А. И. Соболевского, пренебрегавшим, по мнению А. М. Селищева, описательно-лингвистической работой.

Желая не прекращать свои научные занятия, но не имея возможности выезжать в этнографические и диалектологические экспедиции, Анна Владимировна попыталась использовать некоторые фольклорные материалы, сохранившиеся в ее сибирском архиве. Она подготовила для Отделения русского языка и словесности АН статью «Песни Иркутской

---

[70] *Пруссак А. В.* [Рецензия] // Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук. 1923. Т. 26 (1921). С. 288–307. Рец. на кн.: *Селищев А. М.*, проф. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921. Вып. 1.

[71] Там же. С. 288.

[72] Там же. С. 298.

[73] *Селищев А. М.* О рецензии А. В. Пруссак // Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук. 1924. Т. 28 (1923). С. 420–426.

[74] Там же. С. 426.

губернии», в которой собрала записанные 48 свадебных песен, четыре обрядовые песни, шесть игровых и плясовых, девять песен о рекрутчине и солдатчине, пять «бабьих», или проголосных, несколько частушек, пословиц и семь заговоров. Работа была передана на рецензирование к известному филологу В. Н. Перетцу, который, отметив интересное содержание представленного материала и его этнографическое значение, раскритиковал диалектологическую несостоятельность записи. Вывод рецензента был весьма жестким: «Видимо, неопытный и недостаточно подготовленный и в области изучения народной словесности, и в области изучения русского языка записыватель этих текстов не достаточно выяснил себе цель своей работы, да и не мог ее хорошо исполнить, не имея для сего нужных знаний»[75]. В публикации статьи А. В. Пруссак было отказано.

Неудачи с филологическими работами совпали по времени с отъездом из Петрограда учителя Анны Владимировны Н. М. Каринского[76]. Она продолжала вести занятия по русскому языку в институте, но той увлеченности, того исследовательского азарта, как при профессоре Каринском, уже не было. В 1922 г. при объединении трех петроградских педагогических институтов должность Анны Владимировны была сокращена. Потеряв работу, она воспользовалась свободой и поехала в Симбирск, чтобы поработать в архивах, но заразилась сыпным тифом, потом сразу же подхватила и брюшной тиф[77], долго лечилась. Вернувшись в Петроград, устроилась в 182-ю трудовую школу учителем обществоведения и политграмоты.

Но Анна Владимировна не отказалась от научно-исследовательской работы. Она обратилась к своим сибирским материалам с позиции историка и подготовила к печати большую статью[78] о восточносибирских крестьянах, их социально-экономическом положении, его особенностях. Быстрое завоевание сибирских земель потребовало от правительства найти способ утверждения власти на большом пространстве, определения экономической политики и уклада общественной жизни. В статье А. В. Пруссак показала особенности сибирской крестьянской общины — «мира» — на государевых землях, ее экономического положения, самоуправления, социального расслоения внутри общины, отличие личной крепостной зависимости, имевшей место в Сибири, от крепостной системы европейских регионов России[79].

---

[75] СПФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1113. Л. 1.

[76] В 1919–1923 гг. Н. М. Каринский жил в Вятке, а затем переехал в Москву.

[77] СПФ АРАН. Ф.133. Оп. 3. Д. 7. Л. 14.

[78] *Пруссак А.* Крестьяне Восточной Сибири во второй половине XVII в. // Архив истории труда в России. 1923. Кн. 6–7. С. 75–89.

[79] Фрагменты из этой работы А. В. Пруссак и ее «Записки о несвободном населении Восточной Сибири во второй половине XVII в.» вошли в кн.:

Еще в одной публикации того же 1923 г. А. В. Пруссак обратилась к одной из самых первых тем, которыми занималась еще в студенческие годы, — к истории строительного дела на Руси. Небольшая статья о московских строителях[80] является выдержками из ее доклада, прозвучавшего в Обществе архитекторов в 1913 г.

Трудности первых лет советской власти, голод, болезни, потери близких, переутомление на работе способствовали тому, что нервная система Анны Владимировны оказалась расшатана. Это привело ее к попытке найти поддержку в религии. Она попала под влияние католического кружка униатов и 30 января 1923 г. перешла из православия в католичество[81]. А. В. Пруссак ходила на церковные службы, заседания благотворительного кружка, посещала хронически больных старух в Петропавловской больнице. Неожиданно для нее Анна Владимировна была арестована (10 января 1924 г.) и по обвинению в контрреволюционной деятельности приговорена к тюремному заключению. После оглашения приговора у А. В. Пруссак начались истерические припадки, и после медицинского обследования ее признали страдающей истеро-эпилепсией в тяжелой форме[82].

Анна Владимировна и ее сестра Елена неоднократно обращались к следователям и в вышестоящие инстанции с просьбами пересмотреть дело, разобраться в материалах, привлечь новых свидетелей, заменить место ссылки (Владимир) содержанием в тюрьме в Ленинграде. Наконец, Анна Владимировна нашла способ заставить следователя ее выслушать — она заявила о желании дать показания. Рассказывая о своем вхождении в униатскую общину, она называла тех, кто уже был осужден и кому навредить ее показания не могли. Однако «сотрудничество» было ей зачтено, и через полтора года после ареста Постановлением коллегии ОГПУ от 29 июня 1925 г. А. В. Пруссак была освобождена.

На научной работе

Анна Владимировна снова вернулась к учительской работе в школе (теперь в 187-й), где вела занятия по русскому языку. Ее по-прежнему привлекала научная деятельность, но, работая в школе, таковой можно

Знаменская Р. А. Хрестоматия по истории Сибири. Иркутск, 1930. С. 25–26, 30–32, 35–37.

[80] *Пруссак А.* Строительные рабочие в Московском государстве // Архив истории труда в России. 1923. Кн. 8. С. 3–6.

[81] История перехода А. В. Пруссак в католичество и последующего привлечения ее к процессу над ленинградскими католиками изложена в статье: *Ганелин Р. Ш.* Анна Владимировна Пруссак (1888–?) … С. 415–440. Там же опубликованы некоторые архивные документы, относящиеся к процессу.

[82] Там же. С. 432.

было заниматься лишь урывками. Возможность перейти на работу в академические учреждения представилась лишь в начале 1930 г. В это время в Ленинграде работала Комиссии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР по проверке аппарата Академии наук, возглавляемая Ю. П. Фигатнером, и результатом ее деятельности стала серьезная перестановка кадров — свыше 650 сотрудников академических учреждений были уволены, некоторые представители руководства даже арестованы (постепенно формировалось печально знаменитое «Академическое дело»)[83]. За «чисткой» последовали преобразования в системе академических учреждений. На освободившиеся места принимались новые сотрудники.

А. В. Пруссак 16 февраля 1930 г. обратилась в Президиум Академии наук с заявлением, в котором писала: «Я — научный работник с 1924 г. (гр. В доп.[84]). В настоящее время происходит набор сотрудников в различные отделения Академии наук. Если окажется возможным, прошу дать мне работу в библиотеке АН, так как работа лишь в школе почти совершенно лишает меня возможности научно работать. При этом заявлении прилагаю список моих научных трудов, рекомендацию проф. Н. М. Каринского, перечень моей общественной работы. Могу представить о себе отзыв акад. Пекарского»[85]. Николай Михайлович Каринский дал хороший отзыв о работе А. В. Пруссак: «Анна Владимировна Пруссак работала под моим руководством будучи студенткой вуза и по окончании вуза в кружке русского языка. Могу свидетельствовать о трудолюбии и добросовестном отношении к работам А. В. Пруссак, следствием чего было приобретение прочных и солидных знаний в области избранной А. В. Пруссак специальности»[86].

Анна Владимировна получила место помощника библиотекаря в Библиотеке Академии наук с 15 марта 1930 г. и проработала там чуть больше года. С 1 апреля 1931 г. она перешла в Историко-археографический институт Академии наук на должность научного сотрудника II разряда[87]. По договору с учреждением А. В. Пруссак должна была разработать в архиве бывшей Археографической комиссии фонд астраханской воеводской избы и подготовить к печати сборник материалов по экономике

---

[83] О политике правительства в отношении Академии наук см: *Перченок Ф. Ф.* Академия наук на «великом переломе» // Звенья : ист. альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 163–235 ; *Алаторцева А. И.* Как начиналась «советизация» Академии наук // Россия в XX веке: историки мира спорят. М., 1994. С. 719–726 ; и др.

[84] А. В. Пруссак состояла в числе членов Ленинградской секции научных работников, а по общему учету научных работников по линии ЦеКУБУ (Центральной комиссии по улучшению быта ученых в Москве) была квалифицирована по группе «В (доп.)».

[85] СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 7. Л. 6.

[86] Там же. Л. 5.

[87] Там же. Л. 10.

Астрахани: к 1 июля 1932 г. она бралась подготовить к изданию акты XVII–XVIII вв.[88] В 1934 г. в сборнике трудов исторической комиссии АН СССР была опубликована ее статья о положении рабочих на астраханских рыбных промыслах в XVII в.[89], написанная по материалам разрабатываемого астраханского фонда. Рыбные промыслы рассматривались автором как промышленное предприятие, основанное исключительно на вольнонаемном труде рабочих. Последние набирались из числа посадских и гулящих людей, беглых крестьян и др. Рассматривая различные стороны жизни «наймитов» — организацию труда, систему оплаты, бытовые условия, — А. В. Пруссак говорила и о проявлениях недовольства рабочих своим положением: забастовках, участии учугов в восстании под руководством С. Разина, бегстве квалифицированных рабочих за море. Неспокойная обстановка на богатых рыбных промыслах поддерживалась и нападениями различных «воровских людей», борьбой русских с бывшими хозяевами края — татарами — и с калмыками, тоже желавшими обладать рыбными местами. Главной защитой интересов правительства на астраханских рыбных промыслах становились стрельцы.

А. В. Пруссак. 1931 г.
СПФ АРАН. Ф. 155. Оп. 4.
Д. 3537

По сокращению штатов в августе 1933 г. Анна Владимировна была уволена, но уже в сентябре и далее работала по договору «с оплатой… из целевых средств Татарского научно-исследовательского института»[90]. Она участвовала в подборе материала для сборников Института истории АН «Аграрный вопрос и крестьянское движение» в Татарии[91], «История Татарии» во второй половине XIX в.[92], по заданию Казахского филиала Академии наук подбирала материал по истории Казахстана[93], подбирала

---

[88] Там же. Л. 2.

[89] *Пруссак А. В.* Положение рабочих на рыбных промыслах Астрахани в XVII в. // Исторический сборник. Л., 1934. Т. 2. С. 169–182. (Труды исторической комиссии АН СССР).

[90] СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 7. Л. 3.

[91] Татарская АССР : Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. Ч. 1 : Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х гг. XIX в. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 6. М. ; Л., 1936. С. LXXVIII. (Труды Историко-археографического института ; т. 16).

[92] История Татарии в материалах и документах. М., 1937.

[93] СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 7. Л. 21.

материалы для сборника «Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в.»[94]. Анна Владимировна подготовила небольшую статью по истории Ижевского железоделательного завода с момента его возникновения до начала XX в.[95] Историк Ленинградского отделения Института истории[96] В. Н. Кашин характеризовал А. В. Пруссак как ценного сотрудника, он отмечал: как «сотрудница бригады по разработке аграрных материалов первой половины XVIII в. А. В. Пруссак работала не только не хуже, а может быть даже и лучше некоторых других сотрудников ЛОИИ, не говоря уже о пользе, приносимой и этой и другим бригадам хорошими навыками А. В. Пруссак в чтении документов XVII–XVIII вв.»[97]. Даже в те периоды, когда Анна Владимировна подолгу болела[98], она продолжала работать, выявляя материал по истории партии — работе большевиков в 1914–1916 гг. в войсках и на военных заводах, который предполагалось использовать в публикациях к 20-летнему юбилею Октябрьской революции[99].

Приказом от 15 февраля 1937 г. А. В. Пруссак была переведена на должность младшего научного сотрудника Института истории. Среди коллег Анна Владимировна зарекомендовала себя не только как хороший специалист и знаток архивного дела, добросовестный и скрупулезный исследователь, но и как честный и принципиальный товарищ. Это подтверждает эпизод, когда в 1937 г. в ЛОИИ была организована кампания против В. Н. Кашина[100]. Историка обвиняли в контрреволюционной деятельности, и на общих собраниях коллектива лишь немногие имели мужество выступить в поддержку порядочного человека и честного ученого. Одной из этих немногих была Анна Владимировна Пруссак[101]. Хотя она на собственном опыте уже знала, что такое политическое следствие, и не могла не понимать, что снова с легкостью может оказаться под подозрением в «контрреволюции».

---

[94] Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в. : сб. док. : Материалы по истории народов СССР. Вып. 5. Л., 1936. С. XXXII. (Труды Историко-археографического института ; т. 14).

[95] *Пруссак А.* Ижевский железоделательный и оружейный завод // Металлургические заводы на территории СССР с XVII в. до 1917 г. М. ; Л., 1937. Т. 1. С. 353–358.

[96] В 1936 г. Историко-археографический институт АН был преобразован в Ленинградское отделение Института истории АН СССР (ЛОИИ АН СССР).

[97] СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 7. Л. 20.

[98] Там же. Л. 23 (зимой 1936/1937 г. она перенесла тромбофлебит и плеврит, затянувшиеся на 3,5 месяца и давшие осложнение на сердце).

[99] Там же.

[100] Об этом см.: «Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел : Документы о жизни и гибели Владимира Николаевича Кашина / сост., вступ. ст. и примеч. Р. Ш. Ганелина. СПб., 2006.

[101] Там же. С. 101–102.

В 1930-е гг. А. В. Пруссак не ограничивала свою научно-исследовательскую работу только архивами ЛОИИ. Она много времени провела в хранилищах Артиллерийского исторического музея, изучая документы XVIII в., и подготовила ряд статей из истории Петровского времени[102] и Пугачевского бунта[103].

Активная научная деятельность А. В. Пруссак была прервана начавшейся Великой Отечественной войной. Нам не известно, где и как провела Анна Владимировна 1941–1945 гг. Можно только заметить, что она продолжала, насколько это было возможно в условиях военного времени, исследовательскую работу и подготовила к печати две статьи: по истории Беломоро-Балтийского канала[104] и «Петроград в борьбе с немецкими захватчиками зимой 1918 г.»[105]. Обе работы были написаны по архивным материалам ГАОРС ЛО (Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области), всю войну принимавшего исследователей в здании на Шпалерной улице.

В послевоенные годы Анна Владимировна, уже будучи пенсионеркой, продолжала заниматься в архивах. Ее основным рабочим местом в конце 1940-х – начале 50-х гг. стал зал рукописного отдела Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Там А. В. Пруссак занималась с русскими медицинскими рукописями XVII–XVIII вв., первыми лечебниками и травниками, изучала вопросы возникновения и развития в Русском государстве аптечного дела, госпиталей и медицинских школ, методов диагностики и лечения болезней. Результатом ее работы стала

---

[102] *Пруссак А. В.*: 1) К вопросу о вольнонаемном труде на заводах петровского времени (Красноярский селитряный завод) // Исторические записки / АН СССР, Институт истории ; отв. ред. Б. Д. Греков. 1940. Т. 7. С. 258–263 ; 2) Инженерные школы при Петре I // Военно-исторический журнал. 1940. № 7 (12). С. 124–127 ; 3) Обзор материалов Артиллерийского исторического музея по истории заводов Петровского времени // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея Красной Армии. Л. ; М., 1940. Вып. 1. С. 241–252.

[103] *Пруссак А. В.*: 1) Заводы, работавшие на Пугачева // Исторические записки / АН СССР, Институт истории ; отв. ред. Б. Д. Греков. 1940. Т. 8. С. 174–207 ; 2) Артиллерийские орудия «Злодейского литья» // Военно-исторический журнал. 1940. № 9 (14). С. 115–118 ; 3) Архив Артиллерийского исторического музея как источник по изучению Пугачевского движения // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея Красной Армии. Л. ; М., 1940. Вып. 1. С. 263–269.

[104] *Пруссак А. В.* Из истории Беломорканала // Вопросы истории. 1945. № 2. С. 138–144.

[105] Эта работа упомянута А. В. Пруссак в списке ее печатных работ, хотя статья и не была опубликована. Автограф библиографического списка А. В. Пруссак хранится в семейном архиве Азадовских. Автор выражает признательность К. М. Азадовскому за предоставленную возможность ознакомиться с этим документом.

серия публикаций 1952–1954 гг. в разных медицинских журналах[106] и составленный обзор медицинских рукописей из собрания Публичной библиотеки[107]. Автор книги «Русские рукописные лечебники» (Л., 1946) канд. мед. наук В. Ф. Груздев высоко оценил работу А. В. Пруссак: ею «проведена большая и трудоемкая работа по изучению медицинских рукописей, хранящихся в ГПБ. <…> А. В. Пруссак выявляет и подчеркивает высокую наблюдательность русского народа в отношении целебных свойств трав и растений. Весьма ценным является то, что А. В. Пруссак показывает богатство и разнообразие русских лечебных средств, а не привозных из-за границы. <…> А. В. Пруссак предлагает и новую классификацию русских медицинских рукописей. Ею показаны русские самобытные черты врачевания и вклад в медицинскую науку авторов рукописных лечебников. Работа А. В. Пруссак вносит много нового и интересного в историю отечественной медицины: положения автора подтверждаются многочисленными выписками и ссылками на документы»[108].

Последней исследовательской работой Анны Владимировны Пруссак стало изучение истории некоторых экспонатов музейного собрания Ботанического института им. В. Л. Комарова — бразильских коллекций первой половины XIX в.[109] Работа потребовала скрупулезного изучения

---

[106] *Пруссак А. В.*: 1) У истоков русской психиатрии (исследование истерии в XVII веке) // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1952. Т. 52, № 6. С. 77–78 ; 2) Из истории лечения эпилепсии эфироносными растениями в Древней Руси // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1952. Т. 52, № 11. С. 82 ; 3) К истории развития учения о фитонцидах и их применения в лечебной практике // Труды Ботанического института им. В. Л. Комарова АН СССР. 1952. Вып. 3. С. 325–334. (Сер. V, Растительное сырье) ; 4) Из истории аптечного дела на Руси // Аптечное дело. 1953. № 6. С. 56–59 ; 5) У истоков русской офтальмологии // Вестник офтальмологии. 1953. Т. 32, вып. 6. С. 36–38 ; 6) У истоков русской психиатрии // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1954. Т. 54, № 6. С. 588–590. Несколько статей были написаны в соавторстве с заведующим отделом социальной гигиены Ленинградского научно-исследовательского туберкулезного института канд. мед. наук М. Л. Гольдфарбом: Русский лекарь-практик и писатель второй половины XVII века Иван Венедиктов // Фармакология и токсикология. 1952. Т. 15, № 3. С. 55–57 ; Некоторые данные об организации лекарственной помощи при Петре I в Санкт-Петербурге // Врачебное дело : науч. мед. журнал. [Киев], 1952. № 3. С. 270–271 ; О лечении больных туберкулезом во второй половине XVII века // Проблемы туберкулеза. 1954. № 3. С. 74–77.

[107] *Пруссак А. В.* Русские медицинские рукописи XVII–XVIII вв., хранящиеся в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, как источник по истории русской медицины : обзор : рукопись. 1954 // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1123. [50 л.].

[108] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1123. Л. 63–63 об.

[109] *Некрасова В. Л., Пруссак А. В.* К истории бразильского филиала С.-Петербургского ботанического сада (1831–1836 гг.) и бразильских коллекций Лангсдорфа и Риделя // Ботанический журнал. 1957. Т. 42, № 5. С. 804–813.

документов Архива Академии наук и ранее опубликованных описаний и очерков по истории русских научных экспедиций. Но увидеть эту статью напечатанной Анна Владимировна не успела. Она умерла 10 августа 1956 г.

Известно, что уже после смерти А. В. Пруссак ее сестра Елена Владимировна передала коллекционеру-библиофилу М. С. Лесману свои воспоминания и некоторые бумаги, оставшиеся после Анны Владимировны. Коллекция М. С. Лесмана находится в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом). Когда она будет обработана и доступна для исследователей, тогда, надеемся, появятся новые материалы, которые позволят дополнить биографию А. В. Пруссак.

SUMMARY

The article tells about life and scientific work of Anna Vladimirovna Prussak (1888–1956) — a historian and dialectologist. It presents the first reconstruction of her biography. Here is given the information about her family — her father, brothers and sister. Mrs. Prussak started her scientific work when she was a student of St. Petersburg Women's Pedagogical Institute. That very time her first independent investigations on Russian language were published. Besides, she had her interest in folklore, ethnography and history. The scientist worked a lot with the manuscripts of 17th–18th centuries. Due to the publications of Mrs. Prussak a number of documents previously unknown were put into scientific life. One of her most popular works is the description of azbukovniks of the Public Library in Petrograd (1915).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Диалектология, го́вор, азбуковники, история, архивы.

KEY WORDS

Dialectology, dialect, azbukovniks, history, archives.

А. Г. ГРУШЕВОЙ

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО. ОБЗОР ИСТОРИИ С МОМЕНТА ОСНОВАНИЯ ДО 1917 г.

История изучения

Среди русских учреждений, работавших на Ближнем Востоке, особое место принадлежит Палестинскому Обществу. (До 1917 г. и после распада СССР — Императорское Православное Палестинское Общество.) Общество было основано в 1882 г. с тремя основными задачами: обслуживание русских паломников в Палестине; распространение православия среди местных жителей; научное изучение древностей Палестины и всего Ближнего Востока в целом.

История Общества описана в настоящее время по своим признакам прекрасно, так как источники по его истории многочисленны, а изучение деятельности Общества насчитывает уже более 100 лет. Общепринятой классификации этих документов нет, хотя по внешним характеристикам легко выделить три группы:

- *официальные документы Общества* — журналы заседаний Совета Общества, отчеты о деятельности как Общества в целом, так и его епархиальных подразделений, законы общегосударственного значения, касающиеся Общества;
- *публикации Общества* — Православный Палестинский сборник (Палестинский сборник); Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества (СИППО), отчеты Общества о деятельности за год[1];

[1] О публикациях Общества см. важный аналитический обзор Г. З. Пумпян: *Пумпян Г. З.* Издательская деятельность и публикации Императорского

 © Грушевой А. Г., 2013

• *воспоминания* людей, так или иначе причастных к деятельности Общества[2].

Все работы по истории Общества можно условно подразделить на две группы. Более многочисленна та, авторы которой рассматривают Императорское Православное Палестинское Общество по преимуществу в рамках истории православия и Православной церкви. Сравнительно немного иных работ, авторы которых рассматривают историю Общества с академических позиций, видя в ней не только историю православия, но и внешнюю и внутреннюю политику России в целом.

Начало изучения истории Общества восходит к 1891 г., году публикации первого серьезного обобщения всех сторон жизни Общества за девять лет[3]. Первой обстоятельной монографией по истории Общества была книга А. А. Дмитриевского, написанная в 1907 г., которая содержала систематизированное изложение предыстории Общества, обстоятельств его возникновения и первых лет существования, до 1889 г.[4] Судя по заголовку, А. А. Дмитриевский собирался продолжить свою работу по систематическому изложению истории Общества, однако эти планы не осуществились. Книга была переиздана в 2008 г. в издательстве Олега Абышко со вступительной статьей и послесловием Н. Н. Лисового[5].

Православного Палестинского Общества (1881–2007) // Указатель трудов Императорского Православного Палестинского Общества 1881–2007. СПб., 2009. С. 360–437.

[2] Об этих документах см., например: *Оде-Васильева К. В.*: 1) Мои воспоминания об академике И. Ю. Крачковском // ПС. М. ; Л., 1956. Вып. 2 (64–65). С. 127–128 ; 2) Взгляд в прошлое // ПС. М. ; Л., 1965. Вып. 13 (76). С. 171–176.

[3] Императорское Православное Палестинское Общество : Очерк его деятельности за 1882–1890 гг. / сост. Е. Греков (Палеолог). СПб., 1891.

[4] [*Дмитриевский А. А.*] Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907 гг.) : ист. зап., сост. по поручению Совета О-ва проф. А. А. Дмитриевским. СПб., 1907. Вып. 1 : Русские учреждения в Св. Земле до 1889 г.

[5] *Дмитриевский А. А.* Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века. 1882–1907 / вступ. ст. и послесл. Н. Н. Лисового. М. ; СПб., 2008. Вступление к книге (С. 5–72) представляет собой биографию А. А. Дмитриевского. Послесловие к книге — статья Н. Н. Лисового «Императорское Православное Палестинское Общество: 125 лет служения Церкви и России» (С. 371–432). Эта же самая статья практически без изменений представлена в приложениях ко второму изданию Указателя трудов Императорского Православного Палестинского Общества (1881–2007 гг.) (Указатель трудов Императорского Православного Палестинского Общества (1881–2007 гг.). 2-е изд., испр. и доп. / Б-ка Рос. акад. наук ; Императорское Православное Палестинское Общество ; науч. рук. В. П. Леонов ; отв. ред. Н. Н. Лисовой. СПб., 2009).

Впоследствии, до конца советской эпохи, на русском языке по истории Общества опубликовано только пять статей, четыре из которых были посвящены школам Палестинского Общества в Палестине и Сирии[6].

Заметное оживление в изучении и истории Палестинского Общества и в целом истории русского присутствия на Ближнем Востоке наступает после 1991 г.

В 1991 г. вышел в свет сборник архивных материалов «Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века» (М., 1991). Каждый раздел сборника предваряется обстоятельной вступительной статьей.

Автору данной работы уже доводилось писать краткий обзор содержания находящихся в Петербурге архивных документов по истории Палестинского Общества как дореволюционного периода, так и советского времени[7].

Ценный сборник документов о русском присутствии в Палестине «Россия в Святой Земле. Документы и материалы» был опубликован в 2000 г.[8] В двухтомнике собраны документы обо всех русских учреждениях, действовавших в Палестине на рубеже XIX–XX вв. Все документы взяты из архивных собраний, хранящихся в Москве.

В первом томе издана подборка некоторых документов, отражающих деятельность Палестинского Общества. По сравнению с общим объемом тома (721 с.), документы о деятельности Палестинского Общества занимают сравнительно немного места (С. 256–405). Другие разделы первого тома сборника показывают, что его составители особое внимание уделили земельным владениям Палестинского Общества — истории их приобретения, застройки и освоения. С сожалением приходится отметить тот факт, что организация просвещения арабского населения и научная деятельность членов Палестинского Общества интересовала составителей сборника лишь отчасти.

Интерес представляет также номер культурно-просветительского журнала «Аль-Джазира» за 2000 г. Номер посвящен конференции по

---

[6] *Старокадомский М. А.* О культурно-просветительской деятельности Палестинского Общества на Ближнем Востке // ПС. М. ; Л., 1965. Вып. 13 (76). С. 177–184 ; *Тихвинский С. Л.* 90-летие Российского Палестинского Общества // ПС. Л., 1974. Вып. 25 (88). С. 162–166 ; *Шарафутдинова Р. Ш.* Русско-арабские культурные связи (странички из истории русско-арабских школ) // ПС. Л., 1978. Вып. 26 (89). С. 54–59 ; *Мещерская Е. Н.*, *Юзбашян К. Н.* Столетие Российского Палестинского Общества // ПС. Л., 1986. Вып. 28 (91). С. 3–9.

[7] *Грушевой А. Г.* Императорское Палестинское общество (по петербургским архивам) // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге / под ред. И. П. Медведева. СПб., 1995. С. 134–156.

[8] Россия в Святой Земле : Документы и материалы : в 2 т. М., 2000.

случаю 150-летия со дня основания Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и 115-летию создания Императорского Православного Палестинского Общества в России (Назарет, 29.11.1997). В журнале опубликованы — как можно полагать — сокращенные варианты докладов участников конференции.

В 2000 г. была опубликована весьма содержательная и интересно написанная работа К. Н. Юзбашяна «Палестинское общество. Страницы истории». Текст К. Н. Юзбашяна четко делится на две части: история Палестинского Общества до 1917 г. и после 1917 г.

Автор данной статьи смог обнаружить четыре версии текста указанной работы.

Полностью работа издана в двух номерах научного журнала «Исторический вестник» Воронежско-Липецкой патриархии (2000. № 2 (6); 3–4).

Первая часть этой работы, освещающая события до 1917 г., воспроизведена в сети Интернет на официальном сайте Палестинского Общества[9].

Обе части работы воспроизведены на сайте «Символ веры» под названием «Палестинское общество. История становления. Часть 1, часть 2»[10]. В этой своей версии работа К. Н. Юзбашяна снабжена большим количеством прекрасных фотографий археологических памятников Палестины. Однако не ясно, кто размещал тексты и фотографии на сайте. Вероятнее всего, фотографии принадлежат тому, кто размещал текст в Интернете, но не К. Н. Юзбашяну. Источником всех интернет-публикаций является текст, изданный в журнале «Исторический вестник».

Часть того же самого текста, являющаяся обзором деятельности Палестинского Общества в советское время, опубликована в несколько иной редакции по отношению к исходной версии и с другим заглавием в качестве одного из приложений к Указателю трудов Палестинского Общества[11].

Такое внимание к работе К. Н. Юзбашяна представляется совершенно закономерным и естественным, поскольку речь идет об одной из лучших работ по истории Общества, написанных с академических позиций.

Далее ссылки на работу К. Н. Юзбашяна о периоде до 1917 г. даются по тексту, размещенному на сайте «Символ веры».

---

[9] URL: http://www.ippo.ru/istoriya-ippo/palestinskoye-obscheestvo-stranitsy-istorii.html. Первая часть также размещена на сайте православных паломников: URL: http://www.palomnic.org/ippo/h/1.

[10] URL: http://www.simvol-veri/xp/palestinskoe-obshestvo.-istoriya-stanovlenia-chast1.html ; http://www.simvol-veri/xp/palestinskoe-obshestvo.-istoriya-stanovlenia-chast2.html. Обе части работы также размещены в сети Интернет в библиотеке Якова Кротова: URL: http://www.krotov.info/history/19/57/yuzb01.html ; http://www.krotov.info/history/19/57/yuzb.02.html.

[11] *Юзбашян К. Н.* Деятельность Российского Палестинского Общества в 1917–1991 гг. // Указатель трудов … С. 324–343.

Уже после 2000 г. на русском языке были опубликованы два монографических исследования о Палестинском Обществе и его деятельности: *Махамид О*. Россия и Палестина: диалог на рубеже XIX–XX веков. СПб., 2002; *Ямиленец Б. Ф*. Россия и Палестина : очерки политических и культурно-религиозных отношений. М., 2003.

По своей структуре обе работы во многом сходны, в них кратко излагается история Общества на основе одних и тех же источников. Разница между исследованиями заключается в степени подробности охвата источников и в авторских предпочтениях.

Так, Омар Махамид на примере судеб конкретных выпускников семинарий и школ Палестинского Общества прослеживает прежде всего роль школьных учреждений Общества в формировании арабской интеллигенции. Архивные материалы использованы в работе незначительно. В его книге приводится краткий очерк истории и деятельности учреждений Палестинского Общества до 1917 г., описание просветительской деятельности Общества, а также прослеживаются судьбы четырех палестинских писателей — выпускников школ Палестинского Общества.

Работа Б. Ф. Ямиленца подготовлена на основе архивных материалов, хранящихся в Москве; документы, хранящиеся в Петербурге, им не использованы. Эта книга, написанная с академических позиций, является образцовым исследованием по истории Палестинского Общества и всех иных российских структур в Палестине.

Тремя годами позже, в 2006 г., было издано исследование Н. Н. Лисового, одного из составителей упомянутого выше двухтомника «Россия в Святой Земле», под названием «Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в.» (М. : Индрик, 2006). Исследование построено как обстоятельный комментарий к документам, опубликованным в 2000 г. Н. Н. Лисового прежде всего интересует история всех русских учреждений в Палестине, а также обстоятельства приобретения ими того или иного земельного участка. В составе книги есть подробный очерк (Гл. 7. С. 160–224) о деятельности Палестинского Общества. Некоторые разделы книги Н. Н. Лисового размещены на официальном сайте Палестинского Общества[12]. Н. Н. Лисовой является также автором общего обзора истории Палестинского Общества от момента основания до XXI в.[13]

Достаточно много материалов по истории Палестинского Общества опубликовано в вып. 105, 106 Православного Палестинского сборника (соответственно М., 2007 ; 2008). Значительную часть вып. 105 составляют

---

[12] http://www.ippo.ru.

[13] *Лисовой Н. Н.* Императорское Православное Палестинское Общество. XIX–XX–XXI вв. // Отечественная история. 2007. № 1. С. 3–22. Статья размещена также на официальном сайте Палестинского Общества.

материалы конференции «Иерусалим в русской духовной традиции». В вып. 106 опубликованы выступления участников конференции, посвященной «Хождению игумена Даниила» в истории русской Церкви и культуры.

В последние годы были изданы две работы, подводящие итоги научной деятельности Палестинского Общества до 1917 г. Прежде всего это публикация Е. Н. Мещерской, дьякона Александра Мусина и М. Б. Пиотровского об итогах археологических изысканий в Палестине, проводившихся российскими исследователями[14]. Чуть позже вышла книга А. В. Крылова и Н. М. Сорокиной, где рассматривается роль деятельности Палестинского Общества для отечественного востоковедения в целом. Авторы этой книги не ограничиваются только характеристикой археологических изысканий, но и приводят краткое описание важнейших научных публикаций в номерах Православного Палестинского сборника, а также деятельности известных российских востоковедов, связанных с Палестинским Обществом[15].

Особого упоминания заслуживает вышедший в 2009 г. вторым изданием Указатель трудов Палестинского Общества с момента основания по 2007 г. Помимо списка всех публикаций, осуществленных под эгидой Палестинского Общества, и тематических указателей книга содержит в виде приложений несколько очень важных статей. Прежде всего это статья Н. Н. Лисового с обзором истории Общества до 1917 г.[16] Далее идет великолепно написанная статья К. Н. Юзбашяна о деятельность Общества в советский период[17]. А. А. Долинина опубликовала в этом сборнике несколько важных документов, характеризующих деятельность И. Ю. Крачковского в Палестинском Обществе[18].

К истории русского присутствия на Ближнем Востоке и деятельности Палестинского Общества в этой связи проявляли интерес исследователи во многих странах. Отметим прежде всего вып. 31 (94) Палестинского сборника, изданный в Москве в 1992 г. До половины материалов, опубликованных в этом номере, составляют работы по истории Палестинского Общества. Авторами наиболее важных исторических статей являются

---

[14] *Мещерская Е. Н., Мусин Александр,* диак., *Пиотровский М. Б.* Русская археология в Святой Земле (некоторые итоги и перспективы) // История древней Церкви в научных традициях XX века. СПб., 2000. С. 14–27.

[15] *Крылов А. В., Сорокина Н. М.* Императорское Православное Палестинское Общество и отечественное востоковедение. М., 2007.

[16] *Лисовой Н. Н.* Императорское Православное Палестинское Общество: 125 лет служения Церкви и России // Указатель трудов … С. 292–323.

[17] *Юзбашян К. Н.* Деятельность Российского Палестинского Общества в 1917–1991 гг. // Указатель трудов … С. 324–343.

[18] *Долинина А. А.* И. Ю. Крачковский и Императорское Православное Палестинское Общество // Указатель трудов … С. 344 359.

англичане, американцы и арабы, что показывает возросший международный интерес к этой проблеме[19].

После 1991 г. в России, Европе, Америке и в арабских странах заметно увеличилось количество публикаций, так или иначе связанных с русским присутствием на Ближнем Востоке и с деятельностью как Палестинского Общества, так и иных организаций, представлявших интересы России. Здесь можно отметить сборник, выпущенный под эгидой Лиги арабских государств, «Палестина, Россия: связь времен» (М., 1993). Сборник содержит две публикации: «К Истории Российского присутствия в Палестине» (С. 3–52)[20] и «Российское Православное Общество и его деятельность в Палестине в период 1882–1917 гг.» (С. 53–63). К сожалению, авторы публикаций не указаны.

Из англоязычных изданий можно также отметить книгу, в которой перечислены русские путешественники в Палестину с XII по XX в.: *Russian Travelers to the Christian East from the Twelfth to the Twentieth Century* (Columbus, Ohio, 1986).

Две серьезные работы по истории русского присутствия на Ближнем Востоке во второй половине XIX в. и в этой связи о Палестинском Обществе были написаны в 60-е гг. прошлого века.

В хронологическом плане первой является работа Теофаниса Георга Ставру о русских интересах в Палестине[21].

Вторым таким исследованием является монография арабиста Дерека Хопвуда о русском присутствии на Ближнем Востоке[22].

История Палестинского Общества привлекает к себе внимание исследователей и в Израиле. Часть таких работ доступна на русском языке. Так, в вып. 105 Палестинского сборника опубликована в русском переводе статья Шая Нехуштая, исследователя из Иерусалима, о деятельности России в Палестине в конце османского периода[23]. В статье содержится

---

[19] *Хопвуд Д.* Русская просветительская деятельность в Палестине // ПС. М., 1992. Вып. 31 (94). С. 11–17 ; *Вейсенелл П.* Сообщения русских крестьян-паломников о Палестине как отображение жизни русской сельской общины // Там же. С. 37–44 ; *Салех Д.* Просветительская деятельность России в Палестине // Там же. С. 138–147.

[20] Эту публикация содержит подробное описание земельных владений Палестинского Общества в Палестине.

[21] *Stavrou T. G.* Russian Interests in Palestine 1882–1914. A Study of Religious and Educational Entreprise. Thessaloniki, 1963.

[22] *Hopwood D.* The Russian Presence in Syria and Palestine 1843–1914. Church and Politics in the Near East. Oxford, 1969.

[23] *Нехуштай Ш.* Деятельность России в Палестине в конце Османского периода: собственность и учреждения // ППС. М., 2007. Вып. 105. С. 155–163. См., кроме того, следующие статьи: *Горен Х.* Россия в Палестине глазами немецких исследователей // Там же. С. 80–90 ; *Карк Р., Кац И.* Церковь и земли, Церковь

краткий обзор сфер деятельности Общества, каковых, по мнению исследователя, насчитывалось шесть: церкви, монастыри, подворья и странноприимные дома, учреждения по обслуживанию местного населения, приобретение земель и недвижимости, учебные заведения[24].

Большое количество материалов: научных статей, документов, фотографий — по истории Общества размещено на официальном сайте Палестинского Общества.

Что касается данной статьи, то она подготовлена с использованием всех доступных в настоящий момент в Санкт-Петербурге источников, в основном проходящих мимо внимания исследователей[25]. Речь идет о следующих фондах и отдельных материалах по истории Палестинского Общества:

- фонд 120 Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН). Фонд содержит детальнейшую информацию по истории Общества в 1917–1936 гг. и некоторое количество документов, относящихся к периоду до 1917 г. Среди последних преобладают документы о школах Общества. Абсолютное большинство документов этого фонда обработано и описано идеально[26];
- фонд 253 ОР РНБ (архив А. А. Дмитриевского). Фонд содержит множество документов по истории Общества, а также работы самого А. А. Дмитриевского по истории Общества;
- несколько личных фондов в СПФ АРАН: в фондах В. В. Латышева, И. Ю. Крачковского и П. К. Коковцова можно найти большое количество документов по истории Общества.

и местное окружение, Церковь и Империя: Русская и Греческая Православные Церкви в Палестине // Там же. С. 108–114 ; *Рубин Р.* Свидетельства нероссийских источников о русском паломничестве в Палестину в XIX в. // Там же. С. 184–191 ; *Фарад Ф.* Православная арабская община в Израиле: прошлое и настоящее // Там же. С. 200–205.

[24] *Нехуштай Ш.* Деятельность России в Палестине … С. 156.

[25] Точно неизвестно, по какой причине некоторая часть документов Палестинского Общества не попала в РГИА в ф. 809 и затем в Архив внешней политики России, а осталась в Ленинграде, в Архиве востоковедов. Вероятнее всего, это объясняется тем, что некоторые члены Палестинского Общества после революции 1917 г. стали сотрудниками Института востоковедения АН СССР и какая-то часть документов, относящихся к деятельности Общества, могла храниться у них дома.

[26] Это результат труда П. И. Прозорова, делопроизводителя Общества, которого привлек к работе над документами В. Н. Бенешевич. Работал П. И. Прозоров в Институте истории материальной культуры, расположенном в настоящее время в том же здании, что и Институт восточных рукописей, в состав которого входит Архив востоковедов. Не исключено, что какая-то часть документов дореволюционного периода, находящихся в ф. 120 Архива востоковедов, могла попасть в этот архив таким путем.

Палестина в европейской политике

Все предпосылки, способствовавшие возникновению Общества, а также сама история его организации описаны в литературе неоднократно. На наш взгляд, это лучше всего изложено в упомянутой выше книге Б. Ф. Ямиленца. Поэтому все последующее изложение данного раздела носит конспективный характер. Образование Общества и его деятельность можно по настоящему понять только в контексте внешней политики России на Ближнем Востоке и с учетом особенной идеологической жизни Российской империи во второй половине XIX в.

Прогрессирующее ослабление Османской империи в XIX в. закономерно привело к тому, что проблема Палестины и Святых мест становилась в европейской политике все более актуальной, являясь, правда, прикрытием борьбы за господство на Ближнем Востоке[27].

Подобно другим христианским церквям, Русская православная церковь стремилась к усилению и укреплению своего присутствия в Палестине и к закреплению именно за собой права защиты и покровительства Святых мест и православных подданных Османской империи. Православная церковь добивалась права богослужения в Палестине на церковнославянском языке, права на пропаганду православия среди местного населения, а также права на защиту русских паломников.

Необходимо, однако, сказать, что политика русского православия, как и в целом государственная политика императорской России в восточном вопросе была неоднозначной и не во всем бескорыстной. В архивах можно найти детальные планы того, как следует поступать после установления русской власти в Константинополе[28].

Первое официальное российское учреждение в Палестине — Русская Духовная Миссия — было открыто в 1847 г. в Иерусалиме. Его главой

---

[27] Подробно см.: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978, особенно С. 130–144. О взаимоотношениях Турции, Западной Европы и России в первой половине XIX в., о предпосылках Крымской войны и роли Святых мест в дипломатической борьбе того времени см. также: *Шеремет В. И.* Османская империя и Западная Европа. Вторая треть XIX века. М., 1986. С. 152–170.

[28] Например, в архиве А. А. Дмитриевского (ОР РНБ. Ф. 253. Ед. хр. 41. Л. 20–47) находится документ, относящийся к годам Первой мировой войны и озаглавленный «Константинопольская церковь и русская власть». Остающийся нам неизвестным автор (А. А. Дмитриевский?) относился к своей задаче очень серьезно и исходил из того, что установление русской власти в Константинополе неизбежно и произойдет в самом ближайшем будущем. Достаточно привести первую фразу документа: «Водворение русской власти в Константинополе, к чему направлены теперь мысли русских людей, потребует от нее определить ее отношение к Константинопольской церкви».

стал архимандрит Порфирий Успенский, прибывший в Иерусалим даже несколько ранее — в 1843 г. в качестве секретного агента Синода и Министерства иностранных дел. Деятельность Миссии была весьма разносторонней: покупка земель, строительство церквей, домов для паломников и т. д. Особенно много этим занимался епископ Кирилл, второй руководитель Русской Духовной Миссии, приступивший к исполнению своих обязанностей уже после Крымской войны[29].

Что касается Порфирия Успенского, то хорошо известно, что он был крупным исследователем и собрал ценную коллекцию древних рукописей[30]. Именно он открыл знаменитую рукопись Септуагинты, известную под названием Синайский кодекс, именно он подготовил первое описание греческих рукописей монастыря Св. Екатерины на Синае[31]. С именем другого главы Миссии — Антонина (Капустина) — связаны многочисленные археологические раскопки в Палестине[32] и продолжение собирания рукописей и различных памятников древности, которые со временем значительно обогатили коллекции российских музеев[33].

Во второй половине XIX в. в соответствии с общим возрастанием в европейской политике интереса к Ближнему Востоку в России постепенно

---

[29] *Никодим,* архим. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме // Богословские труды. М., 1979. Вып. 20. С. 31–92. См. также: *Лисовой Н. Н.* Русское присутствие в Святой Земле: учреждения, люди, наследие // Отечественная история. 2003. № 2. С. 19–37.

[30] Лучшим источником информации о деятельности Порфирия Успенского является его многотомная автобиография: Книга бытия моего : Дневники и автобиографические записки : в 8 т. / под ред. П. А. Сырку. СПб., 1894–1902. О Порфирии Успенском см. также детальное исследование А. А. Дмитриевского: *Дмитриевский А. А.* Епископ Порфирий Успенский как инициатор и организатор первой духовной миссии в Иерусалиме и его заслуги на пользу православия и в деле изучения Христианского Востока // СИППО. 1905. Т. 16. С. 329–361, 457–547.

[31] Каталог Порфирия Успенского был опубликован В. Н. Бенешевичем: Описание греческих рукописей монастыря Св. Екатерины на Синае / под ред. и с доп. В. Н. Бенешевича. Т. 1. СПб., 1911 ; Т. 3, вып. 1 : Рукописи 1224–2150. Пг., 1917. Второй том этого издания не выходил.

[32] Самыми известными из них были раскопки 1883 г., в ходе которых была обнаружена древняя городская стена Иерусалима и порог Судных врат. О русских археологических исследованиях в Палестине см. подробно: *Ростовцев М. И.* Русская археология в Палестине // Христианский Восток. 1913. Т. 1, вып. 3. С. 247–266.

[33] Интересное исследование об архимандрите Антонине Капустине написано в начале XX в. А. А. Дмитриевским: *Дмитриевский А. А.* Начальник русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин) как деятель на пользу православия на Востоке и в частности в Палестине (По поводу десятилетия со дня его кончины) // СИППО. 1904. Т. 15, вып. 2. С. 95–148.

повышалось внимание к Палестине, к судьбе православных на Ближнем Востоке и взаимоотношениям Русской православной церкви с другими православными церквами, имеющими свои интересы в Святой Земле. В эти годы стало увеличиваться и количество российских паломников в Палестину.[34]

Духовная Миссия не могла обеспечить обслуживание всех паломников, как не могла решать задачи научного изучения Палестины или же школьного образования местного населения. Как показывает отмеченное выше исследование архимандрита Никодима, дело заключалось в незначительности бюджета Миссии и в явном нежелании представителей светской власти России на Ближнем Востоке допустить, чтобы церковное учреждение занималось чем-либо, кроме дел, касающихся чисто духовной сферы[35]. Научные изыскания Порфирия Успенского и Антонина Капустина отражают лишь их собственный интерес к изучению истории Палестины и Православного Востока.

Первыми русскими учреждениями, в какой-то мере сходными по задачам с английским Palestine Exploration Fund и немецким Deutsche Palästina Verein, были Палестинский Комитет, основанный в 1858 г., и Палестинская Комиссия, основанная в 1864 г. Обе организации сделали немало для обеспечения русских паломников всем необходимым, но научные изыскания, как и в случае с Русской Духовной Миссией, не входили в задачи этих учреждений.

Возникновение Императорского Православного Палестинского Общества

Непосредственным организатором Общества, определившим программу его деятельности, был Василий Николаевич Хитрово, работавший долгие годы в Министерстве финансов. Идея создания Общества, которое занялось бы русским делом[36] в Палестине, возникла у него в 1876 г., после паломничества в Святую Землю. Он обратился к наиболее заинтересованным,

---

[34] О связях России с Палестиной в допетровское время см.: *Данциг Б. М.* Из истории русских путешествий и изучения Ближнего Востока в допетровской Руси // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953. С. 185–231. Из более новых работ отметим: *Рождественская М. В.* Образ Святой Земли в древнерусской литературе // Иерусалим в русской культуре / сост. А. Баталов, А. Лидов. М., 1994. С. 8–14.

[35] *Никодим,* архим. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 29, 35–36. О первоначальных, очень широких планах Порфирия Успенского по вопросу о сферах занятия Русской Духовной Миссии см.: *Дмитриевский А. А.* Епископ Порфирий Успенский как инициатор … С. 357–358.

[36] Специфическое выражение того времени, означавшее одновременно и организацию паломничеств в Святую Землю, и пропаганду православия.

как казалось, людям — архимандриту Антонину (Капустину), главе Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и архимандриту Леониду (Кавелину), который был в это время главой Новоиерусалимского монастыря под Москвой.

Отношение этих обоих деятелей Русской православной церкви к идее В. Н. Хитрово, как и различных должностных лиц российской бюрократии, оказалось скептическим. В. Н. Хитрово пришлось ждать несколько лет. Только после обращения к обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву и директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел П. П. Мельникову В. Н. Хитрово получил разрешение на открытие Общества, что и произошло 8 июня (21 мая) 1882 г.

С формально-юридической точки зрения Палестинское Общество было частной, негосударственной организацией[37]. Однако необходимо иметь в виду, что председателями Общества были члены императорской фамилии (до 1905 г. — великий князь Сергей Александрович, в 1905–1917 гг. — его вдова великая княгиня Елизавета Федоровна). Кроме того, как будет показано ниже, Палестинское Общество получало немалую государственную субсидию. Уже эти факты показывают, что по сути своей Императорское Православное Палестинское Общество было одним из составляющих звеньев российской государственной бюрократии.

Ученым секретарем Палестинского Общества, по решению Елизаветы Федоровны, был назначен доктор богословия, историк церкви, профессор Киевской духовной академии по кафедре литургики и церковной археологии Алексей Афанасьевич Дмитриевский (1856–1929)[38].

На момент открытия Общество состояло из 42 членов-основателей; почетных членов[39]; членов, платящих 25 рублей взносов ежегодно, и членов, чей ежегодный взнос составлял 10 рублей. Общество подразделялось в свою очередь на три отделения: ученых изданий и исследований; изданий для русских православных паломников; поддержки православия в Святой Земле. В начале XX в. первое отделение Общества возглавлялось академиком В. В. Латышевым, второе — тайным советником Л. Ф. Рагозиным, третье — сенатором П. И. Остроумовым[40].

---

[37] См., например: *Дмитриевский А. А.* Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность … С. 121.

[38] О нем см.: *Арранц М.* А. А. Дмитриевский: из рукописного наследия // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. С. 120–133 ; *Лобовикова К. Н.* А. А. Дмитриевский и великая княгиня Елизавета Федоровна (несколько штрихов к биографии ученого) // Мир русской византинистики : материалы архивов Санкт-Петербурга / под ред. чл.-корр. РАН И. П. Медведва. СПб., 2004. С. 241–255, особенно С. 241–242.

[39] Их количество не было стабильным. Этот статус предназначался для ученых, имеющих заслуги в изучении истории Палестины и Ближнего Востока.

[40] АВ ИВР РАН. Ф. 120. Оп. 2. Д. 105. Л. 2.

Денежные средства Общества складывались из ежегодных членских взносов. Палестинское Общество получало солидную дотацию от государства — 130 тысяч рублей золотом в год. Имели место также специальные пожертвования в пользу Общества от частных лиц или организаций, однако важнейшим источником дохода этого вида оставался кружечный сбор: в церквях стояли специальные кружки с просьбой жертвовать на нужды Палестинского Общества.

Достаточно быстро, уже в 1887 г., количество епархиальных отделений Общества достигло 28, что значительно увеличило доходы организации в целом. Существенную информацию об отделениях Общества можно найти в знаменитом ежегоднике «Весь Петербург»[41].

Административная структура и бюджет Палестинского Общества

Отчеты Общества позволяют достаточно полно описать административную структуру Палестинского Общества, а также его бюджет.

Возглавлялось Общество Советом, глава которого принадлежал к императорской фамилии. Как уже отмечалось, до 1905 г. этот пост занимал великий князь Сергей Александрович, а затем великая княгиня Елизавета Федоровна[42]. Совет состоял из 30 человек, социальное положение и основное занятие которых определить не всегда возможно. Важно отметить, что среди них был представитель Синода, Министерства иностранных дел, Министерства народного просвещения.

Повседневная работа Общества координировалась и руководилась канцелярией, которая состояла из секретаря (этот пост в начале XX в. занимал А. А. Дмитриевский), его помощника, бухгалтера, его помощника, контролера, делопроизводителя и семи служащих.

В центральную администрацию Общества входила большая комиссия — 22 человека, называвшаяся «Московская комиссия по кружечному сбору в пользу православных Иерусалима и Святой Земли».

Структура администрации отделений Общества во всех районах России была одинаковой: глава отделения, его заместитель, бухгалтер, заместитель бухгалтера, секретарь.

В списках должностных лиц Палестинского Общества встречаются также «ответственные» и «ответственные за продажу паломнических книжек». Смысл этого различия уже ясен.

---

[41] АВ ИВР РАН. Ф. 120. Оп. 2. Д. 105. Л. 2. По своему содержанию это письмо из редакции издания «Весь Петербург», адресованное кому-то из должностных лиц Общества. Письмо не имеет точной даты, но по разным косвенным признакам можно сделать вывод, что оно отправлено между 1905 и 1908 г. См. для сравнения сводную таблицу денежных поступлений из епархиальных отделений Общества в 1901–1903 гг. : Россия в Святой Земле. Т. 1. С. 371–374.

[42] Ее биографию см.: *Миллер Л. П.* Святая мученица российская великая княгиня Елизавета Федоровна. М., 1994.

Несколько слов о бюджете Общества. Доходы Общества складывались из следующих статей. Первая статья — пожертвования. В качестве второй статьи доходов в документах названы (без раскрытия в деталях) поступления от паломников. Надо думать, что речь шла о продаже «паломнических книжек» и о суммах, поступающих от русских подворий в Палестине, принимавших паломников. Доходы от членских взносов в сохранившихся источниках стоят на третьем месте. Довольно скромное место в доходах Общества занимают проценты[43] и суммы, выручаемые от продажи книг и изданий Палестинского Общества.

Первое место в расходах Общества всегда занимали траты на поддержку православия. Прежде всего имелась в виду поддержка школ и в целом деятельность в области образования. Второе место занимали траты на паломников. Расшифровки этой статьи расходов нет, однако можно предполагать, что речь идет в целом о политике дотаций, направленной на то, чтобы сделать пребывание паломников в Палестине менее дорогим, а не о конкретных суммах, дающихся конкретному паломнику. На издательскую деятельность, нужды библиотеки и непредвиденные расходы предусматривались сравнительно небольшие суммы.

Первый параграф Устава Палестинского Общества был сформулирован следующим образом:

«Православное Палестинское Общество учреждается с исключительно ученою и благотворительною целями, для которых ему предоставляется:

а) собирать, разрабатывать и распространять в России сведения о Святых местах Востока;

б) оказывать пособие православным паломникам этих мест и

в) учреждать школы, больницы и странноприимные дома, а также оказывать материальное пособие местным жителям, церквам, монастырям и духовенству»[44].

Учреждения Палестинского Общества в Палестине. Паломники в Палестине и восприятие Палестины в России

Благодаря целой системе отчетов, которые регулярно публиковались, мы имеем возможность составить полное представление о всех сторонах деятельности Общества. Как уже отмечалось, одна из важнейших задач Императорского Православного Палестинского Общества — организация путешествий русских паломников в Палестину, а также их обслуживание

[43] Расшифровки в документах нет, однако, вероятнее всего, речь идет о процентах с банковских депозитов (вкладов).

[44] Конкретная ссылка не приводится, ибо Устав Палестинского Общества публиковался неоднократно и отдельной брошюрой, и в виде приложений к выпускам Палестинского сборника.

во время пребывания в Святой Земле[45]. Для облегчения долгого пути в Палестину Общество заключило специальные соглашения о льготных тарифах для паломников с железными дорогами на территории России, а также с Русским обществом пароходства и торговли (РОПИТ), которое обеспечивало провоз паломников на кораблях от Одессы до Яффы и обратно. Льготные тарифы действовали как на территории России, так и вне территории империи, на морской части пути[46].

В 1883 г. Общество организовало конкурс на составление лучшего путеводителя по Святой Земле для паломников. Такая книга была написана В. Я. Михайловским[47]. В том же 1883 г. Общество послало в Палестину путешественника, ученого и врача А. В. Елисеева, чтобы он составил отчет о жизни и потребностях русских паломников в Палестине, который был составлен и прочитан во время специального заседания Общества 18 октября 1883 г.[48] Под влиянием этого доклада было принято решение о строительстве в Палестине специальных гостиниц для русских паломников. Дело в том, что Палестинское Общество, как и Русская Духовная Миссия, стало приобретать земли в Палестине, однако это можно было сделать только косвенным путем, ибо в Османской империи Палестинское Общество юридическим лицом не признавалось. Собственниками земель Общества были обозначены работавшие в нем местные жители. Соответствующие документы опубликованы в большом количестве в первом и втором томах сборника «Россия в Святой Земле. Документы и материалы». Общий сводный каталог всей русской недвижимости в Палестине помещен в первом томе сборника[49].

В последние годы XIX в. подворье Палестинского Общества в Иерусалиме могло принять 2000 человек, однако, по свидетельству А. Е. Крымского, во время Пасхи на территории подворья собиралось до 10 000 человек[50]. Подворье Общества имело в начале XX в. множество подразделений:

---

[45] Обществом было издано множество книг и брошюр, содержащих большое количество разной полезной информации для паломников, например: *Хитрово В. Н.* Русские паломники Святой Земли. СПб., 1905 ; *Палеолог Ф.* Русские люди в Обетованной Земле : Путевые наблюдения и впечатления. СПб., 1895.

[46] Весь путь русского паломника в Палестину и обратно, а также все проблемы, с которыми паломник мог столкнуться, описаны в книге В. Н. Хитрово «Русские паломники Святой Земли», в особенности на ее первых страницах.

[47] См.: *Дмитриевский А. А.* Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность … С. 313.

[48] Со временем этот отчет был переработан в книгу: *Елисеев А. В.* С русскими паломниками на Святой Земле весною 1884 года : очерки, заметки и наблюдения. СПб., 1885.

[49] См.: Россия в Святой Земле … Т. 1. С. 691–719.

[50] *Крымский А. Е.* История новой арабской литературы. М., 1971. С. 309, примеч. 214.

свою прачечную, склад, цистерны с питьевой водой, булочную, котельную, столовую и баню.

Подворье имело три «разряда» приема разных паломников. В самом дешевом, третьем «разряде» плата за день составляла 13 копеек. Сюда включалась плата за проживание, стоимость скромного обеда, а также горячей воды для чая. Стоимость проживания по первому и второму «разряду» составляла 4 и 2 рубля соответственно. Подворья Общества существовали в начале XX в. также в Назарете и Хайфе[51].

Для того чтобы оценить деятельность Общества в этом направлении, необходимо подчеркнуть, что уровень коммунального хозяйства Палестины начала века был весьма низким. Нечистоты вывозились на ослах, а основным источником питьевой воды была собираемая в цистерны дождевая вода. Эти условия, естественно, провоцировали заболевания, и Общество вынуждено было содержать несколько лечебниц, обслуживаемых русским персоналом. Лечебницы были в Иерусалиме, Назарете, Вифлееме и Бейт-Джала, рядом с Иерусалимом. В Иерусалиме был также русский госпиталь, основанный в 1862–1863 гг., способный принять 40 больных. Важно отметить, что лечение в госпитале и лекарстве в лечебницах Общества были бесплатными.

Обслуживание паломников включало в себе также организацию специальных паломнических караванов с гидами для посещения Иерусалима, окрестностей Иерусалима и других мест в Палестине. Каждый день в подворьях Общества организовывали чтение религиозной литературы и продажу за умеренную цену икон.

Деятельность Общества в обслуживании паломников дополнялась своего рода идейной подготовкой этих путешествий. Издания типа «Деятельность отделов Императорского Православного Общества в… году» и некоторые отчеты Общества создают хорошее представление о деятельности епархиальных отделений Общества на территории Российской империи[52]. Деятельность эта заключалась в организации лекций о Святой Земле, задачах и деятельности Общества. Иногда такие лекции сопровождались демонстрацией

---

[51] О стоимости услуг на подворьях Общества в Палестине см. специальную таблицу «Плата, взимаемая за помещение и продовольствие на Русских подворьях» в книге: *Хитрово В. Н.* Русские паломники Святой Земли. С. 255. На с. 252–254 этой же книги приведена информация о стоимости проезда на Афон и в Палестину для паломников. Аналогичная информация: СИППО. 1905. Т. 15 (1904). С. 128–132.

[52] См.: Деятельность … в 1900–1901 гг. СПб., 1901 ; Деятельность … в 1902–1903 гг. СПб., 1904 ; Отчет Императорского Православного Общества за 1907–1908 годы. СПб., 1909. Полностью посвящен деятельности отделов Палестинского Общества в России номер СИППО за июль–ноябрь 1900 г. См. также: СИППО. 1907. Т. 17, вып. 3 и 4. С. 523–578.

фотографий. Судя по изданиям 1900–1903 гг., интерес к таким чтениям был велик, и их посещало множество людей.

В книге «Деятельность… за 1902–1903 гг.» есть небольшая глава «Члены Общества» (С. 10–14). В тексте отмечается уменьшение вступления в Общество новых членов. Объяснение этому предлагается следующее. В Общество попадали новые, случайные люди, не готовые регулярно платить членские взносы. Кроме того, в данном тексте делается намек — правда, без указания деталей — на финансовые злоупотребления.

Для понимания положения внутри отделений Общества на территории России многое дает и отчет за 1907–1908 гг. На с. 16, 31–33 авторы данного издания ясно пишут, что уменьшение притока новых членов, ухудшение финансового положения Общества и падение интереса к деятельности Палестинского Общества объясняются политическими последствиями первой русской революции.

Ухудшение положения Общества не было, однако, катастрофическим. Палестинское Общество дожило до Первой мировой войны и даже до конца 1917 г., сохраняя свою деятельность в полном объеме. В годы Первой мировой войны администрация Общества, а также некоторые заинтересованные люди, близкие к Обществу, разрабатывали серьезные планы послевоенной реорганизации на Ближнем Востоке, по поводу роли России и российской политики на Ближнем Востоке после окончания войны. Однако этим планам не суждено было сбыться.

Обратимся теперь к конкретным материалам, характеризующим паломничества и паломников. Доступные документы позволяют определить, что численность паломников за год составляла в среднем от 10 до 20 тысяч человек.

Некоторую информацию о количестве паломников можно извлечь из таблиц о движении паломников через Одессу[53]. С 1 марта по 1 июня 1906 г. из Одессы в Яффу отправилось 378 человек; с 1 июня по 1 декабря 1906 г. — 1149 человек; с 1 декабря 1906 г. по 1 марта 1907 г. — 3636 человек. Ценная информация по данному вопросу есть также в статье В. Н. Хитрово «Какими путями идут русские паломники в Святую Землю»[54], содержащей немало статистических данных. Для нас важнее всего таблица[55] с указанием общей численности паломников за период 1883–1899 гг.: максимальное количество — 6128 человек в 1898–1899 гг., минимальное — 350 человек (1891–1892 гг.); средние цифры — от 2000 до 4000 (1883–1884 гг. — 2145 человек; 1894–1895 гг. — 4164 человек; 1887–1888 г. — 2588 человек).

---

[53] СИППО. 1906–1907. Т. 18. С. 203, 361, 671.

[54] СИППО. 1901. Т. 12. С. 303–327.

[55] Там же. С. 312.

Красноречивые данные о русских паломниках в Палестину содержатся в регулярно публиковавшихся отчетах Общества[56].

	1883	1884	1885	1886	1887	1888	2 месяца 1889
Священно-служители	21	46	45	61	64	68	18
Дворянство	6	35	44	55	62	68	9
Купцы	11	28	24	38	37	22	9
Мещане	80	208	164	258	196	235	84
Крестьяне	457	1097	1025	938	1328	1697	714
Отставные солдаты	2	124	125	113	157	160	46

Приведенные цифры показывают очевидное преобладание среди паломников, по сравнению со всеми остальными классами общества, крестьян. Необходимо также отметить, что по мере возрастания уровня образования численность паломников уменьшается; так, паломников дворян во много раз меньше, чем паломников крестьян.

Данные начала XX в. подтверждают эти тенденции[57].

	Количество паломников, остающихся в Иерусалиме на 1 марта 1908 г.		Количество паломников, прибывших в Иерусалим между 1 марта 1908 г. и 1 марта 1909 г.	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Крестьяне	2652	909	3457	1769
Мещане	209	66	352	212
Дворяне	8	5	25	19
Граждане[58]	4	8	15	25
Купцы	7	6	24	15
Военные	83	5	14	7
Разночинцы	10	12	46	49

[56] Седьмой Отчет Императорского Православного Палестинского Общества за 1888–1890 годы. СПб., 1891. С. 25. На этой же странице приведена таблица, отражающая социальную стратификацию паломников.

[57] Приводимые ниже сведения о паломниках за 1908–1909 гг. взяты из: Отчет Православного Палестинского Общества за 1908–1909 годы и 1909–1910 годы. СПб., 1912. С. 112.

[58] Речь идет о почетных гражданах городов. Следует иметь в виду, что с юридической точки зрения абсолютное большинство населения Российской империи были негражданами, но подданными монарха.

Абсолютное большинство паломников относилось к возрастной категории 50–60 лет[59]. Вторая по численности возрастная категория — 60–70 лет. Обращает также на себя внимание преобладание женщин во всех возрастных группах. Интересно отметить, что примерно пять человек в год совершали паломничество в Палестину, будучи старше 90 лет.

Приведенные данные позволяют сформулировать следующий вывод. Самой распространенной персоной среди русских паломников была женщина-крестьянка в возрасте от 50 до 60 лет. Наиболее редкими среди них были мужчины-дворяне[60].

Необходимо иметь в виду, что процент паломников от общей численности населения Российской империи в целом и крестьянства, в частности, был ничтожно мал и смутное недовольство своей жизнью побуждало идти паломником в Палестину очень немногих. Иначе, видимо, и быть не могло, ибо, конечно, мало кто мог себе позволить оторваться на несколько месяцев от своего хозяйства даже не из-за отсутствия денежных средств, а в первую очередь из-за обилия хозяйственных дел, требовавших ежедневного, пристального внимания и заботы.

Научная деятельность Императорского Православного Палестинского Общества

Благодаря регулярным выходам Православного Палестинского сборника, всемирное признание получила научная деятельность Общества. По мысли основателя Палестинского Общества В. Н. Хитрово, эта деятельность должна была быть подчинена задаче духовного руководства русскими паломниками. Он писал: «Еще более беспомощны наши паломники в духовном отношении. Стыдно сказать, что русский паломник, желающий купить в Иерусалиме Евангелие на родном языке, принужден его покупать в лондонской библейской лавке... необходимым средством является ознакомить русских со Святою Землею и заинтересовать ею. Для этого является необходимым для Общества заняться издательской деятельностью и, насколько можно, способствовать ученым исследованиям и изысканиям»[61].

---

[59] Отчет Православного Палестинского Общества за 1908–1909 годы и 1909–1910 годы. С. 112.

[60] Социологией русских паломников в Святую Землю, по сути, никто никогда не занимался. Эта тема лишь слегка затронута в статье Коптилиной С. В. «Проблема Святых Мест во внешней политике России» (ПС. М., 1992. Вып. 31 (94). С. 131–133). Автор приводит таблицы, показывающие распределение паломников по сословиям и возраст паломников. Можно отметить: *Хитрово В. Н.* Русские паломники Святой Земли. Интересные данные приводит Н. Н. Лисовой (*Лисовой Н. Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006. С. 346–358).

[61] Цит. по: *Дмитриевский А. А.* Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность … С. 216.

Научная и издательская деятельность Общества проходила по нескольким направлениям: собственно научно-издательская, издательская, научно-популярная. Эту работу организовывало и направляло Отделение ученых изданий и исследований Общества, председателем которого долгие годы, как уже отмечалось выше, был академик В. В. Латышев. Общество обращалось к лицам соответствующих специальностей, командируя их с археологическими, археографическими и подобными целями на Ближний Восток.

Так, А. В. Елисеев был послан для изучения и описания древнего сухопутного пути русских паломников в Святую Землю через Кавказ, Малую Азию и Сирию[62]. Известный византинист П. В. Безобразов ездил в целях отыскания древних греческих рукописей. А. А. Цагарели был отправлен в Палестину для знакомства с памятниками грузинской старины и для описания грузинских рукописей, хранящихся на Синае[63]. По заданию Общества А. И. Пападопуло-Керамевс сделал описание 1900 рукописей Иерусалимской патриаршей библиотеки[64]. В 1883 г. по инициативе и на средства Общества глава Русской Духовной Миссии в Иерусалиме Антонин (Капустин) начал археологические раскопки в русском месте близ храма Воскресения Христова в Иерусалиме, в результате которых были открыты остатки древних городских стен Иерусалима, так называемой второй стены, воздвигнутой Нехемией в 445 г. до н. э., и порог Судных врат, ведших за город. На месте раскопок на средства Палестинского Общества была впоследствии сооружена церковь Св. Александра Невского.

По инициативе Общества в 1891 г. была организована научная экспедиция в Палестину и Сирию, во главе которой стоял известный археолог, византинист и историк искусства Н. П. Кондаков. По материалам этой экспедиции им было написано исследование «Археологическое путешествие по Сирии и Палестине» (СПб., 1904). Русские исследователи вели раскопки на участке в Иерихоне, принадлежащем Русской Духовной Миссии, где были обнаружены остатки монастыря VI в., а также в Бет-Захаре на пути к Хеврону, Тивериаде, где были обнаружены древние остатки набережной города. Результаты всех научных предприятий

---

[62] Результаты путешествий А. В. Елисеева были обобщены им в следующих работах: *Елисеев А. В.* С русскими паломниками на Святой Земле весною 1884 года ; Поперек Малой Азии и сухопутная дорога в Святую Землю : доклад, читанный доктором А. В. Елисеевым в заседании 14 февраля 1887 г. // Отчет Православного Палестинского Общества за 1886–1888 годы. СПб., 1888. С. 39–114.

[63] *Цагарели А. А.* Грузинские памятники в Святой Земле и на Синае. СПб., 1884.

[64] Опубликовано в 1891 г. О деятельности А. И. Пападопуло-Керамевса см. подробно: *Дмитриевский А. А.* А. И. Пападопуло-Керамевс и его сотрудничество в научных изданиях Императорского Православного Палестинского Общества : По личным воспоминаниям и документальным данным. СПб., 1914.

публиковались также в выпусках Православного Палестинского сборника и СИППО[65].

Издательская деятельность Палестинского Общества получила всемирное признание благодаря выпускам Православного Палестинского сборника, старую, дореволюционную серию которого составляют 62 выпуска. В Православном Палестинском сборнике были напечатаны все 12 древнерусских паломничеств в Палестину допетровского времени, в том числе такие широко известные памятники, как «Житие и хождение Даниила, Русской земли игумена», «Хождение купца Василия Позднякова», «Проскинитарий Арсения Суханова». В Палестинском сборнике изданы оригиналы и переводы с прекрасными научно-исследовательскими комментариями четырех латинских и 11 греческих «хождений». В их публикациях принимали участие известнейшие ученые того времени: В. Г. Васильевский, Г. С. Дестунис, И. Г. Троицкий, Х. М. Лопарёв, А. И. Пападопуло-Керамевс, И. В. Помяловский, П. В. Безобразов, В. В. Латышев, Н. Я. Марр[66]. Пятидесятый выпуск Православного Палестинского сборника представляет собой четырехтомный труд Н. А. Медникова «Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов» — предмет особой и справедливой гордости русской арабистики.

Печатным периодическим органом Палестинского Общества были СИППО, в которых находила отражение вся многогранная деятельность Общества.

При Палестинском Обществе действовал научный кружок, называвшийся «Собеседования по научным вопросам, касающимся Палестины, Сирии и сопредельных стран», председателем которого был академик П. К. Коковцов.

Представление о деятельности собраний дают билеты-приглашения на заседания кружка, сохранившиеся в архиве П. К. Коковцова (СПФ АРАН. Ф. 779), а также некоторые публикации в СИППО[67].

---

[65] См., например: *Марр Н. Я.* Предварительный отчет о работах на Синае, веденных в сотрудничестве с И. А. Джаваховым, и в Иерусалиме, в поездку 1902 г. (апрель–ноябрь) // СИППО. 1903. Т. 14, ч. 2, № 1. С. 1–51 ; *Пападопуло-Керамевс А. И.* Христианские надписи из ущелья Хузива, собранные в 1889 году // Там же. С. 181–226 ; *Беляев Л. А.* Традиция русских археологических исследований в Святой Земле // ПС. М., 2007. Вып. 105. С. 43–56.

[66] См., например: Иоанна Фоки Сказание вкратце о городах и странах от Антиохии до Иерусалима, также Сирии, Финикии и о Святых местах Палестины конца XII века / изд. в подлиннике и в рус. пер. И. Г. Троицким // ППС. СПб., 1889. Т. 8, вып. 2 ; Три греческие безымянные проскинитария XVI века / изд. с предисл. А. И. Пападопуло-Керамевса и пер. Г. С. Дестунисом // ППС. СПб., 1896. Т. 16, вып. 1 ; Проскинитарий по Иерусалиму и прочим Святым местам безымянного, начала XVII века / изд. в первый раз, с предисл. и рус. пер. П. В. Безобразова // ППС. СПб., 1901. Т. 18, вып. 3.

[67] См., например, подробный отчет о целой серии таких собеседований: СИППО. 1902. Т. 12, ч. 2, № 1. С. 1–71.

Школы и школьная деятельность Императорского Православного Палестинского Общества

Школы, руководимые и контролируемые Императорским Православным Палестинским Обществом, — это целая система учебных заведений, существовавших на Ближнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. Максимального своего развития эта система достигает между 1907 и 1915 г., когда количество школ, незначительно меняясь из года в год, было равно примерно сотне, а общее количество учащихся во всех школах насчитывало приблизительно 11 000 человек.

В данной статье не рассматривается работа школ Императорского Православного Палестинского Общества в Сирии и Палестине. Соответствующий материал будет опубликован в следующем выпуске «Вспомогательных исторических дисциплин».

Итоги деятельности Императорского Православного Палестинского Общества до 1917 г.

Палестинское Общество пережило относительно благополучно Первую мировую войну, революции и Гражданскую войну и просуществовало до 1936–1937 гг., когда фактически жизнь его замерла, возродившись вновь в 1951 г. Детальное описание истории Палестинского Общества в советское время содержится в книге «Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге» в статье «Императорское Палестинское Общество (по петербургским архивам)»[68]. Повторное изложение этих же фактов в данной статье представляется излишним.

В заключение, однако, хотелось бы процитировать документ, написанный в октябре 1921 г. Ф. И. Успенским. Федор Иванович точными словами подводил итоги деятельности Императорского Православного Палестинского Общества за весь предшествующий период его существования:

«Деятельность Палестинского Общества обнаружилась в весьма ценных и столь разнообразных приобретениях как научных, так и материального характера, что она не может не внушить к себе уважения и признательности.

При подведении итогов этой деятельности нужно иметь в виду, что Палестинское Общество работало на чужбине в условиях далеко не благоприятных для достижения предложенных целей, а в постоянной борьбе с враждебными к нему отношениями как со стороны местного духовного и светского правительства, так и иностранных учреждений и заведующих ими лиц, с завистью и недоброжелательством относившихся к русскому делу. Нужно при этом помнить, что на Востоке это было единственное

[68] Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. С. 134–156.

русское насаждение, пытавшееся дать твердую постановку государственно-народным русским интересам»[69].

При всей очевидной правильности слов Ф. И. Успенского[70] по прошествии века значение деятельности Палестинского Общества на Ближнем Востоке представляется необходимым уточнить по ряду вопросов, учитывая также соображения А. А. Дмитриевского, сформулированные им в марте 1915 г.[71]

Прежде всего следует отметить, что Императорское Православное Палестинское Общество до 1917 г. было своего рода координирующим центром работы многих известных специалистов разных направлений — и историков, и археологов, и искусствоведов[72]. Факты, таким образом, показывают, что поддержка царским правительством гуманитарной науки всегда оставалась одним из приоритетов Российской империи. Конечно, поддержка эта не была совсем бескорыстной и во многом объяснялась политическими целями — стремлением закрепиться на Ближнем Востоке, заботой о распространении православия, но и в этих условиях выделяемых государственных средств хватало на проведение серьезных научных изысканий и их публикацию как в Православном Палестинском сборнике, так и в других изданиях Академии наук. При этом задержек с публикациями не было[73].

При оценке деятельности Палестинского Общества до 1917 г. с особым сожалением следует упомянуть два проекта, оставшиеся лишь на бумаге и не воплощенные в жизнь из-за чисто политических причин.

О первом проекте известно очень немного. Между 1904 и 1912 г. среди исследователей, связанных с Обществом, обсуждался проект Русского археологического института в Афинах. Судя по всему, невозможность его осуществления была очевидной еще до Первой мировой войны[74],

---

[69] АВ ИВР РАН. Ф. 120. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

[70] Слова Ф. И. Успенского отражают лишь значение Палестинского Общества как организации, обеспечивавшей государственные, внешнеполитические интересы России в регионе.

[71] Записка секретаря ИППО А. А. Дмитриевского о научной деятельности Общества // Россия в Святой Земле … Т. 1. С. 350–356, № 116.

[72] *Крылов А. В., Сорокина Н. М.* Императорское Православное Палестинское Общество и отечественное востоковедение. С. 19–20, 26–32. См. также подраздел «Научная деятельность Императорского Православного Палестинского Общества», где упомянуты многие известные специалисты смежных гуманитарных наук, принимавших участие в заседаниях Общества.

[73] Публикации в Православном Палестинском сборнике легко позволяют сопоставить время написания той или иной работы и время ее опубликования.

[74] См. подробно конец части 1 работы К. Н. Юзбашяна «Палестинское общество. История становления», особенно примеч. 77 к тексту части 1. (В данной статье используется текст работы К. Н. Юзбашяна, размещенный на сайте «Символ

и не исключено, что это косвенно связано с открытием аналогичного Института в Константинополе. Существенным аргументом в пользу создания Русского института в Константинополе была не только наука, но и политика[75].

Чуть дальше продвинулся проект создания Комитета (или Общества) палестиноведения в Петербурге, а также Русского археологического института в Иерусалиме. Предполагалось, что Комитет и работающий под его руководством Институт станут центрами комплексного научного изучения Палестины и всего того региона на Ближнем Востоке, в котором работало Палестинское Общество. Все документы о Комитете палестиноведения и Институте в Иерусалиме датируются 1915 г. В настоящее время, когда ход последующих событий хорошо известен, остается только предполагать, что у авторов этого проекта в 1915 г., в годы Первой мировой войны, не было ощущения, что до конца Российской империи оставалось не более двух лет. Итоги Первой мировой войны и революций в России в 1917 г. сделали реализацию этих проектов невозможными[76].

Очень важным итогом деятельности Палестинского Общества до 1917 г. стали регулярно выходившие номера Православного Палестинского сборника, где было опубликовано множество ценных научных трудов и источников по истории региона. Аналитический обзор публикаций Палестинского Общества приведен в статье Г. З. Пумпян[77]. Роспись всех номеров Православного Палестинского сборника приведена в книге А. В. Крылова и Н. М. Сорокиной «Императорское Православное Палестинское Общество и отечественное востоковедение» (С. 50–80), но без указания страниц. Подробная роспись материалов всех изданий Палестинского Общества с указанием страниц составляет основное содержание неоднократно упоминавшегося в данной статье Указателя трудов Императорского Православного Палестинского Общества.

Веры», на котором работа К. Н. Юзбашяна представлена без разбивки на страницы. По версии текста, размещенного на сайте Палестинского Общества, речь идет о с. 5.)

[75] *Горянов Б. Т.* Ф. И. Успенский и его значение в византиноведении // ВВ. 1947. Т. 1 (26). С. 83.

[76] Документы, касающиеся проекта Комитета палестиноведения и Русского археологического института в Иерусалиме, издавались и комментировались многократно. См., например: *Ковалевский Е. П.* Русские научные интересы в Палестине : доклад // Россия в Святой Земле … Т. 1. С. 339–349, № 114 ; *Грушевой А. Г.* Императорское Палестинское общество … С. 137–138 ; *Мещерская Е. Н., Мусин Александр,* диак., *Пиотровский М. Б.* Русская археология в Святой Земле … С. 25–27 ; *Лисовой Н. Н.* Русское духовное и политическое присутствие … С. 209–214.

[77] *Пумпян Г. З.* Издательская деятельность и публикации …

Наконец, при оценке деятельности Палестинского Общества нельзя не упомянуть и о многочисленных археологических раскопках в Палестине[78].

Говоря об итогах и значении деятельности Палестинского Общества, следует отметить один факт, видный, правда, только по бухгалтерским документам Общества. Сметы доходов и расходов Общества, публиковавшиеся регулярно в виде отдельных книг, легко позволяют определить, какие именно статьи расходов были приоритетными. Основной статьей расходов Общества во все годы оставались не паломники и их обслуживание, не научные задачи, а нужды образования — т. е. расходы на школы.

Использованные архивные материалы

Выписка из журнала заседания Совета Императорского Православного Палестинского Общества от 22 мая 1909 г. за № 199 // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 41. Л. 76–76 об.

Отчет по ревизии подворий Императорского Православного Палестинского Общества в Иерусалиме, Назарете и Хайфе в 1910 году // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 32 = АВ ИВР РАН. Ф. 120. Оп. 3д. Д. 11.

Дмитриевский А. А. Отчет о состоянии подворий Императорского Православного Палестинского Общества в Иерусалиме, Назарете и Кайфе в 1910 году // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 33. Л. 1–106. [Черновой автограф]. С приложением сведений о затратах, произведенных управляющим Михайловым. Заключение к отчету по ревизии (Л. 107–112) — текст, набранный типографским способом.

Журнал заседаний № 248 от 23 июня 1914 г. Совета Императорского Православного Палестинского Общества // АВ ИВР РАН. Ф. 120. Оп. 3д. Д. 1. Л. 60–100.

Журнал заседаний № 249 от 28 июля 1914 г. Совета Императорского Православного Палестинского Общества // Там же. Л. 101–104.

Журнал заседаний № 250 от 19 декабря 1914 г. Совета Императорского Православного Палестинского Общества // Там же. Л. 105–114.

Журнал заседаний № 252 от 5 марта 1915 г. Совета Императорского Православного Палестинского Общества // Там же. Л. 117–175.

Журнал заседаний № 266 от 19 ноября 1916 г. Совета Императорского Православного Палестинского Общества // Там же. Л. 256–263.

Журнал заседаний № 276 от 27 декабря 1917 г. Совета Императорского Православного Палестинского Общества // Там же. Л. 311–318.

---

[78] Подробный рассказ и анализ см.: *Мещерская Е. Н., Мусин Александр,* диак., *Пиотровский М. Б.* Русская археология в Святой Земле … С. 14–27.

Письмо русского консула в Александрии А. А. Дмитриевскому 23 июля 1915 г. // Там же. Оп. 1. Д. 97.

Протокол общего собрания Российского Палестинского Общества от 20 декабря 1928 г. // Там же. Оп. 3д. Д. 21. Л. 70–73.

RÉSUMÉ

Parmi les institutions russes travaillant au Proche-Orient une place tout à fait particulière apartient a Palestinskoye Obscestvo=Société des Etudes Paléstinnes. Avant 1917 et après la dissolution de l'URSS — La Société Impériale Orthodoxe des Etudes Paléstiniennes.La Société fut fondée en 1882 pour organiser les pèlerinages des pèlerins russes en Paléstine, ainsi que la propagande de l'Orthodoxie russes parmi les habitants de la Palestine et l'étude scientifique des antiquités de la Palestine.

Le but de l'aritcle — c'est l'étude des documents de la Société des années 1910–1915 qui se trouvent dans les archives de St. Peterbourg et qui démontrent les activités de la Société avant la Première Guerre Mondiale et au cours des années de la guerre. L'administration de la Société avait des grands plans en ce qui concerne le travail des institutions russes au Proche-Orient après la guerre. Il y a dans les documents des grands plans de la reorganisation des écoles, de l'amélioration des programmes scolaires.

L'administation de La Société élaborait aussi les projects de l'organisation de l'Institut Russe d'Histoire et d'Archéologie à Jérusalem. Les revolutions en Russie et 1917 ainsi que les resultants politiques de la Première Guerre Mondiale ont fait la réalisation de touts ces plans impossible.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Императорское Православное Палестинское Общество, Ближний Восток, Российская империя, православие, паломники, школы, научные издания.

KEY WORDS

Imperial Orthodox Palestinian Society, Near East, Russian Empire, Orthodoxy, pilgrims, schools, scientific publications.

В. Г. АНАНЬЕВ

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ В ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Л. А. МАЦУЛЕВИЧА: ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА УЧЕНОГО

Имя выдающегося отечественного искусствоведа, специалиста по византийскому и древнерусскому искусству Леонида Антоновича Мацулевича в последнее время все чаще привлекает внимание ученых[1]. Вместе с тем в литературе нашли отражение отнюдь не все стороны его многообразной научной и педагогической деятельности. Так, например, практически не изученной остается его преподавательская работа, хотя она занимала в научной биографии ученого весьма важное место. Еще в 1912 г. он начал преподавание на Высших женских архитектурных курсах Е. Ф. Багаевой, затем преподавал в гимназиях, был профессором Российского института истории искусств, а с 1939 по 1952 г. (с перерывом на время Великой Отечественной войны) вел занятия на историческом факультете Ленинградского государственного университета[2]. 1 января 1939 г. Л. А. Мацулевичу было присвоено ученое звание профессора, а с 10 февраля 1949 г. по 1 сентября 1952 г. Ленинградский университет был местом его основной работы[3]. Ученый читал в университете лекции

[1] См., например: *Соленикова Е. В.* Л. А. Мацулевич: архив ученого // Мир русской византинистики : материалы архивов Санкт-Петербурга / под ред. чл.-корр. РАН И. П. Медведева. СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. С. 436–457. Там же и библиография.

[2] Там же. С. 437–439.

[3] СПФ АРАН. Ф. 991. Оп. 2. Д. 4. Л. 5.

 © Ананьев В. Г., 2013

и вел семинарские занятия на археологическом и искусствоведческом отделениях, а также на кафедре византиноведения. Важное место среди его курсов занимал курс музееведения, читавшийся им для студентов археологов и искусствоведов с 1945 по 1952 г.[4]

Музееведение не было случайной для Л. А. Мацулевича темой. Его музейная деятельность началась не многим позже преподавательской — в 1918–1919 гг. он был научным сотрудником Русского музея, а с 1919 по 1949 г. работал в Эрмитаже. Видным музейным деятелем был и его старший брат, Владимир, принимавший участие в проведении большой кустарной выставки в Санкт-Петербурге в 1908–1909 гг., а затем ставший одним из организаторов музеев Красной Армии в Петрограде и Москве[5]. В личном фонде ученого в СПФ АРАН сохранились подготовительные материалы к курсу музееведения, а также стенограммы нескольких лекций[6]. Их анализ позволяет не только выявить основные представления ученого о сущности, целях и задачах музееведения как науки, а следовательно, расширить наши представления о его научных взглядах, но и уточнить один из этапов развития отечественного музееведения.

Вероятно, впервые музееведение стало читаться Л. А. Мацулевичем студентам-археологам третьего курса в 1944/45 учебном году. Судя по его записям, тогда, после двух семестров занятий, из 10 человек, составлявших группу, четверо получили «хорошо», трое знали материал слабо, два человека — средне, а один никакой оценки не получил[7]. В 1947 г. курс читался уже студентам пятого курса в первом семестре учебного года, с 16 октября по 25 декабря. Он состоял из 11 лекций, консультации и зачета. Кроме аудиторных занятий в него были включены лекции в музеях (например, лекция по инвентаризации проводилась в Эрмитаже). Обязательным заданием, завершающим освоение курса, было составление тематического плана экспозиции по предполагаемой теме диплома и защита его на зачете[8]. В январе 1948 г. был составлен новый учебный план курса, пересмотренный на заседании кафедры в апреле 1949 г. Тогда по нему было принято решение: «Усилить краеведческую часть. Включить литературу по краеведению и краеведческим изданиям»[9]. В архивном фонде ученого сохранились автограф и машинопись этого плана, составленного 9 января 1948 г. и пересмотренного 24 ноября 1949 г.,

---

[4] Там же. Д. 28. Л. 1–3 об.

[5] См.: *Соленикова Е. В.* Л. А. Мацулевич: архив ученого. С. 437. О его деятельности в Эрмитаже см.: *Залесская В. Н.* Л. А. Мацулевич // Византиноведение в Эрмитаже. Л. : Гос. Эрмитаж, 1991. С. 74–78.

[6] СПФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 185.

[7] Там же. Л. 119–119 об.

[8] Там же. Л. 148–148а.

[9] Там же. Л. 9, 118.

а также стенограммы двух лекций по теме «Экспозиция» от 14 и 21 ноября 1949 г.[10]

Чтение Л. А. Мацулевичем лекционных курсов имело свою специфику. Как он сам признавался студентам: «Я не обладаю красноречием, но меня с самых студенческих лет приучили, когда я начинал читать лекции: “никогда их не пиши” — нам не позволяли писать. Теперь говорят — пиши. Почему не позволяли писать? Потому что, говорят, если в аудитории 10 человек, то лекция уже будет иная, когда в аудитории 20 человек. Нас приучили делать это на фишках <…> И я всегда стараюсь говорить, хотя я говорю с ораторскими недостатками, но это только потому, что все мною учитываются здесь, в аудитории и я говорю с данной аудиторией. Может быть это и плохо, но я своим ученикам и теперь аспирантам, между прочим, говорю: вы мне раньше все напишите и принесите, да еще второй раз напишите, да третий раз, а когда будете выступать, то выступайте уже без этого письма, потому что в аудитории это будет получаться иначе. Чтение — это другое»[11]. Несколько десятков таких «фишек», или карточек с основными (достаточно подробно расписанными) тезисами лекций, сохранилось в фонде ученого. Их сопоставление с программами курса и стенограммами двух лекций позволяет составить достаточно полное представление о содержании и специфике читавшегося Л. А. Мацулевичем курса.

Прежде всего ученый попытался ответить на вопрос, до сих пор остающийся одним из самых спорных в мировой музеологии: что представляет из себя музееведение как наука, каковы ее основные цели и задачи? Музееведение определялось им предельно широко как «знание или достижение знаний в области, охватываемой деятельностью музея»[12]. Задачи курса заключались в том, чтобы «с одной стороны, подготовить студента к практической работе в музее; с другой стороны, расширить его кругозор, направив мысль на теоретические проблемы комплексной музейной науки и тем облегчить немузейному работнику пользование научными материалами музея»[13]. Здесь важно отметить не только понимание музееведения как прикладной науки, но и признание ученым значительного потенциала музейных предметов как исторических источников, зачастую остающихся вне поля зрения историков. В курс

---

[10] Стенографирование лекций было одной из акций в рамках общего погрома гуманитарной науки в Ленинградском университете, связанного с так называемым «Ленинградским делом» и «борьбой против космополитов». Об этом см.: *Дружинин П. А.* Идеология и филология : Ленинград, 1940-е годы : док. исслед. : в 2 т. М. : Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. С. 225–500.

[11] СПФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 185. Л. 87.

[12] Там же. Л. 150.

[13] Там же. Л. 10.

включались не только лекционные, но и практические занятия. В итоге курса студент должен был быть «подготовлен к самостоятельному составлению тематического плана экспозиции на конкретном материале, с чертежами — план размещения оборудования (архитектурная композиция интерьера) и композиция одной витрины (стены, щита), избранной, как центральной, самим студентом»[14]. Так как курс читался на пятом году обучения, план разрабатывался студентом на материале его дипломной работы.

Помимо организованных занятий в музеях, Л. А. Мацулевич требовал от студентов и самостоятельных посещений, имевших также свою особую задачу. Обращаясь к студентам, он говорил: «…большинство из вас, живя постоянно в Ленинграде, не бывали во многих музеях. Но в музеи мы направлялись не просто так… а после общего инструктажа… с четко стоящими перед вами задачами. Все или большинство признавали, что под определенным углом мною направленные вы воспринимали музеи по-новому и вы обогащались не просто фактами… а вы понимали и поняли, что фактам придано в таких музеях широкое общественное значение… исподволь, таким образом, входили в практику и в методику музея». Итоги таких посещений обсуждались затем в аудитории: выделялись докладчики и содокладчики, а в обсуждении принимали участие и все остальные студенты. В итоге этот «критический осмотр» превращался «в обобщенный музейный опыт»[15].

Основное внимание при таких посещениях музеев студенты должны были уделять построению их экспозиций, и это было неслучайным. По мнению Л. А. Мацулевича, экспозиция — «это вообще центральное место, центральная задача, центральный пункт работы музеев, специфика этих музеев»[16]. В этом сказался его многолетний опыт музейной работы и верное понимание специфики музейной коммуникации, или, как говорили в первой половине XX в., «музейного языка». Подчеркивая разницу между вербальным и предметным каналами передачи информации, он говорил: «Я все время перед вашими походами в музеи настаивал только на одном — не пользоваться экскурсоводами <…> Можно провести выдающуюся

---

[14] Там же.

[15] Там же. Л. 19–20. Такой подход оказывается близким тому, что на рубеже 1970–80-х гг. был введен в практику одного из крупнейших центров современной музеологии — голландской Академии Рейнварта и получил там название «критической музеологии». Студенты должны были самостоятельно посещать музеи и формировать собственный критический взгляд на их деятельность. См.: *Лоренте П. Х.* Развитие музеологии как университетской дисциплины: от технической подготовки к критической музеологии // Вопросы музеологии. 2011. № 2 (4). С. 54, примеч. 28.

[16] СПФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 185. Л. 20.

экскурсию по материалам музея, мало организованным, никак не обоснованным, собственно — на мертвом материале»[17]. В музее предметы сами должны говорить с посетителем, и в этом-то и состоит специфика языка экспозиции.

В качестве примера для студентов Л. А. Мацулевич напомнил, как студенты-этнографы, начинавшие слушать его курс вместе с археологами[18], ходившие в Музей железнодорожного транспорта, обратили внимание на то, что там много места «занято экспозицией шпал и стыков рельсов, и единственной надписью, сопровождавшей экспозицию, повторяющейся несколько раз, была: “руками не трогать”. Это, конечно, совершенно мертвая экспозиция, мертвый материал: шпалы, шпалы, шпалы, стыки, стыки, стыки …! … В отношении шпал и стыков рельсов экскурсовод может рассказать вам историю укладки путей, стыков рельсов, может рассказать вам интересные данные и рассказать столько интересного, что вы не заметите, что на самом деле этот музей мертв. С точки же зрения советского музея необходимо объяснение, иначе это не экспозиция, а мертвый материал <…> О доходчивости экспозиции, о возможности восприятия ее мы судим из обеспечения ее восприятия группой, одиночками, но не лекции»[19].

Итак, экспозиция должна быть понятна без дополнительного, словесного сопровождения. Что же она должна собой представлять? В чем должна заключаться специфика музейного показа? Прежде всего это показ процессов. «Признак музейного показа, показа советского музея» — это не показ множества отдельных вещей, не показ редкостей, а «показ исторического развития посредством научных группировок, сопоставлений, противопоставлений вещественных памятников» (в этом его отличие от дореволюционных и буржуазных примеров)[20].

Для археологов, например, будет важным «последовательный показ общественно-исторического процесса в динамике памятников материальной культуры и идеологии, — опять-таки не показ вещей, а показ именно общественно-исторического процесса, динамика памятников материальной

---

[17] СПФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 185. Л. 20.

[18] Это было связано с тем, что ранее находившаяся на восточном факультете кафедра этнографии в мае 1949 г. была переведена на исторический факультет и объединена с кафедрой археологии. Встал вопрос формирования соответствующего учебного плана. См.: *Тихонов И. Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете : историографические очерки. СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, 2003. С. 194. В итоге комиссия во главе с проф. А. Н. Бернштамом решила освободить студентов-этнографов (10 человек) от некоторых общих с археологами занятий и передать это время на «самые пожарные нужды». В число сокращенных курсов попало и музееведение. См.: СПФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 185. Л. 18.

[19] Там же. Л. 21.

[20] Там же. Л. 25.

культуры и идеологии»[21]. Несколько сгущая краски, но в целом достаточно точно отмечая научный уровень подготовки отдельных экспозиций некоторых дореволюционных музеев, Л. А. Мацулевич в качестве своеобразных антипримеров приводил экспозиции музея в Херсонесе и Оружейной палаты.

Первый полностью строится на материалах раскопок, но как эти материалы организуются: «Раскопки. Открыто несколько десятков склепов. В этом склепе, как мы всегда знаем, комплекс вещей, находящихся у покойного. Все эти вещи тасуются, как в картах, по особому признаку: все пряжки на одной таблице, все фибулы на второй таблице, все горшки — на третьей. Где, что, как — все было обезличено»[22]. Существующие изначально комплексы уничтожаются и присущее им контекстное знание исчезает.

В случае с Оружейной палатой ситуация была прямо противоположной, здесь предметы, наоборот, объединялись в комплексы, но не на основах научности, а по принципу декоративности: «…вы входили и видели: двуглавый государственный герб сделан из этого оружия. Какие-то сабли — они совершенно закрыты, их нет, не видно, из сабель видны только концы, которые представляют когти этого орла. Что-то закрыто красным сукном. Получалась такая картина: звезды и все, что хотите, выделывалось из такого материала». Это не научный метод[23]. В настоящем музее речь идет о «последовательном показе общественно-исторического процесса, именно в динамике памятников материальной культуры и идеологии». Что это значит? «Памятники изменяются, памятники прогрессируют, потому что растут производительные силы, и вот идет показ этого». Можно показать не только производительные силы, но и производственные отношения, однако только косвенным путем. Пример — бывшая в Эрмитаже выставка миотского сарматского общества в Прикубанье в последние века до н. э.[24]

Естественно, такой подход не предполагает унификации всех экспозиций всех музеев. Экспозиция зависит и от типа музея: крупный ли он, республиканский, или же краеведческий. В крупном музее дается «показ большого плана, а не каких-нибудь отдельных специальных частностей, что вот в каком-то районе растет только осинник <…> Из-за того, что “растет осинник”, может быть не показан орех, а тут и осинник и орех должны быть подведены под общую идею. В другом же музее, в музее

---

[21] Там же.

[22] Там же. О музее см. также: *Разгон А. М.* Археологические музеи в России (1861–1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в России. М. : Сов. Россия, 1961. Вып. 3. С. 213.

[23] СПФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 185. Л. 26.

[24] Там же.

мелком, дробном это, конечно, должно быть выделено со всеми деталями, должна быть показана роль именно этого района. Непосредственного переноса не может здесь быть»[25]. Краеведческие музеи вообще оказываются чрезвычайно важными при изучении курса музееведения, так как именно они больше всего нуждаются в той помощи, которую могут оказать студенты после завершения обучения. Кроме того, это был один из центральных вопросов всей советской музейной политики, поэтому очень подробно на лекциях разбирались основные нормативные документы в этой области: «Положение об областном, краевом, республиканском краеведческом музее» и «Основные положения о построении экспозиции областных, краевых, республиканских (АССР) и крупных районных краеведческих музеев», принятые после совещания в отделе пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) в 1949 г.[26]

Детальный пересказ партийных документов, зафиксированный стенограммой, конечно, не мог содержать каких-либо оригинальных суждений лектора. Значительно интереснее в этом отношении оказывался следующий раздел лекции, в котором Л. А. Мацулевич высказывал собственные суждения относительно специфики построения экспозиции. Он начинал с почти обязательных в конце 1940-х гг. утверждений о неразрывности формы и содержания и предостерегал своих слушателей от искусов формализма, ставя перед ними вопрос: «Как ощутить заблаговременно, в самом начале, в самых корнях формалистичность готовящейся выставки?»[27] Лексика, соответствующая очередному этапу идеологической кампании, в данном случае не должна скрывать от нас самой сути поставленной ученым проблемы, которая сохраняет свое значение и в современной музейной практике: «…так оформить показ, придать ему такую внешность, чтобы идейное содержание по ней раскрывалось перед зрителем, именно по ней, чтобы выставка была доходчивой, в полной мере доступной при осмотре одиночками, чтобы она привлекала, чтобы она заинтересовывала и давала удовлетворение, чтобы она не вульгаризовала, не схематизировала…»[28]

На конкретном примере объясняя рассматриваемую проблему, Л. А. Мацулевич вспоминал такой эпизод из своей работы в Эрмитаже: «Одно

---

[25] СПФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 185. Л. 28.

[26] Там же. Л. 30 и далее.

[27] Там же. Л. 78. «Формализм» был одним из жупелов развернутой в конце 1940-х гг. идеологической кампании. В «формализме» обвинялись (среди прочего) уволенные весной 1949 г. из Ленинградского университета профессора М. К. Азадовский, Г. А. Гуковский, Б. М. Эйхенбаум. См.: *Дружинин П. А.* Идеология и филология … Т. 2.

[28] СПФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 185. Л. 78.

время считалось, что работник музея не может оформлять выставку, что ее нужно оформлять художнику. Помню, в длинный зал, как коридор, пришла группа художников. Им начинают говорить.

— Да нет, говорят, это неважно.

Не спрашивают даже, какая выставка. Мы говорим, что здесь не будет красочных картин, здесь будут материалы археологические.

— Нет, это мы сделаем по системе кулис. Здесь сколько шагов? 12–18 метров. Ну, да. 18 метров. Мы разбиваем на пять участков. Вот здесь будет спущено. У вас нет ничего такого красочного, чтобы можно было на проволоке спустить, чтобы это было незаметно?

— Нам это не нужно.

— Нет, мы очень опытны. Мы устраивали декорации улиц, это же совершенно то же самое, вот так перекинем…»[29]

В чем была несостоятельность такого подхода? В том, что «тут не ставится вопрос об искании способа выражения вашего содержания выставки, а вот есть какое-то помещение и давай его оформлять по-своему…»[30]. В этом примере очень точно зафиксирован тот этап в истории отечественного музейного дела конца 1920-х – начала 1930-х гг., когда одной из насущных проблем была объявлена борьба с «фетишизмом музейных вещей», а задачу «перевода экспозиции из стадии статики в стадию динамики» предлагалось решать за счет использования принципов театрализации, научно-вспомогательных материалов и т. п. Как справедливо отмечала А. Б. Закс: «Отвлекая таким образом музейного зрителя от рассмотрения памятников эпохи, переключая его внимание на сюжет, инсценировки стирали разницу между музейной экспозицией и театральной постановкой»[31]. Во многом это было доведением до абсурда внедрявшегося в музейную практику со второй половины 1920-х гг. социологического метода[32]. Л. А. Мацулевич, всю жизнь занимавшийся памятниками материальной культуры, прекрасно понимал бесперспективность такого подхода.

В случае с музейной экспозицией такая театрализация, или «формализм», казались ему совершенно невозможными, и не только потому, что экспозиция должна являться выражением четко определенного, научно

---

[29] Там же. Л. 79.

[30] Там же.

[31] *Закс А. Б.* Из истории экспозиционной мысли советских музеев (1917–1936) // Труды НИИ музееведения и охраны памятников истории и культуры. М., 1970. Вып. 22. С. 148.

[32] О нем см.: *Ананьев В. Г.* О некоторых проектах применения социологического подхода в музейном деле советской России 1920-х гг. // Вестник РГГУ. 2011. № 17 (79). С. 275–283. (Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология»).

организованного содержания. Пониманием этого ученый был обязан профильным дисциплинам — археологии и искусствоведению, которыми занимался на протяжении всей жизни. Другой специфической характеристикой музейной экспозиции, в понимании значения которой состоит особая заслуга Л. А. Мацулевича не археолога или историка искусства, а именно музееведа, оказывающегося в этом особенно созвучным нашему времени, является необходимость учитывать при ее создании будущего наблюдателя, т. е. самого музейного посетителя. Ученый говорит об этом предельно прямо: «С самого начала в архитектурный образ экспозиции входит посетитель, — без посетителя вы не можете построить экспозицию, иначе она никогда не выразит содержания <…> Образ экспозиции, архитектурная планировка, архитектурный пространственный образ включает и человека, живого человека, студента, школьника и т. д. Строитель экспозиции должен это предусмотреть и должен это знать»[33].

При рассмотрении данной проблемы Л. А. Мацулевич выступал как продолжатель лучших традиций отечественного музееведения 1920-х гг., развитие которых было трагически прервано в эпоху укрепления тоталитарного государства. Уже тогда задача выработки особого языка экспозиции, «гибко укладывающегося в сознании масс»[34], осмыслялась многими музейными работниками как одна из основных в области музейного строительства. Среди сторонников такого подхода в первую очередь следует назвать имя выдающегося отечественного византиниста, теоретика искусства и музееведа Федора Ивановича Шмита, еще в 1929 г. писавшего о необходимости соотносить организацию музейной экспозиции с психологическими особенностями человеческого восприятия[35]. Л. А. Мацулевич, безусловно, знал эти идеи Ф. И. Шмита, первая часть его курса, посвященная истории музейного дела[36], во многом основывается на соответствующем разделе книги «Музейное дело. Вопросы экспозиции», выпущенной Ф. И. Шмитом в 1929 г. и на долгие годы остававшейся единственной опубликованной на русском языке историей

---

[33] СПФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 185. Л. 87.

[34] Об этом см., например, обсуждение доклада В. Ф. Белявской «Вопросы учета восприятия музейного посетителя», состоявшееся на заседании Музейной секции Социологического комитета Государственного института истории искусств 20 апреля 1926 г. (Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 6. Оп. 1. Д. 219. Л. 122–123 об.) ; *Ананьев В. Г.* Изучение музейной аудитории в 1920-е гг. (по архивным материалам) // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. М. : ИВИ РАН, 2012. Вып. 41. С. 367–373.

[35] См. об этом: *Шмит Ф. И.* Музейное дело. Вопросы экспозиции. Л. : Academia, 1929.

[36] См.: СПФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 185. Л. 10–11. Ср.: *Шмит Ф. И.* Музейное дело … С. 17–51.

музейного дела. Более того, эту книгу Л. А. Мацулевич включил и в число рекомендованной к чтению по курсу литературы[37], что кажется особенно знаменательным, если вспомнить, что расстрелянный в 1937 г. Ф. И. Шмит был посмертно реабилитирован лишь в 1956 г.[38]

Как видим, материалы, связанные с преподаванием Л. А. Мацулевичем музееведения на историческом факультете Ленинградского университета в конце 1940-х – начале 1950-х гг., показывают, что, совмещая профильный (археологический) и собственно музееведческий подходы, ученый в своих взглядах не только учитывал специфику объектов материальной культуры, с которыми приходилось работать музейному сотруднику, но и осознавал их особое положение в такой сложной системе, какой является музейная экспозиция, всегда имеющая дополнительное, «антропологическое» измерение, связанное с музейными посетителями. В этом он выступал продолжателем лучших традиций отечественного музееведения 1920-х гг., во многом предугадавших «поворот к человеку», который станет характерной чертой мировой музеологии лишь в 1970-е гг. Плодотворность предлагавшегося Л. А. Мацулевичем подхода и его талант преподавателя видны хотя бы из того, что в записке «О подготовке научных кадров Л. А. Мацулевичем», составленной его вдовой, Ж. А. Мацулевич, значительное место занимает список именно тех бывших студентов ученого, которые впоследствии занялись музейной работой[39].

Данное исследование не претендует на какое-то, пусть даже промежуточное, подведение итогов заявленной темы. Необходима дальнейшая ее разработка в направлении изучения того, как теоретические взгляды ученого находили отражение в его практической работе в Эрмитаже, как они соотносились с общей традицией преподавания музееведения в высших учебных заведениях России, но, представляется, что и тот материал, который был приведен в статье, все же может несколько расширить наше представление о научных взглядах Л. А. Мацулевича и помочь приблизиться к пониманию того, какое место в научных взглядах и научной биографии выдающегося отечественного византиниста занимала наука о музеях.

SUMMARY

In the article I analyze materials attributed with the teaching of L. A. Matsulevich museum studies in the Leningrad State University. Relying on preparatory materials to the course and shorthand records of the few lectures, scientist's views on the specifity of the museum activity, peculiarity of

[37] СПФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 185. Л. 15.

[38] *Чистотинова С.* Федор Иванович Шмит. М. : Дело, 1994. С. 107.

[39] СПФ АРАН. Ф. 991. Оп. 2. Д. 28. Л. 1, 3.

the organization and functioning of museum exhibition are established. We see the relationships between the scientist's views and traditions of the Russian museology of the 1920th, which devised the problems of the special «museum language», museum exhibition as a form of a special nonverbal communication and paid a special attention to the museum visitor in the exposition sphere.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Л. А. Мацулевич, музееведение, археология, экспозиция.

KEY WORDS

L. A. Matsulevich, museum studies, archeology, exhibition.

III

П. А. ГОЛОВНИН

ДВОРЯНСКИЙ РОД ЛИХАЧЕВЫХ В ИСТОРИИ РОССИИ. К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА Н. П. ЛИХАЧЕВА

> Если у нас справедливо жалуются на слабость исторического чувства в русском обществе, то не является ли она следствием пренебрежения к своему родовому прошлому. Историческое самосознание, столь необходимое для великого народа, не придет, думается нам, до тех пор, пока не установятся духовные связи между потомками и предками. Оживить их поблекший в памяти образ, воскресить их забытые деяния и заслуги, должно было бы быть делом наиболее дальновидных умов в русском дворянстве.
>
> Я. И. Лудмер[1]

«…Неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности» — так писал А. С. Пушкин[2], обращаясь к грядущим поколениям. Знать историю своих предков, свои корни, тесно переплетенные с историей Отечества, необходимо для нравственного очищения народа и лучшего понимания действительности. После краха антигуманного режима, возвращения исторического имени городу в Санкт-Петербурге и России возродились Русское Генеалогическое Общество и Дворянское Собрание.

[1] Из письма Н. В. Смольянинову от 10 февраля 1904 г. (Семейный архив дворян Смольяниновых // Б-ка Рязан. ист. музея).

[2] *Пушкин А. С.* Гости съезжались на дачу… // *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 5. М., 1960. С. 472.

© Головнин П. А., 2013

Каждый дворянин в Российской империи был обязан состоять в Дворянском Депутатском Собрании и быть записан в Дворянскую родословную книгу по месту жительства, представлять документы о своем и семейном положении и происхождении, метрические свидетельства своих детей, жен, формулярные списки о своей службе и т. д. Юридический, социальный и политический статус дворянского сословия впервые в наиболее полном виде был кодифицирован Екатериной II в 1785 г. Жалованной грамотой дворянству. После получения дворянством грамоты от 21 апреля 1785 г. резко возрос интерес дворян к истории своих родов. С конца XVIII в. по 1917 г. историки публиковали труды по генеалогии российского дворянства[3].

Историк Н. П. Лихачев всегда интересовался своим происхождением и историей своих предков. В 1891 г. он подает прошение в Департамент герольдии, что «имеет надобность в составлении родословной росписи рода дворян Лихачевых, и просит о выдаче копий с документов, представленных в Департамент Герольдии дворянином Казанской губернии Александром Логиновичем Лихачевым и с определения по оному делу, состоявшегося 24 марта 1803 г. Александр Логинович Лихачев является одним из ближайших моих предков. Жительство имею: Казань, Георгиевская улица, дом Лихачевой. <…> 2 декабря 1891 г. в Правительствующем Сенате слушали прошение приват-доцента Императорского Казанского Университета Николая Лихачева. По справке оказалось, что по резолюции Герольдии от 24 марта 1803 г. заключено было выдать надворному советнику Александру Логиновичу Лихачеву копию с внесенного в Гербовник герба и имеется в деле истребованная из Казанского Дворянского Депутатского Собрания копия с определения сего Собрания, состоявшегося в июне 1793 г., о внесении Александра Логиновича Лихачева в 4 часть Дворянской Родословной Книги. Приказали: приняв во внимание, что проситель Николай Лихачев не представил доказательств о связи родства его с Александром Логиновичем Лихачевым, Правительствующий Сенат определяет: ходатайству его, Николаю Лихачеву отказать. 17 декабря

---

[3] *Спиридов М. Г.* Краткий опыт исторического известия о российском дворянстве, извлечен и сочинен из степенных, статейных, чиновных и других разных российских исторических книг, с показанием родоначальников некоторых, в родословной, Бархатной называемой, книге показанных родов. СПб., 1804 ; Российская родословная книга, изданная князем Петром Долгоруковым. СПб., 1854–1857. Ч. 1–4 ; *Лобанов-Ростовский А. Б.*, кн. Русская родословная книга. 1873–1875. Т. 1–2 ; *Руммель В. В.*, *Голубцов В. В*. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1886–1887. Т. 1–2 ; *Бобринский А. А.*, гр. Дворянские роды, внесенные в Общий Гербовник Всероссийской Империи. СПб., 1890 ; *Савелов Л. М.* Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию российского дворянства. СПб., 1898 ; 1904 ; *Дурасов В.* Родословная книга Всероссийскаго дворянства. СПб., 1906.

1891 г.»[4]. В 1913 г. Н. П. Лихачев опубликовал свою работу по генеалогии дворянского рода Лихачевых[5]. Генеалог М. Г. Спиридов отмечает, что родоначальником дворянского рода Лихачевых, является Франсбек: «Франсбек показан сыном Флорентийского владетеля, он выехал в 1264 г. из Флоренции в Польшу во время завоевания Датским Королем княжества Флорентийского. Польский Король женил его на княжне Корецкой и дал ему во владение всю Подолию. От него пошли через потомков его роды Франсбековых, Лихачевых, Кожиных, Колюбакиных и Краевских. О роде Лихачевых показано, что он в Польше прозывался Олегом Олеговичем Лиховским. Потомок Франсбека, выехал из Польши в Новгород служить Великому Князю Василию Александровичу и по выезде принял закон греческого вероисповедания, назван Андреем и прозванием "Лихач". Великий Князь пожаловал ему во владение город Старую Рузу»[6].

Документально род Лихачевых известен в России с конца XV в., когда Алексей «Лихач» был испомещен в Новгороде после его присоединения к Москве. Его сыновья: Дмитрий «Дружина», Матвей «Кошка» и Никита — положили начало трем ветвям рода Лихачевых, из которых первая и третья пресеклись, а вторая продолжается и поныне. Андрей Кириллович «посылался на сборы денег в Бежецкую пятину в "Московское число" за зелье на случай Казанского похода в 1564 г.»[7]. Терентий Григорьевич Лихачев, дьяк Галицкой чети Пушечного приказа, состоял «при наряде» во время осады Пскова Стефаном Баторием в 1582 г., участвовал в переговорах при заключении перемирия со шведами при реке Сестре в 1575 г. Внук Терентия Лихачева — Василий — дипломат, стольник, царский воевода в Цивильске в 1641 г., посланник к великому герцогу Тосканскому Фердинанду II, составил статейный список о путешествии. Федор Федорович Лихачев (†1653) начал службу при царе Федоре Иоанновиче, служил в Казенном и Поместном приказах Народного ополчения (1611–1612), был воеводою в Казани в 1614 г., участвовал в избрании Михаила Федоровича на царство, в 1626 г. возглавлял Посольский приказ, принял монашеский постриг под именем Филарета. Дочь Федора Федоровича Лихачева — Прасковья Федоровна в 1643 г. вышла замуж за князя Ивана Семеновича Прозоровского (1613–1670) и через своих внуков явилась родоначальницей графской линии Шереметевых и московской ветви князей Голицыных. К старшему ответвлению средней ветви Лихачевых

---

[4] РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Д. 2458 (О дворянском роде Лихачевых, 1891). Л. 12–14.

[5] *Лихачев Н. П.* Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки. СПб., 1913.

[6] *Спиридов М. Г.* Записки старинным службам русских благородных родов, извлеченные и собранные из разрядных, статейных, чиновных, летописных, некоторых родословных и других книг. 1820. Т. 8. С. 114.

[7] Там же.

принадлежал Алексей Тимофеевич (1636–1729) и Михаил Тимофеевич (†1706), который служил при дворе ключником, был учителем царевича Алексея Алексеевича и будущего царя Федора Алексеевича, при Петре I ведал Приказом рудокопных дел, думный дворянин, с 1691 г. — судья Оружейной палаты и Приказа Большой казны. Петр Гаврилович Лихачев (1758–1813) — военачальник, герой Отечественной войны 1812 г., участник Закубанского похода А. В. Суворова 1783 г. и Русско-шведской войны 1788–1790 гг. В 1797 г. он лично сформировал 17-й Егерский полк, во главе которого свыше 10 лет прослужил на Кавказе, участвуя в боях с горцами. Во главе 24-й пехотной дивизии участвовал в войне 1812 г., отличился при обороне Смоленска и в Бородинском сражении, прикованный болезнью к походному креслу, руководил курганной батареей в переднем ряду и бросился на врага, ворвавшегося на батарею, с обнаженной шпагой. Исколотый штыками, он был захвачен в плен и предъявлен Наполеону, который в знак уважения подал ему его шпагу. Однако Петр Гаврилович отказался принять ее из рук неприятеля, скончался от ран в Кёнигсберге. Казанская ветвь ведет начало от Ивана Евстигнеевича Лихачева, секунд-майора. Его сын Логгин Иванович Лихачев (†1760), сержант лейб-гвардии Семеновского полка, позже стал полковником Казанского гарнизона Свияжского пехотного полка. Именно он был первым владельцем имения Полянки Спасского уезда Казанской губернии, приобретя его в 1745 г. на имя своей жены, Марии Яковлевны Новосильцевой. Сын его, Александр Логинович (1752–1814), унаследовал Полянки, поселился здесь после выхода в отставку в 1773 г. Через девять лет вновь поступил на службу, был депутатом в Казанском Дворянском Депутатском Собрании, директором главного народного училища. Позднее стал предводителем дворянства Мамадышского уезда, дослужился до чина надворного советника, был страстным библиофилом и нумизматом. Александр Лихачев был женат с 6 ноября 1770 г. на Елизавете Семеновне Кисловской (1756–1812). Наследовал Полянки его сын Семен Александрович, служивший в лейб-гвардии Кирасирском полку и живший в основном в Санкт-Петербурге. За короткий срок управления он полностью разорил имение, оставив большие долги. Поэтому его сын Федор Семенович (1796–1835), чья служба началась в лейб-гвардии Кавалергардском полку, вынужден был выйти в отставку и жил в Полянках, став предводителем дворянства Спасского уезда. Федор Семенович собирал раритеты: древнее оружие, чубуки, трубки всевозможных видов, составил описание Спасского уезда с планом дворянских имений. Далее владельцем Полянок стал младший из братьев — Петр Федорович Лихачев (1833–1904), в свою очередь передавший имение Ивану Петровичу Лихачеву (1865–?), которому было суждено стать последним владельцем Полянок. В 1920 г., покидая разоренный дом (в нем была открыта столярная мастерская и школа колхозной молодежи), он сдал на хранение в Казанский городской музей

25 картин и четыре китайские вазы. После раздела наследства покинул Полянки Андрей Федорович (1832–1890), целиком посвятивший свою жизнь науке и собирательству. Ниже представлено родословное древо казанской ветви дворянского рода Лихачевых[8].

Родословная дворянского рода Лихачевых

Алексей (Андрей) «Лихач» выехал из Польши в Новгород служить великому князю Василию Александровичу и по выезде принял закон греческого вероисповедания, назван Андреем и прозванием «Лихач».

Матвей «Кошка»

Афанасий

Юрий (†1544); потомство второго сына «Лихача» — Матвея «Кошки» к XVI в. оказалось в Бежецкой пятине. В Писцовой книге 1545 г. в Петровском, Тихвинском погостах значатся помещики, дети боярские Южко и Михалец Афанасьевы, внуки Матвея «Кошки». В 1544 г. Юрий Афанасьевич скончался, оставив жену Фетинью и сына Еремея, за которым поместье отца и было справлено.

Василий «Муха» Еремей (1526–?)

Потомство третьего сына Юрия Афанасьевича — Василия «Мухи» «служило по Холму и Торопцу, где имело поместья».

Карп «Ворошило» (†1595) — новик, числился в Холмском уезде с окладом в 200 четвертей, по Торопецкой десятине 7114 (1606) г.

---

[8] Лихачевы // Русская родословная книга. СПб. : Изд. «Русской старины», 1873. С. 212–217 ; РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Д. 2454 (О дворянстве рода Лихачевых, 1848) ; СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 3 (Материалы по роду Лихачевых) ; РГА ВМФ. Ф. 16. Оп. 1 (Материалы по роду Лихачевых) ; Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи. 1836–1840. Ч. 6. С. 16 ; *Ключевская Е. Н.* Лихачевы, история рода, история коллекций // Завещано Казани… : Произведения изобразительного искусства из собрания А. Ф. Лихачева. СПб., 2009. С. 10–25 ; Российская родословная книга, изданная князем Петром Долгоруковым. СПб., 1854. Ч. 2 ; Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. Т. VI : Писцовая книга Бежецкой пятины. СПб., 1901. С. 252–253 ; Лихачевы // *Рындин И. Ж.* Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 10 : Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Вып. 5 : Лавровы — Мясоедовы. Рязань, 2010. С. 63–68 ; *Головнин П. А.* Родственные связи дворянского рода Головниных с семьей Лихачевых // ВИД. СПб., 2005. Т. 29. С. 264–271 ; *Лукоянов И. В., Чиркова А. В.* Мастера российской историографии: Н. П. Лихачев // Исторический архив. М., 2012. № 5. С. 112–116 ; «Звучат лишь письмена…» : К 150-летию со дня рождения академика Н. П. Лихачева : каталог выставки. СПб., 2012.

Фаддей (Фадей)

Григорий (†1661), «этот оклад» сохранил сын его Григорий Фаддеевич по Торопецкой десятине 7157 (1649) г. и 7161 (1653) г. В 1661 г. на «государевой службе под Кушниковыми Горами в бою Григория убили польские люди».

Евстигней (Евсигней) Василий

По десятине 1665–1666 гг. городовой дворянин Василий Григорьев и недоросль Евстигней служили ревностно и дослужились до московского дворянства. В «Боярских книгах» 1692 и 1696 гг. все три брата и сын Евстигнея — Иван значатся дворянами московскими, а Иван Евстигнеевич показан стольником. В «Записных книгах» (№ 21 и 24) найдено указание на то, что Василий Григорьевич был воеводою в Острове, а Евстигней Григорьевич в Изборске.

Иван Евстигнеевич (1671–?) стал родоначальником существующих Лихачевых, помещик, стольник и завоеводчик, был в походе боярина А. С. Шеина к Азову в 1686 г. В службу вступил в 1692 г., в 1722 г. — ротмистр, в 1744 г. — капитан, в 1752 г. 18 апреля в завещании показан секунд-майором. Иван Евстигнеевич был женат дважды: на Мелании Федоровне Зеленой и на Ирине Афанасьевне N.

Логгин (Логин) (†1761) в 1745 г. женился на Марье Яковлевне Новосильцевой, служил сержантом лейб-гвардии Семеновского полка. 3 апреля 1756 г. Логин Лихачев уже подполковник Казанского гарнизона Свияжского полка и имеет имение Полянки-Никольское.

Александр (1752 (1754?)–1814); в послужном списке Александра Логиновича Лихачева за 1803 г. показано: «…51 год, женат и имеет сына Семена 29 лет и дочь Марию 30 лет, в отставке поручиком. Записан в лейб-гвардии Семеновский полк рядовым в 1761 г., каптенармус в 1771 г., 1 января 1773 г. уволился подпоручиком. Женат с 6 ноября 1770 г. на Елизавете Семеновне Кисловской (7.12.1756–1812)». Александр Логинович был масоном Казанской ложи «Восходящее солнце». С 1782 по 1785 г. находился «по выбору» от дворян в Казанском Верхнем земском суде заседателем, с 1787 по 1803 г. был в Казанском Дворянском Собрании депутатом и участвовал в составлении Родословной книги, с 1798 по 1804 г. — директор главного народного училища, 9 апреля 1800 г. произведен в надворные советники, а в 1807 г. был избран предводителем дворянства Мамадышского уезда. Последние годы Александр Логинович провел в деревне Кошкаре, где и скончался 7 марта 1814 г. А. Л. Лихачев обращается в Департамент герольдии: «Всепресветлевший, Державнейший, Великий Государь, Павел Петрович, Самодержец Всероссийский и прочая, прочая, прочая. Просит надворный советник Александр Логинов сын Лихачев. Прошлого 1793 года июня 27 дня по данным в Казанское Дворянское

Депутатское Собрание о дворянстве моем и доказательствам, утвержден я с родом моим в дворянстве и внесен в Дворянскую Родословную Книгу в 4 часть. Указом Правительствующего Сената от 27 июля 1797 года велено представлять фамилии каждого дворянина с употребляемым в роде Гербом, изобразя его красками с подробным описанием, что он в себе содержит, по какому праву и случаю присвоен. Требуется, чтобы дворянский предводитель и два чиновника или знатные дворяне засвидетельствовали, что представляемый герб тою фамилиею точно издавна употреблялся и употребляется». В деле находится и описание польского герба Олега Лиховского: «В лето 6934 года в княжение благоверного Великого князя Василия Васильевича Всея Руси выехал из Польши в Московское Государство к нему Великому князю служить шляхтич православной веры Алексей званием Олег Богуславович Лиховский, а по выезде своем зван был Лихач и от него пошли Лихачевы»[9].

Герб Лиховских Ясенчик имеет в себе: «…ключ золотой в поле блакитном над короною пять пер страусовых. Свидетельствует о том гербе в Государственном Посольском Приказе книга печатная на латинском языке Герба который нарицается латинским языком Орбус Полонус творения Симона Окольского печатная в Кракове в лето от Рождества Христова 1641 года. И летописец Мартин Бельский в своей хронике на листе 140 герб Ясенчик вспоминает. И Папроцкий в книге своей нарицаемой Гнездоцносты на польском языке на листе 95 о том гербе Ясенчик пишет пространно, а начало ему пишет, что при первом Казимире Короле Польском был некто Ясенек муж великий иже от детства воспитательные ему службы показал и тому Ясенеку тот герб дан от того Казимира Короля на знак верныя его службы в лето 1098-е. И от того начал тот Герб нарицаться Ясенчик, а от того Ясенека пошли и того герба употребляем мы Лихачевы, что по выезду прародителя наши звались Лиховские, Краевские и иные роды, которые пошли от того прародителя нашего Ясенека о которых родах и о честях свидетельствуют вышеописанные книги и ныне той нашей фамилии и роду нашего стольник Назарей Михайлов сын Краевский здешними и сродственниками своими служат в Смоленску. А как Алексей Олег выехал в Московское Государство и ему даны поместья и вотчины в Новгородском уезде в Деревской пятине в Локоцком погосте деревня Радомица, да деревня Туганицы, да в Ситенском погосте деревню Шиловицу с деревнями, всего 38 деревень. Надворный советник Александр Логинов сын Лихачев руку приложил»[10]. Герб Ясенчик внесен в часть 2 Гербовника дворянских родов царства Польского (С. 141).

---

[9] РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Д. 2457 (О внесении герба рода Лихачевых в Гербовник, 1861). Л. 9.

[10] СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 4. Д. 8. Л. 4.

Герб Ясенчик

Герб рода Лихачевых

Описание герба рода Лихачевых: «Щит разделен надвое, в верхней половине в правом красном поле изображены золотые: ключ и сверло. В левом серебряном поле крестообразно положены две стрелы и копье. В нижней голубаго цвета половине означены золотые две трубы, посредине их охотничий рог и возле онаго серебряный зуб вепря. Щит увенчан дворянским шлемом и короною строусовыми перьями. Намет на щите голубый и красный, подложенный золотом».

Семен (1774–1821) служил в Кирасирском Его Императорского Величества полку и 14 февраля 1801 г. отставлен с чином подпоручика. Участвовал в ополчении 1812 г. и за ревностную и усердную службу получил аттестат. Жил в Петербурге и в имении Полянки. 18 мая 1821 г. в Полянках скончался и был похоронен рядом с супругой Прасковьей Ивановой Осокиной.

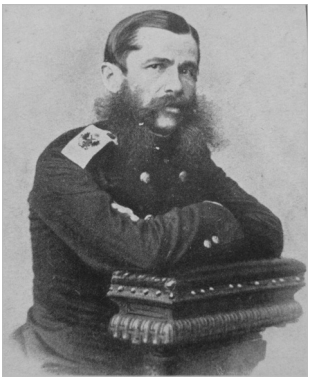
Федор (1797–1835) дослужился до ротмистра и был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени и женился на сестре поэта и литератора Владимира Ивановича Панаева — Глафире Ивановне (1794–1880). Дворянство избрало его предводителем дворянства Спасского уезда, а Правительствующий Сенат указом от 18 апреля 1848 г. за № 1453 утверждает определение Собрания о внесении сына Федора Лихачева — Петра в часть 2 Дворянской родословной книги. Федор Семенович скончался 14 октября 1835 г.

Петр **Иван** **Андрей**

Петр Федорович (27.06.1833 (1837)–20.02.1904**)** служил в лейб-гвардии Кирасирском Ее Величества полку и вышел в отставку штаб-ротмистром. Всю жизнь прожил в имении Полянки и был женат на Клавдии Петровне Андреевой.

Иван Федорович (1826–1907) — вице-адмирал, боевой офицер, участник Амурской экспедиции Г. И. Невельского, флаг-офицер вице-адмирала В. А. Корнилова в Крымской войне, командующий первой русской броненосной эскадрой на Балтийском море, морской атташе в Лондоне и Париже, ученый, автор многих научных статей о флоте, археолог и лингвист.

Главное дело жизни И. Ф. Лихачева было связано с развитием морских сил России на Дальнем Востоке. Здесь раскрылся его талант администратора и морского деятеля. Под руководством Лихачева был основан пост в заливе Посьет, строился Владивосток, начаты гидрографические работы в заливе Петра Великого и Корейском проливе. Иван Федорович стал организатором, а затем возглавил первую самостоятельную эскадру на Тихом океане.



Вице-адмирал И. Ф. Лихачев

Его именем были названы мыс в бухте Тунгус на побережье залива Петра Великого, мыс в бухте Провидения и пролив между островом Спафарьева и материком в Тауйской губе. 10 марта 1858 г. Иван Федорович Лихачев стал адъютантом генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича (1827–1892). В 1859 г. он подал генерал-адмиралу «Записку о состоянии русского флота», в которой доказывал о необходимости образования в морях Дальнего Востока самостоятельной эскадры. Лихачев полагал, что англичане и французы могут захватить побережье Приморского края с Владивостоком и заливом Посьета. В России же по этому вопросу о землях южнее Амура только велись переговоры между Санкт-Петербургом и Иркутском — резиденцией генерал-губернатора Восточной Сибири графа Муравьева-Амурского. В начале 1860 г. в Особом комитете под председательством Александра II решено было в помощь русскому посланнику в Китае Н. П. Игнатьеву собрать в китайских водах эскадру под командованием И. Ф. Лихачева. 11 апреля 1860 г. транспорт «Японец» прибыл в Новгородскую гавань залива Посьета. Лихачев высадил на берег военную команду во главе с лейтенантом П. Н. Назимовым и предписал, что «в случае появления иностранных судов, поднимать русский флаг и объяснять их командирам, что бухта и залив являются собственностью России». Великий князь Константин Николаевич, узнав о происшедшем, написал Ивану Федоровичу: «...ты совершенный молодец, и я обнимаю Тебя мысленно от всей души! Все письма твои я давал читать Государю, и он в высшей степени доволен твоей распорядительностью и находчивостью...» Внезапное появление в водах Китая эскадры Лихачева произвело должное впечатление на министров Богдыхана, и 2 ноября 1860 г. был заключен Пекинский договор, по которому не разграниченная ранее территория отходила к России, было окончательно закреплено ее право на Амур и Уссурийский край. И. Ф. Лихачеву в 35 лет был присвоен чин контр-адмирала и вручен орден Св. Владимира 3-й степени. Высочайший указ Александра II от 12 июня 1861 г. гласил: «Во внимание к чрезвычайно полезным трудам эскадры Китайского моря и отличной точности, с которой были выполнены ею предначертания, послужившие к заключению трактата с Китаем, Государь Император изъявил свое монаршее благоволение начальнику эскадры и всем командира». Внимание контр-адмирала Лихачева привлек остров Цусима. Он полагал, что если устроить на нем базу, то он приобретет важное стратегическое значение для дальнейшего развития морских сил России на Тихом океане. 1 марта 1861 г. корвет «Посадник» под командою капитан-лейтенанта Н. А. Бирилева вошел в одну из бухт Цусимского залива и высадил военный отряд. Были заложены небольшая пристань, больница, баня, казарма. Морской министр Краббе докладывает генерал-адмиралу: «Представляя Вашему Императорскому Высочеству только что полученные донесения контр-адмирала Лихачева, заключающие весьма любопытные известия

о занятии им местности на о. Тсу-сима и предположения о дальнейшем развитии этой новой морской станции. Считаю долгом своим выразить Вашему Высочеству что, по личному моему мнению, необходима крайняя осмотрительность и осторожность в следовании по пути, указываемому флагманом нашим в водах Тихого океана. В этом смысле должно бы, как мне кажется, быть испрошено согласие Правительства Тайкуна, если согласие это, как пишет Лихачев, необходимо для упрочения пользования нами вновь занятым пунктом. Замыслы Лихачева могут вовлечь нас в затруднения. Продолжение дробления, и без того раздробленных обширностью нашего Отечества, военных средств и сил наших послужит дальнейшим нарушением военной заповеди Наполеона, заключающей простую истину, что все искусство войны состоит в том, чтобы уметь быть сильнейшим в данном пункте. 14 августа 1861 г.». Морской министр Краббе отвечает Лихачеву: «Докладную записку Вашу об острове Тсусима, я читал Государю Императору. Его Величество оценил важность его столь ясно Вами изложенную и вполне разделяет Ваше мнение. Сколь было бы для нас желательно встать на нем твердой ногой. Но имея в виду главнейшую необходимость о сохранении доброго согласия с Японским государством, Его Величеству не угодно, чтоб из сего был поднят дипломатический вопрос, и посему ведение этого дела поручается лично Вам по званию Начальника морских сил наших, соединенных теперь в сих отдаленных местах. Вполне надеясь на Вашу осторожность и Ваше благоразумие, Вам же представляется решение Вами же составленной задачи. Государь Император полагает, что будет весьма достаточным результатом, если нам удастся добыть себе право устроить на о. Тсусима заведение, подобное тому, какое создано нами в Виллафранке. Феодальное устройство Нипонской Империи, может быть, поможет в сем деле, в том смысле, что Вам удастся ограничиться полюбовною сделкою с местным Князем или владетелем без сношений с Центральным Правительством. Вообще все Ваши переговоры отнюдь не должны принимать дипломатической формы, а должны быть ведены на первый раз в виде частной сделки нашей эскадры с местными властями. Повторяю, что в этом Его Величество вполне надеется на Вашу опытность и благоразумие»[11].

23 декабря 1861 г. состоялось заседание в Особом комитете по освоению острова Цусимы и организации на нем базы для русских крейсеров. Особый комитет «рассмотрел полученные из Японии бумаги: донесения консула, письмо Тайкуна к Его Величеству, две бумаги Японского Правительства к Министерству Иностранных Дел и извлечения из переписки командиров судов наших в Тихом океане относительно о. Цусима, доставленной в Азиатский Департамент бывшим начальником эскадры

[11] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 1131. Л. 23–24.

Нашей контр-адмиралом Лихачевым. Комитет занимался обсуждением следующих вопросов: 1 — по положению на острове Цу-сима. Корвет “Посадник” в феврале 1861 г. стал на Цу-симский рейд для исправления повреждений, командир судна, флигель-адъютант Бирилев, приступил к составлению описи острова при содействии местных властей. Вошел в сношения с высшими чиновниками Князя, владеющего островом Цу-сима, о снабжении корвета всем нужным и беспрепятственным производством описи и снятии карт и об отведении для русских избранного нашими моряками места для постройки рабочего сарая, казармы, госпиталя, бани и прочее. Японцы согласились на все требования Бирилева. Строения были возведены в бухте Иммосаки, материалы и рабочие из туземцев доставлялись по распоряжению чиновников. Между тем, внимание англичан возбуждено было продолжительным пребыванием нашего корвета в порте, который они осматривали еще за год перед этим; два раза английские суда приходили на Цу-симский рейд, а в августе прибыл Начальник английской эскадры адмирал Гоп, вступил в переписку с Бирилевым и затем отправился в наши гавани в Приморском крае для свидания с Лихачевым. Не встретившись с ним, адмирал Гоп объяснялся письмами с Лихачевым по поводу стоянки нашего корвета “Посадник” на о. Цу-сима. В это время суда наши (корвет и клипер) были отозваны контр-адмиралом Лихачевым для отстранения дипломатического вопроса. Перед уходом клипера “Опричник” строения, возведенные нами на берегу, были сданы японцам, и княжеский губернатор острова прислал письменное удостоверение, что все постройки и запасы, оставляемые нами в Иммосаки, будут сохраняться в целости. Между тем, англичане старались всячески возбудить опасения Центрального Японского правительства в Эдо. Во время стоянки корвета “Посадник” в Цу-сима приходили несколько раз японские военные суда, и был прислан Военный губернатор Нагасакский для переговоров с командиром корвета. Дружеские сношения между нами и японцами не были прерваны, хотя Хакодатский губернатор и выставлял неоднократно нашему консулу Гошкевичу незаконность пребывания нашего в Цу-сима.

Наконец губернатор объявил Гошкевичу, что прислан из Эдо формальный протест по поводу сего обстоятельства, но так как судно наше уже отозвано, то он не передает этот протест нашему консулу, а возвращает в Эдо. Тем не менее, дубликат протеста дошел ныне до Петербурга, вероятно чрез посредство англичан[12]. <…> 2 — по делу острова Сахалин. Губернатор Хакодатский говорил нашему консулу, что если бы Япония и согласилась на наши предложения — уступить России весь Сахалин, то другие державы не допустят этого. Японцы настаивают на проведение граничной линии по 50° северной широты. 3 — Японское Правительство

[12] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 1131. Л. 29–30.

желает отложить на 7 лет открытие порта Хиого и городов Эдо и Осака и назначение порта на южном берегу острова Нипона. Государю Императору благоугодно было выслушать следующие предположения: оставить дело в том положении, в котором оно теперь находится, т. е. довольствоваться сохранением в консульстве в Хакодате расписок, выданных японцами в принятии на свое сохранение наших построек на о. Цу-сима. В ответ на протест Японского правительства Министерству Иностранных Дел объяснить, что мы полагаем, что бумага эта дошла до Петербурга единственно по недоразумению, т. к. Хакодатский губернатор сам признал ее не имеющей уже более значения и не передал ее консулу нашему Гошкевичу. На будущее время судам нашей эскадры в Тихом океане разрешить заходить на Цу-симский рейд, но оставаться там кратковременно, поддерживая дружеские сношения с жителями и отвечая, в случае запроса иностранных судов, что заходили только чиниться в бухту Иммосаки, на том же основании, как и во всякий другой порт на Японских берегах. Начальству нашей эскадры следует наблюдать за действиями англичан, в случае, если бы они устроили станцию на о. Цу-сима и поставляя нас о том в известность и консула Гошкевича. По важности значения для нас о. Сахалин, желательно бы уговорить Японское Правительство уступить нам весь остров, а для того не мешало бы попытаться предложить японцам взять принадлежащий нам остров Уруп, ближайший к японским владениям, взамен южной части Сахалина. В самом крайнем случае мы можем согласиться на проведение граничной линии по 49° северной широты. Консула Гошкевича снабдить инструкциею, поставив ему в обязанность по прежнему уклоняться от вопроса о разграничении, но ежели сами японцы снова заведут речь о разграничении Сахалина, то отвечать, что так как Посольство Японское, отправляющееся в Европу, будет в Петербурге, то всего удобнее было бы кончить вопрос этот здесь. Гошкевичу надо будет объяснить японцам, что переговоры относительно разграничения острова могут быть ведены только ближайшим главным местным начальником, военным Губернатором Приморской области. Контр-адмирала Казакевича снабдить на этот случай полномочием и инструкциею. Консулу нашему предписать следить внимательно за заселением японцев на южной части Сахалина и не упустить поставить на вид Хакодатскому губернатору и Японскому Правительству, при первом удобном случае, что японцы не имеют права самовольно заселять часть острова, находящегося пока еще в общем владении России и Японии. Генерал-Адмирал изволил выразить мнение о необходимости учреждения в Эдо постоянной дипломатической миссии, обратив на содержание ее часть суммы, отпускаемой Морским Ведомством на Хакодатское консульство, а именно содержание морского офицера при консульстве 3000 рублей в год и половину суммы, отпускаемой на больницу 2000 рублей, что составит всего 5000 рублей. Постановили, что всего удобнее решение этого вопроса по прибытии Японского посольства.

Подписали: Константин, князь А. Горчаков, граф Е. Путятин, Александр Княжевич, Дмитрий Милютин, генерал-лейтенант Ковалевский»[13].

Вице-адмирал И. Ф. Лихачев последний год своей жизни провел во Франции. Русский военно-морской агент 1/14 декабря 1907 г. докладывает начальству: «…в Париже скончался отставной вице-адмирал Лихачев. По завещанию покойный адмирала оставил свою библиотеку в несколько тысяч томов в дар Морскому Корпусу. Насколько мне известно, адмирал еще при жизни поверг свой дар на Высочайшее благоволение и был тогда же пожалован Высочайшею Государя Императора благодарностью. Наследники адмирала просят меня принять библиотеку для отправления в Корпус. Имею честь представить на усмотрение Вашего Превосходительства возможность отправить ее на крейсере “Адмирал Макаров” и ходатайство мое о командировании офицера с этого крейсера из Парижа в Тулон для разбора книг, составления описей и приема от наследников. Капитан-лейтенант Погуляев. Морской Министр приказал сообщить в Главный Морской Штаб, чтобы командировать офицера с крейсера “Макаров” в Париж для приема библиотеки от наследников адмирала Лихачева и составления каталога. Библиотеку доставить в Россию на крейсере “Макаров”. Контр-адмирал 8 декабря».

Вице-адмирал И. Ф. Лихачев в 1891 г. пожертвовал Казани 30 000 рублей на приобретение оставшегося после смерти его брата А. Ф. Лихачева музея. На своем заседании Казанская городская дума постановила: «Принять означенное пожертвование и ходатайствовать пред Правительством: 1 — о присвоении сказанному музею имени А. Ф. Лихачева; 2 — о предоставлении его для публики и о разрешении поместить портрет покойного в особо устроенном отделении его личных работ, рукописей и библиотеки. Независимо от сего, избрав единогласно, посредством закрытой баллотировки, жертвователя вице-адмирала И. Ф. Лихачева почетным гражданином г. Казани. Выразить благодарность вдове покойного А. Ф. Лихачева — Р. И. Лихачевой за уступку музея городу. Память покойного основателя музея почтить панихидой; ходатайствовать пред Высшим Правительством о присвоении музею имени А. Ф. Лихачева, о предоставлении его для публики и о разрешении поместить портрет покойного в особо устроенном отделении его личных работ, рукописей и библиотеки.

Казанская Дума постановила: для управления музеем избрать особое попечительство под председательством Городского Головы, в составе 4-х лиц, избрать И. Ф. Лихачева почетным попечителем, ходатайствовать пред Правительством об утверждении вице-адмирала И. Ф. Лихачева в звании почетного гражданина г. Казани, коллекции музея А. Ф. Лихачева поместить особым отделом в помещении научно-промышленного музея в здании Гостиного двора»[14].

---

[13] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 1131. Л. 52–56.

[14] РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 325. Л. 544–545.

Андрей Федорович (1832–1890), известный коллекционер и собиратель древностей и картин, был женат на Раисе Ивановне Трофимовой. Портрет Андрея Федоровича написал художник-любитель А. Е. Семенов, владелец живописной мастерской в Казани с 1880 г.

В таблице представлена родословная дворянского рода Лихачевых.

Генеалогическое древо дворянского рода Лихачевых и Головниных

Алексей «Лихач», XV в.		**Никита «Головня», XIV в.**
Матвей «Кошка»		│
Афанасий		│
Юрий		│
Василий «Муха»		Иван Головнин
Карп «Ворошило»		Иван большой Головнин
Фаддей		Тарас Головнин († до 1594)
Григорий Лихачев		Игнат (†1652)
Евсигней		Петр большой Головнин ж. Е. П. Головнина
Иван ж. Мелания Зеленая		Иван Головнин
Логин (Логгин) ж. Мария Яковлевна Новосильцева		Кирилл (1676–1742) ж. К. И. Пущина
	┌──────┴──────┐	
Александр жена Е. С. Кисловская	Василий Головнин ж. Пелагея Чеботаева	Григорий Головнин (1719–1798) ж. Надежда Петровна N
Семен ж. П. И. Осокина	Михаил Головнин (†1785) ж. А. И. Вердеревская	Вукол Головнин (1773–1846) ж. Е. В. Вердеревская

Федор ж. Г. И. Панаева		**Василий Головнин** (1776–1831), вице-адмирал ж. Е. С. Лутковская	Дмитрий Головнин (1807–1876) ж. кн. С. П. Мещерская
Иван	**Петр** ж. К. П. Андреева	Александр (1821–1886)	Сергей (1848–1921) ж. Е. К. Смольянинова
Николай Лихачев (1862–1936), историк ж. **Наталья Геннадиевна Карпова**		**Борис** Головнин ж. **К. Г. Карпова**	**Петр** Головнин (1880–1918) ж. Л. П. Некрасова (1882–1954)
			Андрей Головнин (1909–1980) ж. З. Н. Преображенская (1914–2012)
			Петр Головнин (род. 1950)

Николай Петрович Лихачев (1862–1936)

Н. П. Лихачев занимался и хозяйственными делами своего имения Полянки, с братьями он составляет следующий договор: «1908 года июня 8 дня, мы нижеподписавшиеся, братья, потомственные дворяне Николай Петрович и Иван Петрович Лихачевы заключили настоящий договор в следующем: я, Николай Петрович уступаю брату моему Ивану Петровичу принадлежащую мне по наследству 1/3 часть недвижимого и движимого имущества, находящегося при селе Полянки-Никольское, Трех-Озерской волости Спасского уезда Казанской губернии, составлявшее в настоящее время нераздельное владение наше с матерью нашей Клавдией Петровной, братом Сергеем Петровичем и сестрами Варварой Петровной Лихачевой и Марией Петровной Казиной, урожденной Лихачевой, за 35 тысяч рублей, а я Иван Петрович покупаю означенную часть имущества у брата Николая Петровича, при чем в счет условленной суммы передаю ему все процентные бумаги какие только получатся на мою долю из наследства дяди нашего Ивана Федоровича Лихачева, по курсу

каковой будет в день получения мною этих бумаг из наследства. Если же таковых процентных бумаг окажется мало на покрытие 35 тысяч, я выдаю Николаю Петровичу закладную на имение в размере недостающей суммы. Уплату денег по закладной я обязуюсь произвести в продолжение 3-х лет, со дня совершения раздельного акта, при чем проценты уплачиваю я только за последний третий год в размере 5 %. Сумма 35 тысяч рублей должна быть изменена лишь только в том случае, если мать и сестры не откажутся от владения своими долями, каковых мы оцениваем в 9 тысяч 292 рубля 50 копеек, каковые и должны быть вычтены из условленной продажной суммы в 35 тысяч рублей. Все долги, лежащие на имении кроме долга дяди Павлу Андрееву, я беру Иван Петрович на себя. Договор заключил потомственный дворянин Николай Петрович Лихачев. Договор заключил потомственный дворянин Иван Петрович Лихачев»[15].

Академик Н. П. Лихачев был женат на племяннице знаменитого русского фабриканта и мецената Саввы Тимофеевича Морозова — Наталье Геннадиевне Карповой (1871–1960). Накануне свадьбы были разосланы приглашения: «Н. П. Лихачев имеет честь известить, что бракосочетание его с девицей Натальей Геннадиевной Карповой состоится 31 января 1894 г. в Москве в церкви Иверской Божией Матери, что на Большой Ордынке».

Н. П. Лихачев

Н. Г. Лихачева (Карпова)

[15] СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 3. Д. 221. Л. 17–19.

Карпов Геннадий Федорович (1839–1890), доктор русской истории, был сыном смотрителя Углицкого народного училища, учился в Борисоглебском духовном училище, Ростовском уездном училище и Ярославской гимназии. Окончив гимназию в 1855 г., поступил в Демидовский лицей, но через два года оставил его и, не имея никаких средств, пешком пришел в Москву и поступил на юридический факультет Университета. Геннадий Федорович в 1861 г. окончил курс и, по рекомендации С. М. Соловьева, был назначен репетитором в Александровское военное училище; вместе с тем он был причислен к Университету для приготовления к профессорскому званию. В 1871 г. он оставил службу в Харьковском университете и переселился в Москву. 15 октября 1866 г. он был избран членом Императорского общества истории и древностей, 6 мая 1873 г. — членом Археографической комиссии, 17 марта 1880 г. — членом Императорского Русского исторического общества. После смерти Г. Ф. Карпова его вдова, Анна Тимофеевна Карпова (Морозова), внесла в Общество истории и древностей 11 500 рублей с тем, чтобы ежегодно проценты с этих денег выдавались в виде премии за ученые исследования в области русской истории[16]. «21 июня 1900 г., по указу Его Императорского Величества, Правительствующий Сенат слушал прошение вдовы действительного статского советника Анны Тимофеевны Карповой о выдаче ей грамоты на дворянское достоинство. По справке оказалось, что определением Правительствующего Сената 4 сентября 1878 г. утверждено постановление Московского Дворянского Депутатского Собрания 15 июля 1878 г. о внесении в 3 часть Дворянской Родословной Книги коллежского советника Г. Ф. Карпова с женою Анною Тимофеевною и их детьми: Тимофеем, Федором, Александром, Николаем, Еленою, Анною, Наталиею, Алевтиною; по Всемилостивейше пожалованному ему 1 января 1878 г. ордену Св. Владимира 4 степени, о чем тому Собранию дано знать указом 25 сентября 1878 г. Приказали: выдать вдове д. ст. с. Г. Ф. Карпова Анне Тимофеевне Карповой диплом на дворянское достоинство и для объявления о сем, просительнице, проживающей в Москве, Пятницкой части, по Большой Ходынке, в своем доме.

28 августа 1900 г. в Собрание Гербового Отделения при Департаменте Герольдии прибыли до полуночи господа члены: д. ст. с. Михаил Васильевич Лоренц, д. ст. с. Александр Платонович Барсуков. Слушали: внесенный Управляющим Гербовым Отделением проект герба рода дворян Карповых, составленный вследствие предписания Герольдмейстера от 13 июля 1900 г. Приказали: проект герба утвердить и представить Герольдмейстеру для дачи дальнейшего хода. А. Барсуков»[17].

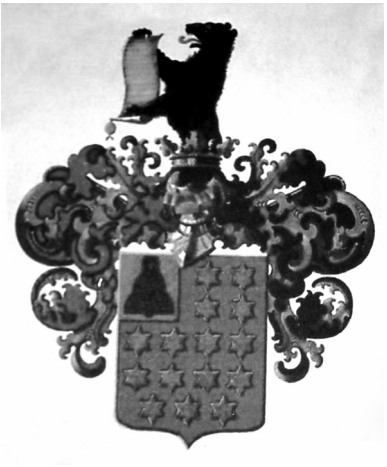
---

[16] Русский биографический словарь / изд. под наблюдением … А. А. Половцова. СПб., 1897. [Т. 8] : Ибак — Ключарев. С. 535–536.

[17] РГИА. Ф. 1343. Оп. 49. Д. 752 (Дело об изготовлении диплома на герб Анне Тимофеевне Карповой, 14 июля 1900 – 10 апреля 1901). Л. 4–6.

Описание проекта герба рода дворян Карповых: «…в лазуревом щите, 15 золотых звезд, расположенных в пять рядов (2–2–4–4–3). В вольной золотой части щита черный церковный колокол с золотыми украшениями. Щит увенчан Дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: выходящий черный медведь с червлеными глазами и языком, держащий в лапах серебряную хартию, с привешенной к ней червленою печатью. Намет справа лазуревый с золотом, слева — черный с золотом (рисовал А. Трамбицкий)»[18]. «Количество звезд в гербе 15 — соответствует количеству детей А. Т. Карповой. Диплом на дворянское достоинство с гербом был Высочайше подписан 21 марта 1901 г. и копии с него 17 января 1902 г выданы Анне Тимофеевне и детям»[19].

Г. Ф. Карпов с супругой А. Т. Морозовой



Герб Г. Ф. Карпова

Анна Тимофеевна происходила из купеческого рода Морозовых, родоначальником считается крестьянин Василий помещика Рюмина. Его сын Савва (1770–1860) в 1820 г. откупился от помещика и занялся купеческой деятельностью, получил звание потомственного почетного гражданина как Покровский 1-й гильдии купец. В супружестве с Ульяной Афанасьевной прожил 63 года, оба похоронены на Рогожском кладбище в Москве.

Тимофей Саввич Морозов (1823–1889), крупный предприниматель, дослужился до звания мануфактур-советника и стал владельцем Никольской

[18] Там же. Л. 8.
[19] Там же. Л. 21–22.

мануфактуры. От супруги Марии Федоровны Симоновой имел восемь детей. Заметный вклад в развитии промышленности и торговли в России внес Савва Тимофеевич Морозов (1851–1905), а его сестра Анна Тимофеевна, оставшись вдовой, воспитала детей: Елену, Георгия, Анну, **Наталью,** Федора, Алевтину, Варвару, **Марию**, Александру, Ольгу, Геннадия, Зинаиду, **Клавдию,** Тимофея, один ребенок скончался в детстве.

В семье **Федора Геннадиевича Карпова** были дети: Андрей, Давид и Мария. **Мария Федоровна** Карпова (1910–1998) была замужем за князем **Григорием Борисовичем Гагариным** (1908–1993), сыном генерал-майора князя Бориса Владимировича Гагарина (род ведется от Рюрика), героя Первой мировой войны, награжденного орденом Св. Георгия 4-го класса и Золотым Георгиевским оружием. Их сын, **Григорий Григорьевич Гагарин** (род. 1945), и Мария Федоровна переехали в СССР, в г. Троицк Челябинской области. 31 мая 2008 г. князь Григорий Гагарин был избран Предводителем Российского Дворянского Собрания[20].

Марина Геннадиевна Смольянинова
в усыпальнице Морозовых

Могила А. Т. Карповой
(Морозовой)

[20] Князья Гагарины // Дворянский календарь : справ. родословная книга российского дворянства / отв. ред. А. А. Шумков. Тетр. 16. М. : Старая Басманная, 2011. С. 102.

Могила М. Г. Смольяниновой (Карповой)

Родная сестра Натальи Карповой — Клавдия Карпова (1882–1976) была замужем с 4 апреля 1905 г. за помещиком села Красильники Рязанской губернии Б. С. Головниным (1879–1920), боевым офицером, погибшим в войсках Колчака в боях под Читой.

Б. С. Головнин

К. Г. Карпова

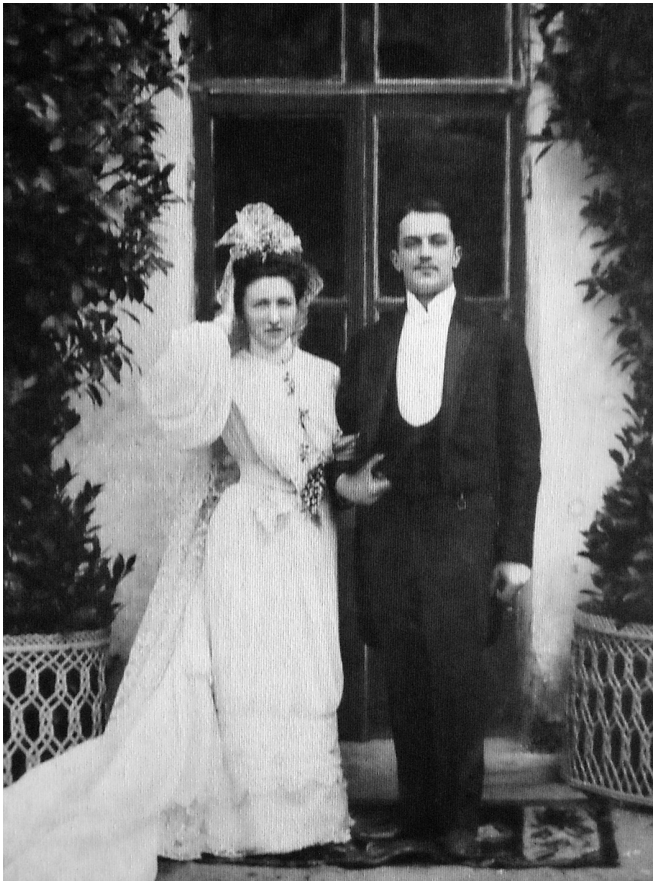
Герб рода Головниных

Борис Сергеевич Головнин (1878–1920) причислен к дворянскому роду отца 20 сентября 1886 г. с братьями Петром, Николаем, Дмитрием, сестрой Александрой и внесен в часть 6 Дворянской родословной книги Рязанской губернии. 12 января 1911 г. и Клавдия была причислена к роду мужа. По родословной своей матери, Елены Константиновны Смольяниновой, Борис Головнин — 33-е поколение от Рюрика через князей Смоленских и бояр Заболоцких[21], а по линии своей бабушки — Екатерины Васильевны Вердеревской, супруги Вукола Григорьевича Головнина, Борис Головнин — 23-е поколение от Рязанской княжны Анастасии и ее мужа татарского князя Салахмира[22].

---

[21] *Смольянинов-второй В. Н.* Родословная рода Смольяниновых. Ветви Рязанская и Костромская. СПб., 1901. С. 1–22.

[22] Вердеревские // *Рындин И. Ж.* Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 10 : Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Вып. 2 : Вагины — Гюллинги. Рязань, 2007. С. 64–88.



А. Н. Смольянинов с супругой М. Г. Карповой

Алексей Николаевич Смольянинов (1879–1932), предводитель дворянства Спасского уезда Рязанской губернии, был женат на Марии Геннадиевне Карповой (1879–1961), и у них были дети: Антонина (1910–1921), Геннадий (1908–1938), Александр (1906–1967), Николай (1904–1979). А. Н. Смольянинов происходил из древнего рода Смольяниновых, бояр Заболоцких, князей Смоленских и Рюрика. Внучка Алексея Николаевича — Марина Геннадиевна Смольянинова, кандидат филологических наук, крупный специалист по славянской литературе. Марина Смольянинова только в 2006 г. смогла опубликовать статью о трагической судьбе своего отца и деда: «Как “красное колесо” прокатилось по судьбам ученых Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР» в книге

«Деятели славянской культуры в неволе и о неволе. XX век» (М., 2006). Только из этой статьи и личных воспоминаний Марины Геннадиевны удается узнать о судьбе ее отца. «В 1921 г. мальчиком Гена Смольянинов вместе с сестрой Тоней попал в детдом, поскольку его отец — Алексей Николаевич Смольянинов был арестован и приговорен ОГПУ к пожизненному заключению. В детдоме умерла сестренка. Отец умер в ссылке в городе Каган в 1932 г. и был реабилитирован посмертно в 1998 г. <…> В Институте мировой литературы работали мои родители. Геннадий Алексеевич Смольянинов был приглашен в Институт в 1935 г. на должность старшего научного сотрудника, занимался выявлением и приобретением автографов Блока, Чехова, Белого, Короленко и других русских писателей. Разыскивались и сосредотачивались в отделах Института материалы А. М. Горького и о нем. Геннадий Алексеевич успел опубликовать несколько статей о творчестве Горького, Толстого, Чехова. В 1937 г. Г. А. Смольянинов много сил и времени отдавал созданию Музея А. М. Горького, и 1 ноября музей был открыт, а 27 октября 1937 г. он был арестован органами НКВД. 19 марта 1938 г. состоялось закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР, и в надуманном приговоре указано: “Предварительным и судебным следствием установлено, что Смольянинов с 1936 г. являлся участником контрреволюционной троцкистской террористической группы, а также распространял фашистскую программу так называемых «евразийцев»…” <…> и приговорила к расстрелу с конфискаций лично ему принадлежащего имущества. В этот же день Г. А. Смольянинов был расстрелян. Судьба его супруги была не менее трагичной. В 1940 г. Милица Павлиновна поступила в аспирантуру ИМЛИ, а 6 февраля 1942 г. была арестована в Ташкенте, куда эвакуировали Институт, полтора года пробыла в тюрьме, где заболела туберкулезом и цингой. В 1943 г., после освобождения, ее восстановили в Институте, и Малица Павлиновна продолжала работать, воспитывать дочь, внучку и правнуков!»[23]

Статс-секретарь, российский государственный деятель, гофмейстер высочайшего двора Александр Васильевич Кривошеин (1857–1921) сыграл важную роль в истории России. Его отец, бывший крепостной, дослужился до подполковника артиллерии, а мать была из польского дворянского рода Яшинских. Александр Васильевич женился на Елене Геннадиевне Карповой (1871–1942) и имел детей: Василия (19.10.1893–?), Олега (21.12.1894–?), Игоря (9.02.1899–?), Всеволода (17.07.1900–1985), усыновленную по определению Санкт-Петербургского окружного суда 20 декабря 1891 г. дочь Ирину (26.10.1888–?), Кирилла (19.04.1904–?). 14 июня 1917 г.

---

[23] *Смольянинова М. Г.* Семейный корабль // Дедушка, Grand-pere, Grandfather… : Воспоминания внуков и внучек о дедушках, знаменитых и не очень… : сборник. М., 2011. С. 198–223.

А. В. Кривошеин обращается к Председателю Временного правительства: «…в виду расстроенного здоровья, имею честь просить Временное правительство об увольнении меня от службы с назначением пенсии из средств Государственного казначейства»[24].

Александр Васильевич получил ответ 8 сентября 1917 г.: «…считаю долгом уведомить, что с моей стороны не встречается препятствий к представлению на разрешение Временного Правительства о назначении, по соображению с бывшими примерами, члену Государственного Совета Кривошеину, при отставке, за 33 года беспорочной службы, назначить Вам пенсию из казны по 7000 рублей в год»[25]. В Петрограде произошел переворот, и газеты опубликовали постановления: «Выписка из газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства от 15 декабря 1917 г. № 33. Извлечение из декрета об упразднении Государственного Совета. Совет Народных комиссаров постановляет: 1 — упразднить Государственный Совет, 2 — всех членов Государственного Совета по назначению, оставленных Временным Правительством за штатом, считать уволенными с 25 октября 1917 г.»[26]. 14 марта 1918 г. Александр Васильевич получает свидетельство: «…дано сие от Государственной Канцелярии бывшему члену Государственного Совета Александру Васильевичу Кривошеину в том, что он, по званию члена Государственного Совета, получал 18 000 рублей в год; отставлен за штатом с 1 мая 1917 г., и уволен от службы 25 октября 1917 г. с предоставлением ему права возбудить в установленном порядке ходатайство о назначении пенсии; женат, имеет двух совершеннолетних и трех несовершеннолетних детей. Выдано для представления в учреждения. Управляющий делами Государственной Канцелярии князь Лыщенский-Троекуров»[27]. А. В. Кривошеин предпочел не связываться с рабоче-крестьянским правительством и с семьей перебрался во Францию.

Николай Петрович Лихачев родился в г. Чистополе Казанской губернии, в дворянской семье. Окончил с золотой медалью гимназию в Казани (1880), дружил с будущим профессором В. Ф. Залеским, одним из лидеров казанских черносотенцев. Также окончил историко-филологический факультет Казанского университета (1884), оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории. Получил степень магистра русской истории за диссертацию «Разрядные дьяки XVI в.» (1889), докторская диссертация «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве» (1892). С 1892 г. преподавал

[24] РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 12851 (Дело о дворянстве рода Кривошеиных, 1915). Л. 119.

[25] Там же. Л. 123.

[26] Там же. Л. 124.

[27] Там же. Л. 125.

русскую дипломатику в Санкт-Петербургском археологическом институте, избран членом Археографической комиссии; член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии наук (1901) по разряду историко-политических наук; с 1902 по 1914 г. — помощник директора ИПБ.

С 1914 г. — член Совета Министерства народного просвещения. Автор более 200 научных трудов. Занимался изучением русского иконописания, истории дворянского родословия, государственных учреждений и приказного делопроизводства в России XV–XVII вв., разработал целые направления вспомогательных исторических дисциплин (дипломатика, палеография, сфрагистика и др.). Собрал уникальную коллекцию икон, которую передал в собственность Русскому музею императора Александра III. Награжден орденами Св. Владимира 3-й и 4-й степеней, Св. Станислава 1-й степени, крестом кавалеров Св. Гроба Господня и др. Профессор Лихачев не скрывал своих монархических убеждений. Он состоял членом консервативного Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III, был председателем Комиссии о дворянских архивах Совета Объединенного дворянства. Стоял у истоков право-монархического движения в России, был одним из 40 членов — учредителей Русского Собрания, хотя участия в партийной деятельности не принимал. В 1907 г. выдвигался кандидатом в депутаты Государственной Думы по Петербургу от Союза русского народа. После 1917 г. остался в России. Свои коллекции, оказавшиеся в ходе революции под угрозой уничтожения, ему удалось присоединить в качестве Палеографического кабинета к Петроградскому археологическому институту, преобразованному затем в Археологическое отделение Петроградского университета. Продолжал преподавание в Археологическом институте до 1925 г. В 1919–1929 гг. — сотрудник ГАИМК. В августе 1925 г. избран действительным членом АН СССР по отделению исторических наук и филологии, назначен директором Музея палеографии АН СССР (образован из Палеографического кабинета). В январе 1930 г. арестован по «делу Академии наук», обвинен как один из создателей контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», ставившей целью свержение советской власти и установление конституционно-монархического строя. Виновным себя не признал, но постановлением Коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г. выслан на пять лет в Астрахань. Еще до вынесения приговора 2 февраля 1931 г. чрезвычайное общее собрание АН СССР исключило Лихачева вместе с академиками С. Ф. Платоновым, Е. В. Тарле и М. К. Любавским из числа действительных членов Академии наук. Личное имущество Лихачева было разграблено, рукописями завладел новый директор музея (переименованного в Музей книги, документа и письма), бывший ученик Лихачева, академик А. С. Орлов. 13 августа 1933 г. тяжело больному Лихачеву разрешено

было вернуться «для производства операции» в Ленинград, но на работу в созданный им Институт он не был принят даже на должность рядового сотрудника. Оказавшись в положении иждивенца своей дочери, много месяцев не получал даже хлебной карточки. Все попытки формально восстановить свою квалификацию научного работника ни к чему не привели. На пенсию, как «привлекавшийся» по 58-й статье, прав не имел. С декабря 1935 г. был прикован болезнью к постели. Скончался от гангрены, последовавшей за ампутацией ноги. Николай Петрович похоронен на Смоленском православном кладбище в Санкт-Петербурге. Реабилитирован 20 июля 1967 г. Восстановлен в Академии наук постановлением Президиума АН СССР от 5 апреля 1968 г.

Особняк Н. П. Лихачева

Мемориальная доска Н. П. Лихачеву на фасаде особняка

С 1966 г. в особняке Н. П. Лихачева размещается ЛОИИ АН СССР (ныне СПбИИ РАН). Благодарные сотрудники Института сохранили мебель Лихачева, его коллекции книг, рукописи, семейные фотографии. В 1973 г. на фасаде особняка была торжественно открыта мемориальная доска (архитектор В. В. Исаева) с надписью: «В этом доме с 1902 по 1936 г. жил и работал выдающий историк академик Николай Петрович Лихачев»; 16 октября 2003 г. на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга на могиле Н. П. Лихачева был установлен памятник.

Сотрудники СПбИИ РАН и Государственного Эрмитажа
у могилы Н. П. Лихачева, май 2012

Поэт Николай Заболоцкий написал в своем «Завещании»:

О, я недаром в этом мире жил!
И сладко мне стремиться из потемок,
Чтоб, взяв меня в ладонь, ты,
Дальний, мой потомок,
Доделал то, что я не довершил[28].

[28] З*аболоцкий Н.* Стихотворения. Поэмы. М., 2008. С. 159. (Б-ка всемирной лит.).

SUMMARY

In this article adduce a different genealogical trees relative relations of N. P. Likchachev's family with a noble kins of Karpovs, Morozovs, Kochins, Ragozins, Zelenyas, Novosilchevs, Golovnins, Smolijaninovs, Verderevsky, Apraksins, princes of Mechersky and Smolensky, Malachkins, Vagners, Tutchevs, Puchins, von Steingels — from the ancestors for the our time of the archive and literary materials.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

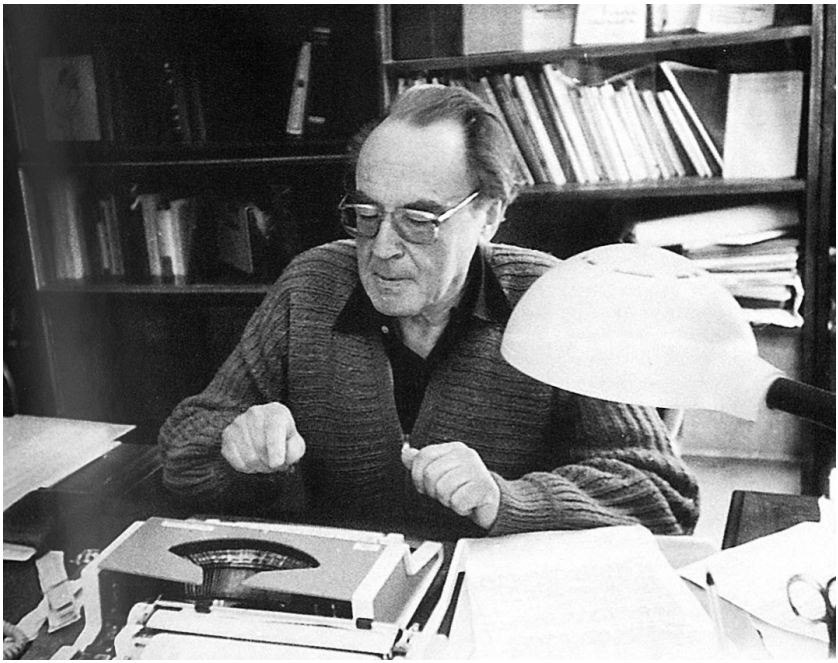
Лихачев, история, родословная, архив, дворянин, семья, генеалогия, род, поколение.

KEY WORDS

Likchachev, history, genealogical tree, relative, archives, family, nobleman, kin, generation.

IV

ПАМЯТИ СИГУРДА ОТТОВИЧА ШМИДТА
(15 апреля 1922 – 22 мая 2013)



22 мая 2013 г. из Москвы пришла грустная весть: не стало Сигурда Оттовича Шмидта, выдающегося ученого отечественной историко-филологической науки, академика Российской академии образования, почетного председателя Археографической комиссии РАН, члена редколлегии издания «Вспомогательные исторические дисциплины». Осознать это трудно…

Сигурд Оттович вошел в состав редколлегии «Вспомогательных исторических дисциплин» не сразу после основания издания в 60-е гг. XX в. Вероятно, после смерти в 1965 г. своего учителя, академика М. Н. Тихомирова, председателя Археографической комиссии АН СССР с 1956 г., и скоропостижной смерти его преемника на этом поприще, члена-корреспондента В. И. Шумкова, С. О. Шмидт должен был сосредоточиться на проблемах комиссии, которую ему предложили тогда возглавить. Необходимо было продолжать все научные направления деятельности комиссии: археографические, экспедиционные и камеральные изыскания и обработку памятников письменности, подготовку «Сводного каталога» славяно-русских рукописных книг, хранящихся в нашей стране, издание текстов памятников и многое другое. В 1960–70-х гг. археографическая деятельность была особенно успешна: в Сибири, на Урале, на Русском Севере. И в этом была несомненная заслуга Археографической комиссии, которая осуществляла сложную координацию маршрутов и действий участников экспедиций, среди которых были сотрудники академических институтов, аспиранты, преподаватели и студенты университетов. Именно тогда о. Иннокентий Просвирнин впервые, после долгого многолетнего перерыва, при поддержке Археографической комиссии отправился на Св. Гору Афон, чтобы продолжить научное копирование и описание рукописей монастыря Св. Пантелеймона, которое было завещано нам еще учеными России XIX – начала XX в.

Членом редколлегии «Вспомогательных исторических дисциплин» С. О. Шмидт стал уже после смерти первого редактора издания С. Н. Валка (†1975). Как глава Археографической комиссии Сигурд Оттович уделял много внимания и нашему сборнику, который являлся изданием Санкт-Петербургского отделения Археографической комиссии (тогда Ленинградского отделения Археографической комиссии АН СССР) и СПбИИ РАН (тогда ЛОИИ СССР АН СССР). Он очень тактично придерживался разделения сфер научных интересов продолжающихся изданий Археографической комиссии, выходивших тогда в Москве и Ленинграде: «Археографического ежегодника», ответственным редактором которого он был, и «Вспомогательных исторических дисциплин».

Из устной традиции, передаваемой им и другими членами Археографической комиссии, известно, что М. Н. Тихомиров и С. Н. Валк считали нужным подчеркивать и соблюдать особенности жанров «Археографического ежегодника» и «Вспомогательных исторических дисциплин» (первый том «Вспомогательных исторических дисциплин» вышел в 1968 г., уже после смерти М. Н. Тихомирова). В сборнике «Вспомогательные исторические дисциплины» не должны были публиковаться рецензии, хроника археографических событий и небольшие по объему тексты источников. Последний принцип был несколько нарушен в период перестройки в отношении эпистолярного наследия и неизвестных ранее

документов малого объема в связи с открытием многих фондов отечественных архивов, прежде не доступных или малодоступных исследователям. Традиции, заложенные М. Н. Тихомировым и С. Н. Валком, неукоснительно соблюдались всеми последующими ответственными редакторами издания: Н. Е. Носовым, членом-корреспондентом РАН В. А. Шишкиным, В. Н. Плешковым, а также всеми членами редколлегии.

Сигурд Оттович, несмотря на свою постоянную занятость, обширную, научную и педагогическую деятельность, никогда не отказывал в консультации и помощи в осуществлении издания нашего сборника. По возможности члены редколлегии собирались во главе с ответственным редактором и решали спорные вопросы очередного тома; многие члены редколлегии не были петербуржцами, связь с ними осуществлялась главным образом по телефону, а в последние годы через факс и электронную почту.

Сигурд Оттович ни разу не воспользовался особым правом печатания в сборнике своих статей. Только две его работы напечатаны во «Вспомогательных исторических дисциплинах»: «О классификации исторических источников» (Л., 1985. Т. 16. С. 3–24) и «К 60-летию со дня кончины академика Н. П. Лихачева (об изданиях последних лет)» (СПб., 1998. Т. 26. С. 11–18). Обе статьи — основополагающие для исторической науки, особенно для развития современного комплексного источниковедения. В первой статье с большой тщательностью рассмотрены проблемы разнохарактерности исторических источников, критерии отбора и даже проблемы круга будущих потенциальных исторических источников, связанных с развитием физических и естественных наук. Статья остается крайне важной в изучении историографии вспомогательных исторических дисциплин, хотя в ней присутствуют философские и идеологические установки эпохи социализма, без которых в те годы трудно было обойтись. Во второй статье подведены итоги эдиционной археографии, связанной с трудами академика Н. П. Лихачева, который стоял у истоков зарождения вспомогательных исторических дисциплин в России.

Нельзя не вспомнить и о том, что Сигурд Оттович всегда отдавал много сил организации памятных заседаний и конференций. Это были заседания, которые проходили в стенах Пушкинского Дома, Библиотеки Академии наук, Российской национальной библиотеки, Института восточных рукописей, Эрмитажа, Государственного университета и нашего Института, посвященные юбилеям академика А. А. Шахматова, академика С. Ф. Платонова, Археографической комиссии (еще дореволюционной, связанной с именем П. М. Строева и другими выдающимися собирателями и учеными); несколько заседаний памяти С. Н. Валка; конференция, посвященная 140-летию Н. П. Лихачева и 100-летию его Дома, в котором размещались редкие коллекции иконографии и письменности и др. А сколько состоялось

заседаний, посвященных изданиям и описаниям рукописей, связанных с деятельностью Археографической комиссии, Международного центра информации об источниках по истории Балкан при ЮНЕСКО (СИБАЛ), которые проходили в Ленинграде, Москве, Новосибирске! Они привлекали исследователей разных поколений, стремящихся услышать доклады многих известных отечественных и зарубежных ученых и выступления Сигурда Оттовича, отличавшиеся удивительной эрудицией, темпераментом и конструктивными планами будущих направлений исследований, которые со временем выполнялись.

Сигурд Оттович очень любил особняк Н. П. Лихачева, неоднократно повторял, что сотрудники СПбИИ РАН — счастливые ученые, поскольку работают в Доме, где хранились и хранятся архивные документы и письменные памятники (дом построен был не только для большой семьи Н. П. Лихачева, но и для сохранения его уникальных коллекций и редких книг). Этот Дом — история государства, науки, города, семьи.

Сигурд Оттович был и активным помощником во многих наших не только редакционных, но и институтских начинаниях. С ним можно было обсудить вопросы содержания будущих томов издания, темы ученых советов, посвященных памятным датам, программы научных конференций. Его помощь в подготовке конференции 2002 г., связанной с памятной датой Н. П. Лихачева, заслуживает особого внимания. В течение двух лет шла подготовка к ней, и все это время Сигурд Оттович вместе с другими учеными старшего поколения Института выслушивал все возникавшие проблемы, помогал, направлял, смягчал эмоции. Он очень переживал, что Ольга Петровна Лихачева, в те годы сотрудница РНБ, выдающийся славист XX в., внучка Н. П. Лихачева, тяжело заболела и не смогла участвовать в конференции с докладом. До последнего дня, до самого начала заседания Сигурд Оттович надеялся, что она сможет посетить Дом на Петрозаводской. После окончания научных заседаний, во время последнего вечернего чая, Сигурд Оттович поднял вопрос об издании собрания сочинений Н. П. Лихачева и будущем 150-летии ученого.

За несколько дней до смерти Сигурда Оттовича у меня с ним был последний телефонный разговор. В институте должны были состояться выборы директора, и в Петербург должен был приехать академик В. А. Тишков, в то время заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН. Члены редколлегии решили обратиться к нему за поддержкой финансирования издания «Вспомогательные исторические дисциплины», наряду с другими, продолжающимися изданиями Отделения через РГНФ и, возможно, через Президиум РАН. Сигурд Оттович горячо поддержал наше пожелание, но уже не узнал о результатах состоявшегося разговора. Теперь вопрос о традициях подобного рода изданий

зависит от судьбы Академии наук, ее существования в современном обществе, в нашем государстве и мире.

Эти краткие воспоминания, надеюсь, подвигнут историков, филологов и других ученых написать большой труд, посвященный памяти Сигурда Оттовича Шмидта, сделавшего так много доброго для своих предшественников, учителей, учеников, коллег и бесконечно любившего две столицы — Петербург и Москву — и их историю.

Ответственный секретарь редколлегии
издания «Вспомогательные
исторические дисциплины»
Е. К. Пиотровская

СПИСОК АВТОРОВ СТАТЕЙ Т. XXXII «ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ»

Авилушкина Л. Т., Санкт-Петербургская государственная академия театрального искусства

Агишев С. Ю., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Ананьев В. Г., Санкт-Петербургский государственный университет

Воробьев Г. М., Санкт-Петербургского государственного университета

Вялова С. О., Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

Галынина И. О., Фрайбургский университет (Германия)

Головнин П. А., Ассоциация «Русско-японский центр по науке и культуре»

Гордеев П. Н., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Груздева Е. Н., Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Грушевой А. Г., Институт восточных рукописей РАН

Данченко В. Г., Государственный Эрмитаж

Казбекова Е. В., Институт всеобщей истории РАН

Касатов А. А., Санкт-Петербургский институт истории РАН

Крылова Ю. П., Институт всеобщей истории РАН

Логутова М. Г., Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

Майоров А. В., Санкт-Петербургский государственный университет

Маштакова А. Г., Санкт-Петербургский государственный университет

Микулин Н. Б., Государственный научно-исследовательский и конструкторско-технологический институт «ТЕСТ»

Носова Е. И., Санкт-Петербургский институт истории РАН

Питулько Г. Н., Библиотека Российской академии наук

Пономарева И. Г., Московский государственный лингвистический университет

Рогачевский А. Л., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Таценко Т. Н., Санкт-Петербургский институт истории РАН

Чиркова А. В., Санкт-Петербургский институт истории РАН

Шамаро П. Ю., Санкт-Петербургский институт истории РАН

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архив СПбИИ РАН	— Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН
БАН	— Библиотека Российской академии наук
ВВ	— Византийский временник
ВИД	— Вспомогательные исторические дисциплины
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры (в наст. время — Институт истории материальной культуры РАН)
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГПБ	— Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (в наст. время — Российская национальная библиотека)
ЗЕС	— Западноевропейская секция
ИВИ РАН	— Институт всеобщей истории РАН
ИПБ	— Императорская публичная библиотека (в наст. время — Российская национальная библиотека)
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
ЛОИИ	— Ленинградское отделение института истории (в наст. время — Санкт-Петербургский институт истории РАН)

МГАМИД	— Московский главный архив Министерства иностранных дел
ОЛДП	— Общество любителей древней письменности
ОПИ ГИМ	— Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОР РНБ	— Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПС	— Палестинский сборник
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
ППС	— Православный Палестинский сборник
РАН	— Российская академия наук
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РГА ВМФ	— Российский государственный архив Военно-Морского Флота
РГИА	— Российский государственный исторический архив
РГНФ	— Российский гуманитарный научный фонд
РИО	— Русское историческое общество
РНБ	— Российская национальная библиотека
СВ	— Средние века
СПбИИ РАН	— Санкт-Петербургский институт истории РАН
СПФ АРАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
ЦГИА СПб	— Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

ADB	— Allgemeine Deutsche Biographie
ANVAO II HF K	— Avhandlinger utg. av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo. II. Historisk-Filosofiske Klasse
BL	— British Library
BNF	— Bibliotheque nationale de France (Национальная библиотека Франции)

BSB	— Bayerische Staatsbibliothek
CCCM	— Corpus Christianorum Continuatio Mediaevalis
CDS	— Chroniken der deutschen Städte
CM	— Collegium Medievale
DBL	— Dansk biografisk lexikon
Kgl. BK	— Det Kongelige Bibliotek
MGDVEE	— Marquardi Gudii Et Doctorum Virorum Ad Eum Epistolae
MGH	— Monumenta Germaniae Historica
MHN LKNHM	— Monumenta Historica Norvegiæ: Latinske kildeskrifter til Norges historie i middelalderen
PG	— Patrologia cursus completus. Series Graeca / ed. J.-P. Migne. Paris, 1850–1887
PL	— Patrologia cursus completus. Series Latina / ed. J.-P. Migne. Paris, 1878–1890
SBAW PHA	— Sigzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Abteilung
SBB-PK, SPK	— Staatsbibliothek zu Berlin — Preußischer Kulturbesitz
SB ÖAW	— Sitzungsberichte der Österreichischen Akademie der Wissenschaften
SMHDMÆ	— Scriptores Minores Historiæ Danicæ Medii Ævi
SO	— Symbolae Osloenses
SRDMÆ	— Scriptores Rerum Danicarum Mædii Ævi
TM HARN	— *Theodoricus Monachus*. Historia de antiquitate regum Norwagiensium
UUB	— Uppsala Universitets Biblioteket

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии 5

I

И. О. Галынина. О прологе Августина (*c. Faust.* XX, 21) в исторических мартирологах 9

Е. В. Казбекова. К вопросу о предполагаемых стихотворных и ритмизированных вставках в «Getica» Иордана (Критика гипотез П. В. Шувалова) 47

П. Ю. Шамаро. Античные истоки суждений о значении письменного документа в раннесредневековых грамотах Южной Франции 89

С. Ю. Агишев. К вопросу об изучении археографической традиции «Истории о древних норвежских королях» Теодорика Монаха 112

А. А. Касатов. Купчая в пользу приората Св. Марии Магдалины Бреттонской в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН 148

Г. М. Воробьев. К истории грамматики Мануила Мосхопула из библиотеки Франческо Барбаро в собрании Санкт-Петербургского института истории РАН 177

М. Г. Логутова. «Ama nesciri». Реконструкция автобиографии Фомы Кемпийского по его историческим сочинениям 191

Е. Ю. Носова. Неизвестный автограф Карла Смелого из Архива Санкт-Петербургского института истории РАН 218

Ю. П. Крылова. Книги французского придворного Риго д'Урейя (О реконструкции частной библиотеки позднего Средневековья) 226

Т. Н. Таценко. Грамоты и письма XVI в. ландграфов Гессенских в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН. К истории немецкого территориального государства 241

А. Л. Рогачевский. Прибалтийские юридические памятники XVI–XVIII вв. в рукописном собрании Библиотеки Российской академии наук 271

А. В. Чиркова. К истории изучения документов папской канцелярии в России (XIX–XX вв.) 294

II

А. Г. Маштакова. Салим и Иерусалим: традиция отождествления 321

Л. Т. Авилушкина. К изучению предполагаемых источников первого издания греческого текста Хроники Михаила Глики. Берлинский кодекс — Berolinensis gr. 235 331

А. В. Майоров. Известие Николо де Кальви о коронации Даниила Галицкого 337

И. Г. Пономарева. Редакции Духовной грамоты митрополита Фотия 344

Н. Б. Микулин. Посольство Григория Ивановича Микулина в Англию в 1600–1601 гг. 352

Г. Н. Питулько. Архивная опись книжного собрания Ферфаксов как источник изучения английской истории XVII–XVIII вв. 360

В. Г. Данченко. Государственная и ведомственная символика в обиходе русского флота XVIII в. 399

П. Н. Гордеев. Частная переписка П. М. Волконского и А. А. Закревского как источник по истории России первой половины XIX в. 407

С. О. Вялова. Дело о приобретении Российской национальной библиотекой коллекции рукописей епископа Порфирия (к 210-летию со дня рождения) 420

Е. Н. Груздева. Анна Владимировна Пруссак — источниковед и ученый петербургской исторической школы начала XX в. (материалы к биографии) 447

А. Г. Грушевой. Императорское Православное Палестинское Общество. Обзор истории до 1917 г. 472

В. Г. Ананьев. Музееведение в преподавательской деятельности. Л. А. Мацулевича: по материалам фонда ученого 498

III

П. А. Головнин. Дворянский род Лихачевых в истории России. К 150-летию со дня рождения академика Н. П. Лихачева 511

IV

Памяти Сигурда Оттовича Шмидта 543

Список авторов статей т. XXXII «Вспомогательные исторические дисциплины» 548

Список сокращений 550

CONTENTS

From the Editorial Board 5

I

Galynina I. O. The Prologue of Augustine (*c. Faust*. XX, 21) in the historical Martyrologies 9

Kazbekova E. V. On hypothetical rhythmical fragments in Iordanes Getica (Critique of P. Shuvalov hypothesis) 47

Shamaro P. Ju. Antique origins of the importance of written sources in early Medieval documents in Southern France 89

Agishev S. Ju. On archaeographical manuscript tradition of «The ancient history of Norwegian kings» by Theodoricus Monachus 112

Kasatov A. A. The deed of conveyance on behalf of St. Mary-Magdalene Breton Priory (Yorkshire) in the Archives of St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences 148

Vorobyev G. M. On the history of the Greek grammar by Manuel Moschopoulos from Francesco Barbaro library in the Archives of St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences 177

Logutova M. G. «Ama nesciri». The reconstruction of the autobiography of Thomas à Kempis according to his historical works 191

Nosova E. I. The unknown autograph of Charles the Bold in the Archives of Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences 218

Krylova Ju. P. Books of the French Courtier Rigault d'Oureille (On Reconstruction of a Private Library of the late Middle Ages) 226

Tatsenko T. N. Charters and letters of Landgraven of Hessen of the 16th century in the Archives of St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences. To the history of the German territorial state 241

Rogachevsky A. L. Baltic juridical documents of the 16th–17th centuries in the Manuscripts Collection of the Library of the Russian Academy of Sciences..... 271

Chirkova A. V. Papal Chancery Documents in the Studies of Russian Scholars in the 19th and 20th Centuries 294

II

Mashtakova A. G. Salem and Jerusalem: identification tradition 321

Avilushkina L. T. On probable sources of the First Greek Edition of Michael Glycas Chronicle. The codex Berolinensis gr. 235 ... 331

Majorov F. V. Nicolo da Calvi notification on the coronation of Daniel Galicki..... 337

Ponomareva I. G. Testament charter of Metropolitan Photie: different text versions..... 344

Mikulin N. B. The embassy of Grigory Ivanovich Mikulin to England in 1600–1601 352

Pitulko G. N. Catalogue of the Fairfax library as a source of research on the history of England of the 17th–18th centuries 360

Danchenko V. G. The state and maritime symbols in everyday life of the Russian Navy of the 18th century 399

Gordeev P. N. The private correspondence of P. M. Volkonsky and A. A. Zakrevsky as a source of historical research of the Russian Empire in the first half of the 19th century..... 407

Vialova S. J. The case of acquisition of Bishop Porphyrius manuscripts collection for the Russian National Library 420

Gruzdeva E. N. Anna Vladimirovna Prussak — Source studies researcher of the St. Petersburg historical school (material for the biography) 447

Grouchevoy A. G. The Imperial Orthodoxy Palestine Society. Review up to 1917 472

Ananiev V. G. Museum studies in the teaching activity of L. A. Mazulevich: based on the materials of the scientist's fund 498

III

Golovin P. A. The noble family of Likhachev in the history of Russia. Towards the 150th anniversary of Academician N. P. Likhachev 511

IV

In Memory of S. O. Shmidt 543

The List of authors 548

The List of abbreviations 550

Научное издание

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Т. XXXII

Утверждено к печати
Санкт-Петербургским институтом истории
Российской академии наук

Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию» книга предназначена «для детей старше 16 лет».

Редактор *С. И. Зубкова*
Корректор *С. И. Зубкова*
Компьютерная верстка *Е. М. Криворучко*
Художник *А. П. Бакланова*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93;
95 3001 — книги, 95 3150 — литература по истории
и историческим наукам

Подписано в печать 20.09.2013
Формат 60 × 90 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Times
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 31,0. Усл.-печ. л. 35,0.
Тираж 500 экз. (300 экз. — РГНФ) Заказ

Заказы присылать по адресу:
«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
197198, С.-Петербург, ул. Петрозаводская, 9, лит. А, пом. 1Н
Телефон/факс: (812) 230-97-87
sales@dbulanin.ru (отдел реализации)
postbook@dbulanin.ru (книга-почтой)
redaktor@dbulanin.ru (издательский отдел)
http://www.dbulanin.ru

ISBN: 978-5-86007-740-9

9 785860 077409